

ΔX
5027

X, 13.

Н. КАРЪЕВЪ.

МОНАРХІИ
ДРЕВНЯГО ВОСТОКА
и
ГРЕКО-РИМСКАГО МІРА.

ОЧЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ
ДРЕВНЯГО МІРА ПОДЪ ГОСПОДСТВОМЪ УНИВЕРСАЛЬНЫХЪ МОНАРХІИ.

В. Фурсенъ.

СЪ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

1904

2X
5027

2338

Сверено
1991 г.

32 ⁶/₉₁

КНИЖ. СЛ. АН. ССР
Гос. центр. науч.-техн.
библиотека

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ „Государство-городъ античнаго міра“, работа, изданная мною весною 1903 г., такъ и настоящая книга является воспроизведеніемъ курса, читаннаго на экономическомъ отдѣленіи С.-Петербургскаго Политехническаго Института и опять, какъ и прежній курсъ, студентамъ перваго года. Въ предисловіи къ „Государству-городу“ я объяснилъ, почему именно я придалъ своему курсу типологической характеръ и съ какою цѣлью издалъ его въ свѣтъ. По второму пункту мнѣ нечего распространяться: что подобные обзоры нужны для учащейся молодежи и особенно для той ея части, которая въ цѣляхъ самообразованія обращается къ историческому чтенію, это доказывается тѣмъ, что „Государство-городъ“ нашло читателей въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ я могъ ожидать, печатаая названную книгу, а я именно и имѣлъ въ виду цѣли самообразованія учащейся молодежи.

По первому пункту считаю нужнымъ воспроизвести ту часть предисловія къ „Государству-городу“, въ которой было резюмировано содержаніе одной изъ моихъ вступительныхъ лекцій въ Политехническомъ Институтѣ, посвященныхъ выясненію вопроса, въ чемъ заключаются задачи исторической науки и могутъ заключаться задачи историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а въ

частности въ учебномъ заведеніи такого типа, какъ новый Политехникумъ съ его экономическимъ отдѣленіемъ.

„Разсматривая задачи исторической науки въ ихъ современномъ пониманіи, я, конечно, не могъ не коснуться вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между этою наукою, съ одной стороны, и социологіей, съ другой. Я именно указывалъ на то, что исторія занимается изученіемъ *отдѣльныхъ конкретныхъ обществъ*, тогда какъ социологія изучаетъ *общество вообще*, или, говоря другими словами, общество, взятое *отвлеченно*. Развивъ эту мысль въ подробностяхъ и иллюстрировавъ частныя положенія, изъ нея вытекающія, на единичныхъ примѣрахъ, я счелъ нужнымъ особенно остановить вниманіе своихъ слушателей на той еще мысли, что возможно и такое отношеніе къ фактическому матеріалу, изучаемому исторіей и социологіей, которое представляетъ собою переходъ отъ одной изъ этихъ наукъ къ другой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы дѣлаемъ предметомъ своего изученія не отдѣльныя конкретныя общества и не общество, отвлеченно взятое, а тотъ или другой *социологическій типъ*, подъ который можно подвести известное количество отдѣльныхъ общественныхъ организацій, данныхъ намъ въ исторіи, и который вмѣстѣ съ тѣмъ является все-таки лишь одною изъ частныхъ формъ, какія принимаетъ общество вообще. Перечисливъ нѣсколько такихъ типовъ, каковы родъ и государство-племя, государство-городъ и восточная деспотія, феодальное помѣстье-государство и сословная монархія и т. п., я указалъ, въ какомъ отношеніи изученіе генезиса и эволюціи такихъ типическихъ формъ социальна-политическаго устройства можетъ находиться къ задачамъ, какія ставитъ себѣ, съ одной стороны, исторія конкретныхъ обществъ, а съ другой—социологія, какъ абстрактная наука“.

„Государство-городъ античнаго міра и взятъ былъ мною, какъ известный историческій типъ. При большей подготовкѣ, чѣмъ та, какую я могъ предполагать у своихъ слушателей,

я придалъ бы такому *типологическому* разсмотрѣнію городской формы государства болѣе широкую постановку, включивъ въ кругъ историческихъ явленій, подлежащихъ обзорѣнн съ этой точки зрѣнія, все вообще государства-города, какіе знаетъ исторія отъ финикійскихъ Тира, Сидона и Кароагена въ древности до современныхъ намъ вольныхъ городовъ Германіи—Гамбурга, Любека и Бремена, но я ограничилъ свою задачу лишь греко-римскимъ, античнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова міромъ, какъ эпохой, когда типъ государства-города имѣлъ наибольшее распространеніе и достигъ наивысшаго развитія. Притомъ это ограниченіе позволило мнѣ въ построеніи и изложеніи курса больше держаться исторической почвы конкретныхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ фактовъ и соприкасающихся съ ними явленій духовной культуры“.

„Указывая своимъ слушателямъ на то, что мой курсъ будетъ именно типологическимъ, я оговорился, что, напр., на университетскомъ историко-филологическомъ факультетѣ я, быть можетъ, не придалъ бы своему общему курсу по древней исторіи такого характера, такъ какъ будущимъ специалистамъ нужно было бы сообщить изъ исторіи грековъ и римлянъ многое такое, чего въ своихъ лекціяхъ о государствахъ-городѣ я не буду касаться. Дѣйствительно, по самой задачѣ прослѣдить внутреннюю эволюцію античнаго государства-города я долженъ былъ оставить въ сторонѣ всю такъ называемую внѣшнюю исторію, весь общій ходъ исторіи древняго міра. Въ послѣднемъ отношеніи я могъ только посоветовать моимъ слушателямъ возобновить въ своей памяти фактическія знанія по древней исторіи, вынесенныя изъ средней школы. Я сравнилъ свой будущій курсъ съ такою желѣзно-дорожною картою, на которую были бы занесены только одніи линіи желѣзныхъ дорогъ безъ обозначенія морскихъ береговъ, горныхъ хребтовъ, рѣкъ и городовъ данной страны: конечно, въ такой картѣ трудно было бы разобраться,

тогда какъ, имѣя передъ глазами другіе обычные элементы географической карты, мы легко поймемъ, почему та или другая желѣзно-дорожная линія не идетъ дальше (если, напр., она упирается въ берегъ моря), почему она имѣетъ извилистое направленіе (если, напр., она идетъ по рѣчной долинѣ), почему въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ мы видимъ пересѣченіе многихъ линій (важные городскіе центры). Такъ, — говорилъ я своимъ слушателямъ, — и мой курсъ вы будете лучше понимать, если у васъ будетъ въ головѣ ясное и отчетливое представленіе объ общемъ ходѣ древней исторіи“.

„Мнѣ пришлось также оговориться, что многіе вопросы историческаго изученія древняго міра, многія стороны жизни классическихъ народовъ совсѣмъ не войдутъ въ мой курсъ: вопросы древней географіи и этнографіи, археологіи и источниковѣдѣнія или исторической критики, въ частности вопросы о достовѣрности цѣлыхъ эпохъ или отдѣльныхъ явленій, наконецъ, вся духовная культура классической древности, т.-е. миѳологія и религія, литература и искусство, философія и наука. Главное содержаніе курса лежитъ въ областяхъ политики и экономики, и даже область права затрогивается въ немъ лишь мимоходомъ, какъ мимоходомъ же затрогиваются и области религіи и философіи — только по ихъ связи, когда дѣло ея касается, съ общественнымъ и государственнымъ строемъ“.

Въ какомъ отношеніи настоящая книга находится къ „Государству-городу“, это выяснено въ первой же ея главѣ. Укажу также, что вышеизложенныя соображенія, заставившія меня ограничиться лишь греко-италійскими гражданскими общинами, оставивъ въ сторонѣ средневѣковыя и новыя, не позволили мнѣ включить въ общее изученіе большихъ абсолютныхъ монархій аналогичныя формы среднихъ вѣковъ и новаго времени. Съ другой стороны, съ типологическимъ изученіемъ я соединяю въ этой книгѣ и всемірно-историче-

ское построеніе политической, а отчасти экономической и культурной эволюціи древнихъ народовъ Африки, Азіи и Европы между Индомъ и Атлантическимъ океаномъ. Если въ „Государствѣ-городѣ“ преобладаетъ исключительно соціологическая точка зрѣнія, то здѣсь по причинамъ, изложеннымъ въ I главѣ текста, приходится особенно выдвинуть на первый планъ точку зрѣнія историко-философскую. Именно всемірно-историческая точка зрѣнія въ связи съ самою темою подсказала мнѣ и одну особенность общаго плана моего курса, которая заключается въ томъ, что отъ Персидской монархіи я прямо перехожу къ монархіи Александра Македонскаго и къ эллинистическимъ царствамъ, а отъ этихъ послѣднихъ къ Римской имперіи, ограничиваясь въ исторіи Греціи и Римской республики самымъ необходимымъ для пониманія дальнѣйшаго ¹⁾. Отъ обычной схемы Востокъ — Греція — Римъ, — причемъ Греція и Римъ разсматриваются на всемъ протяженіи ихъ исторіи, — я отступилъ не произвольно, а по мотивамъ, которые въ своихъ мѣстахъ объяснены ²⁾. Особый интересъ для меня представляло показать, что отъ монархій древняго Востока было воспринято эллинистическими царствами, а отъ эллинистическихъ царствъ Римской имперіей.

Востоку въ этой книгѣ отведено около 100 страницъ, завоеванію Востока греками и эллинистическимъ царствамъ около 50 страницъ, Римской имперіи до 200. Замѣчу, что въ главахъ, посвященныхъ Востоку, мнѣ пришлось разъяснять многіе общіе вопросы (возникновеніе государства въ гл. III, развитіе торговли въ гл. IV, значеніе расовыхъ различій и культурнаго взаимодействія народовъ въ гл. VIII), безъ чего собственно на Египетъ, Ассирию-Вавилонію и Пер-

¹⁾ При чтеніи курса я постоянно дѣлалъ экскурсы въ исторію государства-города, что отражается и на настоящей книгѣ, а кромѣ того, для практическихъ занятій со студентами мною была выбрана именно эволюція государства-города.

²⁾ См. въ текстѣ книги стр. 125—126 и 178—180. Ср. стр. 373—374.

сію придется тоже около 50 страницъ. Я берегъ время и мѣсто, чтобы остановиться болѣе подробно на исторіи Римской имперіи, которой отведена цѣлая половина книги. Мотивы, которые заставили меня такъ поступить, изложены въ заключительной главѣ¹⁾: это въ особенности болѣшая сложность Римской имперіи и болѣшая важность ея для пониманія исторіи европейскихъ народовъ. Если мнѣ удастся издать и задуманный мною типологическій очеркъ средневѣковой феодальной и сословной монархіи, то онъ примкнетъ своими первыми главами къ послѣдней главѣ настоящей книги, посвященной эпохѣ упадка Римской имперіи.

Н. Карѣевъ.

26 марта 1904 г.

¹⁾ См. въ текстѣ стр. 383—384.

ГЛАВА I.

Великія монархіи и государства-города древняго міра.

Двѣ главныя политическія формы древняго міра.—Ихъ различное значеніе въ исторіи.—Возможность типологическаго изученія каждой формы.—Затрудненія, сопряженныя съ типологическимъ изученіемъ великихъ монархій древности.—Историческая преемственность этихъ монархій и роль ихъ въ развитіи культурнаго взаимодействія отдѣльныхъ народовъ.—Раздѣленіе древней исторіи на два крупныхъ отдѣла.—Взаимодѣйствіе и борьба несходныхъ политическихъ началъ въ исторіи эллинистическихъ монархій и Римской имперіи.

Изучая исторію древняго міра, мы различаемъ въ ней двѣ главныя политическія формы, очень одна на другую непохожія и игравшія весьма неодинаковыя роли въ культурномъ развитіи историческаго человѣчества. Одной изъ этихъ формъ является передъ нами болѣе или менѣе обширная монархія, въ которой подъ властью одного неограниченнаго влестителя жилъ цѣлый народъ, иногда даже нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, другую же форму представляетъ собою государство-городъ, какихъ могло быть нѣсколько въ предѣлахъ одной и той же народности, причемъ образъ правленія въ такихъ государствахъ-городахъ былъ преимущественно республиканскій. Съ древнѣйшимъ государствомъ, какое только извѣстно исторіи, съ Египтомъ, мы знакомимся уже тогда, когда оно охватывало цѣлую большую страну съ многомилліоннымъ населеніемъ подъ властью одного царя, управлявшаго ею исключительно посредствомъ своихъ чиновниковъ,

а въ концѣ такъ называемой древней исторіи мы имѣемъ дѣло съ всемірною Римскою имперіей, принявшей также форму абсолютной монархіи съ чисто бюрократической организаціей управления. И въ пространствѣ, и во времени это была господствующая форма политическаго быта древняго міра. Наоборотъ, съ государствомъ-городомъ, — съ тѣмъ, что у грековъ называлось *полисъ*, у римлянъ *цивитасъ*, — мы встрѣчаемся лишь на ограниченной территоріи и въ ограниченный періодъ времени. Именно это была форма, господствовавшая только по берегамъ Средиземнаго моря, преимущественно въ греческой національности и процвѣтавшая притомъ лишь сравнительно очень короткое время, такъ какъ многочисленнымъ государствамъ-городамъ въ концѣ концовъ не удалось отстоять свою политическую независимость, и они стали входить въ составъ болѣе крупныхъ государственныхъ тѣлъ. Такимъ же государствомъ-городомъ былъ первоначально и Римъ, который создалъ великую всемірную монархію, поглотившую въ себя всѣ другія царства древности, но если Римъ не только сохранилъ свою политическую самостоятельность, но даже подчинилъ своей власти цѣлыя царства, за то онъ не удержалъ прежней своей республиканской организаціи и мало-по-малу изъ государства-города превратился въ простую столицу обширной абсолютной монархіи, во многихъ отношеніяхъ сдѣлавшейся наслѣдницею преданій и порядковъ болѣе старыхъ царствъ, въ родѣ хотя бы того же самаго только что упомянутаго Египта.

Историческое значеніе обѣихъ формъ было весьма различнымъ. Государство-городъ античнаго міра представляло собою политическую организацію, такъ сказать, рассчитанную на небольшую территорію съ весьма незначительнымъ количествомъ жителей. Возьмите, на примѣръ, территорію одной изъ самыхъ крупныхъ греческихъ республикъ, Аѣны: это — такъ называемая Атика, пространство которой опредѣляется въ какія-нибудь двѣ тысячи двѣсти квадратныхъ верствъ, а такая территорія на одномъ протяженіи, положимъ, Московской губерніи уложилась бы свободно двѣнадцать разъ. Взгляните на карту Атики съ сосѣдними областями Греціи, гдѣ было еще нѣсколько такихъ же государствъ-городовъ, и измѣрьте разстоянія между ними: окажется, что между Аѣнами и Коринѣомъ было по прямой линіи около 60 верствъ, а отъ Коринѣа лишь въ 30 верстахъ находились Аргосъ и

Мегары, едва въ 20 верстахъ — Сикіонъ и т. п. ¹⁾ Въ этихъ маленькихъ государствахъ-городахъ историческая жизнь развивалась весьма быстрымъ темпомъ. Географическое положеніе ихъ на морскихъ берегахъ или вблизи отъ удобныхъ гаваней содѣйствовало развитію въ нихъ торговли и промышленности, сосредоточенію населенія въ городскихъ центрахъ и вообще быстрому экономическому развитію. Въ политическомъ отношеніи эти города весьма рано стали переходить отъ монархическаго строя къ республиканскому, и вездѣ происходила затѣмъ борьба аристократіи и демократіи, сопровождавшаяся политическими переворотами и нерѣдко влекшая за собою торжество народовластія. Античныя государства-города были родиной политической свободы, состоявшей въ широкомъ участіи гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ. Здѣсь же вообще, а въ частности въ наиболѣе демократическихъ общинахъ греческаго міра совершалось богатое и разнообразное культурное развитіе въ сферахъ поэзіи и искусства, философіи и науки, само по себѣ уже предполагающее существованіе условій, благоприятныхъ для развитія личной инициативы и личнаго самосознанія. Дѣйствительно, впервые въ гражданскихъ общинахъ Греціи произошло освобожденіе личнаго начала изъ-подъ власти традиціонныхъ устоевъ мысли и жизни, которые были такъ сильны въ малыхъ и великихъ монархіяхъ Востока. Рядомъ съ политической свободой свобода индивидуальная представляетъ собою одно изъ великихъ наслѣдій классической древности времени наибольшаго развитія государственно-городовой жизни, и это обстоятельство придаетъ особый интересъ изученію политической эволюціи античныхъ городскихъ республикъ. Идеаломъ, цѣлью стремленій этой эволюціи было образованіе свободнаго государства съ широкимъ участіемъ гражданъ въ дѣлахъ правленія, съ возможно большею равноправностью между самими гражданами и свободою отдѣльныхъ членовъ государства. Античный міръ не осуществилъ этого идеала, если не считать такихъ исключительныхъ примѣровъ, какой представляютъ собою Аѣны V—IV вв. до Р. Х., да и самый примѣръ этотъ показываетъ, впрочемъ, до какой степени этотъ идеалъ оказался не по плечу классической древности.

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 24, 233, 341 и 342.

Въ болѣе или менѣе обширныхъ монархiяхъ древняго Востока мы не найдемъ ни этой быстроты, ни этой полноты внутренняго развитiя и менѣе всего найдемъ свободы—въ смыслѣ ли свободы политической или индивидуальной. Историческое значенiе этихъ царствъ было иное. Греческая нацiя, состоявшая изъ цѣлыхъ сотенъ государствъ-городовъ, родилась и умерла раздѣленною, и всѣ попытки ея политическаго объединенiя оканчивались неудачами. Культурныя страны древняго Востока начали свою историческую жизнь тоже съ раздѣленiя между множествомъ государственныхъ центровъ, но дальнѣйшее развитiе ихъ шло по иному пути, по пути постепенной интеграцiи, во-первыхъ, въ предѣлахъ одной и той же національности, во-вторыхъ, далеко за предѣлами отдѣльныхъ народностей, на широкой аренѣ всего историческаго мiра. Результатомъ этого общаго явленiя было образованiе такъ называемыхъ всемирныхъ, или универсальныхъ монархiй, въ которыхъ совершалось политическое объединенiе разныхъ національностей подъ единою государственною властью. Въ этомъ отношенiи и Римская имперiя, созданная первоначально единственнымъ въ своемъ родѣ государствомъ-городомъ, была лишь завершенiемъ процесса объединенiя древняго мiра, начатаго еще главнымъ образомъ ассирiйскими царями. Особый интересъ римской исторiи и заключается въ томъ, что первоначальную форму римскаго государства была гражданская община съ элементами политической свободы, а конечною формою—универсальная монархiя, на долгое время объединившая въ одномъ политическомъ цѣломъ великое множество странъ и народовъ.

Конечно, въ государствахъ обоихъ типовъ мы можемъ различать еще тѣ или другiя особенности, характеризующiя или одно какое-либо государство, или нѣсколько болѣе между собою сходныхъ государствъ. Въ послѣднемъ отношенiи, напр., среди античныхъ гражданскихъ общинъ мы различаемъ олигархiю и демократiю, а среди государствъ другого типа монархiю національную и монархiю универсальную, но есть нѣкоторыя общiя черты, которыя, собственно говоря, и создаютъ тотъ или другой типъ. Новые европейскiе народы выработали неизвѣстную древности форму участiя народа во власти въ видѣ такъ называемой представительной системы, но древнiй мiръ въ отношенiи политической свободы зналъ только непосредственное народовластiе, а оно могло осуще-

ствляться только при небольшихъ размѣрахъ государства. Ограниченность государственной территорiи и непосредственное участiе всѣхъ гражданъ (или извѣстной ихъ части) въ государственномъ властвованiи и представляютъ собою типическiя черты античной политической формы, въ противоположность чему другая форма характеризуется неограниченностью государственной территорiи съ полнымъ устраненiемъ населенiя отъ участiя въ государственномъ властвованiи. Каждая изъ этихъ главныхъ чертъ стояла въ связи со множествомъ чертъ второстепенныхъ и производныхъ, и это позволяетъ намъ въ обоихъ случаяхъ обобщить сходныя черты и дать общую характеристику и того, и другого типа при всемъ различii, какое могутъ представлять собою частныя и индивидуальныя черты, встрѣчающiяся и тамъ, и здѣсь. Конечно, есть много несходнаго въ образованiи и устройствѣ Ассирiи и Персiи или монархiи Александра Македонскаго и Римской имперiи, какъ много несходнаго, съ другой стороны, мы найдемъ и между Спартою и Аѳинами или Карфагеномъ и Римомъ, когда послѣднiй былъ еще только вполнѣ государствомъ-городомъ, но многiя черты различiя между однородными государствами углубляютъ все свое значенiе, разъ мы сосредоточиваемъ все свое вниманiе на отличительныхъ сторонахъ разнородныхъ государствъ. Образованiе, устройство, внутреннее развитiе государства-города неизбѣжно должно было быть инымъ, чѣмъ образованiе, устройство и внутреннее развитiе болѣе или менѣе обширнаго государства-страны. Пусть въ деталяхъ Персидская монархiя будетъ непохожа на Египетъ, пусть такъ называемыя эллинистическiя царства, возникшия изъ разложенiя монархiи Александра Македонскаго, будутъ имѣть свои отличительныя черты сравнительно съ болѣе древними восточными монархiями, и пусть Римская имперiя тоже явится передъ нами, какъ нѣчто вполнѣ своеобразное наряду съ тѣми и другими, это не должно намъ мѣшать представлять ихъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ лишь отдѣльныя разновидности одного общаго политическаго типа, по примѣру Спарты, Аѳинъ, Рима и т. п., взятыхъ въ качествѣ государствъ-городовъ. Подобное, именно типологическое изученiе отдѣльныхъ категорiй государствъ, вполнѣ возможное и законное, занимаетъ, такъ сказать, середину между социологическимъ изученiемъ общества или государства вообще, т.-е. взятаго совершенно отвлеченно, и истори-

ческимъ изученіемъ отдѣльныхъ конкретныхъ обществъ или государствъ, взятыхъ со всѣми ихъ индивидуальными особенностями ¹⁾).

Этотъ приемъ уже былъ мною примѣненъ къ рассмотрѣнію политической и социальной эволюціи государствъ-городовъ въ античномъ мірѣ, и я думаю примѣнить его теперь къ древнимъ монархіямъ, начиная съ Египта и кончая Римской имперіей, хотя, съ другой стороны, мнѣ тутъ же, съ самаго же начала приходится указать на нѣкоторыя особенности данной темы сравнительно съ прежнею.

Еще древніе мыслители, наблюдавшіе жизнь государствъ-городовъ Греціи, указывали на то, что въ политическихъ перемѣнахъ, которымъ подвергались отдѣльныя гражданскія общины, можно подмѣтить извѣстную, общую для всѣхъ нихъ послѣдовательность. Яснѣе всѣхъ эту мысль высказали Аристотель и Полибій, два величайшихъ политическихъ писателя Греціи ²⁾. Хотя, разумѣется, точнаго повторенія однимъ городомъ того, что наблюдается въ исторіи другого, и не могло быть, а съ другой стороны, и то, что, несмотря на это обстоятельство, все-таки можно принимать за общее правило, всегда сопровождалось болѣе или менѣе значительными исключеніями, тѣмъ не менѣе развитіе политической и социальной жизни въ греческихъ государствахъ-городахъ шло приблизительно по одному пути. Оно и понятно. Дѣло въ томъ, что отдѣльныя гражданскія общины эллинскаго міра были поставлены въ довольно сходныя между собою условія и почти одновременно испытывали на себѣ вліяніе однихъ и тѣхъ же историческихъ перемѣнъ. Недаромъ въ извѣстную эпоху повсемѣстно отмѣняется въ отдѣльныхъ городахъ старая царская власть и устанавливается правленіе знати; не даромъ, затѣмъ, происходитъ борьба съ этою знатію простого народа, и не даромъ же на почвѣ этой борьбы возникаетъ тираннія; не даромъ же, равнымъ образомъ, наблюдается и тотъ общій фактъ, что за эпохою борьбы знатныхъ и незнатныхъ слѣдуетъ эпоха борьбы между имущими и неимущими. Все это, повторяю, результатъ того, что греческіе государства-города жили и развивались подъ вліяніемъ болѣе или менѣе одинаковыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій.

¹⁾ Ср. „Государство-городъ“, предисловіе, стр. IV.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 93.

Въ иномъ положеніи находились великія монархіи древняго міра. И процессы ихъ образованія, и условія ихъ существованія слишкомъ отличались одни отъ другихъ для того, чтобы мы могли ожидать въ ихъ исторіи такихъ же сходствъ, какія наблюдаются въ исторіи античныхъ гражданскихъ общинъ. Различія въ географическихъ условіяхъ, въ расовыхъ особенностяхъ населенія, въ историческихъ судьбахъ и въ культурныхъ вліяніяхъ извнѣ были слишкомъ велики, чтобы мы могли искать здѣсь такихъ же сходствъ, какія находимъ въ исторіи Афинъ, Коринѳа, Сикіона и т. п. Притомъ великія монархіи древности были гораздо болѣе сложными политическими организмами, нежели маленькія городовыя республики Греціи и Италіи, а чѣмъ какое-либо явленіе сложнѣе, тѣмъ болѣе оно бываетъ своеобразно, т.-е. тѣмъ менѣе бываетъ похоже на другія однородныя явленія.

Не нужно, наконецъ, забывать и еще одно важное обстоятельство. Въ политической исторіи греко-римскаго міра въ эпоху процвѣтанія въ немъ формы городского государства мы имѣемъ передъ собою цѣлый рядъ параллельныхъ, т.-е. одновременныхъ государственныхъ развитій. И Афины, и Спарта, и Фивы, и Сиракузы, и первоначальный Римъ, все это—государства-города одной эпохи, одного историческаго періода, т.-е. явленія, существовавшія одновременно, одни другими, такъ сказать, не исключавшіяся, тогда какъ великія монархіи древняго міра, съ одной стороны, принадлежатъ разнымъ историческимъ формаціямъ, съ другой, однѣ возникаютъ на развалинахъ другихъ и часто пользуются для своихъ построекъ уже готовымъ матеріаломъ, созданнымъ ихъ предшественниками. Конечно, и здѣсь мы имѣемъ примѣры одновременнаго существованія отдѣльныхъ царствъ, напр., Египта, Вавилоніи, Лидіи и Мидіи въ VI в. до Р. X. или такъ называемыхъ эллинистическихъ монархій, образовавшихся изъ имперіи македонскаго завоевателя, но особый интересъ представляетъ для насъ какъ-разъ послѣдовательность выступленія отдѣльныхъ царствъ на сцену исторіи и преемственность нѣкоторыхъ изъ нихъ во владычествѣ надъ древнимъ міромъ. Здѣсь наблюдается именно процессъ постепеннаго объединенія разныхъ странъ и народовъ въ одно огромное политическое цѣлое, процессъ, начало которому было положено египетскими фараонами во время ихъ походовъ въ Сирію и завершеніемъ котораго была Римская имперія, и

въ этомъ процессѣ какъ-разъ одна міровая держава смѣняется другою, Египеть—Ассиріей, Ассирія—Персіей, Персія—Македоніей, пока всѣ эти и многія другія страны не были поглощены державою царственнаго Рима. Ассирійское царство, Персидская монархія, Римская имперія, это уже не параллельно существующія политическія организаціи, подобныя современнымъ между собою Афинамъ, Спартѣ, Фивамъ: это политическія организаціи, одна за другою слѣдующія во времени, одна другую смѣняющія во всемірномъ господствѣ и даже одна на счетъ другихъ существующія. Между древнимъ царствомъ фараоновъ и имперіей римскихъ цезарей, включившей въ себя и самый Египеть, легла цѣлая эпоха великихъ политическихъ переворотовъ, не разъ измѣнявшихъ сцену историческаго міра, совершилось длинное культурное развитіе, результатомъ котораго было то, что Римская имперія не могла быть лишь простымъ повтореніемъ прежнихъ завоевательныхъ царствъ.

Вотъ во всѣхъ этихъ, только-что указанныхъ обстоятельствахъ и заключается большая трудность типологическаго изученія эволюціи древнихъ монархій сравнительно съ типологическимъ изученіемъ эволюціи античныхъ городовыхъ республикъ. Но за то эти же самыя обстоятельства облегчаютъ намъ другую задачу, именно задачу разсмотрѣнія прогресса, совершеннаго интересующею насъ политическою формою отъ перваго ея возникновенія въ древнѣйшихъ культурныхъ странахъ Египта до торжества ея въ римскомъ мірѣ въ лучшія времена имперіи.

Образованіе обширныхъ монархій съ разнообразнымъ національнымъ составомъ оказывало притомъ громадное вліяніе на культурное взаимодействіе народовъ древняго міра. Въ данномъ отношеніи, понятно, играли видную роль и государства-города путемъ торговыхъ сношеній и колонизаціи,—достаточно только вспомнить общее культурное значеніе мореплаванія финикійцевъ и грековъ, которые какъ-разъ политически были раздѣлены на множество самостоятельныхъ государствъ-городовъ,—но неизмѣримо большее значеніе въ исторіи культурнаго взаимодействія играли въ древнемъ мірѣ великія царства, которыя объединяли подъ одною властью разрозненные страны и бывшіе между собою прежде враждебными народы. Къ торговымъ сношеніямъ, какъ главнымъ факторамъ культурнаго взаимодействія, здѣсь присоединилось

еще политическое объединеніе, которое не только само по себѣ было могучимъ факторомъ указаннаго взаимодействія, но и содѣйствовало упроченію самихъ торговыхъ сношеній. Развитіе торговли, какъ извѣстно, особенно способствовало экономическому, культурному и политическому процвѣтанію многихъ государствъ-городовъ греческаго міра¹⁾, но именно то обстоятельство, что этотъ міръ былъ раздѣленъ на громадное количество мелкихъ политическихъ организмовъ, отражалось невыгодно и на самой исторіи торговли въ ту эпоху. Государства-города греческаго міра находились въ состояніи вѣчнаго соперничества и постоянно возобновлявшейся войны, которая, разумѣется, всегда наноситъ ущербъ развитію мирнаго труда, промышленности и торговли. Образованіе великихъ монархій замиряло цѣлыя страны, которыя раньше раздирались постоянными междуособіями, и въ этомъ отношеніи особая услуга народамъ, жившимъ вокругъ Средиземнаго моря, оказалъ такъ называемый римскій миръ (pax romana), т.-е. замиреніе подъ одною властью великаго множества когда-то между собою враждовавшихъ странъ и государствъ. Образованіе великихъ монархій создавало вообще новыя условія для торговыхъ сношеній между самыми отдаленными одинъ отъ другого пунктами, и хотя при этомъ происходило перемѣщеніе торговыхъ центровъ, нанесившее ущербъ отдѣльнымъ мѣстностямъ, однако, въ общемъ счетѣ, международныя торговыя сношенія при этомъ расширились, усиливались и укрѣплялись, а вмѣстѣ съ этимъ укрѣплялось, усиливалось и расширялось культурное взаимодействіе. Съ другой стороны, независимо отъ этого,—т.-е. помимо вліянія своего на исторію торговли и чрезъ нее на исторію культурнаго взаимодействія—политическое объединеніе и прямо отражалось на культурной сферѣ, разъ въ составъ одного и того же государства входили области съ разнымъ историческимъ прошлымъ, неодинаковымъ административнымъ и общественнымъ устройствомъ, несходными между собою религіозными вѣрованіями, нравами и обычаями. Завоеватели, внося въ покоренныя ими страны свои порядки, въ то же время не могли не подвергаться культурному вліянію со стороны подвластныхъ народовъ, и великія монархіи древняго міра становились своего рода историческими лаборато-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 65 и слѣд., 69 и слѣд. и др.

рими, въ которыхъ изъ взаимнаго проникновенія разныхъ культуръ возникали новыя, болѣе сложныя формы. Это общее замѣчаніе касается историческаго взаимодействія не только въ областяхъ религіозныхъ вѣрованій или промышленной техники, но и въ области социальна-политическаго устройства, въ которой тоже должны были происходить болѣе или менѣе крупныя перемѣны, благодаря соприкосновенію и взаимному проникновенію государственныхъ и общественныхъ формъ разнаго происхожденія. Въ дальнѣйшемъ объ этомъ будетъ говорить болѣе подробно, и здѣсь я сошлюсь лишь на два наиболѣе крупныя примѣра—взаимодействіе греческихъ и восточныхъ порядковъ въ такъ называемыхъ эллинистическихъ царствахъ преемниковъ Александра Македонскаго и взаимодействіе порядковъ, выработанныхъ римскою государственностью времени республики, съ порядками, развившимися въ эллинистическихъ царствахъ.

Разсматривая въ цѣломъ преемственность культурнаго и политическаго развитія древняго міра и въ частности исторію той государственной формы, которою мы будемъ заниматься въ послѣдующемъ изложеніи, мы должны раздѣлить весь этотъ крупный періодъ всемірной исторіи на двѣ большія эпохи, отдѣленные одна отъ другой развитіемъ наряду съ болѣе или менѣе крупными монархіями и республиканскихъ государствъ-городовъ. Первая изъ этихъ двухъ эпохъ завершается образованіемъ великой Персидской монархіи, поглотившей въ себѣ всѣ другія государства Востока. Въ третьей четверти IV в. до Р. X. эта обширная имперія была завоевана греками, которые какъ-разъ въ эпоху персидскаго объединенія восточныхъ странъ и народовъ, т. е. въ VI—IV вв. до Р. X. и выработали свою богатую и разностороннюю культуру, чтобы распространить ее потомъ по завоеваннымъ странамъ. Единство монархіи, созданной персами, не удержалось, и она распалась на нѣсколько эллинистическихъ царствъ, которыя уже не могли быть лишь простыми продолженіями прежнихъ восточныхъ монархій. Какъ бы мы ни судили о взаимныхъ отношеніяхъ восточнаго и греческаго элементовъ эллинистической культуры при разсмотрѣніи частныхъ ея сторонъ, въ общемъ мы не имѣемъ права отрицать того, что послѣ Александра Македонскаго въ жизнь народовъ древняго Востока должны были войти многія начала, которыя были выработаны именно въ государствахъ

городахъ греческаго міра. Къ этой же эпохѣ образованія эллинистическихъ царствъ за три вѣка до Р. X. относится объединеніе римскимъ государствомъ-городомъ подъ своею властью всей Италіи, опираясь на которую, эта первоначально чисто городская республика совершила завоеваніе всего древняго міра со включеніемъ важнѣйшихъ эллинистическихъ царствъ. Хотя въ Римѣ въ эпоху политическаго объединенія имъ всего древняго міра и установилась монархія, которая съ теченіемъ времени мало-по-малу облеклась въ формы восточной деспотіи, но вся организація Римской имперіи и самый характеръ возникшей въ ней высшей власти объясняются не изъ формъ, раньше уже господствовавшихъ на Востокѣ, а изъ своеобразнаго развитія, совершившагося въ самомъ Римѣ, какъ государствъ-городѣ, имѣвшемъ не только исключительную, но и единственную въ своемъ родѣ судьбу. Образованіе Македонской державы нанесло ударъ независимости государствъ-городовъ Греціи, какъ установленіе императорской власти въ Римѣ положило конецъ республиканской свободѣ этого державнаго города, но ни эллинистическія царства наслѣдниковъ македонскаго завоевателя, ни тѣмъ болѣе имперія преемниковъ Августа не были простыми повтореніями болѣе раннихъ царствъ Востока: культурное и политическое развитіе, совершившееся въ государствахъ-городахъ греко-римскаго міра, все-таки не могло такъ или иначе не отразиться на внутреннемъ строѣ и эллинистическихъ царствъ, и Римской имперіи.

Общее въ исторіи эллинистическихъ монархій и Римской имперіи, это — то, что и здѣсь, и тамъ совершалось сочетаніе въ одно неразрывное цѣлое противоположныхъ государственныхъ началъ, выработанныхъ, съ одной стороны, восточными деспотіями, съ другой — политіями греко-римскаго міра, съ постепеннымъ въ обоихъ же случаяхъ усиленіемъ первыхъ на счетъ вторыхъ. Политическій принципъ, получившій прочное развитіе на Востокѣ, могъ бы быть формулированъ словами, которыя молва приписала французскому „королю-солнцу“ XVII в., Людовику XIV: „государство, это — я“. Восточный царь былъ собственникъ государства, подданные были его рабами: здѣсь не было государства въ смыслѣ самостоятельнаго общественнаго союза, не было свободныхъ гражданъ. Развитіе понятій, съ одной стороны, государства, какъ „общаго дѣла“ свободныхъ гра-

жданъ, что особенно хорошо выразилось въ латинскомъ словѣ „*respublica*“, а съ другой—гражданства, какъ принадлежности къ числу полноправныхъ членовъ такого общественнаго союза, совершилось именно въ государствахъ - городахъ греко-римскаго міра. Монархія могла существовать, какъ правомѣрный образъ правленія, и по греческимъ политическимъ воззрѣніямъ, но монархъ въ сознаніи греческихъ мыслителей былъ правителемъ государства, а не собственникомъ его и господиномъ. Равнымъ образомъ и римскій императоръ, или „принцепсъ“, какъ его называли, первоначально не былъ господиномъ, а только первымъ и высшимъ должностнымъ лицомъ, или магистратомъ республики. То пониманіе государства, которое было выработано гражданскими общинами греко-римскаго міра, требовало различія между понятіями государства и монарха. Формулъ Людовика XIV: „государство, это я“,—которая могла бы быть принята любымъ восточнымъ деспотомъ,—греко-римская политическая мысль, воспитавшаяся на иной государственной традиціи, могла бы противопоставить изреченіе прусскаго „короля-философа“ XVIII в., Фридриха II, который говорилъ, что „король есть только первый слуга государства“. Именно въ этомъ самомъ смыслѣ одинъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ II в., Адрианъ, и любилъ повторять, что, управляя государствомъ, онъ всегда помнитъ, что это общенародное, а не его личное дѣло (*ita se rem publicam gesturum. ut sciret populi rem esse, non propriam*). Нужно, впрочемъ, всегда отличать дѣйствительность отъ теоріи. Въ эллинистическихъ царствахъ греческое понятіе монархической власти весьма скоро уступило мѣсто традиціямъ восточной политической практики, а римскій принципатъ въ свою очередь мало-помалу возстановилъ въ себѣ всѣ основныя черты восточной и эллинистической деспотіи.

Несмотря, однако, на то, что монархическая власть и въ эллинистическихъ царствахъ, и въ Римской имперіи развивалась въ направленіи, приводившемъ въ концѣ концовъ къ восточной деспотіи, одно изъ политическихъ наслѣдій старыхъ государствъ - городовъ продолжало существовать очень долгое время и тамъ, и здѣсь. Я говорю о сохраненіи въ этихъ абсолютныхъ монархіяхъ (хотя и не вездѣ) совершенно бывшаго неизвѣстнымъ въ прежнихъ восточныхъ деспотіяхъ муниципальнаго самоуправленія, которое даже

получаетъ особое развитіе и въ сирійскомъ царствѣ Селевкидовъ, и въ Римской имперіи. Правитель большого государства, заключавшаго въ себѣ великое множество городовъ, могъ быть неограниченнымъ властителемъ, но сами эти города въ извѣстныхъ предѣлахъ могли пользоваться положеніемъ самоуправляющихся общинъ, въ которыхъ историку нельзя не видѣть, хотя и сильно, конечно, измѣненнаго, подъ вліяніемъ новыхъ условий, но все-таки продолженія прежнихъ государствъ-городовъ.

ГЛАВА II.

Историко-географическій обзоръ древняго міра.

Хронологическіе и географическіе предѣлы, въ которыхъ берутся въ этой книгѣ отдѣльныя монархіи.—Территорія древнѣйшихъ крупныхъ политическихъ организацій.—Разница въ историческомъ значеніи Нила и Евфрата.—Вавилонъ и Ассирія.—Борьба Египта съ Ассиріей за Сирію.—Попытки образованія большихъ царствъ въ Сиріи.—Финикія и переходъ отъ рѣчныхъ цивилизацій къ морскимъ.—Общее значеніе Средиземнаго моря.—Возникновеніе Персидской державы и переходъ первенства въ исторіи отъ семитовъ къ арійцамъ.—Греческій и туземный элементы въ эллинистическихъ царствахъ.—Римъ и Пароянское царство.—Политическое объединеніе береговыхъ странъ вокругъ Средиземнаго моря.

Хронологическіе предѣлы, въ которые будетъ заключено разсмотрѣніе одного изъ политическихъ типовъ древности, опредѣляются указаніемъ, съ одной стороны, на самыя старыя историческія страны Востока, съ другой — на Римскую имперію, въ которой произошло политическое объединеніе всѣхъ народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря. Раздѣленіе этой имперіи на Восточную и Западную въ концѣ IV в. по Р. Х., паденіе Западной въ концѣ V в. и превращеніе Восточной въ средневѣковую Византійскую, совершившееся въ ближайшія затѣмъ столѣтія,—вотъ конечный терминъ, далѣе котораго наше разсмотрѣніе не будетъ заходить. Въ географическомъ отношеніи мы ограничимся лишь тѣмъ историческимъ міромъ, въ предѣлахъ котораго происходило

персидское и римское объединение—между Индомъ на востокѣ и Атлантическимъ океаномъ на западѣ. Исторіи Индіи и Китая, стоявшихъ особнякомъ и вдали отъ главной сцены древняго міра ¹⁾, мы касаться не будемъ, хотя въ обѣихъ этихъ странахъ государственная жизнь складывалась по восточному образцу. Ни индійцы, ни тѣмъ болѣе китайцы не участвовали въ томъ международномъ культурномъ взаимодействіи, которое началось между Египтомъ и Месопотаміей и отсюда постепенно стало охватывать области, лежавшія и къ западу, и къ востоку отъ двухъ названныхъ странъ съ находившейся между ними Сиріей.

Только-что названная территория была древнѣйшею историческою сценою образованія первыхъ болѣе крупныхъ политическихъ организацій. Западная часть этой территоріи, состоящая изъ Египта въ сѣверо-восточной Африкѣ и Сиріи въ юго-западномъ углу Передней Азіи, прилежала къ Средиземному морю и тянулась съ юго-запада на сѣверо-востокъ отъ нижняго теченія Нила до сѣверной части средняго теченія Евфрата, гдѣ нѣсколько сѣвернѣе 35° с. ш. начинается восточная часть разсматриваемой территоріи, располагавшаяся по Евфрату и Тигру въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ къ Персидскому заливу. Извѣстно, что зарожденіе древнѣйшихъ культуръ произошло на двухъ крайнихъ концахъ этой территоріи, въ области нижняго теченія Нила, съ одной стороны, и въ области нижняго теченія Евфрата, съ другой. Если мы отыщемъ на исторической картѣ древняго міра два изъ самыхъ раннихъ городовъ, какіе только намъ извѣстны въ исторіи, Мемфисъ въ Египтѣ у берега Нила и Уръ въ Южной Вавилоніи на берегу Евфрата и между этими двумя точками проведемъ прямую линію, которая очень мало удалится отъ параллели 30° с. ш., то увидимъ, что эта наша линія пересѣчетъ въ направленіи съ запада на востокъ пустыни Сѣверной Аравіи, дѣлавшія долго невозможными сообщенія между двумя древнѣйшими культурными центрами на нижнемъ Нилѣ и нижнемъ Евфратѣ. Соприкосновеніе между обѣими исторіями могло начаться лишь тогда, когда вавилонская культура распространилась къ сѣверо-западу вверхъ по Евфрату и Тигру и дошла до Сиріи, въ которой оказались сравнительно удобные пути для

¹⁾ См. нашу книгу „Общій ходъ всемірной исторіи“, стр. 24—25.

движенія торговыхъ каравановъ и завоевательныхъ армій. Когда обѣ большія монархіи, образовавшіяся на окраинахъ древнѣйшей исторической сцены міра, т. е. сначала Египетъ, а потомъ Ассирія выступили на путь вѣдшихъ завоеваний, Сирія очутилась между ними, какъ между молотомъ и наковальней, и это опредѣлило всю ея дальнѣйшую судьбу.

Сравнивая между собою природныя условія обѣихъ странъ древнѣйшей культуры, мы увидимъ, что въ обѣихъ существовали приблизительно одинаковыя природныя условія, которыя, собственно говоря, и вызвали здѣсь раннее историческое развитіе. Обѣ области находятся въ одномъ и томъ же климатическомъ поясѣ, обѣ представляютъ собою прирѣчныя низменности съ очень плодородною почвою и съ болѣе или менѣе удобнымъ рѣчнымъ сообщеніемъ между отдаленными частями каждой страны. Понятно, что здѣсь только и могло въ самые древнія времена произойти большое скопленіе населенія со всѣми его экономическими, культурными и политическими послѣдствіями. Но въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ была и большая разница между обѣими областями. Какъ водный путь, Ниль имѣлъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ Евфратъ, хотя для судоходства былъ гораздо, пожалуй, удобнѣе, чѣмъ послѣдній. Извѣстно еще, что необходимость устройства въ долинѣ Нила большихъ плотинъ и каналовъ, вызывавшаяся желаніемъ жителей Египта не давать рѣкѣ дѣлать опустошеній во время разлива, а въ періоды засухи имѣть возможность сохранять воду для орошенія почвы, сильно способствовала сплоченію страны въ единую большую монархію, сдѣлавшуюся руководительницею общихъ работъ, которыя вызывались во всей странѣ ежегодными разливами Нила, но зато, именно какъ водный путь, Ниль не могъ идти въ сравненіе съ Евфратомъ, разливы котораго тоже дѣлали необходимыми большія гидравлическія сооруженія. Рѣка, даромъ коей и былъ Египетъ съ его наносной почвою, течетъ среди великой пустыни, не связывая между собою отдѣльныхъ странъ, которыя могли бы мѣняться между собою продуктами своего производства, тогда какъ у Евфрата было весьма большое и разнообразное сосѣдство, цѣлый рядъ странъ, и ихъ легко было втянуть въ общій торговый оборотъ. Долина Евфрата еще въ глубокой древности сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ путей между Средиземнымъ моремъ при посредствѣ финикійскихъ городовъ съ ихъ

прекрасными портами и Персидскимъ заливомъ, откуда можно было пробхать въ Индію, отдѣляющуюся отъ древнѣйшей всемирно-исторической территоріи непроходимыми пустынями и высокими горными хребтами. Съ этимъ великимъ торговымъ путемъ не могъ соперничать морской путь изъ Египта по Красному морю вокругъ Аравіи; къ нему прибѣгали лишь тогда, когда политическія обстоятельства въ долинѣ Евфрата дѣлали опаснымъ движеніе по ней международной торговли. Это свое значеніе Евфратъ сохранялъ за собою—съ нѣкоторыми перерывами—въ теченіе всей исторіи до открытія Васко-де-Гама въ 1498 г. морского пути въ Индію. Современное намъ предпріятіе постройки такъ называемой багдадской желѣзной дороги указываетъ, что и въ настоящее время, когда съ прорытіемъ въ 1869 г. Суэзскаго канала сильно сокращенъ морской путь въ Индію, за долиною Евфрата, какъ великою торговою дорогою, и теперь признается громадное значеніе.

Политическое объединеніе въ области Евфрата и Тигра совершалось, повидимому, не такъ быстро, какъ оно произошло въ Египтѣ, достовѣрная исторія котораго для насъ начинается, когда онъ уже представлялъ изъ себя одно царствѣ. Съ исторіей такъ называемой Вавилоніи мы начинаемъ знакомиться еще тогда, когда—за три тысячи лѣтъ до нашей эры—въ странѣ было нѣсколько маленькихъ царствъ, тоже своего рода государствъ-городовъ съ единоличными правителями во главѣ,—политическая форма, съ которою мы встрѣчаемся тогда же и въ Сиріи. Эти мелкія городовыя царства находились въ постоянной борьбѣ, причѣмъ одни стремились подчинить себѣ другія. Съ великимъ трудомъ совершалось здѣсь политическое объединеніе, пока къ срединѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. цари города Ура не подчинили себѣ всю Вавилонію, присоединивъ къ своему титулу наименованіе „царей Сумера и Аккада“. Только позднѣе политическимъ центромъ этого постепенно развивавшагося царства сдѣлался Вавилонъ, по имени котораго мы и называемъ теперь всю страну. Уже въ эту эпоху—за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х.—Вавилонія на время овладѣваетъ и Месопотаміей, и Сиріей, но настоящею объединительницею всего бассейна Евфрата и Тигра сдѣлалась Ассирія, которая подчинила себѣ и Вавилонъ. Первоначально это царство было колоніей Вавилона, находившейся въ вассальной отъ него зависимости, но само-

стоятельно распространявшей свои владѣнія на счетъ сосѣдей и превратившейся, наконецъ,—около 1500 г. до Р. Х.—въ независимое государство которое потомъ—въ XIII в.—выступило на путь завоевательной политики. Это была первая обширная универсальная монархія, подъ властью которой въ IX—VII вв. находились всѣ области разсматриваемой нами древнѣйшей исторической территоріи со включеніемъ въ нее временно и самого Египта. Столицею этой обширной державы была Ниневія на Тигрѣ, уже сѣвернѣе Вавилона.

Въ промежутокъ времени между попытками Вавилона овладѣть Сиріей и Месопотаміей и образованіемъ Ассирійской державы, за шестнадцать вв. до Р. Х. въ роли завоевательнаго царства выступилъ и Египетъ. Въ XVII столѣтіи при такъ называемой 18 династіи начинается длинный рядъ временами чуть не ежегодныхъ походовъ египетскихъ фараоновъ въ Сирію, главнымъ образомъ, съ цѣлью грабежа, причѣмъ ихъ войска доходили нерѣдко до Евфрата, т. е. до самой Ассиріи, тогда еще, вѣроятно, очень незначительнаго государства. Это первое военное столкновеніе ассирійцевъ и египтянъ произошло за 1600 лѣтъ до Р. Х., а потомъ, когда Ассирія сдѣлалась обладательницею всей Передней Азіи и стала грозить и политической независимости самого Египта, то народы Сиріи, боровшіеся съ ассирійскимъ игомъ, сами начали звать къ себѣ на помощь египетскихъ фараоновъ, конечно, тоже боявшихся усиленія Ассиріи. Новое столкновеніе между обѣими великими державами—въ 720 г. до Р. Х.—кончилось пораженіемъ Египта, за которымъ потомъ послѣдовало и включеніе его въ составъ Ассирійской державы. Географическое положеніе Сиріи было таково, что ей всегда приходилось быть предметомъ спора между обладателями Египта и бассейна Евфрата и Тигра и подчиняться то одному, то другому изъ этихъ сосѣдей.

Въ тѣ періоды древней исторіи Востока, когда Сирію не тревожили ни египтяне, ни ассирійцы, въ ней тоже дѣлались попытки образованія болѣе крупныхъ царствъ путемъ соединенія подъ одною властью болѣе раннихъ политическихъ организацій. Роль посредницы между Египтомъ и Вавилономъ и въ торговлѣ, и въ передачѣ культурныхъ вліяній Сирія начала играть еще въ незапамятныя времена. Здѣсь, благодаря торговлѣ, образовалось множество городовъ, бывшихъ своего рода станціями караванныхъ путей и складоч-

ными пунктами перевозившихся по нимъ товаровъ. Той же торговлѣ обязанъ былъ своимъ значеніемъ и цѣлый рядъ приморскихъ городовъ финикійскаго побережья. Въ эти международныя коммерческія сношенія, вслѣдствіе благопріятнаго географическаго положенія Сири, были втянуты ея купцами и другія страны. Древнѣйшія историческія извѣстія рисуютъ намъ Сирію раздѣленною, подобно Вавилоніи наиболѣе ранней эпохи, на отдѣльныя государства-города подъ властью своихъ царьковъ или небольшихъ племенные группы, управлявшіяся собственными вождами. Первой попыткой образованія въ Сири болѣе крупнаго государства было царство хеттовъ.

Съ именемъ хеттовъ мы встрѣчаемся въ первый разъ въ египетскихъ надписяхъ, говорящихъ о сирійскихъ походахъ фараоновъ и относящихся къ тому времени, когда Ассирія была еще очень незначительнымъ государствомъ. Основавшись въ Сѣверной Сири, хетты сдѣлались главными врагами египетскихъ фараоновъ во время ихъ нашествій на Сирію. Сначала у нихъ, какъ и у другихъ народовъ древняго Востока, было много мѣстныхъ царьковъ, но мало-по-малу послѣдніе должны были подчиниться верховенству одного изъ своей среды, который имѣлъ столицу въ Кархемишѣ на Евфратѣ, важномъ торговомъ пунктѣ на путяхъ изъ Египта въ Арменію и изъ Месопотаміи въ Финикію. Это Хеттское царство пало подъ ударами Ассиріи послѣ весьма долговременнаго существованія. Другимъ важнымъ торговымъ пунктомъ былъ Дамаскъ, одно время входившій въ составъ владѣній Хеттской державы, а впослѣдствіи сдѣлавшійся столицею значительнаго Арамейскаго царства, которое образовалось къ югу отъ хеттовъ и даже постепенно оттѣснило къ сѣверу ихъ южную границу. Еще далѣе къ югу образовался потомъ одинъ политическій центръ, около котораго стало организоваться болѣе крупное государство: этимъ центромъ былъ Іерусалимъ, столица Еврейскаго царства, которое вскорѣ послѣ своего основанія простиралось отъ Евфрата до Краснаго моря, но смерти третьяго же царя раздѣлилось пополамъ, утративъ при этомъ и свои прежніе размѣры. Сири такъ-таки и не удалось объединиться въ одно цѣлое, и всѣ ея народы постепенно вошли въ составъ Ассирійской державы.

Къ числу народовъ, которые населяли Сирію, принадлежали и финикійцы, занимавшіе узкую прибрежную полосу

земли между Средиземнымъ моремъ и горною цѣпью Ливана. Финикія никогда не составляла одного политическаго цѣлаго: она состояла изъ нѣсколькихъ государствъ-городовъ, въ которыхъ торговля и промышленность получили необычайное развитіе и которые впервые стали снаряжать корабли для самыхъ отдаленныхъ плаваній по Средиземному морю и основывать на его берегахъ и островахъ свои колоніи. Было время, когда Средиземное море было въ торговомъ отношеніи совершенно въ рукахъ финикійцевъ, одна изъ колоній которыхъ, Карфагенъ, основала на сѣверномъ берегу Африки значительное государство. Но финикійцы были не только отважными мореходами: и сухопутная, караванная торговля въ Передней Азій равнымъ образомъ попала въ ихъ руки, такъ что въ концѣ концовъ они сдѣлались всесвѣтными коммерческими посредниками.

Финикійская торговля играла большую роль въ расширеніи міровой сцены далеко за ея ранними предѣлами у нижняго теченія Нила на западѣ и Евфрата съ Тигромъ на востокѣ. Конечными пунктами торговой дѣятельности финикійцевъ на западѣ сдѣлался Гибралтарскій проливъ, на востокѣ—устья Инда. Въ этихъ границахъ никогда не происходило политическаго объединенія въ древнемъ мірѣ, но изъ двухъ указанныхъ пунктовъ одинъ все-таки былъ крайнимъ предѣломъ Персидской монархіи на востокѣ, а другой—такимъ же крайнимъ предѣломъ Римской имперіи на западѣ¹⁾. Самое же важное было то, что финикійцы впервые втянули въ общую историческую жизнь берега Средиземнаго моря. Времена возникновенія и развитія египетской и вавилоно-ассирійской цивилизацій и ихъ постепеннаго распространенія изъ первоначальныхъ центровъ все далѣе и далѣе въ ту или другую сторону, времена возникновенія и развитія караванной торговли, главнымъ путемъ которой сдѣлалась Сирія, какъ посредница между Египтомъ и Месопотаміей, мы можемъ вмѣстѣ съ Мечниковымъ, авторомъ книги „Цивилизація и великія историческія рѣки“, назвать періодомъ рѣчныхъ цивилизацій, съ развитіемъ же финикійскаго мореплаванія мы вступаемъ въ періодъ цивилизацій морскихъ, которымъ впослѣдствіи и принадлежала первенствующая роль

¹⁾ Отъ Инда до Гибралтара простирался только Арабскій халифатъ въ эпоху наибольшаго своего могущества.

во всемирной истории. Съ течениемъ времени у финикійцевъ на Средиземномъ морѣ явились опасные соперники въ лицѣ грековъ, которые, въ концѣ концовъ, и вытѣснили ихъ отсюда, а еще позднѣе это море сдѣлалось какъ бы внутреннимъ озеромъ всемирной Римской имперіи, связавшей въ одно политическое цѣлое всѣ прибрежныя страны этого моря отъ Сиріи и Египта до Гибралтарскаго пролива.

Изъ морей, къ которымъ примыкаетъ древнѣйшая всемирно-историческая территория, состоявшая изъ Египта, Сиріи и Ассири-Вавилоніи, особыя удобства для широкаго развитія торговыхъ сношеній, а также для культурнаго и политическаго объединенія прибрежныхъ странъ, представляло какъ разъ то море, въ которое впадаетъ Нилъ, а не то, въ которое вливаются воды Евфрата и Тигра. Хотя изъ первоначальной своей территории цивилизація распространилась также, конечно, къ востоку отъ Тигра, хотя Персидская монархія дошла въ своихъ завоеваніяхъ до Инда, за который переходили и войска македонскаго завоевателя, однако, въ дальнѣйшей исторіи всѣ вообще страны, лежавшія между Персидскимъ заливомъ и Индомъ, составляли въ эпоху первенства Средиземнаго моря своего рода „отрѣзанный ломоть“, который совсѣмъ уже не достался римлянамъ. Не нужно забывать, что значительная часть территории между Тигромъ и Индомъ занята пустынями и горными хребтами. Благодаря этому, расширение всемирно-исторической сцены къ западу и получило гораздо большее значеніе, чѣмъ расширение ея къ востоку: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ присоединеніемъ цѣлаго ряда странъ, связанныхъ между собою удобными морскими путями, во второмъ—расширеніе въ сторону мало-доступныхъ и часто совсѣмъ почти непроходимыхъ пустынь и горъ.

Къ востоку отъ Ассиріи лежала большая область, которая носила собирательное названіе Аріаны, происходящее отъ имени заселявшихъ ее арійскихъ племенъ. Ближайшими сосѣдями Ассиріи изъ этихъ народовъ были мидяне къ югу отъ Каспійскаго моря и персы къ сѣверу отъ Персидскаго залива. И тѣ, и другіе подобно всѣмъ сосѣдямъ, были данниками ассирійскихъ царей, но въ VII в. до Р. Х. мидянамъ удалось освободиться отъ чужеземнаго ига и, основавъ собственное царство, подчинить себѣ персовъ. Мало того: соединившись съ вавилонянами, которые тяготились ассирійскимъ

владычествомъ, мидяне напали на Ниневію и положили конецъ Ассирійской державѣ, подѣливъ между собою ея области. Вскорѣ, однако, сами мидяне должны были уступить первенство персамъ, основавшимъ въ VI в. обширную монархію, въ составъ которой вошли, кромѣ мидо-персидскихъ областей и всѣ части бывшей Ассирійской монархіи съ Сиріей, и Египетъ, и Малая Азія, и вся Аріана до Инда, и даже часть Балканскаго полуострова въ Европѣ. Почти одновременно, съ развитіемъ греческой колонизаціи на Средиземномъ морѣ и съ образованіемъ Мидо-персидскаго царства, т.-е. и къ западу, и къ востоку отъ прежней главной исторической территории на сцену исторіи выступаютъ народы арійской расы. До этого времени первенствующая роль въ исторіи древности принадлежала семитамъ, но съ образованіемъ Персидской державы главенство перешло къ аріяцамъ, среди которыхъ сначала первенствующая роль была за персами, потомъ досталась грекамъ и, наконецъ, попала въ руки римлянъ. Каждый изъ этихъ народовъ поочередно владѣлъ тогдашнимъ историческимъ міромъ.

Сначала это были персы. Ихъ монархія просуществовала два вѣка, соединивъ подъ своею властью обломки всѣхъ старыхъ царствъ Востока. Персидская монархія простиралась отъ Средиземнаго моря до Инда, имѣя сѣверными своими границами въ Азіи Черное море, Кавказъ, Каспійское море и верховья Окса и Яксарта. Въ исходѣ IV в. въ этомъ полномъ своемъ составѣ она была, однако, завоевана греками и родственными съ ними македонянами подъ предводительствомъ царя послѣднихъ и вождя первыхъ Александра. Преемники завоевателя не сумѣли поддержать единство его обширной имперіи, и она распалась на нѣсколько отдѣльных царствъ, которыя получили названіе эллинистическихъ, благодаря господству въ нихъ греческаго элемента надъ туземнымъ. Основаніе эллинистическихъ царствъ было, такъ сказать, продолженіемъ греческой колонизаціи въ бассейнѣ Средиземнаго моря, и чѣмъ дальше отъ него мы отходимъ къ востоку, тѣмъ все менѣе и менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ греческаго вліянія. Сильнѣе всего оно было въ Египтѣ, въ Сиріи, въ Малой Азіи, гдѣ было нѣсколько мелкихъ царствъ, но за Тигромъ оно не только ослабѣвало, но даже прямо было вытѣснено, именно въ Парянскомъ царствѣ, которое было какъ бы воскрешеніемъ прежней Персіи. Когда западно-

эллинистическія царства одно за другимъ подчинились Риму, въ паронахъ, распространившихъ свою власть до границъ Сиріи, римское владычество въ Азій встрѣтило самаго опаснаго соперника, и дальше Евфрата Риму трудно было распространить свою власть. Въ эпоху Римской имперіи Паронское царство и его непосредственное продолженіе (съ III в. по Р. X.) Новоперсидское и было тѣмъ „отрѣзаннымъ ломтемъ“, о которомъ только-что было сказано. Владѣя Месопотаміей, Новоперсидское царство обнаружило стремленіе захватить и Сирію, пока само не было завоевано въ VII в. по Р. X. арабами.

Если мы перейдемъ теперь отъ Передней Азій, гдѣ образовались первыя, — за исключеніемъ Египта, — великія державы древности, къ странамъ, окружающимъ Средиземное море и входившимъ въ первые вѣка нашей эры въ составъ Римской имперіи, то увидимъ, что въ самую раннюю эпоху историческая жизнь сосредоточивалась здѣсь, главнымъ образомъ, въ разрозненныхъ государствахъ-городахъ, лежавшихъ у морскихъ береговъ или на сосѣднихъ островахъ. Нерѣдко противоположные берега моря находились между собою въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, чѣмъ съ внутренними частями тѣхъ странъ, часть которыхъ эти берега составляли. Въ этомъ отношеніи, напр., одно географическое цѣлое составляло Эгейское море съ восточнымъ берегомъ Греціи, южнымъ—Оракии и западнымъ—Малой Азій и лежавшими между ними островами, и не даромъ здѣсь въ V в. до Р. X. образовалась морская держава Аѣинъ, состоявшая въ сущности изъ береговъ и острововъ Эгейскаго моря¹⁾. Аналогичный примѣръ въ западной части Средиземнаго моря представляютъ собою владѣнія Карагенна на сѣверномъ берегу Африки и юго-восточномъ Испаніи и на сосѣднихъ съ ними островахъ. Наконецъ, и Римская имперія постепенно сложилась по берегамъ Средиземнаго моря, и лишь позднѣе къ приморскому бордюру стали приростать болѣе отдаленныя отъ Средиземнаго моря области—на материкѣ Европы до линіи, упирающейся своими концами въ устья Рейна и Дуная, въ Азій до верховьевъ Евфрата и Тигра. Римъ политически объединилъ берега, которые еще раньше посѣщались съ торговыми цѣлями и отчасти колонизировались финикійцами и

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 265.

греками. Особенностью объединительной политики на берегахъ Средиземнаго моря было то, что за образованіе болѣе крупныхъ политическихъ организацій брались здѣсь не царизавоеватели, а государства-города, какими были и Аѣины, и Карагенъ, и Римъ. Въ счетъ не идетъ только одна Македонія, которая, впрочемъ, направила свои усилія въ сторону Азій, а не на берега Средиземнаго моря. Здѣсь не мѣсто разсматривать, какъ постепенно сложились виѣталійскія владѣнія Рима, или такъ называемыя провинціи, но все-таки стоить отмѣтить, что державная власть римскаго народа надъ покоренными землями ничѣмъ не отличалась отъ власти восточныхъ царей надъ ихъ завоеваніями. Самъ Римъ могъ быть республикой, въ которой верховная власть считалась принадлежащей въ послѣдней инстанціи его гражданамъ, но по отношенію къ провинціямъ этотъ державный народъ былъ какъ-бы коллективнымъ царемъ, въ глазахъ котораго жители завоеванныхъ странъ были только подданными. Но дѣло въ томъ, повторяемъ, что и въ самомъ Римѣ установилась монархія, которая мало-по-малу стала принимать чисто восточныя формы, лучше всего привившіяся въ восточной ея половинѣ, будущей Византійской имперіи.

Въ концѣ древней исторіи главный историческій міръ состоялъ изъ двухъ великихъ державъ, т.-е. Римской имперіи и Новоперсидскаго царства, и въ обѣихъ господствовалъ одинъ и тотъ же политическій принципъ. Онъ пережилъ крушеніе Римской имперіи въ ея урѣзанномъ продолженіи, которое представляетъ собою Византію, какъ пережилъ и крушеніе Новоперсидскаго царства въ Арабскомъ халифатѣ, который на нѣкоторое время объединилъ въ одномъ громадномъ цѣломъ почти всѣ области древней Персидской монархіи и всѣ африканскія земли Римской имперіи.

ГЛАВА III.

Образование первых государств древности.

Самая ранняя городовая государства Востока. — Невозможность проследить их возникновение. — Города, как центры оседлого населения среди кочевников. — Слияние мелких государств в крупные. — Примеры Египта. — Древнейшие предания о бытии еврейского народа. — Израильские „судии“. — Установление царской власти в Израиле. — Сепаратистическая стремления и борьба с ними центральной власти. — Превращение Еврейского царства в деспотию. — Судебная функция древней царской власти. — Жреческое достоинство царя. — Значение религиозного объединения для объединения государственного.

Если мы обратимся к древнейшим временам политической истории наиболее культурных стран Востока, то увидим, что вездѣ в этих странах первоначально существовали многочисленные мелкие государства, центрами которых были города с их храмами. Так было именно на нижнем течении Евфрата и Тигра, гдѣ существовало нѣсколько таких городовых государств, находившихся под властью своих князей (*патеси*) и постоянно воевавших между собою. Когда один из таких князей подчинял себя другим, он дѣлался их общим начальником, царем, а они — его вассалами, и с этого начиналась политическая интеграция, образование более обширных царств. Подобный же порядок вещей господствовал и в Сирии, гдѣ, повидому, тоже каждый город представлял собою самостоятельное цѣлое под властью особых царьков, и в частности то же самое наблюдается и в Финикии с ее прибрежными городами. Кто читал Библию, тот постоянно должен был встрѣчаться с упоминаниями в ней о разных мелких царях, с которыми приходили в столкновение предки еврейского народа. Правда, с Египтом мы знакомимся уже, как с объединенным большим царством, но слѣды его образования из более мелких политических организмов сохранились в дѣлении его на *номы* (*νομοί*), как греки называли составлявшія его административныя

единицы. Это не было именно искусственным дѣлением, в родѣ нашего дѣления на губернии, потому что исторически номы были старше единой монархии: в них слѣдует видѣть не что иное, как болѣе древнія государственныя территории небольших племенных групп, пользовавшихся когда-то полною политической самостоятельностью. В отдѣльных нмах тоже были свои городские центры со святыщами мѣстных боговъ, а во главѣ их стояли подчиненные общему царю правители, должность которых обыкновенно наследственно переходила от отца к сыну. Вслѣдствіе раздѣления или соединения номов число их колебалось, но въ общемъ и въ Верхнемъ, и въ Нижнемъ Египтѣ ихъ было приблизительно по двадцати. Потерявъ въ незапамятныя времена политическую независимость, номы оставались, однако, всегда главными составными частями египетскаго государственнаго устройства, и когда въ немъ происходило ослабленіе центральной власти, они превращались въ своего рода княжества.

Въ этомъ отношеніи самая ранняя политическая организация оседлага населенія наиболее древнихъ культурныхъ странъ Востока напоминаютъ намъ государства-города греко-римскаго міра. Это — маленькія территории съ центральными поселеніями городского характера, являющимися средоточіями всей экономической, политической и религиозной жизни окрестнаго населенія, а во главѣ ихъ стоятъ царьки или князья въ качествѣ высшихъ правителей этихъ маленькихъ политическихъ цѣлыхъ. Различіе въ эволюціи раннихъ городовыхъ государствъ Востока и эллинскаго міра заключалось въ томъ, что на Востокѣ, съ одной стороны, эти маленькія царства очень рано стали входить въ составъ болѣе крупныхъ политическихъ организацій, тогда какъ греческіе города упорно отстаивали свою самостоятельность, а съ другой стороны, и судьба власти городовыхъ царьковъ была неодинаковая: на Востокѣ эта власть дѣлалась зерномъ, изъ котораго выростала могущественная деспотія, а у грековъ она расчленилась въ рядъ республиканскихъ магистратовъ и уступала мѣсто олигархіи, за которою слѣдовала демократія.

Къ сожалѣнію, по отношенію къ первоначальнымъ государствамъ Востока мы не обладаемъ такимъ историческимъ матеріаломъ, какой у насъ все-таки имѣется для рѣшенія вопроса о томъ, какъ сложились первоначальныя государства

греков¹⁾. Во всякомъ случаѣ, однако, тѣ маленькія городовыя государства, съ какими мы встрѣчаемся въ самыя раннія извѣстныя намъ эпохи исторіи Вавилоніи или Сириі или какими должны были быть первоначально египетскіе номы, не могутъ, конечно, считаться наиболѣе элементарными формами политическаго быта. Все, что мы знаемъ о мелкихъ царствахъ Востока, свидѣлствуетъ, что сами они были уже результатомъ довольно продолжительнаго процесса политической интеграціи еще болѣе мелкихъ социальныхъ группъ. Нужно было прежде всего, чтобы установилась болѣе прочнымъ образомъ осѣдая жизнь, чтобы успѣхи земледѣлія могли освободить часть рабочихъ рукъ для другихъ занятій, чтобы произошло выдѣленіе и обособленіе города, дабы постепенно мелкія изолированныя группы мало-по-малу стали подчиняться общей власти,—и только тогда могли появиться такія маленькія царства, какимъ былъ, напр., Урь. Не забудемъ, что чѣмъ дальше мы будемъ уходить въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе такія маленькія государственныя территоріи будутъ казаться намъ оазисами среди болѣе обширныхъ областей, въ которыхъ господствовали болѣе элементарныя формы быта, до быта пастуховъ-кочевниковъ включительно. Въ Библии сохранилось множество извѣстій, восходящихъ къ тому времени, когда Израиль былъ еще племенемъ номадовъ, между тѣмъ какъ и тогда уже существовали у другихъ народовъ и города, и цари. Рассказывая исторію утверденія Израіля въ землѣ Ханаанской, Ренанъ, между прочимъ, говоритъ о тогдшнемъ ея состояніи слѣдующее: „среди этого ханаанскаго населенія, жившаго въ городахъ, бродили, какъ во времена еврейскихъ патриарховъ, кочевники безъ опредѣленнаго мѣста жителства, каковы, напр., амалекитяне, ведшіе самый жалкій образъ жизни, въ родѣ цыганъ, не имѣющихъ ни кола, ни двора“²⁾. „Нужно, вообще, говорить тотъ же историкъ,—нужно вообще замѣтить, что эти древнія цивилизаціи (рѣчь идетъ объ Египтѣ и Вавилоніи) не были такъ компактны, какъ наши: въ нихъ были внутреннія пустоты, въ которыхъ находилось мѣсто для кочевниковъ и которыя, такъ сказать, его къ себѣ манили. Именно благодаря этому, Египетъ всегда привлекалъ къ себѣ арабовъ и давалъ имъ

¹⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 18 и слѣд.

²⁾ *E. Renan. Hist. du peuple d'Israël*, I, 226 (по 2 изд.).

мѣсто въ своей административной системѣ, столь тѣсной съ перваго взгляда. Населеніе Вавилоніи, повидимому, было не особенно густо; цѣлыя пастушескія группы могли тамъ занимать мѣсто, подобное тому, какое занимаютъ теперешніе бедуины въ Сириі и въ Египтѣ или цыганы въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ особенно много“¹⁾. По крайней мѣрѣ, въ Палестинѣ это встрѣчалось сплошь и рядомъ, и цѣлыя кочевыя племена жили въ ней совмѣстно съ осѣдымъ населеніемъ, имѣвшимъ уже города. Конечно, съ теченіемъ времени осѣдлый бытъ все болѣе и болѣе расширялся на счетъ кочевого, и „внутреннія пустоты“ все болѣе и болѣе заполнялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сплывались въ болѣе крупныя политическія организаціи тѣ мелкія городовыя царства, о которыхъ только что шла рѣчь. Сравнительно съ бытомъ небольшихъ кочевыхъ группъ и эти даже маленькія государства были огромнымъ шагомъ впередъ въ исторіи политической эволюціи. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этой эволюціи было сляніе мелкихъ государствъ въ болѣе крупныя. Это происходило путемъ завоеванія однимъ какимъ-либо царствомъ другихъ, сосѣднихъ съ нимъ, или путемъ союзовъ въ цѣляхъ отраженія общихъ враговъ, какими для осѣдыхъ населеній были всегда кочевники, то дѣлавшіе набѣги на земледѣльческія страны съ цѣлью грабежа, то внѣдрявшіеся въ нихъ съ цѣлью болѣе прочнаго поселенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ политическая интеграціа могла стоять въ связи съ необходимостью общихъ предпріятій и мирнаго характера. Раннее объединеніе Египта, сначала въ видѣ двухъ только царствъ Верхняго и Нижняго Египта, а потомъ одного, какимъ мы и знаемъ его съ начала его исторіи, объясняютъ не безъ правдоподобія необходимою общей для всей страны организаціи работъ по регулированію разлитій Нила, по осушкѣ болотъ, прорытію каналовъ, сооруженію плотинъ²⁾. Въ болѣе достовѣрную исторію Египетъ вступаетъ уже, какъ единая монархія съ абсолютнымъ царемъ во главѣ, управляющимъ странюю съ помощью цѣлой бюрократической системы,—политическая форма, которой другіе народы достигали много позже. Бытъ можетъ, и въ Египтѣ между мѣстными царьками происходили войны, и подчиненіе всѣхъ

¹⁾ *Ibid.*, I, 66.

²⁾ Объ этомъ подробнѣе въ главѣ V.

номовъ одному царю происходило не безъ сопротивленія, но объ этомъ не сохранилось даже никакихъ преданій, и только временныя распаденія Египта, все-таки случавшіяся, указываютъ, что полного уничтоженія мѣстной самобытности все-таки здѣсь не произошло. Съ другой стороны, Египту нужно было охранять себя отъ сосѣдей, — обстоятельство, которое тоже заставляло отдѣльныя части страны соединяться для общаго дѣла. Особенно опаснымъ пунктомъ былъ Суэзскій перешеекъ, черезъ который почти постоянно приходили кочевники изъ Азіи. Позднѣе и сами египтяне сдѣлались завоевательнымъ народомъ, начавъ рядъ походовъ въ Сирію, которую стремились подчинить своей власти. Отъ перваго слиянія отдѣльныхъ номовъ до превращенія Египта въ завоевательную монархію прошли многія столѣтія, и, понятно, что въ разныя времена и разные факторы содѣйствовали внутреннему объединенію и внѣшнему росту Египетскаго царства.

Если бы мы захотѣли остановиться на примѣрѣ образованія единаго національнаго царства, расширявшагося потомъ путемъ завоеваній, изъ болѣе мелкихъ политическихъ группъ, притомъ не сразу перешедшихъ отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому, то лучше всего могли бы это сдѣлать, прослѣдивъ исторію еврейскаго народа, о раннихъ эпохахъ жизни котораго сохранились такія преданія, какихъ не имѣли другіе историческіе народы Востока, кромѣ развѣ арійцевъ Индіи. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы эти извѣстія были вполне точны и совершенно полны, и чтобы въ нихъ совсѣмъ не было никакихъ поэтическихъ сказаній, но ими мы имѣемъ не меньшее право пользоваться, нежели поэмами Гомера для восстановленія быта грековъ въ эпоху, очень далекую отъ достовѣрной исторіи ¹⁾. Сколько бы историческая критика ни подвергала сомнѣнію фактичность національныхъ преданій Израиля, бытовыя черты, которыя мы находимъ въ этихъ преданіяхъ, являются для насъ драгоценными свидѣтельствами о тѣхъ стадіяхъ политическаго существованія, какія переживались еврейскимъ народомъ до возникновенія царства Саула, Давида и Соломона. Надлежащимъ образомъ пользуясь этими данными, можно представить себѣ, — иногда въ самыхъ общихъ чертахъ только, а иногда и въ подробностяхъ, — какъ возникло цѣлое націо-

нальное государство изъ соединенія нѣсколькихъ разнородныхъ племенъ, которыя еще хранили память о своемъ кочевомъ прошломъ. Слѣдующая небольшая экскурсія въ область еврейской исторіи и будетъ поэтому служить цѣлимъ составленія общаго взгляда на то, какъ возникали древнія царства, притомъ уже не ограничивавшіяся территоріей одного города.

Судя по древнѣйшимъ преданіямъ еврейскаго народа, его предки долго вели кочевой образъ жизни въ качествѣ скотоводовъ, и ихъ социальная организація отличалась большою простотою, именно простотою родового быта. Жильемъ имъ служили палатки изъ верблюжьяго сукна, и лишь тамъ, гдѣ они останавливались на болѣе продолжительное время, они иногда строили себѣ наскоро хижины изъ камней и древесныхъ вѣтвей. Пищей имъ служили молоко и мясо, но иногда они успѣвали и собрать небольшую жатву, если гдѣ-либо оставались на болѣе долгій срокъ, въ большинствѣ же случаевъ хлѣбъ и вино они вымѣнивали у сосѣднихъ сосѣдей. Весь народъ, — насколько можно говорить о народѣ, — состоялъ изъ небольшихъ племенныхъ группъ, которыя то соединялись болѣе тѣснымъ образомъ, то снова разъединялись, не имѣя никакой болѣе определенной и прочной организаціи. Трудно съ точностію установить, гдѣ и когда, а также сколько времени въ какомъ мѣстѣ странствовали и проживали евреи, но во всякомъ случаѣ они были пришельцами въ той странѣ, гдѣ впоследствии образовали свое царство. Самую страну эту они завоевали лишь постепенно, занимая ее по частямъ, да и то отдѣльными племенами. Каждое изъ ихъ дѣйствовало на свой страхъ, истребляя или порабощая мѣстное ханаанское населеніе или сливаясь съ нимъ, и только съ теченіемъ времени образовался изъ этихъ племенъ, или „колѣнъ“ единый народъ. Можно даже предполагать, что занятіе Израилемъ земли Ханаанской сопровождалось на первыхъ порахъ скорѣе ослабленіемъ связи между отдѣльными его группами, нежели ея усиленіемъ, такъ какъ селились онѣ въ разныхъ мѣстахъ, нерѣдко довольно далеко одна отъ другой. Ренанъ сравниваетъ первоначальныя поселенія евреевъ въ Ханаанѣ съ поселеніями франковъ среди галло-римлянъ въ V—VI вв., съ тѣмъ, однако, различіемъ, — слѣдуетъ прибавить, — что у израильскихъ колѣнъ не было общаго вождя. Не только весь народъ въ его цѣломъ не

¹⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 19 и слѣд.

подчинялся никакой общей власти, но и въ каждомъ отдѣльномъ колѣнѣ не было, такъ сказать, своей центральной власти. Лишь временно, въ минуты наибольшей опасности, племена вступали между собою въ союзныя отношенія и устанавливали подобіе центральной власти, — черта быта, напоминающая намъ аналогичное явленіе въ древнѣйшіе періоды жизни грековъ или германцевъ¹⁾. Временные вожди Израиля въ эту эпоху назывались судьями, по-еврейски *софтимъ*, и съ этимъ же именемъ мы встрѣчаемся въ Кароагенѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, во главѣ правленія стояли два савонника въ родѣ римскихъ консуловъ, называвшіеся *суффетами*. Еврейскіе „судіи“ напоминаютъ намъ германскихъ герцоговъ, о которыхъ говоритъ Тацитъ, но ихъ власть имѣла и религиозный характеръ избранниковъ самого Ягве, національнаго Бога Израиля. Софеть пользовался неограниченною властью, которую можно сравнить съ властью римскаго диктатора, но это не было прочнымъ и постояннымъ учрежденіемъ съ опредѣленными органами, и во всякомъ случаѣ власть „судіи“ не передавалась наслѣдственно отъ отца къ сыну. Кромѣ того по всей вѣроятности, эти временные вожди Израиля во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ совѣщались съ главами отдѣльныхъ родовъ, какъ это наблюдается вездѣ, гдѣ возникаютъ такія временныя федераціи отдѣльныхъ родовыхъ или племенныхъ группъ.

Въ этомъ разъединеніи между разными племенами заключалась причина слабости Израиля. Между тѣмъ, по его же собственному примѣру въ землю Ханаанскую стали вторгаться другія народности, и ихъ нашествія дѣлались все болѣе и болѣе опасными. Поэтому весьма естественно въ Израилѣ должна была зародиться мысль объ установленіи постоянной высшей власти, т.-е. царскаго достоинства. Она была уже, напр., при извѣстномъ „судіи“ Гедеонѣ, которому народъ даже прямо предлагалъ власть надъ собою. „И сказали израильтяне Гедеону, читаемъ мы въ *Книгѣ Судей*, владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего, ибо ты спасъ насъ отъ руки мадіанитянъ“ (гл. 8), но Гедеонъ отказался отъ власти, сказавъ: „пусть владѣтъ вами Ягве“. Тѣмъ не менѣе послѣ его смерти та власть, которою онъ фактически пользовался въ колѣнахъ Манассеиномъ и Ефремовомъ, сдѣлалась пред-

¹⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 20.

метомъ спора между его наслѣдниками: сынъ его, отъ наложницы, по имени Авимелехъ¹⁾, умертвилъ всѣхъ своихъ братьевъ, кромѣ одного по имени Иоама, и жители города Сихема провозгласили его царемъ. Иоамъ, однако, сталъ вооружать противъ него сихемцевъ, и дѣло кончилось ссорой между самими сихемцами и ихъ царемъ, во время которой послѣдній былъ убитъ. *Книга Судей* говоритъ, что онъ „царствовалъ надъ Израилемъ три года“, но въ сущности это была только неудачная попытка установленія въ Израилѣ постоянной власти, не болѣе того. Прошло еще полтора или двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ подобная попытка могла увѣнчаться успѣхомъ. Въ теченіе всего этого времени въ Израилѣ не было никакого единства, и между его отдѣльными колѣнами происходили постоянныя усобицы, хотя всѣ они уже и сознавали свое родство. Тѣмъ не менѣе, будущее единство подготовлялось, и переходную ступень отъ полной почти разрозненности къ объединенію представляетъ собою федеративный строй, когда у Израиля явился своего рода сборный пунктъ въ Массифѣ, находившейся въ колѣнѣ Вениаминовомъ, совсѣмъ въ виду Иерусалима. Здѣсь происходили своего рода федеральные сеймы Израиля. „И вышли, читаемъ мы въ *Книгѣ Судей*, — и вышли всѣ сыны Израилевы и собралось все общество, какъ одинъ человекъ, отъ Дана до Вирсави, и земля Галаадская передъ Господа въ Массифу. И собрались начальники всего народа, всѣ колѣна Израилевы, въ собраніе народа Божія, четыреста тысячъ пѣшихъ, обнажающихъ мечъ“ (гл. 20). Это было своего рода народное вѣче съ начальниками отдѣльныхъ племенныхъ группъ во главѣ. „Въ тѣ дни не было царя у Израиля, и каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ“ (гл. 21). Съ другой стороны, у Израиля возникъ и общій религиозный центръ въ Силомѣ, гдѣ находилась національная святыня, „ковчегъ завѣта“. Оставалось сдѣлать одинъ только шагъ впередъ, чтобы завершить начавшееся объединеніе, — особенно въ виду опасности, которою грозили независимости Израиля филистимляне. Въ первой *Книгѣ Царствъ* о возникновеніи царской власти въ Израилѣ рассказывается слѣдующимъ образомъ. Когда бывшій долгое время „судіей“ Самуиль, составившись, поставилъ „судьями“ своихъ сыновей и послѣдніе

¹⁾ Имя это значитъ: „мой отецъ—царь“.

стали поступать несправедливо, то „собрались всѣ старѣйшины Израиля, и пришли къ Самуилу, и сказали ему:... поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ“. На всѣ возраженія Самуила, который въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ изобразилъ, чѣмъ будетъ для Израиля царь¹⁾, народъ отвѣчалъ: „нѣтъ, пусть будетъ царь надъ нами; и мы будемъ, какъ прочіе народы; будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить передъ нами, и вести войны наши“ (гл. 8). Царь былъ нуженъ Израилу такимъ образомъ преимущественно въ качествѣ воеводы, т.-е. военного вождя, и именно этотъ смыслъ имѣютъ титулы греческаго басилевса, римскаго претора, германскаго герцога²⁾: царская власть есть предводительство на войнѣ. Царемъ сдѣлался Саулъ, уже успѣвшій прославиться въ войнѣ съ филистимлянами, и однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было образование отдѣльнаго отъ народа войска. „Годъ былъ по воцареніи Саула,—читаемъ мы въ I Книгѣ Царствъ, и другой годъ царствовалъ онъ надъ Израилемъ, какъ выбралъ Саулъ себѣ три тысячи изъ израильтянъ,... а прочій народъ отпустилъ онъ по домамъ своимъ“ (гл. 13). Извѣстно, что по смерти Саула новое царство чуть-было не распалось, и только Давидъ снова возстановилъ его, давъ народу новый общій политическій и религіозный центръ въ Иерусалимѣ. У Саула, собственно говоря, еще не было столицы, какъ не было ничего похожего и на царскій дворъ: жилъ онъ въ родномъ своемъ селеніи и самъ воздѣлывалъ свое поле, когда не было войны, мало во что при этомъ вмѣшиваясь. Давидъ уже окружилъ себя царственнымъ блескомъ и пересталъ лично выходить на войну, поручивъ веденіе ея поставленнымъ надъ военными силами начальникамъ. Какъ у Израиля былъ передъ глазами примѣръ другихъ народовъ, имѣвшихъ царей, такъ и Давиду съ его преемниками чужеземные цари могли служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ обставлять себя на царствѣ.

Политическое объединеніе Израиля не было полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности прежнихъ племенныхъ группъ, старыхъ „колѣнъ“. Установленіе центральной власти не сопровождалось исчезновеніемъ старыхъ мѣстныхъ властей. Тѣ же

¹⁾ См. ниже.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 36.

самые старѣйшины, которые приходили къ Самуилу просить царя, выступаютъ на сцену и при назначеніи царемъ Давида. И въ царствованіе Соломона созывались еще „старѣйшины Израилевы и всѣ начальники колѣнъ, главы поколѣній сыновъ Израилевыхъ“ (III Кн. Царствъ, гл. 8). Однако, прежней замкнутости отдѣльныхъ племенъ былъ нанесенъ ударъ, и, повидимому, административное дѣленіе царства при Соломонѣ не совпадало уже съ прежними границами племенъ. Осталось въ силѣ и прежнее соперничество между болѣе крупными племенами, и только болѣе мелкія племенные группы, не имѣвшія возможности вести вполне самостоятельное существованіе, не помышляли ни о какомъ сепаратизмѣ. Уже въ первыя времена монархіи возникла рознь между Израилемъ и Иудею¹⁾, и самое возвышеніе Давида еще при жизни Саула было результатомъ оппозиціи, которую гегемонія колѣна Веняминова встрѣтила въ колѣнѣ Иудиномъ. Послѣднее отложилось отъ общаго царства и даже признало надъ собою протекторатъ филистимлянъ. Утвержденіе Давида во всемъ Израилѣ было переходомъ гегемоніи къ колѣну Иудину, но этотъ царь, желая поднять свою власть надъ старыми племенными раздѣленіями, сдѣлалъ политическимъ центромъ царства завоеванный имъ у іевусеевъ и, слѣдовательно, бывший нейтральнымъ Иерусалимъ. Сдерживать молодое царство отъ распадешя приходилось силою, тѣмъ болѣе, что въ составъ монархіи вошли и чужеродные элементы—амалекитяне, эдомитяне, моавитяне и т. п. Если въ самомъ Израилѣ возникали сепаратистическія стремленія, то еще естественнѣе были они у всѣхъ этихъ инородныхъ племенъ, насильно объединенныхъ подъ властью іерусалимскаго царя. Уже Давиду не разъ приходилось идти войною на отпадавшія отъ него племена, а по смерти Соломона царство, какъ извѣстно, и совсѣмъ распалось надвое, что было въ свою очередь сигналомъ для отложенія многихъ покоренныхъ земель. Для противодѣйствія этимъ сепаратистическимъ стремленіямъ цари посылали въ отдѣльныя области своихъ намѣстниковъ и строили укрѣпленія, въ которыхъ содержали гарнизоны, и это заставляло отдѣльныя группы еще сильнѣе чувствовать утрату былой независимости. Къ этому въ качествѣ обстоятельства, заставлявшаго еще болѣе стремиться къ отложенію отъ по-

¹⁾ Т.-е. между двумя наиболѣе значительными группами.

литического единства, присоединялись поборы, которые были установлены Давидомъ и Соломономъ. Покоренныя племена были обложены данью, самъ Израиль долженъ былъ тоже платить налоги и отбывать разныя натуральныя повинности. Самая причина отложенія отъ соломонова царства десяти сѣверныхъ колѣнъ и образованія изъ нихъ особаго государства изображается въ Библии, какъ слѣдствіе тяжелаго положенія, въ какое попали сыны Израилевы. Когда народъ собрался въ Сихемъ, чтобы „воцарить“ сына соломонова Ровоама, то обратился къ послѣднему съ просьбою облегчить положеніе своихъ подданныхъ. „Отецъ твой, говорили ему, наложилъ на насъ тяжкое иго, ты же облегчи намъ жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ“. Отвѣтъ Ровоама извѣстенъ: „отецъ мой, сказалъ онъ, наложилъ на васъ тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами“. Послѣ такого отвѣта Израиль не хотѣлъ болѣе повиноваться Ровоаму, который потому и остался царемъ лишь надъ двумя колѣнами.

Быстрое превращеніе Еврейскаго царства въ обыкновенную восточную деспотію — яркій примѣръ того, въ какомъ направленіи совершалась политическая эволюція въ раннихъ государствахъ Востока. Израиль повторилъ въ своей внутренней исторіи то, что раньше его уже давно переживали другіе народы Востока, между прочимъ, и разныя сирійскіе сосѣди евреевъ. Въ *I Книгѣ Царствъ* есть любопытная характеристика восточной деспотіи, вложенная составителемъ книги въ уста Самуила, когда у него просили царя, — характеристика, какъ бы списанная съ царствованія Соломона, по вѣрному замѣчанію Ренана. „И сказалъ Самуиль: вотъ какія будутъ права царя, который будетъ царствовать надъ вами. Сыновей вашихъ онъ возьметъ и приставитъ ихъ къ колесницамъ своимъ, и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они бѣгать передъ колесницами его; и поставитъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они воздѣлывали поля его и жали хлѣбъ его, и дѣлали ему воинское оружіе и колесничный приборъ его. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ составляли масти, варили кушанье и пекли хлѣбы. И поля ваши и виноградныя и масличныя сады ваши лучшіе возьметъ и отдастъ слугамъ своимъ. И отъ поѣвовъ вашихъ и изъ виноградниковъ садовъ вашихъ возьметъ десятую

часть и отдастъ евнухамъ своимъ и слугамъ своимъ. И рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ, и юношей вашихъ лучшихъ, и ослонъ вашихъ возьметъ и употребитъ на свои дѣла. Отъ мелкаго скота вашего возьметъ десятую часть; и сами вы будете ему рабами. И возстаете тогда отъ царя вашего, котораго вы избрали себѣ; и не будетъ Господь отвѣчать вамъ тогда“ (гл. 8).—Въ исторіи восточныхъ царствъ раннее развитіе деспотизма вообще представляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ политической эволюціи. Необходимость общей защиты отъ вражескихъ нашествій приводила къ установленію центральной военной власти, сначала временной, потомъ постоянной, и, опираясь на свое военное значеніе, эта власть дѣлалась политической силою, которая мало-помалу подчиняла себѣ и внутреннюю жизнь, тѣмъ болѣе, что въ сущности она являлась наслѣдницею болѣе раннихъ родовыхъ и племенныхъ властей и въ дѣлахъ внутренняго порядка.

У всѣхъ народовъ первые князья и цари были не только вождями на войнѣ, но и высшими судьями во время мира. Названіе судей носили не одни только вожди еврейскаго народа въ до-царскій періодъ его исторіи, — напр., судьями (judices) назывались иногда на первыхъ порахъ и римскіе консулы, — и не даромъ самое возникновеніе царской власти въ Израилѣ объясняется желаніемъ народа имѣть царя, который былъ бы и его судьей. Объ исполненіи первыми еврейскими царями судебныхъ функцій въ Библии мы имѣемъ нѣсколько разказовъ, такъ что въ этомъ какъ-бы тоже заключалась главная обязанность царской власти. „И царствовалъ Давидъ надъ всѣмъ Израилемъ, и творилъ Давидъ судъ и правду надъ всѣмъ народомъ своимъ“ (*II Кн. Царствъ*, гл. 8). У Геродота (кн. I, гл. 96 и слѣд.) есть разказъ о томъ, какъ у мидянъ получилъ царскую власть нѣкій Дейока, который въ ассирійскихъ извѣстіяхъ извѣстенъ подъ именемъ Дайауку. По словамъ Геродота, „мидяне жили въ то время отдѣльными деревнями“, т.-е. не составляли одного политическаго цѣлаго¹⁾, и въ нихъ господствовали „грабежъ и беззаконіе“. „Поэтому, говоритъ онъ дальше, мидяне собрались въ одно мѣсто, совѣщались между собою и обсуждали положеніе дѣлъ“. Главнымъ результатомъ этого совѣщанія

¹⁾ Ср. „Государство-городъ“, стр. 22.

было рѣшеніе выбрать царя: „при существующихъ условіяхъ, говорили собравшіеся, мы не можемъ долѣе жить въ нашей странѣ, поэтому поставимъ надъ собою царя; тогда страна будетъ пользоваться благами законами, мы сами займемся нашими дѣлами, и беззаконіе не вытѣснитъ насъ изъ родины“. Выбору мидянъ палъ на Дейоку, который уже раньше былъ судьей въ одной деревнѣ и пользовался славой очень справедливаго человѣка, вслѣдствіе чего къ нему „охотно обращались за разборомъ своихъ дѣлъ и жители остальныхъ деревень“, какъ къ „единственно праведному судѣ“. Геродотъ изображаетъ Дейоку большимъ хитрецомъ, который думалъ только о захватѣ власти, и вотъ, согласившись сдѣлаться царемъ, онъ „приказалъ соорудить для него домъ, достойный званія царя, и обезпечить его власть вооруженною стражею копъеносцевъ“. Мидяне исполнили его желаніе, и тогда Дейока „принудилъ ихъ образовать одинъ городъ, сосредоточить заботы на немъ только и обращаться поменьше вниманія на другія мѣстности“. Мидяне и на это согласились и построили укрѣпленный городъ Агбатаны. Поселившись во дворцѣ, окруженномъ семью рядами стѣнъ, Дейока „остальному народу велѣлъ селиться за предѣлами акрополя“, въ которомъ и заперся, такъ что никто не могъ больше его видѣть, и всѣ сносились съ нимъ лишь посредствомъ вѣстниковъ. „Подававшіе жалобы писали ихъ и посылали къ царю, а царь разбиралъ жалобы и по рѣшенію отсылалъ назадъ“, а „если узнавалъ, что кто-нибудь совершилъ преступленіе, то велѣлъ звать преступника къ себѣ и назначалъ наказаніе, соотвѣтствующее винѣ каждаго; кромѣ того, по всему царству содержалъ онъ соглядатаевъ и подслушивателей“. Свой рассказъ о Дейокѣ,—конечно, носящій на себѣ всѣ слѣды легендарнаго происхожденія,—Геродотъ заключаетъ указаніемъ на то, что у мидянъ было шесть племенъ, которыя и были слиты Дейокою въ одинъ народъ. Наиболѣе характерною чертою этого рассказа является выведеніе царской власти изъ судейской должности. Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что какой-то Дайаукку былъ мидійскимъ княземъ, участвовавшимъ въ войнѣ съ Ассиріей, которая поработила мидянъ: правда, ассирійскій царь Саргонъ говоритъ, что этого князя онъ взялъ въ плѣнъ, но очень можетъ быть, что одинъ изъ членовъ княжескаго рода Дайаукку, дѣйствительно, соединилъ мидянъ въ одно царство, которое при сынѣ Дейоки, Фраортѣ,

по словамъ Геродота, начало расширять свою власть надъ со-сѣдними народами, и, конечно, едва ли власть Дейоки имѣла только такое происхожденіе безъ военнаго элемента. Во всѣхъ раннихъ государствахъ съ княжескою или царскою властью, военная и судебная функціи обыкновенно сливались воедино,—черта, которую нужно всегда имѣть въ виду при разсмотрѣннн раннихъ формъ политической организаціи. Подобное же явленіе мы наблюдаемъ въ начальной исторіи и античныхъ государствъ-городовъ, гдѣ существенными функціями царской власти были предводительство на войнѣ и отправленіе правосудія ¹⁾. Тотъ же примѣръ классическихъ народовъ показываетъ намъ, впрочемъ, еще, что царь былъ не только военачальникъ и судья, но и жрецъ, подобно тому, какъ и болѣе ранніе родовладыки и племенные старѣйшины соединяли въ своихъ рукахъ всѣ три должности, т.-е. военную, судейскую и жреческую.

Религіозный культъ въ самыя раннія эпохи исторіи народовъ, какъ и политическій ихъ бытъ, отличался партикуляризмомъ: каждая патриархальная семья или родъ, каждое племя или городъ имѣли своихъ боговъ-покровителей, которые особенно пеклись о своихъ почитателяхъ, охраняли ихъ, помогали имъ въ столкновеніяхъ съ врагами, и глава каждой такой группы, т.-е. домохозяинъ, или родовладыка, племенной старѣйшина или городской князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предстоителемъ данной соціальной группы предъ ея богами, ея жрецомъ. Образованіе особаго жреческаго сословія и даже жреческой касты, какую представляютъ собою индійскіе браманы,—явленіе во всякомъ случаѣ болѣе позднее и никоимъ образомъ не позволяющее намъ говорить о существованіи въ древнѣйшія времена чего-либо аналогичнаго позднѣйшему различенію между государствомъ и церковью. Каждая ранняя политическая организація вмѣстѣ съ этимъ была и организаціей религіозной, т.-е. то, что можно было бы назвать церковью, сливалось съ государствомъ въ одно нераздѣльное цѣ-

¹⁾ Аристотель въ своей *Политикѣ* о царской власти у грековъ героическихъ временъ говоритъ: „они предводительствовали на войнѣ и приносили жертвы; кромѣ того, рѣшали также и тяжбы дѣла“. — „У спартанскихъ царей, говоритъ онъ еще, тройкая обязанность: они совершаютъ жертвоприношенія, начальствуютъ на войнѣ и творятъ судъ и расправу“. Ср. „Государство-городъ“, стр. 37—38.

лое. Установленіе общихъ культовъ было однимъ изъ могучихъ орудій политической интеграціи, и поклоненіе однимъ и тѣмъ же божествамъ являлось весьма часто главнымъ признакомъ принадлежности къ извѣстной національности. Жреческое достоинство въ рукахъ царя сообщало его власти религиозную санкцію, и самое званіе царя дѣлалось священнымъ въ глазахъ его подданныхъ. Въ Египтѣ и Вавилоніи сами города образовались первоначально вокругъ святилищъ, бывшихъ религиозными центрами наиболѣе раннихъ социальныхъ группъ, жившихъ бокъ-о-бокъ и тамъ, и здѣсь, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ можно думать, царская власть, въ древнѣйшихъ городахъ Вавилоніи развилась изъ жречества. Вездѣ, говоря вообще, мѣстные царьки находились въ самой тѣсной связи съ городскими божествами, которымъ они воздвигали храмы, и даже въ болѣе позднія времена въ титулѣ вавилонскихъ царей сохранялось упоминаніе о ихъ жреческомъ достоинствѣ. То же самое мы наблюдаемъ и въ Египтѣ, о чемъ,—какъ и вообще о религиозномъ характерѣ царской власти на Востока,—у насъ будетъ еще идти рѣчь впереди. Библейскія извѣстія равнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о жречествѣ царей. Достаточно вспомнить, напр., объ упоминаемомъ въ исторіи Авраама царѣ салимскомъ Мелхиседекѣ, который въ то же время былъ, какъ сказано въ *Книгѣ Бытія* (гл. XIV, ст. 18), „священникомъ Бога всевышняго“. Для насъ безразлично, есть ли Салимъ Иерусалимъ или какой-либо другой городъ, и важно только соединеніе въ лицѣ Мелхиседека царскаго достоинства со священствомъ. Что судіи и цари Израиля тоже приносили жертвы, это точно также фактъ всѣмъ хорошо извѣстный. Наконецъ, какое важное значеніе принадлежало въ политическомъ отношеніи религиозному объединенію около одного центра, видно въ исторіи евреевъ изъ того, что когда произошло раздѣленіе царствъ, первымъ же дѣломъ царя израильскаго Иеровоама было отложиться отъ іерусалимскаго культа. „И говорилъ онъ въ сердцѣ своемъ: царство опять можетъ перейти къ дому Давидову. Если народъ сей будетъ ходить въ Иерусалимъ для жертвоприношенія... то сердце народа сего обратится... къ царю іудейскому... И посовѣтовавшись царь сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ, и сказалъ народу: не нужно вамъ ходить въ Иерусалимъ; вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли Египетской“. При

этомъ рассказывается еще, какъ былъ организованъ новый культъ, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ царь „приносилъ жертвы на жертвенникѣ“ и „совершалъ куренія“ перегибъ богами, т.-е. выступалъ въ качествѣ верховнаго жреца государственной религіи новаго Израильскаго царства.

ГЛАВА IV.

Историческое значеніе древней торговли.

Взаимныя отношенія политической и экономической интеграціи. — Формула экономической эволюціи, предложенная Бюхеромъ. — Наше незнание съ наиболѣе ранними ступенями экономического развитія культурныхъ странъ древняго Востока. — Періодъ натурального хозяйства. — Начало торговли и возникновеніе денежнаго хозяйства. — Вліяніе торговли на внутренній бытъ. — Вліяніе политическаго объединенія на развитіе торговыхъ сношеній.

Политическая интеграція заключается въ сліяніи въ одно болѣе крупное цѣлое ряда болѣе мелкихъ социальныхъ группъ, сопровождаемое установленіемъ между ними все болѣе и болѣе возрастающей общности интересовъ и подчиненіемъ ихъ нѣкоторой общей власти. Такъ изъ разрозненныхъ родовъ складывались племенные союзы, которые въ свою очередь сливались въ болѣе значительныя государства, очень часто дѣлавшіяся потомъ лишь отдѣльными частями еще болѣе крупныхъ политическихъ организацій. Рядомъ съ политической интеграціей и независимо отъ нея происходитъ другая интеграція—экономическая. Первоначальныя мелкія политическія организаціи въ хозяйственномъ отношеніи являются замкнутыми и самодовлѣющими социальными группами, и лишь постепенно начинаютъ онѣ входить въ экономическое общеніе между собою, т.-е. одна въ другой нуждаются, обмѣниваются своими продуктами, одна отъ другой зависѣтъ. Это—два разныхъ процесса, политическая интеграція и интеграція экономическая, и, конечно, онѣ одна другой могутъ помогать, одна другую поддерживать и даже обуславливать, но одинъ процессъ можетъ совершаться и независимо отъ другого. Напримѣръ, бываетъ такъ, что вполне обособлен-

ныя въ экономическомъ отношеніи группы политически объединяются или для взаимной обороны отъ внѣшнихъ враговъ, или какъ-разъ извнѣ, путемъ завоеванія, подчиняющаго ихъ чуждой власти, и въ такихъ случаяхъ политическая интеграція опережаетъ экономическую, но бываетъ и наоборотъ, т.-е. что экономическая интеграція опережаетъ политическую. Въ самомъ дѣлѣ, иногда на извѣстной, болѣе или менѣе обширной территоріи устанавливается живое экономическое взаимодействіе безъ политическаго объединенія, и небольшія государственныя единицы ведутъ между собою дѣятельныя торговыя сношенія. Такъ было въ Финикіи и ея колоніяхъ, такъ было и въ греческомъ мірѣ, ибо и здѣсь, и тамъ политическая интеграція остановилась на образованіи государствъ-городовъ, которыя находились между собою въ постоянныхъ экономическихъ связяхъ, создававшихъ изъ нихъ нѣкоторую общность особыхъ, если можно такъ выразиться, коммерческихъ міровъ.

Экономическая интеграція именно и заключается какъ въ установленіи, такъ и въ укрѣпленіи взаимозависимости между отдѣльными обществами путемъ развитія торговли, развитія обмѣна. Въ этомъ отношеніи для пониманія сущности экономической интеграціи важна формула нѣмецкаго ученаго Карла Бюхера, предложенная имъ въ сочиненіи „Происхожденіе народнаго хозяйства“¹⁾.

Бюхеръ, какъ извѣстно, исходитъ изъ самыхъ основныхъ понятій политической экономіи, изъ понятій производства и потребленія, ставя эти два понятія въ извѣстное отношеніе между собою, какъ начальнаго и конечнаго моментовъ, между которыми путь, проходимый хозяйственными благами, можетъ имѣть разную длину и быть менѣе или болѣе сложнымъ. Экономическое развитіе именно и состоитъ въ постепенномъ удлиненіи пути, который проходитъ хозяйственными благами отъ ихъ производителей къ ихъ потребителямъ. Сначала продукты производства потреблялись самими же производителями, т.-е. въ сущности никакого путешествія хозяйственныхъ блага не совершали, но съ развитіемъ экономическаго быта продукты стали потребляться не тѣми

¹⁾ Ср. „Государство-городъ“, начало главы VI (стр. 59—65), гдѣ говорится, слѣдуетъ ли примѣнять эту формулу къ исторіи всего цивилизованнаго міра, взятаго въ цѣломъ, или же къ исторіи каждаго народа.

людьми, которые ихъ произвели, и между производителями и потребителями образовался болѣе или менѣе длинный путь, которому соотвѣтствуетъ экономическое понятіе обмѣна. По мѣрѣ развитія экономическаго быта длина пути, проходимаго хозяйственными благами отъ исходнаго момента (производства), должна была постепенно увеличиваться, и самый характеръ движенія по этому пути (т.-е. обмѣна)—усложняться, начиная съ простѣйшей формы обмѣна (вещи на вещь) и кончая очень сложнымъ торговымъ обращеніемъ товаровъ и чисто денежными операціями. Съ этой точки зрѣнія Бюхеръ и различаетъ три стадіи экономической эволюціи: ступень замкнутаго, самодовлѣющаго „домашняго“ хозяйства, ступень „городскаго“ хозяйства и ступень хозяйства „народнаго“. Эту формулу Бюхера очень удобно примѣнять къ экономическому развитію отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ сначала, дѣйствительно, въ каждомъ „домѣ“ производится то, что имъ же и потребляется, потомъ возникаетъ болѣе сложная система мѣстныхъ обмѣновъ съ „городскими“ центрами, пока въ общую хозяйственную жизнь путемъ развитія внутренней торговли въ цѣлой странѣ не втягивается и весь „народъ“. Къ сожалѣнію, эту свою общую формулу, имѣющую, въ сущности, значеніе социологическаго закона, по которому экономическое развитіе совершается въ каждой отдѣльной странѣ, Бюхеръ приложилъ ко всему ходу исторіи передовой части человѣчества, т.-е. изъ закона *повторяющихся явленій* онъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ *плана однажды только совершившагося развитія*. Именно у него вся древняя и значительная часть средневѣковой исторіи (до конца перваго тысячелѣтія по Р. Х.) зачислены въ періодъ домашняго хозяйства, конецъ среднихъ вѣковъ и отчасти начало новаго времени отнесены къ фазису хозяйства городскаго, и только послѣднія столѣтія признаны находящимися на ступени народнаго хозяйства, какъ будто въ древности существовалъ только „домъ“, смѣнившійся въ средніе вѣка „городомъ“, который въ новое время уступилъ мѣсто „націи-государству“¹⁾. Но эту историческую конструкцію подвергли критикѣ нѣкоторые ученые и въ ихъ числѣ Эдуардъ Мейеръ,

¹⁾ Подъ понятіе „дома“ или „ойкоса“ (греческое οἶκος значить „домъ“) подводится въ данномъ случаѣ и большое барское хозяйство, а также и феодалное помѣстье.

авторъ превосходной „Исторіи древняго міра“, написавшій между прочимъ брошюру „Экономическое развитіе древняго міра“.

Съ точки зрѣнія Бюхера, говоритъ этотъ ученый, „существованіе правильнаго экономическаго расчлененія общества съ развитыми сношеніями и живымъ обмѣномъ продуктовъ между всѣмъ населеніемъ, существованіе постоянной торговли и торговаго класса, какъ посредника между производствомъ и потребленіемъ, совершенно отрицается“ для всей древности и большей части средневѣковья. Дѣйствительно, Бюхеръ принимаетъ „замкнутое домашнее хозяйство“, какъ „чистое производство на себя“, какъ „хозяйство безъ обмѣна“, потому что здѣсь „весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)“, и „каждый продуктъ проходитъ весь путь своего образованія—отъ полученія сырого матеріала до того момента, когда онъ дѣлается годнымъ для употребленія,—въ одномъ и томъ же хозяйствѣ и безъ промежуточныхъ ступеней поступаетъ въ потребленіе“. Правда, Бюхеръ находитъ въ древности зачатки и второй ступени, т.-е. хозяйства городского, которое характеризуется, какъ „прямой обмѣнъ“, или „непосредственное поступленіе продуктовъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее“, но, по его мнѣнію, дальше зачатковъ городского хозяйства древность и не пошла, о народномъ же хозяйствѣ (въ бюхеровскомъ пониманіи термина) тутъ и рѣчи для древней исторіи быть не можетъ. Возражая на это, Э. Мейеръ указываетъ на то, что „исторія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается съизнова, и что оно возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены“. Въ этомъ спорѣ двухъ ученыхъ слѣдуетъ присоединиться къ Э. Мейеру, потому что существованіе довольно развитого обмѣна между разными странами въ очень глубокой древности—одинъ изъ самыхъ основныхъ фактовъ исторіи наиболѣе раннихъ цивилизацій Востока.

Уже выше ¹⁾ было сказано, что съ исторіей почти всѣхъ государствъ древняго Востока мы знакомимся, когда они уже стояли на довольно высокой ступени общественнаго развитія.

¹⁾ См. стр. 25 и слѣд.

Для того, чтобы судить о томъ, какъ совершается политическое и экономическое развитіе народа, мы должны всегда обращаться къ исторіи такихъ націй, съ прошлымъ которыхъ мы имѣемъ возможность знакомиться на болѣе раннихъ ступеняхъ быта. Для средневѣковой исторіи такими народами являются германцы и славяне въ эпоху образованія среди нихъ государствъ, для классическаго міра—греки времени возникновенія древнѣйшихъ частей гомеровскаго эпоса или такъ называемыхъ героическихъ временъ, на древнемъ Востокѣ—индійцы такъ называемаго ведическаго періода ихъ исторіи и евреи. По священнымъ книгамъ этого послѣдняго народа мы въ состояніи прослѣдить—въ общихъ, конечно, чертахъ—не только политическую, но и экономическую эволюцію. Наоборотъ, съ Египтомъ и Вавилоніей мы знакомимся лишь въ такую пору ихъ исторіи, когда ѣмъ уже были пережиты наиболѣе раннія формы быта, и у насъ нѣтъ поэтому никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, какъ сложилась ихъ социальный бытъ, да быть этотъ, сверхъ того, и вообще намъ знакомъ гораздо менѣе, чѣмъ ихъ духовная культура (главнымъ образомъ религія и искусство). Обращаясь къ исторіи Израиля, мы можемъ прослѣдить по ней его экономическую эволюцію отъ пастушескаго быта къ быту земледѣльческому. Въ началѣ исторіи этого народа мы постоянно имѣемъ дѣло со стадами, съ пастбищами, съ шатрами кочевого племени, а въ болѣе позднія времена рѣчь идетъ уже о поляхъ, виноградникахъ, оливковыхъ садахъ. Въ еврейской исторіи сохраняются долгое время и слѣды общиннаго строя пользованія землею съ передѣлами, именно въ существованіи такъ называемаго субботняго года, и въ то время наблюдается вытѣсненіе мелкой поземельной собственности семейныхъ участковъ болѣе крупнымъ землевладѣніемъ путемъ присоединенія куска къ куску, что влекло за собою исчезновеніе первоначальнаго равенства ²⁾. Другія государства Востока являются, повторяю, уже пережившими этотъ процессъ превращенія земли въ частную собственность, дѣ-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 19 и вообще стр. 16—21, гдѣ говорится о примѣненіи сравнительнаго метода.

²⁾ О томъ же процессѣ въ Греціи см. „Государство-городъ“, стр. 25 и слѣд.

лающуюся достояніемъ одной знати, въ ту эпоху, когда ихъ исторія становится доступною нашему знанію.

Уже наиболѣе древніе памятники Египта рисуютъ намъ такой порядокъ вещей, который напоминаетъ времена феодализма и крѣпостничества. Земля въ плодородной долинѣ Нила находилась въ сравнительно немногихъ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какими были прежде всего фараонъ, потомъ храмы, наконецъ знатныя фамиліи, причѣмъ нерѣдко одному и тому же собственнику принадлежало нѣсколько имѣній. Какъ сложился такой строй, мы не знаемъ, т.-е. неизвѣстно, было ли это результатомъ завоеванія земледѣльческаго населенія страны военными дружинами, присвоившими себѣ землю, или совершалось это путемъ „примышленія“ куска къ куску, или же процессъ былъ болѣе сложнаго характера, но во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ. Въ древнемъ Египтѣ рабство было развито очень мало, но зато весь земледѣльческій классъ находился въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, т.-е. былъ прикрѣпленъ къ землѣ, которую воздѣлывалъ за извѣстный оброкъ въ пользу господъ ¹⁾.

¹⁾ Было время, когда думали, что крѣпостничество, въ смыслѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ съ обязанностью ея обработки за извѣстныя повинности и оброки въ пользу господъ, есть чисто средневѣковая форма, смѣнившая собою античное рабство, которое было простою властью одного человѣка надъ другимъ безъ всякаго отношенія къ землевладѣнію. При этомъ въ крѣпостничествѣ видѣли простое смягченіе рабства, т.-е. обращали вниманіе на одну юридическую сторону отношенія, тогда какъ здѣсь была и экономическая сторона. Болѣе суровымъ и болѣе мягкимъ можетъ быть одинаково положеніе и раба, и крѣпостного, смотря по тому, насколько они пользуются юридическою защитою со стороны государства, основа же различія между положеніемъ раба и положеніемъ крѣпостного заключается не въ этой сферѣ, а въ сферѣ отношеній экономическаго характера. Рабъ, это — подневольный рабочій, платою которому за его трудъ служить хозяйское содержаніе, тогда какъ крѣпостной, это — подневольный арендаторъ, сидящій на господской землѣ, ведущій на ней свое хозяйство и за это платящій господину извѣстный оброкъ. Въ состояніи свободы этимъ двумъ категоріямъ соответствуютъ, такимъ образомъ, нанимающійся у хозяина рабочій, съ одной стороны, и фермеръ, нанимающій землю у собственника, съ другой. Когда Тацитъ описывалъ бытъ германцевъ своего времени, онъ отмѣтилъ ту его особенность, что

Такое хозяйство не могло не быть натуральнымъ. Все, что накоплялось и что расходовалось какъ самимъ фараономъ, такъ и вообще господами земли, поступало къ нимъ и уходило изъ ихъ рукъ натурою. На этотъ счетъ въ нашемъ распоряженіи есть, напр., одинъ въ высшей степени любопытный памятникъ—счетная книга царскаго двора конца средняго царства ¹⁾, дошедшая до насъ въ одномъ изъ папирусовъ каирскаго музея ²⁾. Это—очень подробныя записи царскаго писца Неферотепа при фараонѣ неизвѣстнаго имени, гдѣ говорится, сколько выдавалось въ тотъ или другой день разнаго рода продуктовъ. Вотъ, что, на примѣръ, мы тамъ читаемъ: „пришелъ гофмаршалъ Энтефемабъ и далъ слѣдующее письменное предписаніе: выдать царицѣ, принцамъ, принцессамъ и дамамъ гарема изъ доходовъ сего дня. Приказаніе было исполнено“. За этимъ вступленіемъ дается самый перечень выдачъ, или „счетъ ихъ полученій въ этотъ день“. Царица получаетъ 30 хлѣбовъ, 5 кружекъ пива, пучокъ овощей и т. д., принцы и принцессы—по 10 хлѣбовъ, дамы гарема („царскія сестры“)—по 10 хлѣбовъ и по кружкѣ пива и т. д., причѣмъ, конечно, имѣлись въ виду и слуги данныхъ лицъ. Подъ всѣми выдачами подводились дневные итоги. Все—натурою, ничего—деньгами. И это, конечно, не единственное свидѣтельство. Такое же натуральное хозяйство было, напр., и въ Иерусалимѣ у Соломона, какъ о томъ говорится въ одномъ мѣстѣ Библии. „И было у Соломона

въ Германіи рабы работали не въ господскомъ хозяйствѣ, исполняя въ немъ разныя должности, какъ это было у тогдашнихъ римлянъ, а каждый велъ свое маленькое хозяйство, платя только оброкъ своему господину. Тацитъ писалъ въ послѣднюю эпоху римской жизни, когда было въ ходу, можно сказать, плантаціонное хозяйство въ крупныхъ помѣстьяхъ съ множествомъ рабовъ въ качествѣ рабочей силы, но болѣе раннимъ временамъ эта форма была неизвѣстна. Позднѣе и въ самой Римской имперіи развилось, подъ названіемъ колоната, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, сочетавшее крупное землевладѣніе съ мелкимъ хозяйствомъ, но эта форма не была совершенною новостью въ античномъ мѣрѣ, потому что крѣпостныхъ мы находимъ и въ древней Греціи. „Государство-городъ“, стр. 30.

¹⁾ Объясненіе термина въ слѣд. главѣ (стр. 58).

²⁾ См. у Э. Мейера. Экономическое развитіе древняго міра. Приложеніе I: памятникъ египетскаго натурального хозяйства, стр. 102—107.

двѣнадцать приставниковъ надъ всѣмъ Израилемъ, и они доставляли продовольствіе царю и дому его; каждый долженъ былъ доставлять продовольствіе на одинъ мѣсяць въ году... Продовольствіе Соломона на каждый день составляли: тридцать коровъ муки пшеничной и шестьдесятъ коровъ прочей муки, десять воловъ откормленныхъ и двадцать воловъ съ пастбища, и сто овецъ, кромѣ оленей и сернь, и сайгаковъ и откормленныхъ птицъ... И ячмень, и солому для коней и для муловъ доставляли каждый въ свою очередь на мѣсто, гдѣ находился царь¹⁾. Персидскій царь Дарій, при которомъ уже важную роль въ хозяйствѣ играли деньги, тоже получалъ часть своихъ доходовъ натурою.

Египетъ долго оставался замкнутою въ экономическомъ отношеніи, вполнѣ самодовлѣющею странюю, въ которой, однако, существовало уже настоящее организованное государство съ многочисленнымъ чиновничествомъ и развитымъ письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Внутри страны процвѣтали ремесла и искусства и, конечно, совершался обмѣнъ, но общаго орудія обмѣна—денегъ—здѣсь не знали, и вещь промѣнивалась на вещь. Мало-по-малу Египетъ былъ втянутъ въ торговлю съ другими странами,—когда съ точностью неизвѣстно,—но чѣмъ болѣе развивалась его торговля съ сосѣдями, тѣмъ болѣе большую роль и въ этой, по преимуществу земледѣльской странѣ стали играть деньги.

Торговля вообще занятіе очень древнее. Очень часто высказывается та мысль, что торговля является результатомъ уже очень высокаго развитія земледѣлія и торговли и потому занятіемъ поздняго происхожденія, и что самъ производящій тѣ или другіе товары народъ приходитъ къ мысли о необходимости вывоза излишка своихъ продуктовъ. Въ данномъ случаѣ имѣютъ въ виду времена позднѣйшія, но никакъ не самыя раннія. Торговля, какъ занятіе, требующее передвиженій, была на первыхъ порахъ сподручѣе для кочевниковъ, которые видѣли въ ней дополнительное занятіе и соединяли ее съ войною и грабежомъ: не сами производители вывозили въ чужія страны свои продукты, а за ними являлись, чтобы ихъ купить для перепродажи (или просто отнять для той же, однако, цѣли) торговцы и насильники, причемъ къ кочевникамъ сухопутнымъ нѣжно

1) III Кн. Царствъ, гл. IV, ст. 7, 22—23 и 28.

присоединить тоже своего рода кочевниковъ — мореходовъ, морскихъ разбойниковъ и купцовъ. Къ занятію торговлею обращались или тѣ, которые еще не успѣли либо не могли перейти къ осѣдлому быту, или тѣ, кому трудно было жить земледѣліемъ вслѣдствіе тѣсноты или неплодородности почвы. Участіе кочевниковъ въ караванной торговлѣ Востока доказывается первое, финикійская и греческая торговля—второе.

Сухопутная торговля велась караванами. Это были торговые товарищества, которыя должны были немало заботиться и о безопасности въ пути, и о томъ, чтобы имѣть всегда въ своемъ распоряженіи перевозочныя средства. Кочевники доставляли караванамъ вооруженные конвои и вѣчный скотъ и даже непосредственно принимали участіе въ торговлѣ, т.-е. сами становились посредниками въ дѣлѣ обмѣна. Караваны шли, такъ сказать, по протореннымъ путямъ, на которыхъ образовались обычные сборные пункты, мѣста, гдѣ происходили мѣновыя сдѣлки и складывались на время товары. Города Сириі, лежавшіе по главному торговому пути изъ Египта въ долину Евфрата и Тигра, обязаны были своимъ процвѣтаніемъ именно своему мѣстоположенію на этомъ пути, да и вообще жители мѣстностей, по которымъ двигались караваны, тоже нерѣдко кормились отъ торговли.

Замѣтимъ еще, что въ торговыхъ сношеніяхъ между собою находились самыя отдаленныя страны. Исторія средне-вѣковой европейской торговли,—конечно, лучше намъ извѣстная, чѣмъ торговля древняго Востока,—показываетъ, что развитіе внѣшней, международной торговли предшествовало развитію торговли внутренней, мѣстной. Это и теоретически понятно. Чѣмъ ближе одна къ другой отдѣльныя мѣстности, тѣмъ болѣе однообразны, на первыхъ порахъ замкнутаго, натурального хозяйства, ихъ естественныя произведенія, и только съ экономическимъ ростомъ начинается дифференціація занятій въ сосѣднихъ территоріяхъ, разъ только, разумѣется, природныя условія этихъ территорій одинаковы. Уже въ Египтѣ, напр., при общемъ довольно однообразномъ земледѣльскомъ характерѣ страны, мало-по-малу образовались свои особыя мѣстности съ производствомъ тканей и производствомъ металлическихъ издѣлій. Въ Сириі, гдѣ осѣдлое и кочевое населеніе жили бокъ-о-бокъ¹⁾, пастухи покупали

1) См. выше, стр. 26—27.

у земледѣльцевъ хлѣбъ и вино, а послѣдніе у первыхъ — продукты скотоводства. Въ общемъ, однако, главное значеніе имѣла не мѣстная торговля, а международная, перевозка предметовъ изъ однихъ отдаленныхъ странъ въ другія отдаленныя же страны.

И это не были предметы первой необходимости, перевозкою чего занимались караваны. Перевозились вещи дорогія, нужныя только въ быту сильныхъ земли — царей, жрецовъ, вельможъ, богачей. Если мы станемъ въ разныхъ общихъ исторіяхъ Востока или въ исторіяхъ отдѣльныхъ восточныхъ странъ, особенно же въ исторіяхъ торговли отмѣчать тѣ предметы, которые главнымъ образомъ перевозились изъ страны въ страну, то увидимъ, что это были большею частью товары дорогіе, предметы роскоши, разнаго рода рѣдкости, большею частью вообще не особенно громадныя вещи, удобныя для перевозки. Не думая быть исчерпывающе полнымъ въ перечисленіи наиболѣе часто упоминаемыхъ товаровъ, я дамъ слѣдующій ихъ перечень, по возможности распредѣливъ ихъ на нѣкоторыя категоріи.

Первая категорія — драгоценныя металлы и камни: золото и серебро, изумруды, рубины, лапизъ-лазули и т. п.; сюда же можно было бы отнести также кораллы, янтарь и слоновую кость, которая очень цѣнилась.

Вторую категорію составляли благовонія и пряности для воскуреній еиміама бѣгамъ, для бальзамированія труповъ (въ Египтѣ) и т. п., а также разнаго рода духи и мази. Мы всѣ знаемъ исторію Іосифа, проданнаго братьями израильскимъ купцамъ. Чѣмъ торговали эти купцы? Вотъ какъ говорится объ этомъ въ Библии: „и сѣли они ѣсть хлѣбъ и, взглянувъ, увидѣли, вотъ идетъ изъ Галаада караванъ израильтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ и ладонъ; идутъ они отвезти это въ Египетъ“¹⁾. Царица савская приѣзжаетъ въ гости къ Соломону, и тоже „верблюды всѣ были навьючены благовоніями и великимъ множествомъ золота, и драгоценными камнями“²⁾. Все это она подарила Соломону, и „никогда еще не приходило такого множества благовоній, какое подарила царица савская царю Соломону“³⁾.

¹⁾ Быт., гл. XXXVII, ст. 25.

²⁾ III Кн. Царствъ, гл. X, ст. 2.

³⁾ Тамъ же, ст. 10.

Къ третьей категоріи нужно отнести разныя ткани, особенно окрашенныя, какъ-то одѣянія, ковры, покрывала, занавѣсы и т. п., а четвертую составляли металлическія, стекляныя и гончарныя вещи, т.-е. всякаго рода украшенія, оружіе, утварь, колесницы и т. п. Кстати, о Соломонѣ же говорится, что у него были колесницы, вывезенныя изъ Египта¹⁾. Всевозможныя рѣдкости, какъ, напр., дикіе звѣри или невиданныя птицы тоже составляли предметъ торговли, равно какъ и лакомства, къ числу которыхъ можно отнести финики, миндаль, орѣхи и т. п., затѣмъ вино (виноградное и пальмовое) и масло (оливковое), представляющіе переходъ уже къ болѣе дешевымъ и громаднѣйшимъ пищевымъ продуктамъ, каковы были зерновой хлѣбъ²⁾, соленая рыба и пр. Скотъ тоже былъ однимъ изъ предметовъ торговли, а также кожи, шерсть и т. п.

Наконецъ, перевозились для постройки дворцовъ и храмовъ строевые матеріалы — камни и дерево (особенно кедровое, черное и красное).

Въ книгѣ пророка Іезекииля есть одно превосходное мѣсто съ перечисленіемъ предметовъ, которыми торговали жители финикійскаго Тира. „Ѳарсисъ, торговецъ твой, по множеству всякаго богатства платилъ за товары твои серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Іованъ, Ѳуваль и Мешехъ торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и на мѣдную посуду. Изъ дома Ѳогарта за товары твои доставляли тебѣ лошадей и строевыхъ коней и лошаковъ. Сыны Дедана торговали съ тобою; многіе острова производили съ тобою мѣну; въ уплату тебѣ доставляли слоновую кость и черное дерево. По причинѣ большого торговаго производства твоего торговали съ тобою арамеяне; за товары твои они платили карбункулами, тканями пурпуровыми узорчатыми и виссонами, и кораллами и рубинами. Іудеи и земля Израилева торговали съ тобою; за товаръ твой платили пшеницею меннискою, и сладостями, и медомъ, и деревян-

¹⁾ „Колесница изъ Египта получаема и доставляема была за 600 сиклей серебра“. Тамъ же, ст. 29.

²⁾ Впослѣдствіи, съ развитіемъ промышленности по берегамъ Средиземнаго моря хлѣбная торговля въ древнемъ мірѣ сдѣлалась однимъ изъ выдающихся явленій международного обмѣна. См. „Государство-городъ“, стр. 68, 177, 203, 294 и др.

нымъ масломъ, и бальзамомъ. Дамаскъ по причинѣ большого торговаго производства твоего, по изобилію всякаго богатства, торговаль съ тобою виномъ хелбонскимъ и бѣлою шерстью. Данъ и Юванъ изъ Узала платили тебѣ за товары твои выдѣланнымъ желѣзомъ; кассія и благовонная трость шли на обмѣнъ тебѣ. Деданъ торговаль съ тобою драгоценными попонами для верховой ѣзды. Аравія и всѣ князья кидарскіе производили мѣну съ тобою; ягнаты и барановъ, и козловъ промѣнивали тебѣ. Купцы изъ Савы и Раемы торговали съ тобою всякими лучшими благовоніями и всякими дорогими камнями и золотомъ платили за товары твои. Харанъ и Хане и Еденъ, купцы савейскіе, Асуръ и Хилмадъ торговали съ тобою. Они торговали съ тобою драгоценными одеждами, шелковыми и узорчатыми, которыя они привозили на твои рынки въ дорогихъ ящикахъ, сдѣланныхъ изъ кедровъ и хорошо упакованныхъ“ (гл. XXVII, ст. 12—25).

Многое изъ того, что было предметомъ торговли, приходилось добывать съ большимъ трудомъ. Купцы вездѣ, такъ сказать, рыскали и разузнавали, разыскивали и вымѣнивали. Особенными мастерами этого дѣла были финикійцы, первые торговые мореходы древности. О томъ, какъ велась ими мѣновая торговля съ африканскими дикарями (въ Ливіи), есть любопытный рассказъ Геродота: „приходя къ нимъ для торговли, караегеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и разводять огонь. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Караегеняне выходятъ на сушу и разсматриваютъ, достаточно ли оставлено золота за товары; если недостаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если же недостаточно, то снова всходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять появляются, прибавляютъ золота столько, чтобы удовлетворить караегенянъ. По словамъ караегенянъ, прибавляетъ Геродотъ, никогда одна сторона не обижаетъ другой: караегеняне никогда не прикасаются къ золоту, прежде чѣмъ по стоимости оно не равняется товару; равнымъ образомъ туземцы уносятъ съ собою товары только тогда, когда золото взято караегенянами“¹⁾. Въ этомъ рассказѣ „отца исторіи“ нѣтъ ничего невѣроятнаго: совер-

¹⁾ Геродотъ, IV, 196 (перев. проф. Мищенко).

шенно такой же приемъ торговли наблюдался капитаномъ Коцебу между чукчами и чибучами на сѣверѣ Америки. Какъ бы тамъ ни было, не слѣдуетъ забывать, что торговля—торговлей, а когда можно было, то предметы, которыми вели торговлю, добывались и простыми разбоемъ. Въ самомъ же началѣ своей „Исторіи“ Геродотъ рассказываетъ о томъ, что финикійцы учинили однажды въ Аргосѣ. „По прибытіи сюда финикіяне занялись распродажей своихъ товаровъ. На пятый или шестой день, когда все почти было продано, пришла на морской берегъ въ числѣ другихъ женщинъ дочь тамошняго царя Инаха по имени Ю.... Расположившись у кормы, женщины покупали тѣ изъ товаровъ, какіе больше нравились каждой изъ нихъ. Тогда, финикіяне, согласившись между собою, кинулись на женщинъ; большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ, но Ю вмѣстѣ съ нѣсколькими другими была захвачена финикіянами. Бросивши женщинъ на корабль, они отплыли къ Египту“¹⁾. Дѣло здѣсь не въ Ю, которой и не существовало, вѣроятно, никогда, а въ бытовой сценѣ: купцы вообще, нужно еще прибавить, и на сушѣ, и на морѣ торговали еще и живыми товаромъ, т.-е. людьми, которыхъ продавали въ рабство.

Мѣновая торговля мало-по-малу уступила торговлѣ при посредствѣ благородныхъ металловъ, которые первоначально отвѣшивались на вѣсахъ и лишь въ VII в. впервые стали чеканиться въ видѣ монеты. Начало вѣсовымъ единицамъ золота и серебра было положено въ Вавилонѣ за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до Р. Х., и отсюда эта денежная система распространилась по всей Передней Азій, послуживъ основаніемъ и для гораздо позднѣе изобрѣтенной въ сѣверо-западномъ углу Малой Азій монеты, т.-е. для опредѣленной формы кусковъ металла, имѣющихъ опредѣленный вѣсъ. „На почвѣ вавилонской системы мѣры и вѣса страны, окруженныя горными цѣпями Тавра и Загра, переходящія къ югу въ великую сирійско-аравійскую степь и пустыню, очень рано соединились въ одинъ торговый округъ“ (Э. Мейеръ). Съ другой стороны, создавъ деньги, торговля должна была оказать сильное вліяніе на экономическую жизнь народовъ Востока. Натуральное продовольствіе, какое цари давали своимъ слугамъ, чиновникамъ и солдатамъ, стало замѣняться денежнымъ, и мы еще увидимъ, что система Дарія, который сталъ

¹⁾ Геродотъ, I, 1.

собирать подати деньгами, сильно отличалась от натурального хозяйства египетских фараоновъ или того же Соломона, о которомъ у насъ уже шла рѣчь.

Довольно и этихъ фактовъ изъ исторіи торговли на Востоѣ, чтобы видѣть важное ея значеніе въ его древней исторіи. Купцы часто заходили туда, куда не проникали завоевательныя арміи, — и заносили свои товары въ такія страны, которыя долго еще оставались внѣ всякаго политическаго вліянія великихъ завоевательныхъ царствъ. Наприм., территория, на которой велась финикійская торговля, была гораздо обширнѣе и монархіи персидскихъ царей, и Римской имперіи. вмѣстѣ съ этимъ еще товары прокладывали пути и вообще культурному вліянію.

Въ данномъ отношеніи особенно важна была роль финикійцевъ, явившихся первыми торговыми посредниками между наиболѣе отдаленными странами древняго міра. Прежде нежели народы Запада, жившіе по берегамъ Средиземнаго моря, вошли въ составъ главнаго политическаго міра древности, финикійская колонизація и торговля успѣли оказать громадное вліяніе на острова Эгейскаго моря и на греческій полуостровъ, а потомъ на Сицилію, Италію и отчасти на испанское побережье Средиземнаго моря, не говоря уже о сѣверномъ берегѣ Африки, гдѣ финикійцами былъ основанъ Карфагенъ. Греки въ культурномъ отношеніи были учениками финикійскихъ купцовъ-мореходовъ, которые переносили къ нимъ такія изобрѣтенія, какъ азбука, и распространяли среди нихъ произведенія своего ремесла и искусства, выдѣлывавшіяся первоначально по египетскимъ и ассирійскимъ образцамъ. Въ наиболѣе раннія эпохи своей торговой дѣятельности финикійцы занимались только перевозкою чужихъ товаровъ, но съ теченіемъ времени они все болѣе и болѣе стали заниматься и ремесленною выдѣлкою разнаго ходкаго товара по иноземнымъ образцамъ для перевозки его всюду, куда только проникали караваны и корабли. То, что сами они заимствовали у однихъ народовъ, переносилось ими къ другимъ, какъ это было съ азбукой, мѣрами и вѣсами, приемами разныхъ ремеселъ, формами художественной промышленности, а также архитектуры и скульптуры. Къ числу предметовъ финикійской торговли нужно отнести и идоловъ, которыхъ они выдѣлывали у себя дома для продажи среди посѣщавшихся ими варваровъ.

Понятно, что торговля должна была произвести вліяніе и на внутренней бытъ народовъ, среди которыхъ она стала развиваться. Именно она немало способствовала соціальной дифференціаціи, т. е. возникновенію новыхъ общественныхъ классовъ. Образовался классъ богатыхъ купцовъ, который даже захватилъ всю власть въ свои руки въ государствахъ-городахъ Финикіи и въ Карфагенѣ, а рядомъ съ нимъ многочисленный классъ сухопутныхъ и морскихъ перевозчиковъ, позднѣе же, съ развитіемъ товарнаго производства на вывозъ, возникъ и цѣлый ремесленный классъ, въ которомъ малопомалу изъ непосредственно занимавшихся работою выдѣлились богатые предприниматели, покупавшіе рабовъ для работы въ своихъ мастерскихъ ¹⁾. Развитіе торговли и обрабатывающей промышленности идутъ рука объ руку. Аристотель въ своей „Политикѣ“ различаетъ два вида хозяйственной дѣятельности, изъ которыхъ одинъ называетъ естественнымъ, другой — неестественнымъ, разумѣя подъ первымъ домашнее хозяйство въ видахъ удовлетворенія потребностей семьи производимыми въ ней самой продуктами, а подъ вторымъ — промышленныя предпріятія, конечная цѣль которыхъ — продажа произведенныхъ предметовъ ради наживы ²⁾. Первый способъ пріобрѣтенія богатства онъ называетъ экономическимъ, второй — барышническимъ (*χρηματιστικός*), но въ сущности это — то же самое, что мы обозначаемъ, какъ натуральное и денежное хозяйство. Выдѣленіе въ жизнь страны денежнаго хозяйства, благодаря развитію торговли и производства на вывозъ, влечетъ за собою обыкновенно цѣлый рядъ важныхъ соціальныхъ послѣдствій. Изъ греческой и римской исторіи мы знаемъ довольно въ общемъ хорошо, какъ съ появленіемъ денегъ началась задолженность мелкаго земледѣльческаго люда, за которою послѣдовало его закрѣпощеніе ³⁾. Такъ должно было происходить и на Востоѣ, потому что одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія. По крайней мѣрѣ, то же самое мы наблюдаемъ и въ исторіи Израиля. Э. Мейеръ

¹⁾ О томъ же по отношенію къ Греціи см. „Государство-городъ“, стр. 67 и слѣд., особенно 70 и 92.

²⁾ Ср. „Государство-городъ“, стр. 171.

³⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 84, 89 и др.

въ своей работѣ „Рабство въ древнемъ мірѣ ¹⁾), сравнивая еврейскую, греческую и римскую исторію въ разсматриваемомъ отношеніи, высказываетъ ту мысль, что во всѣхъ трехъ случаяхъ социальный кризисъ, заключавшійся въ экономическомъ закабаленіи народной массы, наступаетъ приблизительно черезъ два вѣка послѣ окончательнаго перехода къ осѣдлому быту. Объ этомъ кризисѣ въ Израилѣ свидѣтельствуютъ намъ жалобы пророковъ, начиная съ Амоса. „Горе вамъ, восклицаетъ Исаія, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ“ (гл. V, ст. 8). „Между народомъ моимъ, говоритъ Іеремія, находятся нечестивые; сторожатъ, какъ птицеловы, припадаютъ къ землѣ, ставятъ ловушки и ловятъ людей. Какъ клѣтка, наполненная птицами, дома ихъ полны обмана; черезъ это они возвысились и разбогатѣли. Сдѣлались тучны, жирны, перестушили даже всякую мѣру во злѣ, не разбираютъ судебныхъ дѣлъ, дѣлъ сиротъ; благоденствуютъ и справедливому дѣлу нищихъ не даютъ суда“ (гл. V, ст. 26—28) ²⁾.

Общая политика государства тоже мало-по-малу стала опредѣляться интересами торговли. Въ этомъ дѣлѣ отъ маленькихъ государствъ-городовъ, которыя иногда всецѣло жили одною торговлею, какъ это было въ Финикіи, не отставали и большія царства, въ которыхъ торговля, конечно, далеко не была всею. Стремленіе обезопасить старые торговые пути и проложить новые играетъ большую роль въ дѣятельности восточныхъ царей, примѣры чего будутъ представлены дальше. Съ другой стороны, торговые мѣста влекутъ къ себѣ завоевателей, и походы, напр., египетскихъ фараоновъ въ Сирію сопровождаются грабежомъ накопленныхъ тамъ товаровъ, которые потомъ и привозятся въ большомъ количествѣ въ Египетъ. Приобрѣтеніе рынковъ представляетъ собою тоже одну изъ заботъ правителей какъ малыхъ, такъ и великихъ царствъ. При израильскомъ царѣ Амврїи царь сосѣдняго Дамаска отнялъ у Израїля нѣкоторыя пограничныя земли и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ право основать свой рынокъ въ израильской столицѣ Самарїи,

¹⁾ Рус. перев. (М. 1899), стр. 29.

²⁾ Ср. Джонъ Фентонъ. Древнѣйшая жизнь евреевъ. М. 1884.

но при сынѣ Амврїи, Ахавѣ, военное счастье измѣнило Дамаску, и теперь, наоборотъ, Венададъ, царь дамасскій, долженъ былъ дозволить царю самарійскому основать рынокъ въ Дамаскѣ ¹⁾. Мало того, сами цари принимали участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ. На этотъ счетъ вотъ что, напр., читаемъ мы въ Библіи о Соломонѣ: „царь Соломонъ сдѣлалъ корабль въ Еціонѣ-Гаверѣ, что при Елоѣѣ на берегу Чернаго моря, въ землѣ идумейской. И послалъ Хирамъ ²⁾ на кораблѣ своихъ подданныхъ корабельщиковъ, знающихъ море, съ подданными Соломоновыми; и отправились они въ Офиръ ³⁾ и взяли оттуда золота чотыреста двадцать талантовъ, и привезли царю Соломону... И, сказано нѣсколько дальше (послѣ описанія посѣщенія, Іерусалима царицей савской), корабль хирамовъ, который привозилъ золото изъ Офира, привезъ изъ Офира множество краснаго дерева и драгоцѣнныхъ камней... никогда не приходило столько краснаго дерева и не видано было до сего дня... Въ золотѣ, которое приходило Соломону въ каждый годъ, вѣсу было 666 талантовъ золотыхъ, сверхъ того, что получаемо было отъ разносчиковъ товара, и отъ торговли купцовъ, и отъ всѣхъ царей аравійскихъ, и отъ областныхъ начальниковъ... У царя, говорится еще дальше, былъ на морѣ еарсисскій корабль съ кораблемъ хирамовымъ, въ три года разъ приходилъ еарсисскій корабль, привозившій золото и серебро, и слоновую кость, и обезьянъ, и павлиновъ“ ⁴⁾. Подобный же характеръ имѣли и морскія экспедиціи, снаряжавшіяся египетскими фараонами въ Пунтъ, подъ которымъ разумѣлись южные берега Чернаго моря какъ въ Африкѣ, у Абиссиніи, такъ и въ Аравїи и, кромѣ того, Сомалійскій берегъ еще далѣе къ югу. Въ Египтѣ фараоны въ болѣе позднюю эпоху распродавали ввозившуюся въ ихъ царство дань, которая платилась подвластными народами, и получали пошлины при ввозѣ товаровъ изъ Сирїи. Ради обогащенія

¹⁾ „И сказалъ ему Венададъ: города, которые взялъ мой отецъ у твоего отца, я возвращаю, и площади ты можешь имѣть у себя въ Дамаскѣ, какъ отецъ мой имѣлъ въ Самарїи“ (III Кн. Царствъ, гл. XX, ст. 34).

²⁾ Царь тирскій, союзникъ Соломона.

³⁾ Или въ Аравїи, или въ Индіи.

⁴⁾ Кн. Царствъ, гл. IX, ст. 26—28 и гл. X, ст. 11, 14—15 и 22.

своего они переманивали къ себѣ изъ Сиріи хеттскихъ ремесленниковъ, какъ потомъ привлекали и греческихъ купцовъ, давая имъ всякія привилегіи.

Политическіе союзы сопровождались торговыми договорами въ родѣ того, какой долженъ былъ существовать между Соломономъ и Хирамомъ. Одною изъ формъ торговли между самими царями былъ обмѣнъ подарками. Не только царица савская богато одарила Соломона, но и онъ „далъ царицѣ савской все, чего она желала и чего просила, сверхъ того, что подарилъ ей царь Соломонъ своими руками“¹⁾. Изъ того же источника, гдѣ говорится о савскомъ посольствѣ въ Иерусалимъ, мы узнаемъ, что и другіе цари подносили Соломону въ даръ „сосуды серебряныя и сосуды золотыя, и одежды, и оружіе, и благовонія, и коней, и муловъ“, и что „царскіе (т.е. Соломоновы) купцы“ доставляли разные предметы „царямъ хеттскимъ и царямъ арамейскимъ“²⁾. Для обезпеченія своей торговли мелкія государства охотно признавали надъ собою политическую власть болѣе крупныхъ царствъ. Финикійскіе города находились болѣею частью въ зависимости или отъ Египта, или отъ Ассири-Вавилоніи, или отъ Персіи, и въ то самое время, какъ сирійскіе города то и дѣло возставали противъ Египта, города финикійскіе болѣею частью не оказывали фараонамъ сопротивленія, ибо въ принадлежности, притомъ по существу лишь номинальной, къ обширной монархіи для нихъ была большая выгода въ торговомъ отношеніи. Фараоны довольствовались полученіемъ дани, которую финикійскіе города съ лихвою возвращали себѣ своими торговыми операціями въ томъ же Египтѣ. Они стали возставать противъ чужеземнаго ига лишь подъ ассирійскимъ владычествомъ, которое не довольствовалось одною данью, а требовало еще и участія въ войнахъ.

Политическое объединеніе многихъ странъ и народовъ подъ одною властью, совершившееся царями-завоевателями, было необычайно выгодно для торговли. Столицы великихъ монархій Востока дѣлались въ высшей степени важными торговыми центрами, гдѣ, какъ въ Ниневіи, можно было

¹⁾ III Кн. Царствъ, гл. X, ст. 13.

²⁾ III Кн. Царствъ, гл. X, ст. 25 и 28—29.

найти купцовъ всѣхъ націй¹⁾. Какъ финикійцы, такъ и арамейцы, ведшіе караванную торговлю, встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ (напр., ихъ было очень много въ Вавилонѣ), а арамейскій языкъ, благодаря этому обстоятельству, сдѣлался даже языкомъ письменности далеко за предѣлами Сиріи, и вѣсь города Кархемыша приобрѣлъ широкое распространеніе на весьма значительной территоріи. Особенно оживилась торговля, когда образовалась громадная Персидская держава, въ которой правительство стало заботиться о торговыхъ путяхъ, а своею денежною реформою (при Даріи) значительно облегчило торговые обороты²⁾.

ГЛАВА V.

Общій характеръ египетской государственности.

Древность египетской культуры.—Царская власть въ Египтѣ.—Религіозный характеръ этой власти.—Сосредоточеніе въ рукахъ царя матеріальнаго могущества.—Египетская бюрократическая централизація.—Угнетенное положеніе массы.—„Феодальная“ знать въ Египтѣ.—Быль ли въ Египтѣ феодализмъ?—Существовали ли въ Египтѣ касты?—Религіозная санкція установленнаго порядка.—Развитіе письменнаго дѣлопроизводства въ Египтѣ.—Превращеніе Египта въ завоевательную державу.—Потеря Египтомъ національной независимости.

Теперь мы перейдемъ къ историческому обзору трехъ великихъ монархій древняго Востока,—Египетской, Ассирійской и Персидской, которыя одна за другою стремились господствовать надъ другими народами и постепенно политически объединяли подъ свою власть разныя страны и племена. Въ этомъ обзорѣ мы будемъ имѣть въ виду, во-первыхъ, внутренній государственный строй этихъ монархій, во-вторыхъ, характеръ тѣхъ большихъ политическихъ конгломератовъ, которые пытались создать главнымъ образомъ ассирійскіе и персидскіе цари.

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Объ этомъ тоже см. ниже.

Египетъ вступаетъ въ свѣтъ исторіи въ видѣ объединеннаго большого государства съ бюрократической организаціей. Писавшій по гречески въ III в. до Р. X. египетскій жрецъ Манеонъ насчитываетъ тридцать династій, царствовавшихъ надъ странюю, и исторію Египта раздѣляютъ на эпохи древняго царства, средняго царства и новаго царства, изъ которыхъ на каждое приходится отъ 8 (среднее царство) до 11 династій (въ древнемъ и новомъ). Но, напр., Э. Мейеръ, нѣсколько отступая отъ общепринятаго раздѣленія, различаетъ четыре періода, которымъ соотвѣтствуютъ династіи, первому—отъ первой до десятой, второму—отъ одиннадцатой до семнадцатой, третьему—отъ восемнадцатой до двадцать пятой, а съ династіи двадцать шестой начинается послѣдній періодъ, съ котораго лишь и возможна сколько-нибудь точная хронологія. Какъ расходятся между собою ученые въ опредѣленіи древности египетской исторіи, можно видѣть изъ того, что одни готовы относить начало первой династіи за 5700 лѣтъ до Р. X., а другіе ограничиваются приблизительно 3200 годомъ до нашей эры, т.-е. разница получается въ два съ половиною тысячелѣтія. Если даже мы примемъ 3200 годъ, то все-таки на исторію Египта до завоеванія его персами въ 525 г. придется 2675 лѣтъ, а это вотъ какой промежутокъ времени: за 2675 лѣтъ до нашего времени, т.-е. въ 775 г. до Р. X. еще существовали оба еврейскія царства, въ Греціи шелъ только первый годъ первой олимпіады, а Римъ, если вѣрить преданію, не былъ еще основанъ. Чтобы еще нагляднѣе представить себѣ долговременность египетской исторіи, вспомнимъ, что Восточная Римская имперія просуществовала только съ небольшимъ тысячу лѣтъ (395—1453), что немного больше тысячи лѣтъ прошло со времени объединенія англо-саксонскихъ королевствъ въ единую Англію (827) или со времени предполагаемаго въ 862 г. образованія Русскаго государства: египетская исторія даже при самомъ умѣренномъ счетѣ оказывается въ два съ половиною раза болѣе продолжительною, чѣмъ византійская или обще-англійская и русская.

Насъ здѣсь, собственно говоря, занимаетъ, однако, не спорный хронологическій вопросъ о началѣ египетской государственности. Допустимъ даже, что его нужно отнести къ исходу четвертаго тысячелѣтія до Р. X. (а не къ началу, какъ думаетъ теперь большинство), важно то, что египетская

исторія продолжалась болѣе двадцати пяти вѣковъ,—періодъ времени, достаточно длинный для того, чтобы сдѣлать въ высшей степени затруднительною для насъ общую характеристику египетской политической организаціи. За эти двадцать пять вѣковъ, беря круглую цифру, Египетъ распался и вновь объединялся, испытывалъ иноземныя завоеванія и самъ дѣлался завоевательнымъ царствомъ, переживалъ періоды силы и періоды слабости, пока въ 525 г. не вошелъ въ составъ всемірной монархіи персовъ. Если тѣмъ не менѣе въ этой главѣ будетъ дана общая характеристика египетской государственности, то лишь въ виду того, что нѣкоторыя ея черты проходятъ,—правда, съ перерывами,—черезъ всю древнѣйшую исторію долины Нила.

Самое важное, это—то, что уже на первыхъ же порахъ древняго царства Египетъ является намъ единымъ государствомъ, во главѣ котораго стоитъ царь съ неограниченною властью и съ послушнымъ чиновничествомъ. Время, когда въ странѣ было нѣсколько мелкихъ государствъ¹⁾, было далекимъ прошлымъ, и мы даже не знаемъ той эпохи, когда въ Египтѣ было два царства, объединившихся въ одно. Указанія на то, что до полного объединенія въ Египтѣ существовало два царства, мы имѣемъ въ титулѣ царя „соединитель обѣихъ странъ“, т.-е. Верхняго и Нижняго Египта, въ двухъ коронахъ,—бѣлой для перваго и красной для втораго,—какія надѣвались на голову царя, въ существованіи двухъ отдѣльныхъ царскихъ житницъ и т. п. Царь, какъ и дворъ его, былъ центромъ всей государственной жизни Египта, и названіе царскаго жилища, или „высокаго дома“, по египетски „пер-аа“,—слово, которымъ замѣняли имя царя,—превратилось въ того „фараона“, который намъ съ дѣтства знакомъ по такъ называемой священной исторіи. При царѣ состоялъ громадный придворный штатъ, въ которомъ, между прочимъ, былъ и завѣдующій прошеніями изъ всей страны къ сердцу государя“. Царя, далѣе, окружала гвардія, и лишь въ торжественныхъ случаяхъ онъ вообще показывался народу. Передъ фараономъ народъ долженъ былъ падать ницъ, и величайшею милостью для приближенныхъ къ царю было позволеніе обнимать его колѣни, что нерѣдко потомъ отмѣчалось на надгробныхъ памятникахъ египетскихъ вельможъ,

¹⁾ См. выше, стр. 24—25.

какъ отмѣчалось еще и то, что они умѣли „радовать сердце своего господина“. Пышные титулы, какіе давались фараону, показываютъ на то, что онъ былъ въ глазахъ своихъ подданныхъ источникомъ всего добраго—порядка, правды, безопасности, подателемъ и охраною „жизни, здоровья и радости сердца“.

Власть фараона въ сознаниі египтянъ была божественнаго происхожденія: онъ получалъ ее непосредственно отъ боговъ, съ которыми находился въ непосредственныхъ же сношеніяхъ. Фараонъ былъ потомкомъ божества, его воплощеніемъ, самъ „великимъ богомъ“, „господиномъ вѣчности“, въ честь котораго устанавливался посмертный культъ. Недавно одинъ молодой французскій египтологъ Морé, издалъ весьма интересную книгу „О религіозномъ характерѣ царской власти фараоновъ“¹⁾, въ которой примѣняетъ къ египетскому государству теорію Фюстель-де-Куланжа о чисто религіозной основѣ всѣхъ учрежденій классическаго государства-города²⁾. Морé указываетъ на то, что фараонъ, какъ и другіе цари, былъ въ одно и то же время и судьей, и военачальникомъ, и высшимъ жрецомъ³⁾, но особенно выдвигаетъ на первый планъ это послѣднее значеніе царя и чисто религіозный характеръ его власти. Фюстель-де-Куланжъ доказывалъ, что основою религіозныхъ учрежденій древнихъ былъ домашній культъ предковъ и очага, что религія гражданской общины была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ этого домашняго культа, и что царь въ роли жреца явился преемникомъ главы семьи, какъ посредника между нею и ея богами, т.-е. душами усопшихъ предковъ. Морé и указываетъ на то, что фараонъ именовался прежде всего, какъ сынъ и наслѣдникъ боговъ, ихъ преемникъ, что въ качествѣ потомка боговъ, далѣе, онъ отправлялъ семейный культъ своимъ предкамъ и тѣмъ самымъ становился главою религіи, и что, наконецъ, какъ верховный жрецъ, онъ самъ получалъ божескія почести, безъ чего и не могъ бы быть посредникомъ между богами и своими подданными. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности и повторять аргументацію Морé, тѣмъ болѣе,

¹⁾ *A. Moret. Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P. 1902.*

²⁾ Объ этой теоріи см. „Государство-городъ“, стр. 52 и слѣд.

³⁾ Ср. выше, стр. 37.

что извѣстно, въ какой тѣсной связи стояла египетская религія съ культомъ мертвыхъ, какъ на это указываютъ и погребальные обряды египтянъ, и усыпальницы, или надгробные памятники, какіе ими воздвигались (между прочимъ, и пирамиды), и самыя вѣрованія ихъ, о которыхъ сохранилось столько данныхъ въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ. Морé описываетъ и весь церемоніаль египетскихъ царей, начиная съ интронизаціи и коронаціи со всѣми ихъ торжественными обрядами и съ символизмомъ разныхъ принадлежностей параднаго царскаго облаченія, особенно діадемы, возлагавшейся на голову фараона. Можно сказать, что египетскій царь постоянно священнодѣйствовалъ, и даже совѣщанія его о государственныхъ дѣлахъ имѣли характеръ вопрошенія боговъ о ихъ волѣ.

Въ теоріи этотъ царь и вмѣстѣ съ тѣмъ земной богъ былъ единственнымъ собственникомъ всей почвы. Большую часть всей обрабатывавшейся земли составляли „поля фараона“ и тѣ „божественныя имѣнія“, т.-е. храмовыя земли, на доходы съ которыхъ долженъ былъ поддерживаться культъ и которыя пользовались иммунитетомъ, т.-е. не подлежали вѣдѣнію царскихъ чиновниковъ. Эти земли отдавались храмамъ на вѣчныя времена, что даже сдѣлалось въ свое время причиною матеріальнаго ослабленія фараоновъ, подобно тому, какъ варварскіе короли въ бывшихъ провинціяхъ Римской имперіи ослабляли себя раздачею земель въ вознагражденіе за службу. Была въ исторіи Египта эпоха, когда жрецы до такой степени усилились, что создали какъ бы свое государство въ государствѣ, и это вызвало противъ нихъ борьбу со стороны фараоновъ. Въ общемъ, однако, жречество было одною изъ главныхъ опоръ царской власти въ Египтѣ, и именно этимъ сословіемъ была создана и въ мельчайшихъ подробностяхъ разработана теологическая теорія о томъ, какъ сообщаются фараону божественныя качества, въ частности какъ богъ Амонъ-Ра соединяется со смертною матерью царя, какъ каждый фараонъ рождается при содѣйствіи солярныхъ боговъ и какъ входитъ въ него нѣкое божественное начало, дабы въ немъ пребывать на вѣчныя времена.

По теоріи Фюстель-де-Куланжа, вполне усвоенной новѣйшимъ французскимъ египтологомъ, „религія создала царя“, а государственный культъ, главою котораго былъ фараонъ, являлся лишь воспроизведеніемъ—въ очень обширныхъ раз-

мѣрахъ только—болѣе ранняго культа отдѣльныхъ семействъ и родовъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, религія была не основою всей власти фараона, какъ верховнаго правителя страны, а давала только высшую, божественную санкцію власти, выросшей изъ другихъ основъ. Египетскій фараонъ былъ не только высшимъ жрецомъ-богомъ, но именно и верховнымъ правителемъ государства съ гораздо болѣе широкими обязанностями даже, чѣмъ, обязанности военачальника и судьи. Египетъ представлялъ собою, съ самаго начала достовѣрной для насъ исторіи своей, государство, управлявшееся по началамъ бюрократической централизаціи. Историки въ этомъ отношеніи сравниваютъ его прямо съ Византійскою имперіей, которая сама была плодомъ долгаго развитія римской государственности, да и то испытавшей еще на себѣ иноземныя вліянія. Конечно, бюрократическая централизація Египта сложилась не сразу: это былъ очень долгій процессъ, въ родѣ того, какой пережила, напр., Франція, постепенно сложившаяся изъ феодальныхъ владѣній въ единую монархію съ зависимымъ отъ неограниченнаго короля чиновничествомъ. Что привело Египетъ къ такому государственному устройству, это такой вопросъ, на который мы можемъ отвѣтить лишь предположительно, не имѣя въ рукахъ твердыхъ и опредѣленныхъ фактическихъ данныхъ.

Фараоны въ качествѣ царей-боговъ строили громадныя храмы и пирамиды. Уже цари четвертой династіи были строителями величайшихъ пирамидъ, для сооруженія которыхъ нужно было добывать матеріалъ на Синайскомъ полуостровѣ или на границѣ съ Нубіей и которыя сооружались десятками тысячъ рабочихъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Но еще раньше фараоны стояли во главѣ другихъ грандіозныхъ предпріятій, требовавшихся не ихъ желаніемъ увѣковѣчить свою память въ потомствѣ и прославлять боговъ, своихъ предковъ, а болѣе матеріальными нуждами самого населенія Египта. Эта страна была, какъ извѣстно, „даромъ Нила“, и рѣка, отъ которой зависѣла вся жизнь страны, была однимъ изъ божествъ Египта, къ которому—подъ именемъ Гапи—населеніе тоже обращалось съ молитвами и славословіями. Реальный Ниль, т. е. самая рѣка, а не богъ постоянно вызывалъ это населеніе и на общія работы, безъ которыхъ людямъ трудно было бы жить и благоденствовать: требовалось строить плотины, прорывать каналы, выкапывать

водоемы и пр. и пр., что было не подъ силу не только что частнымъ хозяйствамъ, но и цѣлымъ общинамъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ нужно было объединеніе усилий, которое всегда ведетъ къ концентраціи власти. „По словамъ египетскихъ жрецовъ, говорить отецъ исторіи Геродотъ,—первый царь Египта Менесъ оградилъ плотинами Мемфисъ. Первоначально рѣка, продолжаетъ онъ, протекала вдоль песчанаго хребта со стороны Ливіи, а Менесъ соорудилъ стадій на сто выше Мемфиса плотину и тѣмъ упразднилъ рукавъ рѣки къ югу отъ города, прежнее русло оставилъ сухимъ и направилъ рѣку по новому руслу между двухъ горъ. Еще и теперъ, прибавляетъ Геродотъ, персы ревниво охраняютъ этотъ рукавъ Нила и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы рѣка не прорвала плотины, и потому ежегодно укрѣпляютъ ее¹⁾“. Кромѣ того, греческій историкъ говоритъ, что съ сѣвера и запада первый египетскій царь обвелъ городъ озеромъ, которое питается Ниломъ. Вотъ гдѣ, въ этихъ гидравлическихъ сооруженияхъ фараоновъ и нужно искать объясненія того, какъ образовалось ихъ бюрократически централизованное государство. Ниль постоянно требовалъ работы,—которую и въ настоящее время производятъ въ Египтѣ англійскіе инженеры,—и работа эта вызвала необходимость въ общемъ руководствѣ и надзорѣ. Мало того, орошеніе полей водою изъ Нила нельзя было предоставить на усмотрѣніе отдѣльныхъ мѣстностей, между которыми могла возникнуть конкуренція, и потому нужно было, чтобы кто-нибудь регулировалъ пользование орошеніемъ въ отдѣльныхъ частяхъ страны или въ сосѣднихъ общинахъ. Для сооруженія плотинъ, каналовъ и водоемовъ, для ихъ поддержки, для надзора за пользованіемъ ими необходимы были средства, которыя создавались путемъ обложенія земель податями, и такимъ образомъ объединеніе всѣхъ предпріятій, о которыхъ идетъ рѣчь, вела къ сосредоточенію въ одномъ мѣстѣ распоряженія громадными матеріальными средствами. Въ царскую казну все сначала поступало натурою, но и натурою же и расходовалось на рабочихъ, на надсмотрщиковъ за работами и ихъ руководителей и пр., и пр., вплоть до того чиновничества, которое выросло и развилось на этой почвѣ²⁾. Однѣ религіозныя

¹⁾ Геродотъ, II, 99.

²⁾ Ср. выше, стр. 45.

мѣрахъ только—болѣе ранняго культа отдѣльныхъ семействъ и родовъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, религія была не основою всей власти фараона, какъ верховнаго правителя страны, а давала только высшую, божественную санкцію власти, выросшей изъ другихъ основъ. Египетскій фараонъ былъ не только высшимъ жрецомъ-богомъ, но именно и верховнымъ правителемъ государства съ гораздо болѣе широкими обязанностями даже, чѣмъ, обязанности военачальника и судьи. Египетъ представлялъ собою, съ самаго начала до-стовѣрной для насъ исторіи своей, государство, управлявшееся по началамъ бюрократической централизаціи. Историки въ этомъ отношеніи сравниваютъ его прямо съ Византійскою имперіей, которая сама была плодомъ долгаго развитія римской государственности, да и то испытавшей еще на себѣ иноземныя вліянія. Конечно, бюрократическая централизація Египта сложилась не сразу: это былъ очень долгій процессъ, въ родѣ того, какой пережила, напр., Франція, постепенно сложившаяся изъ феодальныхъ владѣній въ единую монархію съ зависимымъ отъ неограниченнаго короля чиновничествомъ. Что привело Египетъ къ такому государственному устройству, это такой вопросъ, на который мы можемъ отвѣтить лишь предположительно, не имѣя въ рукахъ твердыхъ и опредѣленныхъ фактическихъ данныхъ.

Фараоны въ качествѣ царей-боговъ строили громадныя храмы и пирамиды. Уже цари четвертой династіи были строителями величайшихъ пирамидъ, для сооруженія которыхъ нужно было добывать матеріалъ на Синайскомъ полуостровѣ или на границѣ съ Нубіей и которыя сооружались десятками тысячъ рабочихъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Но еще раньше фараоны стояли во главѣ другихъ грандіозныхъ предпріятій, требовавшихся не ихъ желаніемъ увѣковѣчить свою память въ потомствѣ и прославлять боговъ, своихъ предковъ, а болѣе матеріальными нуждами самого населенія Египта. Эта страна была, какъ извѣстно, „даромъ Нила“, и рѣка, отъ которой зависѣла вся жизнь страны, была однимъ изъ божествъ Египта, къ которому—подъ именемъ Гапи—населеніе тоже обращалось съ молитвами и славословіями. Реальный Ниль, т. е. самая рѣка, а не богъ постоянно вызывалъ это населеніе и на общія работы, безъ которыхъ людямъ трудно было бы жить и благоденствовать: требовалось строить плотины, прорывать каналы, выкапывать

водоемы и пр. и пр., что было не подъ силу не только что частнымъ хозяйствамъ, но и цѣлымъ общинамъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ нужно было объединеніе усилий, которое всегда ведетъ къ концентраціи власти. „По словамъ египетскихъ жрецовъ, говоритъ отецъ исторіи Геродотъ,—первый царь Египта Менесъ оградилъ плотинами Мемфисъ. Первоначально рѣка, продолжаетъ онъ, протекала вдоль песчанаго хребта со стороны Ливіи, а Менесъ соорудилъ стадіи на сто выше Мемфиса плотину и тѣмъ упразднилъ рукавъ рѣки къ югу отъ города, прежнее русло оставилъ сухимъ и направилъ рѣку по новому руслу между двухъ горъ. Еще и теперь, прибавляетъ Геродотъ, персы ревниво охраняютъ этотъ рукавъ Нила и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы рѣка не прорвала плотины, и потому ежегодно укрѣпляютъ ее¹⁾“. Кроме того, греческій историкъ говоритъ, что съ сѣвера и запада первый египетскій царь обвелъ городъ озеромъ, которое питается Ниломъ. Вотъ гдѣ, въ этихъ гидравлическихъ сооруженіяхъ фараоновъ и нужно искать объясненія того, какъ образовалось ихъ бюрократически централизованное государство. Ниль постоянно требовалъ работы,—которую и въ настоящее время производятъ въ Египтѣ англійскіе инженеры,—и работа эта вызвала необходимость въ общемъ руководствѣ и надзорѣ. Мало того, орошеніе полей водою изъ Нила нельзя было предоставить на усмотрѣніе отдѣльныхъ мѣстностей, между которыми могла возникать конкуренція, и потому нужно было, чтобы кто-нибудь регулировалъ пользование орошеніемъ въ отдѣльныхъ частяхъ страны или въ сосѣднихъ общинахъ. Для сооруженія плотинъ, каналовъ и водоемовъ, для ихъ поддержки, для надзора за пользованіемъ ими необходимы были средства, которыя создавались путемъ обложенія земель податями, и такимъ образомъ объединеніе всѣхъ предпріятій, о которыхъ идетъ рѣчь, вела къ сосредоточенію въ одномъ мѣстѣ распорядженія громадными матеріальными средствами. Въ царскую казну все сначала поступало натурою, но и натурою же и расходовалось на рабочихъ, на надсмотрщиковъ за работами и ихъ руководителей и пр., и пр., вплоть до того чиновничества, которое выросло и развилось на этой почвѣ²⁾. Однѣ религіозныя

¹⁾ Геродотъ, II, 99.

²⁾ Ср. выше, стр. 45.

вѣрованія не могли бы создать ни пирамидъ, ни храмовъ, если бы не произошло сосредоточенія въ рукахъ фараоновъ матеріальныхъ средствъ, вызывавшагося въ концѣ концовъ жизненными потребностями населенія. Уже потомъ, когда совершилась эта концентрація доходовъ, началась постройка пирамидъ четвертой династіи, на которыя ухлопано было столько человѣческаго труда.

На той же почвѣ возникло въ Египтѣ и закрѣпощеніе населенія государству. Здѣсь очень рано произошло рѣзкое раздѣленіе общества на управляемыхъ въ интересахъ всего государства и на управляющихъ отъ имени этого государства, которымъ и распоряжался царь, сдѣлавшійся земнымъ богомъ. Египетскіе памятники даютъ намъ немало изображеній быта трудящихся классовъ населенія. На тамошнемъ простонародьѣ тяжелымъ гнетомъ лежали разныя натуральныя повинности и участіе въ работахъ, которыхъ требовали и которыми руководила государственная власть. Но рядомъ съ народною массою въ числѣ подданныхъ фараона были и знатные люди, сами обладавшіе значительными матеріальными средствами. Египетская аристократія была даже старше самой царской власти, ибо имѣла неслужилое происхожденіе. Какъ она возникла и какъ потомъ подчинилась единой высшей власти, этого мы не знаемъ, но мы знаемъ, что такая аристократія существовала. Фараоны дѣлали представителями своей власти въ отдѣльныхъ частяхъ страны знатныхъ людей, т. е. богатыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ же мѣстностей, гдѣ поручали имъ судить и рядить, и имъ же жаловали за службу имѣнія изъ своего громаднаго земельного фонда.

Въ виду только-что указаннаго обстоятельства къ египетской исторіи часто примѣняли понятіе феодализма. Известно, что подъ этимъ названіемъ разумѣется раздробленіе страны на множество мелкихъ владѣній, въ которыхъ власть помѣщика пріобрѣтаетъ характеръ власти государя и которыя находятся въ іерархической зависимости одно отъ другого. Это — политическая сторона феодализма, и ея-то въ Египтѣ мы и не наблюдаемъ — за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ эпохъ упадка центральной власти. Въ странѣ существовала іерархія, но бюрократическая, а не феодальная; помѣщійе могъ здѣсь быть мѣстнымъ агентомъ государственной власти, но самъ государемъ не быть, да и все въ Египтѣ приводило къ объединенію, а не къ раздробленію,

хотя послѣднее на время и устанавливалось. Зато можно говорить о существованіи въ Египтѣ феодализма социальнаго, сущность котораго заключается въ соединеніи крупнаго землевладѣнія съ крѣпостничествомъ, — черта быта, которую какъ-разъ въ Египтѣ мы и наблюдаемъ. Если фараонъ и бралъ своихъ слугъ изъ знати, все-таки они были только его слугами, хотя бы въ эпоху среднего царства и происходила въ странѣ феодализація и въ политическомъ смыслѣ.

Общая система управленія Египтомъ, конечно, не оставалась неизмѣнной, но главныя ея черты долго сохранялись. Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ намъ самими египтянами, мы находимъ множество названій высшихъ и низшихъ должностей и коллегіальныхъ учреждений, функціи которыхъ намъ не всегда извѣстны или вполне ясны. Мы знаемъ, напр., что въ Египтѣ существовала должность великаго визиря: это былъ „пати“, начальникъ всей страны Сѣвера и Юга. Ему были подчинены шесть великихъ палатъ, „божій казначей“, бывший въ то же время „тайнымъ совѣтникомъ для варварскихъ странъ“ и „начальникомъ всѣхъ работъ и порученій“ и т. п. Иные сановники являются номинальными начальниками отдѣльныхъ областей, но живутъ въ столицѣ, управляя областями черезъ своихъ замѣстителей, и часто могила такого правителя находится не на родинѣ его, а на надгробномъ памятникѣ его имя отца не обозначено. Въ эпохи силы и могущества царской власти фараонъ могъ возвысить до самыхъ важныхъ должностей въ государствѣ, кого хотѣлъ, но были времена, когда правители областей дѣлались какъ бы князьями, жили на своихъ мѣстахъ и тамъ же сооружали свои усыпальницы. Это была сложная и довольно запутанная исторія, но обыкновенно привычки бюрократической централизаціи брали верхъ надъ „феодальными“ стремленіями номарховъ, и централизація возстановлялась.

Въ Египтѣ вопреки тому, во что долго вѣрили, не было также и кастъ. Къ сожалѣнію, о сословномъ строѣ Египта мы знаемъ очень мало, а о городскомъ устройствѣ намъ такъ-таки почти ничего и неизвѣстно, но замкнутости въ сословномъ быту не было, и переходъ людей отъ однихъ занятій къ другимъ ничѣмъ не стѣснялся, если, конечно, къ тому представлялась фактическая возможность.

Въ государственной жизни важны не только фактическія отношенія, но и отраженіе ихъ въ сознаніи насе-

ленія въ видѣ пониманія ихъ сущности, сопровождаемаго довольствомъ или недовольствомъ ими. Въ Египтѣ время отъ времени происходили народныя возмущенія, но это были возстанія противъ лицъ, а не противъ учреждений, которыя, наоборотъ, пользовались всеобщимъ признаніемъ, благодаря религіозной санкціи, какую имъ придавала вѣра въ божественность ихъ происхожденія. У жрецовъ была своя политическая теорія, сводившаяся цѣликомъ къ обоготворенію власти фараоновъ. Прямою задачею жрецовъ было совершать богослуженіе и производить священные гаданія, и это, конечно, требовало извѣстной специальной подготовки (иногда еще съ дѣтства), но жрецы занимались еще и систематизаціей и переработкой религіозныхъ вѣрованій, углубленіемъ ихъ и новымъ ихъ истолкованіемъ и т. п., что привело къ разрыву между жреческой и народной вѣрой. Жрецы представляли собою ученое сословіе Египта, которое также, если можно такъ выразиться, бюрократизировалось. У него была своя іерархія, отличная отъ свѣтской, и оно тоже дѣлало дѣло государственное, такъ какъ культъ былъ именно дѣломъ государства. Теологическая систематизація, которою занимались египетскіе жрецы, имѣла свою цѣлью подчинить мѣстные культы общегосударственному, центральному культу, во главѣ котораго стоялъ фараонъ. Они сливали въ своихъ умственныхъ созданіяхъ исторію общества съ исторіей міра, исторію государей съ исторіей боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опутывали всю жизнь египтянина мелочной обрядностью. Религіозный элементъ, какъ и вездѣ въ большей или меньшей степени на Востокѣ, проникалъ собою и обыденную жизнь, и политическое существованіе. Правда, не одинъ разъ жрецы дѣлались опасными для самой власти фараоновъ, а въ лицѣ основателя двадцать первой династїи одинъ жрецъ (Гиргоръ) даже завладѣлъ престоломъ, но все-таки это были скорѣе отступленія отъ господствовавшаго порядка, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда областные правители изъ царскихъ чиновниковъ превращались въ вассальныхъ князей. Въ общемъ Египетъ былъ все-таки единой абсолютной монархіей, въ которой власть царя-бога опиралась на двойную, т.-е. и на чиновничью, и на жреческую іерархію при полномъ безправіи закрѣпощенной народной массы.

Чиновничество и отчасти жречество выработали въ Египтѣ

замѣчательную бюрократическую технику и письменное дѣлопроизводство. Только умѣніе писать давало право на участіе въ управленіи и въ культѣ, и титулъ „писецъ царя“ былъ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ. Въ Египтѣ писали много уже въ эпоху постройки большихъ пирамидъ, и письменное дѣлопроизводство расплодило разныхъ секретарей и писарей съ обычнымъ при бюрократическомъ строѣ формализмомъ и бумажнымъ многописаніемъ. Среди важныхъ должностей въ Египтѣ имѣлась и должность „начальника книжной палаты царя“, въ завѣдованіи котораго находился государственный архивъ.

Населеніе Египта отличалось, какъ извѣстно, крайне миролюбивымъ характеромъ, и страна долгое время жила совершенно изолированной жизнью. Одно время она даже должна была подчиниться завоевателямъ-гиксамъ, семитамъ, вторгнувшимся изъ-за Суэзскаго перешейка, вполнѣ овладѣвшимъ ею и долго въ ней господствовавшимъ, хотя и удержавшимъ въ ней прежнюю организацію. Борьба съ пришельцами, отъ которыхъ Египетъ въ концѣ концовъ освободился, развила въ высшихъ классахъ общества болѣе воинственный духъ, что усилило въ странѣ значеніе военного элемента, а впервые въ эпоху гиксовъ появившаяся въ Египтѣ лошадь дала фараонамъ возможность образовать конное войско. Вмѣстѣ съ этимъ освобожденіе отъ чужеземнаго ига повело къ большому политическому сплоченію страны, и скорѣ затѣмъ фараоны превратились въ царей-завоевателей, направивъ свои военныя предпрїятія главнымъ образомъ въ сторону Сирїи, откуда ихъ войска доходили даже до Евфрата. Народная масса, однако, попрежнему оставалась мало воинственной, и фараоны очень рано стали прибѣгать къ помощи наемниковъ, къ которымъ обращались также и для отраженія морскихъ разбойниковъ. О превращеніи Египта въ завоевательную державу рѣчь будетъ еще въ другой связи, здѣсь же нужно отмѣтить только, что этимъ Египетъ готовилъ себѣ въ будущемъ одну гибель. Громадное большинство населенія относилось къ войнѣ съ отвращеніемъ, ибо обогащались отъ нея только царь да знать, а между тѣмъ война истощала силы страны и усиливала въ ней военный элементъ, въ которомъ главную роль стали играть наемники. Однажды сирійскіе солдаты, находившіеся на египетской службѣ, даже захватили власть

надъ Египтомъ, посадивъ одного изъ своихъ начальниковъ на престолъ. Это было только прелюдией къ потерѣ Египтомъ независимости: именно имъ на время овладѣвали и египцы, потомъ временно же господствовала надъ нимъ Ассирія, а въ концѣ концовъ, послѣ краткаго періода возрожденія при двадцать шестой династии, произошло завоеваніе Египта персами, отъ которыхъ онъ перешелъ въ руки грековъ, а отъ нихъ — подъ власть Рима. Но кто бы ни владѣлъ Египтомъ, начиная горстью кочевниковъ-гиксовъ и кончая мировладыками-римлянами, старые порядки, заведенные въ странѣ фараонами, и та правительственная техника, которая была выработана царскимъ чиновничествомъ, пережили потерю Египтомъ своей національной независимости. Однимъ словомъ, оставался ли Египетъ самостоятельнымъ, или подчинялся чужеземцамъ, во внутреннемъ своемъ строѣ онъ продолжалъ быть самимъ собою, и послѣдняя великая національная дилатія фараоновъ передъ персидскимъ завоеваніемъ направляла всѣ свои силы къ тому, чтобы, въ сущности, возстановить тотъ политическій строй, который былъ созданъ фараонами первыхъ династій. Вотъ почему, не смотря на то, что Египетъ время отъ времени и распадался, самую характерную черту его внутренней политической исторіи мы должны считать бюрократическую централизацию государства подъ властью обоготвореннаго фараона.

ГЛАВА VI.

Общій характеръ ассиро-вавилонской государственности.

Древнѣйшее политическое прошлое Ассири-Вавилоніи. — Первое возвышеніе Вавилона. — Начало могущества Ассиріи. — Судьба Вавилона подъ чужеземною властью. — Общая ассиро-вавилонская культура и различіе между характеромъ Вавилона и Ассиріи. — Ниневія. — Военственный характеръ ассирійцевъ. — Характеръ царской власти въ Ассиріи. — Отношеніе ея къ жречеству. — Мирная дѣятельность ассирійскихъ царей. — Культурный характеръ Ново-Вавилонскаго царства.

Другую, рядомъ съ Египтомъ, колыбелью древнѣйшей культуры была область, которую мы называемъ теперь Ас-

сиро-Вавилоніей, и гдѣ изъ множества отдѣльныхъ государствъ особенно выдвинулись два съ всемірно-историческимъ значеніемъ — Вавилонъ и Ассирія. Изъ нихъ сначала, за 19—16 вв. до Р. X. господство принадлежало Вавилону, потомъ возвысилась Ассирія, которая впервые создала настоящую „всемирную монархію“, а подъ-конецъ опять возвысился, хотя и на короткое время Вавилонъ, пока вся эта обширная страна по Тигру и Евфрату не вошла въ составъ второй всемірной монархіи, созданной въ VI в. до Р. X. персидскими царями. Вавилонъ и Ассирія не были единственными государствами въ области, которую мы теперь обозначаемъ по ихъ имени. Здѣсь съ древнѣйшихъ временъ, тоже за цѣлыя тысячелѣтія до нашей эры существовало, какъ мы видѣли ¹⁾, большое количество городовыхъ государствъ, которые вели между собою войны, возвышались одни надъ другими или становились въ вассальныя отношенія къ другимъ отношенія, и при этомъ главенство въ постоянно мѣнявшихся границахъ переходило то къ одному городу, то къ другому. Иными словами, здѣсь устанавливалась извѣстнаго рода федеративная система мелкихъ государствъ подъ гегемоніей одного изъ нихъ. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, какъ на параллельное этому явленію, указываетъ въ данномъ случаѣ на старую Священную Римскую имперію германской націи ²⁾, а намъ, пожалуй, можетъ придти на память удѣльная Русь, раздробленная, но въ то же время среди своихъ князей имѣвшая одного, который былъ старшимъ между ними или великимъ княземъ.

Первымъ городомъ, которому удалось возвыситься надъ другими, былъ Уръ ³⁾, и его правители носили титулъ царей „Сумера и Аккада“, позднѣе — „царей четырехъ странъ“ и имѣли подъ своею властью большую часть южной Вавилоніи. Позднѣе страню владѣли цари Ларсы, называвшіеся такъ по одному изъ южно-вавилонскихъ городовъ, и ихъ политическое вліяніе простиралось до самаго финикійскаго побережья Средиземнаго моря, что позволяетъ видѣть въ нихъ „первыхъ, какіе только намъ извѣстны,

¹⁾ См. выше, стр. 16, 24 и 26.

²⁾ Hugo Winkler. Die politische Entwicklung Babylo niens und Assyriens. 1903. Стр. 12.

³⁾ См. выше, стр. 16.

предшественниковъ персидскихъ царей“ (Гуго Винклеръ), какъ объединителей многихъ странъ подъ единою властью. Послѣдній царь Ларсы былъ низвергнутъ вассальнымъ царемъ въ сѣверной Вавилоніи Гаммураби, предшественники котораго опирались на городъ Сиппаръ, но который самъ переселился въ Вавилонъ. Это важное въ исторіи Востока событіе нужно отнести приблизительно къ 2250 г. до Р. X.

Гаммураби былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей Вавилоніи, отъ котораго осталось нѣсколько надписей, свидѣтельствующихъ о его энергичной строительной дѣятельности (каналъ „Гаммураби—благословіе народовъ“, храмы), но особенно любопытна дѣятельность его, какъ законодателя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1897—1898) на мѣстѣ древней Сузы, столицы Эламскаго царства, лежавшаго къ востоку отъ Вавилоніи, были произведены раскопки, давшія необычайно важные результаты. Найдены были именно трофеи, похищенные эламскими царями изъ Вавилона, вѣроятно, въ XII в. до Р. X., и среди нихъ былъ вскорѣ обнаруженъ памятникъ величайшаго историческаго значенія — книга законовъ царя Гаммураби, на которую мы должны смотрѣть, какъ на древнѣйшій въ цѣломъ мірѣ законодательный документъ. Этотъ довольно обширный (въ немъ 282 §§) юридическій памятникъ былъ недавно переведенъ по-нѣмецки Винклеромъ, и самый переводъ изданъ отдѣльной брошюрой¹⁾. Какъ эти законы, такъ и другія извѣстія, какія мы имѣемъ отъ этой эпохи, свидѣлствуютъ о высокой культурѣ, существовавшей въ самомъ началѣ перваго Вавилонскаго царства.

Вавилонъ, ставшій за 2250 лѣтъ до Р. X. господиномъ нижняго теченія Евфрата и Тигра и давшій имя всей этой странѣ, былъ первымъ городомъ поистинѣ съ всемірно-историческимъ значеніемъ, о которомъ говоритъ намъ хотя бы уже то обстоятельство, что извѣстія о немъ мы имѣемъ и въ еврейской, и въ греческой литературахъ, какъ о городѣ большомъ, сильно населенномъ, богатомъ и просвѣщенномъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе вѣковъ Вавилонъ былъ главнымъ центромъ техническаго и культурнаго развитія, гдѣ процвѣтали промышленность и торговля и откуда шло рели-

¹⁾ Die Gesetze Hammurabis, Königs von Babylon um 2250 v. Chr., das älteste Gesetzbuch der Welt. Leipzig. 1902.

гіозное и научное вліяніе на сосѣднія и даже болѣе отдаленныя страны. Когда на сѣверѣ отъ Вавилона возвысилась Ассирія, онъ утратилъ свое политическое значеніе въ виду военнаго превосходства ассирійцевъ, но торгово-промышленное и культурное значеніе сохранялось за нимъ и впредь, такъ что и впоследствии долго еще держалось представленіе, что господствовать надъ міромъ нельзя, не обладая Вавилономъ. Ассирія возвысилась надъ Вавилономъ не сразу, и притомъ долго она то теряла свое господство надъ нимъ, то приобретала вновь. Вавилонъ долго не хотѣлъ сдаваться ассирійцамъ, и даже тогда, когда ему пришлось уступить имъ Месопотамію, онъ старался сохранить независимость, проложивъ дорогу для своей торговли въ Сирію прямо черезъ степи. Ассирія, получившая всю свою культуру изъ Вавилона, всегда стремилась легитимировать свое обладаніе этимъ городомъ, то довольствуясь номинальнымъ надъ нимъ суверенитетомъ, то пытаясь придать своему протекторату болѣе реальное значеніе. Первоначально у Вавилона оставались свои цари въ качествѣ подвластныхъ правителей, и только позднѣе ассирійскіе государи сдѣлались сами царями Вавилона. Впрочемъ, и въ самой Вавилоніи не было совершеннаго политическаго единства, и во второстепенныхъ городахъ страны были свои цари, очень часто силою овладѣвавшіе самимъ вавилонскимъ престоломъ. Этимъ узурпаторамъ въ ихъ предпріятіяхъ иногда помогали сосѣдній Эламъ, бывшій сначала лишь вавилонскою областью, но превратившійся затѣмъ въ самостоятельное царство. Случалось, что Вавилонъ освобождался отъ своихъ покровителей и союзниковъ, но въ общемъ политическое положеніе его было весьма труднымъ.

Первое завоеваніе Вавилона Ассиріей произошло (при Тугултининипѣ) около 1275 г. до Р. X., конецъ ассирійскаго владычества надъ Вавилономъ относится къ 606 г., такъ что въ общей сложности Ассирія господствовала надъ Вавилономъ — съ перерывами, впрочемъ, — около шести съ половиною столѣтій. Въ 606 г. Вавилонъ вернулъ себѣ независимость, и тогда началось второе Вавилонское царство, прославленное правленіемъ Навуходоносора, но оно просуществовало лишь около семидесяти лѣтъ, такъ какъ въ 538 г. было завоевано персами. Ассирійцы во время своего господства не разъ овладѣвали стремившимся къ независимости Вавилономъ и при этомъ подвергали его разгрому, не щадя

даже храмовъ общихъ боговъ, но персы обращались съ мировымъ городомъ бережно, а Александръ Македонскій, завоевавшій Вавилонъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ персовъ, хотѣлъ даже основать въ немъ столицу своей обширной державы. За все это время Вавилонъ оставался важнымъ центромъ духовной культуры, промышленности и торговли и сталъ склоняться къ упадку лишь тогда, когда одинъ изъ преемниковъ Александра Македонскаго, Селевкъ, родоначальникъ династии, царствовавшей въ Сирии, основалъ на Тигрѣ, къ сѣверу отъ Вавилона, верстахъ въ 60 отъ него городъ, который назвалъ Селевкѳеѳ. Этотъ городъ скоро сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ на пути изъ Индіи къ Средиземному морю. Онъ началъ соперничать съ Вавилономъ, изъ камней котораго, перевозившихся съ берега Евфрата на берегъ Тигра, даже отчасти былъ построенъ. Впослѣдствіи Вавилонъ служилъ своего рода каменоломней и для Ктесифона, города, лежавшаго противъ Селевкѳеѳ на другомъ берегу Тигра и сдѣлавшагося въ римскія времена столицею Парфянскаго царства. Когда, долго спустя, въ эпоху арабскаго халифата въ тѣхъ же мѣстахъ былъ построенъ Багдадъ, то и для возведенія въ немъ зданій равнымъ образомъ расхищались еще камни старыхъ вавилонскихъ построекъ.

Въ Ассирио-Вавилоніи культура двигалась съ юга на сѣверъ, въ частности въ Ассирію она перешла изъ Вавилона. Ея общій характеръ и въ частности многія подробности намъ хорошо извѣстны, главнымъ образомъ въ области духовнаго творчества и техники, т.-е. религія, наука, литература, искусство, внѣшній бытъ; хорошо также, хотя и съ пробѣлами, извѣстна внѣшняя исторія, но внутреннія экономическія и юридическія, соціальныя и политическія отношенія знакомы намъ гораздо хуже, и прослѣдить измѣненія, происходившія въ этихъ сферахъ жизни, представляется дѣломъ до крайности труднымъ. Во всякомъ случаѣ Ассирія въ общемъ намъ извѣстна лучше Вавилона, а между ними все-таки существовала большая разница. Именно, въ Вавилонѣ вся культура имѣла больше жреческій характеръ, въ Ассириі — больше военный. Вавилонскіе цари были преемниками древнѣйшихъ городскихъ князей-жрецовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *патеси*¹⁾, и въ ихъ столицѣ главнымъ дѣломъ были заня-

тія мирнаго характера, т.-е., кромѣ научной и литературной дѣятельности жрецовъ, промышленность и торговля, и даже самые храмы боговъ играли роль банковъ. Наоборотъ, Ассирія была державою военною, и ея цари прежде всего были военачальники, ея высшій классъ — воины. Однимъ словомъ, къ Вавилону и Ассириі мы можемъ приложить понятія промышленнаго и военнаго типовъ общества, которыя были введены въ социологію сень-симонистами, удержаны въ ней Огюстомъ Контомъ и получили такое значеніе у Герберта Спенсера. Конечно, мы не должны думать, что Вавилонъ занимался только промышленностью (въ широкомъ смыслѣ слова), а Ассирія только воевала: рѣчь можетъ идти лишь объ относительномъ значеніи экономической и военной дѣятельности въ жизни общества, и въ этомъ отношеніи, напр., одно и то же общество въ разные времена можетъ принимать больше или одинъ, или другой характеръ. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить Египетъ, который до XVIII династии развивался главнымъ образомъ по типу промышленнаго общества, а съ XVIII династии превратился въ завоевательное царство. Вотъ такимъ-то, по преимуществу завоевательнымъ царствомъ въ теченіе всего своего существованія и была Ассирія. Ассирійцы, которыхъ не напрасно въ наше время называютъ „римлянами Азіи“, были, дѣйствительно, первыми по времени всесвѣтными завоевателями, и ихъ государство — первую военную державою, честолюбіе которой заключалось въ господствѣ надъ всѣмъ міромъ.

Въ Ассириі тоже образовался громадный городской центръ, мировая столица Ниневія, стяжавшая себѣ, какъ и Вавилонъ, громадную славу. Ассирійскіе цари въ разное время жили въ разныхъ городахъ, и Ниневія сдѣлалась ихъ резиденціей лишь послѣ Ассура и Калаха, но ни одинъ ихъ городъ не достигалъ такихъ размѣровъ, такой населенности, такого богатства, какъ Ниневія. Однако, эта громадная столица первой настоящей всемірной монархіи не имѣла ни самостоятельнаго промышленно-торговаго, ни культурнаго значенія: вся ея сила заключалась въ томъ, что она была главнымъ городомъ завоевательнаго царства, жившаго военною добычею. Это, можно даже сказать, былъ только могущественный военный лагерь, много потреблявшій, ничего почти не производившій, и когда подвластные народы возмущались и разрушили Ниневію, она превратилась въ груду развалинъ, не

¹⁾ См. выше, стр. 24.

то, что Вавилонъ, пережившій цѣлый рядъ политическихъ катастрофъ и оставшійся важнымъ центромъ. Всего два вѣка спустя послѣ паденія Ниневіи мимо ея развалины проходили греческіе наемники подъ начальствомъ Ксенофонта, описавшаго этотъ походъ („Анабазисъ“). Путь ихъ отъ Вавилона на родину лежалъ какъ-разъ черезъ мѣстность ассирийскихъ столицъ Калаха и Ниневіи, но Ксенофонту осталось неизвѣстнымъ, какую роль въ исторіи Азіи игралъ одинъ изъ этихъ опустѣлыхъ городовъ, встрѣтившихся на его пути. Онъ называетъ одинъ изъ нихъ Лариссой, другой—Меспилой и думаетъ, что эти города были населены мидянами и взяты персами. Недалеко отъ нихъ проходилъ и Александръ Македонскій, тоже, повидимому, не подозрѣвая, что тутъ была гордая столица его предшественниковъ по владычеству надъ Азіей. Еще позднѣе римляне на томъ же мѣстѣ основали одну изъ своихъ военныхъ колоній, но и изъ нихъ никто не зналъ, что тутъ было раньше. Съ Ниневіей мы знакомы по краснорѣчивымъ описаніямъ еврейскихъ пророковъ, но въ греческой литературѣ о ней упоминается очень рѣдко¹⁾. Въ книгѣ пророка Іоны говорится, что „Ниневія была городъ великій у Бога, на три дня ходьбы“, такъ что обойти его скоро было невозможно: Иона ходилъ по городу, „сколько можно пройти въ одинъ день“ (гл. 4). Это былъ городъ притомъ многолюдный и богатый, въ которомъ было „болѣе 120 тысячъ человѣкъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой“ (тамъ же). „Ниневія со времени существованія своего, говоритъ пророкъ Наумъ, была, какъ прудъ, полный водою“, и не было въ немъ „конца запасамъ всякой драгоценной утвари“ (гл. 2). „Купцовъ у тебя, восклицаетъ тотъ же пророкъ, обращаясь къ Ниневіи, стало болѣе, нежели звѣздъ на небѣ;... князья твои, какъ саранча, и военачальники твои, какъ рои мошекъ, которыя во время холода гнѣздятся въ щеляхъ“ (гл. 3). И этотъ громадный, переполненный людьми и богатствами городъ, торжествуя говорилъ, по словамъ пророка Софоніи (гл. 2), въ сердцѣ своемъ: „я, и нѣтъ иного, кромѣ меня“. Пророки оставили и яркія картины паденія и разрушенія этого гордаго величіемъ своимъ города.

¹⁾ Геродотъ говоритъ о немъ („Нинъ“) страшно мало, больше—Ктесіа (см. ниже).

Политическая исторія Ассиріи утомительно однообразна: войны, походы, сраженія, осады городовъ, избиенія побѣжденныхъ, — вотъ все ея содержаніе, главные темы тѣхъ царскихъ лѣтописей, которыя сохранились отъ ассирийцевъ. Какія бы странныя для насъ имена ни носили цари ассирийскіе, повѣствуя о своихъ подвигахъ, сущность дѣла остается одна и та же. „Я, говоритъ Тугултипалесаръ I (около 1130 г.), наполнилъ ихъ (мускайцевъ, или москійцевъ) трупами ущелья до горныхъ вершинъ, я отсѣкъ имъ головы и украсилъ этими головами стѣны ихъ городовъ. Я взялъ безчисленное количество плѣнниковъ, добычи и сокровищъ. Шесть тысячъ человѣкъ, взбунтовавшихся противъ моей власти, обнимали мои колѣни, и я взялъ ихъ въ плѣнъ... Остальные солдаты, испуганные могуществомъ моего оружія, не выдержали натиска сильной атаки и, спасая свою жизнь, бросились къ вершинамъ горъ, на высокія плоскогорія, къ лѣснымъ опушкамъ, по извилистымъ горнымъ оврагамъ, гдѣ едва возможно пройти человѣку. Я погнался за ними; они вступили со мною въ бой, и я обратилъ ихъ въ бѣгство; я, какъ буря, пронесся по рядамъ сражающихся среди горныхъ овраговъ“ и т. д. „Населеніе, повѣствуетъ другой царь (Ассурназирпаль), удалилось въ недоступныя горы и засѣло на ихъ вершинахъ, чтобы я не могъ добраться до него, такъ какъ величественныя горы ихъ оканчиваются остроконечными верхушками на подобіе острія меча, и однѣ птицы небесныя могутъ долетѣть до нихъ... Въ три дня я взшелъ на горы и посѣялъ ужасъ въ ихъ убѣжищахъ... Трупы усеяли склоны горъ, какъ древесные листья; оставшіеся въ живыхъ старались укрыться въ скалахъ... Я, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, перебилъ всѣхъ сражающихся въ числѣ 260, отрѣзалъ имъ головы и сложилъ изъ нихъ пирамиды... Я, еще говоритъ онъ же, убивалъ ихъ одного на двухъ... Я выстроилъ стѣну передъ главными воротами города и покрылъ ее кожей, содранною съ предводителей бунтовщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были заживо замурованы, другіе, посаженные на колѣ, были разставлены во всю длину стѣны; со многихъ я велѣлъ содрать при себѣ кожу и покрыть ею стѣну; головы ихъ я расположилъ въ видѣ вѣнковъ и пронзенныя тѣла ихъ въ видѣ гириандъ... Только на развалинахъ, прибавляетъ воинственный царь, чело мое про-

ясняется; только утоляя гнѣвъ свой, я чувствую удовлетвореніе“. Отъ знаменитаго Саргона (722—705) остались подобныя же кровожадныя заявленія, изъ которыхъ я приведу только одинъ отрывокъ. „Я расположилъ своихъ воиновъ заразъ по всей линіи каналовъ, и они обратили непріятеля въ бѣгство. Трупы воиновъ на подобіе древесныхъ стволовъ плыли по волнамъ рѣкъ. Я уничтожилъ тѣлохранителей Марсана и поселилъ ужасъ смерти среди остальныхъ непріятельскихъ полчищъ“ и т. д. Не менѣе знаменитый Сеннахерибъ (705—681) говоритъ тоже самое: „я разжаловалъ возмущившихся военачальниковъ и сановниковъ и убилъ ихъ; я посадилъ на колъ ихъ трупы на городскихъ стѣнахъ, я продалъ въ рабство мужчинъ, которые совершали насиліе и мерзости... Съ помощью огня, рѣзни, сраженій и осады я одержалъ надъ ними (городами въ Іудеѣ) верхъ и занялъ ихъ; я заставилъ оттуда выйти 200.150 человекъ взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, лошадей, ословъ, муловъ, верблюдовъ, быковъ, множество барановъ и все захватилъ, какъ добычу.... Я застигъ людей (въ Сиріи) въ лѣсистыхъ ущельяхъ горъ, я побѣдилъ ихъ; я осадилъ ихъ города и лишилъ ихъ жителей, я разрушилъ ихъ, уничтожилъ и превратилъ ихъ въ груды пепла... Я осадилъ городъ Укку; я увелъ его жителей, я унесъ изъ города все имущество, всѣ пожитки и сокровища его дворца и взялъ ихъ себѣ, какъ законную добычу. Я занялъ тридцать три города въ его территоріи; я взялъ людей, вьючныхъ животныхъ, быковъ и барановъ и увелъ ихъ изъ городовъ, которые разрушилъ, уничтожилъ и обратилъ въ груды пепла... Я осадилъ (въ Сузіанѣ) и взялъ 34 большихъ города и безпримѣрное число небольшихъ окрестныхъ городовъ; я увелъ изъ нихъ плѣнниковъ, уничтожилъ ихъ и обратилъ въ пепелъ; дымъ отъ пожаровъ подобно жертвенному дыму возносился къ необъятнымъ небесамъ... Я разрушилъ его (мятежный Вавилонъ) до основанія, подкопалъ и сжегъ городъ и храмы его, разрушилъ всѣ стѣны, ограды, храмы боговъ и пирамиды, сложенные изъ кирпича или изъ земли; я наполнилъ большой каналъ обломками ихъ развалинъ“. Или вотъ, что читаемъ мы объ Ассурбанипалѣ (667—626): „гнѣвъ великихъ боговъ, моихъ властелиновъ, не былъ утоленъ и обрушился на нихъ (вавилонянь); ни одинъ не ускользнулъ, ни одинъ не былъ пощажень, всѣ попали въ мои руки. Ихъ военныя колесницы,

упряжь, ихъ женщины, сокровища ихъ дворцовъ, все было предоставлено мнѣ. Мужчинамъ, составлявшимъ вѣроломные заговоры противъ меня и Ассура, господина моего, я вырывалъ языки и затѣмъ казнилъ ихъ. Остальные были живыми выставлены передъ большими каменными быками, которые соорудилъ Сеннахерибъ, отецъ моего отца, и я бросилъ этихъ людей въ ровъ, разрѣзалъ ихъ на куски и отдалъ на съѣденіе псамъ, дикимъ звѣрямъ, хищнымъ птицамъ, тварямъ небеснымъ и тварямъ воднымъ. Поступая такъ, я радовалъ сердце великихъ боговъ, моихъ властелиновъ“¹⁾.

О воинственности и жестокости ассирійцевъ есть извѣстія и въ литературѣ евреевъ, которымъ на себѣ пришлось испытать ассирійскія нашествія. Вся сила Ассиріи была въ ея войскѣ, которое было первоначально только вооруженнымъ народомъ. Лишь съ теченіемъ времени цари стали пополнять свои полчища контингентами изъ завоеванныхъ странъ, а въ концѣ существованія царства прибѣгали и къ наемникамъ. Если въ чемъ ассирійцы и дѣлали успѣхи, то развѣ только въ вооруженіи. Въ сохранившихся ассирійскихъ изображеніяхъ особенно много сценъ изъ военной жизни. Вотъ, напр., войско во время похода: впереди боевыя колесницы, за ними конница, потомъ пѣхота, въ концѣ люди съ топорами; вотъ осада города, штурмъ, разграбленіе; вотъ войско возвращается съ плѣнниками, съ добычей и съ головами враговъ въ качествѣ трофеевъ. Все это военныя параллели къ мирнымъ сценамъ египетской жизни, по которымъ мы знакомимся съ повседневной работой и съ разнообразными занятіями искуснаго и трудолюбиваго народа.

Главною функціею царя воинственныхъ ассирійцевъ, искавшихъ только завоеваній и добычи, было начальствованіе надъ войскомъ. Все почти содержаніе ассирійскихъ лѣтописей сводится къ прославленію военныхъ подвиговъ царей, образцы котораго только-что были приведены. Даже невоинственные владыки Ассиріи любили военную славу и за неимѣніемъ собственныхъ подвиговъ присваивали себѣ чужіе, замѣняя своими именами имена предшественниковъ своихъ на ихъ

¹⁾ Приведенныя мѣста заимствованы изъ „Древней исторія народовъ Востока“ Масперо (русс. переводъ, М. 1895), стр. 295—296, 369—370, 436, 441, 446, 448 — 449, 450, 471 и 472. Ср. въ „Исторіи Ассиріи“ г-жи Рагозиной, стр. 54, 65, 178, 196 и др.

надписяхъ. Величіе и могущество Ассиріи, сила ея и спокойствіе всегда зависѣли отъ степени воинственности царствующаго государя. Энергичный царь вѣчно велъ войны, завоевывалъ однихъ, усмиралъ другихъ и обогащалъ какъ себя, такъ и своихъ воиновъ добычею и данью. Все различіе между царскою властью въ Ассиріи и въ Вавилонѣ сдѣлается для насъ особенно яснымъ, когда мы сравнимъ высшую сановную іерархію въ обоихъ государствахъ. И тамъ, и здѣсь сохранились списки главныхъ должностныхъ лицъ, и вотъ какой ихъ порядокъ въ Ассиріи, и какой въ Вавилонѣ. Въ первомъ изъ этихъ государствъ непосредственно послѣ царя стоитъ „тартанъ“, главнокомандующій ассирійскимъ войскомъ, второе и третье мѣсто занимаютъ начальники царскаго двора и гарема, на четвертомъ мы видимъ главнаго жреца, а на пятомъ своего рода министра внутреннихъ дѣлъ, да и вообще, замѣтимъ еще, жрецы въ Ассиріи занимали очень подчиненное положеніе, всегда позади царя, на изображеніяхъ большей частью въ самыхъ раболѣпныхъ, подобострастныхъ позахъ. Иное расположеніе было тѣхъ же должностей въ Вавилонѣ: на первомъ мѣстѣ — верховный жрецъ, на второмъ — „человѣкъ приказаній“, на третьемъ — высшій посолъ, которому въ Ассиріи, кажется, соответствовалъ помощникъ тартана по дипломатической части, только на четвертомъ мѣстѣ — главный военачальникъ и на пятомъ — начальникъ дворца. Лишь съ теченіемъ времени, да и то и подъ вавилонскимъ вліяніемъ усилилось значеніе жречества въ Ассиріи, такъ что въ послѣднія времена этой монархіи за власть боролись здѣсь между собою и по очереди смѣнялись у власти военная и жреческая партія, стремившіяся каждая направлять политику царей въ желательномъ для себя смыслѣ. Въ Вавилонѣ жрецы представляли собою большую политическую силу. Извѣстно, напр., что недовольные царемъ Набонидомъ (Набу-Нахидомъ), они вошли въ сношенія съ персидскимъ царемъ Киромъ, котораго даже объявили народу избранникомъ бога Мардука, и когда персидскій завоеватель овладѣлъ Вавилономъ, то онъ постарался расположить еще больше въ свою пользу вавилонское жречество примѣрнымъ благочестіемъ передъ мѣстными богами ¹⁾.

¹⁾ См. ниже, въ гл. IX.

Опираясь на военную силу, ассирійскій царь былъ полновластнымъ владыкою государства. И родовая, и служилая знать находилась въ полномъ у него подчиненіи. Раболѣпныя позы, въ какихъ изображаются на памятникахъ ассирійскіе вельможи, свидѣтельствуютъ о томъ, что передъ царемъ они были только его рабами. Жизнь и имущество каждаго находились въ полномъ распоряженіи деспота, который возвышалъ, кого хотѣлъ, и даже могъ отдать, кому хотѣлъ, свой престолъ. Царь былъ центромъ всей государственной жизни Ассиріи, и барельефы на ассирійскихъ памятникахъ главнымъ образомъ изображаютъ царя — на войнѣ, на охотѣ, на молитвѣ, на какомъ-либо торжествѣ и т. п. Дворецъ царя и храмъ національнаго бога Ассура составляли одно цѣлое, но ассирійскій царь отнюдь не обоготворялся подобно фараону. Правда, и онъ называется сыномъ и намѣстникомъ боговъ, а при имени царя на надписяхъ ставится звѣзда, символическое обозначеніе божества, да и сами боги изображались въ царскихъ одѣяніяхъ, но ничего здѣсь не было похожего на египетское обожествленіе царской власти. Если фараоны приносили жертвы самимъ себѣ, какъ земнымъ богамъ, то ассирійскіе цари въ знакъ своего смиренія передъ богами, во время жертвоприношенія, снимали съ себя діадему и царское облаченіе, чтобы служить богамъ въ одеждѣ, похожей на одежду рабовъ. Завоевывая новыя страны, ассирійскій владыка прославлялъ самого себя, но еще болѣе онъ прославлялъ этимъ боговъ своего народа, какъ ихъ слуга, задача котораго заключалась въ томъ, чтобы распространять ихъ почитаніе вездѣ, гдѣ только признавалась его власть.

И ассирійскіе цари подобно фараонамъ, равно какъ цари вавилонскіе, также были великими строителями храмовъ, дворцовъ, памятниковъ разнаго рода, а нѣкоторые изъ нихъ прославились и общепольными предпріятіями въ родѣ постройки каналовъ и хлѣбныхъ магазиновъ, устройствомъ библиотекъ и архивовъ, изданіемъ законовъ. Вспомнимъ хотя бы перваго царя черваго Вавилонскаго царства Гаммураби и одного изъ послѣднихъ царей Вавилона — Навуходоносора. Да и въ самихъ ассирійскихъ надписяхъ прославляются не одни военные подвиги царей, хотя имъ и принадлежитъ первое мѣсто, но также и мирная ихъ дѣятельность. Въ одной, напр., надписи царь Тугультипилесаръ говоритъ о себѣ, что онъ приказалъ устроить новыя хлѣбныя магазины по всей Асси-

ри и собрать хлѣбные запасы въ тѣхъ магазинахъ, которые были устроены его предшественниками. Въ этой же надписи сказано еще, что при немъ въ Ассиріи стали разводиться также плоды, которые прежде тамъ не росли. „Я улучшилъ положеніе моихъ народовъ и повелѣлъ имъ жить въ спокойной области“.

Особенно культурный характеръ имѣла дѣятельность царей Ново-Вавилонской монархіи и самаго знаменитаго изъ нихъ Навуходоносора (605—562). Въ своихъ надписяхъ онъ особенно гордится возведенными имъ грандіозными сооружениями. Пророкъ Даніиль тоже изображаетъ намъ этого царя расхваливающимъ по своимъ чертогамъ и говорящимъ: „это ли не величественный Вавилонъ, который я построилъ въ домъ царства силою моего могущества и въ славу моего величія“ (гл. IV, ст. 27). Эти слова, влагаемые еврейскимъ пророкомъ въ уста вавилонскаго царя, въ сущности какъ бы только повторяютъ хвастливыя заявленія самого Навуходоносора, но особенно любопытно то, что онъ какъ-разъ не распространяется о своихъ войнахъ и побѣдахъ. Онъ не мечталъ уже о покореніи міра и заботился лишь о сохраненіи за государствомъ тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно существовало послѣ дѣлежа ассирийскихъ владѣній между Вавилономъ и Мидіей. Правда, ему все-таки приходилось воевать для удержанія въ покорности тѣхъ земель, которыя онъ считалъ принадлежащими его державѣ, и для отраженія изъ этой территоріи египетскаго нашествія, но, подчинивъ себѣ Іудею и Финикію и разбивъ войско фараона, онъ не пускался ни въ какія другія предпріятія и не думалъ о походѣ на самый Египетъ. Вся его забота заключалась въ томъ, чтобы обезпечить свою державу съ сѣвера хорошими укрѣпленіями, а внутри создать удобные пути для торговыхъ сношеній. Съ этою послѣднею цѣлью онъ прорылъ четыре канала между Тигромъ и Евфратомъ, по которымъ могли бы ходить торговыя суда и отъ которыхъ были сдѣланы еще развѣтвленія въ стороны съ ирригаціонными цѣлями. Для поддержанія воды на извѣстномъ уровнѣ въ этихъ каналахъ былъ вырытъ у берега Евфрата громаднѣйшій водоемъ съ разными приспособленіями для впуска въ него и выпуска изъ него воды, да и самое теченіе рѣки было регулировано въ цѣляхъ болѣе правильнаго распредѣленія ея водъ. Выше этихъ гидравлическихъ сооружений для охраны страны отъ вражескихъ вторженій Навуходоносоръ

построилъ между Евфратомъ и Тигромъ стѣну изъ обожженнаго кирпича и цементированную асфальтомъ. На югѣ отъ столицы, у самаго берега Персидскаго залива вавилонскимъ царемъ были предприняты также большія дренажныя работы, а у самаго устья Евфрата основанъ торговый портъ Тередонтъ. Отъ этого приморскаго пункта вверхъ по Евфрату могли безпрепятственно проходить торговыя суда до самаго Кархемыша, гдѣ происходила перегрузка товаровъ. Преемникамъ Навуходоносора, повидимому, пришлось продолжать нѣкоторыя работы, не оконченныя при этомъ царѣ, и въ общемъ ихъ политика также отличалась миролюбіемъ.

Исторія второго Вавилонскаго царства только подтверждаетъ, что Вавилонъ принадлежалъ скорѣе къ промышленному типу государствъ, чѣмъ къ военному. Но особеннымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить открытіе въ 1874 г. до трехъ тысячъ большихъ и малыхъ плитокъ, исписанныхъ разными документами коммерческаго и юридическаго содержанія и принадлежавшихъ одному банкирскому дому, основанному въ началѣ VII в. до Р. X. нѣкимъ Эгиби. Все это долговныя обязательства, контракты, счета по сбору налоговъ, отдававшихся правительствомъ на откупъ. Фирма Эгиби вела всѣ финансовыя дѣла вавилонскаго царя и при Навуходоносорѣ, когда дѣла ея, повидимому, достигли наиболѣе цвѣтущаго состоянія. Любопытно, что она продолжала вести свои дѣла и при персахъ, и есть даже плитки, датированныя царствованіемъ Александра Македонскаго. Исслѣдователи вавилонской древности приходятъ даже къ тому заключенію, что многія такія плитки играли роль теперешнихъ чековъ, денежныхъ переводовъ, векселей, а существованіе такихъ документовъ, если считать его нелевѣроятнымъ, указываетъ на то, что уже въ эпоху Навуходоносора былъ въ ходу способъ расплаты за товары, привозимые изъ отдаленныхъ странъ, безъ прямой пересылки за нихъ денегъ, а при помощи кредитныхъ операцій.

ГЛАВА VII.

Египетскія и ассирійскія завоеванія.

Международныя отношенія древняго Востока. — Всемирно-историческая схема четырехъ монархій. — Настоящее мѣсто Ново-Вавилонской монархіи въ международной исторіи Востока. — Происхожденіе идеи всемірной монархіи. — Расширеніе границъ Египта. — Походы фараоновъ въ Азію. — Ихъ политика по отношенію къ побѣжденнымъ. — Политика ассирійскихъ царей въ завоеванныхъ странахъ. — Отношеніе Ассиріи къ Египту. — Предѣлы Ассирійской державы. — Паденіе Ниневіи и причины разрушенія Ассирійской монархіи. — Великіе города Востока.

Въ настоящее время намъ въ достаточной мѣрѣ извѣстна исторія международной политики древняго Востока — на основаніи того, что современные „египтологи“ и „ассириологи“ вычитываютъ изъ иероглифическихъ и клинообразныхъ надписей и что раньше было извѣстно на этотъ счетъ изъ еврейскихъ историческихъ и пророческихъ (въ сущности публицистическихъ) книгъ и изъ свидѣтельствъ, оставленныхъ греческими писателями, начиная съ Геродота. Это — длинная и сложная исторія международныхъ войнъ и договоровъ, изъ которой мы узнаемъ о цѣломъ рядѣ побѣдъ однихъ и пораженій другихъ, о чужеземныхъ завоеваніяхъ и сверженіяхъ чужеземнаго ига, о союзахъ и коалиціяхъ, о явныхъ дипломатическихъ переговорахъ и дѣятельности тайныхъ политическихъ агентовъ, объ отношеніи къ внѣшней политикѣ царей ихъ собственныхъ подданныхъ и о борьбѣ придворныхъ или народныхъ партій по вопросамъ этой политики. Въ этой исторіи мы одинаково можемъ прослѣдить и дѣятельность тогдашнихъ великихъ державъ, стремившихся къ расширенію сферы своего вліянія, и поведеніе маленькихъ государствъ, которымъ приходилось лавировать между противоположными стремленіями сосѣднихъ великихъ державъ и попадать нерѣдко въ неудобное положеніе между молотомъ и наковальнею. Особенно важнымъ моментомъ въ исторіи международной политики на Востокѣ нужно считать начало египетскихъ походовъ въ Сирію, за которыми неминуемо должно было послѣдовать столкновеніе Египта съ Ассиріей. Это были двѣ наиболѣе крупныя политическія силы, главнымъ же полемъ ихъ столкновенія была Сирія (съ Пале-

стиной и Финикіей). Въ мою задачу не входитъ излагать здѣсь исторію международныхъ отношеній древняго Востока, и только одна сторона этихъ отношеній должна теперь остановиться на себѣ наше вниманіе — именно образованіе большихъ универсальныхъ монархій.

Въ среднѣе вѣка громадною популярностью пользовалось всемірно-историческое построеніе, сводившееся къ смѣнѣ однихъ другими четырехъ монархій — Вавилонской, Мидо-персидской, Греко-македонской и Римской, причемъ въ этой смѣнѣ видѣли исполненіе предсказанія пророка Даниила, сдѣланное имъ Навуходonosору въ изъясненіе страннаго сна, который приснился этому царю. Эта идея четырехъ царствъ держалась еще въ новое время, и, напр., въ серединѣ XVII в. въ Англіи, въ эпоху первой ея революціи, образовалась особая секта „людей пятой монархіи“, которые ожидали наступленія непосредственнаго царствованія Христа на землѣ послѣ бывшихъ уже четырехъ монархій съ послѣднею изъ нихъ, Римскою, продолжавшеюся, по мнѣнію того времени, въ „Священной Римской имперіи германской націи“. Конечно, мы уже не станемъ строить всемірную исторію по схемѣ четырехъ монархій и связывать ее съ толкованіемъ сновидѣнія вавилонскаго царя, но въ основѣ своей эта концепція не лишена историческаго значенія. Дѣйствительно, господство надъ главнымъ историческимъ міромъ переходило изъ рукъ одного народа въ руки другого, и одна другую смѣняли великія универсальныя монархіи. Только первое мѣсто въ этой схемѣ должно принадлежать не Вавилону временъ Навуходonosора, а Ассиріи. Дѣло въ томъ, что о Навуходonosорѣ только съ очень и очень сильнымъ преувеличеніемъ можно было сказать, что онъ былъ „владыкою надъ всѣми сынами человѣческими, гдѣ бы они ни жили“¹⁾, но если и вообще ни о комъ этого никогда нельзя было сказать, то все-таки съ гораздо большимъ правомъ такіа слова можно было примѣнить къ царямъ ассирійскимъ. Въдѣ Ново-Вавилонское царство было только одною изъ частей, на которыя распалась великая Ассирійская держава, являющаяся, дѣйствительно, первою „всемірною монархіею“²⁾ древности.

¹⁾ Дан., гл. II, ст. 38.

²⁾ Терминъ этотъ, конечно, не слѣдуетъ принимать въ буквальный смыслъ.

Рядомъ съ Вавилономъ въ первой половинѣ VI в. до Р. Х. существовали еще въ качествѣ великихъ державъ Мидія, Лидія и Египеть, и это былъ какъ-разъ промежутокъ времени, когда на Востокѣ установилось политическое равновѣсіе безъ преобладанія одного какого-либо царства, между эпохами ассирійскаго и персидскаго владычества.

Въ отдаленныя эпохи исторіи, въ эпохи ограниченнаго географическаго горизонта простое преобладаніе надъ ближайшимъ сосѣдями могло казаться владычествомъ надъ всею землею, и пышная титулатура, какую принимали цари восточныхъ народовъ, еще болѣе преувеличивала значеніе власти того или другого деспота. Вотъ почему уже у многихъ раннихъ царей создавалось представление, что они являются владыками вселенной, а потомъ и дѣйствительное честолюбіе наиболѣе удачливыхъ изъ нихъ заключалось въ томъ, чтобы быть „владыками надъ всѣми сынами челоувѣческими, гдѣ бы они ни жили“. Призванными къ этой роли могли мечтать всѣ болѣе могущественные цари, повелѣвшіе надъ сколько-нибудь обширными территориями, но пышный титулъ „царя царей“, который до сихъ поръ официально носится персидскимъ шахомъ, обозначалъ первоначально лишь перваго между равными, мѣстнаго царя, выдвигавшагося надъ другими. По мѣрѣ того, какъ то или другое государство расширяло свои предѣлы, его цари все болѣе и болѣе могли считать себя господами всей земли, съ расширеніемъ же политическаго горизонта и самое понятіе всемірной монархіи дѣлалось болѣе широкимъ. Любопытно во всякомъ случаѣ, что горделивые титулы владыкъ всей земли— вещь очень старая въ мірѣ.

Первымъ большимъ царствомъ, вышедшимъ изъ предѣловъ, въ которыхъ заключалась національность, его собственно создавшая, былъ Египеть. Уже фараонамъ первыхъ династій пришлось вести войны съ ближайшими сосѣдями, частью оборонительныя, частью наступательныя, и эти войны велись на три фронта—съ кочевниками Синайскаго полуострова на востокѣ, съ нубійцами на югѣ, съ ливійцами на западѣ,—называя этихъ сосѣдей Египта въ порядкѣ послѣдовательности первыхъ столкновеній съ ними фараоновъ. Населеніе Египта, какъ было уже сказано, отличалось большимъ миролюбіемъ, и если фараоны вели наступательныя войны для расширенія предѣловъ государства, то лишь ради

удовлетворенія наиболѣе реальныхъ его нуждъ. На Синайскій полуостровъ влекли ихъ богатые мѣдные рудники, къ югу—золотые рудники и необходимость обладанія всѣмъ теченіемъ Нила до второго водопада въ интересахъ лучшаго регулированія его нижняго теченія и т. п. Быть можетъ, и перенесеніе столицы изъ Мемфиса, гдѣ она первоначально находилась, въ Оивы стоитъ въ связи съ расширеніемъ границъ государства въ южномъ направленіи. Въ эпоху XII династіи Египеть покорилъ и Нубію, которая мало-по-малу подчинилась и культурному его вліянію. Во время владычества гиксовъ египтяне потеряли-было Нубію, но послѣ освобожденія отъ ихъ владычества снова подчинили себѣ все теченіе Нила сначала до третьяго водопада, потомъ и до четвертаго водопада. За Нубіей дошла очередь и до Эѳіопіи, которая также временно входила въ составъ Египетскаго царства, усвоивъ и культуру долины нижняго Нила. Это было, такъ сказать, естественное разрастаніе границъ вверхъ по рѣкѣ, которая протекала черезъ самый Египеть. Населеніе страны росло, и расширяя его границы, фараоны колонизировали сосѣднія земли, опустошенныя и обезлюденныя во время борьбы за нихъ съ туземцами.

Совершенно новая эпоха въ исторіи внѣшней политики Египта начинается съ XVIII династіи, которая предприняла завоевательные походы въ Азію. Со стороны Синайскаго полуострова совершалась постоянная иммиграція въ Египеть кочевниковъ, жившихъ въ этомъ углу Передней Азіи, а съ другой стороны, фараоны еще первыхъ династій посылали на этотъ полуостровъ экспедиціи, дорожа возможностью добывать тамъ въ большомъ количествѣ мѣдь. Начиная съ XVIII династіи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, именно отъ XVII до XII столѣтій фараоны совершаютъ постоянные походы противъ Палестины, Финикіи, Сиріи и Месопотаміи. Особеннаго могущества достигъ Египеть при фараонѣ Тутмесѣ III, царствованіе котораго относится къ первой половинѣ XVI в. до Р. Х., когда Египеть владѣлъ обширной территоріей отъ Тигра до 4-го нильскаго водопада. Первые фараоны-завоеватели (Аменготепъ I и Тутмеси I и II) довольствовались, повидимому, однимъ разгромомъ и грабежомъ подвергавшихся нашествію странъ, да уведомъ плѣнныхъ, и стремленіе къ болѣе прочному подчиненію себѣ азіатскихъ народностей началось только съ Тутмеса III, который сталъ

налагать на покоренныхъ ежегодную дань въ видѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, какъ о главныхъ товарахъ международной торговли: тутъ было все, въ чемъ прежде всего нуждались сами фараоны, включительно до разнаго рода рѣдкостей. Сирійскіе народы тяготились этою данью и постоянно возставали противъ чужеземнаго владычества, а это влекло за собою новые и новые походы, во время которыхъ фараоны прибѣгали систематически къ терроризированію непокорныхъ и, между прочимъ, брали у нихъ заложниковъ. Эти египетскіе походы въ Сирію были одною изъ причинъ того, что въ сѣверной части этой страны въ видѣ противовѣса Египту сложилось довольно сильное Хеттское царство¹⁾, подъ влияніе котораго попала даже Малая Азія. Оно сумѣло оказать фараонамъ-завоевателямъ отпоръ, и они должны были даже заключить съ ними миръ, на нѣкоторое время остановившій египетскія предпріятія въ Азіи. Это было при Рамзесѣ II (1348—1281), который долженъ былъ довольствоваться уже однимъ только Ханааномъ, т.-е. лишь южною частью прежнихъ завоеваній. Желая упрочить здѣсь свою власть, онъ вывелъ отсюда въ Египетъ значительную часть населенія и поставилъ свои гарнизоны въ тѣхъ укрѣпленіяхъ, которые были построены Тутмесомъ III. Съ этого времени владычество фараоновъ пошло въ Азію на убыль, не давъ никакихъ прочныхъ политическихъ результатовъ для ихъ царства. Реальною задачею фараоновъ было отраженіе кочевниковъ, которые со всѣхъ сторонъ (между прочимъ и изъ Ливіи) рвались въ плодородную долину Нила, а между тѣмъ въ теченіе цѣлаго ряда царствованій они хлопотали прежде всего о расширеніи границъ своей монархіи. Отсюда выходило только одно: побѣдители бросали производительный трудъ и шли грабить азіатовъ, а побѣжденные разорялись и въ то же время вѣчно жили надеждою, что побѣдители больше не вернутся, и что потому можно будетъ не платить имъ больше наложенной ими дани.

Въ этой исторіи египетскихъ завоеваній въ Азіи наблюдается нѣкоторая постепенность, собственно, въ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ. На первыхъ порахъ, кромѣ захвата военной добычи и увода плѣнниковъ, повидимому,

¹⁾ См. выше, стр. 18.

фараоны больше ничего не желали, и только позднѣе налагается ими на побѣжденныхъ ежегодная дань; для обезпеченія за собою покорности побѣжденныхъ сначала фараоны не знали иного средства, какъ терроризированіе населенія завоеванной страны, но позднѣе они придумали уводить часть населенія въ плѣнъ, а въ странѣ оставлять свои гарнизоны. Въ сущности, такую же послѣдовательность мы замѣчаемъ и въ исторіи ассирійскихъ завоеваній, но, какъ мы увидимъ, ассирійцы пошли въ дѣлѣ упроченія за собою своихъ завоеваній еще дальше, ставя надъ завоеванными странами своихъ намѣстниковъ. Вообще въ исторіи отношеній завоевателей къ покореннымъ въ древнемъ мірѣ обнаруживается извѣстное развитіе¹⁾, которое сдѣлается еще болѣе яснымъ, когда намъ послѣ ассирійцевъ придется говорить о персахъ, греко-македонянахъ и римлянахъ.

Мы видѣли уже, какъ вели себя ассирійскіе цари-завоеватели въ покорявшихся ими странахъ: это былъ сплошной разгромъ, сопровождаемый избіеніемъ жителей и разграбленіемъ достоянія. Простой грабежъ и наложеніе ежегодной дани, терроръ и уводъ части населенія въ плѣнъ,— вотъ то, что мы наблюдаемъ и въ исторіи ассирійскихъ завоеваній. Особенно, какъ будетъ показано въ другой связи, развила Ассирія систему увода части населенія въ плѣнъ и колонизаціи завоеванныхъ странъ господствующею народностью, причемъ не мало поощрялись и смѣшанные браки ассирійскихъ поселенцевъ съ туземными жителями. Кромѣ того, чтобы прочнѣе держать въ зависимости отъ себя покоренныхъ, ассирійцы придумали еще одно любопытное средство— захватъ ихъ боговъ. „Я, говоритъ о себѣ царь Асаргадонъ, увезъ въ Ассирію ихъ (князей одного аравійскаго племени) боговъ, ихъ имущества, ихъ сокровища и ихъ подданныхъ. Лаяле, царь Ядіа, призналъ мое господство; когда онъ узналъ о похищеніи своихъ боговъ, онъ предсталъ передо мною въ Ниневіи, въ моемъ царскомъ городѣ, и преклонился передо мною. Я простилъ его и принялъ радушно. Что же касается его боговъ, я написалъ подъ ихъ изображеніемъ хвалу Асура, господина моего, я принесъ ихъ и вернулъ ему. За-

¹⁾ На эту тему есть очень интересная брошюра казанскаго профессора *И. Н. Смирнова*— „Развитіе отношеній завоевателей къ покореннымъ на древнемъ Востока“. 1887.

тѣмъ я ввѣрилъ ему эту страну Базу, обязавъ его платить мнѣ дань“¹⁾.—Захвативъ эламскую столицу Сузу, и Ассурбанипаль сдѣлалъ то же съ мѣстными богами. Разказавъ о захваченной тамъ добычѣ, онъ продолжаетъ: „я похитилъ Сузинака,—бога, живущаго въ лѣсахъ, божественнаго образа котораго еще никто не видѣлъ, и боговъ (далье слѣдуетъ ихъ перечисленіе), которыхъ обожали цари Элама, а также (слѣдуетъ новое перечисленіе),— я похитилъ всѣхъ этихъ боговъ и всѣхъ этихъ богинь съ ихъ богатствами, сокровищами, со всей ихъ пышной обстановкой, ихъ жрецами и поклонниками и все это перенесъ въ страну Ассур“²⁾.

Со времени ассирійскаго царя Тигультипалессара въ отношеніяхъ завоевателей къ покореннымъ начинается новый періодъ и притомъ очень важный. Этотъ царь сталъ свергать непокорныхъ вассаловъ и на ихъ мѣсто ставить своихъ намѣстниковъ, продолжая брать дань натурою и драгоценными металлами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и началъ пополнять свои войска рекрутами, которыхъ должны были поставлять покоренные имъ народы. Это былъ дальнѣйшій шагъ впередъ въ развитіи отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ: завоеванная страна инкорпорировалась, ея населеніе призывалось къ военной службѣ, политическія узы становились тѣснѣе. Вступленіе на престолъ этого царя (745) извѣстный историкъ древности, Эдуардъ Мейеръ, въ первомъ томѣ своего превосходнаго, хотя и считающагося уже нѣсколько устарѣлымъ, труда³⁾, называетъ „поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Передней Азіи“. До него ассирійскіе цари довольствовались непосредственнымъ владычествомъ надъ Месопотаміей и Арменіей, а въ Вавилоніи и Сиріи имѣли только царей-данниковъ, тогда какъ Тигультипалессаръ систематически началъ созидать объединенную великую державу. Покоренныя земли при немъ начали превращаться въ государственныя области подъ начальствомъ царскихъ намѣстниковъ и съ обязательствомъ уплаты опредѣленной дани въ царскую казну. До этого времени, повѣствуя о своихъ подви-

1) *Масперо*, стр. 458.

2) Тамъ же, стр. 473.

3) *E. Meyer. Geschichte des Alterthums. Stuttgart. 1884. I, 446.*

Имя ассирійскаго царя у него передается Тиглатпилезеръ II. Въ Библии онъ называется Фуль.

гахъ, ассирійскіе цари отмѣчали только, что была опустошена и ограблена такая-то земля, тогда какъ теперь уже говорится о присоединеніи покоренныхъ земель, о включеніи ихъ въ границы Ассиріи. Если послѣднее дѣлалось также и раньше (напр., при Ассурназирпалѣ), то развѣ только sporadически, теперь же инкорпорированіе завоеванныхъ земель было возведено на степень постоянной системы. Особенно интересно, что одной изъ главныхъ цѣлей политики Ассиріи въ это время сдѣлалось держать въ своихъ рукахъ торговые пути.

Съ расширеніемъ границъ Ассиріи царю было трудно, даже невозможно лично вести войны одновременно въ разныхъ концахъ обширной имперіи. Царь долженъ былъ имѣть въ одно и то же время не одну армію и во главѣ каждой особаго военачальника. Многіе мелкіе цари сами покорялись ассирійскому владыкѣ, чтобы имѣть его поддержку или сохранить свою власть цѣною покорности и рабодѣства. Напр., царь израильскій Менаимъ, достигшій престола посредствомъ узурпаціи, добровольно подчинился Тигультипалессару, „чтобы руки его были за него, и чтобы утвердить царство въ рукѣ своей“. Именно онъ далъ ему тысячу талантовъ серебра, „разложилъ это серебро на израильтянъ, на всѣхъ людей богатыхъ, по 50 сиклей серебра на cadaго человека“¹⁾. Съ другой стороны, мелкіе цари вмѣшивали Ассирію въ свои распри и тѣмъ только содѣйствовали ея усилению. Напр., между Іудею и Израилемъ была почти постоянная вражда, и вотъ къ тому же Тигультипалессару обратился царь іудейскій Ахазъ, прося у него помощи противъ царей израильскаго и сирійскаго, сидѣвшаго въ Дамаскѣ, и называя себя при этомъ рабомъ ассирійскаго владыки. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ посланы были большіе дары. Даже князья отдаленнаго острова Кипра признавали власть ассирійскаго царя. При дворѣ послѣдняго происходили сѣзды вассаловъ, являвшихся на поклонъ къ царю ассирійскому совершенно такъ же, какъ русскіе князья ѣздили въ Золотую Орду. Чуть какой-либо вассалъ обнаруживалъ непокорство, какъ ассирійскій сюзерень его обуздывалъ и на его мѣсто ставилъ своего губернатора. Намъ извѣстно еще, что ассирійскіе намѣстники доносили своему государю обо всемъ важномъ, что происходило

1) IV кн. Царствъ, гл. XV, ст. 19 и 20.

въ ихъ областяхъ, и въ государственномъ архивѣ царей Ассиріи сохранились кое-какіе изъ этихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ. Правда, противъ этихъ намѣстниковъ то тамъ, то сямъ происходили возмущенія, и народъ самъ ставилъ своихъ правителей, но рука верховныхъ царей всегда съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подавляла эти бунты.

Въ этой исторіи распространения ассирійскаго владычества особаго вниманія заслуживаютъ отношенія къ Египту. Господство фараоновъ въ Сиріи, какъ мы говорили, было непрочное, и здѣсь они даже встрѣтили сильный отпоръ со стороны царства хеттовъ, но это же былъ и первый народъ, съ которымъ Ассирія пришлось имѣть дѣло за Евфратомъ. Затѣмъ въ Сиріи образовалось довольно значительное Еврейское царство, которое при Давидѣ и Соломонѣ, такъ сказать, загоразживало Египетъ отъ начавшей возвышаться Ассиріи, но уже за 1100 лѣтъ до нашей эры египетскій фараонъ находилъ нужнымъ посылать дары ассирійскому царю, воевавшему въ сѣверной части Сиріи. Чѣмъ болѣе возвышалась Ассирія, тѣмъ сильнѣе чувствовалась въ Египтѣ грозившая ему съ этой стороны опасность, и весьма естественно, что фараоны сдѣлались главными вдохновителями и руководителями коалицій, которыя устраивались въ Сиріи противъ ассирійскаго владычества. Въ свою очередь сирійскія государства искали помощи у Египта и возлагали на нее большія надежды. Все это привело къ непосредственному столкновенію между обѣими державами. Битва между египетскимъ и ассирійскимъ войсками произошла въ 720 г. до Р. Х. у города Рафіи на берегу моря, южнѣ Газы. Побѣда досталась ассирійскому царю Саргону, а египетскій фараонъ (вѣрнѣе эіопскій царь Шабака, не задолго передъ тѣмъ объединившій подъ своею властью весь Египетъ) вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ (собственно въ 674 г.) ассирійскій царь Ассаргадонъ вторгся въ самый Египетъ, проникъ даже до Фивъ и, принявъ титулъ египетскихъ царей, поставилъ надъ страной въ качествѣ ея правителей мелкихъ царей въ вассальной отъ себя зависимости, а также и нѣсколькихъ ассирійцевъ, какъ своихъ намѣстниковъ. Правда, Египетъ вскорѣ послѣ этого освобожденъ и объединенъ подъ властью основателя XXVI династии Псамметиха (674—610), но попытка его и сына его Нехао утвердиться въ Палестинѣ окончилась неудачей, и въ

609 г. египтяне были разбиты при Кархемышѣ Навуходоносоромъ.

Опредѣлить сколько-нибудь точно границы державы ассирійскихъ царей въ высшей степени затруднительно уже по одному тому, что онѣ постоянно мѣнялись. Кромѣ собственной Ассиріи и Вавилоніи, въ составъ этой монархіи входили, но не всегда одновременно, Сирія и даже (не очень, впрочемъ долго) Египетъ, на сѣверѣ страны по верховьямъ Галиса и Аракса,—рѣкъ, текущихъ въ Черное и Каспійское моря (Арменія), на востокѣ Мидія и Персія, послѣдняя на мѣстѣ прежняго Элама, тоже прежде признававшего надъ собою власть ассирійскихъ царей. Островъ Кипръ также находился въ подчиненіи у Ассиріи, а одно время и Лидія входила въ сферу политическаго вліянія этой державы. Гдѣ только ассирійцы сталкивались съ болѣе низкой культурой, тамъ они являлись своего рода цивилизаторами. Такую роль, напр., они сыграли въ Арменіи (у ассирійцевъ Урарту), гдѣ начали хозяйничать еще первые ихъ цари-завоеватели. Племена, жившія у горныхъ озеръ Вана и Урміи, подвергались постояннымъ нашествіямъ ассирійцевъ, а одно время здѣсь даже образовалось особое Ванское царство, отъ котораго сохранились памятники съ клинообразными надписями, указывающіе на сильное культурное вліяніе Ассиріи въ первоначальной Арменіи. Цѣлыя государства съ вѣковой исторіей стерты были ассирійцами съ лица земли. Кромѣ царства Израильскаго, такая судьба постигла царства Хеттское и Эламское. О паденіи Самаріи придется еще говорить, а изъ этихъ двухъ одно было разрушено Саргономъ вскорѣ послѣ битвы при Рафіи, другое—Ассурбаниаломъ около 650 г., такъ что и самыя національности хеттская и эламская были уничтожены. Мы еще нѣсколько подробнѣе остановимся на той перетасовкѣ отдѣльныхъ народностей, къ которой систематически прибѣгали ассирійскіе цари, дабы лучше сплотить свою державу, но здѣсь не можемъ не указать, что политика ихъ достигла своей цѣли. Послѣ разрушенія Ниневіи, на которую напали вавилоняне и мидяне, Ассирія уже не распалась на мелкія части, которыя соотвѣтствовали бы прежнимъ національностямъ и государствамъ, вошедшимъ въ ея составъ: она не рассыпалась именно на свои составные элементы, а только была подѣлена между Вавилономъ, взявшимъ юго-западную ея половину, и Мидіей, которой досталась половина сѣверо-восточная.

Причины паденія Ассиріи заключались въ ненависти къ ней народовъ, ею поработченныхъ, и въ ослабленіи самого ассирійскаго элемента въ центральной части монархіи. О ненависти къ ней подвластныхъ народовъ мы можемъ судить по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ у еврейскихъ пророковъ говорится и о временахъ могущества, и о паденіи Ниневіи. Съ другой стороны, въ самой Ассиріи оставалось мало настоящихъ ассирійцевъ: цари разселяли ихъ среди покоренныхъ племенъ, а въ ихъ страну переводили жителей другихъ странъ, да и самое войско этихъ царей уже перестало быть національнымъ, тѣмъ болѣе, что подконецъ въ рядахъ его было значительное число наемниковъ. Благодаря перетасовкѣ національностей, въ областяхъ, тяготившихся центральной властью, не могло образоваться и мѣстнаго патриотизма, вслѣдствіе чего въ большинствѣ случаевъ всѣ позднѣйшіе завоеватели встрѣчали только одну покорность. Ассирійская система сплоченія разныхъ земель не удалась, и Навуходоносоръ, который былъ отчасти преемникомъ ассирійскихъ царей въ цѣлой половинѣ ихъ державы, сдѣлалъ, повидимому, попытку инымъ образомъ привязать къ себѣ подвластныя земли. Положивъ конецъ царству Іудейскому, онъ, какъ и ассирійскіе его предшественники, вывелъ высшіе классы населенія въ Вавилонію, но зато роздалъ оставшимся бѣднякамъ опустѣвшія земли: если здѣсь была сознательная цѣль—создать въ завоеванной странѣ преданное себѣ населеніе, это была очень мудрая политическая мѣра.

Въ такихъ большихъ государствахъ какъ Египетъ, Ассирія и Вавилонъ должны были образоваться и очень значительные городскіе центры. Мы уже видѣли, какова была Ниневія по изображенію еврейскихъ пророковъ. Греческій историкъ Ктезій (вѣрнѣе Ктесія), состоявшій врачомъ при персидскомъ дворѣ въ 415—398 гг. и знавшій персидскій языкъ, приписываетъ Ниневіи такіе же размѣры, въ какихъ Вавилонъ изображается въ извѣстномъ описаніи Геродота, — 480 стадій въ окружности, т.-е. около 84 верстъ. Конечно, это или преувеличеніе, ибо пришлось бы признать Ниневію гораздо (пожалуй, вдвое) больше Лондона, или въ счетъ тутъ шли и разныя окрестныя селенія и многія пустопорожнія мѣста, которыя могли быть внутри общей городской стѣны. По словамъ Ктезія, послѣдняя была будто бы въ 100 футовъ съ 1500 башнями въ 200 футовъ вышины каждая, а

толщина стѣны была такая, что по ней врядъ могли ѣхать три колесницы. Ктезій писалъ черезъ два вѣка послѣ разрушенія Ниневіи и, понятно, могъ говорить о столицѣ Ассиріи лишь по преданію, къ своимъ же источникамъ онъ относился не особенно критически, но и раскопки, производившія европейцами на мѣстѣ Ниневіи, подтверждаютъ, что это былъ громадный городъ. Сохранившіяся до нашего времени храмовыя и дворцовыя развалины свидѣтельствуютъ о быломъ великолѣпнн Ниневіи. Столица всемірной монархіи и не могла быть иною, тѣмъ болѣе, что, отстраивая свою резиденцію, ассирійскіе цари уже имѣли передъ глазами образецъ для подражанія, какимъ для нихъ долженъ былъ быть болѣе древній и богатый Вавилонъ. Геродотъ, описывавшій знаменитый городъ уже въ персидскія времена, говоритъ, что „устроенъ онъ такъ прекрасно, какъ ни одинъ извѣстный городъ“ (I, 178). Греческій историкъ подробно описываетъ окружающую городъ стѣну въ 480 стадій длины, двѣсти локтей вышины и такой ширины, что между башнями, стоявшими по вѣшнему и внутреннему краямъ стѣны могла свободно проѣхать четверка лошадей. „Самый городъ, говоритъ Геродотъ, полонъ домовъ трехъ- и четырехъ этажныхъ“ (I, 180). Вавилонъ такъ будто бы былъ великъ, что когда въ него вошли персы, то, по разсказу того же Геродота „со словъ тамошнихъ жителей, вавилоняне средней части города не знали о томъ, что жители окраинъ взяты уже въ плѣнъ“ (I, 191).

ГЛАВА VIII.

Начало смѣшенія народовъ и взаимодѣйствія культуръ на Востоке.

Постепенное сближеніе отдѣльныхъ народовъ въ исторіи Востока.—Этнографическій составъ населенія древнѣйшихъ историческихъ странъ.—Семитическая раса.—Болѣе позднее выступленіе арійцевъ.—„Теорія расы“.—Что такое народность?—Денаціонализационная политика ассирійскихъ царей.—Начало религіознаго синкретизма.—Первое проявленіе религіознаго прозелитизма въ ассирійской исторіи.—Націоналистическая оппозиція противъ чужеземныхъ вліяній.—Подчиненіе Египта чужеземному вліянію.

Результатомъ развитія торговыхъ сношеній и завоевательной политики египетскихъ и ассирійскихъ царей было

то, что можно назвать смѣшеніемъ народовъ и взаимодѣйствіемъ культуръ.

Древняя исторія Востока была вообще исторіей миграцій отдѣльныхъ народовъ, начавшихся еще въ незапамятныя времена. Въ то самое время, какъ одни народы давнымъ-давно осѣлись на своихъ мѣстахъ, другіе продолжали еще кочевать и переселяться съ мѣста на мѣсто, очень нерѣдко нападавая при этомъ на осѣдлое населеніе, среди котораго искали мѣсть для поселенія. Съ другой стороны, завоеванія одними народами другихъ, уводъ плѣнныхъ цѣлыми массами въ другія страны, колонизація завоевателями покоренныхъ земель, основаніе торгово-промышленными городами своихъ колоній съ коммерческими цѣлями, торговля сношенія, возникновеніе военнаго наемничества и т. п.,—все это содѣйствовало вліянію однихъ культуръ на другія и даже перетасовкѣ этнографическаго состава населенія отдѣльныхъ странъ. Раннія, такъ сказать, самобытно-національныя культуры, въ родѣ египетской и ассирио-вавилонской, отличались замкнутостью и изолированностью, и соприкосновеніе ихъ между собою и ихъ распространеніе въ другихъ, болѣе отсталыхъ странахъ могло начаться только послѣ того, какъ, съ одной стороны, торговля, а съ другой—война установили извѣстнаго рода взаимоотношенія между этими двумя древнѣйшими центрами культуры. Особенную роль въ перепутываніи народовъ и культуръ играла, конечно, Ассирія, которая соединила въ одно цѣлое массу земель и народовъ: послѣ ея паденія отъ нѣкоторыхъ національностей остались только одни обломки. Въ этомъ же государствѣ, гдѣ впервые взаимодѣйствіе національныхъ культуръ приняло особенно широкіе размѣры, началось, собственно говоря, и то смѣшеніе культуръ, или точнѣе религіозный синкретизмъ, который тянется черезъ всю древнюю исторію и достигаетъ кульминаціонной точки своего развитія въ Римской имперіи.

Я нарочно до сихъ поръ не упоминалъ объ этнографическомъ составѣ населенія странъ, о которыхъ шла рѣчь, приберегая этотъ вопросъ до настоящей главы, посвященной началу смѣшенія народовъ и взаимодѣйствію культуръ—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политики ассирійскихъ царей. Собственно говоря, разобраться въ этнографіи древняго Востока въ высшей степени трудно, хотя на рѣшеніе этого вопроса давнымъ-давно направляются дружныя усилія истори-

ковъ и лингвистовъ, археологовъ и антропологовъ. Наукѣ удалось установить существованіе на Востокѣ двухъ большихъ лингвистическихъ расъ—семитической и арійской, но, кромѣ народовъ, принадлежащихъ къ одной изъ нихъ, на Востокѣ были національности, которыя не принадлежали ни къ той, ни къ другой, и ученые доселѣ бьются надъ ихъ опредѣленіемъ безъ всякаго иногда успѣха.

Многіе ихъ нихъ, рядомъ съ семитической расой, говорятъ еще о расѣ хамитовъ и къ ней причисляютъ египтянъ, но когда рѣчь заходитъ о болѣе точномъ опредѣленіи, кто же такіе были египтяне, то отвѣчаютъ на этотъ вопросъ признаніемъ ихъ за результатъ смѣшенія африканскихъ туземцевъ съ азіатскими семитами. Гораздо больше еще хлопотъ наукѣ съ хеттами. Они и не семиты, и не хамиты, и потому ихъ начинаютъ роднить одни съ арійцами (при посредствѣ армянъ), другіе съ разными „загадочными“ народностями, каковы теперешніе грузины, составляющіе часть населенія въ Закавказьѣ, или эламиты, жившіе къ востоку отъ Вавилоніи, или этрусски, составлявшіе часть населенія Италіи еще въ эпоху первоначальнаго Рима. Къ загадочнымъ народностямъ Востока принадлежатъ и сумеры въ южной Вавилоніи. Древнѣйшіе цари этой страны носили титулъ царей „Сумера и Аккада“¹⁾, и здѣсь, несомнѣнно, жили двѣ національности, изъ которыхъ одна—и притомъ какъ-разъ несемитическая—была родоначальницей культуры и изобрѣтательницей клинообразныхъ письменъ. Древнѣйшія надписи Ура составлялись на языкѣ несемитическаго народа, а съ эпохи Гаммураби начинаются двойныя надписи, т.-е. на двухъ разныхъ языкахъ, хотя и однимъ и тѣмъ же шрифтомъ, но кто такіе были сумеры, объ этомъ только высказывались и доселѣ высказываются разныя догадки безъ прочныхъ результатовъ. И кого-кого только ни ставили въ родство съ сумерами! Одни—съ египтянами, другіе—съ китайцами, третьи—съ этрусками, четвертые—съ народами урало-алтайскими или съ монголами, и теорія о „туранствѣ“ сумеровъ особенно долго пользовалась популярностью, хотя самый терминъ „туранскіе языки“ довольно-таки произволенъ и не отличается опредѣленностью. Объ эламитахъ тоже было не мало споровъ, и, конечно, указаніе на то, что они, вѣроятно, были средни

¹⁾ См. выше, стр. 16.

сумерамъ, ничего не разъясняетъ и не устраняетъ другого мнѣнія, по которому, по крайней мѣрѣ, часть населенія Элама была семитическаго происхожденія.

Въ гораздо лучшемъ положеніи находится наука по отношенію къ главной расѣ, игравшей роль въ древней исторіи Востока до появленія на ея сценѣ арійцевъ въ лицѣ мидянъ и персовъ. Это была семитическая раса, названіе которой дано было учеными по имени старшаго сына Ноя Сима (или Сема по другому произношенію). Знаменитая X глава „Книги Бытія“ представляетъ собою этнографическій обзоръ извѣстныхъ еврейскъ странъ, и всѣ перечисляемые здѣсь народы производятся отъ одного изъ сыновей Ноя. Ее очень много комментировали, но должны были признать, что у составителя этой этнографіи былъ иной принципъ, чѣмъ у теперешнихъ ученыхъ, которые опираются на родствѣ языковъ. По крайней мѣрѣ, въ „Книгѣ Бытія“ евреи сдѣланы потомками Сима, а финикійцы, которые были ближайшими ихъ этническими сродичами, зачислены въ потомство Хама: вѣроятно, бытовья различія больше бросались въ глаза составителю этой этнографіи, чѣмъ близость языковъ. Согласно заключеніямъ современной науки, семиты распадалась на слѣдующія пять группъ: 1) вавилоно-ассирійскую, 2) еврейско-финикійскую (ханаанскую), 3) арамейскую (халдейскую), 4) арабскую и 5) эоіонскую. Семитологи старались опредѣлить, гдѣ находилась общая прародина семитовъ, откуда они разошлись по разнымъ мѣстамъ, но для насъ важенъ тотъ общій результатъ изученія ихъ языковъ, что, расселившись на большомъ пространствѣ, они не успѣли слишкомъ далеко разойтись между собою въ своихъ языкахъ, вслѣдствіе чего одни могли легко вгнучиваться говорить на нарѣчіяхъ другихъ. Всѣ эти амореи, моавитяне, идумеи, аммонитяне, о которыхъ говорится въ Библии, были очень-очень близки по языку къ израильтянамъ, а тѣмъ самымъ и къ финикійцамъ, но они все-таки жили рядомъ другъ съ другомъ, а вотъ, напр., отъ нихъ до ассирійцевъ было уже далеко, и тѣмъ не менѣе ханаанскія нарѣчія были очень близки къ ассирійскому языку.

Живя долгое время изолированно, т.-е. не сталкиваясь между собою и притомъ живя въ разныхъ географическихъ условіяхъ, вліявшихъ неодинаково на ихъ бытъ, семитическіе народы выработали очень несходныя между собою культуры, такъ что и нравы, и обычаи, и религіозныя вѣрованія, и обще-

ственные порядки у каждой группы отличались своеобразиемъ. Примѣрами культурнаго разнообразія могутъ служить хотя бы купеческое господство въ Финикіи, жреческое въ Вавилонѣ, военное въ Ассиріи и т. п., или то обстоятельство, что Израиль смотрѣлъ на наиболѣе родственныя ему племена, какъ на какую-то нечисть, сближеніе съ которою только оскверняетъ. Не нужно забывать и того, что вездѣ, куда только приходили семиты, они находили болѣе раннее населеніе, съ которымъ смѣшивались путемъ браковъ. Если египетская національность образовалась изъ африканскаго туземнаго населенія съ большею или меньшею примѣсью семитической крови, то вѣдь и Вавилонія была населена не чистыми семитами, а въ значительной мѣрѣ и потомками сумеровъ, которые вошли, какъ составная часть, въ вавилонскую національность. Чистыхъ расъ вообще не существуетъ, всѣ народы являются результатомъ скрещиванія разныхъ расъ, и то обстоятельство, что народъ говоритъ на извѣстномъ языкѣ, еще не можетъ служить доказательствомъ того, что у него не было иноязычныхъ предковъ. Притомъ для древнихъ болѣе важнымъ признакомъ національности были нравы, обычаи и религіозныя вѣрованія, а не тотъ или другой языкъ, сами же эти культурные признаки складывались у каждой этнической группы, иногда даже у самаго маленькаго племени вполне самостоятельно, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если народы, очень близкіе между собою по языку, смотрѣли другъ на друга, какъ на людей, другъ для друга совершенно чужихъ.

Семитическая раса стояла во главѣ историческаго движенія до середины VI в. до Р. Х., когда первенство въ исторіи Востока перешло къ арійцамъ. Арійская раса, какъ извѣстно, широко раскинулась въ Старомъ Свѣтѣ отъ Индіи до западныхъ окраинъ Европы, откуда другое ея названіе—индо-европейской. Въ Азіи арійцы заняли Индію, Иранъ и Малую Азію, вездѣ смѣшавшись, однако, съ болѣе раннимъ населеніемъ. Было бы, конечно, невѣрнымъ предположеніемъ думать, что всѣ народы, говорящіе теперь языками арійскаго корня, между прочимъ почти всѣ европейскіе народы, заселяющіе нынѣ и Америку съ Австраліей, равно какъ—въ лицѣ русскихъ—Сѣверную Азію, происходили только отъ тѣхъ арійцевъ, которые говорили на языкѣ, давшемъ начало въ древности такимъ языкамъ, какъ санскритъ въ Индіи,

зень въ Иранѣ, греческій и латинскій на югѣ Европы, и всѣмъ новымъ языкамъ романскаго, германскаго и славянскаго происхожденія. Вездѣ была посторонняя примѣсь, и вполнѣ чистой арійской расы нигдѣ не сохранилось. Отъ имени „арья“ („благородные“), какъ называли себя предки индійцевъ и иранцевъ, вся страна на востокъ отъ Ассиріи до самаго Инда, носила въ древности названіе Аріаны, которое сохранилось и въ теперешнемъ географическомъ терминѣ—Иранъ. Первымъ арійскимъ народомъ, вошедшимъ здѣсь въ соприкосновеніе съ Ассиріей, были мидяне, побѣдами надъ которыми хвалятся ассирійскіе цари, начиная приблизительно съ середины IX в. до Р. X. Другимъ арійскимъ народомъ, придвинувшимся къ ассирійской территоріи, были персы, которые заняли старую область Элама, когда въ послѣдней былъ произведенъ Ассиріей полный разгромъ, имѣвшій своимъ результатомъ опустошеніе страны и исчезновеніе эламитской національности. Въ союзѣ съ семитическимъ Вавилономъ царство арійскихъ мидянъ сокрушило Ассирію, но само вскорѣ вошло въ составъ большой державы Кира, основанной персидцами же, персами. Арійскія племена заняли также Арменію, гдѣ въ эпоху ассирійскаго владычества жили народы арійскіе, и Малую Азію, гдѣ первоначальное населеніе было тоже неарійское. Наконецъ, арійскіе элементы нужно искать и среди скифовъ, которые незадолго до паденія Ниневіи слѣдвали нашествіе на многія области Ассирійской державы. Выступивъ на историческое поприще позже семитовъ, арійцы еще больше должны были смѣшиваться съ первоначальнымъ населеніемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они появлялись. Вскорѣ, такимъ образомъ, въ этнографическомъ составѣ населенія образовались разныя наслоенія, бывшія результатомъ множества миграцій, о которыхъ мы часто даже и не подозреваемъ.

Однимъ словомъ, изъ народовъ древняго Востока одни могутъ быть соединены въ лингвистическія группы семитовъ и арійцевъ, другіе же стоятъ особнякомъ, но вездѣ мы замѣчаемъ чужеземныя иммиграціи, и при этомъ разнородные этническіе элементы то существовали рядомъ, не смѣшиваясь и давая въ результатѣ болѣе или менѣе пестрый составъ мѣстнаго населенія, то одни въ другіе претворялись, теряли свой языкъ и перенимали чужой и вообще денационализировались.

Здѣсь не лишнимъ будетъ коснуться одной теоріи, которая была довольно популярна у нѣкоторыхъ писателей XIX в. Было время, когда при объясненіи различія въ характерѣ, нравахъ и учрежденіяхъ народовъ искали основной причины культурнаго разнообразія въ климатическихъ или вообще внѣшнихъ физическихъ условіяхъ среды („теорія климата“ у Монтескье, Бокля и др.), но потомъ на смѣну этой теоріи явилась и увлекла многихъ другая, которую можно назвать „теоріей расы“. Сущность ея заключается въ томъ, что характеръ духовной культуры и общественнаго строя народовъ зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ прирожденныхъ имъ расовыхъ свойствъ, и многіе ученые, во имя этой идеи, очень усердно занимались, напр., выискиваніемъ и установленіемъ основныхъ чертъ всѣхъ семитическихъ народовъ въ отличіе ихъ отъ народовъ арійскаго происхожденія. Эту теорію я въ свое время подробно разбиралъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, гдѣ подвергъ критикѣ и нѣсколько параллельныхъ характеристикъ обѣихъ великихъ историческихъ расъ. Помимо тѣхъ общихъ соображеній, что въ такомъ сложномъ предметѣ, какова историческая жизнь народовъ, нельзя все выводить изъ одной какой-либо исключительной причины и что нигдѣ семиты и арійцы не существовали безъ примѣси чужеродной крови, я указываю еще на то, что „теорію расы“ можно было бы принять только въ томъ случаѣ, если бы можно было считать доказанными четыре тезиса, а именно, во первыхъ, если бы каждая раса состояла въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ изъ однородныхъ въ психическомъ отношеніи особей, т. е. изъ людей, обладающихъ однѣми и тѣми же специфическими свойствами; если бы, во вторыхъ, эти свойства притомъ отличались постоянствомъ по времени и, втретьихъ, въ случаѣ своего постоянства объяснялись исключительно органическою наследственностью безъ всякаго вліянія культурно-соціальной обстановки, въ которой происходитъ воспитаніе отдѣльныхъ особей, и если бы, вчетвертыхъ, расовыя особенности были постоянно дѣйствующимъ факторомъ. Ничего этого доказать, однако, мы не были бы въ состояніи, и, наоборотъ, многое говоритъ за то, что составъ каждой національности политипитиченъ, т. е. что въ каждой этнической группѣ встрѣчаются разнообразно одаренные индивидуумы, какіе мы найдемъ и въ другихъ; далѣе, что

наиболѣе бросающіяся въ глаза особенности національнаго характера съ теченіемъ времени мѣняются, и что, наконецъ, постоянство этихъ особенностей, разъ оно наблюдается, можетъ зависѣть отъ вліянія на отдѣльныхъ людей со стороны установившихся въ обществѣ привычекъ, обычаевъ, нравовъ, возрѣній, отношеній и порядковъ. Конечно, существованіе національныхъ характеровъ не фантазія, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это — очень сложный результатъ и внѣшней природы, многообразно вліяющей на отдѣльнаго человѣка и на цѣлое общество, и свойствъ расы, которая всегда есть продуктъ скрещиванія разныхъ племенъ, и самой, наконецъ, исторіи съ тѣми культурными традиціями и тѣми общественными порядками, которые постепенно складываются и измѣняются въ общемъ теченіи жизни¹⁾. Быть можетъ, поддерживаясь вообще всѣми условіями своего возникновенія, то, что мы называемъ характеромъ народа, въ особенности зависить и отъ сложившихся привычекъ, и отъ подражанія младшихъ поколѣній старшимъ, и отъ сознательнаго воспитанія подрастающихъ поколѣній въ извѣстныхъ взглядахъ и чувствахъ, и отъ господства тѣхъ или другихъ традицій, охраняемыхъ общественнымъ авторитетомъ, и т. п.

Особенно произвольными являются попытки объясненія политическихъ формъ, характеризующихъ ту или другую народность, изъ прирожденныхъ этой народности расовыхъ свойствъ. Въ этомъ отношеніи, какъ характерные образцы ненаучныхъ историческихъ построеній, основанныхъ на предположеніи о прирожденности духу народа даже внѣшнихъ формъ національнаго существованія, могутъ служить тѣ общія характеристики всѣхъ семитовъ, которыя въ свою очередь мною тоже были разобраны въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“²⁾. Напр., великій знатокъ семитическихъ языковъ и авторъ „Исторіи Израила“, Ренанъ³⁾, утверждаетъ, что семиты по природѣ своей, прежде всего,

1) См. „Основные вопросы философіи исторіи“, кн. III, гл. IV, по первому и второму изданіямъ, кн. III, гл. 14 по изданію третьему.

2) См. въ указанномъ мѣстѣ по первому изданію; во второмъ изданіи это мѣсто составляетъ особое приложение въ концѣ II тома, а въ третьемъ совсемъ опущено.

3) Въ Histoire générale des langues sémitiques.

индивидуалистъ, лишенный духа дисциплины и организаціи, что поэтому у семитическихъ народовъ никогда не было хорошаго войска и прочно устроеннаго государства, что истинное семитическое общество есть общество палатки и племени, и что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ семиты — полная противоположность арійцамъ. „Вопросы, говоритъ онъ, аристократіи, демократіи, феодализма, заключающіе всѣ секреты исторіи европейскіхъ народовъ, не имѣютъ смысла для семитовъ“, и, по его мнѣнію, „только утративъ часть своего благородства и своей чистоты“, они достигли правильнаго устройства общества и стали заниматься торговлею. По Каррьеру¹⁾, тоже составлявшему параллельную характеристику семитовъ и арійцевъ, семитическія государства обнаружили неспособность къ постепенной эволюціи: они возникали и падали съ руководящею личностью. Или вотъ у проф. Хвольсона въ спеціальной работѣ, посвященной характеристикѣ семитовъ²⁾, прирожденными свойствами народовъ этой расы признаются демократизмъ и автономизмъ, любовь къ равенству и свободѣ, вслѣдствіе чего семиты не допускаетъ поглощенія личности въ государствѣ, но зато семиты оказались неспособными къ единенію и порядку и къ основанію большихъ государствъ. Въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ я подробно разсмотрѣлъ отдѣльныя обобщенія подобнаго рода, чтобы показать, насколько они шатки, произвольны, субъективны, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, противорѣча и фактамъ. Любопытно, что столь же рѣзкія различія, какія обнаруживаютъ подобныя характеристики между семитами и арійцами, другими авторами отмѣчаются нерѣдко между отдѣльными народами одной и той же расы (наприм., греками и римлянами) и даже между разными племенами одного и того же народа. Наприм., среди грековъ нѣкоторые писатели находятъ между іонійцами и дорійцами не меньшую разницу, чѣмъ та, какую уславливаютъ между семитами и арійцами³⁾.

Каждая народность есть продуктъ прежде всего исторіи, а не природы въ томъ смыслѣ, чтобы природою были созданы

1) М. Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры.

2) Chwolson, Die semitischen Völker.

3) Ср. „Государство-городъ“, стр. 76—78.

какіе-то разъ навсегда данные и неизмѣнные національные типы. Разъ такъ называемые стихійные процессы исторіи создали въ данной мѣстности особую народность со своимъ языкомъ, со своими обычаями и нравами, со своимъ религиознымъ культомъ и своими формами общественнаго быта, т. е. со своею культурною физіономіей вообще, люди, изъ совокупности которыхъ состоитъ эта народность, при столкновеньяхъ съ чужими племенами начинаютъ въ особенностяхъ своего міросозерцанія и внѣшняго быта усматривать не только то, что отличаетъ ихъ, людей данной народности, отъ сосѣдей, но и то, что ихъ, этихъ людей, внутренне объединяетъ въ одно цѣлое. Национальность не есть нѣчто искони данное, но, наоборотъ, она всегда—продуктъ длинной культурно-соціальной эволюціи, результатъ постепенной выработки общихъ бытовыхъ формъ (въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова) для болѣе или менѣе значительной населенной территоріи. Народность есть одно изъ явленій психическаго взаимодействія, совершающагося въ извѣстныхъ территоріальныхъ границахъ при помощи общаго языка, откуда понятія народности и языка являются синонимами, какъ мы это видимъ въ Библии, но въдѣ языкъ отнюдь не связанъ съ расою и очень часто сильно распространяется внѣ своей первоначальной территоріи, какъ, наприм., языкъ торговый или государственный и т. п. Дружимъ, и въ сознаніи народовъ древняго Востока болѣе важнымъ признакомъ принадлежности къ той или другой національности является религія, но и общій для цѣлой народности культъ не можетъ быть признанъ изначальнымъ фактомъ: религиозное объединеніе народа въ общемъ культѣ представляетъ собою тоже довольно длинный процессъ. Самое самознаніе народности, какъ обособленной отъ другихъ народовъ и внутренне объединенной группы, развивается и проявляется съ особою силою не сразу, но если только оно возникаетъ и даетъ себя чувствовать, во всѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ надобность охранять свое національное я отъ грозящихъ ему опасностей, то зарождается и начинаетъ расти такъ называемый націонализмъ, т. е. возведеніе своихъ народныхъ особенностей на степень основного принципа жизни съ явнымъ отвращеніемъ ко всему не своему, чужеземному. Когда нѣсколькимъ народностямъ приходилось жить вмѣстѣ, каждая поклонялась своимъ особымъ богамъ, но

когда территорія сплошь была занята одною народностью, то племенной или національный богъ былъ и богомъ территоріальнымъ. Въ національныхъ особенностяхъ, созданныхъ исторіей во времена наибольшей обособленности мѣстныхъ культурныхъ центровъ, заключалась главная причина того, что очень часто цѣлыя иноплеменные группы, поселившіяся среди какой-либо національности, съ нею не смѣшивались, хотя жизнь все-таки дѣлала свое дѣло, и особенно важную роль въ этомъ отношеніи играли политическія событія, приводившія къ смѣшенію народовъ и культурному между ними взаимодействию.

Отъ естественнаго процесса, приводившаго къ подобнаго рода результатамъ въ зависимости отъ исканія наживы, добычи или заработка на чужбинѣ отдѣльными лицами или отъ общихъ предпріятій, какими являются передвиженія племенъ и отдѣльные случаи основанія колоній, нужно отличать сознательную политику въ смыслѣ денационализаціи покоренныхъ странъ, а съ политикою этою мы уже встречаемся въ Ассиріи, пари которой возвели въ систему, съ одной стороны, уводъ части заселенія завоеванныхъ странъ въ плѣны, съ другой—заселеніе этихъ странъ иноземцами.

Наприм., одна изъ первыхъ записей, касающихся ассирійскаго царя Саргона (VIII в.) говоритъ о взятіи Самаріи и объ уводѣ ея жителей въ плѣны. „Я,—сказано въ этой записи,—осаждалъ и взялъ при помощи бога Шамаша, дарующаго мнѣ побѣду надъ моими врагами, городъ Самарію. 27.280 обывателей его я увелъ... въ Ассирію и на ихъ мѣста посадилъ людей, моею дланью побѣжденных“. Объ этомъ же событіи мы читаемъ въ 17 главѣ IV „Книгѣ Царствъ“ съ указаніемъ на то, куда были переселены эти люди: именно царь ассирійскій „переселилъ израильтянъ и поселилъ ихъ Халахъ и въ Хаворъ, при рѣкѣ Гозанъ и въ горахъ мидійскихъ“. На мѣсто выселенныхъ жителей Саргонъ перевелъ весьма, повидимому, разноплеменныхъ плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ были и аравіицы изъ такой земли, „о которой, какъ сказано въ одной надписи Саргона, не знали ни мудрецы, ни послышатели пословъ“. Тотъ же Саргонъ, подавивъ возстаніе въ Сиріи, поселилъ въ городѣ Каркаръ и его округѣ 63,000 ассирійцевъ на мѣсто перебитыхъ или уведенныхъ въ плѣны жителей, какъ это дѣлалъ онъ и въ другихъ областяхъ. Когда этотъ

царь въ концѣ своей жизни предпринялъ постройку новаго дворца и даже цѣлаго города около него (Дурь-Саррукина), то населилъ его тоже людьми изъ разныхъ мѣстъ. Все было готово въ какія-нибудь пять лѣтъ, такъ какъ постройкою было занято громадное количество подневольныхъ рабочихъ; что же касается до заселенія города, то о немъ самъ царь повѣствуетъ слѣдующее: „людямъ со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта, разноязычнымъ, проживавшимъ въ горахъ и долинахъ, которыхъ я, именемъ Асура, господина моего, и силою десницы моея увелъ въ неволю, я приказалъ говорить на одномъ языкѣ и поселить ихъ тутъ. Сынѣвъ асуровыхъ, во всякомъ дѣлѣ разумныхъ и искушенныхъ, я поставилъ надъ ними, наблюдать за ними; ученымъ книжникамъ и писцамъ я поручилъ обучать ихъ страху божію и цареву“.

Сынъ Саргона Сеннахерибъ продолжалъ политику своего отца. Когда противъ Ассиріи возмущился Вавилонъ, нашедшій поддержку въ Эламѣ, и царь побѣдилъ союзныя войска и племена, то въ Ассирію было уведено, по счету самого Сеннахериба, „208000 человекъ, взрослыхъ и малыхъ, мужскаго и женскаго пола“ со всѣмъ ихъ скотомъ, тутъ же, въ царской надписи, и перечисляющимся. Изъ Библии известно, что Сеннахерибъ взялъ и „всѣ укрѣпленные города Іудей“¹⁾, а въ одной надписи самого царя сказано, что онъ при этомъ „увелъ изъ среды ихъ въ счетъ добычи 200150 человекъ, малыхъ и взрослыхъ, лошадей, ословъ, воловъ и овецъ несмѣтное множество“. Между прочимъ подступивъ къ Іерусалиму, ассирійскій царь послалъ сказать его жителямъ, чтобы они „примирились съ нимъ и вышли къ нему“ съ перспективою, впрочемъ, переселенія: пусть,—говорилъ отъ имени царя его посланецъ,— пусть каждый будетъ спокоенъ, „доколѣ я не прийду и не возьму васъ въ землю таковую же, какъ и ваша земля, въ землю хлѣба и вина, въ землю плодовъ и виноградниковъ“²⁾. На этотъ разъ, впрочемъ, чума въ войскѣ Сеннахериба спасла Іерусалимъ отъ ассирійскаго завоеванія. О подобныхъ же уводахъ Сеннахерибомъ плѣнниковъ изъ другихъ мѣстъ тоже есть извѣстія.

¹⁾ Прор. Исаія, гл. 37.

²⁾ Тамъ же, а также въ IV Кн. Царствъ, гл. 18.

Новое Вавилонское царство продолжало ту же политику переселеній. И взявъ,—говорится въ 24 главѣ IV „Книги Царствъ“,—царь вавилонскій (Навуходоносоръ) Іерусалимъ, „и выселилъ весь городъ, и всѣхъ князей, и все храброе войско,—десять тысячъ было переселенныхъ,—и всѣхъ плотниковъ и кузнецовъ; никого не осталось, кромѣ бѣднаго народа земли. И переселилъ онъ Іехонію¹⁾ въ Вавилонъ; и мать царя, и женъ царя, и евнуховъ его, и сильныхъ земли отвелъ на поселеніе изъ Іерусалима въ Вавилонъ. И все войско, числомъ семь тысячъ, и художниковъ и строителей тысячу, всѣхъ храбрыхъ, ходящихъ на войну, отвелъ царь вавилонскій на поселеніе въ Вавилонъ“. Когда поставленный Навуходоносоромъ въ цари іудейскіе Седекія отложился отъ своего сюзерена, Іерусалимъ былъ вторично взятъ „халдейскимъ“ войскомъ, разграбленъ и разрушенъ. „И прочій народъ,—повѣствуется въ IV „Книгѣ Царствъ“ (гл. 25),—остававшійся въ городѣ, и переметчиковъ, которые передались царю вавилонскому, и прочій простой народъ выселилъ Навузарданъ, начальникъ тѣлохранителей. Только нѣсколько изъ бѣднаго народа земли оставилъ начальникъ тѣлохранителей работниками въ виноградникахъ и землянашцами“. Далѣе разсказывается, что надъ оставшимися въ Іудеѣ жителями Навуходоносоръ поставилъ начальникомъ (но уже не царемъ) нѣкоего Годолію, который былъ вскорѣ убитъ недовольными, и вотъ тогда произошло еще слѣдующее: „и всталъ весь народъ, отъ малаго до большаго, и военачальники²⁾, и пошли въ Египетъ, потому что боялись халдеевъ“. Изъ другихъ источниковъ мы также узнаемъ, что во многихъ случаяхъ недобровольныя переселенія имѣли характеръ не увода въ плѣнъ, а бѣгства передъ нашествіемъ мстительныхъ завоевателей.

Конечно, приведенные примѣры далеко не всѣ изъ многихъ другихъ имъ подобныхъ и кромѣ случаевъ, намъ извѣстныхъ, могли быть и иные, оставшіеся намъ неизвѣстными. Понятно, что эта перетасовка населеній должна была сопровождаться культурнымъ взаимодѣйствіемъ и религиознымъ синкретизмомъ, какъ однимъ изъ видовъ этого

¹⁾ Царя іудейскаго.

²⁾ Очевидно, спасшіеся отъ плѣненія.

взаимодѣйствія. Въ Библии, напр., есть одна прекрасная частная иллюстрація этого общаго явленія.

„И переселенъ Израиль изъ земли своей въ Ассирію, гдѣ онъ и до сего дня, читаемъ мы въ указывавшейся уже 17 главѣ „IV Книги Царствъ“. И перевелъ царь ассирійскій людей изъ Вавилона, и изъ Куты, и изъ Аввы, и изъ Емаоа, и изъ Сепарваима, и поселилъ ихъ въ городахъ самарійскихъ, вмѣсто сыновъ израилевыхъ. И они овладѣли Самарією и стали жить въ городахъ ея... Притомъ,—сказано нѣсколько дальше,—сдѣлалъ каждый народъ и своихъ боговъ, и поставилъ въ капищахъ высотъ, какія устроили самаряне,—каждый народъ въ своихъ городахъ, гдѣ живутъ они. Вавилоняне сдѣлали Суккотъ-бенооъ, кутійцы сдѣлали Нергала, емаоане сдѣлали Ашиму, аввійцы сдѣлали Нивхаза и Тартака, а сепарвимцы сожигали сыновей своихъ въ огнѣ Адрамелеху и Анамелеху, богамъ сепарвимскимъ. Между тѣмъ чтили и Господа и сдѣлали у себя священниковъ высотъ изъ среды своей, и они служили у нихъ въ капищахъ высотъ. Господа они чтили, и богамъ своимъ они служили по обычаю народовъ, изъ которыхъ выселили ихъ. До сего дня,—прибавляетъ составитель книги,—поступаютъ они по прежнимъ своимъ обычаямъ... Народы сіи,—говорится еще нѣсколько далѣе,—чтили Господа, но и истуканамъ своимъ служили. Да и дѣти ихъ и дѣти дѣтей ихъ до сего дня поступаютъ такъ же, какъ поступали отцы ихъ“. Между прочимъ тутъ же рассказывается, какимъ образомъ переселенцы присоединились къ національному культу евреевъ. Дѣло въ томъ, что въ странѣ расплодился львы, которые стали пожирать людей, и вотъ въ этомъ увидѣли наказаніе за непочитаніе „бога той земли“. Объ этомъ доложили царю ассирійскому, и онъ повелѣлъ отправить туда одного изъ выселенныхъ священниковъ, чтобы онъ училъ новыхъ жителей страны, какъ чтить Ягве. Культъ этотъ они переняли, но и своихъ боговъ не оставили, несмотря на то, что имъ передано было и запрещеніе чтить иныхъ боговъ. Равнымъ образомъ, когда уже въ эпоху персидскаго владычества, іудеямъ было разрѣшено возвращаться на родину изъ плѣна вавилонскаго, и въ силу этого въ царствованіе Артаксеркса I въ Іерусалимъ пришла вторая большая партія вавилонскихъ евреевъ (458), то пришельцы, какъ рассказывается въ „I Книгѣ Ездры“ (гл. 9), къ великой скорби своей узнали, что „народъ израилевъ, и

священники и левиты не отдѣлились отъ народовъ иноплеменныхъ съ мерзостями ихъ“, такъ какъ „взяли дочерей ихъ за себя и за сыновей своихъ, и смѣшалось сѣмя святое съ народами иноплеменными“. Къ этому извѣстію прибавлено еще, что „рука, знатнѣйшихъ и славнѣйшихъ была въ семь беззаконіи первое“.

Ассирія распространяла не только свое политическое господство, перетасовывая отдѣльныя народности, а нѣкоторые даже прямо доводи до полной потери національности (израильтянъ, хеттовъ, эламитовъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ распространила и свой религіозный культъ. Ассирійская религія была сколкоемъ съ вавилонской, и боги ассирійцевъ были въ сущности тѣ же, что и у вавилонянъ; только имена ихъ были другія, т. е. въ Ассиріи на мѣстныхъ боговъ были перенесены тѣ атрибуты, которые имѣли боги вавилонскіе,—по крайней мѣрѣ, въ томъ культѣ, который можно называть государственной религіей Ассиріи. Изъ Вавилона же заимствовали ассирійцы гимны, молитвы, заклинанія и обряды, и священныя мѣста Вавилоніи нѣрѣдко бывали цѣлью благочестиваго пилигримства ассирійскихъ царей. Вавилонскому Мардуку соотвѣтствовалъ въ центрѣ великаго царства Ассуръ, національный богъ народа-завоевателя, „царь всѣхъ боговъ“. Культъ Ассура былъ по преимуществу государственной религіей первой всемірной монархіи въ Азіи: цари ассирійскіе были его „слуги“ и „рабы“, ассирійцы—его „народомъ“, его „полчищами“, а всѣ, не хотѣвшіе имъ подчиняться,—„врагами Ассура“. Эмблема этого бога красовалась на военномъ знамени и на государственной печати, на царскихъ одеждахъ и статуяхъ, и когда пала Ниневія, то и культъ Ассура исчезъ. Но пока ассирійцы господствовали, разъ ими завоевывалась страна, тамъ ставилось его изображеніе, и отъ жителей требовалось поклоненіе ему. Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ объ этомъ религіозномъ прозелитизмѣ ассирійскихъ царей, но изъ того, что культъ Ассура нигдѣ не пустилъ корней, слѣдуетъ заключить, что насильно навязывавшееся богочитаніе едва ли пользовалось популярностью.

Параллельно съ проникновеніемъ иностранныхъ вліяній въ ту или другую страну, въ ней возникала и націоналистическая оппозиція. Всѣ внѣшнія бѣды и внутреннія неурядицы объяснялись очень часто отступленіемъ отъ родныхъ завѣтовъ и обычаевъ, главнѣйше же—измѣною своимъ богамъ

и поощреніемъ иноплеменникамъ. Исторія Израиля и Іуды была почти сплошною исторіей отпаденій и царей, и народа въ идолопоклонство, причемъ прямо строились капища въ честь Ваала и Молоха и т. п. Одни только пророки страстно обличали нечестіе новыхъ культовъ и грозили карами за отступничество отъ вѣры отцовъ. Одну изъ причинъ той легкости, съ какою евреи отпадали отъ поклоненія единому Богу, пророки видѣли въ смѣшанныхъ бракахъ, и потому послѣдніе запрещались, какъ великая мерзость передъ Господомъ. Если послѣ паденія Израильскаго царства плѣнники и бѣглецы, такъ сказать, растворились въ язычествѣ, то плѣненіе іудеевъ Навуходоносоромъ имѣло иное значеніе для этой части еврейскаго народа. Въ плѣну вавилонскомъ іудеи не только не смѣшались съ мѣстнымъ населеніемъ, но еще болѣе укрѣпили свою національность строгою привязанностью къ національному культу, съ каковою часть ихъ и вернулась при персидскихъ царяхъ въ Іерусалимъ, чтобы реставрировать на родинѣ вѣру отцовъ, чистотѣ которой постоянно грозили иноплеменники. Позднѣе, когда благодаря эллинистическому прозелитизму одного изъ преемниковъ Александра Македонскаго (Антиоха Эпифана) іудейской религіи стала опять грозить опасность, это также только укрѣпило въ народѣ національную оппозицію противъ иноплеменниковъ¹⁾.

Сильная націоналистическая оппозиція противъ иностранцевъ давала себя знать и въ Египтѣ. Предметомъ ея были сначала семиты, потомъ греки. Народная масса въ Египтѣ была весьма миролюбива и тяготилась войнами, которыя велись фараонами, такъ что самое занятіе военнымъ дѣломъ казалось имъ мерзостью, которой могутъ предаваться съ охотою одни азіаты. Поэтому военное дѣло въ сознаніи египтянъ было соединено съ представленіемъ семитическаго бога Ваала, котораго они приравнивали къ своему Сету, какъ олицетворенію злого начала. Между тѣмъ у фараоновъ на службѣ было много наемниковъ семитическаго происхожденія. Съ VII в. началось массовое переселеніе въ Египетъ грековъ— въ качествѣ купцовъ и наемныхъ солдатъ, и они даже помогли Псамметиху I укрѣпиться на престолѣ и освободить страну отъ ассирійскаго господства. Весьма естественно, что этотъ фараонъ сталъ отличать грековъ, а они начали, къ великому

¹⁾ См. ниже (въ главѣ XII).

неудовольствію туземцевъ, вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Это было вообще временемъ возрожденія Египта при XXVI династии, которая стремилась къ обновленію всей жизни при помощи иностранцевъ. Хотя въ духовной жизни фараоны этой династии желали во всей чистотѣ возстановить національныя начала вплоть до возвращенія къ архаическимъ оборотамъ рѣчи и правиламъ правописанія, не говоря уже объ очищеніи официальной религіи отъ семитическихъ примѣсей, тѣмъ не менѣе для оживленія торговли и усиленія своего войска они охотно прибѣгали къ финикійцамъ, евреямъ и грекамъ. Переворотъ, который возвелъ на престолъ предпослѣдняго фараона, Амазиса (или Аахмеса II; 570—526), былъ дѣломъ египетской національной партіи, но если она рассчитывала на поворотъ въ политикѣ, то должна была разочароваться. Геродотъ прямо называетъ Амазиса „другомъ эллиновъ“, и дѣйствительно онъ всячески ихъ поощрялъ. Часть пришлыхъ грековъ была поселена въ Мемфисѣ и его окрестностяхъ, для поселенія другой части былъ отведенъ городъ Навкратисъ, сдѣлавшійся одною изъ наиболѣе важныхъ греческихъ колоній и „единственнымъ мѣстомъ торговли для иноземцевъ въ Египтѣ“, какъ свидѣтельствуется Геродотомъ (II, 179). Сами греки съ восторгомъ относились къ Египту и стремились связать генеалогіи туземныхъ боговъ и династій фараоновъ со своими героическими сказаніями, но жители страны смотрѣли на нихъ, какъ на какую-то нечисть. „Ни египтянинъ, ни египтянка, говоритъ Геродотъ, не поцѣлювали бы элина въ губы, не стали бы употреблять ножа, вилки, котла, принадлежащихъ элину, не стали бы даже ѣсть непорочнаго быка, если онъ разрѣзанъ ножомъ элина“ (II, 41). Грековъ между тѣмъ въ Египтѣ было, вѣроятно, тысячъ двѣсти, и они стали строить даже храмы своимъ богамъ. Все это очень раздражало египтянъ, которые готовы были объяснять всѣ бѣдствія своей родины тѣмъ, что грекамъ позволили строить храмы и платили жалованіе изъ египетскихъ храмовыхъ сокровищъ и что даже нѣкоторые туземцы позволили себѣ чтить греческихъ боговъ. Ненависть египетскихъ жрецовъ къ грекамъ выразилась въ легендѣ, которая превратила мать персидскаго завоевателя Египта, кирова сына Камбиза, въ египтянку, а самого его въ египтянина, который пришелъ низвергнуть покровительствовавшего чужеземцамъ похитителя престола.

ГЛАВА IX.

Всемирная монархія персидскаго царя.

Политическія отношенія на Востокѣ между паденіемъ Ниневіи и возвышеніемъ Кира. — Новый господствующій народъ на Востокѣ — персы. — Образование державы Кира. — Впечатлѣніе, произведенное Киromъ на современниковъ. — Завоеванія Камбиза и Дарія. — Территориальный составъ Персидской монархіи. — Отсутствие у персовъ національной исключительности. — Разумная политика первыхъ персидскихъ царей. — Столицы персидской монархіи. — Распространеніе въ этой монархіи арамейскаго языка. — Внутренняя организація Персіи. — Финансовая система Дарія. — Успѣхи торговли въ персидскую эпоху. — Причины внутренняго разложенія Персіи. — Общее значеніе персидскаго владычества.

Паденіе Ассирійскаго царства было началомъ новой эпохи въ исторіи Востока. Ему предшествовало великое переселеніе народовъ, извѣстное подъ именемъ скифскаго нашествія на Азію. Въ этомъ событіи для насъ далеко не все ясно, но, несомѣнно, оно было для Ассиріи великимъ потрясеніемъ, подготовившимъ ея крушеніе. Ниневію разрушили мидійскій царь Кіаксаръ и вавилонскій намѣстникъ Набополассаръ (отецъ Навуходоносора), которые, какъ мы видѣли, и подѣлили между собою ассирійскія владѣнія. Сама Мидія тоже была прежде чѣмъ-то въ родѣ ассирійской провинціи, въ которой при упоминавшемся раньше Дейокѣ¹⁾, дѣдѣ Кіаксара, образовалось самостоятельное царство. Египетъ еще раньше освободился отъ ассирійскаго владычества, и къ этимъ тремъ государствамъ въ качествѣ четвертаго равноправнаго члена присоединилось царство Лидійское въ Малой Азіи.

Здѣсь не мѣсто разсматривать взаимныя отношенія Мидіи, Лидіи, Вавилона и Египта, которыя привели эти четыре царства къ установленію своего рода политическаго равновѣсія на Востокѣ, продолжавшагося до выступленія на сцену всемирной исторіи знаменитаго персидскаго царя Кира. О возвышеніи Кира существуютъ только легенды, о которыхъ здѣсь, разумѣется, не можетъ быть рѣчи, но вся суть этого

¹⁾ См. выше, стр. 36.

факта заключалась въ томъ, что около 560 г. царя Мидіи и Персіи Астиага замѣнилъ царь Персіи и Мидіи Киръ. Въ самомъ дѣлѣ, это было скорѣе перемѣною династіи у одного и того же народа съ переходомъ первенства къ племени новаго царя, чѣмъ завоеваніемъ одного народа другимъ. Извѣстно, далѣе, что противъ Кира составила коалиція изъ трехъ остальныхъ большихъ царствъ, т.-е. Вавилона, Египта и Лидіи¹⁾, но что Киръ завоевалъ и Лидію, и Вавилонъ, а его сынъ Камбизъ подчинилъ затѣмъ власти персидскихъ царей и Египетъ.

Новымъ господствующимъ народомъ, ставшимъ во главѣ громаднаго царства, подобнаго которому раньше еще не было, были персы, арийцы, которые поселились къ востоку отъ Персидскаго залива, подчинивъ себѣ прежнее неарійское населеніе этой области. Ни время появленія персовъ въ этой области, ни время объединенія ихъ подъ властью общаго князя Ахемена (собственно Хакхаманиша), родоначальника позднѣйшей царской династіи, намъ съ точностью неизвѣстно. Политическимъ центромъ Персидскаго княжества были Пасаргады, куда и въ послѣдствіи ѣздили персидскіе цари послѣ своего вступленія на престоль, какъ въ колыбель своей династіи и своего царства. Вскорѣ послѣ объединенія персовъ подъ властью Ахемена произошло полное уничтоженіе ассирійцами Эламскаго царства, и персы заняли разоренную страну. Однако, за все это время вплоть до переворота, совершеннаго Киromъ, они находились въ зависимости отъ мидійскихъ царей, и, очень можетъ быть, Кіаксару во время нашествія его на Ниневію персы оказывали помощь. Весьма естественно, что этотъ народъ, какъ и мидяне, воспринялъ отъ ассиро-вавилонскихъ семитовъ первые элементы высшей культуры; напр., ихъ клинообразныя письмена вошли въ употребленіе и у персовъ. Персидское искусство было точно также лишь простымъ подражаніемъ ассирійскому.

Киръ (или Курушъ), какъ дознано въ настоящее время, былъ потомкомъ Ахемена, который, кажется, приходился ему прапрадѣдомъ. Занявъ престоль мидійскаго царя, онъ постарался слить своихъ старыхъ и новыхъ подданныхъ въ одинъ народъ и подчинить своей власти народы Восточнаго Ирана, каковы были бактрійцы, согдіаны и др. Успѣхи Кира вы-

¹⁾ Къ нимъ примкнула и Спарта.

звали противъ него только-что упомянутую коалицію. Сначала онъ побѣдилъ лидійскаго царя Креза, со взятіемъ столицы котораго, Сарды, почти вся Малая Азія досталась персидскому царю, а съ нею и греческіе города, расположенные по ея берегамъ. Затѣмъ дошла очередь до Вавилона. Выше ¹⁾ уже было упомянуто въ другой связи, что сами вавилонскіе жрецы, недовольные поведеніемъ царя Набонида, помогли Киру овладѣть громаднымъ городомъ, а одновременно съ этимъ въ пользу завоевателя дѣйствовали и жившіе въ Вавилонѣ въ большомъ количествѣ со временъ Навуходоносора іудеи. По извѣстію, сохранившемуся отъ самихъ вавилонянъ, городъ добровольно сдался Киру, и когда онъ вступилъ внутрь, „улицы передъ нимъ чернѣли народомъ“, самъ же онъ „обѣщаль миръ городу и всѣмъ въ немъ живущимъ“. Въ Агбатанахъ, бывшей столицѣ Мидіи, въ Сардахъ, столицѣ Креза, прославившагося своимъ богатствомъ, и въ Вавилонѣ, въ которомъ накоплено было тоже немало сокровищъ, онъ захватилъ громадную добычу, большую часть которой привезъ для хранения въ Пасаргады.

Личность великаго завоевателя произвела громадное впечатлѣніе на современниковъ, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленные сложившіяся о немъ легенды. Одна изъ нихъ, наиболѣе всегда бывшая извѣстной, была, со словъ персовъ, записана Геродотомъ, который, приступая къ ея передачѣ, говоритъ: „однако, я знаю о Кирѣ еще три разсказа“. У грековъ, на которыхъ должно было произвести сильное впечатлѣніе паденіе Лидійскаго царства, личность Кира была необыкновенно популярна, какъ образцоваго государя. У евреевъ этотъ царь-завоеватель тоже является въ ореолѣ необыкновеннаго величія. „Такъ, читаемъ мы у пророка Исаи, — такъ говоритъ Господь помазаннику своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебѣ народы, и сниму поясы съ чреслъ царей, чтобы отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду предъ тобою, и горы уравнию, мѣдныя двери сокрушу, и запоры желѣзные сломаю. И отдамъ тебѣ хранимыя во тьмѣ сокровища и сокрытыя богатства, дабы ты позналъ, что Я Господь, называющій тебя по имени, Богъ Израилевъ“ ²⁾. У пророка Исаи Киръ прямо еще на-

¹⁾ Стр. 78.

²⁾ Ис., гл. XLV, ст. 1—3.

зывается исполняющимъ волю Божию. „Возбудилъ, сказано въ одномъ мѣстѣ „Второй книги Паралипоменонъ“, — возбудилъ Господь духъ Кира, царя персидскаго, и онъ велѣлъ объявить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать: такъ говоритъ Киръ, царь персидскій; всѣ царства земли далъ мнѣ Господь, Богъ Небесный“ ¹⁾. Любопытно, что эти мѣста Библии удивительно совпадаютъ съ заявленіями, которыя мы находимъ на вавилонскомъ памятникѣ, описывающемъ взятіе Вавилона Киromъ и, очевидно, составленномъ жрецами: „и онъ (богъ Мардукъ) избралъ царя, который совершилъ по душѣ ему то, что онъ поручилъ рукамъ его. Онъ провозгласилъ Кураша, царя города Аншана; быть ему царемъ надъ всею землею, и всѣмъ народамъ возвѣстилъ его титулъ. Въ свой собственный городъ Баб-Илу (Вавилонъ) онъ повелѣлъ ему идти, повелъ его по пути въ Тинапиръ; подобно другу и благодѣтелю онъ проводилъ его войска“ ²⁾.

Ближайшіе преемники Кира, сынъ его Камбизъ (Камбуджія) и послѣ короткаго царствованія самозванца, принявшаго имя другого его сына Барди (у грековъ Смердиса), Дарій (Дараявущъ) Гистаспъ, къ завоеваніямъ Кира присоединили новыя. Камбизъ, который при жизни отца былъ его намѣстникомъ въ Вавилонѣ, вскорѣ послѣ вступленія своего на персидскій престолъ при содѣйствіи со стороны флотовъ финицкихъ городовъ и греческихъ колоній въ Малой Азіи, а также со стороны кочевыхъ племенъ Синайскаго полуострова завоевалъ въ 525 г. Египетъ. „Когда, сказано объ этомъ событіи въ одной египетской надписи, великій царь, владыка вселенной, Камбизъ (Камбатетъ) пошелъ на Египетъ, съ нимъ были народы со всего міра“. Вѣроятно, и здѣсь, какъ и въ Вавилонѣ, завоевателю оказала помощь измѣна подданныхъ своему царю, котораго упрекали въ приверженности къ иноземцамъ ³⁾. Камбизъ мечталъ и о завоеваніи Карфагена, но финицкій флотъ отозвался дѣйствовать противъ родственного города, и персидскій царь ограничился посылкою отряда для завоеванія на западѣ отъ

¹⁾ II Паралип., гл. XXXVI, ст. 22—23.

²⁾ *З. Раюзина*. Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы. Спб. 1903 г. Стр. 364—365. Аншанъ часть Элама, которымъ завладѣли персы. Тамъ же, стр. 312—313.

³⁾ Ср. выше, стр. 109.

Египта оазиса съ храмомъ Аммона. Эта экспедиція, однако, не удалась, и посланный туда отрядъ даже пропалъ безъ вѣсти. Кромѣ того, Камбизъ и самъ предпринялъ походъ въ Эѳіопію, гдѣ дошелъ до земель, обитаемыхъ настоящими неграми. Есть смутное извѣстіе о томъ, что Камбизу въ началѣ своего царствованія пришлось заново покорять народы, уже подчиненные его отцомъ, но относительно Дарія мы это знаемъ съ достовѣрностью. Еще при жизни Камбиза въ Персіи воцарился одинъ самозванецъ, объявившій себя братомъ Камбиза, котораго уже не было въ живыхъ, а затѣмъ и въ разныхъ частяхъ обширной монархіи вспыхнули возстанія, во главѣ которыхъ стояли другіе самозванцы. Нѣсколько лѣтъ законному преемнику Кира и Камбиза, Дарію, пришлось потратить на усмиреніе всѣхъ этихъ возстаній, грозившихъ Персидскому царству полнымъ распаденіемъ, и на работу надъ его внутреннимъ устроеніемъ, прежде нежели онъ занялся новымъ расширеніемъ его границъ. Послѣ того, какъ при Кирѣ и Камбизѣ Персія на сѣверѣ и югѣ достигла или морей, или горъ и пустынь, Дарію оставалось только двигаться или на востокъ, или на западъ. Сначала онъ предпринялъ завоеванія въ первомъ направленіи и утвердилъ свою власть надъ частью западной окраины Индіи, потомъ онъ двинулся на западъ, гдѣ подчинилъ себѣ часть Балканскаго полуострова, именно Фракію и Македонію, а также острова Эгейскаго моря. Въ связи съ этими западными приобрѣтеніями Дарія находится его знаменитый, но въ высшей степени неудачный походъ въ Скию, т. е. въ теперешнюю Южную Россію. Съ громаднымъ сухопутнымъ войскомъ при помощи флота переправился онъ по пловучему мосту изъ Азіи въ Европу черезъ Босфоръ, потомъ по такому же мосту—черезъ Дунай въ скиѣскія степи, а возвратился въ Азію черезъ Геллеспонтъ, переправившись черезъ этотъ проливъ на корабляхъ. Въ концѣ своего царствованія Дарій, какъ извѣстно, предпринялъ завоеваніе и европейской Греціи, но встрѣтилъ здѣсь сильный отпоръ (490 г.). Войну съ греками онъ завѣщалъ и своимъ преемникамъ, но и они не имѣли удачи, и на время персы должны были даже отказаться отъ греческихъ колоній по западному берегу Малой Азіи. Вообще прочно утвердить свою власть въ Европѣ персамъ не удалось, хотя кое-гдѣ за Босфоромъ они сохранили свои гарнизоны до самой середины V в. до Р. X.

Планъ Дарія во время скиѣскаго похода заключался въ томъ, чтобы превратить Черное море въ персидское озеро, а потомъ персидскимъ царямъ хотѣлось господствовать и надъ обоими берегами Эгейскаго моря со всѣми его островами. Съ другой стороны, если Камбизъ долженъ былъ довольствоваться въ Африкѣ однимъ Египтомъ, то при Даріи былъ предпринятъ болѣе удачный, чѣмъ при его предшественникѣ, походъ на Западъ въ Киренаику, которая должна была тоже признать надъ собою власть Персіи. Появленіе персидскаго войска близъ владѣній Карфагена страшно напугало этотъ богатый городъ, и онъ поспѣшилъ вступить въ переговоры съ персидскимъ военачальникомъ и обязался платить дань великому царю.

Персидская держава, созданная завоеваніями Кира, Камбиза и Дарія, широко раскинулась между Индомъ и Средиземнымъ моремъ съ в. на з., а съ с. на ю. между Чернымъ моремъ, Кавказскими горами, Каспійскимъ и Аральскимъ морями и сосѣдними степями, съ одной стороны, и пустынями Африки и Аравіи и сѣвѣрною частью Чернаго моря, Персидскимъ заливомъ и краемъ Индійскаго океана, съ другой. Въ настоящее время на этой территоріи находятся, идя съ в. на з., западная окраина Индостана, южная окраина русской Средней Азіи съ Хивой, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персія, Закавказье, большая часть Азіатской Турціи, Египетъ и восточная часть Триполи. На в. крайній пунктъ находился на 90° в. д., на з.—на 40° (беря круглыя цифры), на с. граница заходила за 40° с. ш., на югѣ мѣстами почти касалась тропика рака. Правда, въ этихъ обширныхъ предѣлахъ не всегда и не вездѣ, случалось, въ одно и то же время признавали власть персидскаго царя, и, напр., Египетъ освобождался на довольно продолжительный въ общей сложности періодъ времени, но персидскіе цари постоянно стремились поддерживать единство монархіи, и имъ въ общемъ это удавалось лучше, чѣмъ ихъ ассирійскимъ предшественникамъ, хотя монархія послѣднихъ была много меньше. Греческій ораторъ Эсхинъ свидѣтельствуетъ, что персидскій царь титуловалъ себя „владыкой всѣхъ людей отъ восхода до заката солнца“, и этому вполнѣ соотвѣтствуютъ ахеменидскія надписи, называющія владыку Персіи „великимъ царемъ“, „царемъ царей“, „царемъ земель“, „царемъ великой земли вдаль“.

Соответственно съ этимъ господствомъ своихъ царей и персы „считали себя во всемъ гораздо доблестнѣе остальныхъ народовъ“, какъ говоритъ Геродотъ (I, 134), но въ то же время, по его же словамъ, „обычай чужеземцевъ персы перенимали охотнѣе всякаго другого народа“ (I, 135). Другими словами, у персовъ не было національной исключительности, — черта, которая объясняется очень просто тѣмъ, что они не успѣли выработать своей собственной культуры къ тому времени, когда историческая судьба поставила ихъ во главѣ обширной державы. Персидскій языкъ даже не былъ единственнымъ официальнымъ языкомъ, и надписи Ахеменидовъ составлялись на трехъ и даже четырехъ (въ Египтѣ) наиболѣе распространенныхъ нарѣчійхъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы маздеизмъ, т.-е. религія, основанная Зороастромъ (Заратуштрою) и заключающаяся въ поклоненіи Ормузду (Агура-Маздѣ), богу свѣта, добра и правды, была уже національною религіею персовъ: маздеизмъ окончательно утвердился среди нихъ лишь въ эпоху Пароянскаго и Новоперсидскаго царствъ, т.-е. уже послѣ паденія державы Кира, Камбиза и Дарія. Притомъ въ этой религіи культъ находился исключительно въ рукахъ жрецовъ, и царь не былъ государственнымъ первосвященникомъ. О религіи Кира мы даже, въ сущности, ничего не знаемъ, и только Дарій въ своихъ надписяхъ является намъ ревностнымъ маздеистомъ, приписывая всѣ свои удачи и всю свою славу милости Агура-Мазды. На одной громадной скалѣ, извѣстной подъ названіемъ Багистанской (или Бегистунской), находящейся въ мѣстности, которая лежала между тремя царскими резиденціями — Агбатанами, Сузою и Вавилономъ, Дарій приказалъ сдѣлать на трехъ языкахъ надпись, въ которой говорится о подвигахъ и завоеваніяхъ царя, и между прочимъ, тамъ сказано, что онъ Дарій, „великій царь, царь царей, царь персидскій, царь народовъ“, „милостью Агура-Мазды сдѣлался царемъ“. — „То, что я совершилъ, написано было также на гробницѣ Дарія, то все я совершилъ милостью Агура-Мазды“. Хотя для изображенія Агура-Мазды персы пользовались символомъ, который существовалъ въ Ассиріи для Ассуря, въ сущности была громадная разница между этими двумя богами. Ассуръ — національный богъ одного народа; Агура-Маздѣ приписывалось болѣе универсальное значеніе творца земли и неба, равно какъ творца человѣка и всего

того, что человѣку создано на радость. Ассуръ былъ богомъ столь же жестокимъ, какъ и его народъ, Агура-Мазда былъ творцомъ закона правды и добра, который долженъ былъ быть закономъ всѣхъ людей, и который потому долженъ былъ осуществляться по всей землѣ. Но это не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ богъ исключительный, и при всей своей вѣрности Агура-Маздѣ персидскіе цари отличались вѣротерпимостью, начало которой было положено еще Киromъ.

Съ терпимостью къ чужимъ вѣрамъ первые персидскіе цари-завоеватели отличались еще и умѣніемъ располагать къ себѣ своихъ новыхъ подданныхъ. Когда Киръ занималъ ту или другую область, онъ относился къ ея жителямъ болѣе или менѣе мягко и даже поклонялся мѣстнымъ богамъ. Безъ этого, конечно, ни вавилонскіе жрецы, ни еврейскіе пророки не смотрѣли бы на него, какъ на избранника Мардука и Ягве. Когда Киръ взялъ Вавилонъ, то первымъ дѣломъ разослалъ по вавилонскимъ городамъ боговъ, которыхъ оттуда похитилъ Набонидъ. Онъ даже молился и приносилъ жертвы вавилонскимъ богамъ въ ихъ святилищахъ и называлъ себя и своего сына почитателями Мардука, великаго владыки. Иудеямъ, плѣненнымъ Навуходоносоромъ за полвѣка передъ тѣмъ, онъ разрѣшилъ возвратиться на родину и отдалъ имъ назадъ всѣ храмовыя сокровища, увезенныя вавилонскимъ царемъ. Мало того: онъ пожелалъ, чтобы іерусалимскій храмъ былъ снова отстроенъ, и самъ содѣйствовалъ этому. Въ объявленіи Кира, о которомъ говорится въ еврейскихъ „Паралипоменахъ“¹⁾, было сказано прямо, что Богъ повелѣлъ царю построить домъ ему въ Іерусалимѣ, городѣ іудейскомъ. — Камбизъ усвоилъ, повидимому, ту же политику, хотя Геродотъ говоритъ о немъ совершенно противное. По крайней мѣрѣ, по египетскимъ извѣстіямъ выходитъ такъ, что Камбизъ принялъ титулъ египетскаго фараона и даже облакался въ царскія одежды египетскія, поклонялся мѣстнымъ святынямъ и заставилъ себя посвятить въ одинъ таинственный культъ, реставрировалъ храмъ богини Нейтъ и т. п. Только когда его постигла психическая болѣзнь, онъ сталъ совершать разныя неистовства. Позднѣйшіе персидскіе цари вели себя по отношенію къ своимъ иноплеменнымъ подданнымъ уже не такъ милостиво, хотя все же лучше, чѣмъ цари ассирійскіе.

¹⁾ См. выше, стр. 113.

Обширное царство Ахеменидовъ не имѣло одной опредѣленной столицы. Ихъ родовой городъ Пасаргады, долженъ былъ уступить мѣсто другимъ, болѣе значительнымъ городамъ, какъ-то Сузѣ, Агбатанамъ и Вавилону, въ которыхъ царскій дворъ пребывалъ въ зависимости отъ сезона. Иностранцы смотрѣли на Сузу, какъ на истинную столицу государства, но въ самые жаркіе мѣсяцы дворъ переселялся въ Агбатаны, въ самые холодные мѣстопробываніемъ его былъ Вавилонъ, продолжавшій оставаться важнымъ торгово-промышленнымъ и культурнымъ центромъ, гдѣ можно было встрѣтить представителей всѣхъ азіатскихъ національностей. между прочимъ и грековъ въ болѣе позднюю эпоху. Вообще населеніе большихъ городовъ державы съ такимъ разноплеменнымъ составомъ не могло не быть въ высшей степени пестрымъ. Напр., и въ Мемфисѣ, игравшемъ главную роль въ Египтѣ, жили, кромѣ туземцевъ и персидскаго гарнизона, и финикійцы, и евреи, и арамейцы (сирійцы), и греки (эллиномемфиты), и ливійцы, и даже негры. Впрочемъ, немало было иностранцевъ и въ томъ городѣ, который построилъ Дарій въ собственной Персіи. Мы не знаемъ его персидскаго имени, но греки называли его Персеполемъ, и развалины его существуютъ и до настоящаго времени. Преемники Дарія продолжали украшать этотъ городъ, сдѣлавшійся четвертой столицей монархіи; здѣсь же находились царскія гробницы Ахеменидовъ.

Любопытно, однако, что если въ Персидской монархіи и распространялся особенно одинъ языкъ, то это былъ не персидскій, а арамейскій. Подобно тому, какъ впоследствии, во времена Римской имперіи, латинскій языкъ въ восточныхъ ея провинціяхъ не могъ конкурировать съ греческимъ, такъ и въ державѣ Ахеменидовъ главное значеніе имѣлъ не языкъ народа, стоявшаго во главѣ великаго царства, а арамейскій. Это было первоначально нарѣчіе дамаской области и прилежащихъ къ ней мѣстностей, но на немъ говорило также и халдейское простонародье, откуда обозначеніе этого языка, какъ сиро-халдейскаго. Мало-по-малу онъ распространился въ ассирійскую эпоху и въ сторону Малой Азіи, и въ территоріи Евфрата и Тигра, заполнивъ и Палестину. Какъ языкъ сирійской торговли и мѣстная рѣчь ассирійскаго простонародья, этотъ языкъ мало-по-малу получилъ значеніе языка международнаго въ сношеніяхъ устныхъ, тогда какъ пись-

меннымъ оставался ассиро-вавилонскій. Семитамъ при близости ихъ языковъ¹⁾ легко было усвоивать арамейскую рѣчь и письменность, и послѣдняя даже проникала къ арабамъ Геджаса, конечно, при посредствѣ торговыхъ сношеній. Этотъ языкъ стали усвоивать и евреи, и даже въ Библии есть отрывки, написанные по-арамейски. Немудрено, что при перетасовкѣ населеній въ ассирійскую эпоху арамейское нарѣчіе сдѣлалось народнымъ въ Палестинѣ, а самъ еврейскій языкъ сначала сохранился только въ образованномъ классѣ, а потомъ имѣлъ значеніе лишь богослужебное и литературное. Позднѣе, въ эпоху Иисуса Христа въ Галилеѣ говорили по-арамейски, и такія слова въ Евангеліи, какъ „*Ἰλι ἢ λι λαμά σαβαχθανί*“ (Или, или, лама савахѳани, что значитъ: Боже, Боже! зачѣмъ ты меня покинулъ) или *Ἄββᾶ* (Авва = Отец!), прямо арамейскія. При персахъ арамейскій языкъ оставался, можно сказать, официальнымъ языкомъ западныхъ областей, т.е. всѣхъ тѣхъ земель, которыя лежали къ западу отъ Евфрата. Онъ употреблялся въ царскихъ указахъ и въ дѣловой перепискѣ, и монеты персидскихъ намѣстниковъ или вассальныхъ князей Малой Азіи, чеканившіяся иногда греческими мастерами, имѣли на себѣ арамейскія надписи. Даже въ Египтѣ персидской эпохи встрѣчаются надписи и папирусы съ арамейскимъ текстомъ, потому что, по всей вѣроятности, персы для своихъ сношеній съ туземнымъ населеніемъ считали болѣе удобнымъ прибѣгать къ арамейскому языку, чѣмъ къ египетскому съ его трудными іероглифами. Впрочемъ, въ Египтѣ могли жить, конечно, и многочисленные арамейцы, не забывавшіе своего роднаго языка.

Внутренняя организація Персидской монархіи была шагомъ впередъ сравнительно съ временами ассирійскаго владычества. Главнымъ ея устроителемъ былъ Дарій, который, унаслѣдовавъ, вмѣстѣ со своими предшественниками, ассирійскую систему намѣстничества рядомъ съ сохраненіемъ по мѣстамъ и вассальныхъ князей, въ тоже самое время раздѣлил всю свою державу на большія административныя единицы, которыя мы называемъ сатрапіями по грецизированному имени ихъ губернаторовъ — сатраповъ (по-персидски „кшатрапа“, защитникъ государства или царской власти). Въ Египтѣ мѣстною властью пользовались номархи, въ Фи-

¹⁾ Ср. выше, стр. 96.

никии — цари и суфеты, въ Иудеѣ — первосвященникъ, въ греческихъ колоніяхъ — тиранны, но все должны были повиноваться единой верховной власти великаго царя, представителями или намѣстниками котораго и были сатрапы. Геродотъ, описывая даріеву организацію Персіи, перечисляетъ двадцать сатрапій, но ихъ было больше (отъ 23 до 31 въ разное время). Списокъ земель, которыя подчинялись Дарію, есть и на большой Багистанской надписи, а другой списокъ, дополненный новыми названіями, читается и на его надгробной надписи. Какъ велики были сатрапіи, можно видѣть хотя бы изъ того, что отдѣльными сатрапіями были сама Персія, затѣмъ Эламъ, Хаддея (Вавилонія), Ассирія, Аравія съ Месопотаміей и Сиріей, Египеть, Мидія, Армения, и т. п., т. е. цѣлый рядъ прежнихъ самостоятельныхъ царствъ.

Въ каждой такой области Дарій, наученный возстаніями въ началѣ своего царствованія, не сосредоточивалъ въ однихъ рукахъ всей власти. Сатрапамъ, которые были большею частью персами и даже иногда царскими родственниками, но которыми иногда бывали также и не персы, давались широкія полномочія по управленію вѣренными имъ областями, за то при каждомъ сатрапѣ, въ сущности для надзора за нимъ, находился, какъ начальникъ его канцеляріи, царскій секретарь. Оба они вѣдали только дѣла гражданскаго управленія, потому что военная власть, т. е. начальство надъ войсками, расположенными въ областяхъ, именно — надъ отрядами персидскихъ, туземныхъ и наемныхъ солдатъ вручалось особымъ военачальникамъ, да и то, псевдимоу, крѣпости не были имъ подчинены, а имѣли своихъ особыхъ начальниковъ. Черезъ главныя области отъ Сузы до Сардъ былъ проведенъ благоустроенный путь, по которому ходила почта. Отъ Сузы онъ шелъ къ сѣверо-западу, близъ мѣста, гдѣ находилась прежде Ниневія, приближаясь къ Тигру, около котораго и шелъ дальше до его истоковъ, пересѣкалъ Евфратъ въ верхнемъ его теченіи, а затѣмъ Галисъ, но не доходя до берега Чернаго моря, круто поворачивалъ прямо на западъ и упирался въ Сарды; интересно, что ни однимъ своимъ концомъ онъ не доходилъ до моря. Главное его значеніе было государственное, а не торговое. „На всемъ протяженіи этого пути, говоритъ Геродотъ, существуютъ царскія стоянки съ прекрасными жилыми помѣщеніями, и про-

ходить онъ отъ начала до конца по странѣ населенной и безопасной“. Всѣхъ такихъ станцій историкъ насчитываетъ сто одиннадцать и полагаетъ, что на проѣздъ по этому пути требовалось времени три мѣсяца ¹⁾. Самъ царь объѣзжалъ нѣкоторыя области своей державы, чтобы контролировать дѣятельность намѣстниковъ, но кромѣ того, онъ посылалъ всюду особыхъ довѣренныхъ ревизоровъ („глаза и уши царя“), которые могли смѣщать и даже предавать казни провинившихся сатраповъ. Чтобы имѣть возможность быстро получать отовсюду свѣдѣнія и всюду разсылать свои указы, персидское правительство имѣло специальныхъ курьеровъ, быстроту передвиженій которыхъ сравнивали съ полетомъ птицъ. Эта организація большой монархіи была первою во всемирной исторіи попыткою управленія изъ одного центра такую пеструю массою разныхъ народовъ. Систему Дарія его преемники не всегда умѣли поддерживать: по нѣскольку сатрапій соединялось въ рукахъ одного правителя, гражданская и военная власть поручались иногда одному и тому же лицу, да и сами сатрапы нерѣдко не прочь были сдѣлаться самостоятельными правителями. Персы были безсильны дать подвластнымъ народамъ свою культуру и при ея посредствѣ ихъ объединить, какъ сдѣлалъ это впоследствии Римъ, ибо у персовъ не было ничего своего, а, съ другой стороны, персидскіе цари не могли отрѣшиться отъ мѣстной и національной подкладки своей власти, чтобы перестать быть представителями своего народа и возвысить идею всемирной монархіи на высоту идеи совершенно универсальной. Въ этомъ и заключалась одна изъ причинъ мѣстнаго сепаратизма, въ которомъ нѣкоторые мятежные сатрапы находили поддержку своимъ замысламъ.

Въ связи съ административною реформою Дарія стоитъ и его реформа финансовая. Онъ регулировалъ взиманіе дани деньгами и натурою и пустилъ въ оборотъ особую монету, которую при немъ стали чеканить въ Персіи, за что персы, по словамъ Геродота, прозвали его торгошомъ. Денежный доходъ царской казны того времени французскій историкъ Масперо исчисляетъ приблизительно въ 83 милліона франковъ, что при теперешней цѣнности денегъ равнялось бы 663 милліонамъ, т. е. 250 милліонамъ рублей, не считая

¹⁾ Геродотъ, V, 52—53.

того, что получалось натурою. Дарій не все золото и серебро, которое поступало въ его казну, перечекивалъ въ деньги, но хранилъ оба драгоцѣнные металла въ своихъ сокровищницахъ въ видѣ слитковъ, отъ которыхъ, по словамъ Геродота, и велѣлъ отрубать, сколько было нужно. Дѣло въ томъ, что монета была въ ходу только на крайнемъ западѣ монархіи, да шла на уплату флоту и войску, особенно наемникамъ, которые не хотѣли получать ни натурою, ни слитками, въ большей же части монархіи попрежнему въ ходу былъ вѣсъ. Геродотъ перечисляетъ, сколько денегъ платили царю отдѣльныя подвластныя земли и въ чемъ состояла дань натурою съ каждаго народа. Конечно, сатрапы, которые „кормились“ доходами отъ управляемыхъ, брали больше, чѣмъ отдавали сами, но и безъ того царскіе доходы были громадными. Персидское золото играло важную роль въ исторіи греко-персидскихъ отношеній: персидскія субсидіи и прямой подкупъ отдѣльныхъ государственныхъ людей греческихъ городовъ вмѣстѣ съ искусною дипломатіей дѣлали очень хорошо то, чего не всегда можно было добиться оружіемъ.

Эпоха образованія Персидской державы была временемъ большого оживленія торговли на Средиземномъ морѣ¹⁾, и это было именно то время, когда финикійцевъ мало-по-малу стали во многихъ мѣстахъ вытѣснять греки. До греко-персидскихъ войнъ, начавшихся при Даріи, главную роль въ торгово-промышленной дѣятельности играли колоніи грековъ по берегу Малой Азіи, вошедшія при Кирѣ въ составъ его монархіи, а образованіе этой послѣдней, въ свою очередь, оживило караванную торговлю въ самой Передней Азіи, которая теперь почти вся была подъ властью одного государства. Не забудемъ, что въ составъ его входила и Финикія со своими торговыми городами, и Египетъ, который при послѣднихъ своихъ фараонахъ сдѣлался доступнымъ для иностранной торговли. Дарій заботился и о другихъ торговыхъ путяхъ, которые соединяли между собою и съ окраинами державы старыя центры промышленности и торговли. Морскіе пути тоже его заботили. По его приказанію, особая флотилія спустилась по Инду въ Индійскій океанъ и, обогнувъ Аравію, вошла въ Черное море, чтобы окончить свое плаваніе у Суэзскаго перешейка. Ему же принадлежитъ

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 65 и слѣд.

попытка прорытія канала черезъ этотъ перешеекъ. Два раза уже египетскіе фараоны работали надъ тѣмъ же дѣломъ, но какія-то причины мѣшали его осуществленію, и, вѣроятно, это были не одни недостатки тогдашней техники. Памятниками Дарія остались на трехъ пунктахъ канала столбы съ четырехъ-язычною надписью, но настоящее осуществленіе мысли персидскаго царя заставило себя ждать около 2350—2400 лѣтъ, хотя при Птолемахъ предпріятіе снова приводилось въ исполненіе¹⁾.

Какъ-никакъ, а монархія, основанная Киromъ и устроенная Даріемъ, просуществовала двѣсти лѣтъ, несмотря на возстанія сатраповъ и отложенія цѣлыхъ областей, на дворцовые перевороты и распри въ царскомъ домѣ. До скиѣскаго похода Дарія и вскорѣ послѣ того начавшейся войны съ европейскими греками шло усиленіе Персіи, но съ 500 приблизительно года счастье ея пошло на убыль. Неудача приемника даріева Ксеркса (Кшаарши) воспользовался-было Египетъ, чтобы отложиться, и напелъ помощь у грековъ. Правда, онъ былъ усмирень, но и отъ господства надъ мало-азіатскими и островными греками и надъ греческими водами Персія должна была отказаться. Это было началомъ отступленія отъ исполненія завѣтной мысли первыхъ царей-завоевателей создать по-истинѣ всемірную монархію. Сама система внутренняго управленія, созданная Даріемъ, вмѣсто того, чтобы развиваться и совершенствоваться, стала приходиться въ упадокъ, и сатрапы даже начинали вести другъ съ другомъ войны. Во внутренніи дѣла монархіи сами персы начали вмѣшиваться наемныя войска изъ иностранцевъ, и предпріятіе Кира Младшаго, опиравшагося на греческихъ наемниковъ, показало эллинамъ, до какой степени была внутренне слаба Персія, а при спартанскомъ царѣ Агесилаѣ, предпринявшемъ войну съ Персіей, эту монархію спасло отъ большой бѣды соперничество между отдѣльными греческими городами и персидское золото. Только опираясь на распри Спарты, Аѣинъ и Фивъ, да искусно пользуясь подкупомъ нужныхъ людей, персидская дипломатія сумѣла вернуть подъ власть великаго царя малоазіатскія колоніи и заставить европейскихъ грековъ признать персовъ чѣмъ-то въ родѣ своихъ вѣвшихъ третейскихъ судей. Богатствъ у персидскаго прави-

¹⁾ См. ниже (въ главѣ XII).

тельства было очень много, но въ военномъ дѣлѣ оно все болѣе и болѣе должно было опираться на греческихъ наемниковъ. Киръ, Камбизъ, Дарій, были люди энергичные и дѣятельные, но уже со временъ Ксеркса ихъ преемники заираются при дворѣ, окружаютъ себя женщинами и евнухами и все болѣе и болѣе впадаютъ въ безволие и изнѣженность. Съ внутреннимъ разложеніемъ государства вырождались и династія Ахеменидовъ; послѣдній царь персидскій, Дарій Кодоманъ, побѣжденный Александромъ Македонскимъ, былъ, кажется, уже не царскаго рода. Персія кончила тѣмъ же, чѣмъ кончили и Египетъ и Ассирія, внутреннимъ обезсиленіемъ господствующей національности, необходимостью опираться на наемныя войска и подчиненіемъ затѣмъ иноземному завоевателю, но, сравнивая Персидскую монархію съ прежними завоевательными царствами, мы видимъ, что во многихъ отношеніяхъ она пошла впередъ по пути объединенія народовъ и болѣе искусной организаціи государства.

Для Передней Азіи Персія сдѣлала то, что поздне для юго-западной Европы сдѣлалъ Римъ; только послѣдній пошелъ еще далѣе въ объединительной и организаціонной политикѣ. „Съ основаніемъ Персидскаго царства, говоритъ Эдуардъ Мейеръ, замыкается первая великая эпоха въ исторіи Востока. Вторая начинается съ этого момента и тянется до появленія ислама и основанія Арабскаго халифата“¹⁾. До основанія всемірной монархіи персовъ Востокъ пережилъ длинный періодъ образованія національныхъ культуръ, ихъ взаимодействія, ихъ крушенія — крушенія подъ натискомъ завоевателей, и общая денационализація выразилась въ томъ, что и сепаратистическія тенденціи персидскихъ сатраповъ были скорѣе ихъ честолюбивыми замыслами чисто личнаго характера, чѣмъ осуществленіемъ какихъ-либо національныхъ стремленій. Раньше, говоря словами Эдуарда Мейера, національность, политика и религія были тѣсно и неразрывно связаны между собою, но потомъ эти три области стали разъединяться, и каждая имѣла свою особую судьбу. Завоеваніе Персидской державы греками только еще болѣе подвинуло впередъ этотъ процессъ.

¹⁾ Geschichte des Alterthums, I, 618.

ГЛАВА X.

Завоеваніе Востока греками.

Нарушеніе обычнаго перехода отъ исторіи Востока къ исторіи Греціи. — Первоначальное появленіе грековъ въ составѣ населенія Персидской монархіи. — Греческіе города въ Персіи. — Возстанія грековъ противъ персовъ и выгоды подчиненія персидской власти. — Греки въ Египтѣ. — Процессъ инфильтраціи грековъ въ Персію и культурнаго ихъ взаимодействія съ варварами. — Причины греческой иммиграціи въ Персію. — Превосходство греческаго военнаго искусства. — Обнаруженіе слабости Персіи. — Особенно большой отливъ грековъ въ Переднюю Азію и Египетъ при Александрѣ Македонскомъ и его преемникахъ. — Распространеніе греческаго языка на Востокѣ. — Установленіе македонской гегемоніи въ Греціи и завоеваніе Александромъ Македонскимъ Персидской державы. — Впечатленіе, произведенное этимъ событіемъ на современниковъ. — Распаденіе монархіи Александра Македонскаго и судьба греческаго элемента въ эллинистическихъ царствахъ. — Соприкосновеніе греческаго міра съ Индіей.

Какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ „всеобщихъ исторіяхъ“, равно какъ и въ школьныхъ руководствахъ по этому предмету обыкновенно исторія Востока доводится до царствованія Дарія, а затѣмъ начинается изложеніе исторіи Греціи съ древнѣйшихъ временъ до потери ею національной независимости, послѣ чего излагается исторія Македоніи и монархіи Александра Великаго съ государствами, на которыя она распалась. Для такой послѣдовательности изложенія общей исторіи Востока и Греціи есть свои основанія, и оставляя на Даріи исторію Востока ради исторіи Греціи представляетъ свои удобства, но намъ по характеру нашей темы совсѣмъ не зачѣмъ держаться этого порядка. Разъ мы сдѣдимъ за историческою послѣдовательностью отдѣльныхъ большихъ государствъ древняго міра, мы должны видѣть прямое продолженіе исторіи Персидской монархіи въ державѣ Александра Македонскаго, какъ непосредственнаго преемника послѣдняго персидскаго царя Дарія Кодомана. Сущность перемѣны, происшедшей на Востокѣ, т. е. въ Передней Азіи и Египтѣ около 330 г., заключалась въ томъ, что господствующая роль на Востокѣ перешла отъ персовъ къ гре-

камь¹⁾, и что власть въ государствѣ перешла отъ одной династїи къ другой. Если монархїя Александра Македонскаго была прямымъ продолженіемъ Персидской державы, и когда произошло распаденіе государства македонскаго завоевателя на отдѣльныя царства, то главныя изъ нихъ были какъ бы возстановленіями старыхъ царствъ: поглотенныхъ Персидской державой, Египетъ Птолемеевъ—царства древнихъ фараоновъ, Сирїя Селевкидовъ—Персіи при Кирѣ, а позднѣе лишь одной второй Вавилонской монархїи: съ тѣмъ только различіемъ, что и въ Египтѣ, и въ Сирїи господствующимъ элементомъ былъ греческій. На основанїи обычнаго построенія исторїи мы привыкли въ исторїи эллинистическихъ царствъ въ Азїи и въ Африкѣ видѣть продолженіе греческой исторїи, и въ этомъ есть свой глубокой смыслъ, поскольку значительная часть греческой національности разлилась по всему Востоку и поскольку въ новыхъ странахъ греческая культура подверглась значительному преобразованію, но на самомъ дѣлѣ царства Птолемеевъ и Селевкидовъ и другія менѣе крупныя, возникшія на развалинахъ монархїи Александра, были продолженіями Египта фараоновъ и всѣхъ тѣхъ государственныхъ образованій, которыя смѣнялись одно другимъ въ соотвѣтственныхъ территорияхъ Передней Азїи.

Другими словами, обычный порядокъ построенія исторїи восточной половины древняго міра таковъ, какъ если бы мы удалялись изъ Азїи при Дарїи, чтобы пробить все время существованія персидскаго государства въ Греціи, а затѣмъ съ Александромъ Македонскимъ черезъ полтора вѣка снова придти въ Азїю, тогда какъ здѣсь я, приглашаю, такъ сказать, не выходя изъ границъ Персидской монархїи, оставаться въ Азїи и въ ней ждать прихода грековъ, которые вмѣстѣ съ Александромъ Македонскимъ завоевали Персію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо еще обратить вниманіе на то, что въ составѣ населенія Персидской монархїи было не мало грековъ задолго до того, какъ они сдѣлались здѣсь господ-

¹⁾ Македоняне стоятъ въ данномъ случаѣ въ такомъ же отношенїи къ грекамъ, въ какомъ мидяне находились къ персамъ. Доказательства греческаго происхожденія македонянъ см. въ только-что вышедшемъ въ свѣтъ (1904 г.) „введенїи“ третьяго тома „Griechische Geschichte von Julius Beloch“. Въ дальнѣйшемъ изложенїи не дѣлается у насъ различенїя между греками вообще и македонянами въ частности.

ствующею—и культурно, и политически—національностью. Въ самомъ дѣлѣ, когда при Кирѣ, Камбизѣ и Дарїи персы овладѣли берегами Средиземнаго моря, то въ Малой Азїи, въ Египтѣ, въ Киренаикѣ и во Фракіи уже существовали многочисленныя греческія колонїи, которыя должны были признать надъ собою верховную власть персидскихъ царей, такъ что часть греческаго міра прямо входила въ составъ Персіи. Дарїй и Ксерксъ предприняли завоеваніе и европейскихъ грековъ, и хотя это имъ не удалось и потомъ отъ Персіи даже отпадали малоазїатскія колонїи, тѣмъ не менѣе въ тотъ моментъ, когда Александръ Великій предпринялъ завоеваніе Персіи, значительная часть греческаго міра была подъ властью персовъ. Кромѣ колоній, можно было встрѣтить грековъ и во внутреннихъ частяхъ Персіи въ качествахъ художниковъ и ремесленниковъ, купцовъ и наемныхъ солдатъ. Въ исторїи персидскихъ завоеваній уже при Камбизѣ и Дарїи играли большую роль флоты греческихъ городовъ, а въ концѣ существованія Персіи всѣ лучшія ея военныя силы состояли прямо изъ греческихъ наемниковъ. Наконецъ, собственно говоря, и экономическое, и культурное развитіе грековъ началось не въ европейской Греціи, а въ малоазїатскихъ колонїяхъ, и первымъ важнымъ центромъ греческаго міра были не Афины, а Милетъ¹⁾. У знаменитаго нѣмецкаго историка Греціи, Курциуса, даже составилось такое представленіе, что не берега Малой Азїи колонизировались греками изъ Европы, а наоборотъ, въ Европу греки переместились черезъ Эгейское море изъ Малой Азїи²⁾. Во всякомъ случаѣ греческій элементъ существовалъ и распространялся въ Персіи задолго до завоеванія ея Александромъ Македонскимъ.

Мало того, на берегахъ Малой Азїи и въ Египтѣ греки жили гораздо раньше появленія въ этихъ странахъ персовъ. Исторїя не знаетъ эпохи образованія греческихъ колоній въ Малой Азїи, но онѣ могли основаться, конечно, лишь въ тѣ времена, когда здѣсь не было сильнаго государства, которое не допустило бы возникновенія на своихъ морскихъ берегахъ самостоятельныхъ городовъ-государствъ и федерацій между ними. Разумѣется, первые греческіе поселенцы съ оружіемъ въ рукахъ занимали здѣсь земли, но мало-по-малу

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 70.

²⁾ Это утвержденіе, однако, не было принято исторической наукой.

между пришельцами и туземцами начались мирныя сношенія и даже стало совершаться культурное взаимодействие, о чемъ, свидѣтельствуютъ, напр., и мѣстныя двухъязычныя надписи. Когда въ Малой Азійи образовалось значительное по своимъ размѣрамъ царство лидійцевъ, оно, разумѣется, не могло оставить дѣло такъ, чтобы устья его рѣкъ и лучшія гавани страны находились въ чужихъ рукахъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что греческія колоніи должны были признать себя подъ властью лидійскаго царя. Лидію завоевалъ Киръ, а съ нею подчинилъ своей власти и мало-азіатскихъ грековъ, причемъ подъ персидскимъ владычествомъ въ каждомъ греческомъ городѣ былъ свой правитель изъ мѣстной знати, тираннъ, какъ его звали греки, но всѣ эти тиранны зависѣли отъ персидскаго сатрапа, резиденціей котораго были Сарды, бывшая столица Лидіи. Объ участіи грековъ въ персидскихъ предпріятіяхъ уже упоминалось: они помогли Камбизу своимъ флотомъ при завоеваніи Египта, а Дарій при помощи греческаго же флота и мостовъ, построенныхъ и охранявшихся греками, переправлялся черезъ Босфоръ, Дунай и Геллеспонтъ во время неудачнаго похода своего противъ скивоовъ.

Подобно другимъ подданнымъ и азіатскіе греки возставали противъ персидскаго ига, временно освобождались и снова усмирялись. Если бы не корыстная вѣрность Дарію милетскаго тирана Гистіэя, дунайскій мостъ былъ бы разрушенъ въ то время, какъ царь удалился въ глубь Скивіи, потому что греки хотѣли разрушить мостъ и уйти, и персидскому войску пришлось бы очень плохо. Возстаніе Милета, который и подвергся разрушенію со стороны персовъ, и помощь мѣстнымъ подданнымъ со стороны европейскихъ грековъ послужили началомъ знаменитыхъ персидскихъ войнъ. Европейскіе греки отстаивали свою независимость, но и среди нихъ была персидская партія, которая не прочь была ради выгодъ личнаго и классового характера подчинить свою родину персамъ. Въ эпоху этихъ войнъ Аѳинамъ удалось освободить мало-азіатскихъ грековъ отъ Персіи и включить ихъ въ составъ своей морской державы¹⁾, но послѣ паденія послѣдней Персіи снова завладѣла греческими городами въ Малой Азійи. Для послѣднихъ въ этомъ была, впрочемъ,

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 264.

даже своя выгода. Освобожденіе отъ персидской власти отрѣзывало ихъ отъ смежныхъ территорій материка и затрудняло ихъ торговыя сношенія съ внутренними частями Персидской монархіи. Мало-азіатскія колоніи давнымъ-давно торговали съ материковыми странами, и включеніе ихъ въ составъ обширной азіатско-африканской монархіи только содѣйствовало развитію ихъ торговли. Если Милетъ, жестоко наказанный за свое возстаніе, палъ, то возвысились и процвѣли при персахъ другіе города—Эфесъ, Галикарнасъ, Родосъ.

Греческіе подданные у Персіи были еще на Кипрѣ и въ африканскихъ ея владѣніяхъ, т.-е. въ Египтѣ и въ Киренаикѣ. Сирійскій берегъ Средиземнаго моря былъ неблагопріятенъ для греческихъ поселеній уже по одному тому, что здѣсь господствовали финикійцы, а сама Сирія была очень заселена. Съ Кипра грекамъ тоже не удалось вполне вытѣснить финикійцевъ, но тутъ они все-таки основались и даже признали впоследствии надъ собою власть ассирійскихъ царей. Послѣ паденія Ассиріи надъ Кипромъ господствовалъ сначала Тиръ, потомъ Египетъ, пока вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ не достался Персіи. Что касается до самого Египта, то греки начали здѣсь селиться въ серединѣ VII в. До этого времени они только, какъ морскіе разбойники, нападали на берега нилькой дельты, но фараонъ Псаметихъ сталъ ихъ принимать на военную службу, съ ихъ помощью объединилъ страну и освободилъ ее отъ ассирійскаго владычества¹⁾. Съ этого времени греки въ Египтѣ стали составлять всю силу царскаго войска, а многіе изъ нихъ ввели торговлю; объ основаніи ими колоніи Навкратиса уже было сказано выше и было упомянуто вообще о наплывѣ ихъ въ Египетъ²⁾. Если бы, думаютъ нѣкоторые историки, не персидское завоеваніе Египта, то греки очень скоро сдѣлались бы настоящими господами страны. И впоследствии, когда Египетъ возставалъ противъ персовъ, онъ опирался на греческую помощь. Такъ было во время греко-персидскихъ войнъ, когда Египетъ возставалъ подъ начальствомъ ливійца Инара, призваннаго на помощь аѳинянь (463—454). Да и потомъ, когда Египетъ освобождался отъ персовъ, ему помогали греческіе наемники. — Наконецъ, въ томъ же VII в.,

¹⁾ См. выше, стр. 108.

²⁾ См. выше, стр. 109.

когда греки стали переселяться въ Египетъ, начали они колонизировать и Киренаику, которая равнымъ образомъ составляла часть Персидской монархіи.

Итакъ, еще до основанія Персидской монархіи греки въ качествѣ колонистовъ и купцовъ, пиратовъ и наемниковъ устремлялись въ страны, которыя потомъ вошли въ составъ Персіи. Завоеваніе послѣдней Александромъ Македонскимъ было лишь завершеніемъ этой инфильтраціи греческаго элемента въ предѣлы Персидской монархіи,—явленіе, которое имѣетъ аналогію съ инфильтраціей германцевъ въ Римскую имперію, предшествовавшую паденію ея на Западѣ. Въ тѣмъ съ тѣмъ это завоеваніе открывало передъ греками широко двери на весь Востокъ.

Равнымъ образомъ еще до образованія Персидской монархіи началось культурное взаимодействіе азіатскихъ и африканскихъ грековъ съ варварами. Выше уже было сказано о томъ, какъ вели себя греки въ Египтѣ въ послѣднія времена передъ персидскимъ завоеваніемъ¹⁾. Восточная вліянія въ греческой религіи—фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, но нерѣдко греки и прямо заимствовали культы у сосѣдей: въ Киренѣ, напр., установился культъ египетскаго бога Аммона, въ мало-азіатскихъ колоніяхъ—культъ фригійской богини Кибелы, и эти варварскіе культы проникли даже въ европейскую Грецію, почитаніе Кибелы—въ Аѣины, почитаніе Аммона—въ Спарту. Въ свою очередь греческія божества дѣлались популярными въ Египтѣ и Малой Азіи за нѣсколько времени до персидскаго завоеванія. Стоитъ только вспомнить египетскаго „друга эллиновъ“, фараона Амазиса, который по свидѣтельству Геродота, посылалъ дары въ греческіе храмы и пожертвовалъ тысячу талантовъ квасцовъ на сооруженіе святилища въ Дельфахъ, не задолго передъ тѣмъ сторгъвшаго. Лидійскій царь Крезъ равнымъ образомъ одарялъ греческіе храмы и обращался къ греческимъ прорицательницамъ. Однимъ словомъ, религіозный синкретизмъ происходилъ и тамъ, гдѣ грекамъ приходилось жить бокъ-о-бокъ съ туземцами.

Причины греческой иммиграціи въ Персію были экономическія и политическія²⁾.

¹⁾ Стр. 109.

²⁾ Обо всемъ этомъ подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ книги „Государство-городъ“.

Во-первыхъ, дѣйствовало перенаселеніе самой Греціи. Эта причина начала дѣйствовать съ очень давняго времени. Вся блестящая греческая колонизація, покрывшая городами берега морей Средиземнаго съ Мраморнымъ, Чернымъ и даже Азовскимъ и берега проливовъ между этими морями, была результатомъ этого перенаселенія коренной Греціи. Когда колонизація прекратилась за недостаткомъ новыхъ мѣстъ и образованіемъ тамъ, гдѣ ихъ можно было бы найти, сильныхъ государствъ (Персіи и Карфагена), явилась новая причина—паденіе заработковъ въ самой Греціи. Съ развитіемъ въ ней промышленности началъ развиваться въ ней и рабскій трудъ. Въ государства-города Греціи ввозилась съ Востока масса рабовъ, которые отбивали заработки у пролетаріата, и вотъ онъ, гонимый нуждою и привлекаемый легкою наживою, устремляется въ отряды наемныхъ войскъ. Греческіе солдаты нанимались на службу въ Египетъ еще при Псамметихѣ, а въ Персіи они сдѣлались особенно популярными послѣ возмущенія Кира Младшаго, и съ этого времени ихъ особенно было много у сатраповъ Малой Азіи. Греческіе же наемники защищали Египетъ и Кипръ во время ихъ возстаній противъ персовъ.

Была и другая причина эмиграціи грековъ на Востокъ. Внутренняя политическая и социальная борьба, происходившая въ V и IV вв. въ греческихъ государствахъ-городахъ, сопровождалась революціями, послѣ которыхъ побѣжденные изгонялись, а ихъ имущество конфисковалось. Правда, иногда изгнанники возвращались, но въ такомъ случаѣ они тоже изгоняли своихъ враговъ и забирали ихъ достояніе. Въ Греціи была поэтому масса бездомныхъ бродягъ. Когда Александръ Македонскій на олимпійскихъ играхъ 324 г. объявилъ возвращеніе на родину политическихъ изгнанниковъ, ихъ собралось въ Олимпію двадцать тысячъ человѣкъ.

Персидскіе цари и сатрапы, а также и предводители возстаній противъ персовъ брали на службу грековъ очень охотно. Въ своихъ междоусобіяхъ греки развили у себя военное искусство, которое потомъ переняла у нихъ и еще болѣе усовершенствовала Македонія. Въ Греціи вообще, а особенно въ Аѣинахъ образовался, можно сказать, особый классъ специалистовъ военнаго дѣла, профессиональных полководцевъ, которые, когда не были заняты службой родинѣ, шли на службу въ Азію и въ Африку—то къ персидскому

правительству, то къ мятежнымъ его подданнымъ. Эти спеціалисты военнаго дѣла и теоретически его разрабатывали и, благодаря этому, вносили въ него все новыя и новыя усовершенствованія.

Греческіе полководцы на службѣ Персіи не могли не видѣть ея внутренней слабости. Особенно обнаружили ее походъ 13 тысячъ грековъ, помогавшихъ возстанію Кира Младшаго, и походъ спартанскаго царя Агесилая въ Персію. Въ первомъ случаѣ горсть греческихъ храбрецовъ дошла почти до самаго Вавилона, а оттуда возвратилась черезъ всю Персію до Трапезунда на Черномъ морѣ (401). Отъ большихъ бѣдъ во время нашествія на Персію Агесилая спасли это государство только персидское золото, да искусство дипломатовъ великаго царя; немалое значеніе имѣло и то, что персидскимъ флотомъ командовалъ весьма искусный въ военномъ дѣлѣ аѳинскій стратегъ Кононъ. Война окончилась, какъ извѣстно, такъ называемымъ анталкидовымъ миромъ (387).

Завоеваніе Персидской монархіи греками подъ предводительствомъ македонскаго царя открывало имъ широкій доступъ на Востокъ, куда и устремился весь излишекъ населенія Греціи. Уже отцу Александра Великаго, Филиппу, извѣстный греческій ораторъ Исократъ совѣтовалъ завоевать Малую Азію, настроить въ ней городовъ и населить ихъ бездомными бродягами, которыми коренная Греція въ это время была полна. Александръ Македонскій въ широкихъ размѣрахъ осуществилъ этотъ совѣтъ, и въ бывшія области Персидской державы при немъ и при его преемникахъ неудержимо направился потокъ греческой эмиграціи—главнымъ образомъ воины, купцы, чиновники. Это переселеніе грековъ въ ближайшія къ Европѣ части Передней Азіи повлекло за собою и перемѣщеніе торговыхъ центровъ изъ коренной Греціи въ Малую Азію, Сирію и Египетъ. Въ Малой Азіи особое значеніе приобрѣтаетъ въ это время, кромѣ Эфеса, Смирна, въ Сиріи—Антіохія, построенная въ 300 г. первымъ царемъ изъ греческой династіи Селевкидомъ, въ Египтѣ—Александрія, основанная еще самимъ македонскимъ завоевателемъ. Эти два послѣдніе города, въ которыхъ былъ очень силенъ греческій элементъ, затмили блескъ болѣе старыхъ туземныхъ городовъ, и самъ гордый Вавилонъ тоже сталъ склоняться къ упадку, когда невдалекѣ отъ него была

построена Селевкія, оттянувшая къ себѣ часть его торговли¹⁾. Процессъ постепенной инфильтраціи грековъ въ Переднюю Азію и Египетъ окончился, и они уже массами хлынули въ эти страны. Такъ иногда черезъ плотину рѣчная вода, задерживаемая ею, лишь просачивается то тамъ, то сямъ, пока плотину не прорветъ, и вся масса воды не хлынетъ, унося все на своемъ пути.

Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, распространялся и греческій языкъ, который въ устахъ простонародья смѣшивался съ мѣстными элементами или испытывалъ на себѣ ихъ вліяніе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что среди самихъ восточныхъ національностей появились люди, которые писали по-гречески ученые свои труды. Такъ въ III в. до Р. Х. вавилонскій жрецъ Беросъ написалъ по-гречески три книги вавилонско-халдейскихъ сказаній, не сохранившіяся до нашего времени и извѣстныя намъ только въ отрывкахъ у нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ. Въ одно время съ нимъ египетскій жрецъ Манеонъ написалъ тоже по-гречески исторію о своей родинѣ, дошедшую до насъ опять-таки лишь въ отрывкахъ. Такимъ образомъ представители двухъ древнѣйшихъ культуръ Востока стали пользоваться греческимъ языкомъ для литературныхъ цѣлей. Къ этой же категоріи фактовъ относится и извѣстный греческій переводъ священныхъ книгъ евреевъ для той части этого народа, которая жила въ Египтѣ и стала утрачивать знаніе родного языка.

Завоеваніе Персидской монархіи греками могло совершиться лишь послѣ того, какъ самихъ грековъ объединила сосѣдняя съ ними Македонія. Въ теченіе всего времени персидскаго государства въ Передней Азіи и въ Египтѣ европейскіе греки, какъ-разъ въ эти столѣтія развившіе у себя замѣчательную матеріальную и духовную культуру, вели постоянныя междоусобія. Къ срединѣ IV в., однако, въ Греціи все болѣе и болѣе начинало проявляться сознаніе національнаго единства, и лучшіе люди уже смотрѣли на войны между отдѣльными государствами-городами Греціи, какъ на пагубныя междоусобія. Въ это же время греческіе ораторы, бывшіе руководителями общественнаго мнѣнія въ странѣ, проповѣдовали необходимость соединенія всѣхъ грековъ для

¹⁾ См. выше, стр. 72. См. подробнѣе ниже (въ главѣ XII).

борьбы съ варварами, исконными ихъ врагами, и когда начала возвышаться Македонія, среди грековъ уже немало было такихъ, которые указывали именно на нее, какъ на желательную предводительницу въ войнѣ съ персами. Напр., только-что было упомянуто о совѣтѣ оратора Исократъ завоевать, по крайней мѣрѣ, Малую Азію для разселенія по ней грековъ. Оружіе въ битвѣ при Херонеѣ (338) рѣшило дѣло въ пользу установленія надъ греками македонской гегемоніи, и мы еще увидимъ, въ какой формѣ совершилось объединеніе силъ Греціи и Македоніи, которымъ думалъ воспользоваться еще отецъ Александра Македонскаго.

Въ то время, какъ готовился греко-македонскій союзъ въ Европѣ, дѣла въ Персіи стали поправляться послѣ пѣлаго ряда возстаній, и въ 350—344 г. персидскій царь при помощи греческихъ наемниковъ снова подчинилъ Кипръ, Сидонъ и Египетъ, и Македонія даже заключила мирный и союзный договоръ съ персидскимъ царемъ, чтобы обезпечить за собою его нейтралитетъ при завоеваніи Греціи. Когда херонейская битва рѣшила участь грековъ, македонскій царь Филиппъ послалъ весною 336 г. въ Малую Азію десяти-тысячный корпусъ войска, чтобы склонить греческіе города къ отложенію отъ Персіи, и многіе изъ нихъ привѣтствовали его приходъ, какъ освободителей отъ персидскаго ига. За первыми успѣхами экспедиціи послѣдовали, однако, неудачи. Персидское правительство не замедлило вызвать между греками раздоры, а тутъ Филиппъ скончался, и молодому его сыну Александру было много хлопотъ дома. Только подавивъ греческое возстаніе, Александръ могъ предпринять свой знаменитый походъ въ Азію. Здѣсь сопротивленіе онъ встрѣтилъ главнымъ образомъ со стороны персидскаго войска, въ которомъ главную силу, однако, составляли греческіе наемники, но въ большинствѣ случаевъ населеніе привѣтствовало его, какъ избавителя отъ персидскаго ига, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчало совершенно равнодушно, потому что не все ли было равно, кто будетъ господствовать — персы или греки. Только такимъ настроеніемъ подданныхъ персидскаго царя объясняется быстрота и легкость, съ какою въ три-четыре года была завоевана Александромъ Персидская монархія. Многіе важные города македонскій завоеватель занималъ даже безъ боя, а въ царскихъ сокровищницахъ онъ находилъ массы золота и серебра, накопленныхъ преемни-

ками Кира, и это давало ему возможность продолжать завоеваніе отдѣльныхъ частей монархіи. Конечно, кое-гдѣ Александръ встрѣчалъ и сопротивленіе — изъ греческихъ городовъ въ Милетѣ, гдѣ былъ сильный персидскій гарнизонъ, изъ городовъ Финикіи въ Тирѣ, самомъ большомъ и самомъ изъ нихъ тогда сильнымъ, но въ другихъ мѣстахъ его принимали съ восторгомъ. Такъ случилось въ Египтѣ, который лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ жестокостью былъ усмиренъ персами послѣ удачнаго въ началѣ возстанія, на полвѣка вернувшаго странѣ фараоновъ независимость. Жрецы храма Аммона, — въ оазисѣ среди ливійской пустыни, куда ходилъ Александръ съ небольшимъ отрядомъ, провозгласили его сыномъ этого бога, — титулъ, который носили прежніе фараоны¹⁾, и это было весьма естественно, разъ Александръ вступалъ въ ихъ права, какъ владыка всей страны. Разбивъ осенью 331 г. между Арбелю и Гаугамелами, вблизи отъ развалинъ Ниневіи, послѣднее большое войско персовъ, онъ и въ Вавилонъ вступилъ безъ боя, потому что и здѣсь его привѣтствовали, какъ освободителя отъ персовъ, а затѣмъ безъ сопротивленія сдалась и Суза. Безъ боя были заняты и двѣ другія столицы Персіи — Персеполь и Агбатаны. Сопротивленіе Александръ встрѣчалъ лишь со стороны племенъ, которыя и самимъ персамъ плохо подчинялись.

Мечта греческихъ патриотовъ, проповѣдовавшихъ борьбу съ Персіей, осуществилась, и завоеваніе Александромъ великой монархіи произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ.

„Мы, писалъ знаменитый Эсхинъ, прожили не обычную человѣческую жизнь, исторія нашихъ дней покажется сказкою грядущимъ поколѣніямъ. Персидскій царь, который требовалъ отъ эллиновъ земли и воды и осмѣливался называть себя въ своихъ письмахъ владыкою всѣхъ людей отъ востока до заката, — онъ борется теперь уже не за владычество надъ другими, а за собственную жизнь“. — „Если бы пятьдесятъ лѣтъ назадъ, говоритъ аѳинскій философъ Демитрій Фалерскій, какой-нибудь богъ предсказалъ будущее персамъ, или персидскому царю, или македонянамъ, или царю македонянамъ, — развѣ они повѣрили бы, что нынѣ отъ персовъ, которымъ былъ подвластенъ почти весь міръ, оста-

¹⁾ См. выше, стр. 61.

нется едва одно имя, и что македоняне, которыхъ раньше едва ли кто зналъ даже имя, будутъ теперь владычествовать надъ міромъ?"¹⁾ Среди евреевъ въ послѣдствіи возникла легенда, будто Александръ приходилъ въ Иерусалимъ и поклонился ихъ Богу. Въ чисто восточныхъ образахъ говорить о немъ *Первая книга Маккавейская*, дошедшая до насъ только по гречески: „онъ произвелъ много войнъ и овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами, и убивалъ царей земли. И прошелъ до предѣловъ земли, и взялъ добычу отъ множества народовъ; и умолкла земля предъ нимъ, и онъ возвысился и вознеслось сердце его. Онъ собралъ весьма сильное войско и господствовалъ надъ областями и народами и властителями, и они сдѣлались его данниками“ (гл. I, ст. 2—4).

Монархія Александра Македонскаго въ цѣлости послѣ его смерти не удержалась, и ее послѣ долгихъ войнъ раздѣлили между собою его полководцы. Главная масса земель отъ Инда до Геллеспонта досталась Селевкидамъ, въ царствѣ которыхъ главною областю сдѣлалась Сирія со своею новою столицею, Антиохіей на Оронть. Но и это могущественное царство (другими двумя были Египетъ и Македонія) не удержалось въ своемъ большомъ составѣ, и отъ него отторглись цѣлыя значительныя области. Таковы были царства Галатское (въ центрѣ), Пергамское и Виоинское, позднѣе еще Понтийское въ Малой Азій, гдѣ греческій элементъ продолжалъ играть господствующую роль, какъ и въ Сиріи и Египтѣ. Больше всего потерь понесли Селевкиды за Евфратомъ и Тигромъ, гдѣ особое значеніе получило царство Парянское, въ которомъ воскресъ древне-персидскій элементъ, рѣзко противопоставившій себя эллинизму. Оно распространялось изъ своей первоначальной области, лежавшей къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря, и на западъ, въ сторону Тигра и Евфрата, и на востокъ, въ сторону Инда, вездѣ замѣняя слѣды греческаго вліянія древне-персидскою культурою. Къ востоку отъ первоначальной Паріи существовало одно время царство Бактрійское, тоже находившееся подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ, но и отсюда послѣднее было скоро вытѣснено. Вообще, чѣмъ дальше мы уходимъ на востокъ, тѣмъ все слабѣе и слабѣе скрывается греческое вліяніе. Тѣмъ не менѣе нельзя все-таки не отмѣтить и того, что походы

¹⁾ См. у *Белога*, Исторія Греціи, II, 520 (по рус. перев. М. 1899 г.).

Александра Македонскаго привели греческій міръ въ непосредственное соприкосновеніе и съ Индіей.

Уже при Даріи Персидская монархія захватывала сѣверо-западную окраину Индіи, и въ арміи Ксеркса во время его нашествія на Грецію были и индійцы. Александръ задумалъ подчинить своей власти и эту страну, воспользовавшись враждою отдѣльныхъ маленькихъ царствъ, въ ней тогда существовавшихъ. Въ Пенджабѣ онъ имѣлъ значительный успѣхъ и вторгся бы въ область Ганга, если бы войско не отказалось слѣдовать за нимъ далѣе. И здѣсь, какъ въ Средней Азій, въ области Окса и Яксарта (т.-е. Аму-Дарьи и Сырь-Дарьи), македонскій завоеватель строилъ новые города. Селевкидамъ, однако, не удалось удержать за собою завоеваній на крайнемъ Востокѣ, и греческое вліяніе здѣсь должно было пасть. Можно сказать, что въ эллинистическую и римскую эпохи, когда господствующими народами въ Персидской Азій были европейцы въ лицѣ сначала грековъ, а потомъ и римлянъ, за Евфратомъ уже начиналось господство настоящей Азій.

ГЛАВА XI.

Монархія Александра Македонскаго.

Александръ — наслѣдникъ персидскихъ царей. — Греческое вліяніе въ прошломъ Александра. — Двойственный характеръ власти Александра. — Греческіе взгляды на царскую власть. — Космополитическій отбѣнокъ въ пониманіи государства передовыми греками въ IV в. — Вопросъ о личномъ характерѣ Александра въ связи съ вопросомъ о роли личности въ исторіи. — Завоевательные планы Александра. — Отсутствие въ Александрѣ національной исключительности. — Восточный характеръ власти Александра. — Нивелирующая политика Александра по отношенію къ отдѣльнымъ національностямъ его царства. — Вліяніе Александра на расцвѣтъ экономической дѣятельности. — Посольства западныхъ народовъ къ Александру.

Стоитъ взглянуть въ любомъ историческомъ атласѣ на географическія карты Персидской державы и монархіи Александра Македонскаго, дабы вполне убѣдиться, что это въ сущности было одно и то же, что границы и той и другой почти вездѣ совпадали или мало чѣмъ отличались другъ отъ друга.

отличались. Самое важное различіе заключалось въ томъ, что въ Европѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ власть персидскихъ царей была призрочною и эфемерною, у Александра были настоящія владѣнія, т.-е. находилось наследственное достояніе завоевателя, Македонія, которая для его монархіи была тѣмъ же, чѣмъ Персида въ государствѣ царей персидскихъ, а, кромѣ того, были подвластныя земли и къ сѣверу отъ нея, и къ западу, и къ югу—Фракія, Иллирія и Греція. То, о чемъ мечтали Дарій и Ксерксъ, когда отправляли свои войска и корабли на берега Балканскаго полуострова, было теперь осуществлено, но только не персы завоевали грековъ, а греки персовъ.

Покинувъ родовую свою землю черезъ два года по воцареніи, Александръ остальную часть своего царствованія, т.-е. болѣе десяти лѣтъ провелъ въ Азіи, гдѣ и умеръ въ 323 г., но въ полныя права персидскихъ царей онъ вступилъ уже въ 330 г., когда окончилось покореніе восточныхъ областей ихъ державы. Столицею своего царства онъ предпочиталъ сдѣлать Вавилонъ. Какъ завоеватель и властелинъ множества странъ и народовъ, онъ былъ истинный наследникъ основателей Персидской державы и ихъ ассирійскихъ предшественниковъ. Его дѣятельность, какъ устроителя государства, основателя новыхъ городовъ, инициатора разныхъ предпріятій, которыя должны были служить интересамъ торговли, равнымъ образомъ являются лишь повтореніемъ того, что и раньше дѣлали повелители восточныхъ странъ. Въ этомъ отношеніи онъ тоже долженъ казаться намъ не новымъ въ исторію ничего, такъ сказать, качественно новаго: вопросъ можетъ только касаться размѣровъ дѣятельности, въ смыслѣ которыхъ, конечно, Александръ затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ Азіи. Если о Кирѣ нѣкоторые теперешніе историки говорятъ, что онъ быстро „вавилонизировался“, то съ не меньшимъ правомъ можно сказать, что и Александръ быстро ориентализировался, т.-е. подвергся влиянію восточныхъ взглядовъ. Не забудемъ, что онъ вступилъ на азіатскую почву двадцатидвухлѣтнимъ юношей, т.-е. въ такомъ возрастѣ, когда человѣка нельзя еще считать вполне сложившимся, и что вся его дальнѣйшая жизнь протекла на Востокѣ, гдѣ его или, какъ въ Египтѣ, провозглашали сыномъ бога, или вообще окружали постояннымъ раболѣпиемъ въ качествѣ царя Персіи.

Это, конечно, только одна сторона дѣла, но была и другая. И по происхожденію, и по воспитанію новый повелитель Персіи былъ все-таки грекъ. Македоняне были лишь разновидностью эллинскаго племени, и только по своей отсталости отъ культурныхъ греческихъ государствъ считались у нихъ варварами. Непосредственные предшественники Александра на македонскомъ престолѣ, особенно его отецъ возвысили свое государство при помощи передовой греческой культуры. Греки на македонской службѣ преобразовали македонскія финансы (аеинянинъ Каллистратъ) и способствовали совершенствованію македонской арміи. Самъ Филиппъ, проведеншій часть молодыхъ лѣтъ въ Фивахъ, былъ человѣкомъ греческаго образованія и поддерживалъ его при своемъ дворѣ. Для образованія своего сына онъ пригласилъ величайшаго ученаго того времени, Аристотеля, которому впоследствии Александръ подарилъ громадную сумму денегъ и даже помогалъ въ научныхъ занятіяхъ доставленіемъ экземпляровъ рѣдкихъ животныхъ. Самъ Александръ въ раннемъ возрастѣ увлекался Иліадою и особенно Ахилломъ, котораго считалъ своимъ предкомъ; существуетъ даже извѣстіе, что экземпляръ Иліады онъ постоянно возилъ съ собою. Высадившись въ Азіи на берегу Геллеспонта, онъ прежде посѣтилъ мѣста, ознаменованныя битвами съ троянцами и смертью любимаго его героя. Національная вражда грека къ исконному врагу эллиновъ, къ персамъ, повидимому, тоже сначала находила мѣсто въ его душѣ. Во всякомъ случаѣ его окружали полководцы, офицеры и простые воины, раздѣлявшіе это чувство къ варварамъ. Наконецъ, и личное положеніе его среди грековъ сильно рознилось отъ положенія, какое занималъ восточный царь въ отношеніи своихъ подданныхъ, бывшихъ, собственно говоря, только его рабами.

Въ Македоніи царская власть не была деспотіей неограниченнаго восточнаго типа. Она была тою же самой „басилеей“, какая существовала во всѣхъ греческихъ государствахъ въ раннюю ихъ пору¹⁾, и только на войнѣ и въ дѣлахъ внѣшней политики царь былъ здѣсь неограниченнымъ распорядителемъ. Подъ властью этого царя мы видимъ, съ одной стороны, независимое дворянское сословіе царскихъ „товарищей“ (ἐταῖροι), что напоминаетъ намъ аналогичное обозна-

¹⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 37 и слѣд.

ченіе знати въ первоначальныхъ германскихъ королевствахъ (*conviva regis*), съ другой — свободное крестьянство. Еще меньше македонскій царь былъ похожъ на абсолютнаго государя по отношенію къ грекамъ. Послѣ херонейской битвы Греція не была инкорпорирована Македоніей, а отношенія между ними сложились по старому греческому образцу военного союза нѣсколькихъ государствъ, или „симмахіи“ подъ предводительствомъ, или „гегемоніей“ одного изъ нихъ ¹⁾. Такія симмахіи и раньше существовали въ Греціи подъ гегемоніей Спарты и Аѳинъ. Эта форма была принята конгрессомъ делегатовъ отъ греческихъ городовъ (*κοινὸν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων*) въ Коринѣ послѣ херонейской битвы, на которомъ образовалась греческая федерація, вступившая затѣмъ въ оборонительный и наступательный союзъ съ Филиппомъ. И Александръ по отношенію къ европейскимъ грекамъ былъ не царемъ, а только гегемономъ. Правда, македонская гегемонія поддерживалась во многихъ мѣстахъ царскими гарнизонами, но и это также въ Греціи не было новостью, ибо то же самое дѣлалось и государствами-городами, которымъ принадлежала гегемонія, и во всякомъ случаѣ въ идеѣ, по крайней мѣрѣ, полнаго порабоженія не было. Являясь въ мало-азіатскіе греческіе города, какъ освободители отъ персовъ, греко-македонскіе отряды равнымъ образомъ вездѣ вводили демократическій строй.

Такимъ образомъ, власть Александра послѣ завоеванія Персіи имѣла двойственный характеръ, совершенно такъ же, какъ впоследствии, въ эпоху основанія въ провинціяхъ Западной Римской имперіи германскихъ королевствъ, власть новыхъ государей „варварскаго“ происхожденія: для туземнаго населенія они сдѣлались преемниками абсолютнаго римскаго императора, для пришедшихъ съ ними германцевъ оставались народными вождями безъ неограниченной верховной власти. Такъ было, собственно говоря, и въ завоеванной Александромъ Персіи.

Этому завоеванію предшествовалъ въ Греціи длинный періодъ республиканскаго развитія городской формы государства и притомъ въ демократическомъ направленіи. Въ сознаніи европейскихъ грековъ крѣпко засѣла мысль, выраженная въ слѣдующихъ приблизительно словахъ греческаго

¹⁾ Государство-городъ“, гл. XV—XVII.

трагика V в. Эврипида: „ничто не можетъ быть гибельнѣе для государства, какъ господство одного человѣка; гдѣ нѣтъ общаго закона, тамъ есть господинъ, который въ себѣ одномъ заключаетъ весь законъ, такъ что одинаковаго права уже быть не можетъ“. Свобода представлялась несомнѣстимою съ единовластіемъ, и у того же Эврипида ¹⁾ мы находимъ:

οὐ γὰρ ἄρχεται
ένος πρὸς ἄνδρος, ἀλλ' ἐλευθερά πόλις.
δῆμος δ' ἀνάσσει διαδοχαῖσιν ἐν μέρει
ἐνιαυσίαισιν.—

т.-е. „(нашъ) городъ не управляется однимъ человѣкомъ, но свободенъ; народъ царствуетъ ежегодными смѣнами поочередно“, или отдѣльные граждане смѣняются у власти каждый годъ. Это была идея, особенно распространенная въ государствахъ-городахъ античнаго міра, и позднѣе, у Цицерона, въ его трактатѣ *De republica* мы читаемъ то же самое: „nulla alia in civitate, nisi in qua populi potestas summa est, ullum domicilium habet“, т.-е. „свобода можетъ существовать только въ такомъ государствѣ, въ которомъ верховная власть находится рѣ рукахъ народа“. Древніе выработали идею государства, какъ общаго достоянія гражданъ, какъ организаціи людскаго общежитія для общаго благополучія, какъ такой, наконецъ, формы существованія людей, при которой закономъ является выраженіе народной воли, а государственныя власти—лишь, такъ сказать, дѣлопроизводителями державнаго народа. Въ греческихъ государствахъ-городахъ не разъ, но лишь на непродолжительное обыкновенно время устанавливалось единоличное правленіе подъ названіемъ тиранніи ²⁾, но эта форма власти была въ высшей степени непопулярна. Нужно читать въ *Политикѣ* Аристотеля ³⁾, учителя Александра Македонскаго, въ какихъ непривлекательныхъ чертахъ представлялась грекамъ IV в. тираннія.

Однако, въ политической мысли грековъ въ IV в. обнаруживалось и другое теченіе. Здѣсь не мѣсто распростра-

¹⁾ См. Julius Kaerst. Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Alterthum. 1898. Стр. 5 и 9.

²⁾ „Государство-городъ“, гл. IX.

³⁾ Тамъ же, стр. 109 и слѣд.

ниться о причинахъ, которыя въ этомъ столѣтїи привели къ разочарованію демократіей, выродившейся въ охлократію, т.-е. въ господство толпы, особенно вооружавшее противъ демократіи зажиточные и образованные классы общества, а вмѣстѣ съ ними еще въ концѣ V в. такихъ людей, какъ Фукидидъ или Сократъ, а позднѣе Платонъ¹⁾. Въ IV в. даже начался поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу монархїи. Ксенофонтъ рисовалъ идеальный образъ государя; Демосеенъ объяснялъ успѣхи Македонїи тѣмъ, что въ ней царь былъ собственнымъ своимъ полководцемъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; Исократъ прямо стоялъ за монархїю, а Аристотель находилъ, что она могла бы быть наилучшею формою правленія въ рукахъ идеальнаго государя. Однако, ни персидская деспотїя, ни греческая тираннїя не могли быть признаны за такую наилучшую форму. Наоборотъ, напр., съ точки зрѣнія Аристотеля, который каждой правильной формѣ противопоставлялъ извращенную, а именно царству — тираннїю, аристократїи — олигархїю, а политїи — демократїю²⁾, ни греческая тираннїя, ни тѣмъ болѣе власть персидскаго царя не могли казаться соотвѣтствующими идеалу настоящей монархїи. Монархъ, именно, управляетъ въ общихъ интересахъ, а не въ личныхъ, и вотъ греческая мысль стала работать надъ теоретическимъ созданіемъ идеальной монархїи. Изъ того же самаго ученїа софистовъ, которое заключало въ себѣ принципиальное оправданіе демократїи, могла быть выведена и идея единоличнаго властительства. Одинъ изъ первыхъ по времени софистовъ V в., Протагоръ, говорилъ, что для участїа въ государственныхъ дѣлахъ достаточно добросовѣстности и справедливости, т.-е. отрицалъ аристократическіе принципы знатности и богатства³⁾, но были и такіе софисты, которые учили, что законъ природы — право сильнаго⁴⁾, а отсюда недалеко было и до вывода, что у кого есть сила и средства, тотъ имѣетъ право подчинить того, кто по натурѣ способенъ только къ повиновенію; конечно, въ данномъ случаѣ разумѣлась не одна сила матеріальная, но и умственная сила.

¹⁾ Тамъ-же, въ гл. XIV.

²⁾ У Полибія во II в. до Р. X. этимъ послѣднимъ понятїямъ соотвѣтствуютъ демократїя (правильная форма) и охлократїя (извращенная).

³⁾ „Государство городъ“, стр. 210—211.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 213.

Уже Сократъ, критикуя афинскїе демократическіе порядки, указывалъ на то, что въ дѣлахъ законодательства, управленїа и суда могутъ участвовать только знающїе, а Платонъ утверждалъ, что правителями государства должны быть философы, и идея о томъ, что законъ природы призываетъ къ власти сильнѣйшаго, въ соединенїи съ мыслью о существованїи права на власть только для наиболѣе знающихъ и умныхъ, породила представленїе объ особыхъ, такъ сказать, царственныхъ натурахъ, заключавшееся въ такихъ перемѣнахъ, какъ βασιλικός, μοναρχικός, ἀρχικός ἀνὴρ. Когда имѣлся налицо такой отъ природы царственный или властительный человѣкъ, онъ въ самомъ себѣ, въ своей личности носилъ право на властвованїе и могъ быть самъ живымъ закономъ (νόμος ἑμφυῖος) или стоять выше закона, разъ дѣйствїями правящаго руководилъ самъ разумъ. Власть такого царственного человѣка могла быть абсолютною, подъ условїемъ ограниченїа произвола внутреннимъ закономъ добродѣтели и разума. Это была своего рода идея просвѣщеннаго абсолютизма, и съ точки зрѣнія въ силу которой власть должна была принадлежать властительнымъ натурамъ, особымъ, отъ природы предназначеннымъ къ господству лицамъ, собственно говоря, не могло существовать наследственнаго династическаго права. Конечно, такой монархъ могъ управлять лишь въ интересахъ подданныхъ, и, слѣдовательно, у него были не одни только права, но и обязанности, а подданные должны были оставаться свободными людьми, отнюдь не быть его рабами.

Таковы были греческія представленїа о единственно законѣрной царской власти, выросшія на почвѣ развитїа политической свободы и рационалистической философіи. Идеальный монархъ носилъ въ своей личности основу своего права управлять свободными людьми, а не былъ ставленникомъ боговъ или даже самъ божествомъ, для котораго всѣ остальные люди могли быть лишь рабами¹⁾. Параллельно съ развитїемъ представленїа о такой идеальной монархїи шло развитїе и идейнаго космополитизма. О политическомъ настроенїи грековъ въ IV в. мы не можемъ судить по государственнымъ теорїямъ Платона и Аристотеля, хотя они были величайшими философами не только своего времени, но и всей

¹⁾ См. выше, стр. 11—12, гдѣ говорится о Людовикѣ XIV и Фридрихѣ II.

древности. Въ политикѣ оба они идеализировали старинное маленькое государство, т.-е. городъ (πόλις), территорію котораго можно окинуть однимъ взглядомъ, гражданъ котораго можно собрать въ одномъ мѣстѣ¹⁾, когда жизнь уже давно переросла эту политическую форму. Съ другой стороны, особенно Аристотель настаивалъ на томъ, что одни люди по природѣ свободны, а другіе по природѣ же рабы, и что къ свободѣ призваны одни греки, варвары же обречены на рабство²⁾. Софистическій индивидуализмъ, подрывавшій старыя религіозныя, національныя и политическія основы жизни, велъ къ космополитизму, и въ томъ же направленіи развивались нѣкоторыя ученія, вышедшія изъ школы Сократа. Напримѣръ, знаменитый Діогенъ, анекдотическая встрѣча котораго съ Александромъ Македонскимъ всѣмъ хорошо извѣстна, самъ называлъ себя „гражданиномъ вселенной“, по-гречески „космополитомъ“ (κοσμοπολίτης) и говорилъ, что единственное правильное государство есть то, которое заключаетъ въ себѣ всю вселенную³⁾. Такой „космополисъ“, пользуясь греческимъ терминомъ, — имѣвшимъ въ древности, впрочемъ, другое значеніе, — т.-е. такое вселенское государство не было, конечно, идейнымъ воспроизведеніемъ всемірной монархіи персовъ. Здѣсь на первомъ планѣ было не владычество одного народа надъ цѣлымъ міромъ, а принадлежность всѣхъ народовъ міра, на правахъ равенства, къ одному великому цѣлому, къ вселенскому гражданству.

Какія же, спрашивается теперь, идеи легли въ основаніе монархіи Александра Македонскаго, тѣ ли принципы, которые уже были осуществлены въ дѣйствительности персидскимъ царствомъ, или тѣ идеалы, которые были только достояніемъ мыслящей части греческаго общества, выросши, однако, на общей почвѣ свободного политическаго развитія и широкой умственной дѣятельности грековъ въ VI—IV вв. до нашей эры? А ригорі вопросъ этотъ, конечно, можетъ быть рѣшенъ только въ первомъ смыслѣ: всемірная монархія персовъ подъ произвольною властью деспота была уже фактомъ, всемірное гражданство подъ управленіемъ разумнаго и добродѣтельнаго монарха — только идеаломъ. Но, кромѣ идей,

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 5, 219 и др.

²⁾ Тамъ же, стр. 224.

³⁾ Тамъ же, стр. 215.

въ исторіи дѣйствуютъ и привычки, а съ этой стороны у грековъ привычки были разныя: не даромъ же и прежде масса грековъ находилась на службѣ у персидскаго царя, на котораго другіе греки смотрѣли только, какъ на деспота. Историческая наука добываетъ свои истины, впрочемъ, не такими отвлеченными соображеніями, а опирается, главнымъ образомъ, на фактическія данныя.

Прежде всего, чего хотѣлъ и какъ понималъ свою задачу самъ завоеватель Персіи? Личность Александра Македонскаго вообще очень сильно занимала историковъ. Это вполне понятно въ виду важнаго значенія Александра въ исторіи. Очень часто, однако, во взглядахъ, высказывающихся о македонскомъ завоевателѣ Востока, психологическая точка зрѣнія преобладала надъ историческою и специальная надъ общею. Историческая точка зрѣнія въ каждой біографіи выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о значеніи даннаго лица, какъ общественнаго дѣятеля своей эпохи, психологическая — характеристику его, какъ своеобразной индивидуальности, и тамъ, гдѣ ученый подходитъ къ своему предмету со скальпелемъ анатома для анализа, тамъ художникъ съ рѣзцомъ скульптора производитъ свою синтетическую работу творческаго воспроизведенія: тутъ научно-историческій интересъ уступаетъ мѣсто художественно-психологическому. Съ другой стороны, Александромъ интересовались, какъ великимъ полководцемъ, слѣдовательно, со специально военной точки зрѣнія, которая заставляла, напр., по поводу походовъ македонскаго царя вспоминать походы другихъ великихъ полководцевъ, напр., Цезаря и Наполеона¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и при общепсихологическомъ и при специально-милитарномъ отношеніи къ Александру весь интересъ къ нему сосредоточивался на его личности, а не на его исторической роли, да и сама эта роль разсматривалась, какъ одинъ изъ составныхъ

¹⁾ Новѣйшіе писатели склонны умалить значеніе Александра, какъ полководца. По отзыву Белоха (Griechische Geschichte, III, 66), „Александръ не былъ ни великимъ государственнымъ человѣкомъ, ни великимъ полководцемъ. Самыя замѣчательныя свои побѣды онъ одержалъ въ возрастѣ 21—25 лѣтъ; ясно, что въ этомъ возрастѣ нельзя быть значительнымъ стратегомъ и тактикомъ, какъ ясно и то, что нельзя руководить сраженіемъ, бросаясь лично въ битву во главѣ конницы, какъ это постоянно дѣлалъ Александръ“.

элементовъ этой личности. Современное направление исторической науки рѣшительно высказывается за „коллективизмъ“ противъ „индивидуализма“, за научный анализъ социальныхъ факторовъ противъ исключительно біографическаго синтеза, и въ этомъ смыслѣ насъ больше должны интересовать социальные, т.-е. экономическія и политическія причины и условия, создавшія монархію Александра въ связи съ культурными слѣдствіями и результатами этого крупнаго историческаго факта, чѣмъ рѣшеніе вопроса о внутреннемъ мирѣ самого завоевателя, хотя этимъ и не устраняется еще вопросъ и объ этомъ внутреннемъ мирѣ, какъ объ одномъ изъ слагаемыхъ, вошедшемъ въ составъ изучаемой сложной причины историческаго факта. Въ свое время былъ такой взглядъ на великихъ людей, что въ исторіи они—все и именно они одни, взглядъ, нашедшій наиболѣе рѣзкое свое выраженіе у Карлейля, въ его „Герояхъ и о героическомъ въ исторіи“, но этотъ взглядъ столь же невѣренъ въ своей односторонности, какъ и тотъ, который ему противопоставилъ Левъ Толстой въ историко-философскихъ разсужденіяхъ „Войны и Мира“¹⁾, гдѣ великіе люди разсматриваются, какъ ничто, какъ одни нули или простые ярлыки историческихъ событій. Ни то, ни другое: никакія отдѣльныя личности не могутъ быть „всѣмъ“ въ потокѣ событій, въ которыхъ онѣ принимали участіе, но тоже не могутъ быть такъ-таки и „ничѣмъ“, разъ что-нибудь они въ этихъ событій совершали. Каждый изъ участниковъ того или другаго событія всегда есть въ этомъ событіи „нѣчто“ и, конечно, „нѣчто“ далеко не одинаковаго значенія: и Александръ Великій, и послѣдній греческій воинъ, принимавшій участіе въ его походахъ, оба были отдѣльными дѣятелями совершавшихся событій, но, понятно, это были величины далеко не одинаковыя, и для того, чтобы перевѣсить волю одного Александра, когда онъ задумалъ идти въ область Ганга, нужна была сумма воль множества воиновъ, составлявшихъ его войско, которая и остановила его дальнѣйшій завоевательный походъ въ Индію. Съ этой точки зрѣнія, личная инициатива, личная энергія, личная дѣятельность Александра въ ходѣ событій значила неизмѣримо больше, чѣмъ намѣренія, воля и поведеніе любого изъ воиновъ,

¹⁾ См. статью „Историческая философія гр. Л. Н. Толстого“ во 2 изд. моихъ „Соціологическихъ и историко-философскихъ этюдовъ“. Спб. 1899.

участвовавшихъ въ его походахъ¹⁾. Съ такой точки зрѣнія исполнѣ законенъ и чисто научно-историческій интересъ къ вопросу о томъ, какія задачи ставилъ себѣ Александръ, сколько усилій вложилъ онъ и въ осуществленіе и какіе результаты дала его дѣятельность для дальнѣйшаго хода исторіи.

По данному вопросу въ исторической литературѣ нѣтъ исполнѣ согласнаго мнѣнія, и личность Александра то идеализируется, то, наоборотъ, подвергается строгому суду. Идеализацию македонскаго строя представляетъ собою, наприм., знаменитая историческая характеристика Александра, принадлежащая Грановскому, историческое міросозерцаніе²⁾ котораго необходимо принимать въ расчетъ при общей оцѣнкѣ его взгляда. Грановскій самъ готовъ былъ признаться въ пристрастіи къ Александру, если бы ему сдѣлали такой упрекъ, но, оговаривается онъ, „историку, внимательно изучающему памятники, которые содержатъ въ себѣ подробности о жизни и дѣлахъ македонскаго завоевателя, трудно устоять противъ собственнаго увлеченія, трудно не поддаться обаянію этого властительнаго даже за гробомъ лица“³⁾. Въ сущности, характеристика Александра у Грановскаго примыкаетъ къ давно сложившейся традиціи прославленія македонскаго „героя“, представителями которой въ древности былъ Арріанъ, писатель II в. по Р. Х., а въ новѣйшія времена, напр., нѣмецкій историкъ Дройзенъ, авторъ „Исторіи Александра Великаго“⁴⁾. Сущность этой традиціи заключается вообще въ возвеличеніи Александра и въ частности въ приписываніи ему грандіозныхъ замысловъ, имѣвшихъ своею цѣлью благо и просвѣщеніе всего человѣчества. Но рядомъ съ неумѣренными восторгамъ передъ македонскимъ героемъ совершалась и болѣе спокойная, критическая оцѣнка его дѣятельности, напр., въ первой половинѣ XIX в. такими учеными, какъ Нибуръ или Гротъ, изъ которыхъ особеннымъ объективизмомъ сужденія

¹⁾ См. мою книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“. Спб. 1890 г.

²⁾ См. статью „Историческое міросозерцаніе Грановскаго“ въ моихъ „Соціологическихъ и историко-философскихъ этюдахъ“ (изд. 2).

³⁾ Сочиненія Т. Н. Грановскаго, II, 371 (по 3 изд. М. 1892).

⁴⁾ Книга вышла въ свѣтъ въ 1833 г. Позднѣе (1843) Дройзенъ писалъ объ Александрѣ въ своей „Исторіи эллинизма“, переведенной порусски въ 1891 г. (томъ I).

объ Александрѣ отличался послѣдній. Старые взгляды, однако, все еще держатся въ исторической литературѣ и до настоящаго времени ¹⁾).

Что результаты дѣятельности Александра Македонскаго были громадны, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, и что главный изъ этихъ результатовъ заключался въ распространеніи эллинизма на Востокъ, это тоже вполнѣ вѣрно, но весьма рискованно отъ этихъ результатовъ со всѣми дальнѣйшими ихъ слѣдствіями въ исторіи Востока и Европы, заключать къ тому, что именно полученіе всего дѣйствительно совершившагося въ общемъ ходѣ цивилизаціи, и было лишь осуществленіемъ сознательнаго намѣренія, съ какимъ Александръ предпринялъ свои завоеванія, или что Александръ былъ единственнымъ виновникомъ побѣды греческой культуры надъ восточными. Собственною мыслью Александра было покореніе вселенной, т.-е. всемірное владычество въ буквальномъ, а не риторическомъ значеніи этого слова, что при тогдашнихъ географическихъ знаніяхъ могло казаться легко достижимымъ. Голова Александра въ послѣдніе годы его жизни была полна планами новыхъ и новыхъ завоеваній. Онъ готовился къ морскому походу для подчиненія себѣ всей Аравіи, на южномъ берегу которой предполагалъ построить городъ. Другая экспедиція, подъ предводительствомъ самого царя, должна была по сѣверному берегу Африки идти на Кароагенъ, завоевать и его, покорить власти Александра весь сѣверный берегъ Африки, до самыхъ Геркулесовыхъ столбовъ, и противоположные берега Средиземнаго моря въ Европѣ до Апеннинскаго полуострова включительно. Имѣлись въ виду и земли, лежавшія за Дунаемъ на сѣверъ отъ Чернаго и Азовскаго морей, а одновременно и на Каспійскомъ морѣ тоже строился флотъ, предназначавшійся для экспедиціи къ сѣвернымъ берегамъ и этого также моря. Зная честолюбіе Александра, трудно также предположить, чтобы онъ совсѣмъ отказался отъ своей мысли о завоеваніи всей Индіи. Правда, извѣстія о нѣкоторыхъ изъ этихъ замысловъ мы имѣемъ лишь въ позднѣйшихъ источникахъ исторіи Александра, но во всемъ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и во всякомъ случаѣ дви-

¹⁾ См. напр., переведенную и по-русски „иллюстрированную историческую монографію“ проф. В. Уилера „Александръ Македонскій“ (Спб. 1900).

жущею силою Александра была его мысль о покореніи себѣ все новыхъ и новыхъ странъ, а не желаніе доставить торжество греческой цивилизаціи изъ преданности ей или изъ заботы о благѣ человѣчества, которое должно было отсюда получиться.

Съ этимъ стремленіемъ къ міродержавству, которое, несомнѣнно, было возобновленіемъ традицій Кира, Камбиза и Дарія,—а, въ болѣе отдаленныя времена, еще царей Ассиріи,—гармонировало и то космополитическое настроеніе, которое характеризуетъ поведеніе Александра по отношенію къ азіатамъ. Македоняне и греки ставили въ вину своему вождю, что онъ равняетъ съ ними покоренныхъ персовъ, тогда какъ сами они, какъ народъ завоевателей и народъ высшей культуры, хотѣли господствовать надъ побѣжденными варварами. Новѣйшіе историки, наоборотъ, ставятъ это Александру въ величайшую заслугу. „Онъ, говоритъ, напр., Грановскій, повторявшій въ данномъ случаѣ ходячую мысль своего времени,— онъ объявилъ, что въ его царствѣ не можетъ быть различія между побѣдителями и побѣжденными, что и тѣ и другіе должны слиться въ одну народность, подъ сѣнь одной высшей цивилизаціи. Идея,—продолжаетъ нашъ историкъ,— была безконечно велика, но могли ли современники возвыситься до нея? Не говорю уже о македонскихъ офицерахъ, которые громко роптали на того, кто, по ихъ мнѣнію, отнималъ у нихъ купленную ихъ кровью добычу, и смотрѣли на персовъ, какъ на рабовъ. Изъ самой Греціи раздавались обвинительные, исполненные упрековъ голоса. Даже Аристотель нашель нужнымъ предостеречь своего ученика и написалъ къ нему письмо, въ которомъ доказывалъ невозможность равенства между греками и варварами... Александръ понималъ эти отношенія иначе и выше. Для него, уже переступившаго черезъ рубежъ завѣтныхъ греческихъ воззрѣній, различіе между эллиномъ и варваромъ не имѣло другого значенія, кромѣ высшей и низшей образованности. Онъ хотѣлъ удѣлить своимъ новымъ подданнымъ часть тѣхъ духовныхъ благъ, которыя до него были исключительнымъ достояніемъ одного народа“ ¹⁾).

¹⁾ Сочиненія Т. Н. Грановскаго, II, 361—362. Въ книгѣ В. Уилера читаемъ: „Въ душѣ Александра, взамѣнъ націоналистической идеи подчиненія Востока Западу, созрѣвала космополитическая идея объ основаніи всемірной имперіи, всѣ части которой были бы равноправны“, стр. 128.

Вопросъ, однако, такъ ли это, т.-е. дѣйствительно ли Александръ „переступилъ рубежъ завѣтныхъ греческихъ воззрѣній“ и былъ, — выразимся уже такъ, — сторонникомъ зарождающагося философскаго космополитизма и сознательнымъ предшественникомъ позднѣе развившагося христіанскаго универсализма, въ которомъ не было ни варваровъ, ни эллиновъ, ни іудеевъ¹⁾. Мы не имѣемъ никакихъ подлинныхъ заявленій самого Александра о томъ, что всемірную имперію онъ понималъ въ смыслѣ всемірнаго гражданства, „когда, какъ говоритъ Пушкинъ, народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“, да и будь у насъ въ рукахъ такое заявленіе, одно оно еще не могло бы служить прямымъ доказательствомъ того, что таковъ на самомъ дѣлѣ былъ идеалъ Александра: примѣръ громкихъ заявленій Наполеона I всегда могъ бы играть роль основанія для извѣстнаго скептицизма. Все дѣло — въ нашемъ толкованіи намѣреній Александра, а болѣе соответствующимъ истинѣ будетъ то толкованіе, которое мы находимъ уже, напр., у Грота въ его „Исторіи Греціи“.

Если въ пестрой смѣси народовъ, какую представляла собою Персія, было слабо развито національное чувство, то самъ Александръ, какъ выражается Гротъ, „относился еще съ болѣшимъ равнодушіемъ къ какой бы то ни было національности“. Если, далѣе, отсутствіе національныхъ предразсудковъ часто ставили ему въ заслугу, то, по мнѣнію того же историка, „они замѣнялись въ немъ иными и гораздо худшими недостатками, именно колоссальнымъ чувствомъ своего личнаго превосходства и безграничнымъ самолюбіемъ“. Извѣстно, что Александръ самъ готовъ былъ вѣрить въ свое божественное происхожденіе, а „эта вѣра, продолжаетъ Гротъ, поднимая его надъ мыслью о принадлежности къ какой бы то ни было опредѣленной національности, вмѣстѣ съ тѣмъ

„Главною его цѣлью, проглядывающей во всѣхъ его дѣлахъ, словахъ и начинаніяхъ, слѣдуетъ считать сліяніе въ одно цѣлое, въ кооперативную имперію, всѣхъ народовъ, принадлежавшихъ къ двумъ (?) первоначальнымъ цивилизаціямъ, къ двумъ духовнымъ центрамъ, вокругъ которыхъ тогда, какъ и теперь, группировалось и группируется все человѣчество — сліяніе Востока съ Западомъ, ориентализма съ окцидентализмомъ“, стр. 137.

¹⁾ „Распространеніе христіанства доказываетъ жизненность и живучесть идеи Александра Македонскаго“, думаетъ уже цитированный Уилеръ.

внушала ему представленіе о томъ, что все человѣчество должно подчиняться единому скипетру, который онъ держитъ въ своей рукѣ. Къ этой универсальной имперіи по господствовавшимъ тогда понятіямъ ближе всего подходилъ персидскій царь. Вотъ почему Александръ, какъ только его усилія увѣнчались побѣдою, занялъ положеніе и присвоилъ себѣ притязанія низверженнаго имъ персидскаго владыки... Съ этого времени онъ сдѣлался болѣе похожимъ на перса, нежели на македонянина или на грека“. Если, далѣе, Александръ и не хотѣлъ признавать различія между греками и варварами, о которомъ писалъ ему Аристотель, совѣтовавшій быть лишь вождемъ первыхъ и полнымъ властелиномъ послѣднихъ, то только потому, что „обращался съ греками и азіатами одинаково, не возвышая послѣднихъ, а лишь унижая первыхъ“, какъ выражается англійскій историкъ. „Вмѣсто того, чтобы эллинизировать Азію, онъ болѣе стремился къ тому, чтобы азіатизировать Македонію и Элладу“¹⁾.

Изъ новѣйшихъ ученыхъ къ такому взгляду на монархію Александра Македонскаго примкнулъ было и нѣмецкій историкъ Юлій Керстъ, авторъ не оконченной еще „Исторіи эллинистической эпохи“²⁾. Свое мнѣніе о томъ, что монархія Александра выросла не изъ македонскихъ или греческихъ, а изъ чисто восточныхъ основъ, онъ высказалъ сначала въ одной небольшой статьѣ, но потомъ онъ нѣсколько его видоизмѣнилъ въ своихъ „Этюдахъ о развитіи и теоретическомъ обоснованіи монархической власти въ древности“³⁾, признавъ, что и въ личности, и въ правительственной системѣ Александра сказалось вліяніе греческихъ индивидуалистическихъ и космополитическихъ тенденцій эпохи⁴⁾. Керстъ не думаетъ, въ концѣ концовъ, чтобы Александръ только продолжалъ прежнюю политику персидскихъ царей, не внося ничего новаго въ ихъ систему. Мы видѣли, что въ смыслѣ организаціи универсальной монархіи персы сравнительно съ ассирийцами сдѣлали шагъ впередъ⁵⁾, но Александръ по-

¹⁾ См. нѣмецкій переводъ *Meisner'a* и *Höpfner'a*, т. VI, стр. 630 — 632.

²⁾ *J. Kaerst* Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Lpzg. 1901.

³⁾ См. названіе этой работы выше, стр. 141, примѣч. 1.

⁴⁾ См. именно стр. 41 названной работы Керста.

⁵⁾ См. выше, стр. 119 и слѣд.

шелъ и еще дальше по пути бюрократизаціи управленія государствомъ. Онъ вполне усвоилъ себѣ восточное представленіе о пропасти, существующей между царемъ, какъ на мѣстникомъ или отображеніемъ божества, и простыми смертными и хотѣлъ заставить своихъ европейскихъ подданныхъ подчиниться персидскому обычаю благоговѣйнаго паденія ницъ (*προσκύνησις*) передъ царскою особою. Но, говоритъ Керстъ, есть одна „характеристическая черта, которая въ значительной степени отличаетъ господство Александра отъ власти его восточныхъ предшественниковъ“, и она заключается въ „чисто личномъ принципѣ государства, въ обоснованіи высшей власти на личности властвующаго индивидуума, какъ такового“¹⁾. Идея о томъ, что въ особѣ государя заключается истинное организующее начало и все сосредоточеніе государственной жизни, и что изъ нея все должно исходить и къ ней все тяготѣть, по мнѣнію Керста, была не восточнаго, а греческаго происхожденія. Самое обоготвореніе царствующаго государя въ монархіи Александра и въ эллинистическихъ царствахъ новѣйшій историкъ тоже старается свести и къ греческому культу героевъ, отличному, въ сущности, отъ культа боговъ. Какъ, однако, ни старается Керстъ вывести новый, совсѣмъ для грековъ непривычный характеръ царской власти Александра изъ греческихъ же началъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ не подчеркнуть того, что все-таки у этой новой политической идеи было множество точекъ соприкосновенія съ восточными воззрѣніями и учрежденіями, и что именно на Востокѣ эта новая идея только и могла найти наиболѣе благоприятную почву для своего осуществленія.

И другіе новѣйшіе историки настаиваютъ на томъ, что полное осуществленіе плановъ Александра привело бы къ господству восточныхъ началъ надъ греческими. Такъ смотритъ на дѣло, напр., Кёппъ, авторъ популярной біографіи Александра Македонскаго, прямо даже отмѣчая несоотвѣтствіе или несовпаденіе (*Inkongruenz*) между историческимъ и личнымъ значеніемъ Александра²⁾. Тѣмъ легче, по его мнѣ-

¹⁾ *Kaerst*, I, 383.

²⁾ *Fr. Koepf*. Alexander der Grosse. 1899. Стр. 4. Белохъ въ только-что вышедшемъ въ свѣтъ третьемъ томѣ своей „*Griechische Geschichte*“ (стр. 66) говоритъ, что Александръ вовсе не былъ великимъ государственнымъ

нiю, Александръ могъ бы сплотить свое царство, чѣмъ больше бы онъ отвращался отъ эллинизма и чѣмъ рѣшительнѣе шелъ бы по пути деспотической политики прежнихъ восточныхъ царствъ, и въ Вавилонѣ, въ которомъ сосредоточилась бы государственная жизнь громадной державы, совершенно заглохла бы греческая культура, такъ что для послѣдней распаденіе монархіи Александра, по мнѣнію Кёппа, было великимъ благодѣяніемъ.

Не подлежитъ вообще никакому сомнѣнію, что Александръ сознательно стремился къ слиянію побѣдителей и побѣжденныхъ и прежде всего къ слиянію македонянъ и персовъ, двухъ главныхъ въ политическомъ и военномъ отношеніи національностей, которыя повидимому, и впредь должны были занимать привилегированное положеніе въ его монархіи. Взявъ себѣ въ жены одну изъ дочерей Дарія, онъ женилъ множество знатныхъ македонянъ на знатныхъ же персіянкахъ, а въ македонскую армію взята была масса молодыхъ иранцевъ, получившихъ и соотвѣтственное воспитаніе. При этомъ Александръ всячески поощрялъ старыхъ своихъ подданныхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они сами искали сближенія съ персами, но лишь сравнительно немногіе шли на встрѣчу желаніямъ царя. Наоборотъ, противъ этой политики Александра въ македонскомъ войскѣ существовала сильная оппозиція, которая готова была даже разразиться бунтомъ. Такъ, когда въ 324 г. онъ задумалъ отпустить на родину часть македонскихъ воиновъ, богато ихъ при этомъ одаривъ, его намѣреніе было принято за желаніе совсѣмъ отдѣлаться отъ македонянъ, и въ лагерѣ громко стали говорить, что, пожалуй, царю лучше и всѣхъ воиновъ отъ себя отправить и вести войну вдвоемъ со своимъ отцомъ (т.-е. Зевсомъ, котораго отождествляли съ Аммономъ). Дѣло доходило до того, что Александръ окружилъ себя стражею, состоявшею изъ однихъ только персовъ, и многихъ персовъ назначилъ на высшія военныя должности. Это произвело такое сильное впечатлѣніе на войско, что оно смирилось, и мир-

нымъ человѣкомъ (ср. выше, стр. 145, примѣчаніе). „Его романтическое настроеніе, прибавляетъ онъ, влекло его къ политически ненужнымъ и потому вреднымъ предпріятіямъ, въ родѣ похода въ Индію, или къ мѣрамъ прекраснымъ въ теоріи, но на практикѣ неосуществимымъ, какова была попытка ввести равенство въ положеніе эллиновъ и варваровъ“.

ная побѣда, одержанная Александромъ надъ арміею, позволила ему только еще смѣлѣе проводить въ жизнь свою политическую систему. Керсть ставить и это стремленіе къ смѣшенію и слиянію національностей въ тѣсную связь съ тою идеею, что связующимъ звеномъ, приводящимъ къ единству всѣ части монархіи, являлась лишь особа государя. Космополитическому стремленію Александра не противорѣчало то, что для персовъ онъ хотѣлъ быть наслѣдникомъ Ахеменидовъ, для египтянъ — преемникомъ фараоновъ, для вавилонянъ — преемникомъ и ихъ царей. Лучшее всего о его стремленіи нивелировать всѣхъ подданныхъ монархіи говорить намъ его предсмертный планъ массовыхъ переселеній жителей Европы въ Азію и жителей Азіи въ Европу и смѣшеніе всѣхъ ихъ посредствомъ брачныхъ узъ и взаимныхъ сношеній. Керсть готовъ и здѣсь усматривать нѣкоторое вліяніе идей греческой философіи, выражаясь, впрочемъ, на этотъ счетъ осторожно, но вѣдь ассирійскіе, а иногда и персидскіе цари поступали совершенно такъ же ¹⁾. Распространеніе высшей греческой культуры должно было, конечно, явиться слѣдствіемъ этой политики, но оно не было цѣлью основанія всемірной монархіи, какъ многіе хотѣли думать. Она, это вселенское царство, въ себѣ самой носила цѣль своего существованія, и объединялось это царство особою государя. Говорятъ, что Александръ основалъ около семидесяти городовъ, нѣкоторые изъ коихъ были построены на крайнихъ восточныхъ границахъ монархіи, но большая часть этихъ городовъ представляла собою крѣпости, въ которыхъ стояли греко-македонскіе гарнизоны, и, конечно, цѣль ихъ основанія была военная, а не культурная, какъ готовы думать историки, исходящіе изъ той идеи, что Александръ предпринялъ завоеваніе Азіи ради распространенія въ ней греческой образованности. Оно, конечно, является слѣдствіемъ его завоевательной дѣятельности, и онъ его даже поощрялъ, но въ тоже время стремленіемъ его было уничтожить политическую самостоятельность греческой націи, предоставивъ ей лишь первенствующую роль въ культурномъ и торговомъ отношеніяхъ ²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 103 и слѣд.

²⁾ Александра Македонскаго часто въ XIX в. сопоставляли съ Наполеономъ I, какъ полководца. Мнѣ приходитъ въ голову иное сопоста-

Въ экономической исторіи древняго міра монархія Александра является въ высшей степени важнымъ моментомъ. Новые города, новые пути сообщенія, обязанные своимъ существованіемъ инициативѣ Александра, появленіе массы монеты, отчеканенной изъ золота и серебра хранившихся въ сокровищницахъ персидскаго царя, самыя переселенія жителей изъ однихъ частей монархіи въ другія, — все это способствовало оживленію торговли. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ было уже упомянуто, совершалось перемѣщеніе торгово-промышленныхъ центровъ изъ собственной Греціи на Востокъ ¹⁾. Хотя большая часть городовъ, основанныхъ Александромъ, и были военныя колоніи, но многія изъ нихъ сдѣлались важными торговыми центрами, каковыми были, кромѣ египетской Александріи, города того же имени у Персидскаго залива, въ Аріи (нынѣшній Гератъ) или въ Арахозіи (нынѣшній Кандахаръ). До Александра чеканка лишь золотой монеты была царскою привилегіею, а серебряная чеканилась и сатрапами, и городами, что приводило къ настоящему монетному хаосу, но Александръ сдѣлалъ и изъ серебряной монеты свою регалию.

Что касается до устройства управленія монархіею, то объ этомъ мы знаемъ очень мало. Въ общемъ Александръ оставилъ персидское дѣленіе территоріи на сатрапіи, но только во главѣ отдѣльныхъ такихъ областей сначала онъ ставилъ однихъ македонскихъ офицеровъ съ прежнимъ титуломъ сатраповъ, и лишь послѣ битвы при Арбелѣ, когда онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на законнаго повелителя Азіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ началъ оставлять сатрапами и персовъ, отнявъ у нихъ, однако, военную власть. Коменданты наиболѣе важныхъ крѣпостей, впрочемъ, повсюду были изъяты изъ подъ власти сатраповъ, а для финансоваго управленія нѣсколько сатрапій соединялось въ одну большую область, которая отдавалась въ завѣданіе одного довѣреннаго лица. Внутренніе распоряженія были вездѣ оставлены въ прежнемъ вленіи между ними. Во время экспедиціи въ Египетъ (и Сирію) у Наполеона былъ планъ обращенія французской арміи въ мусульманство для лучшаго успѣха на войнѣ, которая могла бы въ такомъ случаѣ окончиться основаніемъ на Востокѣ новаго царства и, конечно, не для утверженія въ немъ „принциповъ 1789 г.“. Это напоминаетъ и общій духъ политики Александра.

¹⁾ См. выше, стр. 132—133.

ихъ видѣ, и, напр., въ финикійскихъ и кипрскихъ городахъ продолжали править по старому мѣстные „дари“ и суфеты, въ Иерусалимѣ сохранилась теократія, въ греческихъ городахъ только вмѣсто олигархіи, стоявшей на сторонѣ персовъ, вводилась демократія. Персидская финансовая система тоже была оставлена въ прежнемъ видѣ. Военныя предпріятія Александра поглощали массу денегъ, и бывали моменты, когда въ его казнѣ чувствовался недостатокъ, который, однако, скоро восполнялся новою добычею. Введеніе болѣе упорядоченной финансовой системы было дѣломъ уже преемниковъ Александра.

Въ заключеніе отмѣтимъ одинъ весьма важный фактъ— появленіе при дворѣ Александра торжественныхъ посольствъ изъ странъ, окружающихъ западную часть Средиземнаго моря, хотя, къ сожалѣнію, объ этомъ фактѣ мы знаемъ очень мало, и многое здѣсь возбуждаетъ сомнѣнія, какъ, напр., сохранившееся у Плинія извѣстіе греческаго историка Клитарха, будто въ числѣ посольствъ, прибывшихъ на поклонъ къ Александру, были и римляне. Мнѣнія современныхъ ученыхъ относительно достовѣрности этого извѣстія раздѣлились, тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху самое имя Рима въ Греціи было неизвѣстно, да и городъ этотъ мало чѣмъ выдѣлялся среди другихъ городовъ Италиі. Сомнѣнію подвергается нѣкоторыми историками также возможность пріѣзда къ Александру и кареагенскаго посольства, хотя въ этомъ и невѣроятнаго ничего нѣтъ, потому что могущество новаго владыки Востока должно было встревожить кареагенянъ, особенно послѣ паденія Тира, бывшаго метрополіей Кареагена, и послѣ основанія Александріи. Во всякомъ случаѣ, фактъ пріѣзда къ Александру посольствъ съ крайняго запада весьма знаменателенъ, но не менѣе знаменательно и то обстоятельство, что отношенія къ Александру и Рима, и Кареагена, которые въ слѣдующемъ столѣтіи начали между собою борьбу за обладаніе Западомъ, остаются для насъ совершенно невыясненными. Дѣло въ томъ именно, что въ эпоху Александра страны, окружающія западную часть Средиземнаго моря, оставались еще въ сторонѣ отъ главной всемірно-исторической сцены, и потребовалось еще не мало времени для того, чтобы и онѣ были втянуты въ сложную систему политическихъ взаимодействій, начавшихся на Востокѣ.

ГЛАВА XII.

Эллинистическія царства.

Распаденіе монархіи Александра Македонскаго. — Общее понятіе эллинизма. — Основой характеръ эллинистической государственности. — Положеніе греческихъ политій въ эллинистическихъ царствахъ. — Восточныя черты въ устройствѣ Египта эпохи Птолемеевъ. — Основная организація Сирійскаго царства Селевкидовъ — Пергамское царство. — Греческія политіи, сохранившія свободу. — Разрушеніе партикуляризма въ греческомъ мірѣ. — Смѣшеніе народовъ и взаимодействіе культуръ въ эллинистическихъ царствахъ. — Попытка Антиоха Эпифана навязать евреямъ эллинскую культуру. — Значеніе эллинистической эпохи въ экономическомъ развитіи древняго міра. — Покореніе эллинистическихъ царствъ въ Передней Азіи и въ Египтѣ Римомъ и мнѣніе Полибія объ исторической его роли. — Еврейскій отзывъ о римлянахъ. — Эллинистическое влияніе въ римской исторіи.

По смерти Александра Македонскаго въ 323 г. немедленно началось разрушеніе его державы вслѣдствіе раздоровъ между его полководцами и намѣстниками. Главными царствами, которыя выдѣлились изъ общей монархіи, и которыя принято называть эллинистическими, были Македонское, Египетское и Сирійское. Послѣднее было самымъ обширнымъ, потому что около 300 г. до Р. X. простиралось отъ сирійскаго побережья Средиземнаго моря до Инда, но оно постепенно уменьшалось въ своихъ размѣрахъ, причемъ восточная его граница все болѣе и болѣе отступала на западъ, главнымъ образомъ съ середины III в. до Р. X., подъ натискомъ Паряанскаго царства Арсакидовъ, бывшаго результатомъ иранской реакціи противъ эллинизма. Еще въ 200 г. до Р. X. Сирійское царство владѣло теченіемъ Евфрата и Тигра, но въ срединѣ II столѣтія паряяне завладѣли и Месопотаміей съ Вавилоніей. Страны между Эгейскимъ и Каспійскимъ морями, т.-е. Малая Азія, Армения и Атропатенская Мидія равнымъ образомъ не вошли въ составъ Сирійскаго царства, хотя оно и дѣлало попытки расширить свои границы къ сѣверу, и здѣсь образовались, какъ было уже раньше сказано ¹⁾, царства Пергамское, Вионское, Понтій-

¹⁾ См. выше, стр. 136.

ское (всѣ три по южному берегу Мраморнаго и Чернаго морей), Каппадокійское (къ югу отъ Понтійскаго) и Армянское. Палестина, доставшаяся сначала Египту, впоследствии вошла въ составъ Сирийскаго царства, которое само въ эпоху римскаго завоеванія уже ограничивалось областю между Средиземнымъ моремъ и среднимъ теченіемъ Евфрата.

Царства преемниковъ Александра Македонскаго или такъ называемыхъ „діадоховъ“ (διάδοχοι) принято въ настоящее время обозначать, какъ „эллинистическія“, въ связи съ понятіемъ „эллинизма“, въ свою очередь обозначающимъ вообще греческую культуру послѣ Александра Македонскаго, когда она широко распространилась внѣ своей первоначальной родины. Это было время, когда греческая культура получила универсальное, мировое значеніе вышедшей далеко за предѣлы породившей ее національности, и когда поэтому слово „эллинь“ стало до известной степени обозначать только принадлежность къ греческой культурѣ, а не греческое происхожденіе. Уже Исократъ, современникъ отца Александра Македонскаго, говорилъ, что „имя эллиновъ относится не къ происхожденію, а къ образу мыслей“ (διάνοια), и что „скорѣе слѣдуетъ называть эллинами тѣхъ, которые получили эллинское воспитаніе, чѣмъ тѣхъ, которые только одной съ ними природы“¹⁾. Выше уже было сказано о распространеніи греческаго языка въ эту эпоху и среди варваровъ, какъ универсальнаго языка высшей духовной культуры, и нужно только прибавить, что самый языкъ греческій, дробившійся раньше на разныя нарѣчія, въ эту эпоху приобретаетъ нѣкоторый общій литературный обликъ, который присущъ ему, именно какъ общему нарѣчію (κοινή διάλεκτος). Можно пойти еще далѣе и утверждать, что сущность эллинизма заключалась и не въ самомъ фактѣ распространности и господства греческаго языка, но въ общемъ духовномъ содержаніи культуры, въ той διάνοια, о которой говоритъ Исократъ, и въ этомъ смыслѣ, все то въ римской духовной культурѣ, что было ею заимствовано у грековъ, равнымъ образомъ можетъ быть отнесено къ понятію эллинизма. Въ такомъ толкованіи эллинизмъ есть не что иное,

¹⁾ Τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα μᾶλλον τοῦ γένους, ἀλλὰ τῆς διανοίας εἶναι, καὶ μᾶλλον Ἑλλήνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδείσεως ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας.

какъ совокупность всѣхъ элементовъ античной культуры, которые имѣютъ греческое происхожденіе, перешли отъ грековъ къ народамъ Востока и Запада и сопли съ мировой сцены лишь съ торжествомъ христіанства. Кромѣ внутреннихъ условій греческой жизни, которыя содѣйствовали разработкѣ этой культуры, два факта наиболѣе способствовали ея распространенію, а именно греческая колонизація на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря и завоеваніе греками Востока. Соответственно съ главною темой этой книги намъ нѣтъ надобности останавливаться на характеристикѣ эллинистической культуры въ духовномъ отношеніи, т.-е. въ областяхъ религіи и философіи, литературы и искусства, наконецъ, и положительнаго научнаго знанія, ибо все наше вниманіе должно быть сосредоточено на основныхъ чертахъ только эллинистической государственности, или внутренняго устройства и управленія эллинистическихъ монархій.

Какъ бы мы ни смотрѣли на личное отношеніе Александра Македонскаго къ греческимъ и восточнымъ политическимъ принципамъ, сущность дѣла заключается въ томъ, что тѣ изъ царствъ, образовавшихся изъ его монархіи, въ которыхъ наиболѣе силенъ былъ греческій элементъ (Египетъ, Сирія, мало-азіатскія царства, особенно Пергамъ), все-таки раньше были, — за исключеніемъ одной Македоніи, — областями громадной восточной деспотіи. Діадохи являются передъ нами преемниками не только самого Александра, но и тѣхъ персидскихъ, вавилонскихъ, ассирійскихъ и египетскихъ царей, наслѣдникомъ которыхъ былъ самъ македонскій завоеватель. Общая основная черта восточныхъ эллинистическихъ монархій — та, что въ нихъ власть принадлежала неограниченному государю, который видѣлъ въ государствѣ свою наслѣдственную собственность, управляя ею при помощи исключительно отъ него зависѣвшихъ агентовъ и опираясь главнымъ образомъ на военную силу, и который въ глазахъ своихъ подданныхъ являлся своего рода земнымъ богомъ. Александръ Македонскій царствовалъ слишкомъ недолго, слишкомъ много времени посвятилъ исключительно военной дѣятельности и поставилъ себѣ слишкомъ трудную задачу, чтобы оставить послѣ себя вполне установившійся государственный строй. Діадохамъ приходилось самимъ устраивать свои царства на тѣхъ основахъ, которыя были созданы всею предыдущею исторіей, и въ этомъ отношеніи

имъ пришлось многое въ жизни подвластныхъ имъ народовъ оставить такъ, какъ оно было раньше. Восточная государственность уже успѣла выработать цѣлый рядъ правительственныхъ учреждений и приемовъ, и царямъ эллинистической эпохи оставалось только совершенствовать эти учреждения и приемы при помощи слугъ, принадлежавшихъ по своему образованію къ культурѣ высшаго сорта и, конечно, вносившихъ въ дѣло болѣе ума, знанія и искусства. Отнюдь, однако, ни сами носители власти, ни ихъ помощники и слуги не были представителями чисто греческой политической идеи, т.-е. идеи самоуправляющагося государства - города или федераціи такихъ гражданскихъ общинъ. Каждое эллинистическое царство было болѣе или менѣе значительной страной, къ которой и невозможно было бы примѣнять порядки, пригодные для маленькихъ городовыхъ республикъ ¹⁾. Къ тому же коренное населеніе этихъ странъ состояло не изъ гражданъ въ греческомъ смыслѣ этого слова, т.-е. не изъ людей, привыкшихъ участвовать въ управленіи и судѣ ²⁾, а изъ подданныхъ, положеніе которыхъ напоминало грекамъ чисто рабское состояніе. Недаромъ Аристотель совѣтовалъ своему бывшему воспитаннику управлять варварами по господски, т.-е. деспотически (δеспωτικῶς), и діадохи, въ сущности, исполняли этотъ завѣтъ философа, какъ вытекавшій изъ самаго существа ихъ положенія, какъ владыкъ египтянъ, сирійцевъ, вавилонянъ и другихъ азиатскихъ народовъ. Весьма естественно, что и греки, селившіеся среди туземныхъ подданныхъ, должны были подчиниться вѣками сложившемуся въ этихъ странахъ режиму, и въ этомъ отношеніи преемники Александра не слѣдовали совѣту Аристотеля управлять

¹⁾ Сирійское царство Селевкидовъ въ годъ смерти своего основателя занимало площадь въ три съ половиною милліона кв. километровъ, пространство, въ 7 разъ превышающее теперешнюю Францію. Правда, восточныя части царства были населены очень слабо, но и главная территория царства (Малая Азія, Сирія, Месопотамія и собственно Вавилонія) была больше Франціи. Египетское царство въ періодъ наибольшаго своего распространенія занимало около 120 т. кв. километровъ, т.-е. около половины теперешней Италіи (безъ большихъ острововъ), Македонія—отъ 70 до 90 т. кв. кил. Населенность Сирійскаго царства была милліоновъ 30, Египетскаго—10, Македонскаго—отъ 3 до 4.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 124 и слѣд.

греками не деспотически, а „гегемонически“ (ἡγεμονικῶς), т.-е. въ качествѣ простыхъ вождей свободнаго народа ¹⁾. Вотъ почему вездѣ содержалось постоянное войско, состоявшее изъ наемниковъ, и наиболѣе значительная часть сосредоточивалась обыкновенно въ столицѣ или по близости отъ нея.

Особую черту эллинистической государственности составляетъ обоготвореніе царской власти, которое постепенно установилось и въ Египтѣ, и въ Сиріи. Источникомъ этого явленія было египетское обоготвореніе фараоновъ, наслѣдниками которыхъ сдѣлались Птолемеи, а Селевкиды уже не хотѣли отставить отъ своихъ египетскихъ товарищей. Сначала апофеоза распространялась лишь на умершихъ государей, — что согласовалось и съ греческимъ культомъ „героевъ“, особенно основателей городовъ, — но мало-по-малу сталъ устанавливаться культъ и живого государя, правда, въ нѣкоторой связи съ культомъ Александра.

Но въ восточныхъ эллинистическихъ царствахъ, кромѣ грековъ, пришедшихъ съ завоевателемъ или переселившихся въ послѣдствіи, могли быть и старыя греческія политіи, т.-е. государства-города, вошедшія въ составъ новыхъ царствъ. Это особенно касается Сирійскаго царства, одно время владѣвшаго всею южною частью Малой Азіи, гдѣ былъ рядъ греческихъ колоній, затѣмъ Пергама, и, наконецъ, преимущественно Македоніи, пользовавшейся гегемоніей надъ государствами-городами европейской Греціи. Въ какихъ же отношеніяхъ стояли преемники Александра Македонскаго къ старой и для грековъ привычной формѣ городовыхъ республикъ? Этотъ вопросъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ послѣдствіи и Риму, подчинявшему себѣ цѣлыя области въ качествѣ „добычи“ державнаго народа, тоже приходилось

¹⁾ См. выше, стр. 140. Ср. новѣйшій итальянскій трудъ *Evaristo Breccia. Il diritto dinastico nelle monarchie dei successori d'Alessandro Magno. Roma. 1903.* Авторъ указываетъ на то, что въ этихъ монархіяхъ воплоти осуществлялась формула Людовика XIV: „l'état c'est moi“ (стр. 67), причемъ наслѣдственное право царей было построено по аналогіи съ греческимъ частнымъ правомъ (стр. 6). Эллинистическія династіи старались легитимировать себя мнимымъ родствомъ съ македонскимъ царствующимъ домомъ или выводить себя отъ боговъ. Для обезпеченія престола за своими наслѣдниками цари иногда еще при жизни своей дѣлали ихъ своими соправителями.

рѣшать вопросъ о положеніи находившихся въ его владѣніяхъ свободныхъ гражданскихъ общинъ.

Принципы, на которыхъ покоились, съ одной стороны, новыя эллинистическія монархіи, съ другой — старыя греческія политіи, были диаметрально противоположны. Тѣмъ не мѣнѣ въ дѣйствительности сочетание обихъ политическихъ формъ оказалось не невозможнымъ, и признаніе греками надъ собою македонской гегемоніи было первымъ способомъ включенія автономныхъ городскихъ общинъ въ одну болѣе крупную государственную организацію. При Александрѣ греческія политіи формально продолжали считаться самостоятельными государствами, находящимися съ македонскимъ царемъ лишь въ союзныхъ отношеніяхъ, и оставались свободными отъ какой бы то ни было дани съ сохраненіемъ права чеканить собственную монету. Но по существу дѣла положеніе государствъ-городовъ сильно измѣнилось, и въ послѣдніе годы своей жизни Александръ подвергъ на практикѣ сильному ограниченію самостоятельность отдѣльныхъ республикъ Греціи. Союзный сеймъ грековъ, который долженъ былъ существовать по коринѣскимъ условіямъ 336 г. ¹⁾, не получилъ дальнѣйшаго развитія, и то, что, собственно говоря, могъ дѣлать этотъ союзный сеймъ, Александръ бралъ прямо на себя. Такъ въ 324 г. онъ объявилъ, что изгнанныки изъ всѣхъ греческихъ городовъ имѣютъ право возвратиться на родину ²⁾. Конечно, это была весьма благодѣтельная мѣра, но принята она была, какъ царское распоряженіе, не считавшееся съ тѣмъ обстоятельствомъ, что исполнать его должны были de jure вполнѣ свободныя государства. Кромѣ того, Александръ нерѣдко вмѣшивался во внутреннія отношенія и отдѣльныхъ политій, подвергалъ ихъ своему надзору, ставилъ въ нихъ свои гарнизоны. Если уже Аѳинская республика мало-по-малу въ V в. превратила федерацію свою съ другими городами въ свою державу, „симмахію“ въ „архе“ ³⁾, то еще больше слѣдовало ожидать перехода отъ „гегемоническаго“ поведенія къ „деспотическому“ со стороны Александра. Такой же режимъ ожидалъ и мало-азіатскія греческія политіи, и, напр., въ Эфесѣ, наиболѣе значи-

¹⁾ См. выше, стр. 140.

²⁾ Ср. выше, стр. 131.

³⁾ „Государство-городъ“, стр. 265.

тельной изъ нихъ, въ послѣдніе годы царствованія Александра мы видимъ тиранна и македонскій гарнизонъ. Въ сущности, и это было продолженіемъ персидской политики, которая, наприм., и всячески противодействовала союзамъ между греческими городами, что мы наблюдаемъ и въ исторіи Александра, который, запретилъ ахейскимъ и аркадскимъ городамъ имѣть общія собранія. Оно и понятно: Александръ не довѣрялъ грекамъ и потому не могъ сочувствовать сохраненію ихъ политической автономіи.

Однако, форма государства-города оказалась слишкомъ глубоко пустившею корни въ греческомъ мірѣ, чтобы діадочи могли совершенно ее уничтожить, и она даже пережила самостоятельное существованіе нѣкоторыхъ эллинистическихъ царствъ. Понятно, что болѣе всего живучести обнаружили городскія республики самой Греціи, съ которыми поэтому македонскимъ царямъ было немало хлопотъ. Имъ не удалось сколько-нибудь прочно инкорпорировать Грецію въ составъ своего царства, и вся ихъ политика по отношенію къ греческимъ городамъ заключалась въ томъ, чтобы поддерживать въ нихъ борьбу партій, покровительствуя тѣмъ изъ нихъ, которыя сами искали защиты и помощи у Македоніи. Съ середины III в. македонскіе цари стали сажать въ отдѣльныхъ городахъ тиранновъ, хотя это вызывало только новыя и новыя возстанія. Между отдѣльными городами происходили попрежнему войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключались и союзы, изъ которыхъ самымъ извѣстнымъ былъ Ахейскій ¹⁾. Одно время онъ успѣшно боролся съ Македоніей, но потомъ во время распри со Спартою самъ сталъ подъ покровительство этого царства. Раздоры греческихъ городовъ и ихъ возстанія противъ Македоніи только облегчили вмѣшательство Рима въ дѣла Балканскаго полуострова, и въ 196 г. до Р. Х. римляне, побѣдивъ Македонію, объявили всѣ греческіе города снова свободными отъ чужеземнаго владычества. Македоніи такъ-таки и не удалось создать никакой прочной политической организаціи, въ составъ которой вошли бы самоуправляющіяся общины Греціи.

Для греческой династіи Птолемеевъ, царствовавшей въ Египтѣ, и не предстояло рѣшать такую задачу. Страна и при національныхъ царяхъ управлялась бюрократически, и Пто-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 243—249.

демеи въ этомъ отношеніи были настоящими продолжателями системы фараоновъ. Только административными, судебными и финансовыми агентами царской власти являются теперь исключительно греки, подъ власть которыхъ въ этой формѣ и было отдано туземное населеніе. Мало того, вся египетская администрація при Птолемахъ была не чѣмъ инымъ, какъ прежней фараоновской, и только названія разныхъ сановниковъ и должностныхъ лицъ были эллинизированы. Напр., прежній великій визирь, пати¹⁾ сталъ называться „дѣкетомъ“ (διοκτῆς), подъ начальствомъ котораго въ отдѣльных номахъ были „иподѣкеты“, завѣдовавшіе государственными имуществами и финансами. Административная власть въ каждомъ номѣ принадлежала стратегу, которому были подчинены топограмматевсы и комограмматевсы, что значитъ окружные и сельскіе писцы¹⁾. Многіе налоги, взимаемые царями съ населенія, были унаслѣдованы ими также отъ національных фараоновъ. Наконецъ, сама царская власть въ птолемеевскомъ Египтѣ получила, какъ было уже сказано, старый обликъ въ томъ обожествленіи, которое было перенесено и на нее, въ связи съ придворнымъ церемоніаломъ, бывшимъ въ сущности лишь видоизмѣненнымъ сколкомъ съ со старо-египетскаго. Царская резиденція, Александрія, большой и богатый городъ, сдѣлавшійся однимъ изъ мировыхъ центровъ торговли и образованности и населенный большею частью греками, не имѣлъ ни общиннаго устройства, ни самоуправления: какъ и другія населенныя мѣста, Александрія вѣдалась царскими чиновниками. Только за предѣлами собственно самого Египта, въ Киренаикѣ, на Кипрѣ, въ Сиріи допускалась нѣкоторая самостоятельность городского строя, въ самомъ же Египтѣ известную автономію сохраняла старая греческая колонія Навкратисъ. Бюрократическая система управления страню обходилась очень дорого населенію, которое въ Египтѣ было страшно обременено налогами.

Нѣсколько иную организацію мы видимъ въ Сирійскомъ царствѣ Селевкидовъ. Хотя они по персидскому образцу и раздѣлили свое, первоначально столь обширное государство

¹⁾ См. выше стр. 65.

²⁾ Ср. древнее египетское обозначеніе должностныхъ лицъ, именно какъ писцовъ (выше, стр. 67).

на сатрапіи, однако, въ западной его части имъ пришлось имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ городскихъ общинъ, пользовавшихся самоуправленіемъ. Селевкиды поставили своею задачею сплотить въ одно цѣлое мелкія городскія территоріи, оставивъ за ними значеніе самоуправляющихся общинъ, но выполнѣ политически подчиненныхъ центральной власти. Мало того, они настроили много новыхъ городовъ, давъ и имъ право самоуправления, и даже цѣлые сельскіе округа приписывали къ сосѣднимъ городамъ, чтобы вполнѣ ввести греческое расчлененіе территоріи на городскіе округа, но все это въ зависимости отъ царскихъ сатраповъ и при царскихъ гарнизонахъ, которые должны были удерживать мѣстное населеніе въ повиновеніи. Въ этой организаціи, подробности которой, къ сожалѣнію, остаются для насъ мало известными и даже не всегда ясными, нельзя не видѣть своеобразнаго сочетанія абсолютной монархіи, расчлененной по персидскому образцу на сатрапіи, и городской автономіи греческаго происхожденія, — особенность, которая повторяется позднѣе въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ и съ гораздо большею для насъ ясною очертаніемъ въ Римской имперіи — Монархія Селевкидовъ теряла владѣнія не только на востокѣ, но и на западѣ. Такъ юго-западный уголъ Малой Азіи отошелъ въ началѣ II в. къ острову Родосу, сохранившему послѣ Александра Македонскаго свою самостоятельность, а земли на сѣверѣ отъ Тавра въ той же Малой Азіи отошли въ это время къ Пергамскому царству, которое заняло почти всю западную часть этого полуострова.

Это Пергамское царство получило свое названіе отъ города Пергама, въ которомъ существовалъ общинный строй съ народными собраніями и голосованіями, и, опираясь на который, династія Атталидовъ постепенно расширила границы своего государства. Присоединяя къ послѣднему новые города, они сохраняли ихъ автономію, но подъ высшимъ надзоромъ своихъ стратеговъ. Это тоже доказываетъ живучесть городского строя, складывавшагося подъ греческимъ влияніемъ.

Наконецъ, отмѣтимъ, что цѣлый рядъ политій или вполнѣ сьумѣлъ сохранить свою политическую самостоятельность (Родосъ, Кизикъ, Византія), или не безъ успѣха за нее боролся (Смирна, Эфесъ, Милетъ). На южномъ берегу Чернаго моря было тоже нѣсколько государствъ-городовъ, ко-

торые долго пользовались политической автономіей (Халкедонъ, Гераклея, Синопь).

Все это были, однако, остатки старины. Общій тонъ задавался всей жизни крупными и мелкими эллинистическими царствами, въ которыхъ господствовали инныя начала, чѣмъ въ прежнихъ политіяхъ. Дѣло заключалось не только въ противоположности политическихъ принциповъ, лежавшихъ въ основѣ управления государствомъ-городомъ и государствомъ-страной, но и въ томъ, что въ послѣдней формѣ не наблюдается той замкнутости и исключительности, которая была характерною особенностью греческихъ политій. Уже раньше обще-эллинское національное сознание стало вытѣснять партикуляризмъ гражданъ отдѣльныхъ городовъ, а теперь, когда грекамъ пришлось жить въ перемежку съ разными другими народами, стало формироваться понемногу сознание и о междуплеменной солидарности. Конечно, оно не было общимъ достояніемъ массъ и ясно формулировалось лишь представителями философской мысли. Особенно въ данномъ отношеніи слѣдуетъ выдѣлить стоическую школу, основатель которой Зенонъ, уроженецъ греко-финикійскаго города Китія на островѣ Кипрѣ, но переселившійся въ Аѳины вскорѣ послѣ кончины Александра Македонскаго, усвоилъ себѣ космополитическіе взгляды, уже раньше имѣвшіе представителей, напр., въ лицѣ Діогена. Зенонъ прямо проповѣдовалъ, что людямъ не слѣдуетъ жить въ разобщеніи по городамъ и селамъ, надѣленнымъ особыми исключительными правами, но что всѣ люди должны быть согражданами и въ соотвѣтствіи съ этимъ пользоваться одними и тѣми же правами и подчиняться одному и тому же порядку, подобно стаду, пасущемуся на общемъ выгонѣ. Подобныя мысли свидѣтельствуютъ о разложеніи у грековъ стараго городского и національнаго патріотизма и о возникновеніи совершенно новаго общественнаго настроенія. Тѣмъ не менѣе на варваровъ греки все-таки продолжали смотрѣть свысока, какъ на низшую расу.

Въ эллинистическихъ царствахъ продолжалось и то смѣшеніе народовъ и взаимодействіе культуръ, которому такъ содѣйствовало и прежде всякое образованіе болѣе крупныхъ политическихъ тѣлъ. Если въ сельскомъ населеніи эллинистическихъ царствъ почти исключительнымъ элементомъ были туземцы, часто находившіеся въ крѣпостномъ состояніи или въ очень къ нему близкомъ, то въ городахъ, особенно въ такихъ

большихъ, какъ Александрія, господствовала смѣсь самыхъ разнообразныхъ этническихъ элементовъ. Благодаря тому, что греческій языкъ сдѣлался въ нихъ языкомъ государственныхъ учреждений и торговыхъ сношеній, имъ сильно вытѣснялись въ городахъ туземныя нарѣчія, но особенно важно было то, что люди разныхъ національностей все болѣе и болѣе сближались между собою на религіозной почвѣ, участвуя въ становившихся общими для всѣхъ обрядахъ и праздникахъ. Религіозный синкретизмъ продолжался въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ даже прежде ¹⁾. Правительственная политика дѣйствовала въ томъ же направленіи. Хотя египетское жречество при персидскомъ владычествѣ надъ страной утратило прежнее свое политическое вліяніе и даже лишилось значительной части своего богатаго имущества, Птолеми покровительствовали все-таки этому сословію, опираясь и на него въ своемъ властвованіи надъ Египтомъ. При Птолемѣ Сотерѣ былъ построенъ храмъ, въ которомъ совмѣстно поклонялись греческому Зевсу и египетской Изидѣ. Это одинъ изъ первыхъ случаевъ официального смѣшенія культовъ, только поощрявшаго религіозный синкретизмъ самого народа. Интересъ образованныхъ грековъ къ вѣрованіямъ другихъ народовъ проявился въ томъ, что въ знаменитой александрійской библиотекѣ можно было найти священные книги египтянъ, евреевъ и персовъ. Еще болѣе интенсивно совершался процессъ смѣшенія національностей и взаимодействія религій въ Сирійскомъ царствѣ. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ эту эпоху евреи, расселившіеся отчасти добровольно, отчасти по принужденію по разнымъ городамъ, сознательно занялись прозелитизмомъ, т.-е. проповѣдью своей вѣры среди другихъ народовъ. Съ другой стороны, однако, и евреи испытывали на себѣ вліяніе греческой культуры и не только гдѣ-либо на чужбинѣ,—напр., въ Александріи, гдѣ ихъ было особенно много,—но и у себя на родинѣ.

Палестина въ эллинистическую эпоху, какъ и прежде, была яблокомъ раздора между Египтомъ и государствомъ, обладавшимъ Сиріей. Въ теченіи всего III в. эта страна входила въ составъ царства Птолемея, во II столѣтіи она была сначала подъ властью Селевкидовъ; уже при Птолемеяхъ среди египетскихъ евреевъ греческая культура пускала

¹⁾ См. выше, стр. 106, 109 и 130.

глубоко свои корни въ ихъ общественную жизнь, но въ Палестинѣ мирно держался юдаизмъ, бывший строго національною религіею, которая не допускала никакихъ компромиссовъ съ другими культурами. При Селевкидахъ, однако, и здѣсь стало обнаруживаться греческое вліяніе, но когда сирійскій царь Антиохъ Эпифанъ (175—164) задумалъ насильно навязать евреямъ не только греческій языкъ и обычаи, но и греческій культъ, то встрѣтилъ сильный отпоръ, и героическая борьба народа подъ предводительствомъ знаменитыхъ братьевъ Маккавеевъ, привела къ освобожденію страны отъ деспотизма сирійскихъ царей. Событія эти, какъ извѣстно, описываются въ такъ называемыхъ *Книгахъ Маккавейскихъ*¹⁾, гдѣ, между прочимъ, мы находимъ интересныя свѣдѣнія и о распространеніи греческаго вліянія въ Палестинѣ, и объ эллинизаторской попыткѣ Антиоха Эпифана. Въ виду характерности разсказа для нашей цѣли мы приведемъ изъ него наиболѣе существенныя мѣста.

„Въ тѣ дни, читаемъ мы въ самомъ же началѣ первой книги. — въ тѣ дни²⁾ вышли изъ Израиля сыны беззаконные и убѣждали многихъ, говоря: пойдемъ и заключимъ союзъ съ народами, окружающими насъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ мы отдѣлились отъ нихъ, постигли насъ многія бѣдствія. И добрымъ показалось это слово въ глазахъ ихъ. Нѣкоторые изъ народа изъявили желаніе и отправились къ царю, и онъ далъ имъ право исполнять установленія языческія. Они построили въ Иерусалимѣ училище по обычаю языческому, и установили у себя необрѣзаніе, и отступили отъ святого заветъ, и соединились съ язычниками, и продались, чтобы дѣлать зло“ (гл. I, ст. 11—15). Далѣе говорится о томъ, какъ Антиохъ Эпифанъ ограбилъ іерусалимскій храмъ и превратилъ самый городъ въ крѣпость, въ которой помѣстилъ „народъ нечестивый“. Затѣмъ, сказано далѣе, „царь Антиохъ написалъ всему царству своему, чтобы всѣ были однимъ народомъ, и чтобы каждый оставилъ свой законъ. И согласились всѣ народы по слову царя. И многіе изъ Израиля приняли идолослуженіе его, и принесли жертвы идоламъ, и осквернили субботу. Царь послалъ чрезъ вѣстниковъ грамоты въ Иерусалимъ и

¹⁾ Онѣ имѣются лишь по-гречески, т.-е. въ еврейской Библии ихъ нѣтъ.

²⁾ Дѣло идетъ о воцареніи Антиоха Эпифана.

въ города іудейскіе, чтобы они слѣдовали узаконеніямъ, чужимъ для сей земли“ (ст. 41—45) и т. д. „А если кто не слѣдуетъ по слову царя, да будетъ преданъ смерти. Согласно этому писалъ онъ всему царству своему, и поставилъ надзирателей надъ всѣмъ народомъ, и повелѣлъ городамъ іудейскимъ приносить жертвы во всякомъ городѣ. И собрались къ нему многіе изъ народа, всѣ, которые оставили законъ, — и совершили зло въ землѣ“ (ст. 50—52). Другіе не хотѣли повиноваться, ихъ стали наказывать, а это вызвало возстаніе. Евреи были единственнымъ народомъ, оказавшимъ сопротивленіе совершавшейся вокругъ эллинизации, но ни Птолеми, ни первые Селевкиды не прибѣгали ни къ какимъ насильственнымъ средствамъ для того, чтобы сломить ихъ національно-религіозный консерватизмъ, отличаясь вообще терпимостью къ мѣстнымъ культурамъ, и только Антиохъ Эпифанъ, большой поклонникъ греческой цивилизациі и особенный почитатель Зевса Олимпійскаго, задумалъ искоренить юдаизмъ, заставивъ евреевъ совершать дѣйствія, на которыя они смотрѣли, какъ на величайшій грѣхъ передъ своимъ Богомъ. „Антиохъ, говоритъ Ренанъ, повиновался тому же самому принципу, что и римскіе императоры, даже и наилучшіе изъ нихъ, но менѣе нежели они, заслуживалъ извиненія, поскольку юдаизмъ ограничивался одною страной, тогда какъ христіанство считалось зломъ, подкапывающимъ всю имперію“¹⁾. Но не слѣдуетъ забывать, что въ самомъ Иерусалимѣ была прямо эллинистическая партія, которая сама шла на встрѣчу желаніямъ царя. Во главѣ ея стоялъ нѣкто Іисусъ, передѣлавшій свое имя на греческій ладъ въ Ясона, и ему удалось даже слѣдаться первосвященникомъ. „Получивъ власть, читаемъ мы во *Второй книгѣ Маккавейской*, онъ тотчасъ же началъ склонять одноплеменниковъ своихъ къ эллинскимъ правамъ“ (гл. IV, ст. 10): „намѣренно подъ самою крѣпостью построилъ онъ училище для тѣлеснаго упражненія юношей“, т.-е. гимнасій и т. п. „Такъ явилась склонность къ эллинизму“, и даже „священники перестали быть ревностными къ служенію жертвеннику и, презирая храмъ и нерадя о жертвахъ, спѣшили принимать участіе въ противныхъ закону играхъ палестры по призыву бросаемаго диска. Ни во что ставили они отечественный законъ; только эллинскія почести призна-

¹⁾ E. Renan. Hist. du peuple d'Israël. IV, 304.

вали наилучшими“ (ст. 12—15). Существование такой партии среди евреевъ—одно изъ доказательствъ того, какъ захватывала эллинизация даже наиболѣе упорные въ національномъ консерватизмѣ народы, и этотъ фактъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ попытка Антиоха Эпифана замѣнить культъ Ягве культомъ Зевса, во всякомъ случаѣ единичная и исключительная въ ту эпоху.

Въ исторіи эконоическаго развитія древняго міра эллинистической эпохѣ принадлежитъ особое мѣсто. Выше уже было упомянуто ¹⁾, что съ открытіемъ широкаго доступа предприимчивымъ грекамъ на Востокъ, съ основаніемъ тамъ новыхъ городовъ, съ появленіемъ новыхъ рынковъ, между прочимъ, и за предѣлами эллинистическихъ царствъ совершилось перемѣщеніе торговыхъ центровъ къ большій невыгодѣ собственной Греціи, гдѣ въ эту эпоху население уменьшается, маленькіе города начинаютъ превращаться въ деревни и общее благосостояніе понижается. Даже войны, предшествовавшія раздѣлу монархіи Александра, не помѣшали этому экономическому расцвѣту, а потомъ внутренний міръ, установившійся въ Передней Азійи и Египтѣ, прямо даже содѣйствовалъ промышленно-торговому прогрессу къ крайней невыгодѣ для Греціи, гдѣ продолжались междоусобія городовъ. Выселеніе грековъ изъ Европы въ Азію и Африку продолжалось и послѣ основанія эллинистическихъ царствъ (а, кромѣ того, обезлюденію Элады не мало способствовали, повидимому, и эпидеміи, о которыхъ есть отры-

¹⁾ См. выше, стр. 132. Новѣйшая обработка этого предмета дается въ отдѣлѣ VIII третьяго тома „Griech. Geschichte“ von J. Beloch, занимающемъ болѣе 50 страницъ (279—330) и носящемъ названіе „Die wirtschaftliche Umwälzung nach der Eroberung Asiens“. Вліяніе завоеванія Азіи на экономическую жизнь греческой націи Белохъ сравниваетъ съ вліяніемъ расселенія грековъ по берегамъ Средиземнаго моря въ VII—VI вв. до Р. X. О послѣднемъ ср. „Государство-городъ“, стр. 65 и слѣд. Значительная часть слѣдующей главы III т. книги Белоха (Die neuen Grossstaaten) посвящена разсмотрѣнію государственнаго хозяйства эллинистическихъ царствъ. Эти части труда Белоха съ избыткомъ восполняютъ пробѣлы въ изображеніи экономической эволюціи древняго міра у Э. Мейера, который и въ „Экономическомъ развитіи“, и въ „Рабствѣ“ отъ греческихъ государствъ-городовъ непосредственно переходитъ къ Римской имперіи. Ср. стр. 72—74 первой книжки и 47 второй (по рус. пер.).

вочныя указанія). Экономически обезсилили въ эту эпоху равнымъ образомъ греческія колоніи и при Черномъ морѣ, и въ Южной Италіи съ Сициліей. Но это было лишь новымъ перераспредѣленіемъ силъ греческой національности и вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніемъ территоріи, на которую распространялась ея экономическая дѣятельность „Греческое народное хозяйство (Volkswirtschaft), говоритъ Белохъ, сдѣлалось мировымъ хозяйствомъ (Weltwirtschaft), которое охватывало всю извѣстную тогда вселенную“ ¹⁾.

То, что теряла Греція, шло на пользу Египту, Сирии, Малой Азіи, которыя и въ римскую эпоху являются наиболѣе экономически развитыми странами всей тогдашней „вселенной“. Главнымъ доказательствомъ этого общаго явленія нужно считать необычайное развитіе городской жизни въ эту эпоху во всѣхъ названныхъ странахъ. „Какъ городъ, говоритъ объ этомъ времени Эдуардъ Мейеръ, пожираетъ деревню, такъ большой городъ пожираетъ маленькій. Новые города, продолжаетъ онъ, основываются по опредѣленному плану, снабжаются всѣмъ новѣйшимъ комфортомъ и со своимъ густымъ населеніемъ, состоящимъ изъ купцовъ и торговцевъ, образуютъ центръ для большого округа; впрочемъ, въ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ, какъ на западѣ Малой Азіи или на сѣверѣ Сирии большіе и средніе города часто лежатъ поразительно близко другъ отъ друга“ ²⁾. Александрія была въ три раза больше Аѳинъ съ Пиреемъ въ эпоху ихъ процвѣтанія и въ два раза больше Сиракузъ, наибольшихъ государствъ-городовъ античнаго міра, и населеніе ея въ I в. до Р. X. могло достигать полумилліона. Уже въ концѣ III в. въ ней было болѣе двухсотъ тысячъ жителей, равно какъ въ Антиохіи и въ Селевкіи, тогда какъ столѣтіемъ раньше только въ Аѳинахъ, въ Сиракузахъ и въ Карфагенѣ могло быть по сотнѣ тысячъ ³⁾.

¹⁾ Beloch, III, 306.

²⁾ Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра, стр. 68.

³⁾ Въ концѣ III в. по ста тысячъ жителей могло быть въ Сиракузахъ (даже болѣе 100 т.), въ Коринѣ, Римѣ, Родосѣ, Эфесѣ и, можетъ быть, еще кое-какихъ городахъ Азіи, но сомнительно, чтобы въ Аѳинахъ сохранилась къ концу III в. эта цифра. Beloch, III, 295—296 и 306. Белоху принадлежитъ и специальное изслѣдованіе „Bevölkerung

Развитіе города и особенно большого города всегда указывает на процвѣтаніе промышленности и торговли, а послѣднее тѣсно связано съ усиленіемъ денежнаго хозяйства на счетъ натурального. Египетъ при Птолемахъ сдѣлался первымъ торговымъ государствомъ, а ихъ столица Александрія настоящимъ центромъ международной торговли своего времени. Черезъ страну проходили главные торговые пути для товаровъ изъ Эіоііи, Аравіи и Индіи, для чего, между прочимъ, снова былъ сдѣланъ судоходнымъ каналъ, соединявшій при посредствѣ Нила Средиземное море съ Чернымъ, а на африканскомъ берегу послѣдняго построено было нѣсколько городовъ. Съ другой стороны, египетскіе корабли совершали свои плаванія до самаго Чернаго моря и поддерживали дѣятельныя сношенія между Египтомъ и другими странами, напр., съ Сициліей, съ островомъ Родосомъ. Александрія даже стянула къ себѣ многіе торговые обороты, которые раньше велись или финикійскими городами, или Кароагеномъ. Само государство при Птолемахъ необычайно развило у себя чисто денежное хозяйство. Мы знаемъ, что фараоновскій Египетъ былъ страной простого натурального хозяйства, и его торговля имѣла по преимуществу мѣновой характеръ ¹⁾; да и въ персидскія времена положеніе дѣлъ измѣнилось мало. Птолемей I ввелъ въ страну монетную систему, заимствованную изъ Малой Азіи, и какъ онъ, такъ и его преемники необычайно расширили при помощи этой системы хозяйственныя предпріятія и финансовыя операціи государства. Помимо того, что здѣсь царямъ принадлежало много земли ²⁾, и что давно въ царскую казну поступали большіе доходы въ формѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ ³⁾, Птолемей стремились еще монополизировать въ свою пользу нѣкоторые важныя производства (соль, масло и т. п.), причеиъ главную роль долженъ былъ играть принудительный трудъ части населенія,—что опять-таки не было совершенною новостью въ Египтѣ. При взиманіи налоговъ Птолеми

der griechisch-römischen Welt“; о томъ же писалъ еще *Pöhlmann* (Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte).

¹⁾ См. выше, стр. 45. Окончательную побѣду денежнаго хозяйства надъ натуральнымъ Белохъ относитъ къ III в. до Р. X.

²⁾ См. выше, стр. 61.

³⁾ См. выше, стр. 55 и 63.

пользовались чисто греческой системой откуповъ ¹⁾, бывшею прежнему Египту неизвѣстною, т. е. отдавали съ торговъ сборъ ихъ въ аренду за опредѣленную сумму денегъ, уплачивавшуюся впередъ, и это посредничество финансистовъ между правительствомъ и населеніемъ оживляло денежные операціи, которыя производились своего рода государственными банками (*трапезаи*), существовавшими въ наиболѣе важныхъ городахъ. Понятно, что царская казна была здѣсь очень богата, и потому Птолемей могли содержать громадную армію и очень значительный военный флотъ. Напр., при второмъ Птолемеѣ въ Египтѣ было двѣсти тысячъ пѣхоты, сорокъ тысячъ конницы, триста слоновъ, двѣ тысячи боевыхъ колесницъ, полторы тысячи военныхъ кораблей и т. п. Это было примѣненіемъ къ хозяйству большой монархіи тѣхъ принциповъ и приемовъ, которые были выработаны предыдущимъ развитіемъ греческихъ торгово-промышленныхъ государствъ-городовъ.

Очень важную сторону экономическаго развитія въ эллинистическую эпоху представляетъ собою постепенная замѣна рабскаго труда въ обрабатывающей промышленности трудомъ свободнымъ. Рабство на Востокѣ никогда не было такъ развито, какъ у грековъ въ эпоху процвѣтанія ихъ промышленной дѣятельности ²⁾, или у римлянъ, когда они завели въ Италіи крупное сельское хозяйство плантаціоннаго характера ³⁾. Какъ-разъ тѣ страны, которыя въ III в. сдѣлались главными очагами промышленной дѣятельности, Египетъ, Сирія и Вавилонія, имѣли очень густое туземное населеніе, трудомъ котораго за очень низкую плату могли пользоваться греческіе предприниматели ⁴⁾, такъ что имъ не было надобности прибѣгать къ покупкѣ рабовъ.

Эта же эпоха была временемъ образованія громадныхъ частныхъ богатствъ, какихъ раньше не могло существовать. Александръ Македонскій и его преемники щедрою рукою

¹⁾ Въ книгѣ проф. *М. И. Ростовцева* „Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи“ (Сиб., 1899) есть очеркъ исторіи государственнаго откупа въ Греціи и въ эллинистическихъ государствахъ (особенно въ Аѳинахъ и въ Египтѣ).

²⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 70 и 171.

³⁾ Тамъ же, стр. 171, 180 и 290.

⁴⁾ Въ Малой Азіи масса народа была въ крѣпостномъ состояніи.

раздавали своимъ генераламъ и сановникамъ большія суммы денегъ и крупныя имѣнія. Съ другой стороны, промышленность и торговля, производившіяся въ небывалыхъ прежде размѣрахъ, тоже создавали огромныя частныя богатства. Это было то же самое явленіе, которое еще раньше началось, да и теперь еще продолжалось въ Греціи ¹⁾, и какъ тамъ, такъ и въ большихъ городахъ эллинистическаго Востока вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно увеличивался пролетаріатъ, который удерживался въ спокойномъ состояніи лишь заботами правительствъ о доставленіи ему дешеваго хлѣба ²⁾.

Начиная съ середины II в. до Р. X. всѣ эллинистическія государства къ западу отъ Евфрата одно за другимъ покоряются римлянами или становятся въ зависимость отъ нихъ въ качествѣ ихъ союзниковъ, чтобы въ концѣ концовъ тоже войти въ самый составъ ихъ громадной державы. Уже греческій историкъ Полибій, написавшій въ срединѣ II в. до Р. X. первую „Всеобщую исторію“, отмѣтилъ тотъ фактъ, что римляне явились какъ бы на смѣну другимъ народамъ, которымъ принадлежало господство надъ многими странами, превзошедши, однако, ихъ всѣхъ. „Такъ, говоритъ онъ, нѣкогда велики были владѣнія и могущество персовъ, но всякій разъ, когда персы дерзали переступить предѣлы Азіи, они подвергали опасности не только свое владычество, но и самое существованіе.... Владычество македонянъ, продолжаетъ онъ, въ Европѣ обнимало пространство отъ бережья Адриатики до рѣки Истра (Дуная), что составляетъ небольшую долю этой страны; впоследствии сокрушивши мощь персовъ, они приобрѣли и власть надъ Азіей. Какъ, повидимому, ни далеко простиралась ихъ власть, и какъ ни была она обширна, все же македоняне не коснулись большей части извѣстнаго тогда міра. Ибо, поясняетъ Полибій, они и не помышляли никогда о покореніи Сициліи, Сардиніи и Ливіи (Африки), а о наиболѣе воинственныхъ народахъ Западной Европы, собственно говоря не имѣли и понятія. Между тѣмъ римляне, читаемъ мы далѣе, покорили своей власти почти весь извѣстный міръ, а не какія-либо части его, и подняли свое могущество на такую высоту, какая немислима была для предковъ, и не будетъ пре-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 271.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 270.

взойдена потомками“ ¹⁾. Мы съ точностью не знаемъ, въ какомъ году были написаны эти слова, но развѣ послѣднія событія, о которыхъ говоритъ Полибій, происходили въ 144 в., а послѣ этого онъ прожилъ еще лѣтъ пятнадцать-двадцать, то, по всей вѣроятности, приведенныя слова были написаны уже послѣ покоренія Македоніи, Греціи и Карфагена, совершившихся въ 148—146 г. Въ это время владѣнія Рима далеко еще не были столь обширны, какъ царство Александра Македонскаго, и въ этомъ отношеніи въ сужденіи греческаго историка есть ошибка, но онъ вполне вѣрно опредѣлилъ смѣну персовъ, македонянъ и римлянъ. Здѣсь же, въ началѣ первой книги своего историческаго труда, Полибій опредѣлилъ и тотъ моментъ, когда римляне задумали завоеваніе цѣлаго міра. Этотъ моментъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ есть побѣда Рима надъ Карфагеномъ въ концѣ второй пунической войны, послѣ которой, какъ онъ выражается, римляне „впервые рѣшились протянуть руки къ прочимъ землямъ, переправить свои войска въ Элладу и въ другія страны“, и вотъ что еще говоритъ объ этомъ самомъ моментѣ греческій историкъ: „раньше, именно, событія на землѣ совершались какъ бы разрозненно, ибо каждое изъ нихъ имѣло свое особое мѣсто, особыя цѣли и конецъ, начиная же съ этого времени, исторія становится какъ бы однимъ цѣлымъ, событія Итали и Ливіи переплетаются съ азіатскими и эллинскими и всѣ сводятся къ одному концу“ ²⁾. Собственно говоря, абсолютно и тутъ Полибій не былъ правъ, потому что аналогичное „сплетеніе событий“ началось еще на Востокѣ, но относительно сплетенія, въ которое впервые вошли и римскія дѣла и вообще событія въ западной части Средиземнаго моря, онъ былъ, конечно, правъ, тѣмъ болѣе, что обставилъ свою мысль и чисто фактическими ³⁾ доказательствами. Именно, еще со времени второй пунической войны,— Полибій указываетъ прямо на третій годъ сто сороковой олимпіады (217), — „Филиппъ (тогдашній македонскій царь, по счету III этого имени) и руководящія власти эллиновъ, начинали ли они войну другъ съ другомъ, или заключали миръ, не только сообразовались съ отношеніями въ Элладѣ,

¹⁾ Полибій, I, 2 (по перев. проф. Мищенка. М. 1890. Т. I, стр. 13—14).

²⁾ Полибій, I, 3.

³⁾ Полибій, IV, 28.

но съ той поры всё они обращали свои взоры къ италійскимъ соглядатаямъ (римлянамъ?). Вскорѣ подобное же положеніе дѣлъ наступило для жителей острововъ и Азии. Тамъ, народы, недовольные Филиппомъ, или другіе, ссорившіеся съ Атталомъ (царемъ пергамскимъ) не обращались болѣе ни къ Антиоху, ни къ Птолемею, ни на югъ, ни на востокъ, но взирали на западъ, причемъ одни отправляли посольства къ караагегиянамъ, другіе къ римлянамъ. Съ другой стороны, прибавляетъ Полибій, и римляне обращались къ эллинамъ изъ страха передъ отвагою Филиппа и изъ опасенія, какъ бы онъ своимъ участіемъ не приумножилъ удручавшихъ ихъ бѣдъ¹⁾.

Дѣйствительно, до конца III в. и начала II в. до Р. X. Македонія, Греція и эллинистическія царства Востока составляли одну, такъ сказать, замкнутую международную группу, члены которой не вмѣшивались въ дѣла Запада, и въ свою очередь западныя государства стояли особнякомъ отъ взаимныхъ отношеній Македоніи (съ Греціей), Пергама, Сиріи и Египта. Аннибалъ во время второй пунической войны, — рѣшившей вопросъ, кому господствовать надъ западною частью Средиземнаго моря, Караагегу или Риму, — впервые втянулъ въ западныя дѣла эллинистическихъ государей — Филиппа III Македонскаго и Антиоха III Сирійскаго, а это и римлянъ заставило искать союзниковъ и въ Греціи, и на Востокѣ (этолійцы, Аѳины, Родосъ, Пергамъ и т. п.). Вскорѣ послѣ окончанія второй пунической войны римляне побѣдили македонскаго царя (197), что было лишь прелюдией къ завоеванію черезъ полстолѣтія и Македоніи (148), и Греціи (146), а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ побѣды надъ Филиппомъ III римляне нанесли поражение и Антиоху III (190), подѣливъ часть его владѣній между своими союзниками, Родосомъ и Пергамомъ. Прошло лишь около пятнадцати лѣтъ послѣ завоеванія Римомъ Македоніи и Греціи, какъ ему достался и Пергамъ (133) по духовному завѣщанію царя Аттала III. Остальныя мало-азіатскія царства одно за другимъ переходили на положеніе полузависимыхъ государствъ, чтобы потомъ тоже превратиться въ римскія провинціи. Въ срединѣ I в. очередь дошла затѣмъ и до Сиріи, въ которой былъ положенъ конецъ царству Селевкидовъ,

¹⁾ Полибій, V, 105.

въ это время уже бывшему очень незначительнымъ (64), и была поставлена въ зависимость отъ Рима Палестина (63), а въ 30 году до Р. X. прекратилось, наконецъ, и царство Птолемеевъ, вошедшее равнымъ образомъ въ составъ новой міровой державы, уже раньше испытавъ на себѣ, что значило попасть въ сферу римскаго политическаго вліянія.

Полибій совершенно вѣрно отмѣтилъ ту черту, что къ римлянамъ за помощью обращались многіе недовольные своимъ положеніемъ народы. Въ числѣ ихъ были, напр., и евреи во время маккавейскаго возстанія. Въ 8 главѣ I Книги Маккавейской есть интересное мѣсто о мотивахъ, которые заставили іудеевъ тоже искать союза съ римлянами. Это — ихъ непобѣдимость, ихъ господство надъ многими народами и странами, ихъ могущество, дѣлавшія выгоднымъ нахожденіе въ союзѣ съ ними. Перечисливъ главныя завоеванія римлянъ и указавъ на то, какъ хороши они съ друзьями, и какъ боятся ихъ всё ихъ враги, еврейскій историкъ замѣчаетъ, „что притомъ никто изъ нихъ не возлагалъ на себя вѣнца и не облакался въ порфиру, чтобы величаться ею“¹⁾. Въ этомъ и заключалась особенность римскихъ завоеваній, создавшихъ новую великую державу, что ихъ произвели не цари-завоеватели въ родѣ Кира или Александра, но полководцы и воины чисто республиканскаго государства-города.

Отмѣчая конецъ эллинистической эпохи и начало эпохи римской, нужно имѣть въ виду, что съ первыхъ лѣтъ II в. Римъ не только впервые ведетъ войны съ эллинистическими царствами, которыми въ срединѣ этого вѣка и начинаетъ овладѣвать, но приблизительно около этого же времени впервые подвергается эллинистическому вліянію. Когда говорятъ о томъ, что съ середины II в. римляне мало-по-малу подчиняются греческому вліянію, то главнымъ образомъ, останавливаясь на этомъ явленіи, имѣютъ въ виду разныя сферы

¹⁾ I Макк., гл. VIII, ст. 14. Вотъ какъ далѣе изображается здѣсь римское государственное устройство: „они составили у себя совѣтъ, и постоянно каждый день 320 человекъ совѣщаются обо всемъ, что относится до народа и благоустроенія его. И каждый годъ одному человѣку вѣряютъ они начальство надъ собою и господство надъ всею землею ихъ, и всё слушаютъ одного, и не бываетъ ни зависти, ни ревности между ними“, ст. 15—16.

духовной культуры и воздѣйствіе на нихъ эллинскихъ образцовъ, выросшихъ на почвѣ собственной Греціи. Но дѣло не ограничивалось однимъ литературнымъ вліяніемъ, и въ составъ міровой державы римлянъ вошли не одни греческія политія, но и цѣлыя эллинистическія царства, порядки которыхъ въ свою очередь тоже не могли не вліять и на внутреннюю организацію самой этой державы. Римъ въ одно время съ покореніемъ эллинистическаго Египта самъ превратился, какъ мы теперь выражаемся, изъ республики въ имперію, т.-е. получилъ монархическую организацію верховной власти, для которой на эллинистическомъ Востокѣ уже существовали стародавніе образцы ¹⁾.

ГЛАВА XIII.

Образованіе римскихъ провинцій и управленіе ими.

Отношеніе римской исторіи къ эллинистической.—Первоначальная политическая обособленность прибрежныхъ странъ западной части Средиземнаго моря.—Финикійская и греческая колонизація создаютъ первыя связи между ними и между азіатскимъ и греческимъ Востокомъ.—Образованіе союзнаго римско-италійскаго государства.—Борьба Рима съ Карфагеномъ и распространеніе римскаго владычества на Востокъ.—Медленность образованія Римской державы.—Ея крайніе предѣлы.—Поглощеніе Римомъ Италіи. „Имперіи римскаго народа“.—Организація римскихъ провинцій.—Управленіе ими.—Доходы, получавшіяся Римомъ изъ провинцій.—Положеніе провинціаловъ.—Особое отношеніе Рима къ греческому элементу въ своихъ владѣніяхъ.—Экономическое и культурное превосходство восточныхъ провинцій надъ западными.

Подобно тому, какъ при переходѣ отъ времени персидскаго владычества на Востокъ къ эллинистической эпохѣ, мы взяли за исходный пунктъ завоеваніе греками Персидской монархіи ²⁾, не заглядывая особенно въ прошлое самой Греціи, такъ и теперь, переходя къ исторіи Римской державы, мы не

¹⁾ Объ этомъ см. ниже (гл. XVI).

²⁾ См. выше, стр. 125—126.

будемъ долго останавливаться на прошломъ самого Рима, какъ государства-города, постепенно сдѣлавшагося господиномъ всей Италіи. Въ нашемъ построеніи мы исходимъ не изъ прошлаго каждаго отдѣльнаго народа, достигавшаго господства въ древнемъ мірѣ, а изъ общаго представленія о той послѣдовательности, въ какой совершалось расширеніе историческаго міра посредствомъ, такъ сказать, прирастанія къ нему новыхъ и новыхъ странъ. Первоначальнымъ театромъ событій, въ которыхъ зародилась всемірная исторія, въ условномъ значеніи этого слова, была территория Египта, Сиріи и Ассири-Вавилоніи ¹⁾, и къ этой территоріи постепенно прирастали, позволю себѣ такъ выразиться, другія—какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны. Останавливаясь только на этой послѣдней сторонѣ, мы видимъ, какъ общая историческая сцена захватываетъ понемногу Малую Азію, острова Эгейскаго моря, Грецію, Македонію, но что западное побережье Балканскаго полуострова мало было связано съ этимъ историческимъ міромъ, и какъ въ Африкѣ къ Египту прирастаетъ съ западной стороны Киренаика, но что Карфагенъ стоитъ особнякомъ. Линія, идущая приблизительно по меридіану 37° в. д., дѣлитъ Средиземное море на двѣ половины, и къ западу отъ этой линіи находятся страны, которыя сравнительно поздно примкнули къ общей исторической жизни древняго міра. Полибій вѣрно указалъ моментъ, когда дѣла Рима и Карфагена стали переплетаться съ дѣлами Греціи и Востока. Въ эпоху Александра Македонскаго Римъ оставался грекамъ еще неизвѣстнымъ. Самъ Полибій предпринялъ свой трудъ, между прочимъ, именно для того, чтобы познакомить своихъ соотечественниковъ съ исторіей Рима, остававшейся имъ неизвѣстною, когда уже за три вѣка передъ тѣмъ у грековъ была исторія Геродота, въ которой заключалось множество историческихъ свѣдѣній о народахъ древняго Востока. Если на исторію образованія римскихъ провинцій смотрять обыкновенно изъ центра, т.-е. какъ Римъ постепенно присоединялъ къ своимъ владѣніямъ одну область за другою, идя все дальше и дальше, то можно, съ другой стороны, взглянуть на тотъ же процессъ и съ восточной окраины будущей Римской дер-

¹⁾ См. выше, стр. 14.

жавы, т.-е. какъ именно Римъ со своими западными владѣніями втянулся въ общую политическую жизнь болѣе старыхъ и много раньше, чѣмъ онъ сюда пришелъ, политически сросшихся между собою странъ. Римъ подчинилъ ихъ своей власти, но это только одна сторона совершившагося во II и I вв. до Р. X. процесса: другою стороною были новое расширеніе къ западу міровой исторической сцены, благодаря тому, что къ ней приросли Римъ и его владѣнія на берегахъ западной части Средиземнаго моря, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненіе самого Рима, а чрезъ его посредство и его владѣній къ эллинистической цивилизаціи. То обстоятельство, что Римъ осуществилъ всемірную монархію, бывшую цѣлью стремленій ассирійскихъ и персидскихъ царей и Александра Македонскаго, тоже позволяетъ намъ видѣть въ исторіи Римской имперіи не только продолженіе исторіи римскаго государства-города, но и возобновленіе той объединительной политики, которая имѣла величайшаго представителя своего въ Александрѣ Македонскомъ, какъ преемника, однако, въ свою очередь, власти и притязаній персидскихъ и ассирійскихъ царей.

Если до 200 приблизительно года передъ Р. X. политическія дѣла Италіи и Африки, съ одной стороны, и Греціи и Востока, съ другой, не переплетались, то это еще не значитъ, что въ торговомъ и въ культурномъ отношеніяхъ между берегами западной и восточныхъ частей Средиземнаго моря не существовало никакой связи. Финикійская и греческая колонизація на з. отъ 37⁰ в. д. въ Сѣверной Африкѣ, въ Испаніи, въ Галліи, въ Южной Италіи („Великой Греціи“), на островѣ Сициліи и другихъ сосѣднихъ островахъ была первымъ связующимъ звеномъ между названными странами и болѣе культурнымъ Востокомъ. Торговля предшествовала политикѣ, и самъ Римъ заключалъ внѣ Италіи торговые договоры гораздо раньше, нежели ему пришлось за ея предѣлами начать вести войны и устраивать чисто политическіе союзы.

Въ ту эпоху, когда Римъ, побѣдивъ главнаго своего соперника, Карфагенъ, сталъ „протягивать руки“ къ греческому и эллинистическому Востоку, онъ, строго говоря, уже не былъ государствомъ-городомъ, а стоялъ во главѣ цѣлаго союзнаго государства, охватывавшаго всю Италію. Сущность этого политическаго устройства заключалась въ слѣдую-

щемъ¹⁾. Подчиняя себѣ силою своего оружія или искусствомъ своей дипломатіи все новые и новые города и земли, Римъ давалъ жителямъ однихъ права своего гражданства, а жителей другихъ дѣлалъ своими союзниками, но союзниками неравноправными, зависимыми. Это была совершенно особая, своеобразная политика, позволявшая Риму объединить подъ одною властью весь полуостровъ. Правда, не все его населеніе состояло изъ римлянъ, но ни одна другая городская община не имѣла такого большого количества гражданъ, какъ Римъ, и не потому, что это былъ самый населенный городъ, а потому, что Римъ устраивалъ свои колоніи по всей странѣ и включалъ въ число своихъ гражданъ свободное населеніе цѣлыхъ городскихъ общинъ. По свидѣтельству Полибія, передъ второю пунической войной Римъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 770 т. годныхъ къ военной службѣ людей, изъ которыхъ собственно на римскихъ гражданахъ приходилось лишь около трети, именно 273 тысячи. Кромѣ этого численнаго перевѣса римлянъ надъ гражданами всякаго другого города, взятаго въ отдѣльности, имѣло силу и то обстоятельство, что союзъ существовалъ только между Римомъ и каждой отдѣльной гражданской общиной, а между собою союзные съ Римомъ города уже не находились ни въ какой политической связи. Наконецъ, однимъ изъ главныхъ условий каждаго такого союза было безусловное подчиненіе своей внѣшней политики политикѣ Рима, причѣмъ изъ тѣхъ выгодъ, какія подобные союзы доставляли отдѣльнымъ городамъ, львиная доля оставалась тоже Риму. Благодаря всему этому, къ срединѣ III в. римско-италійское государство представляло собою уже значительную политическую силу.

Другая значительная политическая сила, тоже въ формѣ государства-города, подчинившаго себѣ большую территорію, образовалась на африканскомъ берегу, противъ Италіи, — Карфагенъ. Между нимъ и Италіей лежала Сицилія, гдѣ было очень много греческихъ колоній, а между ними первое мѣсто занимали Сиракузы, самый большой греческій городъ на Западѣ. Онъ тоже стремился сдѣлаться настоящей политической силой, подчинивъ себѣ весь островъ. Въ

¹⁾ Ср. „Государство-городъ“, стр. 296 и слѣд. и особенно вторую карту съ объяснительнымъ къ ней текстомъ на стр. 341—342.

то время, какъ и Римъ, стоявшій во главѣ Италіи, и Карфагенъ, владѣвшій цѣлою областью въ Африкѣ, были республиками, въ Сиракузахъ по временамъ устанавливалась монархическая власть¹⁾, которая и удержалась здѣсь въ эллинистическую эпоху. Греческая часть Сициліи еще поддерживала постоянныя политическія отношенія съ собственной Греціей, и въ Сиракузахъ при Геронѣ II (III в. до Р. X.) были введены многіе порядки, заимствованные изъ эллинистическихъ царствъ Востока, но, въ сущности, исторія острова все-таки опредѣлялась больше отношеніями къ Карфагену, со времени же покоренія римлянами Южной Италіи и къ Риму. Карфагенъ и Римъ первоначально находились между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ, что видно изъ заключавшихся между ними торговыхъ договоровъ, но когда Римъ распространилъ свою власть въ Италіи до пролива, отдѣляющаго ее отъ Сициліи, то изъ-за обладанія послѣднею онъ пришелъ въ столкновеніе съ Карфагеномъ (который въ своихъ войнахъ, замѣтимъ кстати, охотно пользовался греческими наемниками). Борьба съ Карфагеномъ заставила римско-италійское государство превратиться въ морскую державу еще во время первой пунической войны (264—241), когда Римомъ былъ снаряженъ флотъ, совершившій экспедицію въ Африку. Въ этомъ предпріятіи военное счастье не было на сторонѣ римлянъ, но удачное все-таки окончаніе войны дало имъ Сицилію (241), а затѣмъ Сардинію и Корсику (238). Рѣшительная борьба римлянъ съ Карфагеномъ, извѣстная подъ названіемъ второй пунической войны (218—201), окончилась побѣдою Рима, который овладѣлъ теперь восточнымъ побережьемъ Испаніи, низвелъ Карфагенъ на степень второстепеннаго и полузависимаго государства и оказалъ содѣйствіе образованію въ бывшихъ его владѣніяхъ союзнаго съ собою царства Нумидійскаго. Когда Римъ пришелъ во враждебное столкновеніе съ двумя главными эллинистическими монархіями, Македонскою и Сирийскою, онъ уже занималъ сильную позицію въ западной части Средиземнаго моря. Правда, владѣнія его не замыкали эту часть моря со всѣхъ сторонъ, но это было лишь вопросомъ времени: съ завоеваніемъ самого Карфагена (146) и южнаго

побережья Галліи (121) наиболѣе важные берега были во власти римлянъ.

Завоеванія римлянъ не совершались съ такою быстротою, съ какою происходили завоеванія персовъ и Александра Македонскаго. На образованіе Персидской державы понадобилось поразительно мало времени: между паденіемъ Лидійскаго царства и покореніемъ Египта не прошло и четверти вѣка (546 и 525 гг.), а завоевательные походы Александра Македонскаго охватываютъ всего одно десятилѣтіе. На одно подчиненіе Римомъ Италіи, — кромѣ Лаціума, гдѣ раньше установилось его господство, — ему понадобилось около 70 лѣтъ, на полное утвержденіе на островахъ и берегахъ западной части Средиземнаго моря, — считая отъ завоеванія Сициліи до присоединенія такъ называемой Нарбонской Галліи, — ровно 120 лѣтъ. Еще медленнѣе шли завоеванія на Востокъ. Здѣсь сначала римляне не вступали въ непосредственное обладаніе странами, которыя военное счастье отдавало въ ихъ руки. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ перваго столкновенія съ Македоніей произошло второе, приведшее къ завоеванію всей страны (168), но она не была присоединена къ римскимъ владѣніямъ, а расчленена на четыре независимыхъ одна отъ другихъ республиканскія федераціи, и только новое возстаніе македонянъ заставило Римъ включить всю страну въ число своихъ провинцій. Въ Малой Азіи, гдѣ уже въ 133 г. римляне по завѣщанію царя пергамскаго приобрѣли большую провинцію Азію, они тоже не сразу стали присоединять прямо къ своимъ владѣніямъ другія земли, а довольствовались системою вассальныхъ царствъ и союзныхъ городскихъ республикъ. Между включеніемъ въ составъ римскихъ провинцій Македоніи и Египта, двухъ наиболѣе важныхъ эллинистическихъ царствъ, прошло тоже, какъ и между приобрѣтеніемъ Сициліи и Нарбонской Галліи, около 120 лѣтъ (148—30), и въ общей сложности отъ приобрѣтенія Сициліи до включенія въ имперію и Египта — болѣе двухъ вѣковъ, — количество времени, равное всему періоду персидскаго господства въ Азіи.

Медленность, съ какою создавалась Римская держава, территориальный ростъ которой остановился, собственно говоря, только при императорѣ Траянѣ, т. е. черезъ полтора вѣка послѣ присоединенія Египта, объясняетъ намъ и неизмѣримо болшую прочность всемірной монархіи римлянъ сравнительно съ ея восточными предшественниками. Раз-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 112—113.

рушеніе этой громадной политической организаціи совершалось только крайне медленно, и въ то время, какъ въ V в. уже по Р. X. западная ея половина была захвачена германцами, восточная половина въ составѣ Балканскаго полуострова, Малой Азіи, Сиріи и Египта все еще продолжала существовать, какъ большая монархія, которая, — все болѣе и болѣе, впрочемъ, утрачивая свои владѣнія, — прекратилась лишь въ серединѣ XV в. Въ составѣ государства, созданнаго Римомъ, Италия пробывала около восьми столѣтій, Сицилія — около семи, Карфагенская область — немного менѣе шести, Испанія и Галлія — около пяти и т. п. Общая организація управленія имперіей создавалась тоже медленно и постепенно, сначала, такъ сказать, ощупью, по мѣрѣ надобности, а не въ видѣ определенной системы, которая, напр., была положена Даріемъ въ основу дѣленія его монархіи на сатрапіи. Лишь закрѣпивъ за собою власть въ болѣе раннихъ приобрѣтеніяхъ, Римъ „протягивалъ свои руки“ къ болѣе отдаленнымъ землямъ, и, лишь создавъ чисто эмпирическимъ путемъ управленіе своими провинціями, онъ сталъ вносить въ это дѣло извѣстную систему, извѣстный общій планъ. У Рима относительно организаціи покоренныхъ странъ постепенно выработалась своя традиція внѣ всякихъ вліяній извнѣ, но въ то же время, овладѣвъ болѣе развитыми въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ эллинистическими царствами, онъ не могъ, конечно, обойтись и безъ подражанія ихъ примѣру въ устроеніи внутреннихъ распорядковъ большого государства.

Въ составъ Римской державы вошли всѣ страны, окружающія Средиземное море, которое сдѣлалось внутреннимъ римскимъ озеромъ. Западные берега имперіи омывались волнами Атлантическаго океана, и двѣ трети Британіи принадлежали Риму. Сѣверную границу имперіи въ Европѣ составляла линія Рейна и Дуная, за которыми, однако, ей принадлежали нѣкоторое время Десятинный край (Agri Decumates) и Данія (главнымъ образомъ во II и III вв. по Р. X.), да, кромѣ того, и Таврической полуостровъ тоже входилъ въ составъ римскихъ владѣній. Въ Азіи лишь временно имперіи удалось расширить свои предѣлы за Евфратъ, когда въ началѣ II в. по Р. X. были завоеваны, но скоро утрачены Армения, Ассирія, Вавилонія, да и далѣе къ югу отъ верхняго теченія Евфрата восточная граница не отходила

особенно далеко отъ берега Средиземнаго моря. Синайскій полуостровъ („Аравія“) тоже принадлежалъ имперіи, а въ Африкѣ — всѣ прибрежныя страны отъ дельты Нила за Геркулесовы столбы до Атлантическаго океана. Сравнивая историческую карту Римской имперіи съ современной политической картою Стараго Свѣта, мы видимъ, что въ Европѣ имперіи принадлежали теперешнія Англія, Франція, Испанія, Португалія, Бельгія съ окраиной Голландіи, юго-западная окраина Германіи, Швейцарія, Италия, южныя части Австро-Венгрии, Румыніи, Сербіи, Черногорія, Болгарія, Турція, Греція и часть южной окраины Россіи, въ Азіи — большая часть теперешнихъ турецкихъ владѣній и (короткое, впрочемъ, время) часть Закавказья, въ Африкѣ — Египетъ, Триполи, Алжиръ и Марокко.

Мы видѣли, что Италия получила подъ властью Рима особую федеративную организацію, которая, однако, въ 88 г. до Р. X. замѣнилась распространеніемъ на всѣхъ „союзниковъ“ правъ римскаго гражданства. Другими словами, Римъ постепенно превратился изъ государства-города въ государство-страну, т.-е. вся Италия была инкорпорирована въ римскую государственную территорію, которая обозначалась словами „Ager Romanus“ (буквально — римское поле). Территорія римскаго гражданства постепенно росла вслѣдствіе присоединенія къ ней смежныхъ или черезполосныхъ территорій, пока Ager Romanus не поглотилъ всю Среднюю и Южную Италію. Это было постепенное инкорпорированіе большой страны въ государственную территорію одной гражданской общины. До этого момента въ подвластной Риму Италиі населеніе состояло изъ гражданъ (cives) и союзниковъ (socii), пока тѣ и другіе не слились въ одно цѣлое, но внѣ Италиі, завоевываемыя новыя земли, римляне заводили иные порядки. Римскія внѣ-итальянскія области назывались провинціями (provinciae), и слово это имѣло весьма определенное значеніе: именно сама Италия провинціей не была. Провинціальное населеніе по общему правилу тоже не считалось не только гражданами, но и союзниками, а обозначалось, какъ подданные (dedititii) или данники (stipendiarii) Рима. По отношенію къ нимъ римляне были не просто господствующимъ народомъ, подобнымъ ассирійцамъ, персамъ, македонянамъ, грекамъ, вмѣстѣ съ покоренными народами подчинявшимся общей для всѣхъ царской власти, но сами пользовались царскою властью надъ

покоренными народами, были, собственно говоря, коллективным государемъ, которому и принадлежала верховная власть надъ провинціями. Пользуясь терминологіей Аристотеля, можно сказать, что самъ Римъ управлялся политически, по отношенію къ своимъ союзникамъ держалъ себя гегемонически, а съ провинціалами обращался деспотически. Римляне, слѣдовательно, безсознательно исполняли тотъ совѣтъ, который Аристотель давалъ Александру Македонскому, когда рекомендовалъ ему для грековъ быть лишь вождемъ, для варваровъ господиномъ¹⁾. Эта деспотическая власть народа-государя надъ его подданными называлась имперіемъ (*imperium*), и надъ Италіей имперія не существовало: эту власть державный народъ римскій вручалъ своимъ намѣстникамъ въ провинціяхъ совершенно такъ же, какъ персидскіе цари вручали власть надъ отдѣльными областями своего царства сатрапамъ. Римскіе намѣстники управляли провинціями отъ имени верховнаго римскаго народа, и дань, вложенная на подданныхъ, шла въ казну этого народа. Однимъ словомъ, держава управлялась деспотически, и внутренняя перемѣна въ Римѣ, установленіе въ немъ единовластія, по существу дѣла не только не измѣнила положенія дѣлъ, но скорѣе сама была вызвана этимъ положеніемъ. Если справедливо, что Римъ далъ своей державѣ единоличнаго правителя, то не менѣе, какъ мы увидимъ, справедливо и обратное утвержденіе, что монарха самому Риму дали его провинціи. Пока, совершенно отвлекаясь отъ вопроса, какую организацию имѣла въ самомъ римско-италійскомъ государствѣ верховная власть, разсмотримъ систему управленія провинціями.

Что первоначально обозначалось словомъ „провинція?“ Въ болѣе раннюю эпоху оно обозначало скорѣе данное должностному лицу порученіе или полномочіе, чѣмъ какую бы то ни было территорію, сначала лишь извѣстный кругъ обязанностей, или сферу дѣятельности, но потомъ и мѣстность, на которую должна распространяться эта дѣятельность, слѣдовательно, напр., и непріятельскую территорію, которая указывалась военачальнику, какъ театръ порученныхъ ему военныхъ дѣйствій, и только въ концѣ именно всякое римское владѣніе внѣ Италіи, надъ которымъ Римъ отдавалъ

¹⁾ См. выше, стр. 160—161.

имперіи намѣстнику и население котораго становилось въ положеніе подданныхъ и данниковъ. Управленіе провинціей было такимъ образомъ тѣсно связано съ временнымъ пользованіемъ въ ней неограниченною державною властью римскаго народа надъ покоренными имъ странами. Первою областью внѣ Италіи, которую завоевали римляне, какъ было уже выше сказано, была Сицилія, и она составила одну провинцію, т.-е. должна была находиться въ завѣдованіи одного намѣстника. Вскорѣ были приобрѣтены Сардинія и Корсика, которыя были для управленія соединены вмѣстѣ и составили другую провинцію. Римляне не создали особой должности для этого управленія, а стали его поручать своимъ же республиканскимъ сановникамъ, прежде всего преторамъ, которые въ Римѣ обладали судебною властью. Сначала былъ одинъ только преторъ (*praetor*),—должность, отдѣлившаяся, какъ извѣстно, отъ консульской власти въ 366 г.; но потомъ (съ 247 г.) ихъ было два—одинъ для разбирательства дѣлъ между гражданами, другой—для разбирательства дѣлъ между гражданами и иностранцами или между одними иностранцами, жившими въ Римѣ; одинъ назывался городскимъ (*praetor urbanus*), другой pereгринскимъ (*peregrinus*), такъ какъ всѣхъ негражданъ у себя римляне называли pereгринами. Вотъ этимъ магистратамъ и стало поручаться провинціальное управленіе, соотвѣтственно съ чѣмъ начали и увеличивать ихъ число. При такой системѣ въ концѣ концовъ пришлось бы создать очень большое число претуръ, но римляне остановились лишь на увеличеніи числа преторовъ до шести, а потомъ стали прибѣгать къ „пророгаціи“, т.-е. къ продолженію срока службы консуловъ и преторовъ, выбравшихся только на годъ, именно для того, чтобы ихъ посылать управлять провинціями. Такіе намѣстники Рима въ завоеванныхъ областяхъ стали называться проконсулами и пропреторами, ибо они посылались въ провинцію, вмѣсто консуловъ и преторовъ. Характеръ власти проконсуловъ и пропреторовъ, отправлявшихся въ провинціи, при этомъ сразу мѣнялся, а именно изъ ограниченной, какою была власть римскихъ магистратовъ, она становилась неограниченною, абсолютною, о чемъ придется говорить еще подробнѣе послѣ.

Суть въ томъ, что они имѣли въ провинціяхъ дѣло уже не съ римскими гражданами, какъ дома, а съ подданными

и данниками Рима. Правда, римскому наместнику при обращении той или другой покоренной области в провинцию, давалась известная инструкция и даже вырабатывался особый провинциальный закон, да и местное право вполне не отменялось, но закон давал только самую общую очерченную будущую организацию провинции, а местное право могло иметь силу, лишь постольку, поскольку наместник не находил его противоречащим римскому законодательству, главное же значение во всем управлении провинцией имел эдикт (edictum) самого наместника, бывший тоже сколком с преторского эдикта в самом Риме, который заключал в себя принципы будущей судебной деятельности данного магистрата. В сущности, проконсул или пропретор был и законодателем в своей провинции, хотя, конечно, посылаясь в провинцию только на один год, он сохранял эдикт своего предшественника, делая в нем иногда лишь некоторые изменения. С наместником отправлялся в порученную ему управлению область целый штат других должностных лиц, каковы были квестор для заведования финансовою частью, легаты, бывшие не то чиновниками особых поручений, не то советниками наместника и даже, быть может, контролерами его действий, и разные другие члены его кохорты (cohortes praetoriae). Римский сенат особенно хлопотал о том, чтобы дать каждой провинции такую организацию, при которой меньше всего можно было бы опасаться возстаній. И для этого у Рима было старое, испытанное средство „господствовать, разделяя“ (divide et impera), т.-е. не давать подчиненным соединиться в общем интересе и даже, наоборот, разъединять их, разделять их интересы. Уже устраивая Италию, Рим старался изолировать каждый отдельный город, ставя все их в разные отношения к самому себе и не позволяя им завязывать каких-либо связи между собою: в Италии были именно общины, население которых пользовалось правами римского гражданства до права подачи голоса в римских народных собраниях (civitates cum suffragio) включительно или без этого права (civitates sine suffragio); были так называемые латинские колонии (coloniae latinae) с внутренним самоуправлением, но без прав римских граждан; были, наконец, союзные государства (civitates foederatae), находившиеся в союз с Римом на очень различных усло-

виях¹⁾. Когда римляне, устроив Италию на таких началах, завоевали Сицилию, они внесли и в нее ту же систему властвования при помощи разделения подвластных. Весь остров был разделен на несколько десятков округов с полным иногда нарушением при этом старых местных связей племенного или политического характера. Напр., Сиракузы временно (до 212 г.) оставались союзным государством, да и вообще римляне в иных случаях сохраняли за теми или другими городами автономию. Впрочем, об этой стороне дела, бывшей все-таки исключением из общего правила, речь у нас будет идти еще впереди, а здесь пока важно только отметить, что Рим ревниво оберегал подвластные общины от искушения войти между собою в более тесные отношения, и поэтому, напр., жители одного округа не могли покупать земли в других округах.

В провинциальном устройстве не было, далее, ничего похожего на отделение военной власти от гражданской, какое мы видим в организации Персидской державы Дарием²⁾. Проконсул и пропретор был и военачальником, и администратором—опять-таки, как и консулы в самом Риме. В распоряжении римского наместника была военная сила, состоявшая из римских гарнизонов и местных милиций, и, опираясь на эту силу, проконсул или пропретор, облеченный неограниченною властью, мог делать все, что ему было угодно, тем более, что во многих провинциях жители и раньше управлялись деспотически и давно уже поэтому привыкли к произвольным поступкам властей—еще во времена собственных царей и сатрапов (особенно на Востоке). Правда, при оставлении наместником области провинциалы могли жаловаться в Рим, но они пользовались этим правом—все по той же рабской привычке—редко, а если и жаловались, то в большинстве случаев от этого не было никакой для них пользы: судьями были свои же люди, из той же римской олигархии, которая фактически захватила в республике все в свои руки.

Для Рима провинции были прежде всего доходною статьею. В экономическом отношении, если можно так выразиться, Рим как бы извне присосался к громадному конгломе-

¹⁾ „Государство-город“, стр. 296—299.

²⁾ См. выше, стр. 120.

рату земель вокруг Средиземнаго моря, уже раньше объединенных экономически, финикийскою и греческою торговлей, а потомъ объединенному и политически подъ одною властью государства-города въ цѣляхъ главнымъ образомъ финансовой эксплуатаціи. Подобно тому, какъ раньше персидскіе цари облагали отдѣльныя сатрапіи извѣстнымъ количествомъ дани,—причемъ обогащались и сами сатрапы,—такъ и Римъ обложилъ всѣ свои провинціи громадными налогами, предоставивъ и намѣстникамъ своимъ наживаться, кто какъ умѣлъ. Главная разниа заключалась въ томъ, что все остававшееся по покрытіи необходимыхъ государственныхъ расходовъ, въ Персіи было доходомъ самого царя, тогда какъ въ Римѣ превышеніе доходовъ надъ расходами являлось чистымъ барышомъ державнаго народа, правда, распредѣлявшимся въ высшей степени неравномѣрно между нобилитетомъ и пролетаріатомъ, на которое распалось римское гражданство въ эпоху великихъ завоеваній¹⁾.

Римскій народъ смотрѣлъ на колоніи, какъ на свою „добычу“ (*praeda populi romani*), и прежде всего, конечно, такой добычей была провинціальная земля, т.-е. самая почва провинцій, а потомъ и всѣ прежніе государственные доходы, въ нихъ существовавшіе.

Посмотримъ сначала, что стало съ поземельною собственностью подданныхъ римскаго народа. *De jure* вся провинціальная земля становилась собственностью этого народа, т.-е. подходила подъ понятіе *agri publici* (государственной земли), и со всѣмъ остальнымъ она поступала въ завѣдованіе представителя верховной римской власти, а потому каждый ея клочекъ долженъ былъ что-либо платить въ пользу Рима. Но этотъ общій принципъ могъ примѣняться на практикѣ весьма различнымъ образомъ, ибо римляне и здѣсь не придерживались какой-либо однообразной системы. Часть земли державный народъ могъ оставить прямо за собою путемъ экспроприаціи прежнихъ ея владѣльцевъ, и въ эту же категорію должны были попадать и прежнія казенныя имѣнія, гдѣ они существовали, эксплуатировалась же такая земля отдачею въ аренду. Иногда земля отчуждалась и въ постоянное наследственное пользованіе за уплату такъ называемаго „вектигала“ (*vectigal*). Съ другой стороны, однако, и прежніе владѣльцы часто получали свои земли обратно съ обязатель-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 292 и слѣд.

ствомъ тоже уплачивать оброкъ, называвшійся „стипендіемъ“ (*stipendium*). И условія пользованія землею были разные, и какъ размѣръ, такъ и форма поземельныхъ налоговъ были тоже разные. Напр., въ Сициліи однѣ общины платили десятину съ урожая своихъ полей и садовъ, откуда и назывались „десятинными“ (*civitates decumanae*), тогда какъ другія, обозначавшіяся, какъ *civitates censoriae*, вносили оброкъ въ большемъ размѣрѣ. Во многихъ провинціяхъ уже до римскаго завоеванія существовало крупное землевладѣніе, которое подъ римскимъ владычествомъ стало только еще больше развиваться, такъ какъ римскіе богачи устремились приобрѣтать земли въ провинціяхъ всякими правдами и неправдами. Мы тоже еще остановимся послѣ на этомъ процессѣ образованія латифундіальнаго землевладѣнія, которому очень помогло превращеніе массы земли въ государственную собственность Рима.

Всѣ вообще государственные доходы областей, превращавшихся въ римскія провинціи, тоже дѣлались собственностью римскаго народа, вступавшаго въ права прежнихъ правительствъ. Сюда, напр., нужно отнести и разные портовые, таможенные и дорожные пошлины, существовавшія здѣсь или тамъ еще до прихода римлянъ. Проконсуль или пропреторъ получалъ казенное содержаніе, равно какъ весь его штатъ и войско, но квартирное довольствіе или подводы должны были даваться обывателями, а кромѣ того, намѣстнику предоставлено было право требовать отъ нихъ, за извѣстное вознагражденіе или въ счетъ будущихъ благъ, разные другіе предметы, какъ-то: хлѣбъ, холстъ и т. п. Все это давало широкій просторъ вымогательствамъ римскихъ намѣстниковъ, и въ серединѣ II в. до Р. Х. въ Римѣ былъ даже организованъ особый судъ для обузданія вымогателей (*questio perpetua de pecuniis repetundis*). Тяжесть положенія провинціаловъ ухудшалась тѣмъ, что при невыработанности административныхъ органовъ государства Римъ отдавалъ сборъ своихъ доходовъ на откупъ. Частныя лица или цѣлыя компаніи (*societates*), бравшія на откупъ налоги, оброки и пошлины и называвшіяся „публиканами“ (*publicani*, что происходитъ отъ *publica*, т.-е. государственные доходы), приобрѣтали это право съ торговъ или въ самой провинціи, или въ Римѣ и, конечно, пользовались имъ для своего обогащенія. Намъ еще придется вернуться къ откупной системѣ

римскаго государственнаго хозяйства, а здѣсь нужно было отмѣтить этотъ фактъ лишь для полноты картины эксплуатаціи провинцій Римской республикой. Даже когда проконсулъ или пропреторъ уѣзжалъ изъ своей провинціи, обычай требовалъ, чтобы ему подносили золотой вѣнокъ (*augur socium*) въ знакъ благодарности и на добрую память.

Провинціалы по отношенію къ Римской республикѣ были не гражданами и не союзниками (кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ), а подданными и данниками и стояли внѣ гражданской общины Рима, какъ peregrini, какъ иностранцы, хотя бы они жили постоянно и въ самомъ Римѣ. Такое положеніе ихъ продолжалось, какъ мы увидимъ, до начала III в. по Р. Х., т. е. со времени образования первой римской провинціи около четырехъ съ половиною вѣковъ не было de jure равноправности между римлянами и не-римлянами, хотя, какъ тоже увидимъ, фактически разница постепенно сглаживалась и все большее и большее количество peregrinorum вступало въ число римскихъ гражданъ.

Особенно привилегированное положеніе получили въ предѣлахъ Римской державы греческіе города. Еще до распространения своихъ владѣній за предѣлами Италіи римляне уже имѣли дѣло съ греческими колоніями на югѣ полуострова и приняли ихъ въ составъ своего италійскаго союзнаго государства на правахъ федеративныхъ общинъ. Затѣмъ греческія же государства-города были и въ Сициліи, и Римъ въ самомъ началѣ утвержденія своей власти на этомъ островѣ смотрѣлъ на нихъ, какъ на свободныя союзныя государства. Когда римляне завладѣли, далѣе, Греціей, то и здѣсь за многими городами оставили широкія права самоуправленія съ освобожденіемъ отъ какой бы то ни было дани. Римъ не могъ не чувствовать культурнаго превосходства грековъ, да и эллинистическій Востокъ въ этомъ отношеніи тоже стоялъ выше Рима. Въ экономическомъ отношеніи восточныя провинціи равнымъ образомъ превосходили Италію и западныя провинціи. Здѣсь была старая, вѣковая культура, когда Римъ еще только-что выступалъ на свою историческую дорогу. Если политическое объединеніе среди-земно-морскихъ странъ вышло изъ Рима, то экономическое и культурное его объединеніе началось съ Востока, въ частности изъ Финикіи и Греціи. Если въ обоихъ этихъ отношеніяхъ Италія значительно уступала Востоку, то это,

однако, нисколько не помѣшало ей политически стать во главѣ древняго міра: и персы, и македоняне, дважды объединявшіе Востокъ, тоже въ экономическомъ и культурномъ отношеніи стояли ниже тѣхъ народовъ, которыхъ подчинили своей власти. Въ то время, какъ въ восточныхъ провинціяхъ имперіи давнымъ-давно процвѣтала промышленность и торговля, римская Италія продолжала жить главнымъ образомъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Сдѣлавшись владыкою міра, Римъ обогащался военною добычею и данью провинцій и за получавшіяся такимъ путемъ деньги могъ, не развивая собственной своей промышленности, покупать нужные ему товары. До самаго конца имперіи Востокъ оставался впереди Запада, который господствовалъ надъ нимъ лишь политически, но не экономически и не культурно. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ утверждать, что Римъ, такъ сказать, извнѣ, примкнулъ къ эллинистическо-восточному міру, и что завоеваніе Западной Римской имперіи германцами было какъ-бы отторженіемъ его отъ болѣе древняго, чѣмъ онъ, историческаго міра. Не даромъ же и центръ политической жизни около 300 г. переносится изъ Италіи на берега Босфора, гдѣ возникаетъ скоро „Новый Римъ“ на мѣстѣ древней греческой колоніи Византіи, которая и продолжаетъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ традицію основанной старымъ Римомъ имперіи.

ГЛАВА XIV.

Происхожденіе римской императорской власти.

„Превращеніе Рима изъ республики въ имперію“.—Мнѣніе Полибія о римскомъ государственномъ устройствѣ.—Общій характеръ римской республиканской магистратуры.—Сосредоточеніе власти въ рукахъ наместниковъ въ провинціяхъ.—Потребность въ централизаціи имперіи надъ провинціями.—Возникновеніе единоличной власти въ Римѣ.—Военный элементъ власти римскихъ императоровъ.—Историческое прошлое трибуната и включеніе трибунской власти въ составъ принципата.—Греческая тираннія и римскій цезаризмъ.—Сложность состава римской императорской власти.

Мы привыкли говорить, что въ 30 г. до Р. Х. Римъ изъ республики превратился въ имперію. Если бы эту фразу въ

переводъ на латинскій языкъ мы могли сказать какому-либо современнику этого событія, онъ насъ не понялъ бы, ибо у насъ оба слова, т.-е. и республика, и имперія получили совѣмъ иное значеніе, чѣмъ то, какое они имѣли у римлянъ. Римскому значенію республики лучше всего соотвѣтствуетъ наше слово государство, и римляне могли поэтому говорить, что было время, когда ихъ республикой правили цари: это не было обозначеніемъ опредѣленной формы государственнаго устройства, противоположнаго монархіи, какъ съ другой стороны, и слово „imperium“ обозначало собою не монархическую форму правленія, а вообще высшую государственную власть, принадлежавшую въ послѣдней инстанціи римскому народу теоретически и послѣ Августа. Вышеприведенная обычная у насъ фраза имѣетъ тотъ смыслъ, что имперій, который принадлежалъ намѣстникамъ римской республики надъ провинціями, дотолъ разрозненный и несосредоточенный, объединился въ рукахъ одного высшаго магистрата, и что этотъ единоличный представитель верховной власти вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой Римской республикѣ занялъ исключительное положеніе, соединивъ въ своей особѣ всѣ главныя должности, происшедшія изъ постепеннаго расчлененія первоначальной царской власти. Говоря короче, новая власть, возникшая въ Римѣ въ концѣ I в. до Р. Х., съ одной стороны, вытекала изъ проконсульства или пропреторства, въ которомъ были соединены всѣ власти, но которое само было раздроблено между многими отдѣльными правителями провинцій, а съ другой, была результатомъ объединенія въ одномъ лицѣ разныхъ властей, которыя были раздѣлены между отдѣльными лицами въ самомъ Римѣ. Носитель этой власти не могъ быть однимъ и тѣмъ же для римскихъ гражданъ и для peregrinorum, поскольку для первыхъ онъ оставался все-таки однимъ изъ ихъ среды, а для другихъ—общимъ представителемъ римскаго имперія надъ провинціями, т.-е. тутъ была двойственность въ родѣ той (но ей неаналогичная), какая была въ положеніи Александра Македонскаго по отношенію къ эллинамъ и варварамъ¹⁾. На Востокѣ, въ эллинистическихъ царствахъ эта разница скоро стерлась, но въ Римской державѣ она держалась и давала себя чувствовать довольно долго послѣ возникновенія этой чрезвычайной магистратуры. Въ

¹⁾ См. выше, стр. 140.

концѣ концовъ разница и здѣсь исчезла, и римскій императоръ превратился въ царя на эллинистическій или даже древне-восточный ладъ, соединивъ въ своихъ рукахъ и все то, что возродилось изъ древней царской власти, и еще болѣе все то, что сохранилось изъ временъ эллинистической монархіи. Во всякомъ случаѣ республиканское устройство Рима перешло въ монархическое, и въ общемъ счетѣ большую часть своего историческаго существованія Римская держава имѣла не республиканскій, а монархическій строй. Если считать за особенно важный моментъ въ исторіи римскаго владычества середину II в. до Р. Х., когда были покорены Македонія, Греція и Карфагенская область, и вскорѣ послѣ того была приобрѣтена цѣлая провинція въ Малой Азіи, то въ республиканской формѣ Римъ господствовалъ надъ средиземноморскими странами лишь какихъ-нибудь 120 лѣтъ, причемъ и отъ завоеванія первой провинціи до установленія имперіи прошло только немногимъ больше 200 лѣтъ, тогда какъ монархическую форму римская держава имѣла около пяти вѣковъ, не считая ея продолженія въ Византіи, которая, какъ извѣстно, не сразу сдѣлалась имперіей чисто греческой.

Въ римскомъ государственномъ устройствѣ еще греческій историкъ Полибій, писавшій за сто лѣтъ до установленія императорской власти, усматривалъ существованіе монархическаго элемента¹⁾. Въ греческой политической литературѣ еще задолго до Полибія сталъ высказываться взглядъ, что наилучшею формою государственнаго устройства есть та, которую можно назвать смѣшанною изъ монархіи, аристократіи и демократіи²⁾. Уже Аристотель говоритъ, что въ его время,—слѣдовательно, въ IV в.—нѣкоторые думали такимъ образомъ и указывали на Спарту, какъ на осуществленіе этого принципа. Основатель стоической школы Зенонъ прямо держался того же мнѣнія, и Полибій равнымъ образомъ раздѣлялъ этотъ взглядъ, который и примѣнилъ къ анализу римскаго государственнаго устройства своего времени. Онъ находилъ это устройство „многосложнымъ“, но именно различалъ въ немъ три поименованные элемента, а въ ихъ числѣ

¹⁾ Выдержки изъ Полибія касательно этого предмета приведены въ книгѣ „Государство-городъ“, стр. 335—337. Ср. также стр. 141—142.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 226.

и элементъ монархической. Послѣдній онъ находилъ въ римской магистратурѣ. „Если, говорить онъ, мы сосредоточимъ вниманіе на власти консуловъ, государство покажется намъ монархическимъ и царскимъ.. Всякій, кто обратитъ свой взоръ только на эту власть (т. е. консульскую), въ правѣ будетъ назвать Римское государство истинной монархіей или царствомъ“. Въ этомъ отношеніи Полибій глубоко понялъ характеръ римской магистратуры, но онъ также и глубоко ошибался, когда думалъ, что прославляемое имъ равновѣсіе монархіи, аристократіи и демократіи продлится вѣчно, и что „чрезмѣрное усиленіе одной изъ властей и превознесеніе надъ прочими совершенно невозможно“. Случилось именно то, что греческій историкъ считалъ какъ-разъ невозможнымъ.

Консульская власть и другія магистратуры, изъ нея выдѣлившіяся, были результатомъ постепеннаго расчлененія бывшей когда-то въ Римѣ царской власти и занимали въ республикѣ вполнѣ самостоятельное положеніе. Хотя царскій періодъ римской исторіи извѣстенъ намъ лишь по позднѣйшимъ легендамъ, тѣмъ не менѣе по характеру власти магистратовъ, на которыя расчленилась власть царей, мы имѣемъ право утверждать, что старый римскій царь пользовался всею полнотою верховенства безъ всякихъ формальныхъ ограниченій. Сначала имперій, принадлежавшій царю, сосредоточивался въ рукахъ двухъ консуловъ, потомъ у консуловъ взяли завѣдваніе народною переписью, отъ которой зависѣло распредѣленіе гражданъ по классамъ и даже пополненіе сената, и передали его вмѣстѣ съ распоряженіемъ финансами государства цензорамъ, а нѣсколько позднѣе отдѣлили и высшую судебскую власть, перешедшую къ преторамъ¹⁾. Всѣ эти должности имѣли вполнѣ самостоятельное значеніе, но наиболѣе важною оставалось все-таки консульство, бывшее настоящимъ наслѣдіемъ прежней царской власти. Правда, „дома“ (domi), въ самомъ Римѣ, существовала апелляція на консульскія рѣшенія, или провокація къ народу (provocatio ad populum), но ея уже не было „на войнѣ“ (militiae), въ лагерныхъ стоянкахъ, въ провинціяхъ, но временамъ же, когда было нужно единство дѣйствій, и на короткій срокъ, римляне какъ бы возстановляли подъ названіемъ диктатуры единоличную власть съ неограниченными

¹⁾ Ср. „Государство-городъ“, стр. 46—47 и 84.

правами. Элементы для образованія монархіи были всегда готовы, и стоило только одному лицу соединить въ себѣ разныя магистратуры или получить постоянную диктатуру, чтобы могла возникнуть единоличная власть, монархія.

Еще болѣе было готовыхъ элементовъ для образованія монархической власти въ провинціяхъ. Въ Римѣ у консула былъ товарищъ, другой консулъ, который могъ сдерживать его произволъ, но въ провинціяхъ проконсулъ или пропреторъ былъ одинъ и ни съ кѣмъ не дѣлилъ своей власти. Въ Римѣ на консульскія рѣшенія можно было апеллировать къ народу, въ провинціяхъ же такой провокаціи не существовало: это уже было не „дома“, а въ странѣ, находившейся на „военномъ положеніи“. Наконецъ, въ Римѣ были народные трибуны, имѣвшіе право останавливать дѣйствія консуловъ, а въ провинціяхъ такихъ сановниковъ тоже не существовало. Весьма часто римскій намѣстникъ при этомъ бывалъ настоящимъ преемникомъ прежняго царя, и недаромъ на Востокѣ населеніе называло Помпея „царемъ царей“. Стоило одному лицу сосредоточить въ своихъ рукахъ весь имперій надъ провинціями, и Римская держава внѣ Италіи получала въ такомъ лицѣ настоящаго монарха.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ управленія провинціями была полная его децентрализація. Это управленіе находилось въ рукахъ намѣстниковъ отдѣльныхъ провинцій, и въ Римѣ не было никакого центрального органа, который придавалъ бы этому управленію единство и общее направленіе. Между тѣмъ многія обстоятельства указывали на необходимость централизаціи имперіи. Около 70 г. до Р. Х. большую опасность для Рима составляли пираты на Средиземномъ морѣ, съ которыми оказалось очень труднымъ справиться при отсутствіи такой власти, которая могла бы распоряжаться на всемъ пространствѣ римскихъ владѣній, и вотъ сенатъ и народъ дали знаменитому Помпею порученіе очистить Средиземное море отъ пиратовъ, передавъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему на три года имперій надъ моремъ и берегами на десять миль въ глубь окружающихъ его странъ съ правомъ назначать начальниковъ флота и полководцевъ и брать деньги изъ всѣхъ государственныхъ кассъ. Помпей блестящимъ образомъ выполнилъ это порученіе и сложилъ съ себя чрезвычайную власть, которая ему была дана, но и потомъ ему дѣлались важныя порученія общеимперскаго характера,

какъ, напр., по завѣдованію хлѣбною торговлею на всемъ пространстве римскихъ владѣній. Тотъ же Помпей, однако, заключилъ съ двумя вліятельными политическими дѣятелями Цезаремъ и Крассомъ частное соглашеніе для раздѣла между собою имперія надъ провинціями, и по образцу этого, какъ его называютъ, перваго триумвирата, устроившагося въ 60 г., черезъ полтора съ небольшимъ десятка лѣтъ (въ 43 г.) уже самъ римскій народъ учредилъ официально второй триумвиратъ, члены котораго тоже подѣлили между собою имперію.

При другихъ обстоятельствахъ въ Римѣ могъ бы образоваться постоянный коллегіальный центральный органъ для управленія провинціями, но внутренняя жизнь державнаго города складывалась именно такъ, что сосредоточеніе имперія надъ провинціями должно было получить не республиканскій, а монархическій характеръ. Выше было указано, что въ Римѣ по временамъ и всегда на короткій срокъ какъ бы восстанавливалась царская власть подъ названіемъ диктатуры. Уже въ 82 г. до Р. Х. сенатъ впервые избралъ въ диктаторы на неопредѣленный срокъ Суллу съ полномочіемъ совершить реформу государства, и Сулла, если бы только захотѣлъ, могъ бы пользоваться этою чрезвычайною властью до самой своей смерти. Вторымъ примѣромъ передачи широкой власти одному лицу было полученіе чрезвычайнаго полномочія Помпеемъ. Наконецъ, послѣ распадѣнія перваго триумвирата, именно въ 46 г., положеніе единоличнаго главы государства было предоставлено народомъ и сенатомъ Цезарю, котораго сдѣлали на всю жизнь диктаторомъ и цензоромъ и на десять лѣтъ консуломъ и которому дали почетный титулъ императора, объявивъ его при этомъ еще, подобно трибунамъ, священнымъ и неприкосновеннымъ. Этотъ же титулъ и эту же привилегію получилъ и членъ второго триумвирата, послѣ того, какъ онъ отдѣлился отъ своихъ товарищей, Октавіанъ Августъ, съ котораго начинается непрерывный рядъ единоличныхъ правителей Рима. И Августъ, какъ увидимъ, совмѣщалъ въ себѣ разные республиканскіе магистраты съ проконсульскою властью (*imperium proconsulare*) въѣ Рима и трибунскою властью (*tribunicia potestas*) въ самомъ Римѣ.

Слово „*imperator*“ вообще не имѣло въ Римѣ значенія монархическаго титула, не было синонимомъ слова „*rex*“ (царь). Это званіе, означавшее только главнокомандующаго

арміей, давалось обыкновенно полководцу послѣ первой одержанной имъ крупной побѣды надъ непріателемъ. Титулъ императора можно было получать даже нѣсколько разъ, именно послѣ каждой большой побѣды. Первые единоличные правители Римской державы обозначались, какъ *принцепсы* (*principes*), и въ этомъ смыслѣ преемникъ Августа, Тиберій, говорилъ, что императоръ онъ для только солдатъ, а для гражданъ—лишь принцепсъ. Обозначеніе высшей власти въ Римской имперіи, какъ императорской, стало входить въ употребленіе только позднѣе, и греческимъ переводомъ римскаго термина сдѣлалось *автократоръ* (*αὐτοκράτωρ*), буквально—„самодержецъ“. У грековъ этотъ терминъ не былъ новымъ. Напримѣръ, во II в. до Р. Х. Ахейскій союзъ, во время войны своей со Спартою облекъ своего выборнаго главу Арата, носившаго названіе стратега (полководца), безответственною властью и присоединилъ къ названію его должности титулъ „автократоръ“. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве и потому, что въ Римской имперіи произошло въ сущности то же самое, что и въ Ахейскомъ союзѣ, гдѣ аналогичныя причины создали временную концентрацію неограниченной власти въ рукахъ полководца-правителя. „Разнородность состава Ахейскаго союза, говоритъ одинъ русскій историкъ, трудность постоянныхъ дѣятельныхъ сношеній между составными общинами и ихъ гражданами, отсутствіе учреждений, которыя обезпечивали бы за народомъ его верховныя права и неослабный контроль надъ поведеніемъ выбранныхъ имъ должностныхъ лицъ, — все это неизбежно приводило къ предоставленію главѣ исполнительной власти такихъ полномочій и такого вліянія на дѣла, какія приличествовали не выбираемому на одинъ годъ и во всякое время ответственному передъ народомъ вождю, но полновластному единоличному правителю“¹⁾. — Военный элементъ императорской власти въ Римской имперіи имѣетъ очень важное значеніе. Первоначальнымъ римскимъ войскомъ былъ вооруженный народъ, сами граждане, отправлявшіеся на войну. Приблизительно съ 100 г. до Р. Х., благодаря извѣстному Марію, римское войско стало пополняться и не-гражданами, равно какъ

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 249. Цитата изъ работы проф. Мищенко „Федеративная Эллада и Полибій“ въ I томѣ его перевода Полибія, стр. ССХL.

и пролетаріями, вмѣсто одного земельного крестьянства, и мало-по-малу оно превратилось въ наемную армію, которая выродилась затѣмъ въ слѣпое орудіе честолюбивыхъ полководцевъ. Это была новая сила, которая рано или поздно должна была подкопать старый государственный строй Рима.

Честолюбивые полководцы въ лицѣ Марія и Суллы открываютъ своимъ междоусобіемъ цѣлый рядъ внутреннихъ раздоровъ, театромъ которыхъ, кромѣ Италіи, сдѣлались и провинціи и которыя окончились лишь утвержденіемъ единой державы Августа, причѣмъ на войско съ ихъ любимыми вождями стали опираться и политическія партіи, враждовавшія за вліяніе и власть въ государствѣ. Послѣ Суллы, побѣдившаго Марія, выдвинулся Помпей, который добилъ маріанцевъ, но самъ нашелъ соперника въ лицѣ Цезаря. Ихъ междоусобіе потрясло не одну Италію, но и провинціи, гдѣ тоже произошло нѣсколько большихъ сраженій, потрясло Македонію (Фарсалъ), Африку (Тапсъ) и Испанію (Мунда). За борьбою второго триумвирата съ республиканскою партіей (битва при Филиппахъ, въ Македоніи) вскорѣ послѣдовало междоусобіе Антонія и Октавіана, окончившееся побѣдою послѣдняго (при Акціумѣ, на западномъ берегу Греціи) и включеніемъ въ Римскую имперію Египта, поддерживавшаго Антонія. Въ теченіе полувѣка возобновлялись эти междоусобія римскихъ полководцевъ, во время которыхъ войско все болѣе и болѣе отвыкало отъ повиновенія гражданскому строю республики, и въ параллель съ этой эпохой въ римской исторіи можно поставить долготѣнія междоусобія полководцевъ Александра Македонскаго, послѣ его смерти дѣлвшихъ его наслѣдство. Только здѣсь эта сходная черта осложнялась тѣмъ, что враждовавшіе между собою полководцы стояли вдобавокъ въ тѣсной связи съ политическими партіями въ самомъ Римѣ. Во всякомъ случаѣ новая власть, установившаяся въ государствѣ, вышла изъ военной среды и опиралась на войско. Самое обозначеніе новой власти, какъ императорской, распространилось и утвердилось раньше всего среди солдатъ, и недаромъ поэтому Тиберій заявлялъ, что императоромъ онъ является только въ войскѣ.

Говоря о тѣхъ элементахъ, которые легли въ основу монархической власти въ Римѣ, нужно сказать и о ея связи съ республиканскимъ учрежденіемъ трибуната.

Должность плебейскихъ трибуновъ (tribuni plebis), воз-

никшая въ началѣ V в., была результатомъ соглашенія между двумя римскими сословіями патриціевъ и плебеевъ и въ своемъ развитіи за четыре съ половиною столѣтія до возникновенія императорской власти пережила три главные стадіи¹⁾. Первоначальною функціей трибуновъ была защита отдѣльныхъ лицъ изъ плебса въ случаяхъ притѣсненій со стороны властей, и для лучшаго исполненія этой своей обязанности трибуны были поставлены подъ особое покровительство религіи, объявлены священными и неприкосновенными, sacrosancti. Изъ этого значенія выросло другое: трибуны сдѣлались представителями всего сословія, руководителями его въ борьбѣ съ патриціатомъ, начавшими даже собирать народныя сходы, изъ которыхъ развились потомъ столь важныя трибутныя комиціи съ важнымъ правомъ участія въ законодательствѣ²⁾. На этой почвѣ развилось потомъ третье, болѣе позднее значеніе трибуновъ, тогда мы видимъ ихъ въ роли главныхъ представителей законодательной инициативы въ Римской республикѣ. Уже въ такомъ качествѣ трибуны, начиная съ братьевъ Гракховъ (133—121), выступаютъ на путь демагогіи въ той партійной борьбѣ, въ основѣ которой была борьба классовая—нобилитета и пролетаріата. Демагогическій трибунатъ обоихъ Гракховъ возбуждалъ въ римской знати сильное опасеніе, да и дѣйствительно, отсюда старымъ основамъ жизни грозила немалая опасность. Уже Кай Гракхъ во время своего вторичнаго трибуновства (122) сталъ, вопреки общему духу прежняго политическаго строя, сосредоточивать въ своихъ рукахъ разныя должности, а именно соединялъ съ трибуновствомъ обязанность триумвира по распредѣленію государственныхъ земель и начальника общественныхъ работъ по проведенію дорогъ въ Италіи. Для того, чтобы парализовать вліяніе Кая Гракха, знать выдвинула противъ него другого трибуна, Ливія Друза, который сталъ дѣлать народу еще болѣе заманчивыя предложенія, нежели тѣ, съ какими передъ нимъ вступалъ Кай Гракхъ. И въ послѣдующей борьбѣ партій, происходившей въ Римѣ, трибуны то и дѣло являлись въ роли демагоговъ. Таковъ былъ, напр., Сатурнинъ, сторонникъ Марія; таковъ былъ и

¹⁾ Для дальнѣйшаго подробности см. въ книгѣ „Государство-городъ“, стр. 118 и слѣд.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 144—146.

другой, болѣе поздній его сторонникъ Сульпицій Руфъ; таковъ былъ знаменитый своимъ насильственнымъ образомъ дѣйствій Клодій во времена Цицерона, таковъ и Куріонъ, помогавшій Цезарю въ началѣ его борьбы съ Помпеемъ и т. п. Во время господства Суллы, поддерживавшаго знать, трибуны были лишены всѣхъ приобрѣтенныхъ ими правъ, и ихъ должность должна была получить прежнее назначеніе — защищать отдѣльныхъ лицъ изъ плебса, но нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти Суллы, распоряженіе диктатора было отмѣнено, и Цезарь именно въ трибунахъ (кроме Куріона, въ Антоніи) нашелъ наиболѣе полезныхъ для себя союзниковъ. Если онъ прямо и не принималъ на себя трибунской власти, ограничившись лишь соединенной съ нею привилегіей спеціальной религіозной охраны (*sacrosanctitas*), то уже Августъ черезъ семь лѣтъ послѣ занятія имъ положенія единоличнаго главы республики, нашелъ нужнымъ облечься и трибунской властью (23). Императорская власть, выросшая на той же самой почвѣ, на которой развилось и демагогическое значеніе трибуната, явилась именно наслѣдницей его демократической политики, защитницей интересовъ и правъ народной массы, и въ этомъ смыслѣ *tribunicia potestas*, приобрѣтенная Августомъ, была очень важною составною частью императорскаго принципата.

Здѣсь слѣдуетъ еще отмѣтить именно общій демократическій характеръ новой власти, установившейся въ Римѣ. Послѣднее столѣтіе республиканскаго періода римской исторіи было ознаменовано борьбою между знатью и простымъ народомъ, аналогичною той, которая происходила раньше въ государствахъ-городахъ Греціи, гдѣ, какъ извѣстно, опираясь на народную массу, отдѣльныя лица захватывали верховную власть въ свои руки и становились такъ называемыми тираннами¹⁾. Греческая тираннія и римскій принципатъ

¹⁾ „Государство-городъ“, глава IX. См. на стр. 107 указаніе на то, что между тиранніей и принципатомъ существуетъ извѣстная аналогія, но что, наоборотъ, трибунатъ въ Римѣ скорѣе спасалъ его отъ тиранніи, чѣмъ былъ суррогатомъ послѣдней. Объ этомъ ср. также стр. 118—119 названной книги. Въ весьма интересной статьѣ *Pöhlmann'a* „Die Entstehung des Cäsarismus“ (въ его сборникѣ „Aus Altertum und Gegenwart. München, 1895. Стр. 245—291) цезаризмъ, который, по словамъ автора, много старше Цезаря,—ставится въ связь именно съ греческой тиранніей

суть явленія одного порядка: и въ первой, и во второмъ мы имѣемъ дѣло съ демократической диктатурой, т.-е. съ неограниченнымъ единовластіемъ отъ лица и во имя народа. Все различіе только въ степени развитія, а не въ типѣ власти и въ томъ, конечно, что сфера примѣненія этой власти въ одномъ случаѣ ограничивалась областью государства-города, во второмъ — предѣлами обширной территориальной державы. Въ XIX в. принято было называть такое сочетаніе принципа народовластія съ единоличнымъ правленіемъ, какое мы находимъ въ теоретической основѣ Римской имперіи, цезаризмомъ, по имени Юлія Цезаря, который былъ первымъ въ исторіи государственнымъ дѣятелемъ, установившимъ такой политической режимъ, и по слѣдамъ котораго шли не только Августъ и его преемники, но въ XIX в. и оба Бонапарта, царствовавшіе во Франціи, Наполеоны I и III. Въ исторіи происхожденія греческой тиранніи, римскаго императорства, итальянскихъ „принциповъ“ (князей) конца среднихъ вѣковъ и обѣихъ наполеоновскихъ имперій въ XIX в. есть одна общая черта — связь всѣхъ этихъ видовъ власти съ демократическими движеніями, оказавшимися не въ состояніи осуществить свои цѣли или даже не ставившими себѣ опредѣленныхъ цѣлей. Это — все вторичныя созданія исторіи, не связанныя неразрывною преемственностью съ тѣми первичными формаціями монархіи, какія мы имѣемъ во власти старыхъ „легитимныхъ“ царей, какими являются намъ всѣ восточные цари, греческіе базиливы, римскіе рексы и т. п. Имя Цезаря, положившаго начало этому виду власти въ Римѣ, сдѣлалось даже нарицательнымъ для ея обозначенія въ Римской державѣ, откуда оно перешло и къ новымъ народамъ. Когда въ славянскомъ и русскомъ переводахъ Новаго Завѣта мы читаемъ слово *цесарь*, въ смыслѣ императора, мы должны знать, что это — греческое *каїсар*, являющееся лишь транскрипціей латинскаго *caesar* (с произносилось во всѣхъ случаяхъ, какъ *k*), какъ и то, что теперешнее нѣмецкое обозначеніе императорскаго титула — *Kaiser* имѣетъ то же самое происхожденіе. Равнымъ образомъ наше *царь* есть лишь стяженная форма слова *цесарь*, которое мы имѣемъ и въ старинномъ нашемъ языкѣ для обозначенія

болѣе поздняго времени. Пѣльманъ даже прибавляетъ, что римское „*Cäsar*“ не прибавило ничего новаго къ своимъ греческимъ образцамъ.

римско-германскаго императора, и въ польскомъ *cesarz*, и въ чешскомъ *cisar* и производными отъ котораго являются *цесарство* въ старо-славянскомъ переводѣ Евангелія или современныи еще титулъ *цесаревича*.

Все это показываетъ намъ, что власть римскихъ императоровъ имѣла очень сложное происхождение, неизмѣримо болѣе сложное, чѣмъ власть египетскихъ фараоновъ или царей ассиро вавилонскихъ, еврейскихъ, мидійскихъ, персидскихъ, македонскихъ, какъ преемниковъ еще болѣе раннихъ князей и судей, этихъ въ свою очередь наслѣдниковъ власти родовыхъ старѣйшинъ¹⁾. Для образованія сложнаго состава римской императорской власти, такъ сказать, потребовалось сочетаніе нѣсколькихъ элементовъ, а именно, во-первыхъ, старой римской магистратуры, возникшей изъ расчлененія первоначальной царской власти; во-вторыхъ, трибунской власти, возникшей и окрѣпшей на почвѣ сословной борьбы патриціевъ и плебеевъ; въ третьихъ, того имперія, который принадлежалъ римскому народу надъ провинціями, а затѣмъ еще и своего рода кондотьерства, т.-е. предводительства надъ подобіемъ частныхъ наемныхъ войскъ, и демагогии, т.-е. руководства народомъ въ его борьбѣ за свои интересы и права. Уже власть Александра Македонскаго по отношенію къ македонянамъ, къ грекамъ и къ бывшимъ подданнымъ Персидской державы была разнороднаго характера, но власть римскихъ императоровъ была еще болѣе сложнаго состава и происхожденія, тѣмъ болѣе, что, какъ мы еще увидимъ²⁾, на нее оказали влияніе и образцы эллинистическихъ монархій.

¹⁾ См. выше, стр. 28 и слѣд.

²⁾ См. ниже, въ гл. XVI.

ГЛАВА XV.

Соціальная причина превращенія Римской республики въ монархію.

Связь политической исторіи Рима съ соціальною. — Общее понятіе соціальной исторіи и ея отношеніе къ исторіи экономической. — Неработанность соціальной исторіи восточныхъ и эллинистическихъ монархій. — Нѣкоторыя общія черты соціальной исторіи древняго міра. — Особое положеніе Рима и влияніе этого положенія на его соціальныи строй. — Образованіе въ республиканскомъ Римѣ нобилитета и пролетаріата. — Ихъ борьба, подготовившая имперію. — Развитіе крупнаго землевладѣнія въ Италіи и въ провинціяхъ. — Роль провинціаловъ въ установленіи имперіи. — Демократическая политика первыхъ римскихъ императоровъ.

Разсматривая исторію установленія въ Римѣ императорской власти, мы должны обратить особое вниманіе на соціальную причину этой политической перемѣны. Первые полтора вѣка Римской республики (между 510 и 366 гг., принимая традиціонныи даты) были наполнены борьбою патриціевъ и плебеевъ, пока не произошло между ними уравненія правъ, но мало-по-малу въ безсозловномъ гражданствѣ выработалась другая соціальная противоположность — нобилитета и пролетаріата, борьба между которыми наполняетъ исторію послѣдняго вѣка республики (133—30 гг.) и подготавливаетъ крушеніе республиканскаго строя¹⁾. Между этими двумя періодами соціальной борьбы, въ теченіе приблизительно двухъ или двухъ съ половиною вѣковъ, внутренняя жизнь римской гражданской общины протекала сравнительно очень мирно, и именно въ этотъ періодъ положено было основаніе державной власти Рима надъ странами, окружающими Средиземное море²⁾. Во все это время у нобилитета, составлявшаго настоящій правящій классъ республики, никто не оспаривалъ пріобрѣтеннаго имъ авторитета, и сенатъ, бывшій главнымъ органомъ этого правящаго класса, напра-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 82—84, 89—91, 105—106, 180—181, 202—204.

²⁾ См. выше, стр. 176—177.

влялъ въ его интересахъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику государства. Это былъ періодъ полного господства богатой римской знати, когда она все болѣе и болѣе усиливалась, благодаря подчиненію Риму многихъ странъ, которыя должны были платить своимъ господамъ большую дань и въ которыхъ отдѣльныя лица изъ правящаго класса римской гражданской общины широко пользовались своимъ положеніемъ для дальнѣйшаго обогащенія. Къ этому періоду внутренняго мира вполне примѣняются приведенныя уже выше слова одной изъ Маккавейскихъ книгъ о римлянахъ, отмѣчающія ихъ внутреннюю дисциплину и отсутствіе у нихъ раздоровъ ¹⁾. Но это благополучное и мирное (внутри республики) пользованіе почетомъ, властью и матеріальными выгодами продолжалось лишь до начала послѣдней трети второго вѣка до Р. Х., когда римская демократія изъ преимущественно сельской и крестьянской превратилась въ городскую и пролетарскую, когда стала образовываться въ самомъ правящемъ классѣ демократическая партія, и когда во главѣ народа въ качествѣ его вождей начали смѣнять другъ друга отдѣльные политическіе дѣятели, т.-е. или трибуны-демагоги, или полководцы приобрѣтавшіе консулство (Марій, напр., семь разъ) или диктатуру (Цезарь даже пожизненно) и управленіе провинціями. Внутреннія смуты социальнаго характера въ Римѣ, отражающіяся и на провинціяхъ, благодаря междоусобіямъ военныхъ главъ аристократической и демократическихъ партій,—вотъ въ какихъ словахъ можно резюмировать весь послѣдній вѣкъ въ исторіи Рима и его провинцій передъ установленіемъ императорской власти. У знати вліяніе, власть и право на матеріальныя выгоды міродержавства стали оспариваться демократіей, которая оказалась достаточно сильною, чтобы сломить господство олигархіи, но — и въ смыслѣ политическаго развитія, и въ отношеніи организаціонномъ, и по своему экономическому состоянію—не настолько развитою, чтобы превратить римскую гражданскую общину изъ олигархіи въ демократическое государство. Римская демократія оказалась въ состояніи образовывать лишь прочную опору для единоличнаго правленія, но въ томъ же направленіи дѣйствовало и населеніе провинцій, тяготившееся правленіемъ римской

¹⁾ См. выше, стр. 177, примѣч.

знати съ ея сенатомъ, ея проконсулами и ея публиканами. Такова именно и была социальная подкладка новаго политическаго строя, установившагося въ Римѣ.

Съ точки зрѣнія политической исторіи эта перемѣна давнымъ-давно уже была вполне достаточно освѣщена наукою, которая, конечно, имѣла при этомъ въ виду и социальныя отношенія той эпохи, но именно какъ отношенія, служащія объясненію политическаго факта, а не какъ отношенія, сами по себѣ имѣющія большой интересъ и тоже еще требующія освѣщенія съ экономической точки зрѣнія. Еще сравнительно очень недавно экономическая исторія была совершенно почти не разработана, и, напр., даже еще Грановскій думалъ, будто политическая экономія важна только для историковъ, изучающихъ послѣдніе три-четыре вѣка европейскаго прошлаго ¹⁾. Въ настоящее время, наоборотъ, обращено усиленное вниманіе на разработку экономической исторіи, возникло и особое, специально экономическое направленіе исторіографіи, и даже приобрѣла популярность,—въ данную минуту, впрочемъ, падающую,—теорія экономическаго матеріализма, которая въ экономикѣ усматриваетъ единственную реальную основу общества, а во всемъ остальномъ, т.-е. въ государствѣ и въ правѣ, въ религіи и въ другихъ общественныхъ „идеологіяхъ“ видитъ только одни надстройки. Конечно, это—теорія односторонняя, но въ ней заключается и крупная истина—признаніе исключительной важности экономическихъ отношеній въ генезисѣ и эволюціи социальнаго строя ²⁾. Не нужно притомъ, какъ это иногда ошибочно дѣлается, отождествлять экономическую и социальную исторію. Экономическая исторія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, касается только производства и распредѣленія хозяйственныхъ благъ, т.-е. земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли и т. п., тогда какъ предметомъ социальнаго строя является общественный строй съ его классами и сословіями, взаимныя ихъ отношенія въ хозяйственномъ, правовомъ и государственномъ смыслахъ, ихъ борьба въ разныхъ сферахъ жизни и сопровождающія эту борьбу идейныя теченія, по-

¹⁾ См. мою статью „Историческое міросозерцаніе Грановскаго“ (во 2 изд. „Историко-философскихъ и социологическихъ этюдовъ“, стр. 370).

²⁾ Изложеніе и критику этой теоріи см., между прочимъ, въ моей книгѣ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“.

сколькѣ въ нихъ формулируются интересы и традиціи, новыя стремленія и старыя предрасудки отдѣльныхъ социальныхъ классовъ. Выдѣленіе социальной исторіи въ особое направление историографіи относится къ сравнительно позднему времени, такъ какъ классовыя взаимоотношенія и возникновенія на ихъ почвѣ явленія стали дѣлаться предметомъ спеціального вниманія только съ середины XIX в., причемъ, конечно, усилія ученыхъ изслѣдователей направились сначала главнымъ образомъ на исторію современныхъ европейскихъ народовъ¹⁾. Менѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, разработанно оказывается социальная исторія древняго Востока. Для Греціи сдѣлано больше, хотя работа въ этой области началась, главнымъ образомъ, лишь въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX вѣка, и самыя важныя труды охватываютъ эпоху самостоятельнаго существованія Греціи. Гораздо раньше, — спордически еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, — началось и дало неизмѣримо большіе результаты изслѣдованіе социальной исторіи Рима, но и тутъ болѣе систематическая и оживленная работа относится также лишь къ самымъ послѣднимъ десятилѣтіямъ. Въ сравненіи съ исторіей Римской имперіи, для которой мы имѣемъ и гораздо больше матеріаловъ, и которая гораздо больше разрабатывалась, чѣмъ и то и другое можно сказать по отношенію къ монархіямъ древняго Востока и эллинистической эпохи²⁾, мы очень мало знаемъ социальную исторію всѣхъ этихъ государствъ, и равнымъ образомъ она намъ въ общемъ извѣстна гораздо менѣе, чѣмъ и социальная исторія государствъ-городовъ Греціи въ эпоху полной ихъ самостоятельности. Отрывочныя извѣстія о классовомъ или сословномъ составѣ общества, о распредѣленіи поземельной собственности, объ экономическомъ и юридическомъ положеніи рабо-

¹⁾ О современномъ состояніи разработки социальной исторіи см. въ XXX т. „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза-Ефрона статьи В. А. Тураева (Востокъ), В. П. Бузескула (Греція), И. М. Гревса (Римъ и сред. вв.) и мою (новое время). Въ книгѣ „Государство-городъ“ сведены одно цѣлое наиболѣе важныя данныя социальной исторіи Греціи.

²⁾ О степени малой разработанности социальной исторіи эллинистической эпохи можно судить хотя бы на основаніи III тома „Исторіи Греціи“ Белоха, который подвелъ въ немъ итоги подъ научными работами въ этой области. Ср. выше, стр. 170, прим.

чихъ классовъ и пр. и пр., — какъ бы ни были эти свѣдѣнія драгоцѣнны, — не могутъ замѣнить собою полной картины совершавшагося въ исторіи этихъ странъ процесса социальной эволюціи. Особенно въ такой обобщающей книгѣ, какъ та, которую я предлагаю теперь вниманію читателей, затруднительно, при временномъ состояніи научной литературы, дать общее изображеніе социальной эволюціи восточныхъ царствъ въ эпохи ихъ національной независимости и порабоженія ихъ греками.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя общія черты этой эволюціи, особенно не выходя за предѣлы Европы, намѣтитъ все-таки оказывается возможнымъ. Этими чертами можно считать сосредоточеніе поземельной собственности въ сравнительно немногихъ рукахъ¹⁾ съ превращеніемъ нерѣдко земледѣльцевъ въ крѣпостное состояніе²⁾ или уходомъ, въ другихъ случаяхъ, обезземеленныхъ крестьянъ въ города³⁾; далѣе образованіе рядомъ съ классомъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ (а также и прямо въ его составѣ) денежной аристократіи; развитіе во многихъ мѣстахъ рабскаго труда въ сферахъ обрабатывающей промышленности, какъ въ Греціи, или сельскаго хозяйства, какъ въ Италіи, лишившее городскихъ и сельскихъ рабочихъ заработка⁴⁾; превращеніе городского пролетаріата въ „чернь“ (*ὄχλος*, *vulgus*), которую приходилось кормить дешевымъ или даровымъ хлѣбомъ и которая торговала своими голосами въ народныхъ собраніяхъ⁵⁾; возникновеніе недовольства среди обездоленныхъ и — на его почвѣ — социальной борьбы, распространяющейся и на область политики, съ цѣлымъ рядомъ смутъ и революцій⁶⁾. Все это мы видимъ въ государствахъ-городахъ Греціи, и все это болѣе или менѣе повторяется и въ Римѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что полемъ эксплуатаціи общественныхъ силъ и государственнаго достоинства были здѣсь не какой-либо маленькій округъ городской республики, даже не болѣе значительныя территоріи какихъ-

¹⁾ Ср. выше, стр. 43 и „Государство-городъ“, стр. 25, 86, 178—180 и 290.

²⁾ Ср. выше, стр. 44—45 и 173 и „Государство-городъ“, стр. 29—30.

³⁾ „Государство-городъ“, стр. 273.

⁴⁾ „Государство-городъ“, стр. 175—176.

⁵⁾ „Государство-городъ“, стр. 181, 276—278 и 294.

⁶⁾ „Государство-городъ“, гл. XIII.

либо союзом городовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе были подѣ властью Спарты или Аѳинъ ¹⁾, а большая держава, въ составъ которой вошли цѣлыя прежнія царства. Если римскій пролетаріатъ, начавшій играть политическую роль, оставался до конца римскимъ, т.-е. былъ въ сущности столичною чернью, то, наоборотъ, римская знать сдѣлалась мало-по-малу знатною имперскою, распространивъ свою дѣятельность и на провинціи, гдѣ она начала приобретать земли и брать на откупъ взиманіе государственныхъ доходовъ. Благодаря своему политическому могуществу, она могла втянуть въ социальный процессъ, начавшійся въ Римѣ и въ Италіи, также и провинціальное населеніе, распространить сложившіеся въ Италіи аграрные порядки и классовыя отношенія на другія страны и тѣмъ придать социальному вопросу своего времени болѣе широкое и болѣе важное значеніе, чѣмъ онъ могъ имѣть въ маленькихъ государствахъ-городахъ Греціи.

Самъ социальный строй Рима и Италіи, а затѣмъ и всей державы сложился подѣ сильнымъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ и расширенія римскихъ владѣній. Участіе въ войнахъ разоряло римско-италійское крестьянство и тѣмъ содѣйствовало образованію на полуостровѣ крупныхъ помѣстій, или такъ называемыхъ латифундіевъ (latifundia). Ввозъ въ Италію дешеваго хлѣба изъ провинцій еще болѣе способствовалъ паденію крестьянскаго землевладѣнія, а ввозъ рабовъ изъ тѣхъ же провинцій лишалъ сельскую массу заработковъ въ крупныхъ помѣстьяхъ, нерѣдко притомъ переходившихъ отъ земледѣля къ скотоводству. Обезземеливавшееся крестьянство устремлялось въ Римъ, гдѣ только увеличивало пролетаріатъ, не находившій себѣ работы, жившій подачками знати и торговавшій своими голосами въ народныхъ собраніяхъ. Казна и богатые честолюбцы снабжали низшіе слои населенія Рима дешевымъ и даже даровымъ хлѣбомъ, что только еще болѣе привлекало въ столицу безземельный людъ изъ деревень. Наоборотъ, зажиточные классы римскаго гражданства все болѣе и болѣе обогащались, потому что главная выгода эксплуатаціи провинцій доставалась имъ однимъ. Это обогащеніе совершалось разными путями: прямымъ захватомъ добычи во время войнъ, занятіемъ должностей въ областномъ управленіи, приобретеніемъ земель въ провинціяхъ, послѣ того, какъ

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 254 и слѣд. и 264 и слѣд.

въ Италіи утвердилась латифундіальная собственность, и, наконецъ, участіемъ въ откупахъ государственныхъ доходовъ и въ другихъ денежныхъ операціяхъ, какъ въ самой Италіи, такъ особенно внѣ ея предѣловъ.

Наибольшаго вниманія въ этомъ процессѣ образованія знати, мало-по-малу изъ чисто римской, потомъ римско-италійской, превратившейся по своему значенію въ общеимперскую, заслуживаютъ приобретеніе ею земель въ провинціяхъ и участіе въ откупахъ государственныхъ доходовъ. То поземельное устройство, которое постепенно сложилось на почвѣ Италіи, стало распространяться и внѣ ея, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ и раньше уже существовала крупная поземельная собственность, которая послѣ римскаго завоеванія стала только переходить въ руки римскихъ богачей. Особенно, конечно, они стремились приобретать земли, отчасти посредствомъ покупокъ, отчасти посредствомъ долгосрочной аренды ¹⁾, въ странахъ, производившихъ много хлѣба. Одною изъ такихъ провинцій и притомъ первую, доставшеюся Риму, была Сицилія, гдѣ уже при прежнихъ господахъ, т.-е. карфагенянахъ въ одной части острова и грекахъ въ другой—существовали и крупная собственность, и плантаціонная система ея эксплуатаціи, т.-е. большія хозяйства, въ которыхъ обработка земли совершалась рабскимъ трудомъ. Большое развитіе латифундіальное землевладѣніе и рабское хозяйство получили также и въ другой наиболѣе близкой къ Италіи и тоже весьма плодородной провинціи, именно въ Африкѣ, или въ бывшей области Карфагена, гдѣ, равнымъ образомъ, до римскаго завоеванія уже существовало и то, и другое. Въ восточныхъ провинціяхъ одинаково римляне встрѣтились съ очень раннимъ существованіемъ крупнаго землевладѣнія, напр., въ страшно плодородномъ Египтѣ еще съ незапамятныхъ временъ ²⁾, но здѣсь съ латифундіальною собственностью соединена была мелкая (крестьянская, фермерская) обработка земли, что зависѣло отъ болѣе высокаго экономическаго уровня, на какомъ стояли восточныя провинціи имперіи. Понятно, что и въ другихъ странахъ, гдѣ до римлянъ еще не совершилось концентраціи поземельной собственности, этотъ процессъ тоже начинался, какъ только въ

¹⁾ См. выше, стр. 190—191.

²⁾ См. выше, стр. 61.

странѣ утверждалась римская власть. Однимъ словомъ, римскій правящій классъ въ послѣдніе вѣка республики состоялъ изъ земельныхъ магнатовъ, которые не только овладѣли всѣми государственными должностями, но, такъ сказать, и подѣлили между собою значительную часть подвластной Риму территории—какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ—на крупныя помѣстья. Въ настоящее время въ исторической наукѣ все болѣе и болѣе утверждается взглядъ на римскихъ господъ земли особенно въ Италіи и въ западныхъ провинціяхъ, какъ на обладателей большихъ замкнутыхъ домашнихъ хозяйствъ, самодовлѣющихъ въ экономическомъ отношеніи „ойкосовъ“¹⁾, даже своего рода „феодаловъ“ или, по крайней мѣрѣ, родоначальниковъ феодализма. Въ русской литературѣ этотъ взглядъ проводится въ книгѣ проф. И. М. Гревса „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія“ (Спб., 1899), гдѣ собрано громадное количество фактовъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ²⁾. Пока у этой поземельной знати не было соперниковъ, и пока сама она была солидарна, ея власть крѣпко держалась, но съ теченіемъ времени противъ нея выступила въ самомъ Римѣ демократія, да и между самими членами этой знати начались споры за власть, которые и привели къ междоусобіямъ, подкопавшимъ самое существованіе олигархической республики въ пользу цезаризма.

Деньги для скупки земель пріобрѣтались въ Римѣ участіемъ въ эксплуатаціи государственныхъ доходовъ при посредствѣ откуповъ³⁾. Рядомъ съ поземельною знатью образовалась знать денежная, и хотя очень часто отдѣльныя лица могли считать себя принадлежащими и къ той, и къ другой, тѣмъ не менѣе въ послѣднія времена республики въ Римѣ различались сенаторское и всадническое сословія, два подраздѣленія нобилитета въ широкомъ смыслѣ, соответствующія категоріямъ крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ капиталистовъ. Грань между ними провели законы II в. до Р. Х., особые законы о несовмѣстности званія сенатора со службою въ конницѣ (откуда названіе всадниковъ, equites, ordo equester) и о воспрещеніи сенаторамъ участвовать въ

¹⁾ Объясненіе термина см. выше, стр. 41, прим.

²⁾ Со многимъ въ книгѣ проф. Гревса я, однако, не согласенъ, о чемъ см. мою статью въ *Русскомъ Богатствѣ* за 1900 г., №№ 11 и 12.

³⁾ См. книгу проф. Ростовцева, указанную выше (стр. 173).

денежныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. Откупъ государственныхъ доходовъ въ провинціяхъ сдѣлался своего рода специальностью всадническаго сословія. Можно сказать, что сенаторскія и всадническія фамиліи подѣлили между собою эксплуатацію провинцій, взявши на себя разныя функціи, одні—управленіе провинціями и завѣдованіе сельско-хозяйственной дѣятельностью, другія—взиманіе налоговъ и веденіе денежныхъ дѣлъ (кромѣ откуповъ, еще и крупной торговли, и банкирскаго дѣла, а также казенныхъ поставокъ и подрядовъ). Въ рукахъ многихъ всадниковъ сосредоточивались громадныя денежные богатства, и ихъ должниками, подъ условіемъ уплаты громадныхъ процентовъ, являлись нерѣдко даже восточные цари. Между землевладѣльческою и денежною знатью въ Римѣ возникъ антагонизмъ, который еще болѣе осложнилъ происходившую въ государствѣ социальную борьбу, и когда образовалась демократическая партія „популярновъ“, т. е. народниковъ, стремившаяся подрывать значеніе аристократической партіи „оптиматовъ“, то съ самаго же начала (при Каѣ Гракхѣ) сдѣлана была и попытка разъединить интересы сенаторскаго и всадническаго сословія.

Не нужно думать, что оппозиціонные элементы, боровшіеся противъ знати, существовали только въ самомъ Римѣ или въ одной Италіи, потому что они могли быть и, дѣйствительно, были и въ провинціяхъ. Изъ Рима и Италіи шла постоянная эмиграція въ провинціи, гдѣ жило немало римскихъ гражданъ, занимавшихся промышленностью и торговлею, но не принадлежавшихъ къ правящимъ классамъ въ Римѣ,—своего рода мелкая буржуазія, да и въ провинціальныхъ населеніи, особенно на Востокѣ было немало и мѣстныхъ представителей этого социальнаго положенія. Демократія Римской державы не сводилась цѣликомъ къ столичному пролетаріату, игравшему такую видную роль въ народныхъ собраніяхъ конца республики, но включала въ себя и мелкобуржуазные элементы какъ самой Италіи, т. е. ея муниципальных общинъ, такъ и провинцій, а въ послѣднихъ какъ римскаго, какъ и туземнаго происхожденія.

Если имперія въ исторіи Римской державы, смѣнившая господство землевладѣльческою и денежною знатю Рима надъ многомилліоннымъ населеніемъ провинцій, можно назвать демократической диктатурой, то демократія, на которую она

опиралась, заключалась такимъ образомъ не въ одномъ „народѣ“ государства-города Рима, т.-е. въ столичномъ пролетариатѣ, пользовавшемся политическими правами, но и въ безправныхъ „народахъ“ провинцій. Политическая свобода внутри самого Рима была для послѣднихъ не свободой, а рабствомъ, и они готовы были поддерживать всякую власть, которая защитила бы ихъ отъ эксплуатаціи и угнетенія. Потребность централизаціи имперіи, диктовавшаяся необходимостью лучшей организаціи управленія провинціями въ интересахъ самого же Рима ¹⁾, дополнялась потребностью, какую чувствовали сами провинціалы въ лучшемъ способѣ управленія, который, конечно, могъ быть только осуществленъ ограниченіемъ власти римскихъ магнатовъ. Не только римляне разселились по провинціямъ, но и провинціалы стекались въ Римъ. Мы не знаемъ точной цифры населенія этого города въ періодъ его процвѣтанія. Двухъ милліоновъ жителей, какъ думали прежде, въ немъ, пожалуй, не было, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это былъ все-таки миллионный городъ, и, конечно, въ его населеніи были разноплеменные элементы, т.-е. провинціалы разныхъ національностей. По свидѣтельству одного древняго историка, смерть Цезаря оплакивала въ Римѣ громадная толпа чужеземцевъ (*multitudo exterarum gentium*), и это будетъ понятно, если принять въ расчетъ, что Цезарь былъ не только главою демократической партіи въ Римѣ, но и первымъ государственнымъ дѣятелемъ, который сознательно взялъ подъ покровительство государственной власти всѣхъ подданныхъ Римской державы. Объединенный въ однихъ рукахъ имперіей римскаго народа надъ провинціями порвалъ съ традиціей олигархической республики, и политика новой власти въ Римской державѣ получила въ общемъ демократическій характеръ.

Въ социальномъ отношеніи имперія выросла на почвѣ оппозиціи демократическихъ элементовъ Италіи и провинцій противъ олигархическаго режима землевладѣльческой и денежной знати, и поддержка среднихъ классовъ общества сдѣлалась настоящей правительственной программой носителей новой державной власти. Особенно обращаютъ на себя вниманіе мѣры, клонившіяся къ поддержанію средняго и

мелкаго землевладѣнія въ связи съ колонизаціей провинцій римскими гражданами, къ развитію мелкаго фермерства въ крупныхъ помѣстьяхъ, особенно на императорскихъ земляхъ, къ защитѣ маленькихъ людей отъ произвола и грабительства знати и пр., и пр., о чемъ рѣчь будетъ идти еще впереди. Было бы, однако, съ нашей стороны большимъ преувеличеніемъ демократизма императорской политики, если бы мы стали думать, что она была политикою принципиально единою и цѣльною, а фактически послѣдовательною и всеобъемлющею. Аналогію съ тѣмъ, что совершалось въ Римской имперіи, мы находимъ, напр., въ процессѣ возвышенія королевской власти во Франціи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ,— борьбѣ, смѣнившейся союзомъ съ тѣмъ же феодализмомъ, политически обезсиленнымъ, но сохранившимъ социальное свое могущество. Результатомъ и императорской политики въ Римской имперіи было политическое обезсиленіе знати съ сохраненіемъ за нею, однако, ея социальнаго могущества. Лучшимъ фактическимъ доказательствомъ этого можетъ служить самый же социальный строй имперіи въ IV и V вв. Именно общество рѣзко раздѣлялось въ ней на классъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ и прикрьпленныхъ къ ихъ имѣніямъ земледѣльцевъ. Въ первомъ мы различаемъ имперскую латифундіальную знать, или такъ называемое *сенаторское сословіе*, и зажиточныхъ *посессоровъ* отдѣльныхъ городовъ съ ихъ округами, сельская же масса составляла особое общественное положеніе, извѣстное подъ названіемъ *колоната* ¹⁾. Въ концѣ концовъ демократическая опора имперіи въ эпоху ея возникновенія не сдѣлалась, такимъ образомъ, дѣйствительною ея основой, на которой могло бы вырасти настоящее демократическое государство.

¹⁾ См. выше, стр. 197—198.

¹⁾ См. ниже (въ гл. XX).

ГЛАВА XVI.

Римскіе и эллинистическіе элементы въ римской императорской власти.

Взаимодѣйствіе Рима и провинцій.—Греческое культурное вліяніе на римское общество.—Вліяніе греческаго демократизма на внутреннія политическія отношенія Рима.—Вопросъ объ эллинистическомъ вліяніи на процессъ образованія римской императорской власти.—Попытка Цезаря въ духѣ эллинистической монархіи.—Время второго триумvirата.—„Диархическая“ система Августа.—Вопросъ о сущности принципата.—„Momentum аспуганум“.—Раннее привѣненіе къ императору титула „госнодинъ“.—Начало обоготворенія императорской власти въ Римской имперіи.—Законы объ оскорбленіи величества.—Частности вопроса о вліяніи эллинистическихъ царствъ на порядки Римской имперіи.—Торжество восточныхъ началъ надъ римскимъ принципатомъ при Діоклетіанѣ.

Разсматривая исторію организаціи Римской имперіи, мы не должны представлять себѣ дѣло такъ, что въ провинціи создававшіеся въ Римѣ порядки проникали, а изъ провинцій, наоборотъ, въ Римъ ничего не приходило. Римъ не былъ исключительно формирующимъ факторомъ, провинціи — исключительно пассивнымъ матеріаломъ этой формирующей работы. Между центромъ и периферіей происходило сложное взаимодѣйствіе, совершался взаимный обмѣнъ и притомъ не только товарами и деньгами, но и людьми, изъ Рима уходившими въ провинціи, а изъ провинцій приходившими въ Римъ, а вмѣстѣ съ этимъ и идеями и даже еще того больше—порядками. Если можно такъ выразиться, Римъ все болѣе и болѣе „провинціализировался“ по мѣрѣ того, какъ сами провинціи, съ другой стороны, „романизировались“. Въ числѣ культурныхъ вліяній, которыя извнѣ испытывалъ Римъ, важное мѣсто занимаетъ вліяніе греческое, эллинистическое, отличающееся космополитическимъ характеромъ, и здѣсь это вліяніе, какъ и въ другихъ мѣстахъ, тоже вызвало націоналистическую оппозицію, которая относится всецѣло къ порядку явленій, какія мы уже наблюдали среди египтянъ или среди евреевъ по отношенію къ тому же самому „элли-

низму“¹⁾. Знаменательно, что братья Маккавеи, стоявшіе во главѣ оппозиціи противъ эллинизации Палестины, и первый ярый противникъ греческаго вліянія въ Римѣ, цезарь Катонъ, были современники (первая половина II в. до Р. X.), но не менѣе знаменательно и то, что изъ трехъ Маккавейскихъ книгъ, только первая была написана по-еврейски (да и то сохранилась лишь въ греческомъ переводѣ), остальные же двѣ—по-гречески, и что литературная дѣятельность Катона тоже находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ. Одновременное возникновеніе націоналистической оппозиціи противъ эллинизма въ Иудеѣ и въ Римѣ указываетъ на силу эллинизма въ эту эпоху; объ этой же силѣ говоритъ также и невольное подчиненіе и евреевъ, и римлянъ греческому вліянію въ области литературнаго языка и литературныхъ формъ.

Низшая культура всегда подчиняется высшей, и многіе римскіе писатели вѣрно оцѣнили историческую роль греческой націи, говоря, что она цивилизовала народы, смягчая ихъ нравы и дѣлая ихъ человѣчнѣе. Когда римляне завладѣли Греціей, они сами должны были сознаться, что побѣжденные ихъ духовно побѣдили, какъ это прекрасно сказано въ извѣстныхъ стихахъ Горация:

„Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio“,—

т.-е. „плѣненная Греція сама взяла въ плѣнъ своего суроваго побѣдителя и перенесла искусства въ грубый Лаціумъ“. Въ начальномъ періодѣ римской литературы мы уже имѣемъ дѣло съ тарентскимъ грекомъ Ливіемъ Андроникомъ, который первый по греческимъ образцамъ сталъ писать по-латыни еще въ срединѣ III в. до Р. X., а послѣдующіе писатели заимствовали у грековъ не только литературныя формы, но и греческіе сюжеты въ видѣ мифовъ и легендъ, которые ими даже стали искусственно связываться съ національными римскими преданіями,—явленіе, съ примѣромъ котораго мы уже знакомы по аналогичному отношенію грековъ VI в. до Р. X. къ египетскимъ сказаніямъ²⁾. Ранняя римская литература

¹⁾ См. выше, стр. 107—109, 168.

²⁾ См. выше, стр. 109.

была почти цѣликомъ подражательная: это была, такъ сказать, литература греческая, переведенная на латинскій языкъ. Мало того, послѣдній былъ принятъ только для поэтическихъ произведеній, прозаики же римскіе сначала даже и писали лишь по-гречески, какъ Маневонъ, какъ Беросъ¹⁾, какъ составители второй и третьей Маккавейскихъ книгъ, и только Катонъ сталъ пользоваться роднымъ языкомъ въ своихъ историческихъ трудахъ и разнаго рода трактатахъ. Само образованіе молодежи въ высшихъ классахъ общества было по преимуществу греческимъ, а когда въ этомъ обществѣ сталъ возникать и развиваться вкусъ къ философіи, опять-таки готовыя греческія системы послужили для образованныхъ римлянъ первыми основами ихъ собственнаго мышленія, которое, впрочемъ, никогда не было самостоятельнымъ. Самобытность Рима проявилъ только въ юридическомъ творчествѣ, но какъ только и въ области права специалисты-законодѣды приходятъ къ мысли о необходимости систематизаціи и теоретическаго обоснованія правовыхъ нормъ, то и они обращаются опять-таки къ греческой философіи за методами изслѣдованія и за этическими принципами. Особенно по характеру лучшей части римскаго общества пришелся стоицизмъ, который равнымъ образомъ оказалъ большое вліяніе и на римскую юриспруденцію²⁾.

Конечно, это вліяніе не могло ограничиваться одною областью мысли или литературнаго ея выраженія, не могло не обнаружиться и въ области жизненной практики, т.-е. въ области вопросовъ, касающихся общества и государства. Середина II в. до Р. Х. была въ Римѣ временемъ образованія и двухъ культурныхъ теченій, и двухъ общественныхъ партій. Эти партіи были, какъ мы знаемъ, оптиматы и популяры, и онѣ если не вполне, то до извѣстной степени совпадаютъ съ противоположными культурными программами или національнаго старовѣрства, или усвоенія греческихъ обычаевъ, нравовъ и идей. Извѣстно, что главною представительницею греческаго культурнаго вліянія въ Римѣ была фамилія Сципіоновъ, изъ которой происходила мать трибуновъ-демагоговъ, Тиберія и Кая Гракховъ, бывшихъ тоже поклонниками греческаго просвѣщенія. Въ кружкѣ Сципіоновъ

¹⁾ См. выше, стр. 133.

²⁾ Объ этомъ см. ниже (въ главѣ XIX).

обсуждались политическія и социальныя злобы дня, и отсюда вышла первая мысль о необходимости коренной реформы внутреннихъ римскихъ отношеній. Трудно допустить, чтобы люди съ греческимъ образованіемъ, какими были братья Гракхи, имѣя въ виду реформировать государство въ демократическомъ направленіи, не принимали въ расчетъ аналогичныхъ попытокъ, дѣлавшихся въ государствахъ-городахъ Греціи, и совсѣмъ не думали о подражаніи греческимъ демагогамъ¹⁾. Въ частности, повидимому, черезъ своихъ учителей, въ числѣ которыхъ былъ одинъ стоикъ, Гракхи могли узнать о социальномъ идеалѣ спартанскихъ царей-реформаторовъ III в., Агиса и Клеомена, тѣмъ болѣе, что самый этотъ идеалъ былъ внушенъ этимъ царямъ тоже стоиками²⁾. Кай Гракхъ является передъ нами уже совершенно въ роли демагога греческихъ политій, произносить страстныя рѣчи въ народныхъ собраніяхъ, прибѣгая даже къ искусственнымъ мѣрамъ, чтобы дѣйствовать на толпу, проводить въ своихъ рѣчахъ идею полного народнаго верховенства. Греческій историкъ Рима, жившій въ эпоху Цезаря и Августа, Діонисій Галикарнассскій, вставляетъ въ сочиненныя имъ рѣчи римскихъ государственныхъ людей ссылки на примѣры изъ исторіи греческихъ политій въ качествѣ доказательствъ той или другой мысли, — приемъ, который, конечно, былъ лишь отраженіемъ тогдашней политической дѣйствительности, т.-е. пользованія въ ораторскихъ рѣчахъ революціонной эпохи Рима указаніями на исторію Греціи. Цицеронъ прямо говорить о томъ, что въ народномъ собраніи тотъ или другой

¹⁾ G. Porzio. Concetti greci nelle riforme di fratelli Gracchi (въ „Rivista di storia antica“ за 1899 г.). Плутархъ мимоходомъ упоминаетъ о греческомъ вліяніи на Гракховъ. „Большинство говоритъ, свидѣтельствуешь онъ, что ему (Тиберію) посовѣтовали это (реформы) риторъ Діофанъ и философъ Блоссій“. Во время катастрофы Тиберія Гракха первый погибъ, второй долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Кай „первымъ изъ римлянъ сталъ расхаживать по трибулѣ и спускать во время рѣчи съ плечъ тогу, по примѣру афинянина Клеона“,.. и „первымъ сказалъ рѣчь народу, повернувшись лицомъ къ форуму“, а не къ сенату. Ср. также указанія Плутарха и на греческія связи матери Гракховъ. См. русскій перевод Плутарха (изд. Суворина), т. VII, вып. III, стр. 242, 243, 249, 265 и 288.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 195 и 198.

демагогъ дѣйствовалъ, какъ „грекъ среди грековъ“ (graecus apud graecos).

Римъ, однако, пошелъ по пути не демократическаго, а монархическаго развитія, и обѣ партіи, которыя вели между собою борьбу,—какъ оптиматы, такъ и популяры,—все свое спасеніе полагали въ усиленіи власти одного человѣка. Греческіе взгляды и греческіе образцы, конечно, не могли не предноситься передъ умственными взорами тѣхъ, кому въ Римѣ доставалась единоличная власть. Тема объ эллинистическомъ вліяніи на процессъ образованія римской императорской власти въ настоящее время особенно занимаетъ историковъ, и она дѣйствительно, этого заслуживаетъ. „Въ качествѣ наслѣдника эллинизма, говоритъ, напр., Керстъ ¹⁾, не только въ культурномъ, но также и въ политическомъ отношеніи выступило римское императорство и римская имперія. Римское императорство, продолжаетъ онъ, съ самаго же начала слагается изъ двухъ разнородныхъ элементовъ, изъ одного собственно римскаго, принципата, и изъ другого, „эллино-ориентальнаго“, который постепенно все больше начинаетъ преобладать и наконецъ даетъ свой особенный отпечатокъ вполнѣ сложившейся абсолютной монархіи“. Мы видѣли, что римскій принципатъ сложился изъ соединенія въ рукахъ одного лица разныхъ республиканскихъ магистратуръ и раздѣльно раньше существовавшихъ имперія и трибунской власти ²⁾. Онъ былъ своеобразной монархіей съ сохраненіемъ республиканскихъ формъ, выросшею на почвѣ срастанія въ одинъ неразрывный комплексъ компетенцій разныхъ республиканскихъ должностей стараго Рима, какъ государства-города. Но вмѣстѣ съ тѣмъ принципсъ, этотъ de facto государь, хотя de jure лишь высшій магистратъ, былъ и единичнымъ правителемъ громадной міровой державы, которая имѣла полное право смотрѣть на себя, какъ на наслѣдницу всемірной монархіи Александра Македонскаго, и въ этомъ заключается другой, уже эллинистическій источникъ римской императорской власти. Происхожденіе ея изъ этого второго источника, конечно, менѣе осязательно и уловимо, чѣмъ изъ перваго, тѣмъ болѣе, что и

¹⁾ *Julius Kaerst. Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Alterthum*, стр. 80.

²⁾ См. выше, стр. 196—202.

вопросъ о немъ менѣе разработанъ въ исторической наукѣ ¹⁾. Между тѣмъ греки чуть не съ самаго начала принципата отождествляли его съ царскою властью эллинистической эпохи, обращая при этомъ все свое вниманіе не на ея республиканскую форму, а на ея монархическую сущность. То же самое имѣлъ въ виду и народъ, который уже Августа начиналъ называть „господиномъ“ (dominus, δεσπότης), тогда какъ самъ онъ не шелъ дальше наименованія „принцесъ“, что могли значить и „первый сенаторъ“, и глава государства въ родѣ греческаго гегемона (ἡγεμών), какъ переводилось это слово по-гречески (другой переводъ—πρόκριτος).

Прежде чѣмъ Августъ образовалъ изъ національно-римскихъ элементовъ политическую форму принципата, совсѣмъ въ другомъ направленіи думалъ создать новую власть въ римской державѣ Юлій Цезарь. Начавъ свою политическую карьеру въ качествѣ очень популярнаго вождя въ народной партіи, возвысившись потомъ при помощи боготворившаго его войска, Цезарь съумѣлъ шире взглянуть на свое положеніе въ государствѣ, чѣмъ предшествовавшіе ему демагоги и полководцы. Прекрасно образованный и много видѣвшій, притомъ замѣчательно умный, онъ понялъ, что Римская держава давно перестала быть чисто римскою, сдѣлавшись уже универсальнымъ, космополитическимъ государствомъ, и у него даже была идея распространенія правъ римскаго гражданства на всѣ провинціи. Это не было осуществлено, но онъ все-таки успѣлъ очень многимъ даровать эти права и даже вести провинціаловъ въ составъ сената ²⁾. Провинціи должны были при этомъ получить новую организацію. Самое

¹⁾ Въ 1900 и 1901 г. вышли въ свѣтъ два тома „Исслѣдованій по исторіи развитія римской императорской власти“ проф. Э. Д. Гримма, въ которыхъ авторъ различно относится къ пользованію данными греческихъ писателей въ обработкѣ своей темы. „Найти у нихъ матеріалъ для исторіи развитія принципата едва ли возможно“, говоритъ онъ въ первомъ томѣ (стр. 34), но отъ соображеній, высказанныхъ по этому поводу, онъ во второмъ томѣ уже повидимому, отказывается (стр. VII) и даетъ въ немъ цѣлый „очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на монархію“ (стр. 196—224) съ разборомъ политической теоріи грека изъ Вионніи Діона Хризостома, бывшей попыткой философскаго оправданія абсолютной монархіи (стр. 224—247).

²⁾ См. подробнѣе ниже (въ гл. XIX).

же главное было то, что Цезарь видимо стремился къ монархіи ¹⁾. На римскомъ форумѣ рядомъ со статуями традиціонныхъ семи царей, отъ Ромула до Тарквинія Гордаго, поставлена была восьмая статуя—Юлія Цезаря; въ Римѣ стала чеканиться золотая монета съ изображеніемъ того же Цезаря; когда Цезарь сталъ готовиться къ походу на пареянъ, среди римлянъ начала ходить легенда о какомъ-то очень старомъ пророчествѣ, по которому пареяне могутъ быть побѣждены только царемъ, и вотъ стали ожидать, что Цезарь передъ походомъ надѣнетъ на свою голову діадему. Были и другіе поводы думать, что Цезарь объявитъ себя царемъ, а нѣкоторые утверждали при этомъ, что онъ перенесетъ столицу въ Александрію или на мѣсто древней Трои, откуда будто бы родъ Юліевъ вель свое происхожденіе отъ Энея, сына богини Венеры. Извѣстно, что до всего этого не допустили римскіе республиканцы, составившіе заговоръ на жизнь диктатора, и любопытно, что въ числѣ заговорщиковъ наиболѣе видное мѣсто принадлежало Юнію Бруту, человѣку тоже греческаго образованія и изъ греческой же литературы вынесшему ожесточенную ненависть къ тиранніи. Заговорщики посредствомъ убійства устранили Цезаря, но оказались безсильными бороться съ установленіемъ новой власти, и изъ убіенія Цезаря преемникъ его имени, а потомъ и его власти, Октавіанъ, могъ извлечь для себя одинъ лишь урокъ—сохраненія старыхъ республиканскихъ формъ, за которыми не должна была быть видна сущность новой совершенно царской власти ²⁾.

Между смертью Цезаря и началомъ единодержавія Октавіана Августа прошло четырнадцать лѣтъ. Попытка Марка Антонія, особенно хлопотавшаго о царскомъ вѣнцѣ Цезаря, занять его мѣсто въ государствѣ не могла удасться, между

¹⁾ Многие историки (напр., Моммзенъ) это отрицаютъ, но другіе, что вѣрнѣе, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что всѣ республиканскіе титулы были для Цезаря лишь первою ступенью къ пріобрѣтенію царской власти. См. напр., *Eduard Meyer. Kaiser Augustus* (Hist. Zeitschrift. 1903. LV, 398). Ср. *Светоніи. Жизнь двѣнадцати цезарей*. Рус. пер. (Спб. 1904), стр. 43—47.

²⁾ Въ только-что указанной работѣ Э. Мейера ср. стр. 407 и слѣд., гдѣ говорится о планахъ Цезаря. Э. Мейеръ постоянно сравниваетъ его съ Александромъ Македонскимъ.

прочимъ, потому, что у него явились, такъ сказать, конкуренты на монархію, Октавіанъ и Лепидъ, съ которыми подъ давленіемъ цезаріанскаго войска онъ вынужденъ былъ заключить союзъ (такъ называемый второй триумvirатъ). Лепидъ былъ фигурой незначительной и скоро сошелъ со сцены, и Римская держава управлялась послѣ этого двумя лицами, Западъ—Октавіаномъ, Востокъ—Антоніемъ. Политическимъ центромъ Востока сдѣлалась теперь Александрія, гдѣ и проживалъ Антоній, даже женившійся на египетской царицѣ Клеопатрѣ. Царство Птолемеевъ въ это время уже находилось въ политической зависимости отъ Рима, а теперь Антоній самъ сдѣлался какъ бы восточнымъ царемъ, носившимся притомъ съ возобновленіемъ грандіознаго плана Цезаря насчетъ завоеванія Пареянскаго царства и даже быть можетъ, Индіи и въ тоже время самовольно распоряжавшимся римскими владѣніями на Востокѣ, которыя онъ раздавалъ сыновьямъ египетской царицы. Въ вооруженной борьбѣ обоихъ триумvirовъ, Октавіана и Антонія, какъ бы рѣшался вопросъ о томъ, кому должно было доставаться господство надъ державой, созданной римлянами, Италіи ли съ Римомъ во главѣ, или Египту съ его столицей Александріей, Западу или Востоку, романизму или эллинизму. Характерно, что въ этой распрѣ большинство грековъ стояло на сторонѣ Антонія. Битва при Акціумѣ рѣшила вопросъ въ пользу Рима и Октавіана, который въ качествѣ завоевателя, вступилъ во всѣ права династїи Птолемеевъ и самъ потому какъ бы сдѣлался царемъ Египта, что лишь содѣйствовало укрѣпленію его положенія въ Римѣ ¹⁾. Можно даже сказать, что включеніе Египта въ составъ Римской имперїи произошло какъ бы въ формѣ личной уніи. Самый этотъ фактъ созданія для Египта обособленнаго

¹⁾ Въ главѣ XI первой книги „Исторій“ Тацита мы читаемъ: „Египтомъ и войсками, которыя должны держать его въ уздѣ, уже со временъ божественнаго Августа управляютъ римскіе всадники (=префекты, назначавшіеся императоромъ изъ всадниковъ) на мѣсто царей: такое управленіе казалось ему (Августу) средствомъ къ тому, чтобы провинція эта... сохранялась за домомъ Кесарей“. Рус. пер. проф. Модестова (Спб. 1886), т. I, стр. 76. Только римскій историкъ I в. по Р. Х. Веллей Патеркулъ не находитъ разницы въ положеніи Египта и другихъ провинцій, но современные историки склоняются въ пользу мнѣнія объ особомъ положеніи Египта. Ср. ниже слова Моммзена и Корнеманна.

положенія среди другихъ римскихъ провинцій нельзя не отмѣтить, какъ въ высшей степени знаменательный.

Побѣдитель Антонія и завоеватель Египта, Октавианъ, въ созданіи новой власти въ Римѣ уже не пошелъ по пути эллинистической монархіи. Болѣе осторожный и практичный, болѣе дальновидный, чѣмъ усыновившій его Цезарь, онъ старался отнюдь не задѣвать республиканскихъ чувствъ римскаго населенія, а съ другой стороны, человекъ съ болѣе узкимъ, чѣмъ у его пріемнаго отца міросозерцаніемъ, онъ былъ очень далекъ и отъ цезаревскаго космополитизма, явившійся, наоборотъ, охранителемъ римскихъ національныхъ интересовъ и традицій. Самое его положеніе въ войнѣ съ Клеопатрой и Антоніемъ заставляло его быть именно такимъ представителемъ романизма въ борьбѣ съ эллинизмомъ, но и вполнѣдствіи, въ теченіе всѣхъ сорока четырехъ лѣтъ своего правленія, онъ всячески охранялъ свою власть отъ какого бы то ни было сходства съ эллинистической *басилеей*, т.-е. съ иноземнымъ и притомъ монархическимъ учрежденіемъ. Мы уже видѣли, что такъ называемый принципатъ Августа былъ не чѣмъ инымъ, какъ аккумуляціей отдѣльныхъ республиканскихъ и притомъ чисто римскихъ должностей ¹⁾, но къ этому нужно прибавить, что монархическая сущность принципата, кромѣ того, была очень искусно замаскирована введеніемъ въ управленіе государствомъ своего рода двоевластія, или *диархіи*, какъ называлъ это на греческій ладъ великій знатокъ римской исторіи Моммзенъ. Дѣло въ томъ, что подъ общимъ и высшимъ надзоромъ принцепса римскія провинціи были подѣлены для управленія между нимъ и сенатомъ ²⁾, что рядомъ со старой республиканской казной, *эриемъ* (*aerarium*) явилась, далѣе, особая казна императорская, *фиска* (*fiscus*), и что, кромѣ прежнихъ республиканскихъ магистратовъ, стали, наконецъ, дѣйствовать еще особыя чиновники, которые являлись уполномоченными и слугами уже не сената и римскаго народа, а именно принцепса. Этотъ дуализмъ въ устройствѣ Римской имперіи сохранялся весьма долгое время, пока послѣдніе его слѣды не исчезли въ новой организаціи, полученной имперіей при Диоклетіанѣ и Константинѣ Великомъ, т.-е. черезъ три вѣка послѣ установленія принципата. Въ

¹⁾ См. выше, стр. 196—197.

²⁾ *Provinciae senatoriae* и *caesariae*.

зависимости отъ общихъ политическихъ обстоятельствъ, отъ большей или меньшей силы или слабости антимонархической оппозиціи въ тѣ или другіе годы, а также и отъ личнаго пониманія отдѣльными императорами своего положенія, диархіа принцепса и сената принимала или характера совершенной фикціи, или иѣботорого подобія реальности, но въ цѣломъ и общемъ политическая эволюція Римской имперіи заключалась въ постепенной замѣнѣ этой диархіи чистой монархіей, тѣмъ болѣе, что и сама диархіа не была раздѣломъ власти поровну между принцепсомъ и сенатомъ, такъ какъ преобладаніе, въ концѣ-концовъ, принадлежало все-таки принцепсу. — Сенату были оставлены въ управленіе уже давно приобрѣтенныя, замиренныя провинціи, въ непосредственное завѣдованіе принцепса перешли области, гдѣ можно было ожидать внутреннихъ смутъ или внѣшнихъ вторженій; въ первыхъ постарому намѣстниками были проконсулы и пропреторы съ квесторами для финансовыхъ дѣлъ, вторыми управляли *легаты* принцепса съ *прокураторами* въ качествѣ финансовыхъ агентовъ, и прокураторы же управляли императорскими имѣніями въ сенатскихъ провинціяхъ съ полною независимостью отъ мѣстныхъ властей ¹⁾. Соотвѣтственно этой двойственности провинцій и должностей въ Римской имперіи выработалась и двойственность въ завѣдованіи матеріальными средствами, причемъ за казной принцепса утвердилось и особое, какъ мы видѣли, названіе фиска. Такъ первоначально называли большой коробъ или корзину, въ которой держали деньги, предназначавшіяся для скорыхъ выдачъ, но потомъ этимъ словомъ (во множественномъ или въ единственномъ числѣ) стали обозначать всю совокупность кассъ, находившихся въ распоряженіи императорскихъ чиновниковъ, въ отличіе отъ казны сенатской. Устраненіе дуализма, проявляющагося въ такомъ устройствѣ администраціи и финансовъ, совершалось постепенно путемъ разростанія императорской системы на счетъ сенатской, пока послѣдняя не была совсѣмъ поглощена первою.

Октавианъ Августъ такъ хорошо замаскировалъ старыми легальными формами республики свою, въ сущности, монархическую власть, что и современные историки не рѣшаются

¹⁾ Правитель Египта назывался *префектомъ*, въ Иудеѣ былъ *прокураторъ*.

видѣть въ императорствѣ первыхъ вѣковъ абсолютную монархію, хотя фактической деспотизмъ ближайшихъ же преемниковъ Августа уже давно давалъ возможность говорить о совершеннѣйшемъ произволѣ, или деспотизмѣ новыхъ единичныхъ правителей Римской державы. Стоить читать „Лѣтописи“ и „Исторію“ Тацита или „Жизнеописанія двѣнадцати цезарей“ Светонія, чтобы, оставивъ въ сторонѣ, такъ сказать, юридическія тонкости конституціонной теоріи, воочию видѣть передъ собою лишь простое повтореніе спенъ восточнаго деспотизма, возобновленіе традицій птолемеевскаго Египта или селевкидовской Сиріи и еще болѣе старыхъ восточныхъ царствъ. Притомъ, конечно, и самъ Августъ не могъ желать, чтобы власть монархическую, сущность которой онъ всячески старался замаскировать, подвергалась теоретическому разсмотрѣнію, которое могло бы или вскрыть ея настоящій нереспубликанскій характеръ, или вывести изъ ея республиканскихъ формъ и соотвѣтственныя этимъ формамъ реальныя ограниченія власти. Вотъ почему и у современныхъ историковъ въ пониманіи діархическаго устройства имперіи при Августѣ и его преемникахъ нѣтъ полного согласія, и наиболѣе авторитетныя построенія римскаго государственнаго права этой эпохи не остаются безъ болѣе или менѣе существенныхъ возраженій ¹⁾. Во всякомъ случаѣ принци-

¹⁾ Изложеніе діархической теоріи Моммзена можно найти въ I т. „Исслѣдованій по исторіи развитія римской императорской власти“ проф. Гримма, на стр. 43—51. Тамъ же (стр. 52—61) приводятся и противорѣчивыя мнѣнія другихъ ученыхъ. Самъ авторъ „Исслѣдованій“ — противъ теоріи Моммзена и утверждаетъ, что при всемъ сохраненіи въ императорствѣ чертъ далекаго прошлаго и всей ихъ несогласованности съ новымъ порядкомъ, это все-таки была монархія, а не діархія. Краткое изложеніе своихъ аргументовъ авторъ даетъ на стр. 141 и слѣд. II тома своихъ „Исслѣдованій“. Въ защиту того, что Римская имперія была первоначально діархіей, выступилъ у насъ проф. М. И. Ростовцевъ въ своихъ статьяхъ о названныхъ „Исслѣдованіяхъ“ (въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1900 г. и „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1902 г. Е. Meyer въ цитированной выше (стр. 222) статьѣ объ Августѣ тоже стоитъ за діархію, стр. 422. Однако, и онъ оговаривается постоянно, что въ государственномъ устройствѣ Августа форма и содержаніе не покрываютъ одна другое (in der Verfassung des Augustus Form und Inhalt decken sich nicht, стр. 387).

паль былъ компромиссомъ между сенатскимъ владычествомъ Суллы и всемогущимъ самодержавіемъ Цезаря, какъ выражается Моммзенъ, и рѣшеніе вопроса о томъ, насколько фактически обширна и самостоятельна была власть сената при дѣйствіи этой „конституціи“, зависитъ, повторяемъ, отъ обстоятельствъ данной минуты, отъ силы или слабости сената въ то или другое время, отъ отношенія къ нему общества, которое тоже могло мѣняться, и отъ политики отдѣльныхъ императоровъ, которые могли искать опоры, напр., или болѣе въ сенатѣ, или болѣе въ войскѣ ¹⁾. Само по себѣ развитіе взаимныхъ отношеній обѣихъ властей въ имперіи сводится къ тому, что значеніе сената все болѣе и болѣе умалалось, хотя и не безъ временныхъ колебаній въ его пользу, а императорская власть, наоборотъ, все возрастала. Естественнымъ концомъ постепеннаго умаленія сената было превращеніе его въ своего рода городскую думу города Рима, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила мѣстомъ формальнаго опубликованія императорскихъ законовъ.

О юридическомъ характерѣ той власти, которую получилъ Августъ, онъ самъ оставилъ одинъ очень важный документъ. Въ Малой Азіи въ его эпоху процвѣталъ городъ Анкира, теперешняя Ангора, прославившаяся въ средніе вѣка битвой между Тамерланомъ и Баязетомъ (1402), а теперь славящаяся своими козами и кошками. Жители этого города въ благодарности своему императору за его заботы о ихъ благосостояніи воздвигли въ честь его и богини Рима (т.-е. самой „Ромы“) храмъ, въ которомъ помѣстили на мраморныхъ доскахъ копию съ обнародованнаго самимъ Августомъ отчета на латинскомъ и греческомъ языкахъ о его дѣяніяхъ. Этотъ „анкирскій памятникъ“ (monumentum ancyranum) сдѣлался извѣстнымъ западнымъ ученымъ еще въ серединѣ XVI в., но полная и хорошая копія съ него была сдѣлана лишь черезъ три столѣтія и издана Моммзеномъ въ 1865 г. ²⁾ подъ заглавіемъ „Дѣянія божественнаго Августа“ (Res gestae divi Augusti). Эта надпись, подлинникъ которой былъ начертанъ на столбахъ передъ усыпальницей фамиліи Августа въ Римѣ, напоминаетъ нѣкоторымъ новѣй-

¹⁾ Подробнѣе см. въ слѣд. главѣ.

²⁾ Второе изданіе 1883 года.

шимъ историкамъ персепольскую надпись Дарія Гистаспа ¹⁾ и одну аналогичную надпись Птолемея III, такъ что идея составленія подобнаго же документа Августомъ могла придти съ Востока, тѣмъ болѣе, что выстроенная имъ для себя усыпальница тоже напоминаетъ археологамъ гробницу Птолемея. Конечно, въ этомъ документѣ мы имѣемъ изложеніе того, какъ самъ Августъ хотѣлъ, чтобы смотрѣли на его власть. Наиболѣе важныя мѣста этого документа настолько любопытны, что ихъ стоитъ привести ²⁾.

„Девятнадцать лѣтъ отъ роду, — такъ начинается надпись, — я въ качествѣ частнаго человѣка и на частныя средства собралъ войско, при помощи котораго возвратилъ государству, подпавшему владычеству партіи, свободу. За это сенатъ... почетными декретами принялъ меня въ свой составъ, давъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ право голосовать среди бывшихъ консуловъ и имперій. Онъ поручилъ мнѣ, въ званіи пропретора, заботиться вмѣстѣ съ консулами, чтобы государство не потеряло урона. А народъ въ тотъ же годъ избралъ меня консуломъ... и триумвромъ для устройства государства... Тѣхъ, кто убилъ моего отца ³⁾, я подвергъ изгнанію, отомстивъ за ихъ дѣяніе законнымъ приговоромъ, и затѣмъ побѣдилъ ихъ два раза въ битвѣ, когда они начали войну противъ государства... Вся Италия добровольно присягнула мнѣ и потребовала, чтобы я былъ полководцемъ въ той войнѣ, во время которой я побѣдилъ при Акціумѣ... Когда я прекратилъ гражданскія войны и съ всеобщаго согласія сталъ обладать неограниченною властью во всѣхъ дѣлахъ, я передалъ государство изъ моей власти во власть сената и народа римскаго. За эту мою заслугу я въ силу сенатусконсульта былъ названъ Августомъ ⁴⁾ — (дальше перечисляются другія почетныя награды)... Послѣ этого времени я превосходилъ всѣхъ почетомъ, власти же не имѣлъ нисколько больше тѣхъ, которые были моими

¹⁾ См. выше, стр. 116.

²⁾ Пользуемся (съ исправленіемъ одного недосмотра) готовымъ переводомъ отрывковъ въ книгѣ *проф. Гримма* (I, 61—63), но вмѣстѣ кое-гдѣ съ тѣмъ и сокращаемъ.

³⁾ Т. е. Цезаря.

⁴⁾ Augustus значитъ „досточтимый“ и переводится греческимъ σεβαστός.

коллегами по магистратурѣ... Имя мое въ силу сенатусконсульта было внесено въ пѣснь саліевъ ¹⁾ и закономъ определено, чтобы моя особа была неприкосновенна и чтобы я пожизненно имѣлъ трибунскую власть. Сдѣлаться верховнымъ понтификомъ я отказался, когда народъ предлагалъ мнѣ эту должность, которую имѣлъ мой отецъ, чтобы не отнять ея у живого коллеги. Я принялъ эту должность нѣсколько лѣтъ спустя, когда умеръ тотъ, кто захватилъ ее, воспользовавшись смутой“ Дальше Августъ перечисляетъ другіе случаи, когда онъ не принималъ той или другой предлагавшейся ему должности, напр., „чтобы я, продолжаю онъ, одинъ былъ избранъ для заботы о законахъ и правахъ съ величайшею властью... вопреки обычаю предковъ. То, что сенатъ тогда рѣшилъ установить по моему предложенію, я провелъ въ силу принадлежавшей мнѣ трибунской власти. И для этой самой должности я по моей просьбѣ пять разъ принялъ отъ сената коллегу... Принцемъ сената я былъ до того дня, когда я это написалъ, въ теченіе сорока лѣтъ... Когда я въ тринадцатый разъ былъ консуломъ, сенатъ и сословіе всадниковъ и весь римскій народъ назвали меня отцомъ отечества“.

Конечно, въ этомъ перечнѣ должностей, которыя Августъ принималъ и не принималъ, многого нѣтъ, что фактически характеризуетъ его принципатъ, но для насъ важно не то, чѣмъ послѣдній былъ на самомъ дѣлѣ, а именно то, въ какомъ видѣ его хотѣлъ представить Августъ. Ему, собственно, желательно было, чтобы власть его не имѣла характера ни диктатуры, ни тиранніи, ни тѣмъ болѣе царствованія, такъ какъ его страшила судьба его пріемнаго отца. Самъ онъ не носилъ никакого единаго титула, который заключалъ бы въ себѣ указаніе на его монархическую власть, а обозначалъ себя официально такъ: „Императоръ Цезарь Августъ, божественнаго (Цезаря) сынъ, верховный жрецъ съ трибунскою властью, отецъ отечества, консулъ (съ обозначеніемъ, въ который разъ), императоръ“ (съ обозначеніемъ числа провозглашеній императоромъ ²⁾). Въ этомъ длинномъ перечнѣ ни первое „Imp.“, ни тѣмъ болѣе „Caes.“ не имѣютъ значенія титуловъ,

¹⁾ Такъ назывались жрецы Марса, совершавшіе въ честь этого бога священную пляску и пѣвшіе особый гимнъ очень древняго происхожденія.

²⁾ Imp. Caes. Aug. divi f. pont. max. trib. pot. p. p. c. imp.

а являются составными частями сложнаго собственнаго имени, т.-е. того, что у римлянъ называлось *praenomen* и *cognomen* ¹⁾).

Если Цезарь утверждалъ, по словамъ Светонія ²⁾, что „республика только одно имя безъ тѣла и вида“ (*nihil esse rem publicam, appellationem modo sine corpore ac specie*), и ненавидѣлъ сенатъ, всячески его унижая, то Августъ, напротивъ, постоянно заявлялъ о своей преданности старымъ учреждениямъ и объ уваженіи своемъ къ сенату. „Имени *господина*, говоритъ Светоній, онъ всегда боялся, какъ чего-то браннаго и позорнаго... Онъ не позволилъ даже своимъ дѣтямъ и внукамъ, серьезно ли, въ шутку ли, называть его господиномъ“ ³⁾. О томъ же свидѣтельствуетъ и греческій историкъ Діонъ Кассій (160—235): „Августъ, говоритъ онъ, котораго народъ называлъ господиномъ (*δεσπότης*), запретилъ кому бы то ни было пользоваться по отношенію къ нему подобнымъ обращеніемъ“. Значить, его уже такимъ образомъ называли, въ провинціяхъ же, особенно среди грековъ къ нему уже прямо примѣняли титулъ царя. Августъ, какъ было сказано, довольствовался званіемъ принцепса, хотя оно и не входило въ его титулатуру, но, повидимому, этому званію онъ стремился придать новое значеніе не первоприсутствующаго въ сенатѣ, а главы государства: по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ анкирской надписи латинское *princeps* передано греческимъ ἡγεμών. Такое значеніе оно и приняло, наприм.. у Тацита, что дало возможность переводчикамъ передавать его словомъ *государь* ⁴⁾; Тацитъ же и назвалъ новую власть *принципатомъ*. Преемникъ Августа, Тиберій, тоже отказывался отъ титула господина, говоря, что онъ можетъ такъ

¹⁾ У римлянъ, кромѣ имени (*nomēn*), бывшаго въ сущности родовымъ (фамильнымъ) именемъ, были еще „предъименя“ и „соименя“, и при этомъ позволялось ихъ мѣнять, лишь бы въ виду не было преступной цѣли.

²⁾ См. рус. пер., стр. 44. Самъ Светоній въ данномъ случаѣ ссылается на свидѣтельство помпейскаго историка Тита Амбія.

³⁾ Стр. 91—92.

⁴⁾ См. въ переводѣ *проф. Модестова*, который и оправдываетъ такую передачу (т. II, стр. 4, прим. 5). Въ этомъ отношеніи въ одномъ эпизодѣ русской исторіи значеніе словъ *господинъ* и *государь* было обратное тому, о какомъ здѣсь идетъ рѣчь: я имѣю въ виду тотъ случай, когда новгородскіе послы назвали Ивана III государемъ, вмѣсто того, чтобы назвать по старинѣ господиномъ.

называться лишь по отношенію къ своимъ рабамъ ¹⁾. Эта сдержанность новой власти относительно титуловъ и формъ прекратилась, какъ извѣстно, при второмъ преемникѣ Августа, Калигулѣ (37—41), который даже не скрывалъ своего раздраженія по поводу того, что сенатъ подносилъ ему разные титулы, словно сенаторы стоятъ выше его, а онъ ниже ихъ. Своей бабкѣ онъ однажды сказалъ прямо: „*memento mihi omnia et in omnes licere*“, т.-е. „помни, что мнѣ позволено все и въ отношеніи всѣхъ“ ²⁾. „Услышавъ, рассказываетъ еще Светоній,—что цари, прѣхавшіе въ столицу, заспорили у него за обѣдомъ о знатности своего происхожденія, онъ вскричалъ: *Εἰς κοίρανος ἔστω, εἰς βασιλεύς!*—стихъ изъ Илиады: „да будетъ единый господинъ, единый царь!“ ³⁾ Светоній прибавляетъ, что цезарь близокъ былъ къ тому, чтобы тотчасъ же надѣть діадему. Весьма любопытно, что, по представленію римлянъ, „наставниками въ тиранніи“ (*τυραννοδιδάσκαλοι*) по отношенію къ Калигулѣ, какъ говоритъ Діонъ Кассій, считали іудейскаго царя Агриппу и коммагенскаго царя Антиоха ⁴⁾, бывшихъ римскими вассалами. Въ біографіи Вителлія Светоній рассказываетъ, далѣе, что „онъ первымъ сталъ воздавать божескія почести императору Гаю (Калигулѣ), когда по возвращеніи изъ Сиріи (гдѣ былъ намѣстникомъ) не рѣшился подойти къ нему, не закутавъ предварительно голову, а затѣмъ упалъ на землю“ ⁵⁾,—чисто восточный обычай. Извѣстно, впрочемъ, что Калигула и самъ объявилъ себя богомъ и сталъ требовать себѣ божескаго поклоненія. „Онъ даже, свидѣтельствуетъ Светоній выстроилъ отдѣльный храмъ своему божеству (*templum numini suo proprio*) и назначилъ ему жрецовъ и самыя изысканныя жертвы. Въ храмѣ стояла его золотая статуя во весь ростъ, и ежедневно на нее надѣвали платье, въ которомъ ходилъ самъ императоръ“ ⁶⁾. Вспышки восточнаго деспотизма при Калигулѣ, прямо,—по словамъ

¹⁾ Ср. выше, стр. 199.

²⁾ Рус. пер., стр. 198.

³⁾ Тамъ же, стр. 191.

⁴⁾ Коммагена—небольшая область къ с. отъ Сиріи, между Киликіей и Евфратомъ, на которомъ лежала и столица страны Самосата. Послѣ Селевкидовъ здѣсь царствовала туземная династія происхожденія.

⁵⁾ Рус. пер., стр. 329.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 191.

современнаго изслѣдователя римской императорской власти, — могли бы привести къ полному упраздненію всей системы принципата и къ замѣнѣ ея чистой монархіей Птолемеевъ и Селевкидовъ¹⁾, но онъ царствовалъ слишкомъ короткое время и дѣйствовалъ крайне непослѣдовательно. Къ той же цѣли особенно явственно стремился и Домиціанъ (81—96). „Диктуя официальные письма отъ имени своихъ прокураторовъ, онъ, по свидѣтельству Светонія, одинаково заносчиво начиналъ ихъ такъ: „государь и богъ нашъ приказываетъ сдѣлать слѣдующее“. Съ тѣхъ поръ, продолжаетъ историкъ, всѣмъ было предписано не называть его иначе ни въ письмахъ, ни устно. Онъ позволилъ ставить себѣ въ Капитоліи исключительно золотыя или серебряныя статуи, притомъ опредѣленнаго вѣса“²⁾, т.-е. распространялъ на свои статуи тѣ правила, которыя существовали для статуй боговъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма охотно выслушивалъ народные призыванія въ циркѣ, когда толпа величала его господиномъ. Въ желаніи Домиціана быть для подданныхъ неограниченнымъ владыкой и земнымъ божествомъ нельзя тоже не видѣть вліянія политическихъ традицій эллинистическаго Востока.

Не подлежитъ сомнѣнію и вообще восточное происхожденіе того культа императорской власти, который развился въ самомъ Римѣ въ эпоху имперіи. „Восточный взглядъ на монарха, какъ на существо высшаго порядка, говоритъ Белохъ въ своемъ томѣ объ эпохѣ эллинизма, — перешелъ и въ Грецію сначала, впрочемъ, лишь официально и безъ вліянія собственно на общественное мнѣніе націи. Тѣмъ не менѣе греческая монархія съ этого времени прочно усвоила культъ царствующаго дома, а отъ нея этотъ культъ приняли и римскіе императоры, впоследствии же и новые народы, потому что у нихъ понятіе величества (*Majestätsbegriff*) есть не что иное, какъ измѣненная форма этого культа и служить той же цѣли — провести рѣзкую разграничительную черту между народомъ и государемъ“³⁾. Такимъ образомъ вве-

¹⁾ Э. Гриммъ, II, 129.

²⁾ Рус. пер., 382. Тотъ же Светоній рассказываетъ, что, „снова сойдясь съ женой, послѣ развода съ нею, онъ объявилъ, что вторично призываетъ ее на свое божеское ложе“.

³⁾ О томъ, что самый терминъ *majestas* былъ еще римскаго происхожденія, см. ниже, но въ понятіе „величества“ въ эпоху имперіи, дѣйствительно, вошелъ новый оттѣнокъ.

деніе Александромъ божескаго почитанія государя является фактомъ глубокаго всемірно-историческаго значенія. Въ первый разъ, прибавляетъ Белохъ, побѣжденный Востокъ оказалъ на побѣдителей политическое воздѣйствіе; это былъ первый шагъ на томъ пути, который, черезъ нѣсколько вѣковъ привелъ самый гордый своей свободой народъ къ византизму“¹⁾. Въ томъ же смыслѣ выражается и Эдуардъ Мейеръ въ своей интересной работѣ объ императорѣ Августѣ²⁾, въ которой указываетъ на то, что восточные подданные Рима перенесли обоготвореніе царя сначала на царственный городъ, который олицетворяли въ видѣ богини *Ромы*, а потомъ и на того, кто въ немъ фактически былъ монархомъ³⁾. Сенатъ и часть населенія Италіи очень недружелюбно отнеслись къ идеѣ Августа, когда онъ сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи, но самъ онъ видѣлъ въ культѣ монарха отличный *instrumentum imperii*, къ которому съ давнихъ уже поръ привыкли восточныя провинціи и къ которому постепенно должны были привыкнуть и провинціи Запада. Въ самомъ Римѣ жило очень много грековъ и азіатовъ, для коихъ обоготвореніе государя не было новостью. Августу пришлось только сдѣлать Италіи и Риму уступку въ томъ смыслѣ, что здѣсь не было введено божескаго поклоненія живому императору и допущенъ былъ только культъ усопшаго, послѣ формальнаго причисленія его къ сонму боговъ.

Кромѣ того, нужно помнить, что въ составъ римской императорской власти вошло при Августѣ и верховное жречество, какъ это было и при древнихъ царяхъ. При распаденіи въ Римѣ царской власти на двойное консульство религиозныя функціи политическаго и военнаго главы городской общины были оставлены за особымъ „даремъ священныхъ дѣлъ“ (*rex sacrorum*) или царемъ-жертвоприносителемъ (*rex sacrificulus*). Впрочемъ, эта должность не сохранила за собою первенствующаго положенія въ религиозной жизни Рима, и въ эпоху республики настоящимъ верховнымъ жрецомъ сдѣ-

¹⁾ J. Beloch. Griechische Geschichte, III, 50—51.

²⁾ Она цитировалась выше (стр. 222); указываю на стр. 398—399. Hist. Zeitschr. (т. LV).

³⁾ Случалось, что восточные провинціалы чествовали даже римскихъ наместниковъ, какъ преемниковъ эллинистическихъ царей, постройкою храмовъ.

дался въ общинѣ главный понтификъ (pontifex maximus), если только высшій понтификатъ не развился самъ изъ царственнаго жречества¹⁾. Pontifex maximus стоялъ во главѣ особой коллегіи государственныхъ жрецовъ римскаго народа (sacerdotes publici populi romani), приобрѣтшихъ значеніе блюстителей національнаго культа, а потому и можетъ разсматриваться, какъ верховный жрецъ римской государственной религіи. Должность понтификовъ была пожизненною въ отличіе отъ свѣтскихъ магистратовъ, выбиравшихся на годъ. Мы знаемъ, что Августъ, личность котораго въ силу трибунской власти была „sacrosancta“, облекъ себя и верховнымъ понтификатомъ²⁾; это придало его принципату и религіозный характеръ. Интересно, что первый римскій императоръ, отказавшійся отъ званія главнаго понтифика былъ только Граціанъ въ 382 г. по Р. Х., т.-е. въ эпоху, когда императорская власть окончательно порвала свою связь съ языческими традиціями. Но римскій государь-жрецъ не былъ еще государемъ-богомъ, и обожествленіе его пришло съ Востока. Позволяя въ провинціяхъ строить храмы въ свою честь лишь совмѣстно съ „Ромою“ (communi suo Romaeque nomine, какъ выражается Светоній), Августъ, повидимому, шелъ по стопамъ нѣкоторыхъ эллинистическихъ царей, которые сами не были богами, но только „сохранниками божества“ (ὑπονομοὶ τῶ θεῶ). Съ другой стороны, культъ устанавливался не въ честь самого императора, а въ честь его генія, т.-е. его божества-покровителя. Но все это были только своего рода уступки общественному мнѣнію тамъ, гдѣ не могло прivityться настоящее, чисто восточное обожествленіе главы государства.

Важнымъ элементомъ въ комплексѣ чрезвычайныхъ правъ, которыя приобрѣтены были императорами, является перенесеніе на нихъ понятія *маестата* (majestas, величіе), который раньше принадлежалъ самому римскому народу. Когда римляне заключали союзы съ побѣжденными государствами или съ такими, которыя становились сами подъ ихъ протекторатъ, то обязывались „почтительно блюсти величество римскаго народа“³⁾, т.-е. признавать его верховенство и

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 45—47.

²⁾ См. выше, стр. 229.

³⁾ Majestatem populi romani comiter conservare. Ср. „Государство-городъ“, стр. 298—299.

не вредить его интересамъ. Съ внѣшнихъ отношеній понятіе умаленія или оскорбленія величества (majestatis minutae или laesae) было перенесено на отношенія внутреннія, и оскорбленіемъ величества стало называться всякое покушеніе на достоинство, честь и власть римскаго народа или тѣхъ лицъ, которымъ народъ далъ власть. Императоры, начиная съ Августа, стали примѣнять это понятіе и къ себѣ, причемъ къ числу преступленій противъ величества начали относить не только дѣла, но и слова, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ Тацитъ¹⁾. Интересно, что, возставая противъ вошедшаго въ обычай сожженія книгъ, по обвиненію ихъ въ оскорбленіи величества, этотъ историкъ ссылается мимоходомъ на „иноземныхъ царей“ (externi reges), какъ на людей, уже раньше подававшихъ такой примѣръ въ истребленіи ненавистныхъ имъ сочиненій. Такъ какъ мало-по-малу въ Римѣ вошло въ обычай клясться не только Юпитеромъ и пенатами Рима, но и „геніемъ цезаря“ (per genium Caesaris), то и несдержанія обѣщанія, даннаго именемъ принцепса, тоже стало подводиться подъ понятіе преступленія противъ величества, которое позднѣйшіе юристы находили наиболѣе родственнымъ преступленію святотатства. Прибавимъ еще, что чеканка монеты съ царскимъ изображеніемъ, ведущая свое начало отъ Александра Македонскаго, перешла и въ Римъ. Раньше на римскихъ монетахъ изображалась голова богини Ромы, и только въ 44 г. сенатъ формально далъ Цезарю право чеканить монеты съ его изображеніемъ. Правда, около этого времени монета чеканилась также и съ изображениями другихъ лицъ, но съ 24 г. до Р. Х. это право сдѣлалось привилегіей однихъ принцепсовъ и, кромѣ нихъ, только вассальныхъ царей въ ихъ владѣніяхъ.

Вообще, разсматривая порядки, установившіеся въ Римской имперіи, мы не должны игнорировать, что многое въ этихъ порядкахъ сложилось подъ вліяніемъ эллинистическихъ монархій. Цезарь открыто шелъ къ превращенію Римской державы въ монархію на эллинистическій ладъ, Августъ устроилъ свой принципатъ на манеръ чисто-римской и республиканской магистратуры (хотя и въ видѣ чрезвычайной магистратуры), да и послѣдующіе императоры держались то одной, то другой политики, но и независимо отъ личныхъ на-

¹⁾ Лѣт., I, 72.

мѣреній и стремленій императоровъ, самую силу вещей, римское государственное устройство постепенно, такъ сказать, эллинизировалось и вмѣстѣ съ тѣмъ ориентализировалось. Въ этомъ смыслѣ особенно интересна происходящая теперь въ наукѣ разработка вопроса о вліяніи эллинистическаго Востока на Римскую имперію. Одну изъ такихъ работъ представляетъ собою, напр., небольшое изслѣдованіе Корнеманна „Объ египетскихъ вліяніяхъ въ Римской имперіи“¹⁾. Всѣ эти вліянія авторъ подводитъ подъ четыре слѣдующія рубрики: 1) устройства августовскаго принципата, 2) организациі негородскихъ территорій, 3) образованія бюрократическаго строя и 4) реформы взиманія налоговъ и финансоваго управленія²⁾. Остановившаяся пока на первой категоріи вліяній, замѣтимъ, прежде всего, что хотя Августъ и замаскировалъ монархическую сущность своей власти республиканскими формами, все-таки для новаго государственнаго строя было важно рѣшеніе присущихъ каждой монархіи династическихъ вопросовъ, каковы вопросы о потомствѣ государя, о престолонаслѣдіи и т. п. „Для всѣхъ этихъ вопросовъ, говоритъ Корнеманнъ, безспорно громадное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что первый римскій принцепсъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Египтѣ, если не по имени, то по существу дѣла — прямымъ наслѣдникомъ Птолемеевъ, другими словами, что онъ, по крайней мѣрѣ, въ одной части своей державы былъ не только первымъ гражданиномъ, но и самодержавнымъ монархомъ“. Здѣсь же онъ очень удачно вспоминаетъ слова Моммзена въ одной изъ его статей, что съ Августа какъ бы „египетскіе цари господствовали въ Римѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принцепсъ римской общины управлялъ нильскою страной“³⁾. Браки въ предѣлахъ собственнаго рода, принятіе имени своего предшественника (Птолемеевъ въ Египтѣ, Цезарей въ Римѣ), обозначеніе времени по годамъ правленія (царствованія въ Египтѣ, принятія трибунской власти въ Римѣ) и нѣкоторыя другія черты указываютъ на сходство цезаріанскаго принципата съ птолемеевскою басилеей. Дан-

¹⁾ *Ernst Kornemann*. Aegyptische Einflüsse im römischen Kaiserreich (въ „*Neue Jahrbücher für das klassische Altertum*“ etc. за 1899 г.).

²⁾ По послѣдней категоріи см. также работу *проф. Ростовцева*, указанную выше (стр. 173, прим. 1).

³⁾ Стр. 121 указанной работы Корнеманна.

ныя, приведенныя Корнеманномъ, можно было бы дополнить многими другими чертами, собранными, напр., въ книгѣ итальянскаго историка Эваристо Бреччіи „О династическомъ правѣ въ монархіяхъ преемниковъ Александра Македонскаго“⁴⁾. Напр., клятву гениемъ императора онъ выводитъ изъ Египта и вообще изъ эллинистическихъ монархій²⁾. Отсюда же, по его мнѣнію, было заимствовано Римомъ и публичное празднованіе дня рожденія принцепса, примѣръ чему былъ поданъ еще при Цезарѣ³⁾. Внесеніе имени принцепса въ формулы обѣтовъ (*vota*) для благоденствія государства и молитвъ о немъ, ведущее свое начало отъ Августа, было тоже эллинистическаго происхожденія.

Въ концѣ концовъ эллинистическая монархія одержала побѣду надъ римскимъ принципатомъ, что случилось уже при Діоклетіанѣ (284—305), жившемъ тремя вѣками позже Августа. При этомъ императорѣ власть государя не только *de facto*, но и *de iure* сдѣлалась неограниченною, абсолютною, принявъ чисто восточныя формы, вслѣдствіе чего всѣ жители имперіи сдѣлались простыми рабами верховной власти. Все, что было „восточнаго“ въ эллинистической монархіи, съ особою силою возродилось въ деспотіи Діоклетіана и его преемниковъ, которые даже, — по примѣру самого Діоклетіана, промѣнявшаго Римъ на Никомидію, — создали для Римской имперіи новую столицу, „новый Рим“, на Востокѣ, въ старомъ греческомъ городѣ Византіи, лишь узкимъ проливомъ отдѣлявшемся отъ Азіи, куда, какъ полагали за три съ половиною вѣка передъ тѣмъ, хотѣлъ перенести политической центръ имперіи Юлій Цезарь⁴⁾. Здѣсь зародилась та царская власть чисто восточно-эллинистическаго типа, которая характеризуетъ всю тысячелѣтнюю византійскую исторію, и уже при Діоклетіанѣ въ обиходъ „священнаго“ императорскаго двора вошли многія формы, которыя были прямо заимствованы отъ тогдашняго персидскаго двора. Предикаты святости и божественности стали прилагаться къ особѣ монарха, какъ „святого царя“ (*ἅγιος βασιλεύς*), „божественнаго самодержца“ (*θεῖος αὐτοκράτωρ*) и т. п., которому подобаешь оказывать

¹⁾ См. объ этой книгѣ выше, стр. 161.

²⁾ *Breccia*, 81.

³⁾ Стр. 82.

⁴⁾ См. выше, стр. 222.

богоявное (ισόθεος) поклонение въ формахъ паденія ницъ (προσκύνησις) и славословій (εὐφημία). Для полнаго осуществленія этого идеала власти ея представителямъ нужно было основать свою столицу въ восточно-эллинистической половинѣ имперіи, изъ которой, собственно говоря, и исходили культурныя и политическія вліянія, перестраивавшія полуреспубликанскій принципатъ Августа въ эллинистическую базилею.

ГЛАВА XVII.

Организація центральной власти въ Римской имперіи и императорская политика I—III вв.

Полибій и Тацитъ о смѣшанномъ образѣ правленія и исчезновеніе демократическаго элемента изъ римской конституціи.—Прекращеніе римскихъ избирательныхъ комицій.—Паденіе республиканской оппозиціи.—Правительственный терроризмъ при преемникахъ Августа и развращенность римскаго общества.—Вмѣшательство войска въ назначеніе принцевовъ.—Отсутствіе закона о престолонаслѣдіи въ Римской имперіи и его слѣдствія.—Система предварительнаго соправительства.—Отношеніе императорской власти къ сенату и къ войску.—„Законъ о власти Веспасіана“.—Возникновеніе законодательной власти императора.—Система назначенія на высшія должности.—Городская и преторіанская префектуры.—Судебная власть императора.—Управленіе фискомъ и патримоніемъ.—Теоретическое пониманіе императорской власти.

Старая республиканская конституція Рима съ магистратурою, сенатомъ и народными собраніями была конституціей, пригодною для государства-города, но совершенно непригодною для громадной державы, въ какую разрослись римскія владѣнія. Полибій за столѣтіе до политической перемѣны въ Римѣ находилъ, какъ мы знаемъ ¹⁾, что въ этой конституціи весьма искусно соединены были принципы монархіи, аристократіи и демократіи, что всѣ три власти вынуждены были дѣйствовать единодушно и что, благодаря этому, „усиленіе

¹⁾ См. выше, стр. 195—196.

одной изъ властей и превознесеніе надъ прочими оказалось бы совершенно невозможнымъ“. Предсказаніе Полибія не оправдалось, и Тацитъ уже совершенно иначе судилъ объ этомъ образѣ правленія. „Всѣ народы и города, говоритъ онъ, управляютъ или демократически, или аристократически, или единодержавно, форма же правленія, выбранная или смѣшанная изъ этихъ трехъ, болѣе достойна одобренія, чѣмъ бываетъ въ дѣйствительности, а если и бываетъ, то не можетъ быть долговѣчна“ ¹⁾. Раньше всего изъ римской конституціи исчезъ элементъ демократическій, т.-е. народныя собранія. Непосредственное участіе народа собраннаго на городской площади, въ общегосударственныхъ дѣлахъ имѣло смыслъ, когда государство было маленькимъ, и всѣ его граждане или, по крайней мѣрѣ, значительное ихъ большинство могли сойтись вмѣстѣ или по частямъ для совѣщанія и принятія тѣхъ или другихъ рѣшеній, равно какъ для выбора магистратовъ. Когда сначала очень большая часть населенія Италіи, а потомъ и всѣ ея свободные обыватели ²⁾ сдѣлались римскими гражданами и значительное количество гражданъ находилось еще въ провинціяхъ, на комиціи въ Римѣ могли собираться лишь жители самого города или ближайшихъ къ нему мѣстностей, а это были въ громадномъ большинствѣ пролетаріи, очень часто безработные, жившіе на счетъ государства, которое снабжало ихъ дешевымъ и даже даровымъ хлѣбомъ, привыкли и къ подачкамъ отъ богачей или прямо торговавшие своими голосами ³⁾. Прежде чѣмъ совсемъ исчезнуть, демократическій элементъ римской республиканской конституціи уже выродился въ элементъ охлократическій. Столичная чернь, представлявшая собою или даже вполне въ себѣ de facto заключавшая державный народъ римскій, понятно, не могла быть опорой политической свободы. Наоборотъ, она сдѣлалась опорой демагогіи въ послѣднія десятилѣтія республики и опорой деспотизма при имперіи, новые главы которой всячески задабривали столичное населеніе денежными подарками, раздачею хлѣба, устройствомъ увеселеній и зрѣлищъ. Византія въ этомъ отношеніи только продолжала традицію Рима, ко-

¹⁾ Лѣтоп., IV, 33 (перев. проф. Модестова, т. II, стр. 213).

²⁾ См. выше, стр. 185.

³⁾ См. „Государство-городъ“, стр. 144—146, 181—182, 203, 293—294.

торый самъ въ данномъ случаѣ лишь слѣдовалъ примѣру одинаково и республиканскихъ Аѳинъ, и монархической Александріи.

Междоусобныя войны тоже мѣшали правильному функционированію народныхъ собраній въ Римѣ, но тогда Августъ возстановилъ порядокъ и, какъ самъ онъ выражается въ анкирской надписи ¹⁾, „передалъ государство изъ своей власти во власть сената и народа римскаго“, то были имъ возстановлены и комиции, собиравшіяся на Марсовомъ полѣ, хотя значеніе ихъ было уже чисто формальнымъ. „Народъ и плебсъ (ὁ τε δῆμος καὶ πλῆθος), говоритъ Діонъ Кассій, опять стали собираться для выбора властей (ἐς τὰς ἀρχαρχείας), но не дѣлалось ничего, что могло бы не понравиться“ Августу: именно однихъ кандидатовъ онъ самъ рекомендовалъ, другихъ предоставлялъ свободному выбору народа, заботясь лишь о томъ, чтобы не избирались неприятныя ему лица. Мало того, Августъ самъ являлся голосовать въ свою трибу. Это искусственное оживленіе комицій было непродолжительнымъ. Уже при Тиберіи, какъ говоритъ Тацитъ, „избирательныя комиции были перенесены съ Марсова поля къ сенаторамъ“, причемъ народъ, по его же свидѣтельству, „протестовалъ противъ отнятія у него этого права только пустымъ ропотомъ“ ²⁾. Отъ избирательнаго права народа осталась только чистая формальность „ренунціаціи“ передъ народомъ избранныхъ въ сенатъ консуловъ, преторовъ и т. п. и „аккламаціи“ ихъ народомъ, т. е. признанія ихъ простыми возгласами согласія ³⁾. Законодательныя комиции тоже мало-по-малу пришли въ упадокъ.

За устраненіемъ изъ римской конституціи демократическаго элемента оставались элементы аристократической (или олигархической) въ видѣ сената и монархической въ видѣ принципата. Дальнѣйшее развитіе римскаго государственнаго устройства могло пойти или по пути сочетанія обоихъ факторовъ, или по пути устраненія одного изъ нихъ въ пользу другого. Мыслью Цезаря было основать чистую монархію, въ которой сенату могло бы принадлежать значеніе лишь синедріона (συεδριον) эллинистическихъ монархій,

¹⁾ См. выше, стр. 228.

²⁾ Лѣтоп., I, 15 (перев. проф. Модестова, т. II, стр. 19).

³⁾ Этотъ обрядъ сохранился до III в.

т. е. государственнаго совѣта, вполне зависимаго отъ монарха. Наоборотъ, республиканская партія въ Римѣ защищала прежде всего именно права сената, стремясь вернуть ему прежнее могущество и устранить изъ государственнаго устройства всякое подобіе монархіи. Успѣхъ Августа Тацитъ объясняетъ не только тѣмъ, что онъ „привлекъ на свою сторону войско подарками, народъ — раздачею хлѣба, а всѣхъ вообще сладостью мира“, но и тѣмъ, что „никто ему не оказывалъ сопротивленія, такъ наиболѣе пылкіе погибли въ бояхъ или отъ проскрипціи, а остальная часть награждалась, по мѣрѣ готовности къ раболѣпію, богатствомъ и почестями и, нашедши въ новомъ порядкѣ вещей для себя выгоду, предпочитала безопасность въ настоящемъ полному опасностямъ прошлому“ ¹⁾. Послѣ гибели Брута и Кассія серьезной оппозиціи противъ утвержденія новаго порядка уже не было, а при Августѣ внѣшнее возстановленіе власти сената не давало и уже поводовъ для сопротивленія единокровію. Съ этого времени республиканская оппозиція пріобрѣтаетъ почти исключительно публицистическій характеръ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ развивается въ Римѣ и литература, въ высшей степени благопріятная новому порядку вещей. Августа окружалъ цѣлый сонмъ поэтовъ такъ называемаго „золотого вѣка“ римской литературы, которые въ данномъ случаѣ шли по стопамъ александрійскихъ придворныхъ поэтовъ, восхвалявшихъ отдѣльныхъ царей изъ династіи Птоломеевъ. Когда Августъ, подготовившій себѣ преемника въ лицѣ своего усыновленнаго пасынка Тиберія, скончался, ни противъ самаго принципата, ни противъ перехода власти къ Тиберію не обнаружилось ни малѣйшей оппозиціи. При извѣстии о смерти Августа „въ Римѣ, рассказываетъ Тацитъ, консулы, сенаторы, всадники кинулись въ раболѣпіе. Чѣмъ кто былъ знатнѣе, продолжаетъ онъ, тѣмъ съ болѣеимъ лицемѣріемъ и поспѣшностью, а также съ поддѣльнымъ выраженіемъ лица, — чтобы не казаться веселымъ по случаю кончины одного принцепса и слишкомъ печальнымъ при вступленіи въ управленіе новаго, — мѣшались слезы и радость, сожалѣнія и лести“ ²⁾. Тиберій держался сначала по отношенію къ сенату той политики, которая ле-

¹⁾ Лѣтоп., I, 2 (перев. проф. Модестова, т. II, стр. 5—6).

²⁾ Тамъ же, I, 7 (т. II, стр. 10).

жала въ основѣ „дiархіи“ Августа, но лъстецы и доносчики (delatores) испортили отношенія между принцемъ и сенаторомъ, еще не вполне забывшимъ республиканскихъ традицій, и принципатъ Тиберія открылъ собою эпоху правительственнаго терроризма въ Римѣ, которая нашла столь страстнаго обличителя и художественнаго повѣствователя, какимъ передъ нами является Тацитъ въ своихъ знаменитыхъ историческихъ трудахъ.

Правительственный терроризмъ при преемникахъ Августа заключался въ постоянномъ возбужденіи все новыхъ и новыхъ политическихъ процессовъ по обвиненію въ оскорбленіи величества, бывшихъ въ сущности юридическими убійствами и еще болѣе деморализовавшихъ общество. „Тѣ, говоритъ Тацитъ по поводу жестокостей Нерона, — тѣ, кто будетъ знакомиться съ событіями этихъ временъ черезъ насъ или черезъ другихъ писателей, должны знать напередъ, что сколько разъ принцевъ предписывалъ ссылки или убійства, столько же разъ были приносимы благодаренія богамъ, и то, что въ былое время было ознаменованіемъ счастливыхъ событій, теперь было ознаменованіемъ общественныхъ бѣдствій“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще такъ характеризуетъ нравственное паденіе римскаго общества: „время это (правленіе Тиберія) до того было пропитано заразою и грязною лестью, что не только первыя лица города, которымъ необходимо было прикрывать свою извѣстность угодливостью, но и всѣ бывшіе консулы, значительная часть бывшихъ преторовъ и многіе даже низшіе сенаторы непрерывно вставали, чтобы подать омерзительное и чудовищное мнѣніе. Сообщаютъ, продолжаетъ Тацитъ, что Тиберій всякій разъ, какъ выходилъ изъ курии, имѣлъ обыкновеніе произносить по-гречески слова: „О люди, созданные для рабства!“ Это значитъ, прибавляетъ историкъ, что даже человѣку, который не хотѣлъ народной свободы, было противно столь явное пресмыкательство раболѣпныхъ людей“²⁾. Раболѣпство дополнялось всеобщимъ „делаторствомъ“. „Особенно ужаснымъ зломъ, которое принесли эти времена, — читаемъ мы у того же Тацита, — было то, что первостепенные сенаторы занимались даже самыми низкими доносами,

¹⁾ Тамъ же, XIV, 64 (т. II, стр. 460).

²⁾ Тамъ же, III, 65 (т. II, стр. 179).

одни открыто, другіе втайнѣ, и нельзя было отличить чужихъ отъ своихъ, друзей отъ незнакомыхъ, недавно случившагося отъ устарѣвшаго и забытаго. Все равно, на форумѣ ли, на пиру ли кто сказалъ что о чемъ-нибудь, его обвиняли въ этомъ: каждый сѣшилъ предупредить другого и намѣтить подсудимаго; нѣкоторые это дѣлали ради своей безопасности, а большая часть — какъ бы зараженные болѣзнию чрезъ соприкосновеніе“¹⁾. Между тѣмъ, какъ при Августѣ, такъ и при Тиберіи, да и впоследствии дѣйствительной опасности для новой власти ни откуда не грозило, если не считать нѣсколько мелкихъ заговоровъ и нѣкотораго фрондерства сравнительно небольшого круга старыхъ республиканцевъ.

Даже по смерти Тиберія, извѣстіе о которой въ Римѣ было принято съ величайшею радостью, не произошло въ римскомъ обществѣ никакого политическаго движенія ни противъ самого принципата, ни противъ даннаго перехода власти, и принцемъ, былъ провозглашенъ молодой внучатный племянникъ Тиберія, Кай Калигула, который правилъ только три года (37—41), ознаменовавъ свое время, какъ мы видѣли, разными сумасбродствами вплоть до объявленія себя владыкою и богомъ²⁾. Правительственный терроризмъ продолжался и при немъ. Правда, Калигула кончилъ дни насильственной смертью, но не вслѣдствіе аристократическаго заговора или народнаго возстанія, а возбудивъ противъ себя недовольство въ собственной же гвардіи и при своемъ же дворѣ. Къ сожалѣнію, тѣ книги *Annalium* Тацита, въ которыхъ разсказываются событія принципата Калигулы и начала правленія Клавдія, не сохранились, и мы не знаемъ подробностей о тогдешней попыткѣ сената возстановить полнѣ республиканскій строй безъ принцевовъ. „Нѣкоторые, по словамъ Светонія, предлагали даже изгладить всякое о нихъ (принцесахъ) воспоминаніе и разрушить ихъ храмы“³⁾. Но дѣло рѣшили тѣ же солдаты, которые умертвили Калигулу. Во время шума, поднятаго убійцами, какъ разсказываютъ, дядя императора Клавдій, которому было уже 50 лѣтъ, отъ испуга спрятался за дверною драпировкою. „Случайно пробѣгавшій простой солдатъ замѣтилъ чьи-то ноги и, желая знать, чьи

¹⁾ Тамъ же, VI, 7 (т. II, стр. 261).

²⁾ См. выше, стр. 231.

³⁾ Рус. пер., стр. 219.

онѣ, увидѣлъ Клавдія. Онѣ вытащили его, и въ то время, какъ Клавдій со страху упалъ передъ нимъ на колѣни,—поздравилъ его императоромъ. Затѣмъ солдатъ привелъ его къ прочимъ своимъ товарищамъ, которые все еще не знали, что дѣлать, и только шумѣли. Они посадили его на носилки и на своихъ плечахъ, смѣняясь, принесли въ лагерь. Клавдій былъ грустенъ и дрожалъ, а встрѣчные жалѣли его, думая, что его безвинно тащутъ на казнь“. Между тѣмъ „консулы вмѣстѣ съ сенаторами и городскими когортами успѣли занять форумъ и Капитолій, желая снова дать всѣмъ свободу,... но на слѣдующій день сенатъ велъ себя въ дѣлѣ осуществления своихъ плановъ менѣе энергично, изъ-за утомительныхъ споровъ между лицами различныхъ партій, а толпа, окружавшая сенаторовъ, уже начинала требовать себѣ одного главу, называя при этомъ Клавдія. Тогда послѣдній разрѣшилъ собравшимся въ полномъ вооруженіи солдатамъ принести ему присягу, обѣщая каждому дать по пятнадцати тысячъ сестерціевъ“. Заканчивая этотъ характерный разсказъ, Светоній прибавляетъ, что Клавдій „былъ первый императоръ, купившій за деньги вѣрность своихъ солдатъ“¹⁾. Преемникъ Клавдія, прославившійся своею жестокостію Неронъ (усыновленный имъ пасынокъ) былъ провозглашенъ императоромъ тѣмъ же порядкомъ. Его тоже на носилкахъ отнесли изъ дворца въ преторіанскій лагерь, гдѣ онѣ, какъ повѣствуетъ Тацитъ, „сказалъ сообразную съ обстоятельствами рѣчь и, послѣ того, какъ обѣщавъ денежный подарокъ по примѣру отцовской щедрости, былъ привѣтствованъ, какъ императоръ. Приговору солдатъ, прибавляетъ Тацитъ, послѣдовали постановленія сената“²⁾. Новому принцецу было только шестнадцать лѣтъ, и по молодости лѣтъ изъ всѣхъ поднесенныхъ ему званій онѣ отказался лишь отъ титула „отца отечества“.

Та военная сила, которая стала распоряжаться императорствомъ, была лейбъ-гвардія принцевовъ и получила свое устройство при Августѣ и Тиберіи. Еще во времена республики для личной охраны главнокомандующаго и его преторія (лагернаго мѣста съ его палаткой) существовала осо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 227—228. Сестерцій равенъ 5—6 копѣйкамъ, такъ что 15 тысячъ сестерціевъ составляетъ около 800 рублей.

²⁾ Лѣтоп., XII, 69 (т. II, стр. 368—369).

бая команда, которая вмѣстѣ съ его свитой и канцеляріей носила названіе *преторской когорты*, *cohors praetoria*¹⁾. Это же названіе дано было Августомъ девяти тысячнымъ отрядамъ для охраны порядка въ Италіи, и изъ нихъ три были размѣщены въ самомъ Римѣ по домамъ гражданъ, а кромѣ нихъ, была организована и конная гвардія (*equites praetoriani*). Преторіанцы, поставленные подъ общее начальство особаго префекта, (*praefectus praetorio*), пользовались сравнительно съ простыми легионерами особымъ почетомъ, сокращеннымъ срокомъ службы и повышеннымъ окладомъ. При Тиберіи префектомъ преторіанцевъ былъ знаменитый Сеянъ, который, какъ говоритъ Тацитъ, „умѣренную дотоле силу этой должности увеличилъ тѣмъ, что разбѣянные по Риму когорты соединилъ вмѣстѣ въ лагерь, дабы онѣ получали приказаніе всѣ разомъ, а также, чтобы число, сила и видъ другъ друга внушали имъ довѣріе къ себѣ, а другимъ страхъ“²⁾. Преторіанцы послѣ этого сдѣлались дѣйствительной силой, и событія, сопровождавшія воцареніе Клавдія и Нерона, скоро, какъ мы только-что видѣли, это доказали.

Можно сказать, что сенатъ и преторіанская гвардія были двумя главными политическими силами въ Римѣ, съ которыми императорамъ приходилось считаться и въ которыхъ они искали опоры для своей власти, причемъ между обѣими силами существовалъ антагонизмъ, и императорамъ иногда прямо приходилось выбирать между сенатомъ и этой гвардіей. Одинъ изъ недостатковъ системы августовскаго принципата заключался въ томъ, что въ ней не было правильного порядка преемственности власти. Собственно говоря, императорская власть не была *de jure* наследственной, поскольку разсматривалась, какъ чрезвычайный республиканскій магистратъ, но *de facto* съ самаго же начала принципата установился монархическій порядокъ наследственной передачи власти. Уже при Августѣ члены семьи принцепа получили привилегированное положеніе въ обществѣ. Особенно, напр., важно было то, что Августъ двумъ усыновленнымъ внукамъ своимъ, Каю и Луцію Цезарю, далъ титулъ „принцевовъ молодежи“ (*principes juventutis*), освободивъ ихъ

¹⁾ Ср. выше, стр. 188.

²⁾ Лѣтоп., IV, 2 (т. II, стр. 192).

вмѣстѣ съ другими членами своего дома отъ принятаго порядка въ послѣдовательности прохожденія разныхъ высшихъ государственныхъ должностей. Оба они, однако, умерли молодыми, послѣ чего Августъ а усыновилъ Тиберія. Онъ уже раньше получалъ квесторство, преторство и консульство, а также и должность народнаго трибуна, а усыновляя его, Августъ клялся „въ народномъ собраніи, что дѣлаетъ это ради блага государства“, а, кромѣ того, и „въ пѣкоторыхъ письмахъ хвалилъ его, какъ чрезвычайно опытнаго полководца и единственнаго защитника римскаго народа“¹⁾. Впослѣдствіи въ Римѣ вошло какъ бы въ обычай, что императоръ еще при жизни рекомендовалъ консуламъ и сенату кандидата, котораго желалъ бы видѣть своимъ преемникомъ, а таковымъ былъ обыкновенно или сынъ принцепса, или лицо, имъ усыновленное. Съ другой стороны, предполагаемый наслѣдникъ еще при жизни своего предшественника пріобщался къ его власти. Напр., Тиберій получалъ трибунскую власть, которая незадолго до смерти Августа была продолжена за нимъ на десять лѣтъ, и тогда же „на основаніи закона, предложеннаго консулами, ему поручили, вмѣстѣ съ Августомъ, управлять провинціями и произвести цензъ“²⁾. Когда Августъ умеръ, Тиберій въ силу своей трибунской власти созвалъ сенатъ, а въ силу своего имперія въ провинціяхъ разослалъ стоявшимъ тамъ войскамъ приказы. Принципатъ, однако, онъ принималъ только по настойчивому предложенію сената, заявивъ при этомъ, что беретъ власть въ свои руки лишь до тѣхъ поръ, пока сенатъ не найдетъ справедливымъ дать покой его старости.

Принципатъ вообще долгое еще время считался чрезвычайной магистратурой, вызванной ненадежными условіями времени, а потому вступленіе во власть каждаго новаго принцепса могло разсматриваться, какъ признаніе сенатомъ лишь необходимости отсрочки возвращенія къ нормальному порядку. Послѣ смерти Калигулы и Нерона въ сенатѣ даже поднимался вопросъ о самомъ существованіи принципата, но тутъ въ дѣло вмѣшивалась военная сила, и римская исторія знаетъ еще цѣлый рядъ случаевъ, когда принцепсъ ставился преторіанцами или легіонами. Уже послѣ смерти

¹⁾ Светоній (руск. пер., стр. 142).

²⁾ Тамъ же, стр. 141—142.

Августа стоявшіе на Рейнѣ и Дунаѣ легіоны задумали было провозгласить императоромъ племянника Тиберія, Германика, который, однако, самъ содѣйствовалъ признанію принципата за своимъ дядей. Братъ Германика Клавдій по смерти Калигулы былъ сдѣланъ императоромъ преторіанцами, которые потомъ провозгласили и Нерона. Когда и Неронъ кончилъ жизнь, сенатомъ объявленный лишеннымъ власти и покинутый преторіанцами, вопросъ о томъ, кто будетъ императоромъ, сдѣлался предметомъ спора между сенатомъ, преторіанцами и провинціальными легіонами (68—69 гг.). Въ Римѣ было провозглашено два императора, Гальба, котораго, собственно, выставили испанскіе легіоны, и Отонъ, которымъ преторіанцы въ самомъ Римѣ скоро замѣнили Гальбу. Интересно, что, давая власть Гальбѣ, сенатъ руководился, видимо, уже тѣмъ соображеніемъ, что „огромное тѣло (имперіи) не могло стоять и держаться въ равновѣсіи безъ управителя“¹⁾, а когда преторіанцы убили Гальбу и объявили императоромъ Отона, сенатъ поспѣшилъ и ему дать трибунскую власть, титулъ Августа (*nomen Augusti*) и прочія почести принцепсовъ. Между тѣмъ германскіе легіоны провозгласили императоромъ Вителлія, который затѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ отнялъ у Отона власть и всячески старался показать, что свое господство онъ получилъ не отъ сената. Въ Римѣ при Вителліи повторились времена Нерона, но дни его правленія были сосчитаны. Египетскій префектъ, снесшись съ другими правителями восточныхъ провинцій, провозгласилъ императоромъ Флавія Веспасіана, усмирившаго въ то время возстаніе въ Палестинѣ, и къ этому примкнули находившіеся подъ его начальствомъ сирийскіе легіоны. Новый императоръ и впослѣдствіи, — когда онъ уже былъ признанъ и сенатомъ и народомъ, — началомъ своего принципата считалъ провозглашеніе, совершившееся въ Александріи: „этотъ день и праздновался впослѣдствіи, какъ первый день его принципата“, говоритъ Тацитъ²⁾. Сенату не оставалось потомъ ничего, какъ легализовать всѣ распоряженія Веспасіана до формальнаго утвержденія за нимъ принципата. Вопросъ о томъ, кто останется императоромъ, Вителлій или Веспасіанъ,

¹⁾ См. у Тацита („Исторія“, I, 16, рус. пер., т. II, стр. 80) рѣчь самого Гальбы.

²⁾ Исторія, II, 79 (рус. пер., т. II, стр. 191).

сіанъ, долженъ былъ рѣшаться междоусобною войною, во время которой самъ Римъ подвергся взятію солдатами Веспасіана, сопровождавшемуся пожаромъ Капитолія и битвами на улицахъ. Самъ императоръ пріѣхалъ въ Римъ изъ Александріи лишь послѣ того, какъ столица имперіи была въ рукахъ его сторонниковъ. Провозглашеніе Веспасіана въ столицѣ Египта, занимавшаго особое положеніе въ имперіи ¹⁾, и завоеваніе столицы Италіи государемъ, котораго выдвинулъ Востокъ, были какъ бы отместкою Востокомъ Западу за Акціумъ ²⁾, и новаго императора сопровождала въ Римъ слава челоуѣка, котораго сами боги отмѣтили, какъ челоуѣка, предназначеннаго къ высшей власти ³⁾.

Мы еще остановимся въ другой связи на знаменитомъ законѣ, которымъ сенатъ санкціонировалъ власть Веспасіана, а пока отмѣтимъ, что новый императоръ успѣшилъ приобщить къ власти своего сына Тита, продолжавшаго усмиреніе возставшихъ іудеевъ. Именно, онъ поручилъ ему надзоръ за составленіемъ официальныхъ документовъ, сдѣлалъ его префектомъ преторіанцевъ, далъ ему трибунскую власть и вмѣстѣ съ нимъ занималъ цензорскую и консульскую должности, такъ что Светоній прямо называетъ Тита соучастникомъ отца въ верховной власти (*participem atque etiam tutorem imperii*). Это приобщеніе будущаго императора къ власти при жизни царствующаго государя развилось въ послѣдствіи въ цѣлую систему соправительства, которая оказалась очень цѣлесообразнымъ средствомъ для мирнаго перехода власти къ новому императору по смерти стараго. Послѣ Веспасіана императорами были послѣдовательно два его сына — Титъ (79—81) и Домиціанъ (81—96). Первый изъ нихъ тоже объявилъ своего младшаго брата соправителемъ и преемникомъ (*consortem successoremque*), но Домиціанъ, повидимому, изъ подозрительности, не рѣшился провозгласить взрослоаго преемника, и начатый Веспасіаномъ „домъ Флавіевъ“ съ насильственной смертью Домиціана прекратился.

Возведенный на престолъ сенатомъ въ 96 г. Нерва (98—117), — самъ бывший сенаторомъ, — усыновилъ намѣстника

¹⁾ См. выше, стр. 223 и 236.

²⁾ См. выше, стр. 223—224.

³⁾ На это есть указанія у Тацита и Светонія. Дѣло идетъ о разныхъ пророчествахъ и чудесахъ.

Верхней Германіи Марка Ульпія Траяна (117—138) и тоже сдѣлалъ его своимъ соправителемъ (*in partem imperii cooptavit*, какъ выражается историкъ IV в. Аврелій Викторъ). Элій Адрианъ сразу наслѣдовалъ Траяну также по праву усыновленія, признанный войскомъ, а потомъ и сенатомъ. Самъ онъ прибѣгъ къ той же системѣ, усыновивъ и приобщивъ къ власти Аврелія Антонина (138—161), котораго обязалъ въ свою очередь усыновить своего племянника Марка Аврелія (161—180). Благодаря этому императорская власть въ теченіе цѣлаго столѣтія переходила спокойно отъ одного лица къ другому. Маркъ Аврелій сдѣлалъ своимъ соправителемъ другого пріемнаго сына своего предшественника, Луція Вера, а послѣ его смерти приобщилъ къ власти собственнаго сына своего Коммода (180—192). Какъ извѣстно, по смерти послѣдняго въ имперіи наступила смутная эпоха военнаго деспотизма, когда императоровъ (иногда въ одно и то же время разныхъ) провозглашали преторіанцы и провинціальныя войска. Ставленники солдатъ, императоры III в. большею частью и погибали насильственной смертью. Только Діоклетіанъ (285—305) задумалъ положить конецъ своеволю войска и для восстановленія правильнаго перехода власти прибѣгъ опять къ системѣ соправительства, причемъ старшій и младшій „августы“, самъ Діоклетіанъ и его соправитель взяли себѣ по помощнику, съ титуломъ „цезарей“, которые со временемъ сами сдѣлались бы равнымъ образомъ „августами“ и выбрали бы себѣ по новому „цезарю“. Однако, эта искусственная система не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, но зато какъ-разъ въ эту эпоху римскій принципатъ окончательно принимаетъ характеръ абсолютной монархіи восточно-эллинстическаго типа.

Діоклетіанъ создалъ въ имперіи настоящую автократію, въ смыслѣ власти, въ себѣ самой носящей свое собственное основаніе, т.-е. власти, покоящейся не на избраніи сенатомъ и не на провозглашеніи солдатами. Вообще императорамъ первыхъ трехъ вѣковъ приходилось опираться или на сенатъ, или на войско. Если императоры III в. были ставленниками военной силы, то, наоборотъ, во II столѣтіи они старались править по возможности въ согласіи съ сенатомъ, прямо поддерживая фикцію діархіи. Послѣ того, какъ въ Римѣ функции народнаго собранія перешли къ сенату ¹⁾, послѣдній, въ ка-

¹⁾ См. выше, стр. 240.

чествѣ учрежденія, замѣщающаго суверенный народъ и передающаго принцепсу его чрезвычайныя полномочія, долженъ былъ бы разсматриваться, какъ наивысшая въ государствѣ власть, но именно въ виду того, что принцепсъ соединялъ въ своемъ лицѣ проконсульскую и трибунскую власти, сенатъ тотчасъ же по дарованіи принцепсу высшихъ полномочій, превращался въ простое совѣщательное собраніе. Уже отъ личнаго усмотрѣнія принцепса зависѣло, въ какой мѣрѣ дѣлиться съ сенатомъ своею властью. Въ сущности, взаимныя отношенія принцепса и сената никогда съ принципиальной точки зрѣнія не выяснялись, т.-е. не были предметомъ строгой юридической формулировки. Существованіе сената нисколько не ограничивало власти принцепса, и послѣдній могъ даже не считаться съ необходимостью соблюдать какія бы то ни было формы. Одни принцепсы уже перваго вѣка имперіи, по крайней мѣрѣ, виѣшнимъ образомъ уважали права сената (самъ Августъ, Тиберій, Клавдій, Неронъ въ началѣ своего правленія), другіе, наоборотъ, всячески его унижали (Калигула, Неронъ въ концѣ). Но корректное отношеніе къ сенату императоровъ первой категоріи большею частью все-таки соединялось съ стремленіемъ къ усилению собственной власти на счетъ этого учрежденія. Напр., весьма корректно держалъ себя по отношенію къ сенату Веспасіанъ, но именно онъ къ разнымъ прежнимъ должностямъ принцепса присоединилъ цензуру, которой принадлежало право пополненія сената. Предшественники Веспасіана не пользовались этою властью, но Веспасіанъ ее себѣ присвоилъ и раздѣлил ее съ Титомъ, а Домиціанъ превратилъ срочную и дѣйствовавшую съ перерывами цензуру, которую тоже оставилъ за собою, въ пожизненную и непрерывную¹⁾. Равнымъ образомъ и императоры II в., начиная еще съ Нервы и кончая Маркомъ Авреліемъ, при всемъ своемъ стремленіи ладить съ сенатомъ, въ сущности не давали ему никакой самостоятельности. Самъ сенатъ, вѣрный своимъ аристократическимъ традиціямъ и эгоистически-сословной политикѣ, не могъ представлять собою самостоятельной политической силы, такъ-какъ не пользовался популярностью въ народѣ, да и отнюдь не заботился о ей

¹⁾ Цензоръ выбирался разъ въ пять лѣтъ, но исполнялъ свою должность лишь 18 мѣсяцевъ. Съ Домиціаномъ цензура исчезаетъ изъ римскаго государственнаго устройства.

приобрѣтеніи. Послѣ попытки Домиціана сдѣлать принцепса „владыкою и богомъ“¹⁾ придворныя заговорщики, устранившіе этого тирана, остановили свой выборъ не на полководцѣ, а на сенаторѣ Нервѣ, который искалъ опоры именно въ сенатѣ, но сенатъ воспользовался благоприятнымъ для себя моментомъ лишь для того, чтобы добиться отъ новаго императора формальнаго осужденія памяти Домиціана, — главнымъ образомъ, на его желаніе быть „владыкою и богомъ“, — да клятвеннаго обѣщанія не казнить ни одного сенатора. Послѣднее было единственнымъ ограниченіемъ, какое въ 96 г. сенатъ наложилъ на принцепса, но и оно имѣло скорѣе характеръ добровольнаго и чисто нравственнаго обязательства, а не юридической нормы, обставленной какими-либо гарантіями, не говоря уже о томъ, что оно касалось однихъ только сенаторовъ. Этотъ эгоизмъ сената объясняетъ намъ его изолированность и безсиліе, не смотря на то, что все еще половина римскихъ провинцій управлялась намѣстниками, называвшимися сенаторомъ.

Какъ бы то ни было, послѣ убіенія Домиціана въ Римѣ произошла своего рода реакція противъ деспотическаго характера, какой этотъ императоръ придалъ своей власти. При Нервѣ дѣятельность сената оживилась. Слѣдующій принцепсъ, Траянъ, даже особенно старался выставлять на видъ, что считаетъ себя не господиномъ, а только первымъ слугою государства. Такой же политики держались и слѣдующіе за Траяномъ императоры до Марка Аврелія включительно. О томъ, какъ Траянъ смотрѣлъ на свою власть, мы узнаемъ изъ „Похвальнаго слова Траяну“ (Panegyricus ad Trajanum) его друга и сотрудника, извѣстнаго писателя Плинія Младшаго²⁾, написавшаго свой панегирикъ въ благодарность за дарованное ему консульство. Въ этомъ литературномъ памятникѣ очень много напыщенной лести, но есть и характерныя черты. Траянъ хотѣлъ именно признавать за собою и извѣстныя обязанности и даже включилъ въ официальную молитву за свое благоденствіе слова: „если онъ будетъ управлять государствомъ (republicam) хорошо и съ пользою для всѣхъ“ (ex utilitate omnium). Но, признавая себя лишь уполномоченнымъ государствомъ, Траянъ самъ, т.-е. по личному

¹⁾ См. выше, стр. 231.

²⁾ Плиній Старшій, авторъ „Естественной Исторіи“, былъ его дядя.

своему усмотрѣнію, а не по указанію сената опредѣлять, въ чемъ же заключается эта общая польза, этотъ государственннй интересъ, которому онъ считалъ себя обязаннымъ служить. Благодаря этому, сенатъ оставался простымъ государственнымъ совѣтомъ, тѣмъ болѣе, что Траянъ, уже и не принимая цензорской власти, вполнѣ пользовался ея сущностью. Единственной гарантіей для сенаторовъ и при немъ оставалось клятвенное обѣщаніе не казнить никого изъ ихъ среды безъ приговора самого сената. Адрианъ повторилъ это обѣщаніе и, по свидѣтельству одного изъ своихъ біографовъ, любилъ говорить, что при управленіи государствомъ онъ всегда помнитъ, что оно принадлежитъ народу, а не ему лично ¹⁾. Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій не отступали отъ этой политики благосклоннаго отношенія къ сенату, хотя это нисколько, конечно, не дѣлало сенатъ болѣе независимымъ и сильнымъ. Въ сущности, всѣ эти императоры II в., относившіеся съ уваженіемъ къ сенату и окружавшіе его почетомъ, были не конституціонными монархами, поддерживавшими августовскую дѣрхію, а настоящими представителями просвѣщеннаго абсолютизма. Маркъ Аврелій былъ даже не только императоромъ, но и философомъ, вполнѣ раздѣлявшимъ мысль Платона, что государства будутъ процвѣтать, или когда философы будутъ править, или когда правители будутъ слѣдовать указаніямъ философіи ²⁾.

Эта эпоха просвѣщеннаго абсолютизма въ Римской имперіи, называемая обыкновенно счастливымъ періодомъ въ ея исторіи, смѣнилась эпохою военнаго деспотизма, охватывающей почти весь III вѣкъ. Еще раньше отдѣльные императоры особенно искали опоры для своей власти въ войскѣ, а съ своей стороны, и войско вмѣшивалось въ избраніе императоровъ, но прежде это были скорѣе исключительные случаи, а не общее правило. Императоры больше всего отличали свою преторіанскую гвардію, стоявшую въ Римѣ, и она чаще, чѣмъ провинціальныя легіоны участвовала въ политическихъ переворотахъ, хотя и легіоны также нерѣдко провозглашали императоровъ. Политическое движеніе въ областныхъ войскахъ произошло уже послѣ смерти Нерона ³⁾, но

¹⁾ См. выше, стр. 12.

²⁾ Ср. „Государство-городъ“, стр. 221—222 и выше, стр. 143.

³⁾ См. выше, стр. 247.

оно не могло бы получить значенія, если бы не встрѣтило поддержки среди самого провинціального населенія. Во времена солдатскаго господства въ III в. повторилось тоже самое, и если легіоны въ разныхъ мѣстахъ провозглашали императоровъ, то обыкновенно это было и симптомомъ недовольства той или другой провинціи центральнымъ правительствомъ. Безъ этихъ провинціальныхъ возстаній и военная сила въ самомъ Римѣ не могла бы такъ долго господствовать. Съ возведеніемъ на престолъ Септимія Севера (193—211) военный элементъ императорской власти вполнѣ устраняетъ гражданскую основу принципата, и въ теченіе почти цѣлаго столѣтія императорскій престолъ дѣлается игрушкой въ рукахъ солдатъ. Сами императоры этой эпохи видятъ главную свою опору въ войскѣ, которое, однако, утрачиваетъ прежнюю свою дисциплину и потому часто низвергаетъ своихъ же ставленниковъ. „Обогащайте солдатъ и презирайте всѣхъ другихъ“, — таковъ былъ совѣтъ Септимія Севера своимъ сыновьямъ. То, что нѣкоторыми принципами I в. дѣлалось спорадически, вошло теперь въ систему. Попытки нѣкоторыхъ императоровъ обуздать военную анархію влекли за собою только заговоры и возстанія. Лучшимъ средствомъ положить конецъ такому порядку вещей Діоклетіанъ нашель отдѣлить военную власть отъ гражданской, не возвращаясь притомъ къ политикѣ императоровъ II в. относительно сената.

Для опредѣленія характера императорской власти весьма важное значеніе имѣетъ такъ называемый „законъ о власти Веспасіана“ (lex de imperio Vespasiani), т.-е. внесенный въ народное собраніе сенатусконсультъ о дарованіи Веспасіану принципата. Къ сожалѣнію, онъ сохранился лишь въ фрагментарномъ видѣ, но и то, что отрывокъ закона содержитъ, даетъ намъ понятіе о составѣ императорской власти ¹⁾. Благодаря тому, что мы имѣемъ лишь конецъ сенатскаго акта и, кромѣ того, съ точностью не знаемъ, былъ ли это законъ, специально изданный лишь для названнаго императора или же онъ повторялся при облеченіи чрезвычайными полномочіями каждаго принцепса, современные ученые расходятся въ пониманіи значенія этого документа въ исторіи импер-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ онъ имѣется во II томѣ „Исслѣдованій“ проф. Гримма (стр. 94—96).

скаго устройства. Каково бы ни было, однако, его значеніе, несомнѣнно, имъ устанавливалась вполнѣ дискреціонная власть принцепса. Именно законъ предоставлялъ ему „право заключать договоръ, съ кѣмъ онъ хочет“, „право и власть дѣлать и совершать все, что онъ сочтетъ нужнымъ въ интересахъ государства, божественныхъ и человѣческихъ, общественныхъ и частныхъ дѣлъ“ и многія другія исключительныя полномочія. „и пусть,—сказано еще въ этомъ актѣ,— все, что сдѣлано, совершено, рѣшено или приказано императоромъ Цезаремъ Веспасіаномъ Августомъ или кѣмъ-либо инымъ по его приказанію или порученію, будетъ такъ же законно и обязательно, какъ если бы все это было сдѣлано по приказанію народа или плебса“ (ac si populi plebisve jussu acta essent). Этимъ постановленіемъ приказаніямъ принцепса, въ сущности, придавалось значеніе законовъ и плебисцитовъ¹⁾. Значеніе акта усиливается еще его „санкціей“, которая снимаетъ вину со всякаго, „кто во имя этого закона сдѣлалъ бы что-либо вопреки законамъ, рогаціямъ, плебисцитамъ или сенатусконсультамъ, или же во имя этого закона не сдѣлалъ бы, что долженъ былъ бы сдѣлать на основаніи закона, рогаціи, плебисцита или сенатусконсульта“²⁾.

Въ разсмотрѣнномъ документѣ мѣстами дѣлаются ссылки на прецеденты, т. е. на то, что такъ было и при прежнихъ императорахъ. Позднѣе, именно въ II и III вв. римскіе юристы (Гай и Ульпіанъ) говорятъ уже вообще о такъ называемомъ „царственномъ законѣ о верховной власти“ (lex regia de imperio), по которому римскій народъ переноситъ все свое право и державство (omne suum jus et omne imperium) на

¹⁾ Въ эпоху республики закономъ (lex) называлось постановленіе центуриатныхъ комицій, плебисцитомъ — постановленіе трибутныхъ комицій. См. „Государство-городъ“, стр. 144—145. Двойное обозначеніе (въ текстѣ разсматриваемаго документа) и народа, и плебса объясняется сохраненіемъ традиціонной формулы; вѣдь и самый законъ середины V в. до Р. Х., приравнивавшій плебисциты къ законамъ, гласилъ такъ: „то, что плебсъ постановилъ по трибамъ, должно быть обязательно для всего народа“ (ut quod tributim plebs jussisset, populum teneret). Ср. приведенныя выше (стр. 240) слова Діона Кассія, гдѣ, тоже различены народъ (δῆμος) и плебсъ (πληθός).

²⁾ Рогаціей собственно называлось сдѣланное народу законодательное предложеніе.

принцепса, въ силу чего „все благоугодное принцепсу получаетъ силу закона“ (quod principi placuit legis habet vigorem). Какъ прекратилось въ Римѣ непосредственное пользованіе народомъ законодательною властью въ комиціяхъ, мы съ точностью не знаемъ, потому что самый актъ передачи власти Веспасіану еще носитъ названіе закона, т. е. рѣшенія, утвержденнаго народомъ, а въ послѣдній разъ это обозначеніе примѣняется къ одному постановленію, принятому при Нервѣ, фактически же, однако, законодательная дѣятельность на одного собранія прекратилась или уже при Тиберіи, т. е. одновременно съ избирательною дѣятельностью комицій¹⁾, или при Клавдіи, какъ думаютъ другіе. Вѣрнѣе всего, что уже при Тиберіи мѣсто закона заступаетъ сенатское постановленіе (senatus consultum), рядомъ съ которымъ дѣйствуетъ и распоряженіе принцепса (constitutio principis), становящееся главною формою законодательства со времени Адріана. Впрочемъ, и сенатусконсульты могли возникать по инициативѣ императора: право принцепса на это отмѣчено въ законѣ о власти Веспасіана²⁾. Понятно, что въ силу своей трибунской власти принцепсъ имѣлъ и „veto“ по отношенію къ сенатусконсультамъ, а въ качествѣ магистрата пользовался и широкою распорядительною властью.

Въ разсмотрѣнномъ же документѣ мы читаемъ также: „пусть тѣ, кого онъ (принцепсъ) коммендируетъ сенату и народу римскому, когда они будутъ искать магистратуру, полномочія, власть или порученія и кому онъ даетъ и обѣщаетъ поддержку, будутъ приняты во вниманіе (т. е. будутъ непременно выбраны) внѣ обычнаго порядка“ (extra ordinem). Это было формальнымъ узаконеніемъ системы, введенной еще при Августѣ и Тиберіи³⁾. Вся исполнительная власть въ имперіи тѣмъ самымъ ставилась въ зависимость отъ императора. Но рядомъ со старою республиканскою магистратурою, продолжавшею влечь свое существованіе, императорская власть создала свои особые органы, которые уже исключительно отъ одной нея и зависѣли. Введеніе бюрократической системы въ управленіе имперіи будетъ разсмо-

¹⁾ См. выше, стр. 240.

²⁾ См. въ главѣ XIX объ источникахъ римскаго права.

³⁾ См. выше, стр. 240.

трѣно особо ¹⁾, а здѣсь умѣстно лишь упомянуть о городской и преторіанской префектурахъ, созданныхъ въ первыя же времена имперіи.

Еще въ царскую эпоху, если вѣрить преданію, существовала въ Римѣ должность городского префекта, назначавшагося для завѣдованія дѣлами въ случаѣ отсутствія царя. Впослѣдствіи *praefectus urbi* ставился въ случаѣ отъѣзда обоеихъ консуловъ тѣмъ изъ нихъ, который послѣднимъ оставлялъ городъ, но когда консулы получили товарища въ лицѣ претора, то назначеніе городского префекта могло имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда и преторъ не оставался въ Римѣ. Въ переходное время отъ республики къ монархіи, для обезпеченія интересовъ новой власти во время отсутствія ея носителя изъ Рима, именно при Цезарѣ мы тоже имѣемъ примѣры подчиненія города особому начальнику, а затѣмъ и Октавіанъ до начала своего принципата также оставлялъ въ Римѣ особаго замѣстителя. Это важное мѣсто было предоставлено тогда знаменитому Меценату, и его власти была подчинена вся Италія. „Сдѣлавшись главою государства, говоритъ Тацитъ, Августъ, по причинѣ огромнаго количества населенія и медленной помощи законовъ, выбралъ лицо консульскаго достоинства для обузданія рабовъ и тѣхъ гражданъ, которые, отличаясь отвагой и мятежнымъ духомъ, боятся одной силы.“ ²⁾ Есть извѣстіе, что первый же градоначальникъ Рима скоро отказался отъ этой должности, признавъ ее такъ сказать, неконституціонной (*incivilem potestatem esse*), да и Светоній называетъ ее новой, хотя названіе и было старымъ. Неконституціонность городской префектуры, когда въ Римѣ были и консулы, и преторы, слишкомъ бросалась въ глаза, и это вызывало нерасположеніе къ ней общества, но Августъ все-таки по временамъ, уѣзжая изъ Рима, назначалъ замѣстителя. Настоящимъ основателемъ постоянной городской префектуры былъ Тиберій. При немъ очень долгое время должность префекта занималъ нѣкій Пизонъ, который, по свидѣтельству Тацита, „особенную славу приобрѣлъ тѣмъ, что, будучи префектомъ Рима съ удивительною умѣренностью пользовался властью, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшеюся постоянною и тѣмъ болѣе тяжелою, что тогда

¹⁾ Въ слѣд. гл., гдѣ указано и на эллинистическое вліяніе.

²⁾ Лѣтоп., VI, 11 (перев. проф. Модестова, II, стр. 264).

еще не привыкли къ подчиненію“ ¹⁾. Такимъ образомъ, столица государства была подчинена сановнику, который зависѣлъ исключительно отъ принцепса и долженъ былъ своею дѣятельностью восполнять медленность законной процедуры при предупреденіи, подавленіи и наказаніи всего, что могло разсматриваться, какъ нарушеніе порядка. Учрежденіе такой должности наносило ударъ республиканской магистратурѣ, которая превратилась въ простое прохожденіе неизбѣжныхъ этаповъ, ведшихъ къ настоящимъ правительственнымъ мѣстамъ, какъ правителей провинцій, такъ и римскаго городского префекта. Кромѣ должности градоначальника, начиная съ Августа, стали возникать въ Римѣ другія, исключительно отъ принцепса зависѣвшія должности префектовъ, въ родѣ начальниковъ организованныхъ Августомъ *вигилей* (*vigiles*), т.-е. пожарныхъ и полицейскихъ или распорядителя хлѣбныхъ выдачъ (*praefectus annonae*), замѣстившаго собою эдила ²⁾. Вытѣсненіе республиканскихъ магистратовъ императорскими префектами началось, какъ мы видимъ, довольно рано и притомъ въ самомъ же центрѣ государства.

Другая префектура, преторіанская, о возникновеніи которой сказано было выше ³⁾, получила еще большее значеніе, — можно сказать, общеимперское. При знаменитомъ Сеянѣ, префектъ преторіи при Тиберіи, эта должность сдѣлалась настоящимъ визиратомъ послѣ того, какъ императоръ оставилъ Римъ и жилъ нѣсколько лѣтъ большею частью на островѣ Капреѣ. Низложеніе и провозглашеніе императоровъ гвардіей особенно возвышало значеніе главнаго ея начальника, что заставляло нѣкоторыхъ императоровъ принимать особыя мѣры противъ честолюбія людей, которые, наоборотъ, должны были быть одною изъ опоръ ихъ властвованія ⁴⁾. Съ другой стороны, префектъ преторіи былъ не только военною властью, но въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и гражданскою, вслѣдствіе чего компетенція его весьма расширилась, и, напр., въ III вѣкѣ даже худшіе императоры назначали на эту должность знамени-

¹⁾ Лѣтоп., VI, 10 (тамъ же).

²⁾ Ср. „Государство-городъ“, стр. 294.

³⁾ Стр. 245.

⁴⁾ Мы видѣли (стр. 248), что Веспасіанъ прямо поручилъ эту должность своему сыну Титу.

тыхъ юристовъ. Мы еще увидимъ, какое мѣсто должность *praefecti praetorio* получила въ диоклетіано-константиновской организаціи имперіи.

Съ правилами высшаго законодателя и главы исполнительной власти въ принципатѣ соединялась и судебная функция. Въ дѣлахъ гражданскихъ очень рано установилась апелляція на рѣшенія судовъ къ принципсу и сенату, а уголовныя вѣдались или принципсомъ, или сенатомъ, или особыми судебными учрежденіями, причемъ компетенція суда самого императора была выше компетенціи суда сенатскаго. Именно въ политическихъ процессахъ послѣдній сталъ замѣняться личнымъ судомъ императора, особенно со временъ Калигулы, который началъ пользоваться дѣлами объ оскорбленіи величества для личнаго обогащенія путемъ конфискацій.

Центральное завѣдованіе императорскимъ фискомъ явилось въ Римѣ лишь при Клавдіи, при которомъ главнымъ помощникомъ императора по управленію его патримоніемъ (*patrimonium*) и частью государственныхъ доходовъ, поступившихъ въ фискъ, становится особое довѣренное лицо „*a rationibus*“. Императорскій патримоній состоялъ изъ громадной поземельной собственности въ Италіи и въ провинціяхъ, которая возрастала путемъ наслѣдованій и особенно конфискацій. Пока существовало различіе между эраріемъ и фискомъ, конечно, не могло быть настоящаго центрального финансоваго управленія въ имперіи.

Заключимъ эту главу рядомъ указаній на то, какъ теоретически понималась императорская власть въ первые вѣка имперіи. Въ данномъ случаѣ именно нужно различать двѣ разныя концепціи этой власти, одна изъ которыхъ была такъ сказать, республиканско-римскою, другая—монархически-эллинистической¹⁾. Между ними была та разница, что первая идея имѣла характеръ, можно сказать, болѣе націоналистическій, другая, наоборотъ,—вполнѣ космополитическій. Какіе бы оттѣнки съ первой точки зрѣнія мы ни различали въ пониманіи императорской власти, главное здѣсь было въ томъ, что эта власть такъ или иначе ставилась въ связь съ народомъ римскимъ, тогда какъ вторая точка зрѣнія

¹⁾ Ср. выше, стр. 220.

ставила ее въ связь съ идеей о „вселенной“¹⁾ въ смыслѣ всемирности или универсальности. Но объ этомъ мы будемъ еще говорить въ другой связи, ограничиваясь здѣсь лишь противоположностью между выведеніемъ императорской власти изъ народной воли въ одномъ пониманіи и признаніемъ за нею совершенной самостоятельности въ другомъ. Конечно, и въ первомъ случаѣ, взгляды могли быть разные, разсматривался ли переходъ власти державнаго народа къ одному лицу, какъ вполнѣ правомѣрный или же какъ узурпація. Римскіе юристы, на что было уже указано²⁾, построили всю свою теорію императорской власти,—если тутъ можно говорить о теоріи,—на принципѣ передачи. Но, помимо теоретическихъ соображеній, сама жизнь очень рано стала подсказывать римскому обществу, что новая власть вполнѣ безгранична, что цезарю „все позволено“ (*omnia licent*), что цезарь „все можетъ“ (*omnia potest*), какъ выражались и сами наиболѣе откровенные императоры³⁾. Въ одномъ изъ произведеній римскаго философа Сенеки, воспитателя будущаго императора Нерона, цезарь разсматривается, какъ ничѣмъ не ограниченный повелитель. „Въ его рукѣ находится рѣшеніе, у кого какая будетъ судьба и положеніе. То, что судьба хочетъ дать каждому изъ смертныхъ, она совершаетъ черезъ него.... Отъ его рѣшенія зависитъ, какіе народы слѣдуетъ истребить до основанія, какіе переселить, какимъ дать свободу, у какихъ ее отнять“ и т. д. „Противъ его гнѣва нѣтъ спасенія; съ его строгимъ рѣшеніемъ соглашаются и тѣ, кто гибнетъ отъ него; къ нему никто не обратится съ запросомъ (объ

¹⁾ Греческое слово *ἡ οἰκουμένη* съ подразумеваемымъ *γῆ* (земля) значитъ собственно населенная, или обитаемая земля. Позднѣе это понятіе отождествилось съ римскимъ представленіемъ о земномъ „кругѣ“ (*orbis*), который слѣбался римскимъ кругомъ (*orbis romanus*), о чемъ см. ниже, въ главѣ XIX. Когда мы читаемъ въ Ев. отъ Луки (гл. II, ст. 1) о вышедшемъ отъ кесаря Августа повелѣніи сдѣлать перепись по всей землѣ (по-славянски: *написатьи всю вселенную*, греч.: *ἀπογράψεται πᾶσαν τὴν οἰκουμένην*), то въ греческомъ текстѣ именно стоитъ разсматриваемое слово. Отсюда позднѣе, въ христіанскую эпоху, возникло слово *οἰκουμένης*, вселенскій (экуменический) въ примѣненіи къ церкви, къ соборамъ, къ патриарху (лат. переводъ—*universalis*, универсальный).

²⁾ См. выше, стр. 255.

³⁾ См. выше, стр. 231.

основаніяхъ рѣшенія), даже больше, никто не обратится съ мольбой, если гнѣвъ его силенъ“¹⁾). Такая власть, — признающая, однако, законы, — казалась Сенека пужною государству въ виду того, что люди не въ состояніи управлять сами собою. Все различіе царской власти и тиранніи для Сенеки заключалось въ томъ, что тираннъ злоупотребляетъ властью, которую царь пользуется разумно и справедливо, по существу же, т.-е. по характеру положенія (*specie fortunae*) и по неограниченности правъ (*licentia*) это одно и то же. Только въ справедливости государя и въ его милосердіи, какъ училъ Сенека своего воспитанника, заключается разумное ограниченіе его произвола. Въ свою очередь подданнымъ Сенека совѣтовалъ заниматься частными дѣлами, не вмѣшиваясь въ государственное правленіе. Это теоретическое отождествленіе принципата съ тиранніей, навѣянное поведеніемъ Калигулы и Клавдія, весьма характерно для исхода перваго вѣка имперіи.

Какъ тираннію, въ греческомъ смыслѣ этого слова, понимали принципатъ и тѣ республиканцы, которые стояли въ оппозиціи къ нему. Многие, однако, въ Римѣ мирились съ единовластіемъ, лишь бы оно было въ рукахъ одного мудрѣйшаго, и рѣшительно предпочитали его участію въ дѣлахъ многихъ неспѣдующихъ (*cum de re publica non imperiti et multi deliberent sed sapientissimus et unus*, какъ сказано въ одномъ мѣстѣ тацитова „Диалога объ ораторахъ“). Это была, какъ мы знаемъ²⁾, точка зрѣнія своего рода просвѣщеннаго абсолютизма, имѣвшая защитниковъ еще въ IV в. до Р. X. Вопросомъ объ основахъ и качествахъ царской власти и въ эпоху эллинистическихъ монархій занимались представители разныхъ греческихъ философскихъ школъ, скорѣе, впрочемъ, повидимому³⁾, высказывавшіе отвлеченныя пожеланія относительно того, каковъ долженъ быть настоящій неограниченный монархъ, чѣмъ объяснявшіе политическую дѣйствительность своего времени. Царь-мудрецъ, правящій въ интересахъ государства, а потому пользующійся властью безъ

¹⁾ Э. Гриммъ, I, 452.

²⁾ См. выше, стр. 143.

³⁾ Эти политическіе трактаты до насъ не дошли, но есть указанія на то, что въ нихъ говорилось о безответственной власти: *βασιλεία ἐστὶν ἀνοπεύθυνος ἀρχή*.

всякихъ ограниченій и безъ отвѣтственности передъ кѣмъ-либо, — таковъ былъ идеалъ разныхъ эллинистическихъ политическихъ теорій, который, конечно, былъ очень далекъ отъ дѣйствительности и въ Сирии, и въ Египтѣ. Смотри по тому, какъ пользовался властью государь, онъ разсматривался, или какъ царь, или какъ тираннъ, и вотъ именно эти свои взгляды на власть греческое общество временъ имперіи перенесло на римскихъ принцевъ. Выразителемъ ихъ явился дѣдъ историка Діона Кассія, по имени тоже Діонъ, стяжавшій себѣ за свое краснорѣчіе прозвище Хризостома, т.-е. Златоуста и пользовавшійся почетомъ у императоровъ Веспасіана, Нервы и Тита. Будучи родомъ изъ Виѳиніи (въ Малой Азіи), онъ долго жилъ въ Египтѣ и дважды переселялся на жительство въ Римъ, гдѣ и умеръ въ первые годы II столѣтія. Діонъ Хризостомъ былъ убѣжденный монархистъ, считавшій единовластіе формою правленія, наиболѣе подходящею къ такому громадному государству, какимъ была Римская имперія, но онъ былъ противникомъ тиранніи, что и доказалъ своимъ поведеніемъ при Домиціанѣ. Не желая примириться съ его деспотическимъ режимомъ, Діонъ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ провести въ отдаленной ссылкѣ, изъ которой легко могъ бы возвратиться, — если бы только захотѣлъ, — при помощи обычной въ то время политической лести. Онъ никакъ не могъ унижаться передъ тѣмъ, кого, по его словамъ, и греки, и варвары называли владыкою и богомъ, но который, какъ выражается самъ Діонъ, былъ лишь злымъ демономъ. Въ своихъ сочиненіяхъ этотъ писатель проводилъ рѣзкую границу между тиранніей и басилеей, т.-е. царской властью, считая, однако, и послѣднюю ни передъ кѣмъ не отвѣтственною (*ἀνοπεύθυνος*) и неограниченною въ законодательной сферѣ, причѣмъ законъ являлся для него выраженіемъ именно царской воли: *ὁ δὲ νόμος βασιλέως δόγμα*, законъ есть предписаніе царя¹⁾, а потому царь и выше законовъ (*μείζων τῶν νόμων*). Отъ бисилеи и тиранніи Діонъ отличаетъ власть республиканскихъ магистратовъ, которую называетъ просто *ἀρχή*, архѣ, т.-е. властью, или лучше начальствомъ, терминомъ, со-

¹⁾ Греческое слово *δόγμα* (догматъ) значитъ между прочимъ: все найденное хорошимъ, что заблагоразсудилось (*quod placuit*), предписаніе, правило.

отвѣтствующимъ въ данномъ случаѣ латинскому *magistratus*¹⁾: республиканская магистратура и представляется ему правленіемъ (*διοίκησις*) законодѣрнымъ (*νόμιμος*) и попеченіемъ (*πρόνοια*) о людяхъ по закону же (*κατὰ νόμον*). Вся разница между царемъ и тиранномъ, по Діону, не въ объемѣ власти, а въ способѣ пользованія ею, римскій же принципатъ онъ, собственно, понималъ, или какъ басилею, или какъ тираннію, смотря по характеру принцепса, отнюдь не какъ „архѣ“ въ смыслѣ республиканской магистратуры, т.-е. различіе между двумя проявленіями неограниченнаго единовластія сводится не къ политическому или юридическому принципу, а къ чисто моральной оцѣнкѣ хорошаго и дурного. Это, впрочемъ, общая черта греческихъ политическихъ теорій эллинистической и римской эпохъ, когда въ морализированіи видѣли единственное средство внушенія надлежащаго поведенія людямъ, власть имущимъ. Идеаломъ Діона остается естественное (*κατὰ φύσιν*) господство и попеченіе лучшаго надъ худшими, качества же эти можетъ смертному дать только первый и лучшій изъ боговъ, Зевсъ, какъ самъ прежде всего и въ высшей степени обладающій мудростью, человеколюбіемъ и справедливостью. Представленіе о дарованіи царской власти ея носителямъ самимъ Зевсомъ, ведетъ у грековъ свое начало еще изъ гомеровской эпохи²⁾, и самъ Діонъ смотритъ на необходимую правителю царственность самой его природы³⁾, какъ на особый даръ великаго царя царей, попечителя (*κηδεμών*) и общаго отца людей и боговъ, верховнаго бога греческаго Олимпа, т.-е. Зевса. Идеальный царь Діона долженъ былъ быть „отцомъ гражданъ и подвластныхъ“ (*ἀρχομένων*) и не желать называться господиномъ не только по отношенію къ свободнымъ, но даже и по отношенію къ рабамъ. Правитель, ведущій себя иначе, есть тираннъ, узурпирующій божескую власть Зевса, а потому и отвергаемый Зевсомъ, даже прямо имъ наказуемый лишеніемъ власти⁴⁾.

¹⁾ Ср. съ приведеннымъ выше (стр. 240) словомъ *ἀρχαρχεῖα* (изъ *ἀρχή* и *ἀρχεῖα*), что соотвѣтствуетъ лат. *magistratum electio*.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 58.

³⁾ Объ этомъ понятіи греческой политической философіи, см. выше, стр. 143.

⁴⁾ Писатели II в. Аппіанъ и Фронтонъ тоже признавали Римскую имперію царствомъ.

Какъ эллинистическая, такъ и римская дѣйствительность была очень далека отъ этого морально-философскаго идеала, и Римская имперія развивалась скорѣе въ духѣ тиранніи „владыки и бога“ Домиціана, чѣмъ въ духѣ діонова идеальнаго царя, хотя къ этому идеалу въ большей или меньшей степени и приближались лучшіе императоры „счастливаго“ періода въ исторіи имперіи. Гордый своею принадлежностью къ римскому гражданству вообще и въ частности къ наивысшему его слою, строгій хранитель старыхъ республиканскихъ традицій и суровый обличитель деспотизма принцеповъ и развращенности общества перваго вѣка имперіи¹⁾, Тацитъ, смотрѣвшій на установленіе принципата, какъ на смерть свободы, хотя и видѣвшій его необходимость, самъ отмѣтилъ (въ биографіи своего тестя Агриколы), что „Нерва соединилъ несоединимыя дотолѣ вещи—единовластіе и свободу“²⁾. По словамъ Тацита, — въ первой же главѣ его „Исторій“, — „послѣ битвы при Акціумѣ дѣло мира потребовало, чтобы вся власть была передана одному лицу“³⁾, но, по его мнѣнію, принцепсъ долженъ былъ быть именно тѣмъ, что хотѣла бы видѣть въ единоличномъ правителѣ государства греческая теорія монархической власти. Только римскій историкъ противоположаетъ не тиранна царю, какъ это дѣлала греки, а принцепса—господину. Собственнымъ идеаломъ Тацита былъ смѣшанный образъ правленія, но, какъ мы уже видѣли⁴⁾, онъ считалъ его трудно осуществимымъ, и потому

¹⁾ Нельзя не привести здѣсь знаменитаго, часто уже цитировавшагося мѣста изъ „Агриколъ“ Тацита (гл. 2): „По истинѣ мы дали великое доказательство терпѣнія; и какъ наши предки были свидѣтелями того, до какихъ предѣловъ можетъ доходить свобода, такъ мы видѣли послѣднюю степень рабства, такъ какъ шпионствомъ было отнято у насъ даже взаимное общеніе посредствомъ слова и слуха. Мы потеряли бы вмѣстѣ съ голосомъ и самую память, еслибъ также было въ нашей власти забывать, какъ и молчать“. Перев. проф. Модестова, т. I, стр. 4.

²⁾ Перев. проф. Модестова (т. I, стр. 4).

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 68.

⁴⁾ См. выше, стр. 239. Любопытно, что греческій риторъ II в. по Р. Х. Аристидъ въ своей „Похвалѣ Риму“ (*Ἐγκώμιον Ῥώμης*) все еще стоитъ на полюбившейся точкѣ зрѣнія, которая въ то время была уже полнѣйшимъ анахронизмомъ: „у васъ, говоритъ онъ, обращаясь къ римлянамъ, порождаетъ смѣшанное правленіе изъ царской власти, аристократіи и

ему приходилось мириться съ установившимся порядкомъ вещей, понимаемомъ въ смыслѣ ученія греческой политической теоріи объ истинной базилей. Но въ нее римскій историкъ вноситъ и новую черту — желаніе, чтобы сохранялось при этомъ „нѣкоторое подобіе общественнаго управленія“ (*quaedam imago rei publicae*), которое состояло бы въ подчиненіи принцепса сенату. Это была точка зрѣнія римскихъ юристовъ I в., принадлежавшихъ къ школѣ августова сторонника Аттея Капитона. Мы видѣли, однако, что практика жизни повела развитіе Римской имперіи не по этой дорогѣ, и Тацитъ не могъ не сознать, что государство перестало быть общественнымъ дѣломъ, ибо государственныя дѣла сдѣлались въ его глазахъ какъ бы чужими для гражданъ ¹⁾.

Различіе между деспотіей, или по латыни *доминатіей* (*dominatio*), т. е. господствомъ и принципатомъ, — аналогичное греческому различію между тиранніей и базилеей, но съ нимъ далеко не совпадающее, — проводитъ и Плиній Младшій въ своемъ „Похвальномъ словѣ Траяну“, о которомъ уже говорилось выше ²⁾, причемъ, однако, „доминатія“ для Плинія была все-таки синонимомъ царской власти (*regnum*). Послѣднее лучше всего видно изъ мѣста, гдѣ онъ хвалитъ Траяна за то, что тотъ, по его мнѣнію, „отгоняетъ и устраняетъ самую царскую власть и все другое, порождаемое плѣненіемъ, и занимаетъ положеніе принцепса, чтобы не было мѣста для господина“ (*regnum ipsum quaeque alia captivitas gignit, arcet ac summovet, sedemque obtinet principis ne sit domino locus*). Идеаломъ и Плинія было, чтобы управляемые принцепсомъ, подчиняясь ему, подчинялись, собственно, законамъ: *regimur a te*, говоритъ онъ Траяну, *et subjecti tibi, sed quemadmodum legibus sumus*, — но если даже принцепсъ и долженъ быть выше прочихъ, потому что онъ и лучше ихъ (*hoc tantum ceteris major, quod melior*), то

демократіи, которое заимствовало изъ каждой формы правленія только наилучшее“.

¹⁾ О „незнаніи государственныхъ дѣлъ, сдѣлавшихся какъ бы чужими“ (*inscitia rei publicae ut alienae*) см. кн. I, гл. 1 „Исторій“ (рус. пер., т. I, стр. 68). Въ другомъ мѣстѣ Тацитъ противопоставляетъ сенатскія провинціи императорскимъ, какъ опять-таки государственнымъ (*publicae*).

²⁾ Стр. 251.

все-таки его власть и права, которыя стоятъ надъ людьми, имѣютъ чисто человѣчскій характеръ (*quae super homines quidem, hominum sunt tamen*). Важно отмѣтить и то, что Плиній былъ сторонникомъ передачи власти черезъ усыновленіе достойнѣйшаго, такъ какъ, подобно Тациту, онъ былъ противъ обычнаго престолонаслѣдія по правамъ происхожденія, — черта, которая, пожалуй, вытекала и изъ греческаго философскаго ученія о базилей, хотя этого пункта оно совсѣмъ почти не касалось. Общее и въ римскомъ юридическомъ, и въ греческомъ философскомъ, да и въ восточно-эллинистическомъ, бывшемъ въ сознаніи массъ, взглядѣ на власть заключалось въ признаніи ея вполне безответственной. „Все, говоритъ и Плиній, находится подъ изволеніемъ ¹⁾ одного, который ради общей пользы взялъ на себя заботы и труды всѣхъ“: это — „власть существующая для спасенія людей“ (*servandorum hominum potestas*). De jure „народное благо“ (*salus populi*) должно было быть „вышимъ закономъ“ (*suprema lex*), но оно de facto все болѣе и болѣе отождествлялось съ интересами власти, какъ таковой, — явленіе, которое наблюдалось въ исторіи не одной Римской имперіи.

Если подвести общій итогъ подъ греческими и римскими теоріями, то въ первыхъ царская власть больше противопоставляется тиранніи, какъ желательное нежелательному, тогда какъ во вторыхъ царской власти противопоставляется принципатъ, какъ форма, еще болѣе соответствовавшая пониманію ихъ авторами задачъ государства въ смыслѣ общаго всѣхъ гражданъ достоинства.

¹⁾ Sub arbitrio. Ср. у Діона терминъ *δούρα* (выше, стр. 261).

Бюрократическая централизация и муниципальное самоуправление в Римской империи.

Отношение провинций к установлению в Риме императорской власти. — Исчезновение различия между цезарскими и сенатскими провинциями. — Диоклетиано-константиновская реформа имперской администрации. — Система бюрократической централизации и ее происхождение. — Замена откупной системы финансовой администрацией. — Зависимость последней от эллинистических образцов. — Управление городом Римом по александрийскому образцу. — Значение юридических знаний в прохождении гражданской службы. — Центральные учреждения диоклетиано-константиновской эпохи. — Развитие муниципального быта Римской империи из основы старого государства-города. — Распространение муниципального устройства на Запад. — Общая его характеристика. — Муниципализм и бюрократизм в Римской империи. — Отсутствие в ней провинциального самоуправления.

Говоря о том, как был принят принципат Августа в Риме и в провинциях, Тацит относительно последних указывает на то, что им „этот порядок вещей не был противен, так как, — прибавляет он, — власть сената и народа через соперничество сильных и корыстолюбие должностных лиц потеряла доверие, а помощь законов, нарушаемых насильем, происками, наконец, подкупами, не имела силы“¹). Деляя общую характеристику правления Тиберия в первые годы его принципата, тот же историк отмѣчает, что принцепс „заботился и о том, чтобы провинции не обременялись новыми тягостями и чтобы выносили прежнія, не страдая от корыстолюбия или жестокости управителей“²). Плиний Младший в „Похвальном слове Траяну“ тоже говорит о радости провинций с появлением принцепса, заботящегося об отдаленных народах, как о самих римлянах. „Пусть, восклицает он, они узнают, насколько для подчиненных полезнее ведущей

лишь к раздорам свободы (libertate discordi) покорность их одному“ (unum esse cui serviant). Уже Цезарь показал своим преемникам по единовластию примѣръ того, как слѣдует относиться к провинциям. Его правительственная программа в данном отношении заключалась именно в том, чтобы тщательно выбирать людей, которым поручалось наместничество, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивая и контролируя их власть: этой программы держались и Август, и его ближайшіе преемники, даже худшіе из них, так что установление единоличной власти в Риме было для провинций не потерей, а положительным выигрышем. Благодарность провинциаловъ новому порядку вещей и заботам о них высшей власти выразилась, между прочимъ, в томъ, что въ честь Рима и Августа стали воздвигаться храмы, въ которыхъ устанавливался и соотвѣтственный культъ. Не малое значение имѣло и то, что съ утверждением новой власти прекратились междоусобія полководцевъ, раздиравшія провинции, и что наступление внутреннего мира, — „римскаго мира“ (pax romana), какъ стали его называть потомъ, — очень содѣйствовало подъему экономического благосостоянія провинцій.

Съ 30 г. до Р. X. по 68 г. послѣ Р. X., т. е. в течение цѣлаго столѣтія Римская имперія пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ. Событія послѣ смерти Нерона снова потрясли имперію гражданской войною, въ которой, въ свою очередь, нельзя не видѣть симптома ухудшенія положенія провинцій къ концу перваго вѣка имперіи. Однако, достаточнымъ оказалось полтора лѣтъ междоусобія, чтобы провинциалы снова научились дорожить благами внутреннего мира подъ единоличнымъ правленіемъ императоровъ. Конецъ I вѣка по Р. X. и весь II вѣкъ прошли тоже безъ серьезныхъ потрясеній „римскаго мира“, и это заставило провинции привыкнуть къ имперіи и признать новый порядокъ лучшимъ, чѣмъ тотъ, который оставилъ по себѣ такую дурную память въ эпоху безконтрольнаго правленія прежнихъ наместниковъ республики и междоусобій римскихъ военачальниковъ. Произволь и жестокость наихудшихъ носителей имперской власти, тяжело отзывавшіеся на Риме и особенно на его знати, мало задѣвали провинции и громадное большинство ихъ населенія. Вотъ почему и оцѣнка установленія имперіи дѣлается разная, смотрѣтъ ли на паденіе республики глазами представи-

¹) Лѣтоп., I, 2 (пер. проф. Модестова, т. II, стр. 6).

²) Лѣтоп., IV, 6 (т. II, стр. 195).

телей самого римскаго общества или глазами провинціального населенія.

Въ общихъ чертахъ выше ¹⁾ было уже указано, какое различіе было установлено Августомъ между цезарскими и сенатскими провинціями. Насъ, однако, займетъ теперь вопросъ не о томъ, какъ постепенно стерлось различіе между этими двумя категоріями областей, а о томъ, какъ въ имперіи проводились одною и тою же императорскою властью двѣ противоположныя системы, съ одной стороны, бюрократической централизаціи и муниципальнаго самоуправленія, съ другой. Но и на процессъ унификаціи имперскаго управленія тѣмъ не менѣе все-таки слѣдуетъ бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ.

Императорскія провинціи управлялись не проконсулами и пропреторами, привыкшими къ блеску, пышности и произволу, а болѣе скромными по своему подчиненному положенію легатами принцепса, получавшими строго опредѣленное жалованіе и стоявшими подъ болѣе дѣйствительнымъ контролемъ центральной власти, къ которой можно было и легче обращаться съ жалобами на тѣ или другія злоупотребленія правителей. Новая система не могла не оказывать вліянія и на управленіе провинціями сенатскими, и разница между ними стиралась все болѣе и болѣе. Лучшимъ временемъ провинціального управленія былъ II вѣкъ, эпоха Адриана, Антонина Пія и Марка Аврелія, когда съ вполне сознательною принципиальностью проводилась въ жизнь система управленія полного равенства всѣхъ отдѣльныхъ частей монархіи. Италія занимала въ имперіи привилегированное положеніе и была единственною страной, не считавшеюся провинціей, да и отношеніе центральной власти къ эллинистическому Востоку было, кажется, сначала менѣе благоприятнымъ, чѣмъ къ западнымъ провинціямъ. Императоры II в. положили конецъ этому различному отношенію къ разнымъ частямъ одного и того же государства. Въ смутахъ III в. погибло, однако, многое хорошее, что сдѣлала имперія для провинцій въ первые два столѣтія своего существованія, и окончательно былъ подорванъ августовскій дуализмъ въ управленіи провинціями, что подготовило и паденіе привилегированнаго положенія Италіи. Уже Септимій Северъ подчинилъ и ее своей проконсульской

¹⁾ Стр. 224—225.

власти, которая de jure начиналась лишь за предѣлами Италіи. Затѣмъ наступило время военныхъ смутъ, когда, можно сказать, каждая провинція стремилась имѣть своего собственнаго императора. Діоклетіанъ и Константинъ Великій заново перестроили всю административную систему имперіи. Тетрархическая система „августовъ“ и „цезарей“, придуманная Діоклетіаномъ ¹⁾, но оказавшаяся неудачною, тѣмъ не менѣе легла въ основу константиновскаго дѣленія имперіи на четыре большія намѣстничества, или префектуры: Восточную, Илирійскую, Италійскую и Галльскую. Четыремъ префектамъ преторія были въ іерархическомъ порядкѣ подчинены начальники отдѣльныхъ областей съ ихъ еще болѣе дробными подраздѣленіями. Уже Діоклетіанъ, окончательно сравнивъ Италію съ другими частями имперіи, раздѣлилъ всю имперскую территорію на *діоцезы* (*dioceses* отъ греч. *διοίκησις*, управленіе) съ подраздѣленіемъ на провинціи, что напоминаетъ наше дѣленіе на губерніи и уѣзды, хотя провинціи скорѣе нужно приравнять по значенію къ губерніямъ. Во главѣ каждой діоцезы былъ поставленъ *викарій* (*vicarius*, т.-е. замѣститель), подъ начальствомъ котораго были правители (*ректоры* или *корректоры*) отдѣльныхъ провинцій. Всѣхъ провинцій въ имперіи было 119, діоцезъ—четырнадцать. Военная власть была при этомъ отдѣлена отъ гражданскаго управленія, и представителями ея являлись высшіе военачальники (*magistri militiae*), а командованіе мѣстными отрядами принадлежало особымъ *дуксамъ* и *комитамъ военнымъ* (*duces* или *comites rei militaris*). *Дукс* значитъ вождь, *comes*—спутникъ, товарищъ. Въ средніе вѣка эти два названія государственныхъ должностей были перенесены на герцоговъ и графовъ варварскихъ государствъ (откуда франц. *duc*, герцогъ и *comte*, графъ), но въ IV и V вв. оба термина имѣли еще старое значеніе: средневѣковые герцоги и графы, кромѣ имени, не имѣютъ ничего общаго съ дуксами и комитами Римской имперіи ²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 249.

²⁾ Ср. выше, стр. 164. Отсюда же и церковныя епархіи въ католической церкви называются діоцезами.

³⁾ Комитами, въ послѣднее время имперіи на Западѣ, назывались особые чиновники, ставшіеся въ главѣ муниципіевъ (*comites civitatis*).

Диоклетіано-константиновская реформа превратила Римскую имперію въ правильно расчлененное и іерархически построенное бюрократическое государство, въ которомъ въ наиболѣ развитомъ видѣ мы имѣемъ передъ глазами ту же систему, съ какою уже встрѣчались въ древнемъ Египтѣ, въ Персидской монархіи при Даріи, въ эллинистическихъ государствахъ ¹⁾, конечно, только въ менѣ совершенныхъ формахъ. Въ Римской имперіи бюрократическая централизація достигла, дѣйствительно, наивысшаго своего развитія въ древнемъ мірѣ, но не слѣдуетъ все-таки думать, что она была создана только Диоклетіаномъ и Константиномъ, первыми настоящими восточными императорами Римской державы, какъ не слѣдуетъ думать также, что подготовка этой системы въ первые три вѣка имперіи совершалась безъ всякаго вліянія восточныхъ образцовъ. Именно образцы бюрократическихъ порядковъ представляли для имперіи отдѣльные эллинистическія царства, которыя одно за другимъ вошли въ ея составъ. Востокъ стоялъ гораздо выше Запада въ Римской державѣ въ смыслѣ не только культурнаго и экономическаго развитія, но и въ отношеніи административныхъ порядковъ и государственнаго хозяйства. Не эллинистическимъ странамъ приходилось учиться у Рима, а, наоборотъ, ему у нихъ ²⁾. Римское государство, постепенно овладѣвъ политически эллинистическимъ Востокомъ, въ культурномъ отношеніи, такъ сказать, только извнѣ приросло къ его болѣе древней цивилизаціи ³⁾, и тѣ порядки, которые выработались въ этихъ старыхъ странахъ, естественно и необходимо должны были повліять и на болѣе молодая въ историческомъ отношеніи области, къ которымъ принадлежала сама Италия съ Римомъ. Въ числѣ старыхъ культурныхъ странъ, изъ коихъ шли разнообразныя вліянія на Римъ, былъ и эллинистическій Египетъ ⁴⁾; онъ-то и оказалъ особенно большое вліяніе на администрацію и финансовую систему имперіи и притомъ именно въ смыслѣ ихъ бюрократизаціи и централизаціи.

Старый республиканскій строй Рима и его имперія надъ провинціями не имѣлъ бюрократическаго характера и отли-

¹⁾ См. выше, стр. 59, 63, 67, 121—122, 155, 162—164 и др.

²⁾ Ср. выше, стр. 192—193.

³⁾ См. выше, стр. 179—180.

⁴⁾ См. выше, стр. 236—237.

чался отсутствіемъ централизаціи ¹⁾. Ни въ государствахъ городахъ Греціи, ни въ Римѣ, какъ государствѣ-городѣ, не было, напр., специальныхъ административныхъ агентовъ для взиманія государственныхъ налоговъ, и характерною особенностью ихъ финансовой системы былъ поэтому откупъ. Съ нимъ мы встрѣчаемся и въ Афинахъ, и въ Римѣ, провинціи котораго представляли особенно широкое поле наживы для откупщиковъ ²⁾. Выборная и притомъ краткосрочная магистратура республиканскаго періода не позволяла развиваться постоянному отвѣтственному чиновничеству, и въ послѣднія времена республики римскіе публиканы свободно и безконтрольно вытягивали все соки изъ провинцій. Принципатъ, взявшій на себя охрану провинцій отъ беззастѣнливой эксплуатаціи публикановъ, которая была невыгодна для самой же государственной казны, мало-по-малу положилъ конецъ этой системѣ. „Одной изъ первыхъ реформъ императоровъ, говоритъ проф. Ростовцевъ въ своей „Исторіи государственнаго откупа въ Римской имперіи“ первыхъ трехъ вѣковъ,—было введеніе финансовой прокуратуры ³⁾, вполне зависимой лично отъ императора и набравшейся главнымъ образомъ среди императорскихъ отпущенниковъ. Императорскіе прокураторы, резидирующие въ провинціяхъ, были тѣмъ элементомъ, котораго не хватало раньше, т.-е. элементомъ чиновничества, знакомаго, благодаря долгой практикѣ, какъ съ платежной силой каждой данной провинціи, такъ и съ техникой сбора. Какъ представители императора въ провинціи, они косвеннымъ образомъ контролировали все финансовое управленіе“, хотя „думать, что контроль и именно непосредственный принадлежалъ прокураторамъ уже въ I в., врядъ ли возможно“ ⁴⁾. Мало-по-малу откупная система даже прямо уступила мѣсто бюрократической, причемъ переходною ступенью была такая комбинація, при которой откупщиками дѣлались сами же контрольные чиновники императора. Когда именно въ одномъ лицѣ соединялся откупщикъ и прокураторъ, онъ уже не былъ свободнымъ предпринимателемъ, а являлся простымъ чиновникомъ, т.-е. агентомъ правительства, „только прикры-

¹⁾ См. выше, стр. 197.

²⁾ См. выше, стр. 212—213.

³⁾ О прокураторахъ сказано у насъ выше, стр. 225.

⁴⁾ М. Ростовцевъ, стр. 66—67.

тымъ фикціей откупа“¹⁾. Этому любонитному процессу, совершившемуся въ Римской имперіи, предшествовалъ аналогичный же процессъ въ птолемеевскомъ Египтѣ. Во времена національной независимости, т.-е. при фараонахъ, государственные доходы въ этой странѣ взимались особыми „писцами царя“²⁾, но Птолемеи ввели сюда греческую систему отдачи государственныхъ доходовъ на откупъ частнымъ предпринимателямъ³⁾, хотя она тотчасъ же стала измѣняться. „Только основы, говоритъ проф. Ростовцевъ, взяты были изъ Греціи, только основная схема и терминологія. Свободнаго греческаго откупа здѣсь и въ поминѣ нѣтъ... Государство, удержавъ схему откупной системы, отняло у откупщиковъ всякую индивидуальность, сдѣлало ихъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ... Основная разница между государственнымъ откупомъ греческихъ πόλεις (государствъ-городовъ) и Египетской монархіи есть вмѣшательство государства въ сборъ податей, стремление его не только такъ или иначе получить откупную сумму сполна, но и обезпечить себѣ увѣренность въ томъ, что интересы государства не приносятся въ жертву интересамъ капиталистовъ, такъ и въ томъ, что отъ произвола капиталистовъ не страдаютъ плательщики“⁴⁾. Въ основѣ птолемеевской системы нашъ изслѣдователь совершенно основательно усматриваетъ практику „не только столѣтія македонскаго правленія, но и тысячелѣтія египетской государственной мудрости“⁵⁾. Птолемеи только скомбинировали чисто практическимъ путемъ „элементы этой мудрости“ и „родной имъ откупъ“, а по ихъ стопамъ пошли затѣмъ и римскіе императоры, бывшіе прямыми наследниками Птолемеевъ въ самомъ Египтѣ, но правившіе уже неизмѣримо большею державою, въ которой Египетъ былъ лишь составною частью. Конечно, на Римъ вліялъ не одинъ Египетъ, но и другія провинціи эллинистической культуры. Въ приписываемыхъ Аристотелю „Экономикахъ“ (Οἰκονομικά) всѣ хозяйства дѣлятся на царскія, сатрапскія, „политическія“ (хозяйства государствъ-городовъ) и частныя, и если принять

1) Тамъ же, стр. 85.

2) См. выше, стр. 45, 63 и 67.

3) См. выше, стр. 173.

4) М. Ростовцевъ, стр. 29.

5) Тамъ же, стр. 30.

эту классификацію, то Египетъ римской эпохи придется подвести подъ категорію сатрапской экономіи (οἰκονομία σατραπικῆ); сатрапомъ Египта въ римское время былъ императорскій префектъ, должность совѣтъ не магистратурнаго происхождения, но и въ другихъ провинціяхъ имперіи мало-по-малу развилась та же „сатрапическая“ система.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ общемъ финансовая администрація Римской имперіи сложилась подъ вліяніемъ бывшихъ эллинистическихъ царствъ¹⁾ и въ особенности порядковъ птолемеевскаго Египта. Относительно послѣдняго особенно настаиваетъ проф. Ростовцевъ, доказывающій заимствования изъ Египта цѣлымъ рядомъ фактическихъ сближеній²⁾. Корнеманнъ въ работѣ „Объ египетскихъ вліяніяхъ въ Римской имперіи“, о которой уже упоминалось³⁾, къ числу тѣхъ вліяній, которыя онъ констатируетъ, тоже относитъ и новую организацію финансоваго управления въ имперіи по египетскому образцу, какъ это подтверждается и другими новѣйшими частными изслѣдованіями. Между разными заимствованиями онъ отмѣчаетъ общій кадастръ земель для основъ прямого обложенія въ провинціяхъ, провинціальную же народную перепись, новые налоги, (въ родѣ двадцатины съ наследствъ, (vicesima hereditatum), уже указанное проф. Ростовцевымъ превращеніе откупщиковъ въ „получиновниковъ“ (Halbbeamten) и т. п.⁴⁾. Вновь открываемые „папирологическіе“ источники египетской исторіи птолемеевскаго и римскаго времени все болѣе и болѣе обогащаютъ науку данными для сужденія о томъ,

1) Въ Иудеѣ тоже была откупная система. Тѣ митары, о которыхъ такъ часто говорится въ Евангеліи, по-гречески *телоны* (τελώναι), были именно мелкіе откупщики налоговъ, а Закхей, напр., называется (Ев. отъ Луки, гл. XIX, ст. 2) „начальникомъ митарей“, архителonomъ (ἀρχιτελώνης), и „человѣкомъ богатымъ“, что, конечно, указываетъ и на источникъ его состоянія.

2) М. Ростовцевъ, стр. 253 и слѣд., гдѣ подводятся итоги. По общему представленію автора этого труда, Римская имперія „вобрала въ себя“ основы греческой политіи, эллинистической монархіи и восточнаго территориальнаго единовластія и распространила принципы эллинистической монархіи на весь греческій, италійскій и варварскій міръ, стр. XI.

3) См. выше, стр. 236.

4) Въ работѣ Корнеманна см. стр. 128—130.

какъ много „вобрала въ себя“ Римская имперія результатовъ культурнаго развитія древнѣйшей большой монархіи міра.

И это было не въ одной лишь области финансовъ. Тотъ же процессъ бюрократизаціи управленія совершался и вообще въ разныхъ другихъ категоріяхъ отношеній. Управление Римомъ, когда-то самостоятельнымъ государствомъ-городомъ, было организовано по образцу управленія Александріей, которая никогда не имѣла ни общиннаго устройства, ни выборныхъ властей ¹⁾. Въ сущности, городская префектура, введенная Августомъ и Тиберіемъ, была, какъ мы отмѣтили, чѣмъ-то старымъ лишь по имени, но вполне новымъ по значенію ²⁾: прототипомъ римскаго *praefectus urbi* былъ, дѣйствительно, александрійскій *эксекетъ* (ἐξήγητής). Своихъ *виллей*, пожарную и полицейскую (ночную) стражу ³⁾, Августъ организовалъ тоже по образцу александрійскихъ *νοκτοφύλακες στρατεβορευοι*, а ихъ префектъ былъ не что иное, какъ александрійскій же *νοκτερινός στρατηγός*, ночной стратегъ. И все остальное имперское чиновничество, которое со времени Августа стало создаваться въ провинціяхъ, было видоизмѣненной копіею египетской бюрократіи. Вся разница заключалась въ томъ, что римское чиновничество проходило по старому военную карьеру, какъ и республиканскіе магистраты Рима, и только „величайшій египтофилъ“, императоръ Адрианъ, — какъ называетъ его Корнеманнъ, — создалъ по египетскому образцу чисто гражданскую служебную карьеру, доступъ къ которой открывало юридическое образованіе, да и онъ же учредилъ императорскій совѣтъ (*consilium*), напоминающій птолемеевскій *синедріонъ*. Зачатки этого учрежденія были еще при Августѣ, но оно тогда не получило дальнѣйшаго развитія, — императоры совѣщались со своими приближенными, фаворитами и т. п., — и только Адрианъ создалъ особый постоянный судебный совѣтъ императора. При немъ же придворныя канцеляріи, въ которыхъ раньше несли службу только вольноотпущенники (*liberti*) принцепса, превратились въ государственныя учрежденія съ персоналомъ изъ всадниковъ. Это были канцеляріи по перепискѣ (*ab epistulis*) и по принятію прошеній (*a libellis*), въ которыхъ

¹⁾ См. выше, стр. 164.

²⁾ См. выше, стр. 256.

³⁾ См. выше, стр. 257.

обладаніе юридическими знаніями тоже должно было играть немаловажную роль. Къ ихъ же числу нужно отнести и третью канцелярію *a rationibus*, о которой уже упоминалось выше ¹⁾. Любопытно, что вообще главный контингентъ должностныхъ лицъ въ этихъ учрежденіяхъ доставляло всадничество, изъ котораго раньше выходили публиканы.

Окончательное сведеніе въ единую всеохватывающую систему всѣхъ бюрократическихъ учрежденій имперіи произошло лишь при Діоклетіанѣ и Константинѣ. Въ эту эпоху окончательно организуется высшій императорскій совѣтъ подъ предѣлательствомъ самого самодержца или министра, носившаго титулъ *квестора священнаго дворца* (*quaestor sacri palatii*). Замѣтимъ, что названіе одного изъ семи холмовъ Рима, именно Палатинскаго или Палація (*Palatium*), на которомъ строились императорскіе дворцы, сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія дворца вообще (итал. *palazzo*, франц. *palais*, нѣм. *Palast*), откуда происходитъ и наша „палата“ ²⁾, и если дворецъ получилъ предикатъ священнаго, то это стояло въ связи съ общимъ религіознымъ характеромъ, какой приобрѣла императорская власть въ Римской имперіи къ началу IV вѣка ³⁾. Дѣла, которыя разматывались въ этомъ государственномъ совѣтѣ, подготавливались въ особыхъ канцеляріяхъ, или *скриніяхъ* (*scrinia*) въ родѣ только что упоминавшихся, причемъ самое названіе ихъ скриніями произошло отъ шкафовъ или ящичковъ, въ которыхъ хранились письменныя дѣла. Компетенція совѣта простиралась на всѣ стороны государственной жизни, но значеніе его было чисто совѣщательнымъ, хотя онъ все-таки имѣлъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ сенатъ, превратившійся въ простую декорачію ⁴⁾. Что касается до состава этого учрежденія, то въ немъ мы видимъ всѣхъ министровъ и другихъ спеціально назначавшихся въ него членовъ, или комитовъ (*comites consistoriani*). Среди начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ управленія первое мѣсто принадлежало упомянутому квестору священнаго дворца, кото-

¹⁾ См. стр. 258.

²⁾ Слова: „вся палата и воинство“ въ церковной молитвѣ относятся именно къ понятію центрального управленія.

³⁾ См. выше, стр. 237 и 238.

⁴⁾ См. выше, стр. 227.

рый был настоящим замѣстителемъ императора и посредникомъ между нимъ и разными государственными учрежденіями, своего рода великимъ визиремъ. Другимъ выдающимся сановникомъ былъ *магистръ оффиціевъ* (*magister officiorum*), т.-е. главный начальникъ канцелярій, совмѣщавшій въ себѣ должности современныхъ министровъ двора, внутреннихъ дѣлъ и дѣлъ иностранныхъ, высшему надзору котораго ввѣрены были и „священный палатій“, и центральныя „скриніи“, и вся провинціальная администрація, находившаяся подъ особымъ полицейскимъ наблюденіемъ агентовъ (*agentes in rebus*) этого министра, такъ называемыхъ иногда *куріозовъ* (*curiosi*, буквально значитъ „любопытные“). Такіе агенты существовали еще до Діоклетіана, соединяя тогда свою функцію съ должностью провіантмейстеровъ (*frumentarii*), но Діоклетіанъ урегулировалъ эту секретную полицію, поручивъ надзоръ за администраціей и населеніемъ мѣстнымъ почтовымъ чиновникамъ, которые, собственно говоря, и назывались „куріозами“. Дѣло въ томъ, что и почта (*cursus publicus*) была въ вѣдомствѣ магистра оффиціевъ, и этимъ, между прочимъ, объясняется та, на первый взглядъ, странность, что *curiosus* значитъ полатыни и шпіонъ, и почтмейстеръ. Третьимъ министромъ былъ *управляющій священными щедротами* (*comes sacrarum largitionum*), т.-е. министръ финансовъ, управлявшій императорскимъ фискомъ, съ которымъ еще около 200 г. слился и сенатскій эрарій. Для управленія императорскимъ патримоніемъ былъ особый министръ, который носилъ названіе *управляющаго частными имѣніями* императора (*comes rerum privatarum*), или министръ государственныхъ имуществъ. Наконецъ, къ высшимъ сановникамъ имперіи слѣдуетъ отнести и упоминавшихся уже четырехъ префектовъ преторіа, которымъ въ четырехъ большихъ частяхъ имперіи принадлежали настоящія права министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи по отношенію къ подвѣдомственнымъ имъ группамъ діоцезъ. Устройство центрального управленія при Діоклетіанѣ и Константинѣ очень напоминаетъ намъ порядки, существовавшіе при дворахъ восточныхъ и эллинистическихъ царей. Въ связи же со строгою іерархизаціей должностныхъ лицъ появилась и развилась пышная титулатура своего рода табели о рангахъ съ раздѣленіемъ сановниковъ на *illustres*, *spectabiles* и т. п. (въ родѣ нашихъ „сіятельства“, „превосходительства“ и т. п.).

Этихъ наиболѣе общихъ, хотя и отрывочныхъ указаній достаточно для общей характеристики бюрократизаціи управленія Римской имперіи, какъ системы, заимствованной изъ эллинистическихъ царствъ или, по крайней мѣрѣ, развивавшейся подъ сильнымъ влияніемъ эллинистическихъ образцовъ. Но въ имперіи рядомъ съ бюрократическимъ управленіемъ существовало еще весьма развитое (одно время) городское самоуправленіе, бывшее наслѣдіемъ старыхъ греческихъ и италійскихъ государствъ-городовъ¹⁾.

Сохраняя свою особенность, политически когда-то независимыя городскія общины стали входить въ составъ большихъ территоріальныхъ монархій еще въ эпоху древневосточныхъ царствъ. Греческія политіи мы видимъ подъ властью царствъ Лидійскаго и Персидскаго, какъ потомъ и въ составѣ монархій Александра Македонскаго и царствъ, возникшихъ изъ ея распаденья²⁾. Выше уже была отмѣчена та особенность Сирійской монархіи Селевкидовъ—по сравненію съ бюрократическимъ Египтомъ Птолемеевъ,—что въ ней сдѣлана была попытка соединить принципъ единства большого государства съ принципомъ расчлененія его территоріи на самоуправляющіяся городскія общины съ приписанными къ нимъ округами³⁾.

Что же сдѣлалъ Римъ съ тѣми государствами-городами, которые подчинились его власти?

Еще только начавъ овладѣвать Италіей, римляне основывали въ завоеванныхъ территоріяхъ свои колоніи-гарнизоны, которыя были небольшими общинами гражданъ, пользовавшіяся мѣстнымъ самоуправленіемъ со своими магистратами, куріями и народными собраніями. Затѣмъ они стали давать ту же самую организацію и нѣкоторымъ завоеваннымъ городамъ, жителей которыхъ принимали въ составъ своего гражданства, и такіе города получили названіе *муниципиевъ* (*municipium*), потому что они брали на себя извѣстное тягло (*munus*) по отношенію къ Риму. Другую категорію самоуправляющихся городскихъ общинъ въ Италиі составляли такъ-называемыя *латинскія колоніи* (*coloniae latinae*),

¹⁾ Для всего послѣдующаго ср. гл. XIX книги „Государство-городъ“ подъ названіемъ „Муниципальный бытъ Римской имперіи“.

²⁾ См. выше, стр. 161 и слѣд.

³⁾ См. выше, стр. 164—165.

основывавшіяся Римомъ какъ изъ своихъ гражданъ, такъ и изъ латиновъ, и *федератныя общины* (civitates foederatae), т.-е. бывшіе прежде вполнѣ самостоятельные государства-города, въ какое положеніе попали, наприм., и греческія колоніи въ Южной Италиі ¹⁾. Когда вся Италія получила права римскаго гражданства, старыя различія между разными категориями городовъ должны были сгладиться и, въ сущности, всё они сдѣлались муниципіями. При Юліи Цезарѣ былъ изданъ и общій законъ объ ихъ устройствѣ и управленіи.

Уже въ Италиі Римъ долженъ былъ встрѣтиться съ государствами-городами, за которыми ему пришлось сохранить внутреннее самоуправленіе. Завоеваніе Греціи и Востока поставило Римъ лицомъ къ лицу съ цѣлою массою государствъ-городовъ, бывшихъ когда-то вполнѣ суверенными, и въ ихъ числѣ были такія политіи, какъ Аѳины, Спарта и пр. Въ общемъ Римъ не уничтожалъ внутренней ихъ свободы, обнаруживъ только тенденцію, вездѣ замѣнять демократическіе порядки тимократическими, т.-е. господствомъ имущихъ классовъ и усиливать значеніе выборныхъ должностныхъ лицъ на счетъ народныхъ собраній и городскихъ совѣтовъ. Положеніе этихъ городовъ въ Римской державѣ было очень неодинаковое, начиная съ такихъ, которые сохраняли призракъ полной политической самостоятельности, и кончая общинами съ очень урѣзанными правами, почему ихъ и подводятъ подъ разныя категоріи. Наприм., общины провинціи Ахаіи, какъ стала называться Греція ²⁾, раздѣлялись на федератныя (Аѳины), свободныя (civitates liberae: Спарта, Сикіонъ, Дельфы, и др.) и данническія (civitates stipendiariae), и всё онѣ пользовались самоуправленіемъ, сохраняя при этомъ крайнее разнообразіе внутренняго устройства и даже входя въ составъ особыхъ мѣстныхъ союзовъ. „Вообще, говоритъ новый изслѣдователь предмета, римляне не вмѣшивались въ самоуправленіе греческихъ городовъ, разъ не требовали того сами греки и разъ междуособныя распри ихъ не заходили слишкомъ далеко“ ³⁾. Въ междуособіяхъ послѣднихъ вре-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 296—299.

²⁾ См. объ этомъ новѣйшее русское изслѣдованіе *С. Жебелева* подъ греч. заглавіемъ АХАІКА. Спб. 1903. См. на стр. 29 этого сочиненія о томъ, что названіе Ахаіи утвердилось за Греціей лишь при Августѣ.

³⁾ *С. Жебелев*, стр. 57. „То основное положеніе,—говоритъ онъ еще на слѣдующей страницѣ,—что греческія общины и послѣ 146 г., въ тече-

менъ республики они играли даже самостоятельную роль и въ борьбѣ Октавіана съ Антоніемъ, бывшей борьбою и романтизма съ эллинизмомъ ¹⁾, стояли преимущественно на сторонѣ Антонія. Августъ сдѣлалъ изъ Ахаіи сенатскую провинцію, но при Тиберіи ее и Македонію, „просившихъ, по словамъ Тацита, избавить ихъ отъ обременительныхъ налоговъ, было положено облегчить отъ проконсульскаго управленія и передать Цезарю“ ²⁾,—доказательство того, что и самоуправляющіяся общины, подобно менѣ привилегированнымъ провинціямъ, выигрывали съ установленіемъ въ Римѣ принципата. Что касается до различія между тремя категориями всѣхъ peregrinскихъ общинъ въ составѣ Римской державы, то вотъ къ чему оно сводится: 1) федератныя общины, не имѣя, конечно, права вести самостоятельную внѣшнюю политику, пользовалась полною автономіей въ законодательствѣ, администраціи и судѣ (даже правомъ суда надъ римскими гражданами, въ нихъ проживавшими) и были свободны отъ налоговъ, исполняя лишь договорныя обязанности; 2) свободныя общины пользовались тѣми же правами, но не въ силу договора, а въ видѣ великодушнѣйшей уступки или дара со стороны Рима, да и не всё онѣ, а лишь нѣкоторыя пользовались *иммунитетомъ* (immunitas) въ смыслѣ изъятія отъ обязанности платить налоги, называясь тогда свободными и иммунитетными (immunes) общинами; 3) данническія, или стипендіарныя общины платили поземельный налогъ и подлежали административному надзору правителя провинціи, но все-таки пользовались извѣстною автономіей и правомъ своего суда надъ мѣстными гражданами ³⁾.

Такимъ образомъ, ни греческій *полисъ*, ни италійская *civitas* не погибли въ составѣ Римской державы: города перестали быть государствами, но не утратили своего самоуправления. На эллинистическомъ Востокѣ Римъ нашелъ исторически сложившуюся, сильно развитую и прочно выра-

ніе всего республиканскаго періода, сохраняли свое самоуправленіе, можетъ быть подтверждено цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ... Это самоуправленіе, въ его основѣ, онѣ продолжали имѣть и въ эпоху имперіи“.

¹⁾ См. выше, стр. 223.

²⁾ Лѣтоп., I, 76 (русск. пер. II, 66).

³⁾ Ср. у *С. Жебелева* (стр. 99—100) на основаніи новѣйшей литературы предмета.

ботанную форму городского самоуправления, и въ его планы никогда не входило навязывать общинамъ въ восточныхъ провинціяхъ менѣе совершенную форму своихъ муниципіевъ. Какъ было при республиканскомъ Римѣ, такъ осталось и при императорскомъ. Зато по отношенію къ западнымъ провинціямъ, особенно по отношенію къ Испаніи и Галліи имперія была эпохою распространенія и въ нихъ муниципальнаго устройства, выработаннаго въ Италіи Римомъ. Конечно, греческіи политіи не могли не испытать на себѣ общаго вліянія имперской политики и ея эволюціи въ бюрократическомъ направленіи, но это касается уже болѣе поздней эпохи. Наоборотъ, скорѣе нужно предположить, что развитіе муниципальнаго строя на Западѣ происходило не безъ нѣкотораго воздѣйствія эллинистическихъ образцовъ.

На Востокѣ имперія обладала одной провинціей, которая была лишена настоящаго общинно-городского быта. Это была именно Египетъ¹⁾. Имперія и здѣсь все оставила постарому, и только Адрианъ порвалъ съ птолемеевской политикой не давая мѣстнымъ городамъ самоуправления. Правда, каждый египетскій округъ, старый—еще изъ фараоновскихъ временъ—*номъ* (νομός), какъ его называли греки²⁾, имѣлъ городской центръ, который у грековъ носилъ имя *метрополии* (μητρόπολις), въ отличіе отъ сосѣднихъ деревень (*хорай*), но такой городъ съ его округомъ или самъ округъ не былъ самоуправляющеюся общиною, ибо въ немъ былъ царскій чиновникъ, стратегъ, заправлявшій всѣми мѣстными дѣлами. Особенность египетскаго устройства заключалась въ административномъ выдѣленіи города изъ округа съ подраздѣленіемъ послѣдняго на болѣе мелкія территоріи, *томы* (τόποι), что буквально значитъ „мѣстности“. Это противорѣчило греческому строю, при которомъ городъ поглощалъ въ себѣ окрестную территорію съ ея болѣе мелкими поселками³⁾. Эту самую египетскую организацію Августъ ввелъ въ завоеванной Цезаремъ Галліи, подраздѣливъ отдѣльные округа (*civitates* = егип. νομοί) на болѣе мелкія единицы (*pagi* = егип. τόποι) и выключивъ изъ состава послѣднихъ

городскіе центры. Разница, однако, заключалась въ томъ, что галльскіе города получили самоуправленіе.

Мысль Юлія Цезаря относительно этого предмета была иная, и его политическій идеаль скорѣе соотвѣтствовалъ селевкидовской, а не птолемеевской, греческой, а не египетской системѣ. Самъ великій строитель городовъ на Западѣ, онъ представлялъ себѣ Римскую державу, какъ громадную федерацію городовъ, среди которыхъ Риму принадлежало бы только мѣсто перваго между равными: въ этомъ отношеніи Римъ долженъ былъ быть преемникомъ скорѣе Антиохіи, нежели Александріи. Римская имперія была осуществленіемъ именно этой мечты Цезаря. Греческая политія сохранилась на Востокѣ (съ Адриана стала даже насаждаться и въ Египтѣ), а на провинціальныя города Запада было распространено муниципальное устройство италійскихъ общинъ.

Обобщая подъ названіемъ муниципія городъ, переставшій быть государствомъ при сохраненіи внутренняго самоуправления, или центральное поселеніе территоріи, возведенное на степень самоуправляющей общины, мы можемъ, вмѣстѣ съ Фюстель де Куланжемъ сказать, что „римское императорское правительство дало городамъ устройство, которое далеко не соотвѣтствовало устройству имперіи, а оставалось вполнѣ республиканскимъ“¹⁾. Муниципій, продолжавшій и въ императорскую эпоху официально называться гражданствомъ, или гражданской общиной (*civitas*) и даже „республикой“, пользовался значительной автономіей. Каждая такая община состояла изъ города и его округа, такъ что между городской и сельской территоріями не было противоположности. Горожане и сельчане были одинаково членами этой общины, но для принадлежности къ полноправному гражданству нужно было обладать недвижимою собственностью въ границахъ общины. Сначала въ муниципіяхъ происходили общія сходки (комиціи), мало-по-малу, однако, прекратившіяся, по городской сенатъ; называвшійся куріей, сохранился до самаго поздняго времени. Курія была настоящимъ органомъ

¹⁾ См. выше, стр. 164.

²⁾ См. выше, стр. 24.

³⁾ „Государство-городъ“, стр. 1.

¹⁾ Фюстель де Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Спб. 1901. Т. I, стр. 282. Ср. „Государство-городъ“, стр. 311 и слѣд., гдѣ приведены и другія мѣста изъ этого труда Ф. де К. о „республиканизмѣ“ муниципальнаго строя Римской имперіи.

мѣстнаго самоуправления, издавала обязательныя постановленія (декреты), принимала жалобы на должностныхъ лицъ и т. д. Пополнялись эти „городскія думы“ лицами, отбывавшими какую-либо муниципальную должность, или по особой записи, дѣлавшейся городскими властями. Всѣ должности были выборныя, а это были *дуумвиры*, подобіе римскихъ консуловъ, которые исполняли и цензорскія обязанности, далѣе *эдилы*, *квесторы* и т. д., члены же курій назывались *декуріонами*. Муниципальные города, защищенные собственными укрѣпленіями, имѣли и свои мѣстныя милиціи для поддержанія порядка. Они обладали собственной казной, владѣли недвижимою собственностью, имѣли свои школы и т. п. Наконецъ, существовали также и свои чисто муниципальные культы съ особымъ жречествомъ ¹⁾.

Постоянно пребывающаго представителя центральной власти въ муниципіяхъ въ эпоху ихъ процвѣтанія, т.-е., главнымъ образомъ, въ I и II вв. даже и не было, но городъ обязанъ былъ принимать намѣстника провинціи, когда тотъ желалъ его посѣтить. Къ нему же перешло право утвержденія всѣхъ наиболѣе важныхъ актовъ общины. Городское хозяйство тоже подлежало правительственному контролю, который мало-по-малу сталъ переходить въ болѣе дѣятельное вмѣшательство представителей центральной власти въ муниципальныя дѣла. Въ послѣдніе вѣка имперіи замѣчается уже паденіе муниципального строя, на счетъ котораго все болѣе и болѣе разрастается система бюрократическаго управленія ²⁾.

Муниципальный бытъ Римской имперіи, — подводя подъ это понятіе и автономію, какую пользовались и греческія полиціи, — былъ, какъ мы видимъ, наслѣдіемъ государствъ-городовъ республиканской эпохи, но совмѣстно съ этою организаціей сохранялось и даже развивалось въ имперіи и наслѣдіе восточно-эллинистической бюрократической централизаціи. Римская имперія сочетала и одно время поддерживала въ извѣстномъ равновѣсіи обѣ эти системы, сочетала въ своемъ устройствѣ широкую городскую автономію съ монархическимъ абсолютизмомъ центральной власти. Эта комбинація продол-

¹⁾ См. ниже, въ гл. XXII.

²⁾ Объ этомъ см. ниже, а болѣе подробную характеристику муниципального строя въ кн. „Государство-городъ“, стр. 310 и слѣд.

жалась цѣлыя столѣтія, въ теченіе которыхъ были времена особеннаго процвѣтанія даннаго соединенія принциповъ греко-италійскаго государства-города и абсолютной царской власти восточнаго происхожденія. Бюрократическій строй тоже вѣдъ внѣдрился въ императорское устройство подъ восточными вліяніями, хотя и вызывался потребностями новой власти.

Развивъ въ своихъ предѣлахъ общинное самоуправленіе, имперія не развила, однако, самоуправления областнаго. Провинціи управлялись все время по строго бюрократической системѣ. Мы не въ состояніи даже особенно точно и подробно опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ стояла провинціальная администрація къ общинному самоуправленію. Напр., по отношенію къ Ахаіи это особенно явствуетъ изъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Жебелева ¹⁾. Однако, съ другой стороны, въ имперіи современная историческая наука обнаруживаетъ и нѣкоторыя зачатки областнаго самоуправления. Отдѣльныя общины одной и той же провинціи часто вступали между собою въ союзы, если только это не были еще союзы стараго происхожденія. Политическаго значенія они, однако, не имѣли, а ихъ цѣлью были общіе праздники, поздне императорскій культъ ²⁾. Въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи собирались провинціальныя сеймы (*concilia provinciae*, *κοινὰ*), которые мѣстами приобрѣли право хвалить или порицать управленіе намѣстника передъ императоромъ, апеллировать къ его суду и т. п., для чего депутаты отдѣльныхъ городовъ получали отъ своихъ согражданъ особыя инструкціи ³⁾. При благоприят-

¹⁾ Въ названной (стр. 278) книгѣ см. стр. 366.

²⁾ См. ниже, въ гл. XXI.

³⁾ Въ книгѣ *Fustel de Coulanges* „Исторія общественнаго строя древней Франціи“ (т. I) см. главу „О нѣкоторыхъ провинціальныхъ вольностяхъ во времена Римской имперіи“ (стр. 257 — 275), гдѣ говорится: „Собранія въ Ліонѣ и Нарбонѣ никогда не издавали законовъ и не голосовали налоговъ. Имъ не предоставлено было даже права возражать противъ законовъ, обнародуваемыхъ другою властью, или приостанавливать сборъ назначенныхъ ею налоговъ. Они никакимъ образомъ не принимали участія въ высшемъ управленіи, и они не сдѣлались также центрами оппозиціи“ (стр. 273 — 274). Эти слова направлены противъ сближенія указанныхъ собраній съ палатами представителей современныхъ европейскихъ націй, но ихъ, напр., нельзя сравнивать и съ нашими губерн-

ныхъ обстоятельствахъ отсюда могли бы выработаться и болѣе опредѣленныя формы, но общая бюрократизація имперіи въ послѣдніе вѣка ея существованія на Западѣ не дала развиваться провинціальному представительству отдѣльныхъ муниципальныхъ общинъ. Съ одной стороны, если бы въ имперіи сохранились съ прежнимъ своимъ значеніемъ старые греческіе союзы, въ родѣ Ахейскаго, который имѣлъ свое общее собраніе для цѣлаго ряда городовъ, состоявшихъ членами федераціи¹⁾, а съ другой, если бы побѣда бюрократическаго строя не остановила развитія новыхъ провинціальныхъ собраній, вышедшихъ, напр., изъ празднествъ императорскаго культа, то въ имперіи могъ бы выработаться именно особый родъ провинціального самоуправленія, какъ самоуправленія городскихъ федерацій въ отдѣльныхъ областяхъ государства, но какъ-разъ въ обоихъ отношеніяхъ условія для этого были неблагоприятны. Политика Рима въ первыя времена господства его надъ Греціей была крайне подозрительной по отношенію къ старымъ политическимъ союзамъ, а развитію новыхъ, напр., въ Галліи, — гдѣ особенно, повидимому, расцвѣли провинціальныя собранія, вышедшія изъ общихъ религиозныхъ торжествъ, — помѣшало, кромѣ бюрократизаціи имперскаго управленія, и совершившееся въ V в. паденіе самой имперіи²⁾.

скими земствами.—Въ русской литературѣ имѣется работа П. Ю. Куля „Провинціальныя собранія у римлянъ“ (Харьковъ, 1898 г.). Здѣсь сведено все по части источниковъ и литературы, что мы знаемъ объ этомъ учрежденіи.

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 245 и слѣд.

²⁾ См. ниже, въ гл. XXII.

ГЛАВА XIX.

Распространеніе правъ римскаго гражданства на свободное населеніе имперіи.

Распространеніе правъ римскаго гражданства въ эпоху имперіи.—Исключительность гражданскихъ общинъ античнаго міра.—Нивеллирующая политика эллинистическихъ царствъ.—Широкія идеи Юлія Цезаря относительно распространенія правъ римскаго гражданства.—Императоры провинціального происхожденія.—Распространеніе правъ римскаго гражданства въ I и II вв. и эдиктъ Каракаллы.—Присвоеніе имени римлянъ разными народностями.—Историческое значеніе римскаго цивильнаго права.—Источники римскаго права.—Римская юриспруденція и греческая философія.—Общеправное и естественное право.—Кодификація римскаго права.

Въ эпоху Римской имперіи совершилось, кромѣ политическаго объединенія средиземноморскихъ странъ, и юридическое ихъ объединеніе. Если въ 88 г. до Р. Х., по окончаніи такъ называемой союзнической войны, въ Средней и Южной Италіи¹⁾ исчезло различіе между гражданами (cives) и союзниками (socii), потому что послѣдніе вошли въ составъ римскаго гражданства, то въ 212 г. по Р. Х. окончательно пало и въ провинціяхъ различіе между римскими гражданами и перегринами (peregrini), потому что и всѣ вообще свободные обыватели провинцій получили права римскаго гражданства²⁾. Такимъ образомъ, отъ уравниенія въ правахъ всѣхъ жителей Италіи до уравниенія въ правахъ всего населенія имперіи прошло триста лѣтъ. Конечно, римское гражданство начала I в. до Р. Х. и начала III в. по Р. Х. — не одно и то же, такъ какъ въ первомъ случаѣ римлянинъ въ качествѣ одной изъ составныхъ частей сувереннаго народа пользовался или, по крайней мѣрѣ, могъ пользоваться извѣстными политическими правами, которыхъ онъ уже не имѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ самый Римъ превратился изъ республики въ монархію. Дру-

¹⁾ Въ Сѣверной Италіи лишь часть территоріи получила эту привилегію. См. ниже, стр. 288.

²⁾ См. выше, стр. 181 и 185, особенно „Государство-городъ“, гл. XVIII.

гими словами, процессъ распространения правъ римскаго гражданства на провинціи сопровождался сокращеніемъ этихъ самыхъ правъ и притомъ такъ, что оба эти процесса находились въ тѣсной связи между собою, какъ результаты одной и той же причины—возникновенія въ государствѣ единоличной власти, всѣ интересы которой заключались въ лишеніи гражданъ принадлежавшихъ имъ политическихъ правъ, но въ интересахъ которой вовсе не было поддерживать юридическое неравенство разныхъ категорій свободнаго населенія государства.

Одна изъ особенностей быта античныхъ гражданскихъ общинъ заключалась въ ихъ замкнутости, затруднявшей доступъ въ нихъ новыхъ членовъ. Не говоря уже о рабахъ, далеко не все свободное населеніе территории государства-города состояло изъ гражданъ; напр., метэки, въ значительной мѣрѣ населявшіе Атику, не входили въ составъ аѳинскаго гражданства. То же самое слѣдуетъ сказать о лаконскихъ періокахъ, которые не были спартанскими гражданами. Первоначально и римскіе плебеи тоже стояли внѣ гражданства общины патриціевъ¹⁾. Конечно, бывали случаи включенія въ составъ гражданства новыхъ элементовъ, какъ это было, напр., въ Аѳинахъ при Клисѳенѣ, въ Спартѣ при царяхъ-реформаторахъ III в. до Р. Х. и т. п.²⁾, но это были случаи необычнаго характера. Въ общемъ граждане античныхъ городскихъ республикъ очень неохотно дѣлились своими правами даже съ союзниками и, случалось, принимали весьма строгія мѣры противъ присвоенія отдѣльными лицами правъ гражданства³⁾. Впрочемъ, сравнительно, напр., съ Аѳинами Римъ, какъ государство-городъ, держался болѣе либеральной политики и многія общины Средней и Южной Италіи инкорпорировалъ въ свое гражданство⁴⁾, но все-таки и тутъ онъ дѣлалъ это далеко не всегда, и значительная часть италійскихъ общинъ находилась лишь въ союзѣ съ Римомъ. Когда въ серединѣ II в. до Р. Х. въ Римѣ возникло демократическое движеніе, связанное съ именемъ братьевъ Гракховъ, однимъ изъ требованій, которыя были тогда выставлены

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 30—31.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 136 и 196.

³⁾ „Государство-городъ“, стр. 270.

⁴⁾ „Государство-городъ“, стр. 296—297.

его вождями, былъ законъ о распространеніи правъ гражданства на союзниковъ (*lex de civitate sociis danda*), но оно разбилось о сопротивленіе самого же народа, не желавшаго дѣлиться своими правами съ другими. Если черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ Кая Гракха, сдѣланнаго предложеніе въ этомъ смыслѣ, союзники все-таки получили права римскихъ гражданъ, то этимъ они были обязаны исключительно тому, что возстали съ оружіемъ въ рукахъ и заняли въ Италіи положеніе, которое угрожало господству и даже чуть не самому существованію Рима. Сенатъ и народъ римскій, распространяя права гражданства на все свободное населеніе Апеннинскаго полуострова, уступали, въ концѣ концовъ, только необходимости.

Объясняя причины такой замкнутости гражданскихъ общинъ греко-римскаго міра, нужно принимать въ расчетъ, что въ составъ правъ гражданства входили участіе въ народныхъ собраніяхъ, доступъ къ государственнымъ должностямъ и даже разнаго рода матеріальныя выгоды. Приобщеніе къ гражданству было по отношенію къ чужимъ и особенно къ подвластнымъ приобщеніемъ ихъ къ господству. Въ монархіяхъ древняго Востока, гдѣ всѣ были одинаково подъ господствомъ общаго владыки, такого вопроса, какой возникъ въ Италіи во время союзнической войны, и быть совершенно не могло, хотя и тамъ выдѣлялась обыкновенно изъ массы населенія господствующая національность. Нужно отличать отъ чисто политической исключительности гражданскихъ общинъ Греціи или Рима національную исключительность, примѣры которой мы видимъ на Востокѣ. Именно, въ политическомъ отношеніи восточные цари стремились больше къ нивелированію своихъ подданныхъ, чѣмъ къ поддержкѣ между ними обособленности. Съ особенною ясностью эта тенденція проявлялась въ политикѣ Александра Македонскаго¹⁾. Въ эллинистическихъ монархіяхъ правительственная власть держалась той же политики. Однако, греческое населеніе въ этихъ царствахъ упорно отстаивало свое привилегированное положеніе, и въ птолемеевскомъ Египтѣ туземцы и греки судились по разнымъ законамъ и въ разныхъ судахъ, что указывало на продолженіе старой юридической необъединенности населенія, постепенно, впрочемъ,

¹⁾ См. выше, стр. 153.

уступавшей мѣсто противоположному началу. Если кто въ Римѣ первый сознательно отдѣлился отъ узко-политической точки зрѣнія гражданина государства-города, чтобы выйти на болѣе широкую дорогу юридическаго объединенія всего населенія Римской державы, то это былъ Юлій Цезарь, вообще проникнутый, какъ мы уже не разъ упоминали, эллинистическимъ космополитизмомъ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, онъ хорошо видѣлъ, что государство перестало быть исключительно римскимъ, что оно превратилось во всемирную, универсальную державу, и потому у него не могла не явиться мысль объ уравненіи въ правахъ перерогноровъ съ гражданами. Осуществленіе этой идеи, конечно, потребовало бы много времени и встрѣтило бы немало, быть можетъ, затрудненій, но цѣль, по крайней мѣрѣ, была поставлена, и то, что Цезарь могъ мечтать сдѣлать сразу, потомъ было исподволь осуществлено въ ближайшіе два съ половиною вѣка. Хотя Августъ повернулъ внутреннее развитіе государства на національно-римскую дорогу²⁾, сила вещей дѣлала свое дѣло, и мысль Цезаря въ концѣ концовъ, хотя и не такъ скоро, исполнилась: перерогрины превратились въ гражданъ. За короткое время своего единовластія Цезарь все-таки успѣлъ многимъ раздать права римскаго гражданства. Уже со времени союзнической войны (91—88 гг. до Р. Х.) южная часть Цизальпинской Галліи, именно къ югу отъ рѣки Пада (По), или такъ называемая Циспаданская Галлія имѣла римское гражданство, а Цезарь распространилъ его и на сѣверную часть, т.-е. на Транспаданскую Галлію, даровавъ ей и муниципальное устройство. Кромѣ того, это право получилъ испанскій городъ Гады. Отдѣльные категоріи лицъ тоже легко пріобрѣтали при немъ права римскихъ гражданъ. Напр., Светоній свидѣтельствуетъ, что отъ Цезаря получили ихъ „всѣ находившіеся тогда въ Римѣ преподаватели медицины и дававшіе уроки свободныхъ искусствъ, чтобы они тѣмъ охотнѣе жили въ столицѣ и чтобы эта мѣра привлекала туда другихъ“³⁾. Цезарь не затруднялся даже назначать новыхъ гражданъ изъ провинціаловъ въ сенатъ, хотя въ Римѣ это вызывало неудовольствіе и насмѣшки. „Тѣхъ гал-

1) См. выше, стр. 221—222 и др.

2) См. выше, стр. 224.

3) Рус. пер., стр. 25. Преподаватели свободныхъ искусствъ — грамматики, риторы и философы.

ловъ, — пѣли въ народѣ, — которыхъ Цезарь велъ въ триумфѣ, онъ ведетъ теперь въ сенатъ. Галлы скинули штаны и надѣли тоги съ широкою пурпуровою полосою“¹⁾. Особымъ расположеніемъ Цезаря къ провинціаламъ и объясняется то горе, какое въ перерогринахъ, жившихъ въ Римѣ, вызвала его насильственная смерть²⁾.

Римская имперія раздавала права гражданства щедро, награждая ими и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыя болѣе или менѣе значительныя общины. Намъ извѣстны многіе случаи, когда тѣ или другія семьи неримскаго происхожденія причислялись, однако, къ римскимъ гражданамъ. Это были болѣею частью люди, которые или прямо пріобрѣтали свое почетное званіе за деньги, или получали его въ видѣ награды за какія-либо услуги, оказанныя государству или вліятельнымъ въ немъ лицамъ. Римскими гражданами могли дѣлаться не только греки, но и семиты. Самое извѣстное доказательство послѣдняго мы имѣемъ въ примѣрѣ апостола Павла, который происходилъ изъ чисто еврейской семьи, жившей въ киликійскомъ городѣ Тарсѣ (гдѣ было много и грековъ, и арамеянъ, и евреевъ) и уже родился римскимъ гражданиномъ³⁾. Самое его имя „Павелъ“ (Paulus) было римское, національное же — Савлъ. Это, конечно, не былъ единственный, исключительный примѣръ, и между евреями были вообще лица, считавшіяся римскими гражданами.

Августъ задержалъ процессъ распространенія правъ римскаго гражданства. Онъ находилъ лучшимъ претерпѣть денежный ущербъ, чѣмъ понизить званіе римскаго гражданина, имѣя при этомъ въ виду, что Цезарь и особенно Антоній извлекали выгоду изъ раздачи правъ гражданства. Но уже

1) Тамъ же, стр. 46. Штаны (bassae) были принадлежностью галльскаго національнаго костюма, которой римляне не употребляли.

2) Ср. выше, стр. 214. Объ этомъ Светоній (см. русск. пер., стр. 51), отмѣчающій, что это были „въ особенности евреи, которые много ночей толпами собирались у костра“.

3) Дѣянія апостоловъ, гл. XXII, ст. 25—29. Здѣсь разсказывается, какъ ап. Павла велѣлъ связать въ Иерусалимѣ „тысячначальникъ полка“, но когда Павелъ сослался на свое званіе римскаго гражданина, то тысячначальникъ, подошедши къ нему, сказалъ: скажи мнѣ, ты римскій гражданинъ? Онъ сказалъ: да. Тысячначальникъ сказалъ: я за большія деньги пріобрѣлъ это гражданство. Павелъ же сказалъ: а я и родился въ немъ.

съ Клавдія эта строгая политика стала измѣняться, и одною изъ причинъ перемѣны было то, что многіе императоры сами происходили изъ провинцій: это заставляло ихъ особенно близко принимать къ сердцу интересы той или другой области. Знаменитый эдиктъ Каракаллы (212 г.), или такъ называемая Антонинова конституція¹⁾, только завершилъ длинный процессъ, начавшійся раньше. Трудно сказать, была ли это исключительно фискальная мѣра, какъ думаютъ одни, или являлась и результатомъ сознания Каракаллою того, что раздѣленіе свободнаго населенія имперіи на гражданъ и негражданъ утратило прежній смыслъ,—во всякомъ случаѣ давно уже населеніе имперіи было почти все объединено въ юридическомъ отношеніи, когда Каракалла формально отмѣнилъ различіе между римлянами и перегринами, всѣхъ въ юридическомъ смыслѣ превративъ въ римскихъ гражданъ. Римлянами стали называть себя народы очень различнаго происхожденія и притомъ не только тѣ, которые романизировались, принявъ латинскій языкъ²⁾, каковы были романы въ Галліи или нынѣ еще именующееся румынами населеніе древней римской провинціи Дакии, но и сами греки, имперія которыхъ, извѣстная у насъ подъ именемъ Византійской, носила названіе Ромѣйской, т.-е. Римской³⁾. Магометане обозначали именемъ „Румъ“, „Руми“ и эту имперію, и ея жителей, и до сихъ поръ это имя дается ими православнымъ грекамъ какъ въ самомъ Греческомъ королевствѣ, такъ въ особенности въ Турціи. Въ III в. въ имперіи даже создается понятіе „римлянства“ (*romanitas*), какъ противоположности варварству.

Можно было бы привести множество цитатъ, свидѣтельствующихъ, что въ эпоху имперіи Римъ сталъ разсматриваться, какъ общее для всѣхъ отечество⁴⁾. Въ извѣстныхъ, часто цитируемыхъ стихахъ Вергилія, гдѣ говорится о раз-

¹⁾ *In orbe romano qui sunt ex constitutione imperatoris Antonini cives romani effecti sunt.* Каракалла—прозвище этого императора (отъ названія длинной галльской одежды, которую онъ любилъ носить), имя же его было Маркъ Аврелій Антонинъ, откуда и узаконеніе его носить названіе „антонинова“.

²⁾ Объ этомъ см. въ главѣ XXI.

³⁾ Ромѣи (*Romāioi*)—греческое обозначеніе римлянъ.

⁴⁾ *Una cunctarum in toto orbe partia.*

номъ призваніи грековъ и римлянъ, однихъ — въ области наукъ и искусствъ, другихъ—въ области политики, историческая миссія римскаго народа была понята именно въ томъ смыслѣ, что его дѣло — помнить о державной власти надъ народами и вездѣ водворять законъ мира, пада покоренныхъ и оружіемъ низлагая строптивыхъ:

„*Tu regere imperio populos, Romane, memento!*
Haec tibi erunt artes: pacisque imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos“.

Въ связи съ такимъ пониманіемъ стоитъ идея „римскаго мира“ (*pax romana*), какъ великаго благодѣянія, принесеннаго человѣчеству городомъ, который сталъ отечествомъ всѣхъ. Римъ для Плутарха былъ „якоремъ, на которомъ сталъ въ пристани міръ, долго носившійся среди бурь по морю безъ кормчаго“. При этомъ указывалось, что Римъ достигъ такого результата не однимъ только оружіемъ, но и законами. Римскій кругъ земной (*orbis terrarum romanus*) былъ именно тою греческою вселенною¹⁾, которая предназначена была сдѣлаться отечествомъ для всемірнаго гражданства²⁾. Римскій поэтъ изъ галловъ Рутилій, жившій въ началѣ V в., говоритъ, что Римъ сдѣлалъ одинъ городъ изъ того, что прежде было цѣлымъ міромъ (*urbem fecisti quod prius orbis erat*). Подъ вліяніемъ подобныхъ представленій о Римской имперіи могла сложиться и та идеализація Александра Македонскаго, которую мы находимъ у его историка Арріана³⁾, современника,—не нужно это забывать,—Адріана и Марка Аврелія: подобно этому послѣднему Арріанъ раздѣлялъ ученіе стойковъ съ характеризующимъ ихъ космополитизмомъ.

Еще раньше превращенія всего свободнаго населенія въ римскихъ гражданъ, въ такъ называемомъ въ наше время „гражданскомъ оборотѣ“ уже совершалось фактически уравниеніе перегриновъ съ римскими гражданами, такъ какъ и перегринъ въ силу фикціи, „какъ будто бы онъ былъ римскимъ гражданиномъ“ (*ac si civis romanus esset*), допускался къ тѣмъ

¹⁾ См. выше, стр. 259.

²⁾ См. выше, стр. 144.

³⁾ См. выше, стр. 147.

или другимъ сдѣлкамъ. Римъ выработалъ замѣчательную систему такъ называемаго гражданского, или гражданского права, получившую всемирно-историческое значеніе не только потому, что она юридически объединила общимъ законодательствомъ громадную имперію, но и потому, что юридическое развитіе новыхъ народовъ совершалось подъ сильнымъ вліяніемъ римскаго права. Когда мы называемъ это право гражданскимъ, или гражданскимъ (*jus civile*), мы уже думаемъ при этомъ не о гражданахъ, какъ полноправныхъ членахъ государства, участвующихъ во власти, а о гражданахъ, какъ частныхъ лицахъ, и хотя слова „политическій“ и „гражданскій“ происходятъ отъ равнозначущихъ греческаго и римскаго названій гражданина *πολίτης* и *civis*¹⁾, однако, въ нашемъ словоупотребленіи эти термины какъ-разъ одинъ другому противопоставляются, причемъ первый примѣняется къ отношеніямъ публичнаго характера, второй — къ отношеніямъ характера частнаго. Теперь для насъ понятія гражданского (гражданскаго) и частнаго права (*jus privatum*) — синонимы. Именно мы называемъ гражданскимъ правомъ нормы, опредѣляющія положеніе и регулирующія отношенія отдѣльныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ), какъ членовъ общества, въ такъ называемой частной ихъ жизни, и это совпадаетъ съ римскимъ опредѣленіемъ частнаго права, какъ такого, которое имѣетъ въ виду интересы отдѣльныхъ лицъ (*quod ad singulorum utilitatem spectat*), въ отличіе отъ публичнаго права, касающагося интересовъ государства (*quod ad statum rei romanae spectat*). При первоначальной исключительности античныхъ государствъ-городовъ даже нормами существовавшего въ нихъ частнаго права могли пользоваться лишь граждане, и въ Римѣ рядомъ съ частнымъ правомъ гражданъ существовало еще право peregrinorum, которое развилось въ гражданскую систему такъ называемаго общенароднаго права (*jus gentium*). И право гражданское гражданское (въ римскомъ смыслѣ слова), и право общенародное для насъ одинаково имѣютъ значеніе права гражданского или гражданского въ новомъ смыслѣ (напр., въ противоположность праву уголовному). Не нужно думать, что римское право, нормами котораго съ начала III в. по Р. X. стали пользоваться всѣ свободные жители имперіи, было

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 124.

исключительно римско-національнаго происхожденія. Римское государство выработывало право не только для своихъ гражданъ, но и для своихъ подданныхъ, основываясь не на однихъ своихъ обычаяхъ и законахъ, но и на обычаяхъ и законахъ другихъ народовъ, находившихся подъ римскимъ владычествомъ. Римское право, такъ сказать, впитало въ себя юридическія нормы, которыми жило и населеніе провинцій, и если право гражданъ (*jus civile*) было національно-римскимъ въ своей основѣ, то право, получившее у римскихъ юристовъ имя общенароднаго (*jus gentium*), было и по происхожденію своему универсальнымъ, космополитическимъ. Римъ юридически объединилъ всѣ народы имперіи общимъ правомъ, въ созданіи котораго, однако, участвовали не одни римляне, но именно и другіе народы. И тутъ, значитъ, Римская имперія не была наслѣдницей и преемницей только Рима, какъ государства-города или римско-италійской федераціи, а явилась продолжательницей и начинаній иноземнаго происхожденія.

Развитіе римскаго права начинается съ „законовъ двѣнадцати таблицъ“, изданныхъ въ срединѣ V в. до Р. X.¹⁾, и завершается кодификаціей его при императорѣ Юстиніанѣ въ срединѣ VI в. по Р. X., такъ что охватываетъ собою цѣлое тысячелѣтіе, не считая всего, такъ сказать, подготовительнаго періода, съ одной стороны, и періода постепеннаго перехода римскаго права въ византійское, съ другой, да и всей, наконецъ, исторіи его „рецепціи“, т.-е. принятія на Западѣ. Надъ созданиемъ его работали римскія комиціи своими законами (*leges*) и плебисцитами (*plebiscita*), сенатъ — своими сенатус-консультами (*senatusconsulta*), магистратура, особенно преторы — своими эдиктами (*edicta*), правовѣды (*jurisprudentes*) — своими отвѣтами (*responsa*) на трудные и спорные вопросы, наконецъ, императоры — своими указами, или конституціями (*constitutiones principum*). Для универсализаціи римскаго права, которое первоначально имѣло чисто мѣстный, исключительно національный характеръ особенно важное значеніе имѣла дѣятельность и преторовъ, которые должны были судить peregrinorum, и правовѣдовъ, которые вносили въ право идеи философской теоріи, и принцепсовъ, которые все болѣе и

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 83.

болѣе отрѣшались отъ національно-римской почвы и дѣлались государями универсальной монархіи съ разноплеменнымъ, но равноправнымъ населеніемъ. Такъ какъ, однако, конституціи принцесовъ составлялись въ концѣ концовъ все-таки при помощи юристовъ же, то, собственно говоря, въ процессѣ внесенія въ римское право универсальныхъ и теоретическихъ принциповъ главную роль играли преторы и юристы.—Сначала въ Римѣ былъ лишь одинъ преторъ, но когда число peregrinorumъ въ городѣ стало увеличиваться и отношенія какъ между ними и гражданами, такъ и въ ихъ собственной средѣ очень усложнились, для разбирательства тяжбъ между ними явился второй преторъ, специально peregrinorumъ (praetor peregrinus). Для негражданъ выработались и особая форма судопроизводства, и особый способъ защиты ихъ интересовъ, причѣмъ вообще за ними признавалось право жить по своимъ національнымъ обычаямъ, вступать по нимъ между собою въ браки, заключать разнаго рода договоры, приобретать въ обладаніе тѣ или другія вещи и т. п. Преторы, вступая въ должность, издавали особое объявленіе, эдиктъ, въ которомъ указывали на принципы, какиихъ тотъ или другой изъ нихъ намѣревался придерживаться при отпращиваніи судейской должности въ теченіе годичнаго срока своей претуры, и, благодаря этому, постепенно выработывалось особое преторское право, въ созданіи котораго въ провинціяхъ участвовали и намѣстники, тоже пользовавшіеся правомъ изданія эдиктовъ. Весьма естественно, что юрисдикція преторовъ для peregrinorumъ должна была испытать на себѣ сильное вліяніе подлежащихъ ей peregrinorumъ съ ихъ очень часто болѣе развитыми юридическими нормами, и выработывавшаяся этими преторами новая система судопроизводства, и новая система права, т.-е. *jus gentium* впитали въ себя множество иноземныхъ юридическихъ элементовъ. Подъ вліяніемъ этой системы и нормы стараго частнаго права римскаго гражданства, т.-е. *juris civilis* въ тѣсномъ смыслѣ стали видоизмѣняться, а затѣмъ даже оттѣсняться на задній планъ и выходить изъ употребленія, такъ что и къ отношеніямъ римскихъ гражданъ между собою начали постепенно примѣняться болѣе развитыя нормы общенароднаго права. Благодаря этому, распространявшееся по всей имперіи римское право само содержало въ себѣ массу не-римскихъ элементовъ, т.-е. и въ юридической области, какъ и въ другихъ

сферахъ жизни ¹⁾, не только Римъ оказывалъ дѣйствіе на провинціи, но и провинціи на Римъ.

Понятно что преторы не составляли каждый разъ новаго эдикта, т.-е. новой должностной программы, а только видоизмѣняли или дополняли эдиктъ своего предшественника, и такимъ образомъ въ преторскомъ постоянномъ эдиктѣ, какъ выражается новѣйшій изслѣдователь генезиса преторскаго права, „отлагались всѣ преторскія нововведенія въ области юрисдикціи“ ²⁾. Въ этихъ отложеніяхъ, конечно, были элементы разнороднаго происхожденія. Развитіе преторскаго эдикта завершается его фиксаціей, т.-е. дальнѣйшею уже неизмѣняемостью при императорѣ Адрианѣ, когда извѣстный въ то время юристъ Сальвій Юліанъ составилъ общій сводъ преторскаго права. Въ сущности, эдиктъ издавался сначала, такъ сказать, въ помощь закону, для наилучшаго его примѣненія и осуществленія (*juris civilis adjuvandi vel supplendi gratia*), но потомъ онъ сталъ также и исправлять отжившія нормы права, т.-е. началъ издаваться *juris civilis corrigendi gratia*. При такомъ положеніи дѣлъ, говоритъ проф. Покровскій, „правовой строй утрачивалъ всѣ неудобства, вытекающія изъ господства абстрактныхъ правилъ закона, приобреталъ чрезвычайную гибкость, подвижность и эластичность. Въ каждую минуту каждый конкретный случай могъ быть нормированъ сообразно съ его условіемъ, и бѣдствіе *summum jus summa injuria* (высшее право—высшая несправедливость) теоретически для такого правопорядка не существовало. Съ другой стороны, продолжаетъ тотъ же ученый, эта эластичность юрисдикціи чрезвычайно способствовала историческому движенію права. Всякая нарождающаяся потребность, благодаря возможности конкретныхъ рѣшеній, почти немедленно находила себѣ надлежащее удовлетвореніе, не ожидая того момента, когда она дойдетъ до общаго народнаго сознанія и когда она получитъ въ законѣ общее теоретическое разрѣшеніе, что, конечно, совершается довольно медленно“ ³⁾. Обратная сторона медали была въ возможности подчиненія личнаго воззрѣнія претора партийности и классовой точкѣ

¹⁾ См. выше, стр. 216 и др.

²⁾ *И. А. Покровскій*. Право и фактъ въ римскомъ правѣ. Часть II. Генезисъ преторскаго права. Спб. 1902. Стр. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 207.

зрѣнія, но въ эпоху республики широкая гласность всей дѣятельности магистратовъ и сила общественного мнѣнія служили коррективомъ. Адриановская редакція эдикта положила конецъ законодательной роли судьи, но въ свое время эта роль имѣла въ высшей степени важное значеніе въ совиданіи новыхъ нормъ права, болѣе совершенныхъ, нежели тѣ, которые могли быть созданы въ раннія эпохи историческаго развитія.

Кромѣ преторскаго эдикта, важную роль въ развитіи римскаго права играла юриспруденція. Уже въ эпоху республики въ Римѣ существовало большое количество правовѣдovъ, — цѣлая, какъ выразился Цицеронъ, „городская милиція по части отвѣтовъ на вопросы права, составленія документовъ и совѣтовъ, какъ охранять свои интересы“ (*urbana militia respondendi, scribendi, cavendi*). Дѣятельность юрисконсультовъ была почетная, вліятельная, пролагавшая дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, а потому это была дѣятельность преимущественно людей изъ высшихъ классовъ общества, да и къ указаніямъ ихъ обращались не только тяжущіеся или вступающіе въ какую-либо сдѣлку, но и сами магистраты, въ особенности преторы, нуждавшіеся въ помощи юристовъ при составленіи своихъ эдиктовъ. Римскіе знатоки права разрабатывали его и теоретически, причемъ въ цѣляхъ такого изученія права пользовались принципами и методами греческой философіи, находясь обыкновенно въ послѣднемъ отношеніи преимущественно подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ стоицизма. Сначала, конечно, разрабатывались только частные вопросы, и лишь Квинтъ Муцій Сцевола, около 100 г. до Р. Х., написалъ первый теоретическій трактатъ по гражданскому праву (*primus jus civile constituit generatim*, какъ выразился о немъ юристъ II в. по Р. Х. Секстъ Помпоній). Онъ, самъ сынъ выдающагося юриста, находился подъ сильнымъ вліяніемъ стоицизма и старался проводить начала доброй совѣсти (*bona fides*) и справедливости (*aequitas*) въ противоположность началамъ формализма строгаго права (*strictum jus*), при которомъ было возможнымъ причиненіе величайшей несправедливости при полнѣйшемъ, но чисто внѣшнемъ соблюденіи буквы закона. Впрочемъ, подобное стремленіе не

¹⁾ Тамъ же, стр. 207.

было чертою одного только Сцеволы: это—общая характеристика римской юриспруденціи конца республики, и эту же склонность она сохранила и при имперіи. Обученіе праву (*institutio*) сдѣлалось также особою спеціальностью, и въ первыя времена имперіи даже стали возникать для этого особыя школы, или *stationes* (*stationes*). Несогласія между отдѣльными юристами повлекли за собою образованіе среди нихъ и разныхъ школъ въ смыслѣ направленій, на которыхъ сказалось, напр., неодинаковое отношеніе къ принципату ¹⁾. Позднѣе, съ упроченіемъ въ имперіи монархическаго начала противоположность юридическихъ школъ въ политическомъ отношеніи уступила мѣсто общему признанію правъ принципата, и хотя римскіе юристы не касались вообще щекотливыхъ вопросовъ о томъ, что можно было бы назвать конституціоннымъ правомъ Рима ²⁾, однако, они же и формулировали во II и III вв. идею неограниченной власти, какъ перенесенія на принцепса державныхъ правъ римскаго народа ³⁾. Уже Августъ подчинилъ юристовъ своимъ политическимъ видамъ, сдѣлавъ изъ права давать отвѣты (*jus respondendi*) съ обязательною силою для администраціи и суда особую привилегію, которая жаловалась далеко не всѣмъ юриспрудентамъ. Отвѣты такихъ патентованныхъ правовѣдovъ только тогда не были обязательными, когда одно авторитетное мнѣніе противорѣчило другому такому же авторитетному мнѣнію, и должностное лицо уже само должно было выбирать, какому мнѣнію слѣдовать. Авторитетность признавалась и за сочиненіями выдающихся юристовъ.

Вѣкомъ особаго процвѣтанія римской юриспруденціи было II столѣтіе, когда жили Гай, авторъ учебника римскаго права (*Institutiones*), Сальвій Юліанъ, редакторъ постояннаго эдикта, Папиніанъ, Ульпіанъ и др. Юридическое образованіе въ это время сдѣлалось необходимымъ для занятія должностей по гражданскому управленію ⁴⁾, а съ III в.

¹⁾ Ср. выше (стр. 264) ссылку на теорію Капитона, отличавшагося приверженностью къ имперіи; его противникъ Лаббонъ былъ сторонникомъ республиканскихъ началъ.

²⁾ См. выше, стр. 226.

³⁾ См. выше, стр. 254—255.

⁴⁾ См. выше, стр. 274.

даже худшіе императоры дѣлали юристовъ префектами преторія ¹⁾. Съ III столѣтія, впрочемъ, раздача *juris respondendi* прекратилась, а въ началѣ IV в. Константинъ объявилъ его привилегіей одной императорской власти. Вліяніе греческой философіи, въ особенности стоицизма сопровождаетъ все развитіе римской юриспруденціи, въ которой важное значеніе получила идея справедливости въ смыслѣ равной для всѣхъ правды (*aequitas*) въ отличіе отъ той справедливости, *юстиціи* (*justitia*), при которой высшее право превращается иногда въ страшную неправду или для осуществленія которой можно требовать гибели цѣлаго міра (*fiat justitia, pereat mundus*). Римскіе юристы были принципиальными защитниками справедливыхъ притязаній личности, какъ бы ни были эти притязанія незначительны, равно какъ ея свободы и независимости, а также равенства передъ закономъ и судомъ всѣхъ гражданъ, притомъ не одного только формальнаго, но и реального ихъ равенства во всемъ гражданскомъ оборотѣ. Мало того: римская юриспруденція заимствовала изъ греческой философіи идею естественнаго права (*jus naturale*), которая ведетъ свое начало еще отъ V в. до Р. X. въ смыслѣ справедливаго по самой природѣ вещей (*τὸ φύσει δίκαιον*), а не справедливаго лишь по человѣческому установленію (*θεσει*) или государственному закону (*νόμος*), какъ выражались многіе греческіе философы ²⁾. Ученіе римскихъ юристовъ о естественномъ правѣ есть дальнѣйшее развитіе греческой философіи, а никакъ не національно-римской юридической традиціи съ ея исключительностью и формализмомъ. Въ этомъ смыслѣ и Цицеронъ опредѣлялъ естественное право, какъ таковое, которое дается намъ не мнѣніемъ людей, а какою-то врожденною намъ силою: „*naturae jus est, quod nobis non opinio, sed quaedam ignota vis inseruit*“. Созданная римскими юристами идея естественнаго права, какъ совокупности высшихъ нормъ, играла слишкомъ важную роль въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени, чтобы не отмѣтить здѣсь того, напр., обстоятельства, что въ XVIII в. философія сдѣлала изъ этой идеи выводы въ смыслахъ огражденія „правъ чловѣка и гражданина“ отъ всемогущества государства и участія гражданъ во власти. Это тѣмъ болѣе умѣстно здѣсь

¹⁾ См. выше, стр. 257.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 210.

отмѣтить, что какъ-разъ естественное право римскихъ юристовъ ограничивалось одною областью частныхъ, т.-е. цивильныхъ отношеній, совершенно не касаясь вопроса о государственномъ устройствѣ.

Между общенароднымъ правомъ, созданнымъ преторами, и естественнымъ правомъ юристовъ было очень много точекъ соприкосновенія, ибо оба стирали національныя различія между людьми и выдвигали на первый планъ идею чловѣческой личности, какъ таковой. Космополитическій индивидуализмъ греческой философіи былъ истиннымъ идейнымъ источникомъ позднѣйшаго римскаго права, какъ права универсальнаго, къ созданію котораго приводила и практическая жизнь великой имперіи, все болѣе и болѣе объединявшейся и политически, и административно, и экономически, и культурно. Разница между общенароднымъ и естественнымъ правомъ была та, что первое вмѣстѣ съ гражданскимъ, т. е. специально римскимъ правомъ составляли право положительное, дѣйствовавшее въ жизни, примѣнявшееся въ судахъ, тогда какъ естественное право было лишь философской теоріей. не только не примѣнявшейся на практикѣ, но даже и не всегда стремившейся къ реализаціи своихъ принциповъ. „По естественному праву,—училъ Ульпіанъ,—всѣ родятся свободными; въ гражданскомъ правѣ рабы считаются за ничто, но не такъ въ правѣ естественномъ, ибо по этому послѣднему праву всѣ люди рождаются свободными. Только съ общенароднымъ правомъ (*jure gentium*) возникло рабство“. Мало ли что могло требоваться со стороны *juris naturalis*: если, значить, оно и отрицало законность рабства, то положительнымъ правомъ все-таки оставались *jus gentium* и *jus civile*, а они оба признавали рабство. Поэтому юристы времени Римской имперіи и не ставили задачи уничтоженія рабства, ограничившись взятіемъ рабовъ подъ защиту государства ¹⁾. Вѣдь и стойки въ отношеніи къ

¹⁾ См. въ слѣд. главѣ. Въ книгѣ Боголюбова „Значеніе общенароднаго гражданского права въ римской классической юриспруденціи“ (М. 1876) говорится, что юристы реализовали требованія *juris naturalis*, но это не вѣрно, ибо они реализовали лишь тѣ требованія естественнаго права, которыя осуществлялись уже правомъ общенароднымъ, а то, что естественное право требовало одно (уничтоженіе рабства, отмѣна частной собственности), такъ и оставалось лишь теоріей.

рабству стояли на той точкѣ зрѣнія, что это есть состояніе безразличное для внутренней свободы, т.-е. для свободы духа, независимости отъ внѣшнихъ вещей, способности противостоять страстямъ; въ этомъ смыслѣ, напр., и Сенека, и Эпиктетъ даже прямо заявляли, что ихъ ученіе отнюдь не клонится къ уничтоженію рабства. Наблюдая жизнь перегриновъ, римскіе юристы видѣли, что рабство вездѣ существуетъ, что это общенародный институтъ, и ихъ заявленіе о томъ, что въ естественномъ состояніи всѣ рождаются свободными, было простою теоретическою формулою, въ которой не слышалось никакого порицанія самому институту.

Римская имперія распространила на всѣхъ свободныхъ своихъ обывателей одно и то же право, и оно все-таки учило видѣть въ каждомъ гражданинѣ самостоятельную личность (*persona*), обладающую извѣстными правами, которыя въ свою очередь подлежатъ юридической защитѣ. Недостатками этого важнаго культурнаго явленія было, во-первыхъ, то, что это право исключало изъ пользованія правами личности цѣлую массу людей, продолжавшихъ оставаться вещами (*res*), т.-е. рабовъ, а во-вторыхъ, то, что защита правъ получила весьма прочную и выработанную организацію лишь по отношенію къ частнымъ лицамъ, а не по отношенію также и къ государству (кромѣ тяжбъ съ фискомъ). Во всякомъ случаѣ, это былъ все-же шагъ впередъ особенно для народностей Востока, которыя никогда не пользовались раньше настоящею гражданскою свободою.

Подъ влияніемъ римской юриспруденціи съ ея космополитическими и индивидуалистическими стремленіями совершалось такъ называемое императорское законодательство посредствомъ такъ называемыхъ конституцій принципсовъ. Подъ этимъ общимъ именемъ разумѣлись *эдикты*, издававшіеся императорами въ качествѣ магистратовъ, *мандаты* (*mandata*), или инструкціи должностнымъ лицамъ, отъ нихъ зависѣвшимъ, *декреты* (*decreta*), какъ назывались судебныя рѣшенія принципсовъ, и *рескрипты* (*rescripta*), нѣчто въ родѣ отвѣтовъ (*responsa*), дававшихся юристами. Силу законовъ за конституціями принципсовъ римская юриспруденція признала формально только во II в., именно при Адрианѣ, когда и за самими сенатусконсультами сила законовъ начала признаваться только въ виду того, что постановленія сената дѣлались по предложенію (*oratio*) императора. Объединеніе

законодательной власти, къ концу имперіи, въ лицѣ императора еще болѣе содѣйствовало юридическому объединенію и самой имперіи. При разнообразіи и многочисленности источниковъ права и все болѣе и болѣе возрастаніи законодательнаго матеріала въ имперіи чувствовалась потребность въ объединеніи права путемъ кодификаціи, т.-е. сведенія въ одно цѣлое. Какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, первая мысль и тутъ принадлежала Цезарю, котораго смущали неизмѣримое количество и разбросанность или сбивчивость законовъ (*immensa diffusaque legum copia*). Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ только двумя вѣками позже—фиксаціей преторскаго эдикта при Адрианѣ. Въ эпоху Диоклетіана и въ концѣ IV в. два юриста,—начала Грегорианъ, потомъ Гермогеніанъ,—дѣлали попытки составленія сборниковъ законовъ (*Codex Gregorianus* и *Codex Hermogenianus*), но это были совершенно частныя предпріятія, и только почти передъ самымъ паденіемъ Западной Римской имперіи восточный императоръ Феодосій II издалъ официальный законодательный сборникъ конституцій, который тогда же былъ принятъ Валентіаномъ III и на Западѣ (439). Онъ извѣстенъ подъ именемъ издаващаго его императора, какъ *Codex Theodosianus*, и его цѣлью было, между прочимъ, поддержать юридическое единство имперіи, въ то время распадавшейся на двѣ части—Востокъ и Западъ. Черезъ девяносто лѣтъ, уже послѣ паденія имперіи на Западѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, былъ изданъ новый кодексъ, получившій имя этого государя. Юстиніанъ, кромѣ того, велѣлъ составить и другіе законодательные сборники, которые вмѣстѣ съ этимъ кодексомъ съ XVI в. принято называть „Сводомъ гражданского права“ (*Corpus juris civilis*). Въ составъ его вошли „Институціи“, т.-е. краткое систематическое изложеніе всего римскаго права, „Дигесты“, какъ названа была кодификація права юристовъ, и самый, наконецъ, „Кодексъ“ императорскихъ конституцій. Этимъ завершился процессъ развитія римскаго права, бывшаго въ эпоху законовъ XII таблицъ правомъ небольшого государства-города, и сдѣлавшагося къ началу его кодификаціи, т.-е. около 300 г. по Р. Х. правомъ всего цивилизованнаго древняго міра ¹⁾.“

¹⁾ Дигестами назывались систематическіе обзоры всего римскаго права или отдѣльных его частей, и это имя дано было второму отдѣлу

ГЛАВА XX.

Экономическое развитие и социальный строй Римской империи.

Важность процессов экономического и культурного объединения Римской империи. — Противоположность взглядов Бюхера и Эдуарда Мейера на экономический быт Римской империи и книга проф. Гревса о римском землевладении. — Неравномерность экономического развития Востока и Запада в Римской империи. — Особенность римского капитализма. — Распространение городской культуры на Запад. — Городской пролетариат и рабство. — Улучшение юридического положения рабов в эпоху империи. — Развитие латифундиальной собственности в Римской империи и имперская знать. — Муниципальные посессоры. — Императорское землевладение и экономическая политика императоров. — Упадок плавационного хозяйства. — Крепостничество и колонаты. — Внутренняя торговля в Римской империи и отсутствие внешних рынков.

Объединение Римской империей стран, окружающих Средиземное море с их разноплеменным населением, было не только политическим, административным и юридическим, но касалось также экономических и культурных отношений. Римская империя представляла собою громадный, но замкнутый в самом себе, обособленный мир, объединенный внутри сложной сетью хозяйственных взаимодействий между отдельными странами, которые входили в его состав, и одною общею культурою, бывшею результатом длиннаго процесса взаимнаго влияния одних народов на другие. Оба процесса, т.-е. и процесс экономической интеграции¹⁾, и процесс культурнаго синкретизма начались еще на древнейшей исторической территории Египта, Сирии и Ассирии-Вавилонии, и лишь позднее в эти оба процесса

Юстинианова свода, благодаря которому только и сохранились отрывки недоевших до нас сочинений римских юристов. Другое название этого отдела „Пандекты“. Все позднейшие конституции императоров получили название „Новелл“, т.-е. буквально „новеньких“ (novellae constitutiones). Они уже начали писаться по-гречески.

¹⁾ Об этом термине см. выше, стр. 39.

были втянуть Рим со своими владениями у западной части Средиземнаго моря¹⁾, но за то подчинение Римомъ своему господству всѣхъ средиземноморскихъ странъ съ древнѣйшею историческою территоріею на крайнемъ востокѣ его владѣній придало экономическому и культурному взаимодействию особую интенсивность, что, въ свою очередь, привело къ весьма важнымъ результатамъ для всего послѣдующаго историческаго развитія. Мы и рассмотримъ теперь оба указанные процесса, исходя изъ той точки зрѣнія, что они начаты были не Римомъ, и что внутренняя жизнь Рима къ нимъ примкнула, даже была въ нихъ втянута въ то время, когда они уже достигли довольно значительной ступени, но что вмѣстѣ съ тѣмъ Римъ могущественно содѣйствовалъ ихъ продолженію и даже привелъ ихъ къ своего рода завершенію.

Сначала мы остановимся на экономическомъ процессѣ, взявъ за исходный пунктъ споръ Бюхера и Эдуарда Мейера о хозяйственномъ развитіи древняго міра. Мы уже видѣли²⁾, что Бюхеръ относитъ всю древнюю исторію къ періоду замкнутаго домашняго хозяйства, тогда какъ Эдуардъ Мейеръ ему возражаетъ, указывая на то, что еще на Востокѣ началось широкое экономическое взаимодействие между разными странами, не позволяющее говорить о какой бы то ни было замкнутости „ойкосовъ“, какъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, похожихъ на барскія помѣстья или феодальныя сеньеріи. Переходъ съ этой ступени на слѣдующую, именно на ступень хозяйства городского, по Бюхеру, относится только къ эпохѣ крестовыхъ походовъ, такъ что вся древность и большая часть среднихъ вѣковъ составляютъ одинъ и тотъ же періодъ „ойкоснаго“³⁾ хозяйства. Эдуардъ Мейеръ, наоборотъ, утверждаетъ, что переходъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ ознаменовался экономическимъ упадкомъ Римской имперіи, возвращеніемъ ея на низшую ступень хозяйственнаго быта, опять къ „ойкосу“, и что лишь съ теченіемъ времени начался здѣсь новый циклъ развитія, приведшій постепенно въ эпоху крестовыхъ походовъ къ вторичному расцвѣту городского хозяйства на Западѣ. Если стать на точку зрѣнія Бюхера, то придется оставить всякую мысль о какомъ бы

¹⁾ Ср. выше, стр. 179.

²⁾ Ср. выше, стр. 40—42.

³⁾ Правильнѣе по русски было бы говорить „экическаго“.

то ни было перерывъ въ экономической эволюціи средиземноморскихъ странъ въ эпоху паденія Западной Римской имперіи и основанія въ ея провинціяхъ германскихъ государствъ, и съ этой точки зрѣнія средневѣковой феодальной строй самодовлѣющихъ и замкнутыхъ „помѣстій - государствъ“ (сеньерій) явится простымъ продолженіемъ быта римскихъ латифундіевъ. Для такого взгляда главною опорой можетъ служить все болѣе и болѣе утверждающееся и все дальше и дальше развивающееся въ подробностяхъ убѣжденіе современной исторической науки, что первыхъ корней феодализма нужно искать въ Римской имперіи. Въ русской исторической литературѣ этотъ взглядъ особенно обоснованъ и развитъ въ упоминавшейся уже ¹⁾ книгѣ проф. Гревса „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія“, авторъ которой прямо примкнулъ къ теоріи Бюхера, поставивъ подъ ея покровительство, какъ самъ онъ выражается, свое собственное историческое построеніе.

Однако, проф. Гревсъ дѣлаетъ это не безъ оговорокъ и ограниченій. Главная его оговорка—та, что свое согласіе со взглядомъ Бюхера онъ не распространяетъ на восточную половину имперіи, гдѣ дѣло могло обстоять иначе, ограниченія же, которыя онъ находитъ нужнымъ сдѣлать по отношенію къ Западу, сводятся, въ сущности, къ признанію, что взглядъ Бюхера не слѣдуетъ понимать и въ примѣненіи къ Италиі и къ западнымъ провинціямъ слишкомъ прямолинейно и безусловно, такъ какъ и здѣсь уже начиналось, но только не пошло вглубь (а затѣмъ и совсѣмъ прекратилось) развитіе и высшихъ формъ хозяйственнаго быта ²⁾. Оговорка относительно Востока сама по себѣ уже большая уступка въ

¹⁾ См. выше, стр. 212.

²⁾ Въ своемъ сборѣ книги проф. Гревса (см. выше, стр. 212, примѣчаніе 2) я высказалъ, между прочимъ, то мнѣніе, что авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы далъ свое построеніе экономической исторіи Италиі и преимущественно западныхъ провинцій имперіи не въ видѣ общаго оправданія формулы Бюхера съ частными ея исправленіями и дополненіями къ ней, а въ видѣ своего обобщенія изученнаго имъ самимъ громаднаго матеріала. Собственно свой взглядъ на значеніе перехода отъ древности къ среднимъ вѣкамъ въ исторіи экономического развитія я имѣлъ случай недавно изложить въ пятой главѣ книги „Общій ходъ всемірной исторіи“ (стр. 114—117 и 127—132).

пользу Эдуарда Мейера, а частныя поправки и дополненія, дѣлаемая по отношенію къ Западу, и окончательно подрываютъ безусловную вѣрность историческаго построенія Бюхера.

Неравномерность экономического развитія Востока и Запада въ Римской имперіи должна быть прежде всего принимаема въ расчетъ при опредѣленіи той ступени, какой успѣло достигнуть это развитіе. Востокъ много раньше выступилъ на дорогу экономической интеграціи разныхъ странъ, нежели Западъ, и прошелъ по этому пути равнымъ образомъ и большее, чѣмъ Западъ, пространство. Времена процвѣтанія вавилонской, финикійской, греческой и эллинистической торговли уже были прошлымъ для той эпохи, когда въ зародившуюся на Востокѣ систему экономическихъ отношеній были особенно сильно втянуты страны европейскаго Запада—Италія, Испанія, Галлія, хотя, конечно, и онѣ въ свое время были затронуты,—но главнымъ образомъ лишь въ своихъ прибрежныхъ полосахъ,—торговлею селившихся здѣсь финикійцевъ и грековъ. Соединеніе въ одно политическое цѣлое западныхъ странъ съ восточными содѣйствовало, конечно, экономической эволюціи первыхъ, но все-таки онѣ не могли сравняться со вторыми, и когда началось общее оскудѣніе имперіи, сильнѣе всего почувствовалъ это на себѣ Западъ, который притомъ былъ въ V в. завоеванъ варварами-германцами, что также не могло, разумѣется, содѣйствовать его матеріальному благосостоянію. Въ варварскую и феодальную эпохи господства натурального хозяйства романо-германскій Западъ оставался далеко позади византійскаго и мусульманскаго Востока, и прошли цѣлые вѣка, прежде чѣмъ возобновились (въ эпоху крестовыхъ походовъ) дѣятельныя торговыя сношенія Запада съ Востокомъ, прекратившіяся во времена наибольшаго экономического упадка прежнихъ западныхъ римскихъ областей въ Европѣ. Сравнительно болѣе позднее присоединеніе ихъ къ общей экономической жизни, начавшейся на Востокѣ, и сравнительно болѣе слабое развитіе въ нихъ обрабатывающей промышленности объясняютъ намъ вообще отсталость Запада и въ частности болѣе полное возвращеніе его къ примитивнымъ формамъ хозяйственной жизни. Было, однако, время, когда и здѣсь совершалось экономическое развитіе, о чемъ свидѣтельствуетъ быстрый ростъ при имперіи городской культуры, упроченіе муниципальнаго быта и общее улучшеніе матеріальныхъ условій, особенно во II столѣтіи,

не безъ основанія называемомъ счастливымъ періодомъ въ исторіи Римской имперіи.

Культура въ древности распространялась изъ своихъ первоначальныхъ центровъ, главнымъ образомъ, въ сторону Запада, и съ нею съ востока къ западу распространялись болѣе высокія формы экономического быта. Съ Востока надвигался постепенно на Западъ и капитализмъ, насколько этотъ современный терминъ приложимъ къ древнему міру. Господство Рима надъ провинціями, бывшее высасываніемъ изъ нихъ всѣхъ соковъ, создавало въ немъ своеобразный капитализмъ, который не опирался, какъ на свою естественную основу, на сколько-нибудь подвинувшуюся впередъ экономическую эволюцію страны, т.-е. въ данномъ случаѣ Италіи, и самъ не оживлялъ ея экономической дѣятельности путемъ усиленія въ ней производства хозяйственныхъ благъ. Италія и въ эпоху римскаго міродержавства оставалась страной земледѣлія и скотоводства, страной натурального хозяйства. Рука объ руку шли здѣсь процессы замѣны мелкаго крестьянскаго хозяйства крупнымъ, латифундіальнымъ и даже вытѣсненія хлѣбопашества скотоводствомъ, что было шагомъ назадъ въ экономической эволюціи страны. Дешевый привозный хлѣбъ, дешевый трудъ привозныхъ рабовъ,—а оба они были результатами политическаго положенія Рима,—держали сельское хозяйство Италіи на низкомъ уровнѣ, и не Италія такимъ образомъ создавала римскій капитализмъ. Ею создала эксплуатація провинцій, особенно эксплуатація странъ болѣе богатаго Востока. Въ Римъ стекалась громадная масса денегъ, но самъ онъ ничего для вывоза не производилъ, ничѣмъ съ отдаленными странами не торговалъ: онъ только трагилъ деньги,—между прочимъ, на покупку земель въ тѣхъ же провинціяхъ, которыя его обогащали своею данью,—и только потреблялъ всякіе товары, между прочимъ большое количество предметовъ роскоши, привозившихся съ Востока¹⁾. Прimitивное сельское хозяйство въ странѣ и развитой денежный капитализмъ въ ея столицѣ,—вотъ въ немногихъ

¹⁾ Кромѣ, конечно, хлѣба и нѣкоторыхъ другихъ пищевыхъ продуктовъ, предметы роскоши, доступные только богатымъ классамъ, составляли очень видную статью ввоза въ Италію. Ср. стр. 48, гдѣ говорится о значеніи предметовъ потребленія богатыхъ классовъ еще въ древнѣйшемъ періодѣ торговыхъ сношеній на Востокѣ.

словахъ сущность римско-италійскаго хозяйственнаго быта въ послѣднія времена республики и въ первые времена имперіи: въ этой искусственной комбинаціи нельзя не видѣть одной изъ причинъ возвращенія Италіи въ началѣ среднихъ вѣковъ къ исключительному господству первобытныхъ экономическихъ формъ съ гибелью городской культуры.

Вообще, повидимому, на Западѣ денежное хозяйство такъ глубоко не проникло въ самую жизнь, не перестроило такъ сильно всѣхъ ея внутреннихъ отношеній, какъ это было на Востокѣ, и въ этомъ отношеніи съ выводами проф. Гревса нельзя не согласиться. Но все-таки взглядъ Бюхера остается слышкомъ прямолинейнымъ, слышкомъ схематичнымъ и потому невѣрнымъ: было именно известное движеніе впередъ и лишь впоследствии отступленіе назадъ, а не ровное, такъ сказать, переживаніе послѣдующими эпохами въ сущности тѣхъ же формъ, какія господствовали раньше, съ очень медленнымъ и незамѣтнымъ развитіемъ (да и то лишь къ XI—XII столѣтіямъ) въ направленіи хозяйства „городскаго“.

Римская имперія была какъ-разъ эпохой распространенія городской культуры на Западѣ, въ странахъ, гдѣ ея до римскаго господства не было. Это распространеніе было не однимъ только насажденіемъ муниципальнаго самоуправления, но и построеніемъ городовъ, безъ которыхъ и сама муниципальная жизнь была бы пустой формой безъ внутренняго содержанія. Въ свою очередь, развитіе города обозначало переходъ съ низшей ступени экономического развитія на высшую, и въ этомъ смыслѣ городская ступень хозяйственнаго быта въ древности была уже достигнута не только Востокомъ, но и Западомъ. О матеріальномъ процвѣтаніи городовъ въ первые вѣка нашей эры свидѣтельствуютъ строившіеся ими храмы, театры, водопроводы и другія имъ подобныя сооруженія, остатки которыхъ во многихъ случаяхъ сохранились и до нашего времени. Слово „urbanitas“ (отъ urbs, городъ) стало обозначать высшую степень культурности, сдѣлалось синонимомъ образованности, хорошаго тона, учтиваго обращенія. На Востокѣ города оставались, а въ такихъ сравнительно новыхъ провинціяхъ Запада, какъ Испанія или Галлія, становились—мѣстами жительства очень большой части населенія. Исключенія представляли собою наименѣе культурныя или позже другихъ вошедшія въ составъ имперіи страны въ родѣ Реціи, Норика, Мавританіи, Фракіи и т. п.

Политика имперіи, въ первые вѣка ея существованія, заключалась въ сознательномъ покровительствѣ городамъ, и самое предоставленіе имъ хозяйственнаго самоуправленія было могущественнымъ средствомъ къ поднятію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Римская имперія, мы видѣли, была громадною федераціей городовъ, въ которыхъ, прибавимъ теперь, развивалась промышленность и которые находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ между собою. Строились новые города, разрастались и улучшались старые, населеніе устремлялось въ эти городскіе центры, въ которыхъ иногда замѣчалось настоящее перенаселеніе. Особенно сильною строительною дѣятельностью ознаменовала себя II вѣкъ по Р. Х., когда и процессъ „урбанизаци“ провинцій съ неразвитымъ раньше городскимъ бытомъ достигъ наибольшей интенсивности.

Это было время стяженія въ городскіе центры, иногда, собственно, небольшія мѣстечки—жителей сельскихъ округовъ, не порывавшихъ своихъ связей съ земледѣліемъ. Сами землевладѣльцы жили въ городахъ, какъ и часть сельскаго рабочаго люда. При всемъ вѣншемъ великолѣпіи болѣе или менѣе значительныхъ городовъ масса населенія не пользовалась въ нихъ сколько-нибудь сносными условіями жизни. Уже раньше въ греческихъ государствахъ-городахъ скученность населенія на малыхъ пространствахъ, обнесенныхъ стѣнами, плохія санитарныя условія, отсюда вытекавшія и бывшія потому удобною почвою для возникновенія эпидемій, скопленіе безработнаго люда, которому трудно было содержать свои семьи, громадная смертность дѣтей и т. п. сильно способствовали уменьшенію населенія ¹⁾. Особенно тяжело было положеніе пролетаріата въ такихъ большихъ городахъ, какъ Антиохія, Александрія и самый Римъ, сдѣлавшейся однимъ изъ населеннѣйшихъ городскихъ центровъ имперіи. Большіе и малые города имперіи унаслѣдовали отъ республиканскихъ временъ обязанность прокармливать дешевымъ и даже даровымъ хлѣбомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даже увеселять низшіе слои своего населенія. Уже при Цезарѣ въ самомъ Римѣ число лицъ, получавшихъ хлѣбъ отъ казны, достигало 320 тысячъ. Цезарь сократилъ его болѣе, чѣмъ вдвое, именно до 150 т., но и эта цифра еще весьма внушительна ²⁾. Число это потомъ опять

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 317.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 293—294.

возрасло, и Августу снова пришлось его сократить до 200 т. Раздача хлѣба была и своего рода политическимъ средствомъ держать въ спокойствіи городскую чернь. „Съ цѣлью,—говоритъ Светоній, указавъ на уменьшеніе Цезаремъ цифры получавшихъ казенный хлѣбъ,—съ цѣлью предотвратить рано или поздно возможность какихъ-либо безпорядковъ, въ случаѣ переписи было приказано преторамъ ежегодно пополнять по жребію мѣста умершихъ тѣми, кто еще не попадалъ въ число получающихъ даровой хлѣбъ“ ¹⁾. Какъ мы уже видѣли ²⁾, въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ успѣху Августа, Тацитъ называетъ раздачу хлѣба народу. Еще въ послѣднія времена республики въ Римѣ было организовано особое вѣдомство (*annona publica*) для этой такъ называемой *фрументаци* (*frumentatio*). Сначала во главѣ этого вѣдомства стояли эдилы, но императоры поручили его особымъ, отъ нихъ самихъ непосредственно зависѣвшимъ чиновникамъ, *префектамъ анноны*, вѣроятно, по александрійскому образцу ³⁾. По старому расплачиваться за это должны были провинціи, въ эпоху имперіи сенатскія, но много хлѣба привозилось и изъ императорскаго Египта. Принцесамъ было очень важно взять въ свои руки фрументацию, которая, благодаря измѣненію въ государственномъ строѣ, уже превратилась изъ того, что суверенный народъ считалъ своимъ правомъ, въ милость, оказывавшуюся народу его повелителемъ. Лицамъ, получавшимъ хлѣбъ, раздавались, въ качествѣ своего рода билетовъ, особыя пломбы, т.-е. свинцовые монетообразные знаки, на которыхъ появилось изображеніе императоровъ, такъ называемыя тессеры ⁴⁾: портретъ указывалъ, кому *инцизъ* (*incisus*), какъ назывался получавшій ⁵⁾, обязанъ былъ благодарностью за получаемое.

¹⁾ Русск. пер., стр. 25.

²⁾ См. выше, стр. 241.

³⁾ См. выше стр. 257 и 274. Нѣкоторые изслѣдователи въ префектѣ анноны видятъ копію александрійскаго экзегета, который другими считается за прототипъ городского префекта.

⁴⁾ О нихъ см. новѣйшее (1903 г.) изслѣдованіе *проф. М. И. Ростовцева* подъ заглавіемъ „Римскія свинцовыя тессеры“, гдѣ есть подробности и о фрументаци.

⁵⁾ *Incisus* значить вырѣзанный на чемъ-либо, выгравированный. Дѣло въ томъ, что имена гражданъ вырѣзывались на особыхъ бронзовыхъ доскахъ, которыя и были списками *incisorum frumento publico*.

Въ число инцизовъ включались все новыя и новыя категоріи лицъ, напр., преторіанцы (при Неронѣ), сироты (во II в.) и т. п., а къ хлѣбу стали присоединять масло и свиное мясо (въ III в.), причѣмъ въ серединѣ III в. зерно стало замѣняться уже прямо печенымъ хлѣбомъ. Съ перенесеніемъ столицы изъ Рима въ Константинополь, который очень скоро превратился въ большой и сильно населенный городъ, и въ этомъ „Новомъ Римѣ“ городская чернь стала содержаться на счетъ государства, получая отъ него печеный хлѣбъ. Почти все зерно, получавшееся изъ Египта казною, шло на удовлетвореніе этой потребности новой столицы, префектъ которой, повидимому, завѣдовалъ здѣсь и фрументацией. Въ этомъ отношеніи Римъ и его продолженіе въ Константинополь не были исключеніемъ. Имперія унаслѣдовала большой городской пролетаріатъ и на Востокѣ въ такихъ городахъ, какъ Александрія, Родось, Коринѣ и др., гдѣ правительство тоже должно было прокармливать часть населенія дешевымъ хлѣбомъ. Римская фрументация была только сколомъ съ греческой „ситарки“. Что дѣлалось въ большихъ городахъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, то же самое мы видимъ и въ малыхъ городахъ, но только, конечно, въ размѣрахъ болѣе скромныхъ. Напр., въ числѣ обязанностей, лежавшихъ на муниципальномъ самоуправленіи, даже прямо на имущемъ классѣ, въ рукахъ котораго оно находилось, была и обязанность снабжать народъ хлѣбомъ по возможно дешевой цѣнѣ и устраивать, кромѣ того, увеселенія¹⁾. Къ явленіямъ паразитизма на имперскій и муниципальный счетъ нужно присоединить еще явленія паразитизма на частный счетъ, т.-е. на средства богачей, тщеславіе которыхъ выражалось, между прочимъ, въ подачкахъ (*sportulae*) отъ господскихъ щедротъ многочисленнымъ „кліентамъ“, приходившимъ по утрамъ привѣтствовать своихъ милостивцевъ, сопровождавшимъ ихъ во время прогулокъ и т. п. Каждый богачъ гнался за тѣмъ, чтобы имѣть побольше такихъ кліентовъ, но и кліенты, въ свою очередь, не ограничивались подачками одного какого-либо патрона.

Внѣшнія условія жизни городского пролетаріата были ужасныя. Населеніе большихъ центровъ было скученное, и дома росли вверхъ, хотя не слѣдуетъ представлять себѣ этажи,

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 316.

въ которыхъ ютилась бѣдность, въ видѣ дѣйствительныхъ этажей нашихъ домовъ: это были скорѣе нары ночлежныхъ домовъ, выстроенныя однѣ надъ другими съ тѣмъ расчетомъ, чтобы человѣку можно было залѣзть туда для спанья, никакъ не для того, чтобы тамъ жить. Повидимому, подобная система многоярусныхъ домовъ возникла въ большихъ городахъ Востока и оттуда перешла въ Римъ, когда онъ сталъ превращаться въ настоящій міровой городъ. Большіе „особняки“, въ которыхъ жили богачи, и дома, строившіеся подъ квартиры, такъ называемыя *инсулы* (*insulae*), что буквально значить „острова“, т.-е. большія зданія, со всѣхъ сторонъ окруженныя улицами,—это были двѣ совершенно различныя категоріи частныхъ зданій въ большихъ городахъ, какъ Римъ и т. п. Такая инсула могла находиться во владѣніи нѣсколькихъ лицъ (напр., по этажамъ), но въ цѣломъ это была большая казарма, отдававшаяся въ наймы, и если она была предназначена для помѣщенія бѣднаго люда, то и состояла изъ „квартиръ“ чисто ночлежнаго типа. Многие, — что при южномъ климатѣ бываетъ возможно чуть не весь годъ — проводили ночь прямо на улицахъ и площадяхъ, если не находили мѣста въ тавернахъ, служившихъ тоже мѣстомъ пріюта на ночь.

Извѣстно, что въ античномъ мірѣ превращенію городского пролетаріата въ праздную и продажную чернь очень сильно способствовало развитіе рабства, такъ какъ оно очень часто отбивало у свободныхъ бѣдняковъ возможность жить наймомъ въ работу¹⁾. Конечно, не слѣдуетъ думать, что весь физическій трудъ въ городахъ былъ удѣломъ однихъ рабовъ, и что пролетаріатъ такъ-таки и состоялъ только изъ однихъ „босяковъ“, но во всякомъ случаѣ значительная часть физическаго труда исполнялась рабами, и босяцкій элементъ былъ очень силенъ въ пролетаріатѣ. Останавливаясь здѣсь только на эпохѣ Римской имперіи, мы должны имѣть въ виду, что въ данное время рабство даже начало падать, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ восточныхъ провинціи шли впереди западныхъ. Въ монархіяхъ древняго Востока рабство никогда не имѣло значительнаго развитія, а

¹⁾ Въ книгѣ „Государство-городъ“ см. объ этомъ главу XII подъ названіемъ „Рабство и пролетаріатъ въ античномъ мірѣ“. Ср. также Эд. Мейеръ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Спб. 1899.

въ эллинистическую эпоху оно тамъ, гдѣ существовало, уже стало вытѣсняться въ промышленности наемнымъ трудомъ ¹⁾. Когда у грековъ рабство уже отживало періодъ наивысшаго своего развитія, въ Римѣ и въ Италіи, наоборотъ, оно только-что стало играть особенно видную роль въ экономической жизни, и на послѣдніе два вѣка республики, особенно на I столѣтіе до Р. Х. мы должны смотрѣть, какъ на время, когда вообще античное рабство достигло наибольшихъ размѣровъ, какіе только получало въ греко-римскомъ мірѣ. Со времени установленія имперіи и „римскаго мира“, т. е. со времени прекращенія войнъ на обширной территоріи Римской державы главный источникъ постоянной доставки живого товара на невольничьи рынки сталъ изсякать, сами же рабы вообще плодился плохо при томъ дурномъ содержаніи, какимъ пользовались, при непосильной работѣ, какую на себя несли, при отсутствіи правильной семейной жизни и т. п. Съ I в. по Р. Х. рабство пошло на убыль, которая особенно замѣтно дѣлается во II в. Мы еще остановимся нѣсколько далѣе на замѣтѣ крупнаго рабскаго хозяйства въ имѣніяхъ римскихъ богачей мелкимъ хозяйствомъ крестьянскаго типа, здѣсь же отмѣтимъ только, что даже въ періодъ наибольшаго развитія рабства, когда римскіе богачи окружали себя цѣлыми толпами рабовъ въ качествѣ прислуги и домашней челяди, изготовлявшей самыя разнообразныя предметы потребленія, никогда вполнѣ не исчезало ни въ самомъ Римѣ, ни въ другихъ городахъ свободное ремесло. Мы знаемъ даже, что ремесленники одной и той же специальности составляли особые союзы, *коллегіи* (*collegia*) или *содалиціи* (*sodalicia*) для защиты своихъ интересовъ (начало такихъ корпорацій коренилось, повидимому, въ общихъ культахъ богамъ-покровителямъ ²⁾), но все-таки развитію свободнаго ремесла сильно мѣшало существованіе рабства. Въ большомъ городскомъ хозяйствѣ богатаго римлянина былъ всегда цѣлый штатъ (*familia urbana*) всякаго рода специалистовъ изъ рабовъ, не считая многочисленной дворни, состоявшей изъ прислуги и даже домашнихъ секретарей и агентовъ, чтецовъ и переписчиковъ, педагоговъ и художниковъ, для чего требовалось

¹⁾ См. выше, стр. 173.

²⁾ На русск. яз. см. соч. проф. Ю. А. Булаковскаго „Коллегіи въ древнемъ Римѣ“.

извѣстное образованіе (ихъ называли *литератами*). О количествѣ такой домашней челяди въ Римѣ у насъ есть лишь отрывочныя данныя, которыя, однако, свидѣлствуютъ о томъ, что *familia urbana* могла состоять и изъ сотенъ рабовъ. Напр., Тацитъ, упоминая о случаѣ убійства господина (городскаго префекта Педанія Секунда) однимъ изъ его рабовъ, мимоходомъ указываетъ, что у убитаго было ихъ цѣлыя четыре сотни ¹⁾. Неопредѣленныхъ указаній на „толпы“, „стаи“, „стада“ (*turbae, greges, agmina*) рабовъ въ домахъ римскихъ магнатовъ у древнихъ писателей вообще немало.

Общее число рабовъ въ Римской имперіи постепенно уменьшалось, такъ какъ и привозъ ихъ изъ-за границы сильно сократился, естественный приростъ ихъ былъ незначителенъ, а кромѣ того, отдѣльные рабы получали освобожденіе или переводились — въ сельскомъ быту — на положеніе прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ ²⁾. Рабство, какъ учрежденіе, пережило, однако, античный міръ, и въ римскомъ правѣ, какъ гражданскомъ, такъ и общенародномъ, оно сохранило еще свое прежнее значеніе ³⁾. Рабъ продолжалъ считаться вещью (*res*), хотя имперія, съ другой стороны, съ самаго же начала беретъ рабовъ подъ защиту закона отъ произвола господъ. Напр., по „клавдіеву закону“ 47 г. по Р. Х. рабы, о которыхъ господа не заботились во время болѣзни, получали свободу, по „петроніеву“ 67 г. запрещалось посылать рабовъ на бой съ дикими звѣрями въ циркахъ. Наибольшее стремленіе къ защитѣ рабовъ отъ жестокаго обращенія проявило законодательство императоровъ II в. Адрианъ запретилъ господамъ подъ страхомъ наказанія самовольно убивать и заключать рабовъ въ тюрьмы и т. п., а Антонинъ Пій узаконилъ обычай рабовъ искать убѣжища отъ жестокихъ господъ въ храмахъ и у подножія императорскихъ статуй, причѣмъ дѣло могло кончатся и продажей раба на сторону. Хотя и небольшое юридическое улучшеніе въ положеніи рабовъ

¹⁾ Тацитъ приводитъ рѣчь Г. Кассія въ сенатѣ, въ коей сказано, между прочимъ: „кого можетъ охранить многочисленность рабовъ, когда Педанія Секунда не охранило ихъ четыреста?“ *Лѣтоп.*, XIV, 43 (р. л., II, 445).

²⁾ Ср. о разницѣ между рабами и крѣпостными выше, стр. 44, прим. Иногда господа отпускали рабовъ на волю, чтобы они въ качествѣ вольноотпущенниковъ могли ѣсть казенный хлѣбъ.

³⁾ См. выше, стр. 299—300.

явствует еще изъ того, что за ними было признано право приобретать собственность, или такъ называемый *peculium* (*peculium*), считавшийся неприкосновеннымъ для господина, обзаводиться своей семьей при помощи особой формы брака, называвшейся *contubernium* (*contubernium*) и т. п. Такъ какъ въ Римѣ существовали разные (официальные и неофициальные) способы отпущенія на волю и лишь нѣкоторые изъ нихъ (официальные, *manumissiones justae*—передъ магистратомъ или по духовному завѣщанію) существовали на законномъ основаніи, то нерѣдко возникали споры о дѣйствительной свободѣ многихъ *либертовъ* (*liberti*, вольноотпущенники, они же и *libertini*), и общей тенденціей юристовъ императорской эпохи было рѣшать всѣ сомнительные случаи въ пользу свободы. Прибавимъ, впрочемъ, что либерты составляли въ государствѣ особое сословіе (*ordo libertinorum*), такъ какъ не признавались еще вполне свободными (*ingenui*) и не пользовались всеми гражданскими правами; такъ это было до VI в., когда при Юстиніанѣ уничтожено было всякое различіе между свободнорожденными и вольноотпущенниками ¹⁾.

Переходимъ къ аграрному строю Римской имперіи. Въ своемъ мѣстѣ было уже указано, что въ отдѣльныхъ частяхъ Римской державы повсемѣстно господствовало крупное землевладѣніе. Римляне нашли его вполне уже сложившимся и въ Сициліи, и въ бывшей области Карфагена, и въ Греціи, и въ Малой Азіи, и въ Египтѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ старыхъ историческихъ странахъ, но независимо отъ этого латифундіи образовались также и въ Италіи ²⁾. Въ такихъ новыхъ провинціяхъ, какою была Трансальпінская Галлія, которая лишь за четверть вѣка до возникновенія императорской власти вошла въ составъ Римской державы, также была уже подготовлена почва для образованія латифундіевъ. Самъ завоеватель Галліи, Юлій Цезарь, оставилъ намъ въ своихъ „Запискахъ о галльской войнѣ“ (*Commentarii de bello gallico*) цѣлый рядъ указаній, изъ которыхъ возможенъ только

¹⁾ О томъ, что императоры назначали своихъ либертовъ на разные должности (низшія, конечно), см. выше, стр. 274 и др. Вольноотпущенники были *либертами* по отношенію къ своимъ прежнимъ господамъ, но, какъ особый общественный классъ, они именовались *либертинами*.

²⁾ См. выше, стр. 210 и слѣд.

тотъ выводъ, что болѣе или менѣе крупное землевладѣніе существовало и въ этой странѣ до прихода въ нее римлянъ. Здѣсь было, говоритъ Фюстель де Куланжъ, резюмируя свои выводы изъ данныхъ „Записокъ“ Цезаря и другихъ источниковъ, — здѣсь было „множество людей, привязанныхъ къ землѣ, но очень мало собственниковъ, много слугъ и мало господъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, не Римомъ была создана въ провинціяхъ латифундіальная собственность. Она ее нашель готовою, и лишь въ очень многихъ случаяхъ разными способами большіе комплексы земель стали переходить въ руки римскихъ богачей, какъ, съ другой стороны, и туземные богачи нерѣдко приобретали права римскаго гражданства. Однимъ словомъ, совершенно независимо отъ римскаго завоеванія и даже передъ нимъ еще вездѣ происходилъ, — гдѣ раньше, гдѣ позже, гдѣ въ большей степени, гдѣ въ меньшей, — процессъ концентраціи поземельной собственности. За то, въ свою очередь, сплоченіе всѣхъ завоеванныхъ странъ въ единую обширную державу объединило мѣстные отношенія въ одну общую систему, повело къ сосредоточенію въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ имѣній въ разныхъ провинціяхъ и, въ концѣ концовъ, создало одну общеимперскую знать крупныхъ римскихъ богачей.

Въ книгѣ, называвшейся уже мною выше ²⁾, проф. Гревсъ предпринялъ, между прочимъ, своего рода біографическо-экономическое изслѣдованіе исторіи крупнаго землевладѣнія на рядѣ отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ большихъ частныхъ богатствъ въ Римской имперіи. Цѣлый большой очеркъ (въ 200 страницъ) онъ посвящаетъ, напр., „Т. Помпонію Аттику, какъ представителю особаго типа земельныхъ магнатовъ въ переходную эпоху отъ республики къ имперіи“. Его „имущественная“, или „экономическая біографія“, дѣйствительно очень любопытна. Аттикъ ³⁾, — прославившійся, между прочимъ, дружбой съ Цицерономъ, — принадлежалъ къ всадническому сословію и унаслѣдовалъ отъ своего отца состояніе въ два милліона сестерціевъ, что составляетъ около 120 т.

¹⁾ Исторія общественнаго строя древней Франціи, I, 44. Ср. въ моемъ „Очеркѣ исторіи французскихъ крестьянъ“ (Варшава. 1881) стр. 7 — 8.

²⁾ Стр. 212.

³⁾ Годъ его рожденія 109 до Р. X. Нужно оговориться, что въ очеркѣ проф. Гревса многое высказывается только предположительно.

рублей. Продавъ, кажется, всю землю, какая у него была въ Италіи, онъ купилъ себѣ имѣніе на Балканскомъ полуостровѣ, именно въ Эпирѣ, и началъ потомъ прикупать новые и новые участки по сосѣдству со своей землей. Участіе въ откупныхъ или какихъ-либо другихъ операціяхъ увеличивало его состояніе, и онъ все больше и больше скупалъ земель. Очень скоро Атикъ прославился своимъ богатствомъ, и однажды, напр., свободная греческая община Сикіонъ¹⁾, когда ей понадобилась крупная сумма денегъ, совершила у него заемъ. Всячески расширяя свои предпріятія, онъ съ каждымъ годомъ приумножалъ свое богатство. Времена были, однако, смутныя, когда происходили гражданскія войны съ проскрипціями, конфискаціями и т. п., и онъ чуть-было не потерялъ свои эпирскія земли, которыя должны были идти на вознагражденіе ветерановъ Цезаря. Хотя и не безъ частныхъ потерь, Атику удалось благополучно пережить всѣ политическія бури и сохранить за собою значительное состояніе. Въ Римѣ у него былъ богатый барскій домъ и находились другія недвижимости, приносящія доходъ, и, кажется, были дома и въ другихъ городахъ. Какъ и другіе богачи, онъ владѣлъ загородной виллой въ окрестностяхъ Рима. Самою важною частью состоянія Атика были, однако, его земли: два, по крайней мѣрѣ, имѣнія въ Италіи, о которыхъ говоритъ его біографъ Корнелій Непотъ, если не было и другихъ, большое помѣстье въ Эпирѣ съ группою меньшихъ имѣній въ ближайшихъ краяхъ, между прочимъ на сосѣдномъ островѣ Корцирѣ и тутъ же лежащихъ мелкихъ островахъ, а также, быть можетъ, и въ иныхъ областяхъ. Особенною чертою этого земельного магната было то, что онъ предпочиталъ держаться въ сторонѣ отъ участія въ политической жизни, которое по тѣмъ временамъ было такъ опасно. Но такой Атикъ былъ далеко не одинъ, и проф. Гревсъ проводитъ передъ своимъ читателемъ цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же фигуръ²⁾. Въ ихъ біографіяхъ заслуживаетъ вниманія та общая черта, что всѣ они уклоняются отъ участія въ политической жизни, предпочитая накоплять имущество, въ осо-

¹⁾ Сикіонъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ государствъ-городовъ Греціи, о которомъ см., напр., въ книгѣ „Государство-городъ“, стр. 71, 113, 246 и мн. др. Въ римскую эпоху это была *civitas libera* (см. выше, стр. 278).

²⁾ Кв. Аврелій, Лукуллъ, Саллюстій и др.

бенности же увеличивать свои земельныя владѣнія, дававшія имъ и почетъ, и вліяніе, и даже своего рода власть надъ зависѣвшимъ отъ нихъ, какъ крупныхъ собственниковъ, мелкимъ людомъ. Новому порядку вещей, созданному Августомъ, такіе представители поземельной знати не мѣшали, а скорѣе, наоборотъ, помогали. Они даже для большей обезпеченности своихъ имуществъ отъ всякихъ случайностей судьбы и въ будущемъ, когда на жизненномъ поприщѣ были бы уже ихъ дѣти или внуки, стали отказывать по завѣщанію отдѣльных имѣній или денежныхъ суммы императорамъ¹⁾.

Эту земельную знать имперія унаслѣдовала еще отъ республики. Уже во времена паденія республики римское государство могло бы быть названо „союзомъ нѣсколькихъ сотъ могущественныхъ домовъ, раздѣлившихъ между собою экономическую эксплуатацію и политическое господство надъ міромъ“²⁾. Мы уже видѣли, что имперія вырвала изъ рукъ земельныхъ магнатовъ ту политическую власть, которую они сосредоточили въ своихъ рукахъ, и сдѣлала это, опираясь на тѣ общественные элементы и въ Италіи, и въ провинціяхъ, которые тяготились этимъ господствомъ римскихъ земельныхъ магнатовъ и финансовыхъ тузовъ³⁾. Экономическая политика имперіи, подавлявшая господство аристократіи и содѣйствовавшая развитію городовъ, приводила „къ постепенной метаморфозѣ союза ойкосныхъ господъ, обогащавшихся эксплуатаціей міра, въ федерацію городовъ, сосредоточившихся на отдѣльныхъ функціяхъ производства и обмѣнивающихъ между собою его продукты“⁴⁾. Мы сейчасъ увидимъ еще, что окончательно имперія не сломала поземельной знати Италіи и провинцій, но извѣстныхъ результатовъ она все-таки достигла. Значительная часть I в. по Р. Х. была наполнена глухою борьбою республиканской знати съ утверждавшимся въ Римѣ монархизмомъ, и во время этой борьбы немало представителей знатныхъ домовъ поплатились жизнью и своими состояніями, доставшимися носителямъ новой власти, но среди того же самаго класса все чаще

¹⁾ О роли этихъ завѣщаній въ образованіи императорскаго патримонія см. ниже, стр. 320.

²⁾ *И. Гревсъ*, стр. 533.

³⁾ См. выше, стр. 213—214.

⁴⁾ *И. Гревсъ*, стр. 529.

и чаще стали встрѣчаться люди, равнодушные къ политикѣ и къ общественнымъ (хотя бы и узко-классовымъ) интересамъ, а такіе люди были особенно дороги новой власти, такъ какъ она нуждалась въ новомъ служиломъ сословіи, которое проводило бы въ жизнь и новые принципы. Сначала многіе богатые и знатные люди, заботившіеся только о личномъ благополучіи, уклонялись отъ публичной дѣятельности, уѣзжая на жительство въ свои помѣстья и занимаясь въ нихъ сельскимъ хозяйствомъ, но мало-по-малу, присмотрѣвшись къ новому государственному строю, и они почували возможность приладиться къ нему для возвращенія себѣ прежняго положенія, хотя и въ другой уже формѣ. Императоры, конечно, съ своей стороны, только поощряли такое примиреніе земельной аристократіи съ принципатомъ. Уже Августъ заложилъ фундаментъ для будущаго привилегированнаго служилого класса имперіи, легализовавъ преимущества сенаторскаго сословія. При немъ правомъ занятія курульныхъ магистратуръ начали пользоваться только такія лица, отцы которыхъ уже были сенаторами, т.-е. которыя по рожденію принадлежали къ сенаторской знати. Унижая сенатъ, какъ учрежденіе, имперія возвышала его, какъ особое сословіе, и, напр., туника съ пурпуровой каймой (*tunica laticlava*), на которую раньше имѣли право лишь дѣйствительные сенаторы, сдѣлалась доступною и сенаторскимъ сыновьямъ, разъ они достигали совершеннолѣтія. Члены сенаторскаго сословія, носившіе титулъ *clarissimi* (свѣтлѣйшіе), должны были, однако, удовлетворять и извѣстнымъ условіямъ имущественнаго ценза (милліонъ сестерціевъ), чтобы имѣть право дѣлаться или даже оставаться сенаторами, а кромѣ того, для вступленія въ сенатъ требовалось послѣдовательное прохожденіе разныхъ магистратуръ (сначала военная служба, потомъ квесторство, эдилство, преторство и консульство), причѣмъ только консульство открывало путь къ занятію высшихъ должностей и въ провинціяхъ. Если человѣкъ уклонялся отъ прохожденія магистратуръ, ему нужно было распрощаться съ самою принадлежностью къ сенаторскому сословію. Въ послѣднее въ эпоху имперіи все болѣе и болѣе проникали всадническіе элементы, и по мѣрѣ того, какъ исчезалъ дуализмъ республиканской магистратуры, связанной съ сенатомъ, и императорской бюрократіи, вербовавшейся изъ всадниковъ, оба сословія, т.-е. и сенаторское, и

всадническое все болѣе и болѣе сливались воедино. Самое названіе всадничества исчезло, и въ концѣ имперіи подъ названіемъ сенаторскаго сословія разумѣлась вся наследственная земельная знать, которая одна только имѣла право на занятіе высшихъ должностей на государственной службѣ, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ и разными другими привилегіями, каковы: право выхода въ отставку, когда захочешь, освобожденіе отъ натуральныхъ и нѣкоторыхъ денежныхъ повинностей, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, особая подсудность и т. п. Къ числу этихъ привилегій относилось также освобожденіе отъ несенія муниципальной службы.

Развитіе латифундіальной собственности не могло поглотить совершенно землевладѣніе, такъ сказать, среднихъ размѣровъ. Въ муниципальных общинахъ, составляя ихъ гражданство, жило большое количество владѣльцевъ недвижимаго имущества городского и сельскаго характера, которые назывались *посессорами* (*possessores*). При полномъ отсутствіи въ Римской имперіи противоположности между городомъ и его „уѣздомъ“ посессоры могли бы быть названы горожанами-помѣщиками, и все муниципальное самоуправленіе было, собственно говоря, организаціей этого средняго класса общества. Изъ однихъ посессоровъ состояли городскія думы муниципіевъ, ихъ „сенаты“ или „куріи“, и члены этихъ учрежденій, такъ называемые *декуріоны* (*decuriones*), или *куріалы* (*curiales*), какъ ихъ зовутъ въ IV и V вв., своимъ имуществомъ отвѣчали за надлежащее веденіе муниципальнаго хозяйства. На представителей средняго землевладѣнія и держался главнымъ образомъ весь муниципальный строй въ періодъ своего процвѣтанія, т.-е. въ I и особенно II вв. по Р. Х., но позднѣе, когда началось общее оскудѣніе имперіи (особенно на Западѣ), наступило время матеріальнаго разоренія этого общественнаго класса и съ нимъ паденія самого муниципального строя ¹⁾.

Совершенно особую категорію земель въ Римской имперіи представляли имѣнія самихъ императоровъ, которыя являлись даже однимъ изъ важныхъ факторовъ всей экономической и политической жизни этого историческаго періода. Мы уже видѣли, что для завѣдованія ими образовалось особое вѣдомство въ общей системѣ имперской администраціи. Для

¹⁾ Объ этомъ см. ниже, въ главѣ XXII.

организации управления доменами у императоровъ былъ уже образецъ въ Египтѣ, гдѣ имъ, какъ наслѣдникамъ Птолемеевъ, достался весьма большой земельный фондъ, происходившій еще изъ временъ національныхъ фараоновъ. Августъ, какъ частный человекъ, самъ владѣлъ большою поземельной собственностью, которая страшно увеличилась съ переходомъ въ его собственность царскихъ владѣній въ Египтѣ и новыми приобретениями во время принципата. Двумя важными источниками дальнѣйшаго роста императорскаго патримонія были наслѣдованія и конфискаціи. Первые, какъ говорить одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса, даже „получаютъ выдающееся значеніе. Обычай назначать въ духовномъ завѣщаніи императора наслѣдникомъ или участникомъ въ наслѣдствѣ, возникаетъ почти одновременно съ основаніемъ принципата и удерживается какъ при дурныхъ, такъ и при хорошихъ императорахъ. Что при однихъ имѣло характеръ добровольнаго изъявленія благодарности, при другихъ требовалось, какъ обязательная дань. Даже люди, спасавшіе себя самоубійствомъ отъ неминуемой гибели, нерѣдко считали нужнымъ это сдѣлать, чтобы обезпечить за своими дѣтьми, по крайней мѣрѣ, часть отцовскаго наслѣдства“¹⁾. Одинъ Августъ въ послѣднія двадцать лѣтъ своего принципата унаслѣдовалъ отъ своихъ „друзей“ 1400 милліоновъ сестерціевъ, т. е. около 80 милліоновъ рублей. Со времени Тиберія въ надписяхъ появляются особые чиновники для полученія наслѣдствъ, *procuratores hereditarium* (вм. правильнаго *hereditatum*): значитъ, было чѣмъ завѣдовать. Другой источникъ—конфискаціи, которыя играли важную роль при возбужденіи политическихъ процессовъ по обвиненію въ оскорбленіи величества. Цѣлыя сенаторскія состоянія переходили такимъ путемъ въ личную собственность императоровъ (*patrimonium*) или дѣлались достояніемъ фиска. Собственно говоря, патримоній и фискъ различались между собою, какъ частная собственность императора и какъ государственная собственность, находившаяся лишь въ управленіи императора, — въ этомъ смыслѣ уже въ птолемеевскомъ наслѣдствѣ въ Египтѣ была разница между царской землей (*γῆ βασιλική*) и частною землею царя (*γῆ οὐσιακή*),—но, во-пер-

¹⁾ *Otto Hirschfeld*. Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte. 1877. I, 53.

выхъ, система экономической эксплуатаціи патримоніальныхъ и фискальныхъ земель была одна и та же, а во-вторыхъ, съ теченіемъ времени обѣ категоріи императорскихъ доменовъ стали все хуже и хуже между собою различаться. Въ концѣ концовъ, фискальныя отношенія начали разматриваться такъ, какъ-будто они были частнымъ дѣломъ императора. Самая система управленія императорскими помѣстьями при помощи вольноотпущенниковъ и даже рабовъ возникла именно въ патримоніальныхъ земляхъ. Нормы, которыя тутъ вырабатывались, переносились потомъ изъ области патримоніальнаго и фискальнаго управленія и въ область управленія публичными, т. е. чисто государственными землями, оставшимися въ владѣніи сената. Онѣ часто тоже были до римскаго завоеванія доменами эллинистическихъ владѣтелей, доставшимися потомъ римскому народу и при Августѣ оставленными за сенатомъ, но впоследствии изъ „публичныхъ“ превратившимися въ фискальныя.

Императорскія и государственныя земли могли находиться или въ предѣлахъ муниципальныхъ территорій, или внѣ этихъ территорій, образуя въ послѣднемъ случаѣ самостоятельныя мѣстности, за которыми утвердилось названіе *saltus*. Въ Египтѣ такими доменами управляли при Птолемеяхъ особые *эпимелеты* (*ἐπιμεληται*) и *эпитропы* (*ἐπίτροποι*), въ которыхъ слѣдуетъ видѣть прототипъ императорскихъ прокураторовъ, а ихъ начальники даже въ римскія времена сохранили греческое названіе *идиолога* (*idiologus*, *procurator idiologu* = *ἐπίτροπος ἰδίου λόγου*¹⁾). Обладаніе такою громадною собственностью и управленіе ею на началахъ частнаго хозяйства при всемъ теоретическомъ различеніи между патримоніальнымъ, фискальнымъ и публичнымъ привело въ политическомъ отношеніи къ отождествленію государства съ особою его главы, которое уже существовало въ эллинистическихъ царствахъ²⁾ и возродилось въ Византіи. Кромѣ того, доходы съ доменовъ давали императорамъ независимыя отъ чьего-либо согласія матеріальныя средства (и притомъ средства громадныя) для проведенія въ жизнь того, что было цѣлью ихъ стремленій.

¹⁾ Самое слово *procurator* есть переводъ греч. *ἐπιμελητής* (*μελετή* = *cura*), а *ἰδίου λόγου* передано словами: *rei privatae*. Ср. а *rationibus* (стр. 258), причѣмъ лат. *ratio* есть переводъ греч. *λογος*.

²⁾ Ср. выше, стр. 161, примѣч.

Понятно, что и система хозяйства въ императорскихъ saltus'axъ не могла не повліять на весь экономическій бытъ имперіи.

Принципаты утвердился въ Римѣ, какъ сила враждебная поземельной знати. Противъ ея земельного могущества императоры создали свое земельное могущество, во много разъ превосходившее мощь каждаго отдѣльнаго магната, и въ то же время они вступили на путь демократической политики ¹⁾, заключающейся, между прочимъ, въ покровительствѣ тѣмъ экономическимъ теченіямъ, развитие которыхъ подкапывало исключительное господство представителей крупнаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія мѣры, направленные къ поддержанію средняго и мелкаго землевладѣнія. Вся муниципальная политика первыхъ вѣковъ имперіи была направлена къ охранѣ поземельной собственности средне-помѣщичьяго размѣра; но главнымъ образомъ новое теченіе замѣтно въ попыткѣ, сдѣланной императорскою властью—создать на собственныхъ своихъ земляхъ классъ самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ чисто крестьянскаго типа.

Новѣйшія изслѣдованія вопроса о характерѣ хозяйства въ императорскихъ имѣніяхъ приводятъ къ тому общему выводу, что вездѣ, гдѣ только они существовали, господствующею формою была мелкая аренда. Главная часть населенія saltus'овъ состояла изъ съемщиковъ небольшихъ участковъ земли, *колоновъ* (coloni), которые уплачивали за нихъ извѣстный денежный оброкъ или опредѣленную часть собраннаго съ поля хлѣба, а иногда и просто условленное количество продукта, каковъ бы ни былъ урожай. Это не была совсѣмъ новая система, потому что она уже практиковалась въ эллинистическихъ царствахъ и въ частности въ Египтѣ, гдѣ издавна существовалъ классъ земледѣльцевъ-арендаторовъ (такъ называемые γεωργοί). Въ числѣ причинъ, которыя заставляли императоровъ первыхъ вѣковъ распространять эту систему, было и желаніе поднять этимъ способомъ доходность земель, и стремленіе пристроить къ производительной дѣятельности по возможности побольше безземельнаго и безработнаго люда, котораго было такъ много и въ Италіи, и въ провинціяхъ, и который представлялъ

¹⁾ См. выше, стр. 214 и слѣд.

собою немалую социальную опасность. Конечно, въ подробностяхъ системы мелкихъ арендъ въ разныхъ провинціяхъ могли быть мѣстные особенности, но гораздо большій интересъ представляетъ собою общій типъ веденія хозяйства на императорскихъ земляхъ, распространившійся на всю обширную державу ¹⁾. Это была полная противоположность плантаціонному хозяйству владѣльцевъ латифундіевъ, которые вели его въ крупныхъ размѣрахъ при помощи рабскаго труда.

Мы называемъ теперь такое хозяйство плантаціоннымъ, потому что оно намъ напоминаетъ способъ эксплуатаціи земли трудомъ невольниковъ-негровъ на американскихъ плантаціяхъ до отмены рабства. И въ латифундіяхъ римскихъ богачей поля обрабатывались ихъ рабами, составлявшими въ каждомъ помѣстьѣ его рабочую силу, такъ называемую *familiam rusticam*. Работами завѣдовалъ здѣсь управляющій, или *вилликъ* (villicus), и велась она подъ наблюденіемъ надсмотрщиковъ, причѣмъ такая *familia rustica* помѣщалась въ общей казармѣ и получала отъ господина все содержаніе,— конечно, очень скудное. Эта форма, однако, стала приходить въ упадокъ, и ее начала вытѣснять именно та система мелкихъ арендъ, которая развилась въ широкихъ размѣрахъ особенно въ императорскихъ saltus'axъ. Причины этой замѣны рабскаго хозяйства крестьянскимъ фермерствомъ, конечно, были сложныя, но не безъ вліянія, понятно, было и то давленіе на общій экономическій бытъ имперіи, которое не могло не оказываться громаднымъ земельнымъ фондомъ, находившимся въ распоряженіи императоровъ. Въ числѣ же причинъ этой замѣны можно назвать какъ прекращеніе привоза рабовъ въ имперію, такъ и то, что сами латифундіальные владѣльцы приходили къ сознанию невыгодности плантаціоннаго хозяйства, какъ труда изъ-подъ палки, въ которомъ рабочій лично ничѣмъ не былъ заинтересованъ.

Въ послѣдніе вѣка имперіи общій для разныхъ ея провинцій строй аграрныхъ отношеній можетъ быть опредѣленъ, какъ соединеніе крупнаго (или средняго) землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ. Но въ то же время обнаруживается и

¹⁾ Впослѣдствіи (см. ниже, въ главѣ XXII) императорскія помѣстья стали отдаваться въ аренду знати, что было уже прямымъ отступленіемъ отъ прежней системы.

еще одна черта, на ближайшемъ разсмотрѣннн которой мы остановимся послѣ. Черта эта— прикрѣпленіе мелкихъ арендаторовъ къ землѣ, превращеніе ихъ юридическаго положенія во что-то среднее между свободою и рабствомъ, созданіе особаго экономическаго и юридическаго состоянія, которое называется колонатомъ. Колонны IV и V вв.,—это крѣпостные крестьяне, которыхъ мы видимъ въ помѣстьяхъ и императора, и имперской знати, и муниципальных посессоровъ. Положеніе ихъ, однако, не было абсолютно новымъ въ древнемъ мірѣ¹⁾: въ частности, напр., на одномъ концѣ имперіи, въ Малой Азіи существовала масса крѣпостныхъ, новидимому, происхожденія еще временъ персидскихъ, такъ называемыхъ „царскихъ людей“ (*λαοὶ βασιλικοὶ*), и въ то же время на другомъ концѣ, въ Галліи, простонародье, занимавшееся земледѣліемъ, было также почти въ рабскомъ состояніи, обрабатывая притомъ чужую землю. Римскій колонатъ поглотилъ въ себѣ всѣ эти крѣпостническіе элементы, равно какъ и свободныхъ сѣмщиковъ земли, прикрѣпленныхъ законодательствомъ позднѣйшихъ императоровъ къ имѣніямъ, въ которыхъ находились ихъ арендные участки.

Общія причины этого послѣдняго явленія нами будутъ разсмотрѣны въ другой связи²⁾. Перемѣнилась форма эксплуатаціи латифундіевъ, но сама крупная собственность уцѣлѣла, оставшись самымъ важнымъ и вліятельнымъ факторомъ экономической жизни провинцій. Въ латифундіяхъ и при рабскомъ трудѣ, и въ эпоху колоната господствовало натуральное хозяйство. Представителями денежнаго хозяйства явились многочисленные города съ ихъ ремесленною промышленностью, съ ихъ живымъ взаимнымъ обмѣномъ продуктами производства. Позднѣе, съ наступленіемъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ латифундій со своимъ замкнутымъ, „ойкоснымъ“ хозяйствомъ побѣдилъ городъ съ его промышленною и торговою дѣятельностью,—явленіе, надъ объясненіемъ котораго особенно трудится въ настоящее время историческая наука, одинаково заинтересованная правильнымъ пониманіемъ и гибели античнаго міра, и возникновенія средневѣковыхъ формъ жизни. Для сбыта продуктовъ обрабатывающей промышленности у имперіи не было внѣшняго рынка, а для внутренняго потребленія чего можно было ожидать отъ ра-

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 30 и выше стр. 44, 173 (прим.) и др.

²⁾ Въ главѣ XXII.

бовъ и колоновъ, составлявшихъ громадную массу населенія? Римская имперія представляла собою въ торговомъ отношеніи одно внутренне объединенное, но извнѣ замкнутое, хотя и громадное цѣлое, границы котораго были опредѣлены еще финикійскою и греческою торговлею. Если и была у этого экономически объединеннаго цѣлага кака-нибудь внѣшняя торговля, то только главнымъ образомъ съ азиатскимъ Востокомъ, откуда страны, лежавшія вокругъ Средиземнаго моря, больше вывозили, чѣмъ сами туда ввозили, расплачиваясь за покупаемые товары чистыми деньгами. Конечно, экономическое объединеніе древняго міра, совершенное Римскою имперіей, не въ состояніи было поднять на одинъ уровень всѣ страны, входившія въ ея составъ, но никогда въ древности такъ не оживала торговля и вообще не устанавливалось такого экономическаго взаимодѣйствія между отдѣльными странами, какъ въ эпоху Римской имперіи, которая создала, кромѣ того, громадное государственное хозяйство. Послѣднее не могло въ свою очередь не оказывать сильнаго вліянія на экономическій бытъ и социальный строй цѣлой массы когда-то бывшихъ самостоятельными государствами странъ и городовъ, но, какъ мы еще увидимъ, этою своею силою имперія не сумѣла воспользоваться въ интересахъ большинства населенія.

ГЛАВА XXI.

Культурное объединеніе и религіозный синкретизмъ въ Римской имперіи.

Продолженіе въ Римской имперіи культурнаго взаимодѣйствія, начавшагося на Востокѣ. — Единая высшая греко-римская культура въ Римской имперіи. — Романизация Запада и господство эллинизма на Востокѣ. — Государственное значеніе латинскаго языка. — Греко-римская религія. — Проникновеніе восточныхъ культовъ на Западъ. — Отношеніе государственной власти къ религіозному синкретизму. — Культъ императоровъ, какъ государственная религія Рима. — Религіозный кризисъ въ Римской имперіи и распространеніе христіанства. — Признаніе христіанства имперіей и превращеніе его въ государственную религію.

Совершавшееся въ Римской имперіи культурное объединеніе разноплеменныхъ народностей, сопровождавшееся ро-

манизацией населения западных провинций и по языку, а в частности религиозный синкретизмъ, какъ одна изъ очень важныхъ сторонъ культурнаго взаимодействія между отдѣльными націями, подобно и объединенію экономическому, начались еще въ древнѣйшемъ періодѣ истории Востока, чтобы затѣмъ захватить въ эти процессы и греческую націю, а позднѣе и римлянъ съ другими народами Запада, которые Римъ сумѣлъ подчинить своей культурѣ¹⁾. Въ этомъ отношеніи историческая роль Рима заключалась въ томъ, что, самъ подчинившись греческой культурѣ, онъ могущественно содѣйствовалъ ея распространенію на Западѣ, среди болѣе молодыхъ народовъ, которымъ вмѣстѣ со своими законами онъ передалъ свой языкъ, свои права, свои идеи. Когда въ соприкосновеніи съ Римской имперіей пришли германцы, которымъ удалось отстоять свою независимость отъ Рима въ политическомъ отношеніи и даже овладѣть западными его провинціями, то и въ данномъ случаѣ римляне явились посредниками, при помощи которыхъ германскія племена приобщились къ общеевропейской цивилизаціи, въ свою очередь оказавъ влияние позднѣе и на восточныхъ своихъ сосѣдей, именно на западныхъ славянъ и на мадьяръ (тогда какъ приобщеніе славянъ южныхъ и восточныхъ произошло при посредствѣ византійскихъ грековъ).

Въ предыдущихъ главахъ уже столько разъ приходилось говорить о разнообразныхъ влияніяхъ, какимъ римляне подвергались со стороны греческой цивилизаціи, какъ коренной эллинской, такъ и эллинистической, что нѣтъ больше надобности настаивать на этомъ важномъ историческомъ фактѣ. Всѣ высшія проявленія культурной жизни римской націи носятъ на себѣ самыя несомнѣнные слѣды своего греческаго происхожденія. Римскую образованность послѣднихъ временъ республики и періода имперіи приходится признать, по общему ея духу, тоже своего рода эллинизмомъ, хотя, такъ сказать, эллинизмомъ и не на греческомъ языкѣ и, конечно, съ своеобразными особенностями, а иногда и съ оригинальными чертами творчества, какъ мы это видимъ, напр., въ области права. Начавшееся во II в. до Р. X. греческое влияние продолжалось и во времена имперіи, когда образо-

¹⁾ См. выше, стр. 103—109, 118—119, 124, 128—130, 132—133, 154, 158—159, 166—170, 217—220, гдѣ указаны соответственные факты.

ванные римляне попрежнему учились по-гречески, — для чего нерѣдко ѣздили въ греческіе города, — попрежнему читали греческія книги и признавали надъ собою вообще культурное превосходство грековъ. Известно, что взаимностью въ этомъ отношеніи греки римлянамъ не платили, хотя знаніе латинскаго языка, какъ официального, не могло не распространяться и на Востокѣ. Результатомъ всего этого было то, что въ имперіи образовалась нѣкоторая единая высшая культура, общая всѣмъ образованнымъ классамъ населенія, такъ сказать, универсальная греко-римская культура, основныя черты которой сохраняются и въ чистомъ эллинизмѣ, и въ романизмѣ. Только ближе всматриваясь въ особенности греческаго и римскаго гения и останавливаясь на подробностяхъ, мы различаемъ въ этой общей цивилизаціи „классическихъ“ народовъ національныя черты, въ частности характерныя для той или другой изъ этихъ двухъ античныхъ народностей¹⁾. Греки были сильны въ области теоретической мысли, въ отвлеченной философіи, въ чистой наукѣ, римляне обладали болѣе практическимъ складомъ ума, тяготѣя въ философіи къ рѣшенію вопросовъ жизни, въ научной же сферѣ оставивъ оригинальное наслѣдство своею разработкою вопросовъ права. Когда въ имперіи распространилось, а потомъ утвердилось и стало господствовать христіанство, также образовалось различіе между христіанствомъ восточнымъ, греческимъ и западнымъ, римскимъ, хотя и это были лишь разные оттѣнки одного и того же историческаго явленія, опять-таки распространившагося по римскому Западу изъ греческаго Востока: не даромъ же вся христіанская терминологія и на латинскомъ языкѣ греческая. Совершенно то же самое наблюдаемъ мы и въ старой, языческой культурѣ античнаго міра — общность греко-римской цивилизаціи, основа которой была греческая, но въ которой и римскій элементъ игралъ свою особенную роль, сохраняя извѣстную самобытность. Уже одно то, что Западъ съ Римомъ во главѣ избѣжалъ столь же полной эллинизации, какой подвергся Востокъ, есть фактъ весьма важный, и онъ получаетъ въ глазахъ нашихъ еще большее значеніе,

¹⁾ См. объ этомъ стр. 53—58 моего „Общаго хода всемірной исторіи“ (Спб. 1903), гдѣ дается сравнительная характеристика грековъ и римлянъ.

если мы примемъ въ расчетъ, что Риму удалось по отношенію къ Западу сдѣлать то, что сдѣлала Греція по отношенію къ Востоку (и даже еще въ большей степени), т. е. если мы вспомнимъ, что западныя провинціи подверглись въ эпоху имперіи сильнѣйшей романизации, результаты которой живутъ до сихъ поръ въ языкахъ итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ, провансальскомъ и французскомъ. Одна провинція даже на Востокѣ романизовалась: это была Дакия, которой соотвѣтствуютъ теперешнія Трансильванія, Румынія и Бессарабія, обширная страна, гдѣ латинскій языкъ не встрѣтилъ со стороны греческаго конкуренціи, вообще дѣлавшей невозможнымъ распространение латинскаго языка тамъ, гдѣ уже раньше господствовалъ чисто эллинскій элементъ.

Главнымъ этнографическимъ матеріаломъ романизации Запада были племена, принадлежавшія къ кельтской вѣтви арійской, или индо-европейской расы. Съ конца VII по III в. до Р. X. кельты (они же галлы) сильно распространились по большей части Западной Европы, гдѣ сплошь занявши всю территорию, а гдѣ поселившись въ перемежку съ другими племенами и отчасти смѣшавшись съ ними. Кельтами были населены теперешнія Англія, Шотландія и Ирландія, вся Франція съ Бельгіей и Швейцаріей, а также западная Германія къ югу отъ Майна съ Богеміей и всѣми почти австро-венгерскими владѣніями къ югу отъ Дуная, а также съ сѣверными окраинами Босніи и Сербіи, часть Сѣверной Италіи и почти вся Испанія съ Португаліей (кельтиберы), не включая въ составъ этой территоріи кельтскія поселенія среди другихъ народностей, находившіяся въ Сѣверной Германіи до нижняго теченія Одера, Варты и верхняго теченія Вислы, въ Венгріи по обѣ стороны Тисы, въ Румыніи, Бессарабіи и сѣверной части Болгаріи до самаго Чернаго моря, гдѣ, по крайней мѣрѣ, обнаруживаются слѣды пребыванія кельтовъ. Въ началѣ III в. до Р. X. кельтское населеніе получила даже цѣлая область въ центрѣ Малой Азіи, такъ называемая Галатія, которая стала такъ обозначаться по имени галатовъ, бывшему другимъ названіемъ кельтовъ ¹⁾.

¹⁾ Это тѣ самые галаты, къ которымъ существуетъ посланіе апостола Павла. Они подверглись здѣсь эллинизации, а въ число римскихъ провинцій Галатія вошла при Августѣ.

Почти вся территорія, которая была заселена кельтами, вошла въ составъ Римской имперіи, и лишь тамъ, гдѣ, не устанавливалась римская власть или римское вліяніе было слабо, сохранилась и до настоящаго времени кельтская раса въ чистомъ своемъ видѣ, а именно въ Бретани, въ Уэльсѣ, въ Корнуэльсѣ, въ Ирландіи и въ Шотландіи ¹⁾. Остальное все романизовалось, причемъ граница романизации совпадала съ границами имперіи, и большія территоріи, гдѣ теперь говорятъ по-нѣмецки, тоже были заселены галло-римлянами (gallo-romani). Тотъ фактъ, что нынѣ населеніе югозападной Европы говоритъ на языкахъ, происшедшихъ изъ простонародной или деревенской латыни (*lingua latina rustica*), является живымъ свидѣтелемъ силы римскаго вліянія среди кельтовъ, главнымъ образомъ населявшихъ эти земли. Романизация коснулась и сѣвернаго побережья Африки, бывшаго когда-то достояніемъ Карфагена. Мало того: въ эпоху имперіи провинціи приняли участіе въ литературной дѣятельности на латинскомъ языкѣ, между прочимъ, Африка, Галлія, Испанія. Ранняя христіанская письменность на латинскомъ языкѣ тоже привлекла къ себѣ немало провинціальнаго силъ и опять-таки, напр., въ бывшей области Карфагена, которая позднѣе, въ эпоху арабскаго завоеванія, была отторгнута отъ европейской культуры.

Романизация кельтовъ и другихъ народностей была слѣдствіемъ расселенія между ними римскихъ переселенцевъ. Собственно говоря, этнографическій составъ населенія романизовавшихся провинцій оставался прежнимъ, но среди туземцевъ являлись люди, говорившіе по-латыни, въ качествѣ административнаго персонала, военнаго элемента, всякаго рода дѣльцовъ и простыхъ колонистовъ. Римскіе граждане были разбросаны всюду понемногу, мѣстами же ихъ было сравнительно и довольно много. По свидѣтельству древнихъ источниковъ, когда понтійскій царь Митридатъ началъ въ 88 г. до Р. X. войну съ Римомъ, то по его приказанію въ Малой Азіи было перебито около 80 т. римлянъ. Когда въ Римѣ былъ всѣмъ ходомъ его аграрной эволюціи поставленъ вопросъ о необходимости надѣленія землею пролетаріата, а потомъ явилась надобность пристраивать и ветерановъ, мысль о выводѣ изъ Италіи колоній въ провин-

¹⁾ Въ общей сложности здѣсь живетъ ихъ теперь 3½ милліона.

ции возникала, такъ сказать, сама собою¹⁾. Уже Кай-Гракхъ выступилъ съ предложеніемъ о переселеніи въ провинціи части пролетаріата, которую нельзя было устроить въ Италиі. При Маріи земли въ провинціяхъ должны были служить и для вознагражденія отставныхъ солдатъ. Юлій Цезарь не былъ уже новаторомъ, когда отправилъ десятки тысячъ пролетаріевъ и ветерановъ въ провинціи, гдѣ они должны были основать свои колоніи, между прочимъ, напр., въ Каррагенѣ и въ Коринѣ. Конечно, сравнительно съ количествомъ туземцевъ этихъ переселенцевъ всегда было незначительное меньшинство, но рядомъ съ ними было еще другое, такъ сказать, временное и подвижное, хотя тоже не очень большое населеніе италійскаго же происхожденія — римскіе легіоны, стоявшіе гарнизономъ особенно вдоль границъ. Такимъ образомъ, претвореніе, напр., галловъ въ „романовъ“ не было результатомъ подавленія туземнаго элемента пришлымъ, благодаря численному превосходству послѣдняго. Равнымъ образомъ не происходило и сколько-нибудь искусственной романизациі по какому-либо общему правительственному плану и при помощи насильственныхъ мѣръ. Галлы очень быстро сами стали перенимать у римлянъ языкъ, нравы, самыя имена, и всѣ наиболее зажиточные между ними — добиваться правъ римскаго гражданства. Конечно, главными центрами распространенія латинскаго языка были города, и прежде всего говорить на немъ начинали высшіе классы, а потому въ простомъ деревенскомъ народѣ еще долго сохранялись мѣстные языки. Знаменитый юристъ Ульпіанъ, префектъ преторіа при Александрѣ Северѣ (222 — 235), рѣшалъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ, имѣютъ ли силу извѣстные документы, если они составлены не на латинскомъ или греческомъ языкахъ, но и на иныхъ, каковы пуническій, галльскій и какой-нибудь еще другой (*sermone punica, gallica vel alterius gentis*), — одно изъ доказательствъ, приводимыхъ въ пользу того, что въ III в. эти языки еще были въ жизненномъ обиходѣ. Понятно, что процессъ вымирания мѣстныхъ языковъ былъ медленный, постепенный. Романизациа совершалась на Западѣ, столь же „органически“, какъ эллинизациа на Востокѣ, а еще раньше совер-

¹⁾ Ср. аналогичное явленіе въ Греціи передъ завоеваніемъ Востока (стр. 131).

шалась арамеизациа Передней Азіи¹⁾, и если европейскіе галлы заговорили по-латыни, то ихъ азіатскіе сродичи галаты усвоили „греческій языкъ, на которомъ говорилъ весь Востокъ“, какъ выразился объ этомъ бл. Иеронимъ въ началѣ V в. (*sermone graeco quo omnis Oriens loquitur*). Мѣнѣе культурный и притомъ политически подвластный народъ естественно и необходимо воспринимаетъ языкъ и культуру болѣе образованнаго и вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ данномъ случаѣ, господствующаго народа. Греческій географъ Страбонъ, современникъ Августа и Тиберія, описывая въ IV книгѣ своего знаменитаго труда Галлію, прямо отмѣчаетъ, что ея жители передѣлали себя на римскій образецъ и въ языкѣ, и въ жизни и даже въ общественномъ строѣ (*εις τὸν Ῥωμαίων τόπον καὶ τῇ γλώττῃ καὶ τοῖς βίοις, τινὲς δὲ καὶ τῇ πολιτείᾳ*). Что говорилъ въ IV в. до Р. X. Исократъ о правѣ называться эллинами не въ силу происхожденія, а въ силу усвоенія греческой культуры²⁾, то же самое можно сказать и въ примѣненіи къ принятію западными варварами латинскаго языка и римской образованности.

Конечно, побѣдѣ латинскаго языка много содѣйствовало то, что это былъ языкъ носителей государственной власти и ея представителей въ провинціяхъ. Правда, въ числѣ римскихъ императоровъ мы знаемъ немало людей, имѣвшихъ далеко не римское происхожденіе, но это были все-таки случайности, которыя не могли имѣть никакого вліянія на положеніе латинскаго языка въ имперіи и которыя заслуживаютъ быть отмѣченными развѣ ради того только, что онѣ указываютъ на паденіе національной исключительности въ Римѣ. Уже императоры II в. происходили изъ провинціальныхъ римлянъ (изъ Испаніи и Южной Галліи), но это были все-таки римляне, тогда какъ въ III в. являются на римскомъ престолѣ лица неримскаго происхожденія, каковы особенно были семиты Элагабалъ и Филиппъ, одинъ, бывший сирійскимъ жрецомъ, другой — сыномъ арабскаго шейха; при послѣднемъ Риму даже пришлось отпраздновать свой тысячелѣтній юбилей. Не только такія случайныя лица на римскомъ престолѣ не могли, конечно, пошатнуть значеніе латыни, какъ официальнаго языка имперіи, но даже не сразу

¹⁾ См. выше, стр. 118—119.

²⁾ См. выше, стр. 158.

онъ замѣнился греческимъ и на Востокъ послѣ раздѣленія имперіи на двѣ половины и занятія западной половины германцами. Процессъ замѣны латинскаго языка греческимъ въ официальной жизни Византійской имперіи начинается лишь въ VI в. Сводъ римскаго права, составленный при Юстиніанѣ Великомъ, уже языкомъ своимъ свидѣтельствуетъ о своемъ римскомъ происхожденіи, а если послѣ него начинается употребленіе въ законодательныхъ актахъ и греческаго языка ¹⁾, то завершеніе этого процесса вытѣсненія латыни можно отнести лишь къ VII и даже VIII столѣтіямъ. На Западѣ латинскій языкъ пережилъ паденіе имперіи, оставшись языкомъ государства и церкви, школы и литературы въ варварскихъ королевствахъ, основанныхъ германцами въ бывшихъ провинціяхъ имперіи. Первые законодательные памятники этихъ государствъ, такъ называемыя „варварскія правды“ (*leges barbarorum*), напоминающія нашу „Русскую Правду“, написаны были тоже по-латыни.

Романизация западныхъ провинцій сопровождалась и распространеніемъ въ нихъ и римской религіи, которая сама въ то же время испытываетъ на себѣ сильное вліяніе греческихъ и восточныхъ культовъ. Одна изъ особенностей религіозныхъ вѣрованій политеизма заключалась въ томъ, что одинъ народъ очень легко узнавалъ въ богахъ другихъ народовъ своихъ собственныхъ боговъ—подъ иными только именами. Если греки узнавали въ божествахъ восточныхъ народовъ тѣ или другіе образы своей родной религіи, то и римляне отождествляли, напр., своего Юпитера съ греческимъ Зевсомъ или своего Марса съ греческимъ Аресомъ, какъ позднѣе и Цезарь находилъ, что галлы, которыхъ онъ подчинилъ римскому имперію, „поклоняются въ особенности Меркурію, а затѣмъ Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минервѣ“, и прибавлялъ къ этому, что, въ сущности, о названныхъ богахъ они „думаютъ приблизительно такъ же, какъ и другіе народы“ ²⁾. Конечно, у галловъ были свои боги, и имена послѣднихъ были чисто галльскія, но и завоеватели, и завоеванные были увѣрены, что все различіе сводится только къ именамъ, и потому туземныя имена легко переводились на

¹⁾ См. выше, стр. 302 (прим.).

²⁾ *De his eamdem ferre quam reliquae gentes habent opinionem. De bello gallico, VI, 17.*

латинскія: это была только замѣна одного языка другимъ. Въ религіозныхъ надписяхъ Галліи даже прямо иногда ставятся рядомъ оба имени: Марсъ-Кумуль, Юпитеръ-Багинать, Меркурій-Атусмерій и т. п. Въ сущности, галлы продѣлывали съ римскими богами то же самое, что римляне еще раньше продѣлали съ греческими, подыскавъ для cadaго изъ нихъ наиболѣе близкое къ нему по значенію свое божество, только съ оставленіемъ за послѣднимъ родного имени. Благодаря первоначальному родству греческой и римской мифологіи, но особенно благодаря постояннымъ сношеніямъ и вліянію грековъ на римлянъ въ сферахъ поэзіи, философіи и искусства, греческія и римскія религіозныя представленія удивительнѣйшимъ образомъ переплелись между собою въ единую и общую для обѣихъ народностей систему политеизма, которую мы можемъ называть,—противопологая ее христіанству,—греко-римскимъ паганизмомъ.

Кромѣ такого отождествленія боговъ разныхъ народовъ, приводившаго къ религіозному объединенію послѣднихъ, большую роль играли и заимствованія культовъ одними народами у другихъ, составляющія основную черту такъ называемаго религіознаго синкретизма. Галлы могли начать поклоняться тому или другому римскому богу, какъ именно богу римскому, да и римляне могли принять въ кругъ своихъ боговъ какое-нибудь божество греческое, для котораго не существовало соотвѣтственнаго образа въ ихъ національной религіи. Нѣкоторые римскіе боги были прямо взяты у грековъ, а греческіе—у тѣхъ или другихъ народовъ древняго Востока. Напр., римскій Бахусъ, являвшійся въ сущности и по имени только греческимъ Вакхомъ, былъ восточнаго происхожденія, очень только рано принятый сначала греками, потомъ римлянами.

Въ исторіи религіознаго синкретизма временъ Римской имперіи вообще заслуживаетъ особаго вниманія проникновеніе восточныхъ культовъ на Западъ. Начавшись въ Передней Азіи еще въ очень древнія времена, религіозный синкретизмъ все болѣе и болѣе охватывалъ собою, одна за другою, другія страны, Египетъ, Грецію, Италію, Галлію и т. п., конечно, съ разною силою и далеко не съ равномѣрнымъ успѣхомъ. Въ общемъ это было завоеваніемъ греко-римскаго міра старыми религіями Востока, за которымъ шло подчиненіе этого міра и новой религіи, тоже пришедшей съ Востока.

Ни характер этой книги, ни размеры настоящей главы не позволяют дать здесь общий очерк истории религиозного сознания в Римской империи во всех его важнейших проявлениях, с психологическими основами происходивших в нем перемен и с культурными результатами последних, и потому мы можем коснуться лишь тех сторон этого в высшей степени интересного, но очень сложного вопроса, которые имеют отношение к религиозному синкретизму, как следствию культурного взаимодействия разных народов, и к значению религии в Римской империи с чисто политической точки зрения. В первом отношении особенного внимания заслуживает распространение восточных культов на Западе, во втором — культ императорской власти ¹⁾.

Появление восточных культов в самом Риме относится еще ко временам республики. Это было то же самое явление, которое нам уже пришлось отметить по отношению к государствам-городам Греции, где очень рано мы встречаемся с кельтами и египетского Аммона, и фригийской Кибелы, и других восточных богов и богинь ²⁾. Уже в 204 г. в Рим был перевезен из Пессинунта священный камень Кибелы, или, как ее звали, „Великой Матери богов“, и в честь ее был установлен культ, признанный государством, хотя самими римлянами было запрещено принимать в нем участие. В эпоху империи этот культ был уже очень популярен. В III же в. до Р. X. проникло в Италию и поклонение египетской богини Изиды под ее настоящим, лишь слегка измененным именем ³⁾. Этот культ сделался особенно популярным в Риме в эпоху империи, когда императоры, начиная с Домициана, стали иногда сами действовать жрецами Изиды. Из Рима поклонение Изиде, уже раньше существовавшее в некоторых греческих городах (в Коринфе, Мегаре и т. п.), распространилось и в западных провинциях, наприм., в Галлии, как о том свидетельствуют найденные надписи. Большое

¹⁾ Как общий очерк, можно рекомендовать книгу М. С. Корелина „Падение античного мирозерцания“ („Культурный кризис в Римской империи“). СПб. 1901 (изд. 2).

²⁾ См. выше, стр. 130.

³⁾ Греч. *Ἴσις*, лат. *Isis* = египц. Исеть.

распространение получил в империи и культ персидского бога солнца, Митры Непобедимого. По словам жившего во II в. до Р. X. Плутарха, поклонение Митре было занесено в Европу киликийскими пиратами, взятыми в плен Помпеем. Некоторые императоры, как то Домициан, Траян, Коммод, покровительствовали чествованию этого иранского божества, настоящей эпохой славы которого в Риме и в провинциях были II и III вв. до Р. X. В своих изображениях Митра даже сохранил „мидийскую“ национальную одежду и шапку на голове, и при поклонении ему произносились непонятные его европейским почитателям священные формулы. Тем не менее нигде культ Митры не получил такого успеха, как в западных провинциях империи, где христианство встретило и особенно сильную оппозицию со стороны митраизма. К числу восточных религий, нашедших приют в Риме, нужно отнести также и юдаизм. Так называемая „диаспора“ (*διασπορά*, т. е. разблание) евреев не ограничивалась одним Востоком от Египта до Вавилона, а распространилась и на запад после того, как завоевание Иерусалима (в 63 г. до Р. X.) повлекло за собою появление их в Риме в больших массах. Языком еврейской диаспоры был греческий ¹⁾, что очень благоприятствовало прозелитизму, т. е. обращению в иудейство чужеземцев ²⁾. После Маккавеев евреи особенно усердно занялись распространением своей веры и находили везде массу последователей. Кроме прозелитов в тесном смысле, которые должны были соблюдать все установления Моисея, существовали еще такие „боящиеся“ или „чтущие Бога“ (*φοβούμενοι или σεβόμενοι τὸν Θεόν*), от которых требовались лишь строгое единобожие, празднование субботы и неупотребление запрещенной в законе пищи. Происхождение от Авраама считалось уже условием второстепенным, главным было почитание единого Бога. Первый случай прозелитизма в Риме, кажется, можно отнести к середине II в. до Р. X., когда впервые евреи обратили свои взоры на дальний Запад ³⁾, ища союзников в борьбе с Селевкидами, но против их пропаганды тогда были приняты

¹⁾ См. выше, стр. 167 и след.

²⁾ Греч. *προσέλιτος* значить пришлец.

³⁾ См. выше, стр. 177.

мѣры. „Впрочемъ, говоритъ Ренанъ по этому поводу, римляне поняли плохо. Изъ Ягве-Саваооа они сдѣлали Юпитера Сабазія, причемъ думали, что это—фригійское божество“¹⁾. Въ Римѣ была постоянная еврейская колонія, имѣвшая собственное устройство по александрийскому образцу, и даже со стороны властей была признана въ отношеніи къ евреямъ ихъ суббота (въ случаѣ вызова въ судъ, при даровой раздачѣ хлѣба и т. п.). Въ эпоху имперіи число прозелитовъ и „боящихся“ (metuentes) было уже весьма большимъ, и нѣтъ ничего характернѣе для религіознаго синкретизма, какъ то, что въ домашней молебнѣ (lararium) императора Александра Севера, который самъ былъ сирийскаго происхожденія, стояли статуи всѣхъ боговъ, чествовавшихся въ имперіи, и въ ихъ числѣ была статуя Христа. Скептики смѣялись надъ смѣшеніемъ боговъ, происходившимъ въ имперіи, и немало сатирическихъ стрѣлъ было пущено въ религіозный синкретизмъ остроумнымъ греческимъ писателемъ II в. Лукіаномъ изъ Самосаты²⁾. Въ его „Собраніи боговъ“ ставится, напр., вопросъ: „кто этотъ мидіецъ Митра въ персидскомъ одѣяніи и съ тиарой на головѣ? Онъ не знаетъ ни слова по-гречески и не понимаетъ даже, когда съ нимъ здороваешься“. Въ другомъ діалогѣ („Зевсъ въ трагическомъ положеніи“) восточные боги оспариваютъ у греческихъ первенство, такъ какъ сами они были сдѣланы изъ чистаго золота, а греческіе—только изъ мрамора или бронзы.

Говорить объ отношеніи философіи къ политеизму и въ частности къ религіозному синкретизму не входитъ въ нашу задачу, но нужно все-таки отмѣтить, что синкретизмъ самъ проникалъ и въ философію. Въ первой половинѣ I в. по Р. X. въ Александріи жилъ богатый и вліятельный еврей Филонъ, ѣздившій, напр., по дѣламъ мѣстной синагоги въ Римъ къ императору Калигулѣ. Еврейскій языкъ онъ уже зналъ плохо, но греческій превосходно и владѣлъ имъ, какъ настоящій грекъ, избѣгая эобразмовъ и вообще стилиа греческаго перевода Библии. Онъ былъ также прекрасно знакомъ съ греческой философіей и особенно увлекался Платономъ,—„свя-

¹⁾ E. Renan. Hist. du peuple d'Israël, V, 228.

²⁾ Городъ на берегу Евфрата, бывшій столицей Коммагенскаго царства (ср. выше, стр. 231, прим.), вошедшаго въ составъ имперіи при Веспасіанѣ.

щеннѣйшимъ Платономъ“, какъ онъ его самъ называлъ,— хотя съ большимъ уваженіемъ относился и къ другимъ направленіямъ греческой мысли. Въстѣ съ тѣмъ, однако, онъ хотѣлъ примирить съ философіей грековъ вѣру своихъ отцовъ и даже доказать, что всѣ открытія первой давнымъ-давно уже были предвосхищены послѣднею, т.-е. что Платонъ говорилъ въ сущности не что иное, какъ одно и то же съ Моисеемъ. Конечно, сдѣлать это было можно лишь съ величайшими натяжками, съ полнѣйшимъ произволомъ въ толкованіи и мозаизма, и платонизма, но Филонъ все-таки успѣлъ достигнуть своей цѣли и слить въ одномъ религіозно-философскомъ міросозерцаніи элементы еврейскаго вѣроученія съ результатами греческаго мышленія: не даромъ сложилась о немъ такая поговорка, что „либо Платонъ филонствуетъ, либо Филонъ платонствуетъ“ (ἢ Πλάτων φιλονίσει, ἢ Φίλων πλατωνίσει): „Въ одно и то же время грекъ и іудей, Филонъ стремился склонить евреевъ на сторону эллинизма и грековъ на сторону юдаизма“, какъ выражается о немъ Ренанъ¹⁾. У Филона философія дѣлалась религіозной, становилась теологіей, и этимъ открывалась новая эпоха въ исторіи античной мысли, самымъ замѣчательнымъ явленіемъ которой былъ такъ называемый неоплатонизмъ, возникшій въ III в. по Р. X. въ той же египетской Александріи, гдѣ, по образному выраженію Грановскаго²⁾, „сошлись для долгой вѣковой бесѣды идеи Запада и Востока“. Неоплатонизмъ былъ еще болѣе широкимъ синтезомъ всѣхъ главныхъ греческихъ философскихъ школъ съ религіозными представленіями какъ самихъ грековъ, такъ и разныхъ восточныхъ народовъ.

Обращеніе греко-римскаго міра къ восточнымъ культамъ и возникновеніе такихъ синкретическихъ системъ, какими были ученія Филона или неоплатониковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что старыя національныя культы больше не удовлетворяли общества, что оно жадно искало новой вѣры. Это—очень интересная сторона религіозной исторіи эпохи паденія язычества и распространенія христіанства, которой здѣсь мы не касаемся, останавливаясь исключительно на томъ выводѣ, что въ Римской имперіи достигъ своего кульминаціоннаго пункта начавшійся еще на древнемъ Востокѣ процессъ разъ-

¹⁾ Hist. du peuple d'Israël, V, 350.

²⁾ Въ характеристикѣ Александра Великаго.

единения религии, национальности и политики ¹⁾. Политическое объединение под римской властью разных народностей, их постепенная денационализация под влиянием эллинизма и романизации, смещение разнородных культов, все это—явления параллельные, и весь их смысл в том, что для вѣры, народности и государства, которые были прежде между собою слиты воедино, теперь стали раздвигаться. Самъ столь исключительный прежде юдаизм вышел за предѣлы еврейской национальности и порывал свою связь съ еврейскою государственностью, стремился къ универсализму. Политическій космополитизмъ имперіи, такъ сказать, искалъ дополнения въ космополитизмѣ религиозномъ, который ставилъ задачу объединения всѣхъ народовъ и въ сферѣ вѣры.

Въ какое же отношение стало государство къ этому смещению различныхъ вѣръ и не дѣлало ли оно попытку установить общую государственную религію для имперіи, переросшей государство-городъ, которое ее основало,—не навязывая, однако; при этомъ подвластнымъ народамъ старой, чисто національно-римской и мѣстно-городской религіи?

Въ общемъ древній міръ не зналъ того различія между государствомъ и церковью, которое установилось въ христіанствѣ, благодаря тому, что въ теченіе трехъ вѣковъ новая религиозная организація, христіанская церковь, возникшая въ нѣдрахъ Римской имперіи, въ политической организаціи чисто языческаго характера, не только была чѣмъ-то отъ нея отличнымъ и независимымъ, но по временамъ подвергалась даже сильнымъ гоненіямъ со стороны ея государственной власти. Въ первые три вѣка имперіи произошло впервые рѣзкое, хотя уже и подготовленное всѣмъ предыдущимъ ходомъ исторіи раздѣленіе сферъ религіи и политики, формулою котораго можно признать слова Евангелія: „воздадите кесарева кесареви, а божія — Богови“. Въ древнемъ мірѣ господствовалъ принципъ слиянія политики и религіи, и каждое царство, каждая политически независимая гражданская община была и государствомъ, и церковью въ одно и то же время. Потеря отдѣльными царствами и государствами-городами политической самостоятельности, конечно, подрывала этотъ принципъ, но въ Римѣ, который продолжалъ пользо-

¹⁾ См. выше, стр. 124.

ваться независимостью, этотъ принципъ сохранился въ силѣ. По примѣру древнихъ царей ¹⁾, римскій императоръ былъ не только главою государства, но и главою религіи: такое значеніе онъ имѣлъ, какъ верховный понтификъ, pontifex maximus ²⁾. Эта жреческая должность не была, однако, должностью высшаго блюстителя религиознаго культа во всей имперіи, ибо такого культа не существовало: pontifex maximus былъ высшимъ блюстителемъ только національной религіи римлянъ, отнюдь не блюстителемъ всѣхъ культовъ, какіе только были въ имперіи, т.-е. высшій понтификатъ давалъ своему носителю право наблюдать за чистотой національнаго культа или государственной религіи гражданъ, никакъ не peregrinorum. Только по мѣрѣ усиленія монархическаго элемента въ принципатѣ и постепеннаго ослабленія различія между гражданами и peregrinami могло вырости значеніе императора, какъ универсальнаго, а не исключительно римскаго блюстителя религіи.

Въ эпоху имперіи о чистотѣ національнаго культа заботился и сенатъ, который даже не разъ запрещалъ тѣ или другіе иностранные культы въ Римѣ. Въ согласіи съ общимъ националистическимъ направленіемъ своей политики ³⁾ Августъ, какъ высшій жрецъ Рима, старался поддерживать во всей ея чистотѣ національную религію, желая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и другіе народы держались своихъ національныхъ культовъ. У него отнюдь не было религиозной нетерпимости, и онъ даже самъ готовъ былъ чествовать боговъ другихъ народовъ, но онъ все-таки не позволялъ строить въ Римѣ храмовъ иноземнымъ божествамъ и запрещалъ всякіе чужіе культы. Преизмники его иногда дѣлали то же. „Шла также рѣчь,—повѣствуетъ, напр., Тацитъ о событіяхъ 19 года по Р. Х.,—объ изгнаніи іудейскаго и египетскаго культовъ, и состоялось сенатское постановленіе о томъ, чтобы зараженныхъ этимъ суевѣріемъ четыре тысячи вольноотпущенниковъ, которые имѣютъ для того годный возрастъ, отвезти на островъ Сардинію для усмиренія тамошнихъ разбойниковъ, и что не велика будетъ потеря, если они тамъ погибнутъ отъ тяжелаго климата; остальные же должны уйти изъ

¹⁾ См. выше, стр. 37 и мн. др.

²⁾ См. выше, стр. 232.

³⁾ См. выше, стр. 224 и др.

Италии, если до известнаго дня не оставят своих нечестивыхъ обрядовъ" ¹⁾. Попытка Августа и его преемниковъ поддержать былую тѣсную связь между національностью и религіей не имѣла успѣха, потому что все развитіе имперіи шло въ направленіи, діаметрально противоположномъ. Августъ притомъ смотрѣлъ на религію исключительно съ политической точки зрѣнія, тогда какъ граждане искали въ тѣхъ или другихъ вѣрованіяхъ удовлетворенія своихъ индивидуальныхъ потребностей духовнаго характера, которое часто и находили въ восточныхъ „суевѣріяхъ" ²⁾. Государствомъ запрещалась при этомъ иноземная религія не за свою ложность, а за свою опасность. Знаменитый Меценатъ прямо совѣтовалъ Августу преслѣдовать „тѣхъ, которые вводятъ чужія религіи не ради боговъ, а потому, что эти люди увлекаютъ не только къ чужимъ богамъ, но и къ чужимъ законамъ, откуда происходятъ заговоры, тайныя общества и собранія". Известно, какую роль это политическое соображеніе играло въ эпоху гоненій на христіанъ. Впослѣдствіи императоры не такъ уже сильно, какъ въ I в., настаивали на недопущеніи въ Римъ чужихъ культовъ, и многіе изъ нихъ сами были очень склонны къ очень широкому синкретизму, но опасеніе заговоровъ и тайныхъ обществъ и при нихъ сохраняло свою силу. Могли ли притомъ императоры оставаться всегда націоналистическими консерваторами въ религіи, когда нѣкоторые изъ нихъ не были родомъ изъ Италии, нѣкоторые даже и не римскаго происхожденія вовсе, а иногда являлись вдобавокъ представителями космополитическаго и философскаго эллинизма?

Вмѣстѣ съ тѣмъ представители государственной власти въ имперіи менѣе всего думали о томъ, чтобы навязать всѣмъ народамъ имперіи римскую религію. Здѣсь не было ничего похожаго на чисто восточное отождествленіе государства съ его богомъ-покровителемъ. Римляне отнюдь не походили въ этомъ отношеніи на ассирійцевъ, которые видѣли въ иноплеменникахъ „враговъ Ассура", своего національнаго бога, и смотрѣли на свои завоеванія, какъ на расширеніе владѣній Ас-

¹⁾ Лѣтоп., II, 85 (рус. пер., т. II, стр. 130).

²⁾ Замѣтимъ, что латинское *superstitio* обозначаетъ не столько неосновательную вѣру, сколько участіе въ запрещенномъ культѣ.

сура ¹⁾. У нихъ не было и религіознаго фанатизма евреевъ. Наконецъ, лишь единичные случаи въ исторіи имперіи могутъ приводить на память попытку Антиоха Эпифана въ Палестинѣ ²⁾. Тѣмъ не менѣе былъ одинъ культъ въ имперіи, на который мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на своего рода государственннй, и пренебрежительное отношеніе къ которому потому наказывалось. Это, какъ намъ уже известно, былъ культъ императоровъ ³⁾. Мы видѣли, что въ Римъ эта форма богопочитанія пришла съ Востока, и какія бы ограниченія ни были установлены по отношенію къ культу императоровъ на Западѣ, и какія бы измѣненія въ пониманіе ихъ божественности при этомъ ни вносились, самое главное въ этомъ культѣ было въ его официальнойности, въ его узаконенности государствомъ, въ его именно политическомъ характерѣ.

Первый официально занялъ мѣсто среди боговъ еще Цезарь, который, какъ говоритъ Светоній, „спокойно принялъ... храмы, жертвенники, статуи рядомъ со статуями боговъ (*simulacra juxta deos*), участіе въ пирѣ боговъ, отдѣльнаго жреца для себя и позволилъ назвать одинъ изъ мѣсяцевъ своимъ именемъ" ⁴⁾. По свидѣтельству Діона Кассія, онъ былъ провозглашенъ полубогомъ (*ἡμίθεος*) и даже „Юпитеромъ Юліемъ" (*Ζεὺς Ἰούλιος*). Послѣ смерти Цезаря сенатъ назвалъ его *Divus*, т.-е. божественный, и назначилъ жреца при построенномъ въ честь его храмѣ. Въ 14 г. по Р. X. и Августъ провозглашенъ былъ въ сенатѣ *Divus*, и въ честь его установлены были небесныя почести, какъ сказано въ одной современной событію надписи (*Divo Augusto honores caelestes a senatu decreti*). Это вошло въ обычай, и по смерти почти каждаго императора происходила его *консекрація*, т.-е. сопчисленіе къ богамъ. Обоготвореніе императора при жизни могло быть дѣломъ частной инициативы, къ каковой позволительно отнести и всѣ случаи построенія храмовъ и алтарей въ честь императора въ разныхъ городахъ, но посмертная апофеоза имѣла уже официальннй характеръ, и воздаяніе божескихъ почестей въ подобнаго рода случаяхъ дѣлалось обязатель-

¹⁾ См. выше, стр. 107.

²⁾ См. выше, стр. 169—170.

³⁾ Для послѣдующаго см. выше, стр. 232—234.

⁴⁾ *Светоній*, русск. пер., стр. 43—44.

нымъ. Тацитъ, напр., рассказываетъ, что однажды, — дѣло было при Тиберіи, — „вся община города Кизика была обвинена въ небреженіи культомъ божественнаго Августа и, кромѣ того, въ насиліи, причиненномъ римскимъ гражданамъ“, и что „слѣдствіе этого она потеряла вольность, которую заслужила въ войнѣ съ Митридатомъ“¹⁾.

Если націоналистическій консерватизмъ Августа въ религіозной области не получилъ поддержки въ обществѣ, то, наоборотъ, бывшій прямымъ нововведеніемъ императорскій культъ утвердился во всей имперіи и сдѣлался даже своего рода цементомъ, который сплачивалъ ея провинціи въ одно цѣлое: поклоненіе носителямъ верховной власти въ имперіи было культомъ самого государства, воплощеннаго въ лицѣ государя. Если христіанство сначала преслѣдовалось въ Римѣ въ числѣ другихъ иноземныхъ „суетвѣрій“, то позднѣе, когда установилось вполне терпимое отношеніе къ другимъ вѣрамъ, одни только христіане были исключены изъ этой вѣротерпимости за то, что не шли ни на какіе компромиссы и, между прочимъ, упорно не хотѣли участвовать въ поклоненіи статуямъ императоровъ. Отказъ отъ участія въ этомъ культѣ, съ которымъ легко мирились всѣ другія религіи (кромѣ еще іудейской), легко подводился подъ понятіе политическаго или религіознаго преступленія (*crimen laesae majestatis et sacrilegium*), а тутъ еще христіане навлекали на себя подозрѣніе и въ качествѣ членовъ громаднаго тайнаго общества, въ которомъ римскія власти видѣли опасность для государства²⁾.

Поклоненіе царствующему государю на Западѣ старались истолковать въ смыслѣ поклоненія не самому ему, а его „генію“³⁾. При такомъ взглядѣ геній императора получалъ значеніе высшаго и универсальнаго имперскаго божества, представляемаго въ человѣческомъ образѣ царствующимъ государемъ. Въ Римѣ была цѣлая организація этого культа въ видѣ коллегій особыхъ жрецовъ — *августаловъ*. Первая такая коллегія *sodalium augustalium* была основана въ 14 г. по Р. Х., по смерти Августа, а по смерти Клавдія эти жрецы

¹⁾ Лѣтоп., IV, 36 (перев. проф. Модестова, т. II, стр. 216).

²⁾ Мы не касаемся здѣсь религіозныхъ и общекультурныхъ причинъ гоненія на христіанство, которыя заключались и въ юдаизмъ, и въ эллинизмъ, и въ невѣжество массъ.

³⁾ См. выше, стр. 234.

(они были изъ сенаторскаго сословія) получили официально имя *августаловъ-клавдіаловъ*. По прекращеніи рода Юліевъ, съ консекараціей перваго изъ рода Флавіевъ была учреждена другая подобная же коллегія *флавіаловъ*, которые послѣ смерти Тита стали называться *флавіалами-тиціалами*, а потомъ возникли еще такія же коллегіи *адрианаловъ* и *антониніановъ*, изъ которыхъ послѣдней было поручено совершать культъ и дальнѣйшихъ императоровъ. Кромѣ этихъ столичныхъ коллегій, жрецы императорскаго культа были и въ муниципіяхъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы всѣ муниципальные августалы были объединены въ одну общеимперскую организацію, и чтобы у столичныхъ коллегій были какія-либо привилегіи сравнительно съ муниципальными. „Въ сакральномъ отношеніи, говорить одинъ русскій изслѣдователь исторіи жречества въ Римской имперіи, каждая римская община со своимъ особымъ устройствомъ представляетъ замкнутое цѣлое, къ жречествамъ котораго доступъ обусловливается принадлежностью къ данной общинѣ... Сакральное управленіе общинъ было совершенно самостоятельно, и столичные жрецы имѣли въ этихъ общинахъ не болѣе власти, чѣмъ муниципальные въ столицѣ“¹⁾. Это — очень любопытная черта: муниципіи пользовались широкимъ самоуправленіемъ²⁾ и въ дѣлахъ религіозныхъ, даже по отношенію къ императорскому культу, который не получилъ никакой централистической организаціи. Это вполне гармонировало со старымъ религіознымъ сепаратизмомъ государствъ-городовъ при особыхъ для каждого богахъ или геніяхъ-покровителяхъ. Муниципальный культъ императоровъ былъ вообще очень развитъ, о чемъ свидѣтельствуетъ масса надписей, сохранившихся до нашего времени, съ посвященіями генію (*genio*) или боже-ству (*numini*) того или другого императора. „Городъ Нарбона“³⁾, сказано въ одной такой надписи, связываетъ себя вѣчнымъ обѣтомъ съ божествомъ Августа... Народъ нарбонскій (*plebs Narbonensium*) воздвигъ этотъ алтарь на площади родного города и постановилъ, что на этомъ алтарѣ каждый годъ въ восьмой день октябрьскихъ календъ, въ годовщину

¹⁾ М. Крашенинниковъ. Римскіе муниципальные жрецы и жрицы (Спб. 1891), стр. 56. См. его же Августалы и сакральное магистерство.

²⁾ Ср. выше, стр. 281 и слѣд.

³⁾ Въ Галліи.

дня, когда счастливая судьба нашего вѣка дала его міру, чтобы управлять имъ, въ честь его будутъ закалываться шесть жертвенныхъ животныхъ, будутъ возноситься къ божеству его молитвенныя слова и предлагаться въ даръ вино и ѳиміамъ“¹⁾. Не только отдѣльные города устраивали у себя культъ императора, но и цѣлыя области, или вѣрнѣе муниципіи цѣлыхъ областей складывались между собою для постройки общихъ храмовъ и учрежденія общихъ празднествъ. „Достоинъ замѣчанія, говоритъ Фюстель де Куланжъ, что построеніе такихъ храмовъ совершалось вовсе не по предписанію императорской власти; ни одинъ фактъ, ни одинъ текстъ не уполномочиваютъ насъ сомнѣваться, что это были акты доброй воли населенія“²⁾. Это, конечно, характеризуетъ состояніе религіознаго сознанія въ ту эпоху, но какъ бы мы ни объясняли быстрое распространеніе императорскаго культа, для носителей верховной власти въ имперіи онъ былъ въ высшей степени выгоденъ, ибо эта религія давала ей и высшую санкцію, и прочную опору. Въ этой же религіи „нужно искать ядро, вокругъ котораго происходилъ процессъ постепеннаго развитія провинціальныхъ собраний. Подъ сѣнью алтарей Рима и Августа собирались провинціалы и находили защиту противъ правителей, судили о своихъ нуждахъ и разбирали текущіе вопросы“³⁾. Въ греческихъ союзныхъ собраніяхъ (или *κοινά*хъ) культъ императоровъ обыкновенно являлся лишь добавленіемъ къ старымъ празднествамъ, въ новыхъ собраніяхъ, созданныхъ Римомъ на Западѣ, онъ занималъ, наоборотъ, первое мѣсто.

Въ эпоху имперіи всѣ объединенные ею народы пережили глубокой религіозный кризисъ. Это было временемъ исканія новыхъ религіозныхъ формъ, которыя должны были болѣе соотвѣтствовать культурному и политическому объединенію народовъ, сопровождавшемуся разложеніемъ старыхъ національныхъ и государственныхъ культовъ, смѣшеніемъ ихъ въ одномъ хаотическомъ синкретизмѣ. Въ первомъ же вѣкѣ имперіи въ ней возникла и стала постепенно распространяться новая религія, отрѣшившаяся отъ какихъ бы то ни

¹⁾ Цитировано въ упоминавшемся уже сочиненіи *Фюстель де Куланжа*, I, 218.

²⁾ Тамъ же, I, 225.

³⁾ *П. Куль* (см. выше, стр. 284) на стр. 25.

было національныхъ рамокъ и политическихъ основъ и рядомъ съ вѣрою въ единого Бога провозгласившая равенство всѣхъ людей, какъ братьевъ между собою. Въ теченіе трехъ вѣковъ христіанство прокладывало себѣ дорогу къ господству надъ греко-римскимъ міромъ, надъ всею тогдашнею вселенною и мало-по-малу организовалось въ громадную федерацію религіозныхъ общинъ, покрывшихъ собою имперію и распространившихся даже за ея границы. Въ IV в. Римская имперія должна была признать организовавшуюся въ ея предѣлахъ христіанскую церковь: обѣ онѣ были универсальныя, вселенскія, и обѣимъ имъ предстояло опредѣлить свои взаимныя отношенія.

Торжество христіанству доставилъ тотъ самый императоръ, который довершилъ диоклетіанову реформу государства въ духѣ абсолютной монархіи, опирающейся на бюрократическую централизацию, и основалъ на Востокѣ „Новый Римъ“, куда и перенесъ столицу имперіи¹⁾. Это было началомъ новаго порядка вещей—и для имперіи, и для церкви. Впрочемъ, миланскій эдиктъ Константина Великаго (313 г.) только разрѣшалъ свободное исповѣданіе христіанства. „Обязанные,— сказано было въ немъ,—обязанные смотрѣть за богослуженіемъ и почитаніемъ Божества, мы разрѣшаемъ христіанамъ и всѣмъ другимъ полную свободу слѣдовать той вѣрѣ, какой хотятъ, чтобы Божество, живущее на небѣ (*Divinitas in sede coelesti*), было благосклонно къ намъ и къ нашимъ подданнымъ“. Это не было еще рѣшительнымъ переходомъ на сторону христіанства, и вся дальнѣйшая политика императора имѣла такой характеръ, что послѣ своей смерти онъ постарому былъ причисленъ язычниками къ богамъ, тогда какъ христіане признали его святымъ. Съ явнымъ расположеніемъ къ христіанству онъ поддерживалъ равновѣсіе между нимъ и язычествомъ, и это была эпоха, когда вообще довольно сильна была идея вѣротерпимости,—идея, которой впоследствии суждено было смѣниться полною своею противоположностью. Попытка константинова племянника Юліана (361—363) реставрировать „эллинизмъ“ окончилась неудачею. До конца IV в., однако, императоры не отказывались отъ титула *pontificis maximi*, хотя Константинъ любилъ себя называть и „внѣшнимъ епископомъ“. Государственною религіей христіанство

¹⁾ См. выше, стр. 275 и слѣд.

было объявлено тоже лишь въ концѣ IV в. Первымъ императоромъ, не хотѣвшимъ носить титула главнаго понтифика, былъ Граціанъ (375—383), который отъ него и отказался ¹⁾ послѣ четырехъ вѣковъ соединенія его съ императорскою властью. Еще рѣшительнѣе дѣйствовалъ Θεодосій Великій, съ 379 г. соправитель Граціана и его сына Валентиніана II на Востокѣ, съ 394 г. единоличнй правитель имперіи, который доставилъ окончательное торжество христіанству, признавъ его государственной религіей. Въ силу этого въ слѣдующемъ вѣкѣ уже язычество и ересь стали преслѣдоваться государственною властью, и очень часто кесарево и божіе стали смѣшиваться вмѣстѣ. Въ V в., при Θεодосіи II, даже обнаружилось явное стремленіе къ соединенію въ императорѣ главенства и въ государствѣ, и въ церкви, — явленіе, которому дается въ настоящее время названіе цезаропапизма.

Въ 395 г. со смертію Θεодосія Великаго имперія раздѣлилась на двѣ половины, которыя потомъ уже никогда не сливались, но зато въ религіозномъ отношеніи греко-римскій міръ былъ вполнѣ объединенъ въ единой вселенской церкви, имѣвшей притомъ послѣдователей и далеко за предѣлами имперіи.

Разсмотрѣвъ объединеніе императорскимъ Римомъ всей созданной имъ изъ разныхъ странъ державы въ отношеніяхъ и политическомъ, и административномъ, и юридическомъ, и экономическомъ, и культурномъ, и религіозномъ, мы остановимся теперь на отношеніи этого великаго государственнаго организма къ напиравшимъ на него съ сѣвера и востока варварамъ и на начавшееся въ немъ самомъ внутреннее разложеніе, которое повело за собою отторженіе отъ имперіи всего Запада, а позднѣе и значительное уменьшеніе территоріи имперіи на самомъ Востокѣ.

ГЛАВА XXII.

Борьба Римской имперіи съ варварами и начало разложенія имперіи.

Римская имперія и варвары.—Вассальныя царства имперіи.—Паряенское и Ново-Персидское царство и борьба съ нимъ Римской имперіи.—Германскій натискъ изъ-за Рейна и Дуная.—Раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную.—Потеря имперіей западныхъ провинцій.—Превращеніе восточной половины въ Византійскую имперію.—Матеріальное и духовное оскуднѣніе Римской имперіи.—Военная сила имперіи.—Усиленіе фискальнаго гнета и бюрократической опеки.—Уменьшеніе и обдѣлнѣ населенія имперіи.—Упадокъ муниципальнаго самоуправления.—Печальное положеніе колоновъ.—Внутреннее разложеніе западныхъ провинцій и подготовка средневѣковаго феодализма.

За предѣлами Римской имперіи начиналось варварство, старое восточное варварство наслѣдниковъ великаго Персидскаго царства и молодое западное варварство германскихъ племенъ, еще только выступавшихъ на сцену всемірной исторіи. Римской имперіи приходилось вести борьбу и съ тѣмъ, и съ другимъ, очень тяжелую борьбу на два фронта, которая истощала имперію и вмѣстѣ съ другими причинами внутренняго характера клонила ее къ упадку. Во всякомъ случаѣ оба явленія, т.-е. война съ варварами и упадокъ имперіи находятся между собою въ очень тѣсной связи.

Собственно говоря, сосѣдями имперіи, съ которыми ей пришлось считаться, были въ Азіи паряене и персы, въ Европѣ германцы. Попытки Рима подчинить себѣ Парюю и Германію не удались, и на границахъ съ этими двумя странами, на Евфратѣ въ Азіи, на Рейнѣ и Дунаѣ въ Европѣ, имперіи пришлось даже вести большею частью лишь оборонительную войну. Разница между обѣими сосѣдками имперіи заключалась въ томъ, что паряене (а послѣ нихъ персы) стояли во главѣ обширнаго царства, во главѣ одной изъ восточныхъ деспотій, имѣвшей позади себя многовѣковую исторію, тогда какъ германцы едва только вступали въ исторію, раздробленные на множество мелкихъ племенныхъ государствъ, и вся ихъ исторія была, такъ сказать, еще въ

¹⁾ Ср. выше, стр. 234.

будущемъ. Говоря объ этихъ сосѣдяхъ имперіи, мы остановимся нѣсколько подробнѣе только на первыхъ въ виду того, что Паряенское и Ново-Персидское царство относится тоже къ числу монархій древняго міра, которымъ посвящена эта наша книга, и наше изложеніе не было бы полно, если бы мы обошли полнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, что случилось въ эпоху римскихъ завоеваній съ обширной территоріей между Евфратомъ и Индомъ, входившей въ составъ и Персидской державы, и монархіи Александра Македонскаго.

Мы видѣли, какъ Римская держава постепенно овладѣла эллинистическими царствами Передней Азіи и Египта ¹⁾. Нужно только прибавить, что не всѣ эти царства сразу становились римскими провинціями, какъ то случилось, напр., съ Пергамомъ, а нерѣдко представляли собою вассальныя государства, находившіяся лишь подъ протекторатомъ имперіи и обязанныя ей повиновеніемъ. Римъ не самъ изобрѣлъ эту форму политическаго кліентства, потому что она уже раньше существовала на Востоку, гдѣ вообще инкорпорации завоеванныхъ областей предшествовало обращеніе ихъ въ вассальныя княжества и царства ²⁾. Эту систему Римъ особенно охотно проводилъ именно на Востоку, гдѣ у имперіи было нѣсколько вассальныхъ царей, признававшихъ надъ собою ея сюзеренитетъ. О нѣкоторыхъ изъ такихъ вассаловъ Рима намъ уже приходилось упоминать выше ³⁾. Часто, однако, такое полунезависимое существованіе области было только переходомъ къ превращенію въ римскую провинцію. Такъ было, напр., съ Іудеей, въ которой въ послѣднія времена республики и въ первомъ вѣкѣ имперіи были свои цари, въ родѣ знаменитаго Ирода Великаго, получившаго власть изъ рукъ Антонія по соглашенію его съ Октавіаномъ, а послѣ побѣды второго надъ первымъ сумѣвшаго особенно расположить къ себѣ и самого Октавіана. Его потомки, какъ извѣстно, царствовали въ Іерусалимѣ, и одинъ изъ нихъ, Агриппа I (37—44), былъ сотоварищемъ Калигулы въ развратѣ и учителемъ въ тиранніи. Слѣдующій за нимъ царь, Агриппа II, былъ послѣднимъ царемъ іудейскимъ, ибо еще при его

¹⁾ См. выше, стр. 176—177.

²⁾ См. выше, стр. 88 и др.

³⁾ См. стр. 231.

жизни страна была обращена въ простую провинцію. Вассальныхъ царей имѣла имперія и въ Арменіи, которую въ 117 г. Траянъ объявилъ римской провинціей, но Адрианъ отозвалъ оттуда свои легіоны, да и вообще власть римлянъ въ Арменіи была очень непрочна, потому что эта страна являлась постояннымъ предметомъ раздоровъ между имперіей и Паряенскимъ царствомъ, которое римляне были тоже непрочъ включить въ число подвластныхъ имъ царствъ. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на Паряенскомъ царствѣ.

Въ то время, какъ римляне въ серединѣ III в. до Р. X. завоевали Сицилію, которая сдѣлалась первою въ ряду ихъ провинцій, окружившихъ потомъ, какъ кольцомъ, Средиземное море ¹⁾, на крайнемъ востоку тогдашняго историческаго міра возникло одно государство, которое сдѣлалось второю, рядомъ съ Римскою державою, политическою силою послѣднихъ столѣтій такъ называемой древней исторіи. Именно какъ-разъ въ эпоху первой пунической войны къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря, въ теперешней персидской провинціи Хорасанѣ, возникло небольшое національное царство паряенъ, возставшихъ противъ Селевкидовъ и въ противоположность къ эллинизму стремившихся дать перевѣсъ персидскимъ традиціямъ. Царемъ отложившейся отъ греко-македонскаго владычества Паряи былъ провозглашенъ Арсакъ, который возводилъ свой родъ къ національной персидской династіи Ахеменидовъ, но въ теченіе почти цѣлаго столѣтія это новое царство должно было главнымъ образомъ лишь отстаивать свое существованіе. Начало могуществу Паряи, уже въ эпоху третьей пунической войны, положилъ царь Митридатъ I, покорившій Мидію, Арменію, Месопотамію и Вавилонію и разгромившій Бактрійское царство. Въ качествѣ государя уже большого государства онъ принялъ древнеперсидскій титулъ „царя царей“ и тѣмъ самымъ объявилъ себя наслѣдникомъ Ахеменидовъ. Предметомъ его честолюбивыхъ стремленій было завоевать и самое царство Селевкидовъ. Такъ какъ у Арсакидовъ и у римлянъ явился общій врагъ въ лицѣ извѣстнаго Митридата Понтійскаго, то въ началѣ II в. до Р. X. паряенскій царь Митридатъ II заключилъ съ Римомъ договоръ, дѣлавшій изъ Евфрата границу между самой Паряей и землями, входившими въ сферу полити-

¹⁾ Ср. выше, стр. 136 и 157.

ческаго вліяння Рима. Въ возгорѣвшейся войнѣ римлянъ съ царемъ понтійскимъ Пароіа даже оказывала первымъ свое содѣйствіе, но римляне плохо отблагодарили своихъ союзниковъ. Именно Римъ сталъ вмѣшиваться во внутреннія пареянскія распри за престолъ, началъ оказывать поддержку мятежнымъ вассаламъ Пароіа, объявилъ независимой отпавшую отъ нея, но покоренную ею въ войнѣ съ Митридатомъ Понтійскимъ Арменію, увеличивъ ее вдобавокъ небольшою территоріей на верхнемъ теченіи Тигра, прямо отобранною у пареянъ, а въ концѣ-концовъ задумалъ и все ихъ царство поставить въ вассальную отъ себя зависимость.

Въ срединѣ I в. до Р. Х. начались нескончаемыя войны между Римскою и Пареянскою державами. Началомъ ихъ было побѣдоносное вторженіе въ Месопотамію одного изъ членовъ перваго триумvirата, Красса, — въ то время, какъ Цезарь завоевывалъ Галлію, — но успѣхъ скоро оставилъ римлянъ, и войска Красса потерпѣли страшное пораженіе. Междоусобіе Помпея и Цезаря помогло пареянамъ завоевать Сирію, послѣ чего ихъ царство, какъ и древняя Персидская монархія, простиралось отъ Инда до Средиземнаго моря. Когда Цезарь утвердился въ Римѣ, рѣшено было начать новую войну съ пареянами, но какъ-разъ во время приготовленій къ этой войнѣ Цезарь былъ убитъ. Только Антонію въ эпоху второго триумvirата удалось отвоевать Сирію, но весь дальнѣйшій ходъ наступательной со стороны римлянъ войны былъ для нихъ неблагопріятенъ. Антоній мечталъ о завоеваніи Пареянскаго царства и даже, быть можетъ, Индіи, но этимъ мечтамъ не было суждено сбыться¹⁾. Миръ, заключенный въ 9 г. до Р. Х. между Августомъ и царемъ пареянскимъ (Фраатомъ IV), на довольно продолжительное время установилъ между обоими государствами болѣе прочныя отношенія, хотя по временамъ все-таки возобновлялась старая вражда, главнымъ образомъ, изъ-за Арменіи, находившейся въ вассальной зависимости отъ Рима. Въ 113 г. по Р. Х. Траянъ предпринялъ-было новую завоевательную войну и успѣлъ захватить Арменію и Месопотамію, но очень скоро среди туземнаго населенія противъ римлянъ начались возмущенія, самъ Траянъ умеръ, а его преемникъ Адрианъ

¹⁾ Ср. выше, стр. 223.

заклучилъ съ царемъ пареянскимъ миръ, снова признавъ пограничною рѣкою между обѣими державами Евфратъ.

Въ срединѣ II в., при Маркѣ Авреліи война Римской имперіи съ Пареянскимъ царствомъ возобновилась и почти не прекращалась до происшедшаго въ этомъ царствѣ въ 226 г. внутреннего переворота, слѣдствіемъ котораго былъ переходъ власти отъ династіи Арсакидовъ къ династіи Сассанидовъ. Это было результатомъ возмущенія одного изъ вассальныхъ князей, Ардашира изъ рода Сассанидовъ, въ собственной Персіи, родинѣ Кира и Дарія Гистаспа. Онъ тоже объявилъ себя „царемъ царей“ и принялъ отъ своихъ пареянскихъ предшественниковъ въ наслѣдство враждебную Римской имперіи политику. Ново-Персидское царство, какъ его называютъ, во внѣшней политикѣ было, въ сущности, продолженіемъ Пареянскаго царства, и Римской имперіи пришлось вести съ нимъ почти непрерывную войну за обладаніе Арменіей и Месопотаміей. Уже второй царь изъ новой династіи, Шапуръ, около 260 г. имѣлъ значительный успѣхъ въ этой борьбѣ, взявши въ плѣнъ императора Валеріана и на время овладѣвъ столицей сирійскаго побережья, Антиохіей. Изъ III столѣтія войны римлянъ съ персами перешли и въ IV вѣкъ, и, напр., императоръ Юліанъ нашелъ смерть въ одной изъ битвъ съ ними (363 г.). Преемница Римской имперіи на Востокѣ, Византія, тоже вела упорную борьбу съ царствомъ Сассанидовъ до самаго его завоеванія арабами уже въ срединѣ VII в. по Р. Х. Въ общей сложности это была борьба, тянувшаяся съ перерывами почти семь вѣковъ и страшно ослаблявшая обѣ стороны.

Что касается до внутренняго устройства Пареянскаго и Ново-Персидскаго царства, то оно очень напоминаетъ устройство Персидской монархіи временъ Ахеменидовъ. Это была обычная восточная деспотія. Во главѣ государства стоялъ „даръ царей“, подъ властью котораго находились сатрапы и вассальные князья съ самыми неограниченными полномочіями. Всѣхъ сатрапій въ государствѣ и при господствѣ пареянъ, и при Сассанидахъ было восемнадцать, и вся разниа въ управленіи ими въ эти двѣ эпохи заключалась въ томъ, что Арсакиды держались больше системы вассальныхъ княженій¹⁾, тогда какъ въ Ново-Персидской монархіи господ-

¹⁾ Эти вассальные князья назывались мегистанами.

ствовала система наместничества, причем сатрапы в отдельных группах провинций ставились иногда под промежуточную власть четырех генерал-губернаторов, вассальные же династии были оставлены лишь в пограничных областях. Вообще Ново-Персидское царство в сравнении с Парфянским представляется нам более благоустроенным. Парфяне были народом, стоявшим еще на очень низком уровне культурного развития, прямо даже полудиким народом, главными занятиями которого были охота и война. Постоянного войска, кроме царской гвардии, в Парфии, повидимому, не было, но сам народ всегда готов был идти на войну. При континентальном характере государства у парфянских царей не было флота, да и на суше главная их военная сила заключалась в одной коннице, очень многочисленной, крайне подвижной, весьма искусной в бою, но плохо дисциплинированной. При Сассанидах военное устройство, равно как и устройство администрации и финансов, указывают уже на весьма значительные успехи государственности; административная и финансовая система Ново-Персидского царства даже легла в основу внутренних порядков Арабского халифата после завоевания им Персии¹). В то время, как на восточной окраине империи шла борьба с парфянами и персами, пограничные области ее в Европе постоянно заняты были борьбой с германцами.

Впервые римлянам пришлось иметь дело с германцами, когда принадлежавшие к этому племени кимвры и

¹) Прибавим, что в Парфянском и Ново-Персидском царствах тоже, как и в Римской империи, распространялось христианство, которое стало преследоваться только после того, как оно восторжествовало в империи и когда на христиан стали смотреть, как на сторонников римлян. Позднее, когда в Византийской империи стали преследовать еретиков (несториан), они, наоборот, находили приют в Персии. Торговые сношения между эллинизированным Востоком и этой иранской державой были очень оживленными, и через нее совершалась его торговля с Индией и Китаем. Из последнего при посредстве парфян в Римскую империю привозился шелк. Соперничество между Римской империей (с ее продолжением в Византии) и Ново-Персидским царством было не только политическим, но и религиозным, и коммерческим. Впоследствии оно перешло в соперничество христианской Европы и мусульманской Азии.

тевтоны в 113 г. до Р. X. появились на границах их владений. Они вторглись в южную часть Галлии, в то время уже римскую, побывали потом в Испании и в Северной Италии и только с великим трудом были побуждены Марием (102). В эпоху завоевания Галлии Цезарем римлянам опять пришлось отражать германцев, которые под начальством Ариовиста тоже думали утвердиться в этой стране. Цезарь даже дважды переправлялся через Рейн в Германию, чтобы навести страх на ее жителей; но тех из них, которые уже поселились на левом берегу Рейна, он оставил в покое под условием, чтобы они не пускали в Галлию своих зарейнских соплеменников. Август предпринял даже и завоевание самой Германии, и его пасынок Друзь уже распространил было римскую власть над разными германскими племенами до Эльбы, но после поражения римлян при Тевтобургском лесу (в 9 г. до Р. X.) все они освободились. После этого империя заботилась только об укреплении сначала рейнской, а потом и дунайской границы рядом городов с гарнизоном, чему обязаны были своим происхождением многие и ныне существующие города, как-то: Кельн (Колония Агриппина), Майнц (Могунциак), Аугсбург (Аугуста винделиков), Вена (Виндобона). Кроме того, римская политика поддерживала распри между германскими племенами, при случае вмешиваясь в их споры. Сколько-нибудь прочно империи удалось утвердиться лишь в углу, образуемом верхними частями течений Рейна и Дуная, в так называемом Десятинном Крае¹). Он вошел в состав империи в 83 г. по Р. X. и при Траяне был огражден с севера ровом и валом с укреплениями (limes). В Десятинном Крае романизация уже подвинулась довольно далеко, когда с усилением германского натиска на границы империи он был от империи отторгнут. На Дунае между Регенбургом (Regina Castra) и Веной империя вела войну с германским племенем маркоманнов, которое образовали к северу от этой части Дуная враждебное римлянам государство. Императорам не удалось расширить в эту сторону пределы империи, и только страна к северу от нижнего течения Дуная, Дакия, болше полу-

¹) Agri Decumates. Здесь были поселены галлы и германцы за уплату десятины.

тора вѣка (107—275) была римской провинціей, быстро успѣвшей, какъ мы видѣли, романизироваться¹⁾. Въ серединѣ III в. въ имперію вторглись большія полчища готовъ, которыя распространили свои опустошенія даже до юга Балканскаго полуострова. Правда, ихъ въ концѣ концовъ прогнали, но уже въ послѣдней четверти III в. римляне оказались вынужденными очистить Дакию, потомъ постепенно отказаться и отъ Десятиннаго Края и начать заселять пограничныя области германцами же съ обязанностью защищать имперію отъ новыхъ варварскихъ вторженій. вмѣстѣ съ тѣмъ германцами стали пополняться римскіе легіоны. Смуты III в. въ самой Римской имперіи, какъ нельзя болѣе, благоприятствовали напору германцевъ на прирейнскія и придунайскія области. Сами германскія племена въ эту эпоху группируются въ болѣе крупныя народности подъ властью національныхъ вождей, которыхъ римляне называютъ царями (reges), или королями, какъ въ данномъ случаѣ у насъ принято переводить этотъ титулъ²⁾. Изъ-за Рейна въ Галлію съ середины III в. стали тѣсниться франки, поселенія которыхъ въ этой провинціи въ концѣ концовъ, несмотря на постоянныя попытки ихъ задержать (особенно при Константинѣ Великомъ и Юліанѣ), пришлось допустить подъ условіемъ защиты границъ, причемъ пришельцы сами все болѣе и болѣе подвигались въ глубь страны. Черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ римскими легіонами была оставлена Дакия, изъ этой области совершилось переселеніе во Фракію вестготовъ (375 г.), на что императоръ Валентъ, — потомъ самъ убитый во время ихъ возстанія, — вынужденъ былъ дать согласіе. Какъ извѣстно, это событіе принимается за начало такъ называемаго великаго переселенія народовъ. Въ V в. всѣ западныя провинціи были уже заняты германцами, основанными въ нихъ свои государства подъ верховною властью имперіи, которая въ 476 и 486 г. потеряла здѣсь и послѣднія свои непосредственныя владѣнія (Италію и центральную часть Галліи).

Одновременно съ войною на два фронта шло внутреннее распаденіе имперіи. Середина III в. была эпохой „провинціальнаго императорства“, когда въ отдѣльныхъ обла-

стяхъ провозглашались мѣстными войсками свои государи. Единодержавіе удалось возстановить Авреліану (270—275), но уже самъ Діоклетіанъ въ управленіе государствомъ ввелъ тетрархическую систему, раздѣливъ для этого имперію на четыре части съ отдѣльными правительственными центрами въ каждой, каковы были Никомидія (въ Малой Азіи у Мраморнаго моря) для Востока, Сирмій (нынѣ Митровица на Савѣ) для Балканскаго полуострова, Медиоланъ (Миланъ) для Италіи съ Африкой и Триръ для всего остального Запада. Константинъ Великій снова воссоединилъ имперію подъ своею единоличною властью, но потомъ она опять стала дѣлиться, что вызывалось трудностью править государствомъ, которому нужно было вести войну на два фронта. Послѣ краткаго соправительства сыновей Константина тотъ изъ нихъ, который снова сдѣлался единодержавнымъ правителемъ имперіи, именно средній братъ, Констанцій, долженъ былъ взять въ сопровители себѣ Юліана, который началъ свою дѣятельность борьбою съ германцами на Рейнѣ, а скончался, уже въ качествѣ единоличнаго носителя имперской власти, въ борьбѣ съ персами. Второй его преемникъ, Валентиніанъ I, былъ провозглашенъ императоромъ легіонами, заставившими его взять себѣ въ сопровители его брата Валента. Это было раздѣленіемъ имперіи на эллинистическій Востокъ, который боролся съ персами, и на романизированный Западъ, находившійся въ борьбѣ съ германцами. Въ теченіе тридцати лѣтъ имперія имѣла двухъ императоровъ (Западъ—Валентиніана I, Граціана и Валентиніана II, Востокъ—Валента и Θεодосія Великаго), и лишь на очень короткое время (394—395) обѣ половины соединялись снова подъ властью одного императора, Θεодосія Великаго, по смерти котораго Востокъ и Западъ опять имѣли особыхъ императоровъ. Наконецъ, въ 476 г. одинъ вождь наемной германской дружины, Одоакръ, свергъ съ престола послѣдняго западнаго императора Ромула Августула, отправивъ при этомъ знаки императорскаго достоинства въ Константинополь къ царствовавшему тамъ Зенону. Раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную не было de jure распаденіемъ ея на два отдѣльныхъ государства: въ принципѣ имперія оставалась единою (unanimitas imperii), въ знакъ чего законы издавались отъ имени обоихъ императоровъ, но фактически Западъ былъ отторгнутъ отъ Востока, и западныя провинціи превратились въ королев-

¹⁾ См. выше, стр. 328. Даки не были германцами.

²⁾ „Государство-городъ“, стр. 35—36.

ства германскихъ племенъ. Въ 412 г. въ Южной Галліи утвердились вестъ-готы, занявшіе потомъ и Испанію, въ 428 г. въ Африкѣ основались вандалы, въ 449 г. Британіей овладѣли англосаксы, въ 486 г. началось завоеваніе всей Галліи франками, въ 493 г. владычество надъ Италіей перешло къ остъ-готамъ и т. п. „Варварскіе“ короли признавали въ принципѣ императора, царствовавшего на Востокѣ, своимъ верховнымъ главою, а въ VI в. Юстиніанъ Великій сдѣлалъ даже попытку и фактически возстановить власть имперіи на Западѣ, завоевавъ Вандальское королевство въ Африкѣ и Остъ-готское въ Италиі. но Италія очень скоро послѣ его смерти подверглась нашествію лангобардовъ, очень прочно въ ней и утвердившихся. Самая идея имперіи не умирала, однако, на Западѣ: въ 800 г. по Р. Х. титулъ римскаго императора принялъ франкскій король Карлъ Великій, а съ середины X в. „Священная (какъ ее стали звать) Римская имперія“ стала считаться достояніемъ „германской націи“, короли которой считали себя поэтому преемниками древнихъ цезарей. Послѣдній государь, носившій титулъ „римскаго императора“, сложилъ съ себя это званіе лишь въ 1806 году.

Государями средневѣковой, совершенно призрачной имперіи на Западѣ, были нѣмецкіе короли, государями Восточной имперіи, продолжавшей называться Ромѣйскою, были греческіе цари, какъ ихъ тоже называли. Перенесеніе столицы изъ Рима въ Константинополь, подготовленное еще Діоклетіаномъ, знаменовало перемѣщеніе центра имперской жизни съ Запада на Востокъ, и оно, конечно, не было случайностью. Скоро и наслѣдницѣ Рима, Византіи, пришлось вести борьбу на два фронта — со славянскими племенами, напиравшими на нее съ сѣвера, и съ персами, съ которыми по-прежнему шла борьба на восточной границѣ. Постепенно уменьшаясь въ своихъ предѣлахъ, — особенно послѣ того, какъ значительная часть азиатскихъ владѣній и всѣ владѣнія африканскія достались арабамъ, а въ сѣверной части Балканскаго полуострова стали господствовать славяне, — Восточная Римская имперія все-таки продолжала еще существовать около тысячи лѣтъ, и только взятіе Константинополя турками въ 1453 г. положило конецъ ея существованію. Уже въ VI в. начался въ этой имперіи процессъ замѣны латинскаго языка греческимъ, но еще большее значеніе получило здѣсь постепенное

забвеніе византіяцами культурныхъ преданій „классическаго“ эллинизма, которыя все болѣе и болѣе стали замѣняться традиціями Востока, не исключая даже и тогдашняго Ирана.

Распаденіе имперіи на Востокъ и Западъ позднѣе дополнилось и религиознымъ разьединеніемъ между греческою и римскою половинами „вселенской“ церкви.

Объединивъ политически и культурно средиземноморскія страны, Римская имперія въ IV и V вв. стала распадаться и дѣлаться добычею варваровъ. Это не было результатомъ только неблагоприятнаго стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ, а вытекало и изъ внутреннихъ причинъ, было именно симптомомъ и слѣдствіемъ глубокаго матеріальнаго и духовнаго оскуднѣнія имперіи, въ особенности западныхъ ея частей, которыя и раньше какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи оставались всегда позади восточныхъ. Мы не разъ уже повторяли, что лучшимъ временемъ имперіи былъ II вѣкъ по Р. Х. Зависѣло это, конечно, не отъ личныхъ качествъ тогдашнихъ императоровъ, но отъ общаго подъема экономическихъ и культурныхъ силъ подъ вліяніемъ долговременнаго внутренняго мира, улучшеній въ провинціальной администраціи, развитія муниципальнаго самоуправления и т. п. Внутреннія смуты III в. и усиленіе военной дѣятельности на границахъ имперіи уничтожили многіе благіе результаты предыдущаго развитія. Войны съ германцами и съ парянами (которыхъ въ III в. смѣнили персы) стоили много денегъ, что влекло за собою увеличеніе налоговъ, а къ этому присоединилось разрастаніе чиновничества, которое все болѣе и болѣе стѣсняло пользованіе муниципальными вольностями и злоупотребляло своею властью, требуя для своего содержанія тоже немало матеріальныхъ средствъ.

Между тѣмъ имперія переживала въ это время тяжелый экономическій кризисъ, вызывавшійся необходимостью перехода отъ крушнаго плантаціоннаго хозяйства къ мелкому, крестьянскому. Со II в. по Р. Х. начинается упадокъ рабства, замѣна его будущимъ колонатомъ ¹⁾. Одновременно происходилъ культурный кризисъ, который лучше всего выразился въ паденіи старыхъ вѣрованій и въ исканіи новыхъ. Въ эпоху имперіи греко-римская духовная культура широко

¹⁾ См. выше, стр. 312 и 323.

распространилась по „вселенной“, но сама эта культура, захватывая все большіе и большіе круги общества, все болѣе и болѣе отворачивалась отъ традицій былого просвѣщенія въ пользу восточныхъ мистерій. Сама организациа имперіи заключала въ себѣ рядъ внутреннихъ противорѣчій—все сильнѣе и сильнѣе развивающійся деспотизмъ центральной власти, все рѣзче и рѣзче принимавшій характеръ самодовлѣющей силы, при утвержденіи въ то же время принциповъ общественнаго самоуправленія въ муниципальных городахъ, широкаго личнаго права въ гражданскомъ оборотѣ и т. п. Римская имперія, столько унаслѣдовавшая прогрессивныхъ началъ изъ эпохи свободныхъ гражданскихъ общинъ, все яснѣе и яснѣе превращалась въ восточную деспотію, въ которой господствовали преданія въ ущербъ личной мысли и установившіеся разъ навсегда порядки на счетъ общественной самодѣятельности. Византизмъ съ его консерватизмомъ, догматизмомъ, деспотизмомъ, задерживавшими всякое движеніе впередъ, всякую самодѣятельность общественныхъ силъ, всякую свободу мысли и жизни, былъ послѣднимъ результатомъ длиннаго развитія въ Римской имперіи началъ, унаслѣдованныхъ ею отъ древняго Востока, начиная съ Египта фараоновъ и кончая Египтомъ птоломеевскимъ,—тѣхъ же самыхъ, въ сущности, началъ, которыя сохранялись во всей своей неприкосновенности въ царствѣ Арсакидовъ и Сассанидовъ.

О причинахъ упадка античной цивилизациа и въ частности о причинахъ паденія Западной Римской имперіи писано было много, и высказывались при этомъ весьма различныя мнѣнія: это — вообще очень обширная и сложная тема. Не касаясь здѣсь, однако, всего этого вопроса, остановимся лишь на отдѣльныхъ симптомахъ главнымъ образомъ политическаго и экономическаго регресса имперіи въ IV и V вв., имѣя притомъ въ виду преимущественно Западъ, гдѣ этотъ процессъ выразился съ особою очевидностью.

Для борьбы съ германцами и парѣянами-персами имперіи нужно было располагать постоянною вооруженною силою. Военная сила Рима создала его политическое могущество, участвовала въ созданіи императорской власти, часто даже непосредственно распоряжалась императорскимъ престоломъ, и если въ ней не было большой необходимости для охраны внутренняго мира,—наоборотъ, она сама его часто наруша-

ла,—то натискъ варваровъ на Евфратъ, на Дунаѣ и на Рейнѣ дѣлалъ необходимымъ какъ-разъ содержаніе большой постоянной арміи. Первоначальное римское войско было чисто гражданскимъ ополченіемъ на время войны, съ которымъ бокъ-обокъ дѣйствовало такое же ополченіе, состоявшее изъ союзниковъ. Въ эпоху гражданскихъ междоусобій, именно съ Маріа, въ римскіе легіоны начинаютъ приниматься и неграждане, и вмѣсто того, чтобы попрежнему оставаться вооруженнымъ народомъ, армія постепенно реорганизуется въ наемную военную силу въ родѣ тѣхъ наемныхъ войскъ, которыя извѣстны были еще древнему Востоку. Въ низверженіи республиканскаго строя въ Римѣ армія, набиравшаяся изъ негражданскихъ элементовъ и шедшая за своими вождями, куда тѣ ее вели, какъ извѣстно, играла непослѣдную роль ¹⁾. Междоусобіа тріумвировъ только еще болѣе подвинули впередъ это измѣненіе въ составѣ военной силы Рима, и, напр., Цезарь разгромилъ Помпея при Фарсалѣ съ помощью германской конницы, а помпеянцевъ при Мундѣ съ помощью конницы нумидійской. Въ эту эпоху начинаетъ даже развиваться настоящее кондотьерство, т. е. образованіе частныхъ войскъ. Знаменитый Катилина, задумавшій въ шестидесятыхъ годахъ II в. до Р. X. совершить въ Римѣ государственный переворотъ, уже вербовалъ съ этою цѣлью солдатъ. Въ извѣстной анкирской надписи самъ Августъ говоритъ, что онъ именно „въ качествѣ частнаго человѣка и на частныя средства собралъ войско“, съ которымъ, дѣйствительно, онъ и побѣдилъ своихъ соперниковъ ²⁾. Предпринимать на частныя средства цѣля войны могли только очень богатые люди, да и то подъ условіемъ вознагражденія ветерановъ землями, которыя безцеремонно отнимались съ этою цѣлью у ихъ владѣльцевъ. Послѣ побѣды надъ республиканцами при Филиппахъ (42 г. до Р. X.) тріумвирамъ, въ числѣ которыхъ былъ будущій первый императоръ, оказалось нужнымъ удовлетворить армію въ 170 т. человѣкъ, которымъ были обѣщаны земли въ самой Италіи. Послѣ битвы при Акціумѣ тоже въ неслыханныхъ размѣрахъ была произведена споланція земель для вознагражденія ветерановъ. Но съ установленіемъ имперіи кондотьерство, конечно, должно было пре-

¹⁾ См. выше, стр. 199—200.

²⁾ См. выше, стр. 228.

кратиться. Въ монархіи, хотя и замаскированной, да и вообще во всякомъ правильно устроенномъ государствѣ не можетъ быть частныхъ войскъ, вербуемыхъ самими полководцами и имъ однимъ приносящихъ присягу въ вѣрности. Августъ далъ этой новой военной силѣ въ Римѣ уже правильную организацію, превративъ ее въ постоянную армію, подчиненную исключительно главѣ государства. Опять отмѣчая стремление Августа придавать всѣмъ своимъ учреждениямъ національный характеръ ¹⁾, мы должны упомянуть, что право службы въ организованныхъ имъ когортахъ преторіанской гвардіи и въ легионахъ онъ оставилъ за одними римлянами (т.-е. гражданами), но зато вмѣстѣ съ этимъ были организованы Августомъ и вспомогательныя войска изъ не-гражданъ, служба въ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ открывала даже доступъ къ гражданству. Какъ само государство перестало быть римскимъ, такъ, въ сущности, и войско, несмотря на всѣ старанія Августа, перестало быть римскимъ: перегринскій, а потомъ и варварскій элементъ все болѣе и болѣе вытѣснялъ въ немъ элементъ гражданскій. Еще нѣкоторое время могла поддерживаться старая фикція дарованіемъ гражданства провинціаламъ, вступавшимъ въ войско, но это была именно только фикція.—Главными мѣстами расположенія легионовъ съ Августа сдѣлались пограничныя области. Внутреннія части имперіи были умиротворены, въ ихъ населеніи все болѣе и болѣе при господствѣ „римскаго мира“ развивалось отвращеніе къ военной службѣ, сопровождавшееся нерѣдко прямымъ отъ нея уклоненіемъ, а разъ отъ участія въ войскѣ наиболѣе культурные элементы устраниются, армія, конечно, страшно грубѣетъ. Эпоха военного деспотизма въ III в., когда на императорскомъ престолѣ появляются настоящіе солдаты, была подготовлена этимъ огрубѣніемъ арміи, а съ конца III столѣтія, т.-е. въ сущности съ эпохи Диоклетіана войска имперіи все болѣе и болѣе вербуются изъ тѣхъ же самыхъ варваровъ, противъ которыхъ приходилось защищать границы государства ²⁾. Въ послѣдніе вѣка Римской имперіи повторилось то же самое, что мы наблюдаемъ въ Египтѣ передъ потерей имъ національной независимости, когда для охраны мирнаго туземнаго населенія приходилось прибѣгать

¹⁾ См. выше, стр. 224 и др.

²⁾ См. выше, стр. 353—354.

къ помощи иноземныхъ наемниковъ ¹⁾. Съ другой стороны, превращеніе войска изъ вооруженнаго народа, или національнаго ополченія въ наемную военную силу, въ которой большую роль играютъ иноземцы, намъ знакомо и изъ другихъ примѣровъ, представляемыхъ исторіей древняго Востока ²⁾. Въ эпоху завоеванія Персидской монархіи Александромъ Македонскимъ главную силу персидскаго войска составляли греки ³⁾. Ту же роль въ IV и V вв. въ Римской имперіи стали играть германцы. Есть даже аналогія между завоеваніемъ Персидской монархіи греками и занятіемъ германскими племенами западныхъ провинцій германцами: и тамъ, и здѣсь переходу политической власти въ чужія руки предшествовалъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ инфильтраціи, просачиванія извнѣ иноземнаго элемента во внутренній составъ государства ⁴⁾. Если въ войнѣ Александра Македонскаго съ Персіей въ обѣихъ арміяхъ мы видимъ грековъ, то аналогичный фактъ представляетъ намъ и грандіозная битва войскъ Римской имперіи съ полчищами Атилы (451 г.), ибо въ обѣихъ арміяхъ сражались германцы, одни за имперію, другіе противъ имперіи. Самое занятіе германцами отдѣльныхъ провинцій было вступленіемъ ихъ на римскую военную службу. Разница состояла въ томъ, что культурныя и экономическія условія на Западѣ были иныя, чѣмъ на Востокѣ. Греки несли съ собою въ Персидскую монархію высшую культуру, тогда какъ германцы были еще настоящими варварами, которые и приносили съ собою элементы пониженія культуры. Наемныя греческія войска на Востокѣ искали главнымъ образомъ денегъ ⁵⁾, германцы — земель, и раздача солдатамъ участковъ въ Италіи въ эпоху гражданскихъ смутъ конца республики была первымъ прецедентомъ для позднѣйшаго надѣленія землею варваровъ въ предѣлахъ имперіи.

Содержаніе арміи, конечно, стоило большихъ средствъ, особенно въ виду того, что съ самаго же начала имперія стала

¹⁾ См. выше, стр. 67 и 108—109.

²⁾ См. выше, стр. 92 и др.

³⁾ См. выше, стр. 131 и слѣд.

⁴⁾ На это сходство было уже указано на стр. 130

⁵⁾ См. выше, стр. 122.

задабривать ее большими раздачами денег¹⁾. Съ денежными подарками солдатамъ Тацитъ ставитъ на ряду лишь даровую раздачу хлѣба народу²⁾, а все это, конечно, ложилось на мирное и трудовое населеніе имперіи. Все болѣе и болѣе уклонявшееся отъ военной службы населеніе имперіи все болѣе и болѣе должно было уплачивать налоговъ для найма военной силы, охранявшей его мирный трудъ.

Кромѣ войска, большихъ денегъ стоило и содержаніе имперской бюрократіи, достигшей высшей точки своего развитія въ имперіи послѣ реформы Діоклетіана и Константина. Съ общимъ характеромъ этой реформы мы знакомы³⁾, и здѣсь намъ остается прибавить, что, во-первыхъ, она сильно увеличила чиновничій штатъ имперіи, а во-вторыхъ, усилила административное воздѣйствіе власти на населеніе къ невыгодѣ для законности въ мѣстномъ управленіи и для муниципальнаго самоуправленія. Въ основѣ діоклетіано-константиновской реформы лежало недовѣріе власти и къ населенію, и къ администраціи. Для того, чтобы лучше можно было надзирать за первымъ, нужно было умножить правительственный персоналъ съ образованіемъ болѣе мелкихъ административныхъ единицъ, какими и были новыя провинціи; ихъ было около 120, тогда какъ прежде число ихъ не доходило до 50. Съ другой стороны, одно начальство ставилось подъ контроль другого и подъ общій тайный надзоръ особыхъ агентовъ. Дабы начальники областей не были опасны для центральной власти, у нихъ, какъ мы видѣли, отняли военную команду, что было очень благоразумно послѣ ряда узурпацій, совершенныхъ въ провинціяхъ въ эпоху смуть,— мѣра, напоминающая намъ отдѣленіе военной власти отъ гражданской въ Персіи при Даріи и въ эллинистическихъ царствахъ⁴⁾, но судъ зато никогда отъ администраціи въ бюрократической организаціи не отдѣлялся. Соединеніе обѣихъ функцій въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, конечно, открывавшее широкій просторъ всякаго рода усмотрѣніямъ и произволу, не только не было опаснымъ для центрального правительства, но даже входило въ его систему постояннаго воз-

¹⁾ См. выше, стр. 244 и др.

²⁾ См. выше, стр. 244 и 309.

³⁾ См. выше, стр. 275—276.

⁴⁾ См. выше, стр. 120, 155 и др.

дѣйствія на населеніе въ государственномъ интересѣ, подъ которымъ часто разумѣлся односторонній интересъ самихъ носителей власти. Однимъ изъ этихъ интересовъ было именно утвержденіе ея самой на непоколебимыхъ началахъ безусловнаго ея верховенства и безпредѣльности ея правъ. Съ умноженіемъ разнаго рода центральныхъ и провинціальныхъ канцелярій развились уже бывшіе и раньше извѣстными, напр., фараоновскому Египту бумажное многописаніе и бюрократическій формализмъ¹⁾, заслонявшіе собою очень часто настоящее живое дѣло. Государство на платившееся имъ денежное жалованіе и выдававшееся натурою содержаніе (аннонае) прокармливало громадное число лицъ, начиная съ высшихъ чиновъ имперіи и кончая самыми незначительными канцелярскими чиновниками и даже служителями, *оффиціалами* (*officiales*), какъ ихъ называли по обозначенію мѣстъ ихъ службы, т.-е. канцелярій *оффиціями*²⁾, но кромѣ того, всѣ эти лица получали много и прямо съ населенія въ формѣ „благодарностей“, взятокъ и т. п. Чиновничество совершенно обособилось въ IV и V вв. отъ гражданскаго общества, на которое стало смотрѣть не только, какъ на совокупность людей, управляемыхъ имъ отъ имени государства, но и какъ на особый классъ населенія, изъ котораго можно извлекать непосредственныя выгоды. Въ IV в. извѣстный церковный писатель Лактанцій находилъ, что въ имперіи число чиновниковъ превысило число гражданъ („берущихъ“ стало больше, чѣмъ „дающихъ“): если это, конечно, не было буквально вѣрно, то все-таки можетъ служить характеристикой тогдашняго имперскаго бюрократизма.

Служба государству въ легіонахъ и въ оффиціяхъ отрывала отъ другихъ видовъ дѣятельности значительную часть населенія, на которое и падали всѣ расходы содержанія военныхъ и гражданскихъ слугъ имперіи. У государства были и иные расходы (прокармленіе пролетаріата столицъ, содержаніе двора, казенныя субсидіи духовенству и т. п.), которые, поглощая доходы патримонія, требовали еще и обложенія населенія податями, тѣмъ болѣе, что въ III в. патримоній сталъ расхищаться поземельною знатію подъ видомъ сѣмки въ аренду отдѣльныхъ помѣстій, его состав-

¹⁾ См. выше, стр. 67.

²⁾ См. выше, стр. 276.

явивших. Мы знаемъ, что въ имперіи система откуповъ смѣнилась бюрократической финансовой администраціей ¹⁾, но хотя послѣдняя и была болѣе выгодной и для населенія, и для государства по самому существу дѣла, на практикѣ она могла идти хорошо лишь подъ условіемъ полного единства и внутренней стройности, т.-е. совершенной плановѣрности, экономности и аккуратности. Этими качествами завѣдованіе имперскими финансами, однако, не отличалось, хотя и было выдѣлено въ особое вѣдомство.

Не входя въ подробности исторіи имперскихъ финансовъ, укажемъ, что главнымъ предметомъ обложенія была земля, причеиъ отъ обязанности платить поземельный налогъ не были освобождены и императорскія земли. Характерная особенность этой повинности заключалась въ томъ, что она отбывалась частью деньгами, частью натурою (напр., хлѣбовъ), да и государство оплачивало своихъ слугъ не одними деньгами, но и натурою. Даже римская имперія еще не совсѣмъ отдѣлалась отъ остатковъ натурального хозяйства въ своемъ государственномъ хозяйствѣ. Цифрѣ общей казенной доходности у насъ нѣтъ, какъ нѣтъ и цифрѣ земельного обложенія, но общій голосъ современниковъ, оставившихъ свои свидѣтельства о той эпохѣ, говоритъ одно и то же: гнетъ налоговъ былъ крайне обременителенъ и постоянно возрасталъ. Это увеличеніе поземельнаго и иныхъ налоговъ въ связи съ установившейся системою ихъ взиманія съ круговой порукой сосѣдей за недоимки и съ незаконными вымогательствами чиновниковъ подрывало матеріальное благосостояніе населенія и вызывало съ его стороны постоянныя жалобы. Это — одинъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ фактовъ тогдашней исторіи, объясняющій намъ, почему отношеніе населенія къ имперіи, бывшее въ общемъ столь сочувственнымъ въ I и II в., измѣнилось въ IV и V столѣтіяхъ въ отношеніе, которое мѣстами и временами имѣло характеръ непріязни. Варвары не имѣли бы такого успѣха въ занятыхъ ими въ V в. провинціяхъ, если бы отчасти не это обстоятельство. Самое умноженіе чиновничества было вызвано введеніемъ новыхъ налоговъ и измѣненіемъ способа взиманія налоговъ, существовавшихъ раньше: раньше это дѣло лежало на муниципальных властяхъ, которыя и вносили въ госу-

¹⁾ См. выше, стр. 271—272.

дарственную казну причитающуюся сумму, теперь правительство вернулось къ системѣ натуральныхъ сборовъ, которая требовала большаго количества чиновниковъ. Въ III в. имперія пережила дѣлѣй монетный кризисъ. Уже и прежде, нуждаясь въ деньгахъ, императоры ухудшали достоинство чеканившейся ими монеты, а въ III в. даже каждый узурпаторъ чеканилъ свою серебряную монету, въ которой драгоцѣннаго металла было всего какихъ-нибудь 10—15%. Обезцѣненіе денегъ, ставившее и казну въ большое затрудненіе, принудило Діоклетіана вернуться къ несовсѣмъ еще исчезнувшей въ государственномъ хозяйствѣ имперіи системѣ поступленій натурою, развить именно эту систему и даже распространить ее на всевозможные предметы потребленія, необходимыя для военныхъ и гражданскихъ чиновъ имперіи. Это былъ уже прямой экономической регрессъ.

Возвращеніе къ натуральнымъ сборамъ указывало на то, что въ имперіи наступало денежное оскудѣніе, которое само указывало на общій экономической упадокъ. Конечно, явленіе распространялось не на всѣ провинціи одинаково, и въ общемъ западныя терѣли больше восточныхъ, но что особенно замѣчательно, такъ это — оскудѣніе той самой Италіи, которая была создательницей имперіи и въ первые три вѣка имперіи оставалась ея центромъ. Мы видѣли, въ чемъ заключалась ненормальность ея экономического строя еще со временъ великихъ завоеваній республики ¹⁾. Современникъ Нерона, знаменитый натуралистъ Плиній Старшій уже говорилъ, что „Италію губятъ латифундіи“, причеиъ онъ прибавлялъ, что зло распространяется и на провинціи: „latifundia perdidere Italiam, jam vengo et provincias“. Благодаря превращенію полей въ пастбища, Италія очень рано стала терять свое населеніе, уходившее въ провинціи. Императоры боролись съ обезлюденіемъ государственнаго центра. Уже Августъ колонизировалъ Италію своими ветеранами, но это не помогло, и потомъ Неронъ опять тратитъ большія суммы на заселеніе пустопорожнихъ мѣстъ. Во II в. тоже самое: Маркъ Аврелій селилъ въ Италіи даже плѣнныхъ маркоманновъ. То, что дѣлалось въ Италіи, стало проявляться и въ другихъ провинціяхъ Запада, гдѣ господствовали латифундіи. За Италіей очередь доходить до Сициліи, потомъ до Испаніи, наконецъ

¹⁾ См. выше, стр. 306—307.

и до Галліи. Убыль населенія въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ восполнялась устройствомъ въ нихъ обработки запущенныхъ земель плѣнными варварами, а затѣмъ и добровольными колонистами на правахъ эмфитевтовъ, т.-е. лицъ, занимавшихъ среднее положеніе между собственниками и арендаторами. Германская инфильтрація въ предѣлы имперіи была не только военного, но и мирнаго, земледѣльческаго, крестьянскаго характера.

Всеобщимъ показателемъ тяжелаго кризиса, переживавшагося имперіей въ IV в., было то, что въ населеніи обнаруживается стремленіе уклоняться отъ налога, — который, между прочимъ, сталъ падать и на личность подданнаго имперіи, — уходомъ съ мѣста жительства и другими способами, и что государство поэтому стало прикрѣплять плательщиковъ къ мѣстамъ ихъ постоянного пребыванія и закрѣпощать въ фискальныхъ интересахъ цѣлыя классы населенія. Отъ этого страдали одинаково и муниципальное самоуправленіе, и личная свобода подданныхъ имперіи.

Развитіе бюрократизма въ государствѣ сопровождалось паденіемъ муниципального самоуправленія. Участіе въ послѣднемъ и раньше было не только привилегіей, но и несеніемъ извѣстной общественной службы, своего рода тяглою (*munus*). Муниципальный строй былъ организаціей имущихъ классовъ отдѣльныхъ мѣстностей, которымъ отдавалась въ руки завѣдованіе мѣстными дѣлами, но съ условіемъ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, причемъ декуріоны должны были на свои средства доставлять неимущимъ хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ и даже устраивать праздники, за всѣ же недочеты въ городскомъ хозяйствѣ нести имущественную отвѣтственность. Въ этомъ и состоялъ *munus*, который имѣлъ глубокіе корни въ общинномъ быту древнихъ и которому въ старыхъ государствахъ-городахъ Греціи соответствовали такъ называемыя *литургии*, падавшія на самыхъ богатыхъ гражданъ¹⁾. Даже въ эпоху расцвѣта муниципального самоуправления финансы городовъ далеко не всегда были въ блестящемъ положеніи, да и другіе неурядки тоже обнаруживались въ веденіи муниципальных дѣлъ, и вотъ мало-по-малу для ревизіи этихъ дѣлъ, для урегулированія финансовъ и т. п. надъ муниципальнымъ бытомъ установился

¹⁾ „Государство-городъ“, стр. 116 и 284.

пристальный правительственный надзоръ, перешедшій потомъ въ бюрократическую опеку. Постепенно возникла и упрочилась особая должность *куратора*, т.-е. попечителя общины (*curator civitatis, curator reipublicae*) не изъ мѣстныхъ гражданъ, а большею частью изъ имперскихъ должностныхъ лицъ. Кураторъ сначала назначался императоромъ, и обязанность его была въ контролированіи муниципальных финансовыхъ отчетовъ, что указываетъ лишь на временный характеръ его функцій. Должность появляется во II в. и мало-по-малу распространяется, причемъ кураторами дѣлаются и мѣстные жители. Въ IV в. въ городахъ мы видимъ еще новую должность *дефенсоровъ*, т.-е. защитниковъ, такъ сказать, опекуновъ мѣстнаго населенія противъ злоупотребленія властей. Одновременно съ этимъ вмѣшательствомъ въ муниципальныя дѣла центральное правительство воспользовалось для своихъ фискальныхъ цѣлей существованіемъ въ городахъ *munus'a* декуріоновъ, или, какъ ихъ стали звать въ IV в., куріаловъ. Именно отвѣтственность за правильное поступленіе налоговъ, падавшихъ на городъ и его округъ, была возложена на куріаловъ. Это было перенесеніемъ на имущіе классы муниципальных общинъ тяжелой повинности общегосударственнаго характера — отвѣчать передъ казною своимъ имуществомъ за всякія недоимки при взиманіи налоговъ. Для послѣднихъ двухъ вѣковъ имперіи фискальный *munus* — такая же характерная особенность финансовой системы, какъ для временъ республики — откупъ. Такъ какъ зажиточное населеніе городовъ стало уклоняться отъ несенія муниципальной службы, то правительство начало принимать мѣры, чтобы этого не было, и чтобы вообще муниципальное тягло функционировало хорошо. Отмѣнены были всѣ прежнія помѣхи для вступленія въ городскую курію (неграмотность, предосудительное поведеніе и т. п.); усиливаются штрафы за уклоненіе отъ муниципальных обязанностей, и въ случаѣ отъѣзда декуріона имущество его начинаетъ передаваться другому лицу; отмѣняется привилегія почетныхъ должностей на государственной службѣ освобождать отъ декуріонства и т. п. Мало этого: Константинъ Великій объявилъ наследственность декуріонства и даже предписалъ вернуть въ это состояніе ушедшихъ изъ него на государственную службу или, по крайней мѣрѣ, приписать къ куріямъ сыновей тѣхъ изъ нихъ, которые на этой службѣ

достигли высокаго положенія. Это было прикрѣпленіемъ къ куріи, закрѣпленіемъ государству зажиточныхъ муниципальныхъ гражданъ, т.-е. *поссессоровъ*, или помѣщиковъ, владѣвшихъ домами въ городахъ и землями въ ихъ округахъ. „Если человекъ, гласилъ законъ 326 г., — если человекъ, назначенный къ исполненію муниципальной магистратуры бѣжить, его надобно разыскивать; если онъ не будетъ найденъ, пусть у него отнимется имущество и будетъ отдано тѣмъ, кто сдѣланъ будетъ дуумвиромъ, вмѣсто него; если же онъ будетъ разысканъ, его наказаніе будетъ заключаться въ томъ, что онъ будетъ обязанъ цѣлыхъ два года нести тягости дуумвирата“.

Логическимъ слѣдствіемъ прикрѣпленія помѣщиковъ къ куріямъ было прикрѣпленіе къ ихъ помѣстьямъ населявшихъ ихъ арендаторовъ-крестьянъ, *колоновъ*. Поссessorъ могъ платить исправно налоги и нести на себѣ муниципальное тягло только подъ условіемъ правильнаго поступленія получаемаго отъ имѣнія дохода. Колоны были поэтому тоже прикрѣплены къ землѣ. Сначала словомъ *colonus* обозначался мелкій землевладѣлецъ, сидѣвшій на своемъ участкѣ, и въ эпоху имперіи крестьянская собственность была уже явленіемъ рѣдкимъ, и колономъ сталъ называться мелкій арендаторъ крестьянскаго типа, сохранившій личную свободу, но колонны IV—V вв. суть уже крѣпостные. Римскіе юристы считаютъ ихъ хотя по положенію своему и свободными, но какъ бы рабами земли, на которой они живутъ: *coloni, licet conditione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius, cui sunt nati, existimantur*. Государственная мѣра, закрѣпощеніе колоновъ за поссessorами, была лишь завершеніемъ процесса, въ которомъ извѣстную роль играли весьма частые случаи задолженности стемщиковъ, но она была и подведеніемъ подъ одно общее положеніе и разныхъ формъ уже ранѣе существовавшаго крѣпостничества¹⁾. Для нуждъ государства правительство прикрѣпляло не только поссessorовъ и колоновъ, но и представителей нѣкоторыхъ профессій (корабельщиковъ, доставлявшихъ египетскій хлѣбъ, хлѣбопековъ, мастеровъ оружія и т. п.).

Христіанскій писатель V в. Сальвианъ²⁾ въ сочиненіи сво-

¹⁾ См. выше, стр. 324.

²⁾ Я уже пользовался его словами въ своемъ „Очеркѣ исторіи французскихъ крестьянъ“, стр. 13 и слѣд.

емъ „De Gubernatione Dei“ говоритъ: „что остается этимъ несчастнымъ, какъ не разбойничать, когда они постоянно претерпѣваютъ бѣды отъ общественныхъ повинностей?.. Непріятеля они меньше боятся, чѣмъ податей, — это легко понять, — и они бѣгутъ къ варварамъ, чтобы уйти отъ насилій, которымъ они подвергаются при сборѣ податей... Судя по тому, что они платятъ, можно подумать, что они живутъ въ изобиліи, но если мы посмотримъ, что у нихъ есть, то мы назовемъ ихъ весьма бѣдными... Мы называемъ ихъ бунтовщиками, — говоритъ еще Сальвианъ, имѣя въ виду возстаніе такъ называемыхъ багаудовъ, — потерянными людьми, ихъ, которыхъ мы сами вынудили быть преступниками. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлало изъ нихъ багаудовъ, какъ не наши несправедливости, какъ не безчестность нашихъ чиновниковъ?.. Вотъ почему эти люди, терпя притѣсненія и погибая отъ грабежа чиновниковъ, сдѣлались варварами, такъ какъ имъ не позволено было быть римлянами“. Варвары и не встрѣтили особенно сильнаго сопротивленія со стороны населенія, когда пришли въ имперію, — явленіе, уже знакомое намъ по той пассивности, какую встрѣчали въ поработанномъ народѣ восточныхъ деспотій многіе завоеватели: рабамъ было безразлично, кто будетъ ихъ господиномъ¹⁾.

Государство въ послѣднія времена имперіи на Западѣ тяжело ложило и на представителей средняго землевладѣнія, и на представителей крестьянскаго труда. Даже имперская знать, сенаторское сословіе, обладатели латифундіальной собственности, такъ сказать, начинаетъ отворачиваться отъ государства, выдѣляя изъ своей среды людей, которые предпочитаютъ всѣмъ высшимъ должностямъ на государственной службѣ независимость земельныхъ магнатовъ, господъ замкнутыхъ домашнихъ хозяйствъ. Однимъ изъ ихъ прототиповъ былъ уже упоминавшійся нами Аттикъ²⁾. Императорская политика, словивъ политическую мощь аристократіи при содѣйствіи демократическихъ элементовъ населенія, не только не нанесла удара соціальной силѣ знати, но даже еще болѣе увеличила, превративъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ привилегированное служилое сословіе³⁾, раз-

¹⁾ См. выше, стр. 64, 67, 92, 112 и др.

²⁾ См. выше, стр. 315—316.

³⁾ См. выше, стр. 317—319.

вивъ съ III в. систему крупной наслѣдственной аренды императорскихъ помѣстій членами этого сословія въ противность болѣе раннему покровительству арендѣ мелкой¹⁾, прикрѣпивъ къ землѣ крестьянъ, жившихъ и на магнатскихъ земляхъ, и даже начавъ отказываться въ пользу этихъ магнатовъ отъ нѣкоторыхъ функций государственной власти по отношенію къ мѣстному населенію. Какъ и передъ паденіемъ республики, и теперь богатые землевладѣльцы снова стали уклоняться отъ публичной дѣятельности, отдѣлять свои интересы отъ интересовъ государства, въ которомъ самомъ, въ свою очередь, произошло поглощеніе казенныхъ земель частнымъ императорскимъ патримоніемъ и власть изъ исполненія публичной функции превратилась въ своего рода частную собственность, изъ принципата въ доминацію²⁾. Упустивъ изъ своихъ рукъ массу земель, государственная власть должна была усилить податныя требованія, закрѣпостивъ на службѣ казнѣ муниципальныя общины имперіи и лишивъ ихъ всякой жизненности и стойкости. Но зато имперскіе сенаторы поднялись очень высоко и стали думать только о себѣ, какъ бы изъять себя изъ необходимости службы имперіи и приобрести самостоятельность. „Они, говоритъ проф. Гревсъ въ трудѣ, на который уже дѣлалась нами ссылка, — вновь смѣлѣе (при покровительствѣ государства) обратились къ старой практикѣ высасыванія экономической крови изъ окружающихъ слабѣйшихъ хозяйственныхъ тѣлецъ и присасыванія къ себѣ мельчайшихъ единицъ³⁾... Имперскіе и провинціальныя магнаты этой эпохи, говоритъ онъ еще, — проникаясь оikosнымъ сепаратизмомъ, перестали ощущать, что сохраненіе имперскаго единства входило въ ихъ интересы. Въ нихъ совершилось, стало быть, такое же паденіе гражданственности, какое было произведено въ низшихъ слояхъ населенія гнетомъ государства и притѣсненіями его агентовъ“⁴⁾. Къ концу имперіи на Западѣ, въ ней, по выраженію того же изслѣдователя, были „сильны и упруги только громадныя владѣнія знатныхъ

1) См. выше, стр. 322—323.

2) См. выше, стр. 264.

3) И. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, I, 601.

4) Тамъ же, I, 608.

господъ, обратившіяся въ вполне самодовлѣющія вотчины“¹⁾. Дѣйствительно, политическій горизонтъ имперской знати постепенно суживался, и, отказываясь служить имперіи даже въ качествѣ первыхъ министровъ, знать не защищала ее отъ враговъ и, подобно разоренной и доведенной до крайности массѣ, легко вступала въ подданство къ варварскимъ королямъ, занявшимъ мѣсто императора въ западныхъ провинціяхъ, и сама вошла въ составъ вестъ-готской и остъ-готской, бургундской и франкской аристократіи, а ее потомки сдѣлались феодальными сеньерами, т.-е. помѣщиками и государями въ одно и то же время.

Востокъ имперіи избѣжалъ этой участи. Въ немъ сохранились и единство абсолютной императорской власти, и бюрократическая централизація, и городской бытъ, тогда какъ Западъ послѣ занятія его провинцій варварами, поселившимися среди стараго романскаго населенія, пошелъ по дорогѣ, приведшей его постепенно къ господству *помпестья-государства*, столь не похожаго ни на *государство-городъ*, ни на *государство-державу*. Въ то время, какъ Византія продолжала традицію монархій древняго Востока, эллинистическихъ царствъ и Римской имперіи въ томъ, что въ ихъ жизни было всеѣмъ имъ общаго; что характеризуетъ ихъ, какъ типъ, хотя и на разныхъ ступеняхъ его развитія, — дорога, по которой пошла эволюція Запада, привела его къ особой политической формѣ, которая можетъ тоже быть предметомъ типологическаго изученія.

1) Тамъ же, I, 603.

ГЛАВА XXIII.

Общие выводы и заключение.

Монархия древняго мира, какъ предметъ типологическаго изученія и въ ихъ исторической преемственности.—Безответственность власти, какъ ихъ основной признакъ.—Греческое различіе между басилеей и тиранніей и римское между принципатомъ и царствомъ.—Принципы „политическаго“ и деспотическаго управленія.—Религіозный принципъ древнихъ монархій.—„Просвѣщенный абсолютизмъ“ въ древнемъ мірѣ.—Развитіе бюрократизма въ древнихъ монархіяхъ.—Городское самоуправленіе въ эллинистическихъ царствахъ и въ Римской имперіи.—Безправность личности въ государствѣ.—Соціальный вопросъ и Римская имперія.—Національнныя и универсальныя монархій.—Роль универсальныхъ монархій въ исторіи культурнаго и экономическаго объединенія народовъ.—Историческое значеніе Римской имперіи въ прошломъ европейскихъ націй.

Приступая къ типологическому изученію монархій древняго міра, я указалъ какъ на тѣ основанія, которыя дѣлаютъ подобное изученіе возможнымъ ¹⁾, такъ и на тѣ трудности, какія представляетъ собою типологическое изученіе въ примѣненіи именно къ монархіямъ древняго міра ²⁾. Это, во-первыхъ, большая ихъ сложность сравнительно съ государствами-городами того же древняго міра, и, во-вторыхъ, большее ихъ между собою несходство въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Римская имперія, какъ универсальная абсолютная монархія, конечно, больше отличалась отъ другой такой же абсолютной и универсальной монархій, каковою была Персидская держава, чѣмъ, напр., государство-городъ Аѣины отъ государства-города Рима, пока они оба оставались таковыми. Тѣмъ не менѣе есть все-таки общія черты, сближающія между собою всѣ разсмотрѣнныя нами монархій, а равно сближающія ихъ и съ другими политическими образованиями этого же рода, гдѣ бы то ни было* и когда бы то ни было. Поэтому по отношенію къ монархіямъ древняго міра могутъ быть сдѣланы нѣкоторые общіе выводы, какъ могутъ быть сдѣланы такіе же общіе выводы и по

¹⁾ См. выше, стр. 5.

²⁾ См. выше, стр. 7.

отношенію къ государствамъ-городамъ древности ¹⁾. Обѣ эти формы, т.-е. и деспотія, и политія древняго міра, далѣе, могутъ быть сопоставлены съ аналогичными имъ явленіями и въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени для дальнѣйшихъ соціологическихъ обобщеній, но при этомъ уже пришлось бы принимать въ расчетъ разницу эпохъ и ступеней развитія, которая приводитъ къ тому, что во многихъ отношеніяхъ государства разныхъ типовъ, но одной и той же эпохи ближе стоятъ другъ къ другу, чѣмъ къ государствамъ тѣхъ же типовъ, но въ другія времена. Различія въ экономическомъ и культурномъ развитіи налагаютъ свою печать на однородныя политическія формы, внося въ нихъ очень значительныя особенности. Мы могли это видѣть и на примѣрѣ, представляемомъ монархіями древняго Востока и греко-римскаго міра, тѣмъ болѣе, что изучали главнымъ образомъ не одновременно существовавшія монархій (какими были, напр., Египетъ, Вавилонія, Лидія и Мидія въ VI в. до Р. Х. и эллинистическія царства III—I вв., или какъ если бы мы занялись параллельнымъ изученіемъ исторіи Франціи, Англіи и Германіи въ эпоху феодализма и сословной монархій), а слѣдили преимущественно за тѣмъ, какъ однѣ смѣнялись другими, Ассирія—Персіей, Персія—державою Александра Македонскаго съ эллинистическими царствами, а эти послѣднія—Римской имперіей.

Прослѣдить преемственность всемирныхъ, какъ ихъ называютъ, монархій, постепенно объединявшихъ древній міръ, было другой задачей настоящей книги ²⁾. Образование такихъ державъ, какъ Ассирія, Персія, царство Александра Великаго и Римская имперія, могущественно содѣйствовали процессу экономическаго и культурнаго сближенія Востока и средиземноморскихъ странъ, начатому еще финикійскими и греческими государствами-городами. Ради того, чтобы эту сторону историческаго процесса представить съ наибольшею наглядностью,—не уклоняясь, однако, отъ строгой исторической причины, даже для болѣе ясной въ передачѣ именно этой истины,—мы дважды отступили отъ общепринятой схемы построенія исторіи древняго міра. Именно исторію монархій Александра Македонскаго и эллинистическихъ

¹⁾ „Государство-городъ“, гл. XX (Общие выводы).

²⁾ См. выше, стр. 7—10.

царствъ мы стали разсматривать не какъ продолженіе исторіи Греціи, а какъ продолженіе исторіи Персидской монархіи, лишь осложненное новыми чертами, выработанными греческою жизнью ¹⁾. Персидскіе цари мечтали о включеніи въ свою державу и Греціи (съ Македоніей) подъ гегемоніей своего народа, и ихъ мечта о такомъ расширеніи созданной Киромъ универсальной монархіи была исполнена Александромъ, но только подъ греко-македонскою гегемоніей. Эллинистическія царства являются продолженіемъ его монархіи, въ которой къ восточной основѣ привились нѣкоторыя греческія черты. Второй разъ мы отступили отъ обычной схемы, взглянувъ на Римскую имперію, какъ на преемницу и продолжательницу того, что начато было Ассиріей, подхвачено Персіей и доведено до извѣстнаго пункта эллинистической монархіей Александра и его преемниковъ. Для такого приема у насъ тоже были свои основанія ²⁾. Какъ въ эллинистическихъ царствахъ сочетались начала восточной деспотіи и греческой политіи съ рѣшительнымъ перевѣсомъ первыхъ надъ вторыми, такъ и въ Римской имперіи происходило сочетаніе принциповъ эллинистическаго царства съ принципами республиканской формы Рима, и Римская имперія, какъ мы имѣли случай неразъ въ этомъ убѣдиться ³⁾, слишкомъ многое унаслѣдовала отъ эллинистическихъ царствъ, въ частности отъ Египта, чтобы мы не имѣли права говорить объ этой имперіи, какъ о прямой наслѣдницѣ универсальной эллинистической монархіи Александра Македонскаго.

Съ высоты птичьего полета исторія древняго міра представляется намъ въ такомъ видѣ ⁴⁾. Древнѣйшая ея сцена — Египетъ и Ассиро-Вавилонія съ лежащею между ними Сиріей. Къ этой сценѣ послѣ паденія Ассиріи, такъ сказать, прирастаютъ съ востока весь Иранъ, съ запада Малая Азія и Балканскій полуостровъ: это эпоха Персидской монархіи, ея попытки овладѣть Греціей, завоеванія ея самой греками. образованія универсальной эллинистической монархіи. Въ историческій процессъ, начавшійся на древнѣйшей сценѣ, были втянуты азіатскіе и европейскіе арійцы: мидяне и

¹⁾ См. выше, стр. 125 и слѣд., гдѣ оправдывается такая точка зрѣнія.

²⁾ См. выше, стр. 174—183 и др.

³⁾ См. выше, стр. 220 и слѣд., 230 и слѣд., 236 и слѣд., 260 и слѣд., 271 и слѣд. и др.

⁴⁾ См. карту I въ концѣ книги.

персы, съ одной стороны, и греки съ македонянами, съ другой. Сначала господство на этой расширенной исторической сценѣ — отъ Инда до Средиземнаго моря — принадлежало азіатскимъ арійцамъ, а потомъ перешло къ арійцамъ европейскимъ, жившимъ на Балканскомъ полуостровѣ. Однако, эллинизмъ не удержалъ за собою Ирана, и въ то время, какъ послѣдній началъ обособляться отъ остального историческаго міра подъ властью персѣвъ, готовилось новое приращеніе исторической сцены къ западу отъ Балканскаго полуострова. Именно въ эпоху второй пунической войны впервые политическія дѣла Востока стали переплетаться съ дѣлами Запада, а въ срединѣ II в. до Р. Х. Римъ, сокрушившій силу Карфагена и овладѣвшій почти всѣми берегами западной части Средиземнаго моря, со всѣми своими владѣніями самымъ тѣснымъ образомъ примкнулъ къ старой исторической сценѣ, овладѣвъ Балканскимъ полуостровомъ и скоро „протянувъ руки“ и къ Малой Азіи. На Востокъ римляне смѣнили грековъ, какъ греки смѣнили персовъ, а тѣ — ассирійцевъ. Персы, греки, римляне, только послѣдовательно примыкали къ международному историческому процессу, начавшемуся въ Египтѣ, Сиріи и Ассиро-Вавилоніи. Примыкая къ этому процессу, они своими завоеваніями расширяли его территорию (персы до Инда, римляне до Атлантическаго океана, Рейна и Дуная), но вмѣстѣ съ тѣмъ они и сами не могли не втянуться въ этотъ процессъ разными сторонами своей культуры и своего политическаго строя.

Особенность греческаго и римскаго завоеваній древнѣйшей исторической сцены, гдѣ впервые стали складываться большія деспотіи съ стремленіемъ къ универсальному господству, заключалась въ томъ, что политическое развитіе обоихъ народовъ, до наступленія въ ихъ собственной исторіи періодовъ владычества надъ „вселенною“, совершалось по республиканскому типу государствъ-городовъ и междугородскихъ федерацій. Между тѣмъ и эллинистическія царства, и Римская имперія были монархіями, т.-е. въ эпоху своего господства и греки, и римляне приняли въ своемъ политическомъ быту ту форму, которая уже выработалась на Востокѣ.

Основнымъ признакомъ этой формы была личная безответственная власть, то, что въ греческой политической литературѣ передавалось словами: ἀνοπεύθυνος ἀρχή ¹⁾. Этотъ

¹⁾ См. выше, стр. 143 и особенно 260—261.

признакъ сопутствуетъ развитію царской власти и въ Египтѣ, и въ мелкихъ государствахъ Сири, и въ Вавилоніи, и въ Ассири, и въ Лидіи, и въ Персіи, и въ эллинистическихъ царствахъ, и въ Римской имперіи, и въ Пароянскомъ царствѣ, и въ Ново-Персидскомъ. На Востокѣ деспотизація власти происходила очень быстро: примѣръ—Еврейское царство, о чемъ въ свое время нами было сказано¹⁾. Царская власть существовала когда-то и въ греческихъ государствахъ-городахъ, и въ Римѣ, и если есть основаніе думать, что въ послѣднемъ она была близка къ неограниченности²⁾, то у грековъ рядомъ съ *басилексомъ* дѣйствовали и совѣтъ знати, и народное вѣче³⁾. Греческая *басилейя* (*βασιλεία*) не была *деспотіей* (*δеспοτεία*), царство не было господствомъ, *доминанціей*, какъ передавали то же самое понятіе по-латыни⁴⁾. Величайшій политическій писатель древности, Аристотель, совѣтовавшій своему ученику Александру править греками „гегемонически“, а варварами „деспотически“⁵⁾, самъ различалъ въ своей „Политикѣ“ разные виды монархіи⁶⁾: „образъ царскаго управленія, говоритъ онъ, не одинъ и тотъ же во всѣхъ государствахъ“⁷⁾. Эту форму, какъ правильную, онъ противопоставлялъ тиранніи, какъ неправильной, смотря по тому, дѣйствуетъ ли единоличный правитель въ интересахъ государства или въ своихъ собственныхъ, и вотъ къ числу видовъ *басилейи*, а не тиранніи онъ относитъ царскую власть у „варварскихъ народовъ и вообще племень, населяющихъ Азію“: такъ какъ, говоритъ Аристотель, они „по природѣ своей суть люди болѣе рабскаго характера, чѣмъ эллины и народы, живущіе въ Европѣ, то деспотическое правленіе они переносятъ безъ неприязи“. Кромѣ того, всего нѣсколькими строками выше Аристотель отмѣчаетъ, что „во всѣхъ такого рода монархіяхъ царская власть по

¹⁾ См. выше, стр. 34—35.

²⁾ См. выше, стр. 196.

³⁾ „Государство-городъ“, стр. 39—40.

⁴⁾ См. выше, стр. 264.

⁵⁾ См. выше, стр. 160.

⁶⁾ О политическихъ взглядахъ Аристотеля см. „Государство-городъ“, гл. XIV.

⁷⁾ Политика Аристотеля, кн. III, гл. 9 (рус. пер. Скворцова. М. 1865, стр. 158).

могуществу своему близко подходить къ власти тиранна¹⁾: главное различіе—въ томъ, что „цари управляютъ тѣми, которые подчиняются имъ по доброй волѣ, а тиранны—тѣми, которые недобровольно подчинены имъ“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ видѣ царства, въ которомъ „власть царя соотвѣтствуетъ власти домохозяина. Какъ хозяинъ въ домѣ есть какъ-бы нѣкоторый царь въ немъ, такъ и царь является здѣсь какъ-бы хозяиномъ государства, или цѣлаго народа, или даже нѣсколькихъ народовъ“³⁾. Политическая литература грековъ эллинистической и римской эпохи, какъ мы видѣли, не столько разрабатывала вопросъ о различіи между царями греческаго (вообще европейскаго) и варварскаго (азиатскаго) типа, сколько сосредоточивала все свое вниманіе на различіи *басилейи* и *тиранніи*, обѣ понимая въ смыслѣ власти абсолютной, но въ однихъ случаяхъ хорошей, въ другихъ дурной⁴⁾. Въ греческой политической литературѣ исчезло такимъ образомъ противоположеніе гегемонической и деспотической власти, которую мы находимъ у Аристотеля.

Это различіе появилось, однако у римлянъ съ возникновеніемъ у нихъ принципата. Не даромъ слово *princeps* передавалось иногда греческимъ *ἡγεμῶν*⁵⁾: императорскій принципатъ въ теоріи не былъ *regnum*, т.-е. царскою властью, и если въ однихъ случаяхъ римскіе писатели по примѣру греческихъ говорили о разницѣ между царемъ и тиранномъ, то въ другихъ они противопоставляли принципса царю (*rex*), отождествляя царство съ *доминанціей*⁶⁾. Эта точка зрѣнія, однако, не удержалась: принципатъ изъ единоличной высшей магистратуры, обязанной считаться съ законами⁷⁾, превратился въ настоящую *доминанцію*, и во все управленіе Римской имперіи проникъ тотъ „домохозяйственный“, частный принципъ, о которомъ говоритъ Аристотель, классифицируя разные виды монархіи.

¹⁾ Тамъ же, стр. 159.

²⁾ Тамъ же, стр. 160.

³⁾ Тамъ же, стр. 162.

⁴⁾ См. выше, стр. 258—265.

⁵⁾ См. выше, стр. 230.

⁶⁾ См. выше, стр. 264.

⁷⁾ См. выше, стр. 262.

Въ концѣ концовъ и у Аристотеля, и у другихъ политическихъ писателей древности разница между царскою властью и тиранніею полагается главнымъ образомъ не въ происхожденіи власти, т.-е. не въ законномъ ея обладаніи или въ узурпаціи¹⁾, не въ ея компетенціи, т.-е. ни въ ограниченности или неограниченности, а въ томъ, править ли государь въ интересахъ государства или въ своихъ личныхъ интересахъ. Варварскія царства Аристотель потому и считалъ близкими къ тиранніи, что въ нихъ частный интересъ носителя верховной власти неизбежно долженъ былъ получить самодовлѣющій характеръ. Понятіе государственнаго, „политическаго“, публичнаго интереса и было выработано только греческими политіями и Римскою республикою, которыя поставили и монархіи инныя задачи чѣмъ тѣ, какими она задавалась на Востокѣ: за нею были признаны не только права, но и обязанности. Лучшіе римскіе императоры руководились такимъ пониманіемъ своей власти²⁾, но въ римскомъ принципатѣ все болѣе и болѣе укоренялся восточный взглядъ на власть, какъ на нѣчто самодовлѣющее и стоящее надъ государствомъ, подобное власти домохозяина надъ его семьей и имуществомъ³⁾.

Эта самодовлѣющая власть уже въ самыя древнія времена не только соединялась съ верховнымъ жречествомъ, но и сама обоготворялась, т.-е. и въ представленіи самихъ носителей власти, и въ сознаніи ихъ подданныхъ имѣла высшую религіозную санкцію. Жречество древнихъ царей—повсемѣстный фактъ, и съ императорскою властью въ Римѣ въ теченіе четырехъ вѣковъ былъ связанъ верховный понтификатъ⁴⁾. Еще болѣе авторитетъ придавала носителямъ власти ихъ божественность, начиная отъ египетскихъ фараоновъ и кончая римскими императорами⁵⁾. Земной богъ не могъ не быть безответственнымъ владыкой. Философскія теории, конечно, не могли стоять на такой точкѣ зрѣнія проповѣди „божественнаго права“. Вообще это послѣднее понятіе они замѣняли идеей „естественнаго права“, и ихъ монархія наи-

¹⁾ Впрочемъ, этотъ моментъ Аристотелемъ принимается въ расчетъ.

²⁾ См. выше, стр. 251—252.

³⁾ См. выше, стр. 363.

⁴⁾ См. выше, стр. 37, 234 и др.

⁵⁾ См. выше, стр. 60, 232—233 и др.

лучшаго, какъ въ XVIII в. у Вольтера или у физиократовъ, была, въ сущности, „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“¹⁾, но ихъ точка зрѣнія не удержалась. Диоклетіанъ окончательно придавъ власти римскаго императора божественный характеръ, т.-е. и здѣсь восточный, теократическій принципъ побѣдилъ рационалистическую точку зрѣнія западной философіи.

Ту же противоположность между восточно-деспотическими и греко-римскими, политическими началами мы видимъ въ различіи между безусловнымъ бюрократизмомъ древнихъ монархій Востока, начиная съ Египта²⁾, и общественнымъ самоуправленіемъ античныхъ гражданскихъ общинъ. Эллинистическимъ царствамъ и Римской имперіи пришлось сочетать оба принципа, но птолемеевскій Египетъ уклонился отъ этого въ пользу полного сохраненія восточнаго начала, а Селевкиды въ своемъ царствѣ только потерпѣли неудачу, и лишь Римская имперія сумѣла на довольно долгое время сочетать неизбежный въ большой странѣ бюрократизмъ съ широкимъ муниципальнымъ самоуправленіемъ³⁾. Однако, и здѣсь наслѣдство античныхъ политій въ концѣ концовъ было побѣждено наслѣдіемъ деспотическаго Египта.

Была еще одна черта различія между восточными деспотіями и античными политіями. Впервые въ послѣднихъ чело-вѣческая личность пришла къ сознанію своихъ правъ на свободу и своего нравственнаго достоинства. Въ настоящее время нельзя уже говорить, будто всегда и вездѣ античный гражданинъ былъ всецѣло поглощенъ государствомъ⁴⁾: демократическое движеніе прямо сопровождалось повсемѣстно эманципаціей личности. Римское гражданское право въ сферѣ частныхъ отношеній тоже было провизнуто принципами индивидуализма⁵⁾. Римская имперія, однако, и здѣсь была возвращеніемъ къ восточнымъ формамъ. Въ ней мы наблюдаемъ полное отсутствіе гарантій личности, а гоненія на христіанъ (какъ потомъ въ Византіи на еретиковъ) и закрѣпощеніе главныхъ классовъ населенія государству свидѣтель-

¹⁾ См. выше, стр. 142—143, 260 и слѣд.

²⁾ См. выше, стр. 63, 65 и др.

³⁾ См. выше, стр. 163—165 и 277 и слѣд.

⁴⁾ См. „Государство-городъ“, гл. XI (Положеніе личности въ античномъ государствѣ).

⁵⁾ См. выше, стр. 298—300.

ствуютъ и тутъ, что восточное государство-божество одержало верхъ надъ государствомъ, какъ союзомъ свободныхъ гражданъ.

Римская имперія не разрѣшила и социальнаго вопроса, оставленнаго ей въ наслѣдство республикой¹⁾, и демократическая политика первыхъ вѣковъ имперіи оказалась слишкомъ поверхностною и слабою для противодѣйствія захватамъ поземельной знати. Въ восточныхъ деспотіяхъ развивалось крупное землевладѣніе рядомъ съ усиленіемъ безправности земледѣльческой массы, что наблюдается нами уже въ фараоновскомъ Египтѣ²⁾. Только въ античныхъ государствахъ-городахъ социальныя движенія получили сколько-нибудь опредѣленный характеръ и начали ставить передъ правительствомъ задачу разрѣшенія цѣлаго ряда экономическихъ и юридическихъ вопросовъ. Демократизація государства неминуемо вела къ демократизаціи его социальной политики³⁾. Императорская власть въ Римѣ выросла изъ демократической диктатуры, но развитіе ея шло рука объ руку съ аристократизаціей общества во всей имперіи. Пролетарскій вопросъ, какъ таковой, устранялся изъ внутренней политики кормленіемъ столичной черни на казенный счетъ, представлявшимъ собою худшее наслѣдіе республиканской эпохи, которое перешло и въ эллинистическія царства. Государство-городъ оказалось не въ силахъ прочно и сколько-нибудь справедливо устроить свой социальный бытъ, и тѣмъ менѣе могло это быть сдѣлано государствомъ, принявшимъ форму огромнаго патримонія. Въ IV и V вв. Римская имперія не только окончателно бюрократизировалась, но и аристократизировалась по древне-египетскому образцу. Безграничный деспотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый крупный землевладѣлецъ въ странѣ наверху, землевладѣльческая и служилая знать, какъ единственный классъ, пользующійся какими-либо правами въ серединѣ, и совершенно безправная масса внизу—вотъ характеристика социального строя и фараоновскаго Египта, и діоклетіано-константиновской имперіи.

Монархіи древняго міра можно раздѣлить на національныя и универсальныя, всемірныя. Между націонализмомъ

¹⁾ См. выше, гл. XV.

²⁾ См. выше, стр. 64.

³⁾ „Государство-городъ“, гл. XIII и XIV.

и универсализмомъ борьба проходитъ красною нитью черезъ всю древнюю исторію. Особымъ націонализмомъ отличались Египетъ и Еврейское царство, вѣрнѣе еврейская нація¹⁾, да и въ большихъ державахъ иногда проявлялся извѣстный націонализмъ. Стремленіе Антиоха Эпифана насильственно эллинизировать евреевъ²⁾ или чисто римскій характеръ реформы Августа³⁾—два разные характера одной и той же категоріи съ тѣмъ лишь различіемъ, что одна политика была агрессивная, другая лишь оборонительная. Но агрессивный націонализмъ въ политикѣ древнихъ монархій—явленіе сравнительно рѣдкое, исключительное. Денаціонализація мелкихъ народностей была скорѣе результатомъ естественныхъ, чѣмъ искусственныхъ процессовъ. Отрѣшаясь отъ национальной исключительности, универсальныя монархіи шли рука объ руку съ развитіемъ философскаго космополитизма, и величайшимъ римляниномъ, провидѣвшимъ универсальный характеръ Римской державы, былъ, конечно, Юлій Цезарь⁴⁾. Историческая наука съ гораздо бѣльшимъ правомъ можетъ приписывать его планамъ то, что впоследствии осуществлялось имперіей, нежели то же самое ставится въ заслугу Александру на основаніи говорившагося о немъ уже въ эпоху Римской имперіи⁵⁾. Насколько Цезарь былъ выше Александра, настолько Александръ—выше Кира. Дѣло, конечно, не въ ихъ личныхъ дарованіяхъ, а въ общемъ прогрессѣ жизни въ теченіе пятисотъ лѣтъ, отдѣляющихъ эпоху Цезаря отъ эпохи Кира. Если объ основателѣ Персидской монархіи можно сказать, что онъ очень быстро вавилонизировался, а объ Александрѣ, что и онъ ориентализировался довольно скоро⁶⁾, то на Цезарѣ сказались эллинизация, т.-е. превосходство греческихъ культурныхъ элементовъ, когда уже Птолеми и Селевкиды сдѣлали свое дѣло, бывшее продолженіемъ дѣла Александра Великаго. Говоря здѣсь о „дѣлѣ“ македонскаго завоевателя и его преемниковъ, я, конечно, имѣю въ виду результаты ихъ

¹⁾ См. выше, стр. 108—109 и др.

²⁾ См. выше, стр. 168.

³⁾ См. выше, стр. 224 и 339—340.

⁴⁾ См. выше, стр. 221 и др.

⁵⁾ См. выше, стр. 147 и 291.

⁶⁾ См. выше, стр. 150 и слѣд.

дѣятельности, которыхъ они сами могли и не имѣть въ виду, отнюдь не исполненіе какой-либо миссіи, ибо, собственно говоря, въ исторіи и нѣтъ никакихъ миссій, если только не употребляютъ этого термина въ фигуральномъ смыслѣ. Однимъ изъ величайшихъ слѣдствій завоеванія Востока греками было распространеніе по всему Востоку несравненной греческой культуры, которая могла быть выработана только свободными людьми въ свободныхъ политіяхъ, но эта же культура стала проникать и на римскій Западъ, завоеваніе которымъ Востока только способствовало усилению греческаго вліянія въ Римѣ. Эллинизация Востока дополнилась романизацией Запада. Если мы наложимъ одна на другую карты монархій Александра Македонскаго и Римской имперіи ¹⁾, то увидимъ, что лишь въ средней части исторической территоріи древняго міра эти двѣ карты покроютъ одна другую. Эта средняя часть — древнѣйшая историческая сцена (т.-е. Египетъ, Сирія, Ассири-Вавилонія) съ прибавкою Малой Азіи и Балканскаго полуострова, позднѣе же, послѣ раздѣленія имперіи на Восточную и Западную, это было территоріей Византійской имперіи. Къ востоку отъ этой территоріи, входившей въ составъ и монархій Александра Македонскаго, и Римской имперіи, эллинизация не имѣла большого успѣха, будучи остановлена возрожденіемъ національныхъ элементовъ Ирана, а къ западу отъ разсматриваемой средней части исторической сцены древняго міра эллинизацию замѣнила романизация. Если мы вспомнимъ, что эллинизмъ и романизмъ были лишь двумя отбѣнками общей греко-римской культуры, отъ которой сильно отличалась иранская культура царства Арсакидовъ и Сассанидовъ, то для насъ послѣднее явится „отрѣзаннѣмъ ломтемъ“ отъ главной сцены исторіи на берегахъ Средиземнаго моря.

Распространеніе болѣе высокой культуры началось на берегахъ этого моря въ эпоху ассирійскаго и персидскаго владычества въ Азіи. Финикійская и греческая колонизация и торговля положили начало приобщенію средиземноморскихъ странъ къ выработанной народами Египта, Сиріи и Ассири-Вавилоніи культурѣ, но финикіяне и греки не образовали большихъ государствъ, которыя и политически могли бы содѣйствовать духовному и экономическому взаимодействию

¹⁾ См. карту II, приложенную въ концѣ книги.

націй. Оно давно началось на Востокѣ, и возникновеніе завоевательныхъ монархій за полтора тысячелѣтія до Р. Х. сильно содѣйствовало смѣшенію народовъ и взаимодействию культуръ. Послѣднее мы прослѣдили на примѣрѣ религіознаго синкретизма. Если въ эпоху Римской имперіи на крайнемъ ея западѣ, въ Галліи, существовалъ культъ египетской Изиды или иранскаго Митры, то не нужно забывать, что еще раньше народы Востока перенимали другъ у друга боговъ и обрядности культа. Религіозный синкретизмъ въ древнемъ мірѣ имѣетъ свою исторію, въ которой играютъ роль и Ассирія, перетасовавшая подвластныя народности, и Римская имперія, тоже немало содѣйствовавшая культурному взаимодействию разноплеменнаго состава своего населенія. Образованіе универсальныхъ монархій содѣйствовало и экономической интеграціи древняго міра. Финикіяне первые своею торговлею опредѣлили его границы между Индомъ и Атлантическимъ океаномъ. Ни персы и Александръ Македонскій, ни Римъ не владѣли всей этой территоріей, и только арабы послѣ Магомета распространили свой халифатъ почти на всю эту часть Стараго Свѣта. Несомнѣнно, однако, что Персидская монархія, и греческое владычество на Востокѣ, и Римская имперія на Западѣ созданнымъ ими политическимъ объединеніемъ только способствовали экономической интеграціи древняго міра. Мы видѣли, что особенно Римская имперія, долѣе другихъ универсальныхъ монархій державшая значительную часть древняго міра въ своихъ границахъ, объединяла подвластныя ей страны и воздѣйствіемъ государства на экономическую дѣятельность населенія. Въ этомъ нашемъ обзорѣ великихъ монархій древности естественно отведено больше всего мѣста Римской имперіи. Причины этого весьма понятны. Во-первыхъ, изъ всѣхъ универсальныхъ державъ она особенно долго существовала. Во-вторыхъ, ея исторія отличается и гораздо болѣею сложностью, чѣмъ исторія другихъ. Въ-третьихъ, она ~ къ нимъ ближе по времени, и ее мы гораздо лучше знаемъ. Болѣе продолжительному времени существованія, сложности внутреннихъ

отношений и лучшей известности Римской империи соответствует, наконец, и особенная ее важность со всемирно-исторической точки зрения вообще и с точки зрения европейской истории в частности. Европейская история в средние века есть не что иное, как непосредственное продолжение истории Римской империи, и потому весьма естественно возникает мысль, нельзя ли видеть в этой эпохе такой же отдаленности всемирной истории, как древность и средневековье, именно время перехода от древнего мира к средним векам, говоря точнее. Мы видели, какому большому количеству стран теперешней Европы соответствуют владения Римской империи в нашей части света

1). Франция, напр., продолжает римскую провинцию Галлию и т. п., но ведь кроме того, к империи примкнули и под ее влиянием начали свое историческое развитие и совсем новые европейские народы. Конечно, порядки везде сильно изменялись под влиянием дальнейшего хода исторической жизни, по римские идеи, в частности политические и юридические принципы, выработанные Римской империей, продолжали влиять на государственное и правовое сознание «новых народов», их культурных классов и их правительств. Вот почему Римской империи мы и отделили целую половину настоящей книги, тем более еще, что в Римской империи мы видим и высшую для всей древности ступень в эволюции того политического типа, которому посвящена наша книга.

1) См. выше, стр. 184—185.

ОБЪЯСНЕНИЕ КАРТЪ.

I. На первой карте схематически изображается расширение исторической сцены в древнем мире, причем в основу взята политическая сторона. Древнейшей исторической сценою была территория, состоявшая из Египта, Сирии и Ассирии-Вавилонии (см. стр. 14). В мидо-персидскую и греко-македонскую эпохи она расширилась и к востоку и к западу, причем оба эти периода приходится сливать в один период, благодаря тому, что греко-персидские войны V и IV вв. представляют собою одно длящееся явление. Приблизительно до конца III в. перед Р. Х. история Запада шла особняком от истории Востока, но в это время впервые, как выражается Полибий, азиатские и греческие дела, с одной стороны, и италийские и африканские, с другой, начинают между собою переплетаться (стр. 175), в середине же II в. до Р. Х. с завоеванием Македонии и Греции Рим и его тогдашние владения с бывшими владениями Карфагена, так сказать, прирастают к более старой исторической сцене (стр. 176). Четвертый период, это — постепенное приобщение к истории Рима и остальных областей на Западе, которые вошли в состав его империи после 146 г. На этой карте можно видеть, что главное расширение исторической сцены произошло к западу, в сторону Средиземного моря, тогда как страны к востоку от Тигра сдвинулись скорее «отрезанным ломтем» (стр. 20). Особенно см. стр. 349—352.

II. На второй карте сопоставлены монархия Александра Македонского и Римская империя. Границы первой из них почти совпадали с границами Персидской державы, кроме, конечно, Балканского полуострова, на котором у персов не было прочных владений. Римская граница в Азии колебалась, и лишь при Траяне

имперія владѣла здѣсь территоріей за Евфратомъ и Тигромъ, что отмѣчено пунктиромъ. Первая изъ этихъ рѣкъ служила границей съ Пароянскимъ (Ново-Персидскимъ царствомъ), такъ что только западная половина древнѣйшей исторической территоріи, примыкавшая къ Средиземному морю, входила въ составъ Римской имперіи ¹⁾. Ср. стр. 349 и слѣд., гдѣ объ этомъ говорится подробнѣе.

¹⁾ Другія карты, иллюстрирующія многія мѣста текста настоящей книги, даны въ моей „Учебной книгѣ древней исторіи“. См. особенно карты Передней Азіи и Египта въ эпохи: 1) египетскихъ и ассирійскихъ завоеваній, 2) въ VI в. до Р. Х., 3) подъ персидскимъ владычествомъ и 4) при Александрѣ Македонскомъ и во времена эллинистическихъ царствъ, а также двѣ карты роста Римской державы: 1) при республикѣ и 2) императорахъ и третью, на которой представлено раздѣленіе Римской имперіи на префектуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	III
I. Великія монархіи и государства-города древняго міра.	1
Двѣ главныя политическія формы древняго міра. — Ихъ различное значеніе въ исторіи. — Возможность типологическаго изученія каждой формы. — Затрудненія, сопряженныя съ типологическимъ изученіемъ великихъ монархій древности. — Историческая преемственность этихъ монархій и роль ихъ въ развитіи культурнаго взаимодѣйствія отдѣльных народовъ. — Раздѣленіе древней исторіи на два крупныхъ отдѣла. — Взаимодѣйствіе и борьба несходныхъ политическихъ началъ въ исторіи эллинистическихъ монархій и Римской имперіи.	
II. Историко-географическій обзоръ древняго міра . . .	13
Хронологическіе и географическіе предѣлы, въ которыхъ берутся въ этой книгѣ отдѣльныя монархіи. — Территорія древнѣйшихъ крупныхъ политическихъ организацій. — Разница въ историческомъ значеніи Нила и Евфрата. — Вавилонъ и Ассирія. — Борьба Египта съ Ассиріей за Сирію. — Пошты образованія большихъ царствъ въ Сиріи. — Финикія и переходъ отъ рѣчныхъ цивилизацій къ морскимъ. — Общее значеніе Средиземнаго моря. — Возникновеніе Персидской державы и переходъ первенства въ исторіи отъ семитовъ къ арійцамъ. — Греческій и туземный элементы въ эллинистическихъ царствахъ. — Римъ и Пароянское царство. — Политическое объединеніе береговыхъ странъ вокругъ Средиземнаго моря.	

III. Образование первых государств древности 24

Самыя раннія городовыя государства Востока. — Невозможность прослѣдить ихъ возникновеніе. — Города, какъ центры осѣдлаго населенія среди кочевниковъ. — Сліяніе мелкихъ государствъ въ крупныя. — Примѣръ Египта. — Древнѣйшія преданія о бытѣ еврейскаго народа. — Израильскіе „судія“. — Установленіе царской власти въ Израилѣ. — Сепаратистическія стремленія и борьба съ ними центральной власти. — Превращеніе Еврейскаго царства въ деспотію. — Судебная функція древней царской власти. — Жреческое достоинство царя. — Значеніе религіознаго объединенія для объединенія государственнаго.

IV. Историческое значеніе древней торговли 39

Взаимныя отношенія политической и экономической интеграціи. — Формула экономической эволюціи, предложенная Бюхеромъ. — Наше незнакомство съ наиболѣе ранними ступенями экономического развитія культурныхъ странъ древняго Востока. — Періодъ натурального хозяйства. — Начало торговли и возникновеніе денежнаго хозяйства. — Вліяніе торговли на внутрений бытъ. — Вліяніе политическаго объединенія на развитіе торговыхъ сношеній.

V. Общій характеръ египетской государственности 57

Древность египетской культуры. — Царская власть въ Египтѣ. — Религіозный характеръ этой власти. — Сосредоточеніе въ рукахъ царя матеріальнаго могущества. — Египетская бюрократическая централизація. — Угнетенное положеніе массы. — „Феодальная“ знать въ Египтѣ. — Былъ ли въ Египтѣ феодализмъ? — Существовали ли въ Египтѣ касты? — Религіозная санкція установленнаго порядка. — Развитіе письменнаго дѣлопроизводства въ Египтѣ. — Превращеніе Египта въ завоевательную державу. — Потеря Египтомъ національной независимости.

VI. Общій характеръ ассиро-вавилонской государственности 68

Древнѣйшее политическое прошлое Ассиро-Вавилоніи. — Первое возвышеніе Вавилона. — Начало могущества Ассиріи. — Судьба Вавилона подъ чужеземною властью. — Общая ассиро-вавилонская культура и различіе между характеромъ Вавилона и Ассиріи. — Ниневія. — Военственный характеръ ассирийцевъ. — Характеръ царской власти въ Ассиріи. —

Отношеніе ея къ жречеству. — Мирная дѣятельность ассирийскихъ царей. — Культурный характеръ Ново-Вавилонскаго царства.

VII. Египетскія и ассирийскія завоеванія 82

Международныя отношенія древняго Востока. — Всемирно-историческая схема четырехъ монархій. — Настоящее мѣсто Ново-Вавилонской монархіи въ международной исторіи Востока. — Происхожденіе идеи всемірной монархіи. — Расширеніе границъ Египта. — Походы фараоновъ въ Азію. — Ихъ политика по отношенію къ побѣжденнымъ. — Политика ассирийскихъ царей въ завоеванныхъ странахъ. — Отношеніе Ассиріи къ Египту. — Предѣлы Ассирийской державы. — Паденіе Ниневіи и причины разрушенія Ассирийской монархіи. — Великіе города Востока.

VIII. Начало смѣшенія народовъ и взаимодѣйствія культуръ на Востокѣ 93

Постепенное сближеніе отдѣльныхъ народовъ въ исторіи Востока. — Этнографическій составъ населенія древнѣйшихъ историческихъ странъ. — Семитическая раса. — Болѣе позднее выступленіе арийцевъ. — „Теорія расы“. — Что такое народность? — Денаціонализаціонная политика ассирийскихъ царей. — Начало религіознаго синкретизма. — Первое проявленіе религіознаго прогелитизма въ ассирийской исторіи. — Націоналистическая оппозиція противъ чужеземныхъ вліяній. — Подчиненіе Египта чужеземному вліянію.

IX. Всемирная монархія персидскаго царя 110

Политическія отношенія на Востокѣ между паденіемъ Ниневіи и возвышеніемъ Кира. — Новый господствующій народъ на Востокѣ — персы. — Образование державы Кира. — Впечатлѣніе, произведенное Киromъ на современниковъ. — Завоеванія Камбиза и Дарія. — Территориальный составъ Персидской монархіи. — Отсутствие у персовъ національной исключительности. — Разумная политика первыхъ персидскихъ царей. — Столицы персидской монархіи. — Распространеніе въ этой монархіи арамейскаго языка. — Внутренняя организація Персіи. — Финансовая система Дарія. — Усиѣхи торговли въ персидскую эпоху. — Причины внутренняго разложенія Персіи. — Общее значеніе персидскаго владычества.

X. Завоеваніе Востока греками 125

Нарушение обычного перехода от истории Востока к истории Греции.—Первоначальное появление греков в состав населения Персидской монархии.—Греческие города в Персии.—Возстания греков против персов и выгоды подчинения персидской власти.—Греки в Египте.—Процесс инфильтрации греков в Персию и культурного их взаимодействия с варварами.—Причины греческой иммиграции в Персию.—Превосходство греческого военного искусства.—Обнаружение слабости Персии.—Особенно большой отлив греков в Переднюю Азию и Египет при Александре Македонском и его преемниках.—Распространение греческого языка на Восток.—Установление македонской гегемонии в Греции и завоевание Александром Македонским Персидской державы.—Впечатление, произведенное этим событием на современников.—Распадение монархии Александра Македонского и судьба греческого элемента в эллинистических царствах.—Соприкосновение греческого мира с Индией.

XI. Монархия Александра Македонского 137

Александр—наследник персидских царей.—Греческое влияние в прошлом Александра.—Двойственный характер власти Александра.—Греческие взгляды на царскую власть.—Космополитический отбнок в понимании государства передовыми греками в IV в.—Вопрос о личном характере Александра в связи с вопросом о роли личности в истории.—Завоевательные планы Александра.—Отсутствие в Александре национальной исключительности.—Восточный характер власти Александра.—Нивелирующая политика Александра по отношению к отдельным национальностям его царства.—Влияние Александра на расцвет экономической деятельности.—Посольства западных народов к Александру.

XII. Эллинистические царства 157

Распадение монархии Александра Македонского.—Общее понятие эллинизма.—Основной характер эллинистической государственности.—Положение греческих политий в эллинистических царствах.—Восточные черты в устройстве Египта эпохи Птолемеев.—Основная организация Сирийского царства Селевкидов.—Пергамское царство.—Греческие политии, сохранившие свободу.—Разрушение партитуля-

ризма в греческом мире.—Смешение народов и взаимодействие культур в эллинистических царствах.—Попытка Антиоха Эвфана навязать евреям эллинскую культуру.—Значение эллинистической эпохи в экономическом развитии древнего мира.—Покорение эллинистических царств в Передней Азии и в Египте Римом и мнение Полибия об исторической его роли.—Еврейский отзыв о римлянах.—Эллинистическое влияние в римской истории.

XIII. Образование римских провинций и управление ими 178

Отношение римской истории к эллинистической.—Первоначальная политическая обособленность прибрежных стран западной части Средиземного моря.—Финикийская и греческая колонизация создают первые связи между ними и между азиатским и греческим Востоком.—Образование союзного римско-италийского государства.—Борьба Рима с Карфагеном и распространение римского владычества на Восток.—Медленность образования Римской державы.—Ее крайние пределы.—Поглощение Римом Италии.—„Империя римского народа“.—Организация римских провинций.—Управление ими.—Доходы, получавшиеся Римом из провинций.—Положение провинциалов.—Особое отношение Рима к греческому элементу в своих владениях.—Экономическое и культурное превосходство восточных провинций над западными.

XIV. Происхождение римской императорской власти . . . 193

„Превращение Рима из республики в империю“.—Мнение Полибия о римском государственном устройстве.—Общий характер римской республиканской магистратуры.—Сосредоточение власти в руках наместников в провинциях.—Потребность в централизации империи над провинциями.—Возникновение единоличной власти в Риме.—Военный элемент власти римских императоров.—Историческое прошлое трибуната и включение трибунской власти в состав принципата.—Греческая тиранния и римский цезаризм.—Сложность состава римской императорской власти.

XV. Социальная причина превращения Римской республики в монархию 205

Связь политической истории Рима с социальной.—Общее

понятіе соціальної історії і єя отношеніє къ історії економічской. — Неразработанность соціальної історії восточныхъ и эллинистическихъ монархій. — Нѣкоторыя общія черты соціальної історії древняго міра. — Особое положеніе Рима и вліяніє этого положенія на єго соціальный строй. — Образованіє въ республиканскомъ Римѣ нобилитета и пролетаріата. — Ихъ борьба, подготовившая имперію. — Развїтїє крупнаго землевладѣнія въ Италїи и въ провинціяхъ. — Роль провинціаловъ въ установленїи имперїи. — Демократическая политика первыхъ римскихъ императоровъ.

XVI. Римскіе и эллинистическіе элементы въ римской императорской власти 216

Взаимодѣйствіє Рима и провинцій. — Греческое культурное вліяніє на римское общество. — Вліяніє греческаго демократизма на внутреннія политическія отношенія Рима. — Вопросъ объ эллинистическомъ вліяніи на процессъ образованія римской императорской власти. — Попытка Цезаря въ духѣ эллинистической монархїи. — Время второго триумvirата. — „Диархическая“ система Августа. — Вопросъ о сущности принципата. — „Monumentum апусуланum“. — Раннее примѣненіє къ императору титула „господинъ“. — Начало обоготворенія императорской власти въ Римской имперїи. — Законы объ оскорбленїи величества. — Общїй вопросъ о вліяніи эллинистическихъ царствъ на порядки Римской имперїи. — Торжество восточныхъ началъ надъ римскимъ принципатомъ при Діоклетіанѣ.

XVII. Организація центральной власти въ Римской имперїи и императорская политика I—III вв. 238

Полибїи и Тацитъ о смѣшанномъ образѣ правленія и исчезновеніє демократическаго элемента изъ римской конституціи. — Прекращеніє римскихъ избирательныхъ комицій. — Паденіє республиканской оппозиціи. — Правительственный терроризмъ при преемникахъ Августа и развращенность римскаго общества. — Вмѣшательство войска въ назначеніє принципсовъ. — Отсутствие закона о престолонаслѣдїи въ Римской имперїи и єго слѣдствїя. — Система предварительнаго совѣтительства. — Отношеніє императорской власти къ сенату и къ войску. — Законъ о власти Веспасіана. — Возникновеніє законодательной власти императора. — Система назначенія на высшія должности. — Городская

и преторіанская префектура. — Судебная власть императора. — Управленіє фискомъ и патримонїемъ. — Теоретическое пониманіє императорской власти.

XVIII. Бюрократическая централизація и муниципальное самоуправленіє въ Римской имперїи. 266

Отношеніє провинцій къ установленію въ Римѣ императорской власти. — Исчезновеніє различїя между цезарскими и сенатскими провинціями. — Діоклетіано-константиновская реформа имперской администраціи. — Система бюрократической централизаціи и єя происхожденіє. — Замяна откупной системы финансовой администраціей. — Зависимость послѣдней отъ эллинистическихъ образцовъ. — Управленіє городомъ Римомъ по александрійскому образцу. — Значеніє юридическихъ знаній въ прохожденїи гражданской службы. — Центральныя учрежденія діоклетіано-константиновской эпохи. — Развїтїє муниципальнаго быта Римской имперїи изъ основъ стараго государства-города. — Распространеніє муниципальнаго устройства на Западѣ. — Общая єго характеристика. — Муниципализмъ и бюрократизмъ въ Римской имперїи. — Отсутствие въ ней провинціального самоуправления.

XIX. Распространеніє правъ римскаго гражданства на свободное населеніє имперїи 285

Распространеніє правъ римскаго гражданства въ эпоху имперїи. — Исключительность гражданскихъ общинъ античнаго міра. — Нивеллирующая политика эллинистическихъ царствъ. — Широкія идеи Юлія Цезаря относительно распространенія правъ римскаго гражданства. — Императоры провинціального происхожденія. — Распространеніє правъ римскаго гражданства въ I и II вв. и эдиктъ Каракаллы. — Присвоеніє имени римлянъ разными народами. — Историческое значеніє римскаго цивильнаго права. — Источники римскаго права. — Римская юриспруденція и греческая философія. — Общенародное и естественное право. — Кодификація римскаго права.

XX. Экономическое развїтїє и соціальный строй Римской имперїи 302

Важность процессовъ экономическаго и культурнаго объединенія Римской имперїи. — Противоположность взглядовъ Бюхера и Эдуарда Мейера на экономическій бытъ Римской имперїи и книга проф. Гревса о римскомъ земле-

владѣнн. — Неравномѣрность экономического развитія Востока и Запада въ Римской имперіи. — Особенность римскаго капитализма. — Распространеніе городской культуры на Западѣ. — Городской пролетаріатъ и рабство. — Улучшеніе юридическаго положенія рабовъ въ эпоху имперіи. — Развитіе латифундіальной собственности въ Римской имперіи и имперская знать. — Муниципальные поссессоры. — Императорское землевладѣніе и экономическая политика императоровъ. — Упадокъ плантаціоннаго хозяйства. — Крѣпостничество и колонаты. — Внутренняя торговля въ Римской имперіи и отсутствіе внѣшнихъ рынковъ.

XXI. Культурное объединеніе и религиозный синкретизмъ въ Римской имперіи 325

Продолженіе въ Римской имперіи культурнаго взаимодѣйствія, начавшагося на Востокѣ. — Единая высшая греко-римская культура въ Римской имперіи. — Романизация Запада и господство эллинизма на Востокѣ. — Государственное значеніе латинскаго языка. — Греко-римская религія. — Проникновеніе восточныхъ культовъ на Западѣ. — Отношеніе государственной власти къ религиозному синкретизму. — Культъ императоровъ, какъ государственная религія Рима. — Религиозный кризисъ въ Римской имперіи и распространеніе христіанства. — Признаніе христіанства имперіей и превращеніе его въ государственную религію.

XXII. Борьба Римской имперіи съ варварами и начало разложенія имперіи 347

Римская имперія и варвары. — Вассальныя царства имперіи. — Паряянское и ново-персидское царство и борьба съ нимъ Римской имперіи. — Германскій натискъ изъ-за Рейна и Дуная. — Раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную. — Потеря имперіей западныхъ провинцій. — Превращеніе восточной половины въ Византійскую имперію. — Матеріальное и духовное оскудѣніе Римской имперіи. — Военная сила имперіи. — Усиленіе фискальнаго гнета и бюрократической опеки. — Уменьшеніе и обдѣленіе населенія имперіи. — Упадокъ муниципальнаго самоуправленія. — Печальное положеніе колонновъ. — Внутреннее разложеніе западныхъ провинцій и подготовка средневѣковаго феодализма.

XXIII. Общіе выводы и заключеніе 372

Монархіи древняго міра, какъ предметъ типологическаго

изученія и въ ихъ исторической преемственности. — Безотвѣтственность власти, какъ ихъ основной признакъ. — Греческое различіе между басилеей и тиранніей и римское между принципатомъ и царствомъ. — Принципы „политическаго“ и деспотическаго управленія. — Религиозный принципъ древнихъ монархій. — „Просвѣщенный абсолютизмъ“ въ древнемъ мірѣ. — Развитіе бюрократизма въ древнихъ монархіяхъ. — Городское самоуправленіе въ эллинистическихъ монархіяхъ и въ Римской имперіи. — Безправность личности въ государствѣ. — Соціальный вопросъ и Римская имперія. — Национальныя и универсальныя монархіи. — Роль универсальныхъ монархій въ исторіи культурнаго и экономическаго объединенія народовъ. — Историческое значеніе Римской имперіи въ развитіи европейскихъ націй.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- I. Объясненіе картъ.
II. Карты: а) Расширеніе исторической сцены.
б) Царство Александра В. и Римская имперія.

